

АРХЕОЛОГИ-
ВЧЕСКИЕ
ВЕСТИ

-12-

·2005·

Археологические Вести

№ 12

ДБ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2005

«Археологические Вести» № 12 являются обобщающим сборником трудов, выпускаемых ИИМК РАН. В очередной том включены статьи, посвященные новейшим исследованиям в области археологии и истории. Впервые вводятся в научный оборот материалы из раскопок поселений Юдиново и Бирючья Балка – ключевых верхнепалеолитических памятников Русской равнины. В ряде статей рассматриваются отдельные категории археологического материала различных эпох, в частности, античные веретена из Северного Причерноморья, геральдический пояс с верхнего Таласа (Кыргызстан), североамериканские и восточные древности в междуречье Днепра и Ловати, древнерусские предметы христианского культа Западной Подолии и Юго-Западной Волыни и др. Целый ряд статей посвящен изучению различных археологических предметов и материалов методами естественных наук. Специальный раздел сборника составляют статьи по актуальным проблемам археологии. В них публикуются результаты обобщающих исследований по античной археологии – о «Скифской Диане» из Неми (Центральная Италия) и о семантике изображений на золотых стерах Пантыкалея, а также освещаются проблемы истории ранних обществ Еразии и Древнего Востока – культовое строительство в Северной Месопотамии в эпоху докерамического неолита, формирование культуры Заманбаба в Узбекистане и культурный вклад степных народов в общенациональный процесс. В сборнике дается информация о важнейших международных конференциях и обзорные новейшие отечественных и зарубежных публикаций. Один из разделов посвящен истории науки, статьи которого основываются на богатейших фондах научного архива ИИМК. Среди авторов ежегодника ученые из различных центров России (Москва, Санкт-Петербург, Владивосток, Анапа, Екатеринбург, Калуга, Воронеж, Новгород), Украины (Киев, Тернополь), Узбекистана (Самарканд) и Дании (Орхус).

Редакционная коллегия: Е. Н. Носов (ответственный редактор),
М. Ю. Вахтина, Т. С. Дорофеева, В. А. Завьялов,
Н. В. Хвоцинская (отв. секретарь), Л. Г. Шахметова, Н. В. Головачева.

Адрес редакции: Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18.
Институт истории материальной культуры Российской академии наук.
Тел. (812) 3121484, факс (812) 3119271
<http://www.archeo.ru>; vesti_iimk@mail.ru

Издательская группа: Т. С. Дорофеева, Г. А. Кузнецова, В. Я. Стеганцева.

Editorial board: E. N. Nosov (editor in chief),
M. Yu. Vakhitina, T. S. Dorofeeva, V. A. Zav'yalov,
N. V. Khvoshchinskaya, L. G. Shayakhmetova, N. V. Golovacheva.

Address: Institute for the History of Material Culture Russian Academy of Sciences,
Dvortzovaya nab., 18. St.-Petersburg, 191186, Russia

Phone: 7-812-31121484; *Fax:* 7-812-3116271
<http://www.archeo.ru>; vesti_iimk@mail.ru

Publishing group: T. S. Dorofeeva, G. A. Kuznetsova, V. Ya. Stegantzeva.

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 04-01-16172д*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От редакции:</i> Е. Н. Носов. К 60-летию победы в Великой Отечественной войне.	9
Р. В. Васильева. «Устали скитаться. Пора домой...»	11
<i>Наши юбиляры:</i> К 80-летию Зои Александровны Абрамовой и Льва Михайловича Тарасова.	26
К 70-летию Галины Васильевны Григорьевой, Валентины Ивановны Распоповой и Николая Кузьмича Анисюткина.	

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Г. В. Григорьева.</i> Планиграфия бус-нашпук верхнепалеолитического поселения Юдиново (1988–1990, 1995–1997, 2000–2003 гг.).	31
<i>А. Е. Матюхин.</i> Позднепалеолитические индустрии с двусторонними острьями долины Северского Донца	44
<i>И. С. Жуцховская.</i> Технология формовки на шаблоне в древнем гончарстве Дальнего Востока России.	62
<i>А. Н. Егорьков, Е. И. Гак, Н. И. Шивалина.</i> Состав металла Калмыкия в бронзовом веке.	71
<i>А. А. Новичкин.</i> Бронзовый клевец из станицы Гостагаевской.	77
<i>М. А. Стрельник, М. А. Хамчик.</i> Античные веретена из Северного Причерноморья (по материалам Национального музея истории Украины).	80
<i>А. И. Торгова.</i> Геральдический пояс с верхнего Таласа.	88
<i>Б. Б. Овчинникова.</i> «На древнем берегу Иртыша...» (из раскопок Уральской археологической экспедиции)	92
<i>И. И. Еремеев.</i> Волок «с верха Днепра до Ловати» и варяги.	98
<i>О. М. Гаврилюк, М. О. Ягодинская.</i> Древнерусские предметы христианского культа с западной Подолии и Юго-Западной Волыни.	123
<i>В. Г. Пучко.</i> Об одной группе каменных икон Спаса на престоле.	142
<i>А. И. Мурашкин.</i> Археологические памятники Кольского полуострова и проблема происхождения саамов.	148
<i>А. Абдуразаков, Б. Болиев.</i> Исследование химического состава строительных и облицовочных архитектурных материалов Узбекистана.	153
<i>Э. К. Кубло, Л. Л. Леонтьев, М. И. Колосова, Л. В. Кокуца.</i> Изучение свойств археологической древесины и проблемы консервации.	160

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

<i>В. М. Массон.</i> Древние общества степей Евразии и структура мировой истории.	172
<i>Т. В. Корниенко.</i> К проблеме культового строительства в Северной Месопотамии в эпоху докерамического неолита.	179
<i>Ю. Г. Кутимов.</i> Степные элементы в погребальном обряде могильника Заманбаба (к вопросу о происхождении и хронологии заманбабинской культуры эпохи бронзы Средней Азии)	188
<i>Пиа Гулдагер Билде.</i> Что скифского было в «Скифской Диане» из Немп?	209
<i>Ю. А. Виноградов, И. Ю. Шабуб.</i> О семантике изображений на золотых статерах Пантикапея.	219

ОБОЗРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Древнейшие предки индейцев в Заполярье.</i> M. Kunz, M. Bever, C. Adkins. The Mesa Site: Paleoindians above the Arctic Circle. BLM-Alaska Open File Report, № 86. VI + 81 pages, 39 figures. 2003. Anchorage: US Department of Interior. (Рец. Серг. А. Васильева).	224
<i>Начало верхнего палеолита: евразийское измерение.</i> The Early Upper Paleolithic beyond Western Europe. P. J. Brantingham, S. L. Kuhn, K. W. Kerry (Eds.). 295 pages. 2004. Berkeley: California University Press. (Рец. Серг. А. Васильева).	226
<i>Юго-Восточная Эстония в эпоху железного века.</i> Silvia Lau. Rauaja kultuuri kujunemine Eesti kaguosas (500 e. Kr. – 500 p. Kr.). 278 lk., 77 joon. Muinasaja teadus 9. Õpetatud Eesti Seltsi Kirjad 7. 2001. Tallinn. (Рец. Н. В. Хвоцинской).	228
<i>История обувной моды в Скандинавии и восточноевропейские параллели.</i> June Swann. History of Footwear in Norway, Sweden and Finland. Prehistory to 1950. P. 357, fig. 443. 2001. Stockholm. (Рец. А. В. Курбатова).	231
<i>Византийская провинция, трансплантация или рецепция? Новая книга о древнерусских энколпионах.</i> Корзухина Г. Ф., Пескова А. А. Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии XI–XIII вв. 432 с. 159 таб. 2003. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение (Рец. А. Е. Мусина).	244

ОРГАНИЗАЦИЯ НАУКИ

<i>С. А. Скорый.</i> 60 лет Отделу скифо-сарматской археологии Института археологии НАН Украины: история, итоги, перспективы.	251
--	-----

СОТРУДНИЧЕСТВО ВОСТОК-ЗАПАД

<i>Н. Смирнов.</i> Своевременная археология (опыт европейского строительства науки) (Греция, Афины, 5–9 ноября 2004 г.).	262
<i>Г. И. Зайцева, А. Ю. Алексеев.</i> Конференция «Влияние окружающей среды на миграции в Евразии» (Impact of the Environment on Human Migration in Eurasia) (Россия, Санкт-Петербург, 15–18 ноября 2003 г.).....	266
<i>М. Ю. Видейко.</i> «Кукутень – 120 лет исследований. Время подводить итоги» Коллоквиум и праздник экспериментальной археологии (Румыния, г. Пятра-Нямц, 21–24 октября 2004 г.).....	269
<i>М. Ю. Видейко.</i> Международная научно-практическая конференция «Древние земледельцы Европы: новые открытия и гипотезы» (Украина, г. Збараж, 16–19 августа 2004 г.).....	271

ИСТОРИЯ НАУКИ

<i>Г. В. Длужневская.</i> Фонд «Библиотека Мраморного дворца» в Научном архиве ИИМК РАН.....	274
<i>М. В. Медведева.</i> Деятельность архитектора К. К. Романова в области изучения и охраны памятников монументального зодчества по документам из собрания Научного архива ИИМК РАН.....	291
<i>Н. И. Платонова.</i> Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский: судьба ученого (по страницам семейного архива).....	301
<i>Н. Д. Моисеева.</i> О русских князьях и царях (по материалам Научного архива ИИМК РАН).	316

ПЕРСОНАЛИИ

<i>Ю. А. Виноградов.</i> К 100-летию со дня рождения В. Ф. Гайдукевича.	321
<i>В. И. Распопова.</i> Памяти Р. М. Джанполадян.....	329
<i>В. Я. Шумкин.</i> Памяти Владимира Ивановича Тимофеева (14.06.1947–08.08.2004).....	333

ХРОНИКА

<i>С. А. Кулаков.</i> ИИМК РАН в 2003 г.	335
---	-----

CONTENTS

<i>Editorial</i> : E. N. Nosov. To the 60 th anniversary of the Victory Day.	9
R. V. Vasil'eva. «Tired to Wander. Time to Return Home...»	11
<i>Our Jubilees</i> : To the 80 th Anniversary Zoya Ā. Abramova, Lev M. Tarasov.	26
To the 70 th Anniversary Galina V. Grigor'eva, Valentina I. Raspopova, Nikolai K. Anisyutkin	

NEW DISCOVERIES AND STUDIES

G. V. Grigoryeva. Planigraphy of Clothing Beads from the Upper Palaeolithic Site of Yudinovo (Excavations of 1988–1990, 1995–1997, 2000–2003)	31
A. E. Maryukhin. Late Palaeolithic Industries with Bifacial Points from the Seversky Donets Valley	44
I. S. Zhushchikhovskaya. The Moulding Technology in Prehistoric Pottery-Making in the Russian Far East	62
A. N. Yegor'kov, E. I. Gak, N. I. Shishlina. Composition of Metal of the Bronze Age from Kalmykia	71
A. M. Novichikhin. A Bronze Klevets from the Village of Gostagaevskaya	77
M. A. Strel'nik, M. A. Khomchik. Ancient Spindles from the Northern Black Sea Littoral (on the Basis of Materials from the National Museum of the History of Ukraine).	80
A. I. Torgoev. A Heraldic Belt from the Upper Talas	88
B. B. Ovchinnikova. «On the Ancient Banks of the Irtysh River» (Excavations of the Ural Archaeological Expedition).	92
I. I. Yermeev. The Portage «from the Top of the Dnieper to the Lovat River» and the Varangians.	98
O. M. Havrylyuk, M. O. Yahodyn'skaya. Ancient Russian Objects of the Christian Cult from Western Podillya and South-Western Volyn.	123
V. G. Putsko. A Group of Stone Icons of the Throned Saviour	142
A. I. Murashkin. Archaeological sites of Kola Peninsula and the Problem of Saami Ethnogenesis	148
A. A. Abdurazakov, B. Botiev. Investigations of the Chemical Composition of Building and Decorative Materials in Uzbekistan	153
E. K. Kublo, L. L. Leont'ev, M. I. Kolosova, L. V. Kokutsa. Investigation of Properties of Archaeological Wood and Problems of Conservation.	160

TOPICAL PROBLEMS OF ARCHAEOLOGY

V. M. Masson. Ancient Societies of the Steppes of Eurasia and the Structure of the World History	172
T. V. Kornienko. Cult Buildings in Northern Mesopotamia in the Pre-Ceramic Neolithic Epoch	179
Yu. G. Kutimov. Steppe Elements in the Funerary Rites at the Cemetery of Zamanbaba (the Problem of the Origins and Chronology of the Bronze Age Zamanbaba Culture in Central Asia)	188
Pia Guldager Bilde. What was Scythian about the «Scythian Diana» in Nemus Aricinum?	209
Yu. A. Vinogradov, I. Yu. Shaub. The Semantics of Representations on Gold Staters of Panticapaeum	219

REVIEW ARTICLES AND BOOK REVIEWS

<i>The Mesa Site: Paleoindians above the Arctic Circle</i> . M. Kunz, M. Bever, C. Adkins.	
BLM-Alaska Open File Report, № 86. VI + 81 pages, 39 figures. 2003. Anchorage: US Department of Interior. (Rev. by Sergey A. Vasil'ev)	224
<i>The Early Upper Paleolithic beyond Western Europe</i> . P. J. Brantingham, S. L. Kuhn, K. W. Kerry (Eds.). 295 pages. 2004. Berkeley: California University Press. (Rev. by Sergey A. Vasil'ev)	226
<i>South-eastern Estonia in the Iron Age</i> . Silvia Lauf. Rauaaja kultuuri kujunemine Eesti kaguosas (500 e. Kr. – 500 p. Kr.). 278 lk., 77 joon. Muinasaja teadus 9. Õpetatud Eesti Seltsi Kirjad 7. 2001. Tallinn. (Rev. By N. V. Khvoshchinskaya).	228
<i>History of Footwear in Scandinavia and East European parallels</i> . June Swann. History of Footwear in Norway, Sweden and Finland. Prehistory to 1950. P. 357, fig. 443. 2001. Stockholm. (Rev. by A. V. Kurbatov)	231
<i>Byzantine Province: Transplantation or Reception? A New Book on Ancient Russian Encolpions</i> . N. F. Korzukhina, A. A. Peskova. Ancient Russian Encolpions. Crosses-Reliquaries of the 11 th –13 th Centuries. 432 p. 159 pl. 2003. St.-Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie (Rev. by A. E. Musin).	244

THE ORGANIZATION OF SCIENCE

- S. A. Skoryi. The 60th Anniversary of the Department of Scytho-Sarmatian Archaeology of the Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine: History, Results, Perspectives 251

THE EAST-WEST COOPERATION

- N. Yu. Smirnov. Well-timed Archaeology (The Experience of European Science Building). (Greece, Athens, October 5–9, 2004). 262
- G. I. Zaytseva, A. Yu. Alekseev. Conference «Влияние окружающей среды на миграции в Евразии» (Impact of the Environment on Human Migration in Eurasia), (Russia, St.-Petersburg, November 15–18, 2003). 266
- M. Yu. Videyko. International Scientific and Practical Conference «Early agriculturalists in Europe: new discoveries and hypotheses» (Ukraine, Zbarazh, August 16–19, 2004). 269
- M. Yu. Videyko. «Cucuteni – 120 years of investigations. Time to strike the balance.» Colloquium and a festival of experimental archaeology). (Rumania, Piatra-Neamt, October 21–24, 2004) 271

HISTORY OF SCIENCE

- G. V. Dluzhnevskaya. Collection «The Library of the Marble Palace» in the Scientific Archives of IIMK RAS. 274
- M. V. Medvedeva. Activities of Architect K. K. Romanov in the Sphere of Studies and Preservation of Architectural Monuments on the Basis of Documents from the Collection of the Scientific Archives of IIMK RAS. 291
- N. I. Platonova. Gleb Anatol'evich Bonch-Osmolovskiy: the Fate of a Scholar (Pages of the Family Archives) 301
- N. D. Moiseeva. About Russian Princes and Czars (on the Basis of the Scientific Archives of IIMK RAS) 316

PERSONALIA

- Yu. A. Vinogradov. To the 100th Anniversary of V. F. Gaydukevich 321
- V. I. Raspopova. In Memory of R. M. Dzhanpoladyan 329
- V. Ya. Shunkin. In Memory of Vladimir I. Timofeev (14. 06. 1947 – 08. 08. 2004). 333

CHRONICLE

- S. A. Kulakov. IIMK RAS in 2003 335

ОТ РЕДАКЦИИ

К 60-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Шестьдесят лет назад завершилась ВОЙНА. Страшным огненным валом прокатилась она по стране, вовлекая в свое неистовое верчение миллионы людей. Небольшой коллектив ИИМК АН СССР, насчитывавший тогда 59 сотрудников в Ленинграде и 21 – в Москве, тоже оказался внутри этой пляски жизни и смерти. Перед войной институт обладал, несомненно, высочайшим научным потенциалом. Даже простой список сотрудников ИИМК тех лет, ставших корифеями исторической науки, перечень вышедших из печати работ и начатых серийных изданий не оставляют сомнений в силе сложившегося научного сообщества. Война грубо ворвалась в мирную жизнь людей.

Судя по сохранившимся документам, никто не предполагал, что фронт так быстро подойдет к Ленинграду, а потом нависнет военная угроза над Москвой. В июне выехали первые экспедиции, в конце месяца был направлен отчет Института в Академию наук о работе в первом полугодии, готовились к защите диссертации, планировалось участие в научных конференциях. Однако уже 23 июня 1941 г. был издан приказ о строительстве Лужского оборонительного рубежа. Началась мобилизация ленинградцев на оборонные работы. Нимковцы поражали всех своей высокой квалификацией землекопов, столь несвойственной интеллигенции. Эвакуация института сорвалась. Восьмого сентября замкнулось кольцо блокады. В результате большая часть ленинградских сотрудников ИИМК, кроме тех, кто был призван в действующую армию, пережила первую и самую страшную зиму в городе.

Несмотря на лишения, бомбежки, артобстрелы научная жизнь продолжалась. Работал ученый совет. 20 сентября 1941 г. была защищена кандидатская диссертация А. П. Кругловым, а затем кандидатами наук стали Г. В. Григорьев, Г. В. Подгаецкий, С. Н. Бибилов, Б. Е. Деген-Ковалевский, А. Л. Якобсон. Докторская степень была присуждена Г. А. Бонч-Осмоловскому. Во второй половине октября возобновились заседания секторов (Платонова 1991: 55–56). М. А. Тиханова в письме, адресованном Ф. Д. Гуревич, сообщала: «Институт понемногу живет: изготовил 6 кандидатов. По субботам заседаем (...). Был великодушный доклад Бориса Пиотровского, неплохой Б. Л. Богаевского, в будущую субботу М. И. Артамонов – глава о скифском искусстве (...), Кричевский работает воево, понемногу начинают работать и другие: сейчас предполагают ряд индивидуальных тем в замен невыполнимых коллективных. До праздни-

ков обещают верстку «Истории Культуры Древней Руси» (...). Сегодня была в Эрмитаже на торжественном заседании памяти Низами (800-летний юбилей) – было хорошо» (Платонова 1991: 56). Голод давал о себе знать. В декабре умерли Е. А. Рыдзевская, Б. Е. Деген-Ковалевский, Г. В. Подгаецкий, а затем С. А. Жебелев, А. Н. Зограф, Г. В. Сосновский, Р. В. Шмидт, В. В. Гольмстен и многие другие. Всего до 1 апреля погибло 20 человек (Платонова 1991: 58).

В феврале-марте по льду Ладожского озера удалось отправить часть сотрудников ИИМК. Еще одна группа выехала летом 1942 г. В результате весь коллектив института оказался разобленным на несколько групп, находившихся в Елабуге, Казани и Ташкенте. Постепенно сформировалась небольшая московская группа, а в Ленинграде после июля 1942 г. осталось 9 человек во главе с уполномоченной по ИИМК О. И. Бич, которая с 1944 г. стала заведующей Рукописным архивом.

В условиях блокады научная работа в Ленинграде не прерывалась. За май-июнь 1942 г. было заслушано 20 докладов в трех секторах. Большой заслугой ленинградцев надо считать сохранение уникальных архивных фондов, которые практически не пострадали. Палеоботаник ИИМК В. А. Петров следил за состоянием помещений и физической сохранностью фондов. Фотоархив уже в 1944 г. стал принимать посетителей. Его фонды оказались востребованы сразу, как только фронт стал откатываться на запад, поскольку в них содержалась крайне важная информация для проведения реставрации дворцов Ленинграда и его пригородов, поврежденных во время боевых действий.

Гораздо меньше повезло библиотеке. Ее директор А. Ф. Добрынин был репрессирован летом 1941 г., сменивший его Л. А. Федоров умер в начале 1942 г. В апреле 1942 г. в комнате над библиотекой лопнула водопроводная труба. Вода затопила часть книгохранилища, особенно сильно пострадали фоллянты. Само помещение библиотеки отсырело, печи не топились из-за отсутствия топлива, не было электричества, а окна, закрытые листами фанеры, не пропускали дневной свет. Крысы разрывали кожаные переплеты уникальных изданий. Встал вопрос о спасении фонда. Как отмечается в акте осмотра библиотеки специальной комиссией от 14 января 1943 г.: «в летние и осенние дни 1942 г., когда позволяла погода, помещение библиотеки проветривалось путем устройства сквозняков. Книги относились во двор АН, где их раскладывали для просушки на мощеных кам-

нем панелях, часть развешивали на веревках». Несмотря на все принятые меры, часть изданий погибла, много книг оказалось повреждено плесенью, покоробились и отвалились переплеты, некоторые распались по листам. Всего пострадало около 5 тысяч книг. На все поврежденные и пропавшие издания сразу была составлена картотека и началась подборка разрозненного материала.

Несмотря на столь трудные условия трое сотрудников библиотеки продолжали обслуживать читателей. Отчеты за май-июнь 1942 г. свидетельствуют, что за эти два месяца было 164 посещения, выдано 166 книг, возвращено 209, продолжал работать даже межбиблиотечный абонемент. К началу 1943 г. библиотека обслуживала читателей лишь два часа в неделю, а единственной сотрудницей была В. Н. Денемарк. Ей активно помогали Е. Г. Кастанаян и В. Н. Полторацкая. Их героический труд не пропал даром. В акте осмотра хранилища библиотеки и архивов института комиссией Академии наук от 2 февраля 1944 г. отмечено, что перенесенные в помещение института в главном здании Академии наук книги «находятся в хорошем состоянии и доступны для пользования» (Носов 2003: 402–404).

Из всех работавших во время войны групп ИИМК – Московской, Елабужской, Ташкентской и Ленинград-

ской, больше всех пострадала последняя. Из ее состава во время блокады умерло 28 человек, 7 погибли на фронте (Пиотровский 1995: 224). Это больше половины предвоенного штата ленинградской части ИИМК.

Итак, прошло 60 лет. Военный период в жизни нашего института остался далеко позади. В прежнем довоенном виде ИИМК так больше и не возродился. Были изменены сложившиеся организационные структуры. На фронтах войны и в блокадном Ленинграде погибло целое поколение молодых талантливых исследователей, многие крупные ученые. Мы должны быть благодарны всем сотрудникам ИИМК, за то, что они сохранили для нас уникальные архивные и библиотечные коллекции археологического наследия России, за то, что в тяжелые послевоенные годы смогли возродить традиции отечественной исторической науки. Мы благодарны в эти дни не только фронтовикам, не только тем, кто был в штате ИИМК в 1941–1945 гг., но и всем нашим коллегам по институту, пережившим все тяготы военного времени и выстрадавшим общую Победу нашего народа и право на жизнь.

В связи со значимой и столь знаменательной для России датой – 60-летием Великой Победы, мы решили открыть сборник письмами наших сотрудников из далеких военных лет в блокадный город.

Е. Н. Носов

Носов 2003 – *Носов Е. Н.* «Древние достопамятности» отечества и народов, его населявших, в коллекциях Института истории материальной культуры РАН // Сокровища академических собраний Санкт-Петербурга. СПб., 2003. С. 375–408.

Пиотровский 1995 – *Пиотровский Б. Б.* Страницы моей жизни. СПб., 1995.

Платонова 1991 – *Платонова Н. И.* Институт истории материальной культуры в годы Великой Отечественной войны // Материалы конференции «Археология и социальный прогресс». Вып. I. М., 1991. С. 45–78.

«УСТАЛИ СКИТАТЬСЯ. ПОРА ДОМОЙ...»

Р. В. ВАСИЛЬЕВА¹

Среди материалов Научного архива Института истории материальной культуры есть такие документы, значение которых определяется временем. Чем дальше мы уходим от времени их появления, тем значительней и конкретнее становится их содержание. К таким документам относятся материалы архива ИИМК о Великой отечественной войне 1941–1945 гг. В основном это материалы по деятельности Института, разделенного на четыре группы – Елабужская, Ленинградская, Московская и Ташкентская. Это распоряжения, приказы, отчеты, докладные записки, протоколы заседаний как Ленинградской части ИИМК, так и эвакуированных групп. Но особое место среди документов военного времени занимают письма. И в настоящей публикации мы обращаемся к ним, к письмам сотрудников ИИМК, эвакуированных из города в 1941–1942 гг.

Почти 60 лет письма эти молчаливо лежали в архивной тиши и терпеливо ждали своего часа. Уже стали ветхими и пожелтели страницы, на которых порой трудно различимы слова и буквы. Но они сохранили и донесли до нынешнего поколения живое слово, в котором слышится голос души, израненной войной, ищущей в том, обезумевшем от страданий мире тепла, крыши над головой и бесконечно любимой работы, оставленной в Ленинграде. Никого из авторов писем уже нет в живых. Но в памяти грядущих поколений их имена не должны исчезнуть навсегда.

Они не были героями, не проливали кровь на фронтах войны. Они были только жителями Ленинграда, осажденного и сражающегося. Да еще они были сотрудниками Института истории материальной культуры, навсегда, как многим из них казалось тогда, связавшими с ним свою жизнь. Вместе с городом доктора наук и лаборанты, библиотекари и сторожа, пережили ужас бомбежек, голод, болезни, смерть близких и коллег. Все вместе гасили «сажигалки» и рыли окопы, валили лес и строили баррикады. Спасали институт и самое ценное – библиотеку, архивы, коллекции. Вместе, после страшной зимы 1941–1942 гг., оставили город. Началась эвакуация. И никто не знал – как долго это «изгнание» продлится.

Эвакуация Института (сотрудников и имущества) проходила в несколько этапов. Первый, еще до блокады, осенью 1941 г., второй – в феврале-марте 1942 г. и, наконец, третий, последний, – в июле 1942 г. Ехали в Казань, а там рассыпались по разным городам и весям: кто в Ташкент и Самарканд, кто в Елабугу, кто в Куйбышев, кто в Иваново. В осажденном городе «для охраны института» была оставлена небольшая группа сотрудников: А. В. Дмитриевская, Е. Г. Кастанаян (рис. 1), В. А. Петров, В. Н. Полторацкая (рис. 2), истопница Ахсюмова и лаборант-служители Сафимова, Воронина и Львова. И всех опекала, хранила, за всех хлопотала незабвенная Ольга Ивановна Бич (рис. 3, 4). Вот почему большинство писем адресовано именно ей. Думается именно Ольга Ивановна некогда собрала их все вместе, в одну единичку хранения. Так и получилось – работали вместе, жили вместе и письма их из далекого 1944 г. оказались вместе.

При подготовке данной публикации мы сознательно сохранили все авторские особенности оригиналов (сокращения слов, стилистические обороты и т. п.). Полностью воспроизведены лишь написания, читаемые без вариантов (Ленинград, институт и т. п.). Непрочтенные слова или фразы обозначены квадратными скобками с отточиями. Опуленные части текстов обозначены многоточием. Письма сопровождаются небольшими комментариями. В комментарий включены: краткие биографические сведения о корреспонденте непосредственно на период 1941–1945 гг.: ученая степень, должность данные об эвакуации и возвращении в Ленинград и уточнения или пояснения по тексту писем. Невозможность дать пояснения отговаривается. Все примечания составлялись по материалам Научного архива ИИМК и периодическим изданиям. Иллюстрации приводятся из фондов архива ИИМК РАН.

¹ Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Научный архив.
² Бич Ольга Ивановна – историк музейного дела, архивист. 1942–1944 – Уполномоченный ИИМК в Ленинграде; с сентября 1944 г. – зав. архивом ИИМК (НА ИИМК РАН), РА: ф. 35, оп. 5, л. 27; оп. 6, л. 45, л. 9; л. 59, л. 3).

1

Артамонова-Полтавцева О. А.³ – Бич О. И.

Елабуга

28 декабря 1943 г.

Дорогая Ольга Ивановна, обращаюсь к Вам с большой просьбой: будьте так добры, пришлите нам копию описи ящика 41, т. к. первые две страницы описи, полученной нами, читаются по догадке, первая, собственно, совсем не читается; из-за этого мы не можем закончить проверку библиотеки.

Как Вы поживаете? Мы очень все надеемся на скорое свидание с Вами в Ленинграде. Не знаете ли адреса Нат. Дав.? Я много раз писала ей, но ни одного словечка не получила в ответ, а из адресного стола (Ленинграда) получила совет обратиться в Бюро по эвакуации, т. к. Флиттнер⁴ в Ленинграде не проживает. Прошу Вас, если Вы видите Нат. Дав. передать ей мой привет.

Всего Вам хорошего, до скорого свидания.

Уважающая Вас О. Артамонова-Полтавцева.

Открытка.

НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 6, д. 55, л. 1.

2

Алферов В. В.⁵ – Бич О. И.

Елабуга

28 января 1944 г.

Уважаемая Ольга Ивановна! Поздравляем Вас и товарищей ленинградцев с полным освобождением города. В бытность мою с 14 по 22 декабря в Москве, было решено обслуживать нашу группу через ЛАХУ, либо через МО ИИМК, кула и передать весь центр ИИМК. Меня уверяли, что в Ленинграде будет лишь филиал, а центр в Москве, но я мало верю в это, т. к. нахождение 4-х директоров в Москве без Института не определяет местонахождения организации, да и все хозяйство с архивами и лабораториями сохранит доминирующую роль за Ленинградом⁶. При составлении новых штатов Ваше предложение учтено (рабочие).

Рис. 1. Е. Г. Кастанаяна.

Fig. 1. E. G. Kastanayana.

³ Артамонова-Полтавцева Ольга Антоновна – историк; археолог-медиевист, скифолог; ил. к. с. Эвакуирована 5 июля 1941 г. с Худ. фондом; 1942–1945 гг. – сотрудница Елабужской группы; эвакуирована в Ленинград 21 июня 1945 г. (НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 5, л. 11; ф. 35, оп. 6, д. 49 л. 14, л. 57, л. 46; д. 59 л. 9; о ней – СА 1972).

⁴ Флиттнер Наталья Давыдовна – историк культуры Древнего Востока, докт. ист. н., проф., ст. н. с. Отдела Древностей Эрмитажа (НА ИИМК РАН, РА: ф. 2, оп. 5, л. 327; о ней – Рубинштейн 1980).

⁵ Алферов Всеволод Всеволодович – главный бухгалтер ИИМК им. Н. Я. Марра. Эвакуирован 12 июля 1942 г. в Казань; 1942–1945 гг. – бухгалтер Елабужской группы; эвакуирован в Ленинград и приступил к работе 9 июня 1945 г. (НА ИИМК РАН, РА: ф. 2, оп. 5, л. 5; ф. 35, оп. 5, л. 7; ф. 35, оп. 6, л. 57, л. 39).

⁶ В 1943 г. ИИМК, действительно, находился в состоянии реорганизации, о чем Б. Д. Греков писал во Всесоюзный Комитет по делам Высшей Школы при СНК СССР (НА ИИМК РАН, РА: ф. 312, оп. 1, д. 211, л. 18). В плане реорганизации, видимо, обсуждался и вопрос об изменении статуса ИИМК. 9 февраля 1944 г. Президиум АН СССР принимает Постановление, в котором предписывалось «...Институт истории материальной культуры им. Н. Я. Марра впредь именоваться Институтом Археологии им. Н. Я. Марра АН СССР» (НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 6, л. 44, л. 19). Как о свершившемся факте, об этом сообщает из Москвы и А. Л. Яacobson, в письме от 2 янв. 1944 г. он, в частности, пишет: «Новость! Президиуму»

Рис. 2. В. Н. Полторацкая.

Fig. 2. V. N. Poltoratskaya.

Рис. 3. О. И. Бич.

Fig. 3. O. I. Bitch.

Нам было предложено готовиться к переезду в марте, но бездорожье и безлошадье может задерживать нас до майских парадов⁷. Такая задержка не в наших интересах, т. к. мы потеряем время для обработки огородов, а поэтому обращаемся к Вам с просьбой сообщить нам, что предпринимается у вас в этом направлении, т. е. организует ли ЛАХУ где-ни-

будь огороды, есть надежда на какие-нибудь семена? А быть может нас мобилизуют на работы и огорода-ми в этом году заниматься будет некогда?

Сообщите ли от нас бригаду или и без нас будет забронирована где-нибудь огородная земля? От этого зависит построение нашего плана по эвакуации.

С уважением Алферов.

НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 6, д. 55, л. 2.

3

Барсукова Т. Н.⁸ – Бич О. И.

Елабуга

7 апреля 1944 г.

Дорогая Ольга Ивановна! Ваше письмо к Михаилу Илларионовичу⁹, относительно рукописей В. А. Гордцова¹⁰ передано мне с тем, чтобы я помогла Вам разыскать их, т. к. их у М. И. нет и он не может сказать, где они могут быть.

Советую Вам посмотреть в Рукописном Архиве. Как к этому приступить? Во-первых, как мне помнится, опись на рукописи Института находится в шкафу (в Архиве), стоящем около моего стола и лежит в первой связке под шифром «ф. 2, опись 2» или в шкафу, который у телефона. Опись составлена в алфавитном порядке. Сам материал лежит на стеллажах наверху в больших папках с бежевыми корешками под этим же шифром «ф. 2, опись 2» по порядку номеров. Если по этой описи нет, то придется посмотреть основную опись ГАИМК под шифром «ф. 2, опись 1», которая запакована в одном из ящиков архивного материала. Здесь нужно смотреть соответствующие годы, т. е. по времени раскопок В. А. Гордцова. Найти эту опись также легко. Вам, наверное, передал Бибилов¹¹ или Тиханова¹² все описи подлежащего на эвакуацию материала из Архива. Если нет, то они лежат у меня в столе в среднем ящике в папке салатного цвета. Она составлена по ящикам с указанием только шифров и номеров. Так опять нужен шифр «ф. 2, опись 1». Вот все, чем я могу помочь Вам.

АН постановил (на днях) вновь именовать наш Институт не ИИМК, а Институт Археологии» (см. здесь, письмо № 24). Окончательное же решение Президиума АН СССР об изменении статуса ИИМК было принято 9 февраля 1945 г. В нем, в частности, отмечалось: «1. Местонахождение Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра считать г. Москва. 2. В связи с этим, Московское Отделение ИИМК, как особую единицу, упразднить, подчинив сотрудников его, Московского Отделения ИИМК непосредственно директору данного Института. 3. Ленинградскую часть ИИМК (в настоящее время Ленинградскую, Ташкентскую и Елабужскую группы) считать Ленинградским Отделением Института истории материальной культуры. 4. Непосредственное руководство Ленинградским Отделением ИИМК возложить на заведующего этим Отделением, подчиненного директору ИИМК». Выписка из Протокола заседания Президиума АН СССР от 9 февр. 1945 г. (НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 6, д. 56, л. 1).

⁷ О том же писал и М. И. Артамонов в ИИМК в начале 1944 г.: «...просим Вас при составлении плана эвакуации учесть, что выезд Елабужской группы возможен только с открытием навигации и что, если это только совпадет, желательнее присоединение этой группы для следования по железной дороге к учреждениям АН, находящимся в Казани» (НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 6, д. 49, л. 23).

⁸ Барсукова Татьяна Николаевна – историк-археолог, канд. ист. н., м. н. с., зав. архивом ИИМК. Эвакуирована 8 февраля 1942 г.; 1942–1944 гг. – зав. канцелярией Елабужской группы; эвакуирована в Ленинград в июне 1944 г. 21 июня 1944 г. уволена из ИИМК «в связи с переходом в ЛГУ» (НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 5, л. 18, л. 213, лл. 133–141; оп. 6, д. 44, лл. 31, 33; д. 46, л. 6; д. 9, л. 28, д. 52 л. 9).

⁹ Артамонов Михаил Илларионович – историк-скифолог, археолог, докт. ист. н., проф., ст. н. с.; директор ИИМК (1939–1943). Эвакуирован 14 ноября 1941 г. в Казань, с октября 1943 г. – заведующий Елабужской группой; эвакуирован в Ленинград и приступил к работе в должности ст. н. с. 21 июня 1945 г. (НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 5, л. 10; оп. 6, д. 57, л. 46; ф. 312, оп. 1, д. 158, л. 10; д. 173, лл. 1–4).

¹⁰ Гордцов Василий Алексеевич – историк, археолог-палеонтолог, докт. археологии, засл. деятель науки, проф., ст. н. с. МО ИИМК (позже – ИИМК им. Н. Я. Марра) (НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 5, л. 69, оп. 6, д. 39, л. 9; о нем – Крайнов 1960).

¹¹ Бибилов Сергей Николаевич – археолог, канд. ист. н., ст. н. с.; эвакуирован 12 июля 1942 г. в Казань; 1942–1945 гг. – сотрудник Елабужской группы; с апр. по окт. 1943 г. был призван в РККА; затем возвратился в Елабугу; эвакуирован в Ленинград и приступил к работе 4 июня 1945 г. (НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 5, д. 25; оп. 6, д. 49, л. 28; о нем – Борковский 1990)

¹² Тиханова Мария Александровна – историк, археолог; канд. ист. н.; ст. н. с.; эвакуирована 12 июля 1942 г. в Казань; 1942–1945 гг. – ст. н. с. Ташкентской группы; эвакуирована в Ленинград и приступила к работе 3 августа 1944 г. (НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 5, д. 310; оп. 6, д. 45, л. 4; д. 49, л. 4; д. 59, л. 5; ф. 312, оп. 1, д. 158, л. 12; о ней – Кирпичников, Щужин 1983).

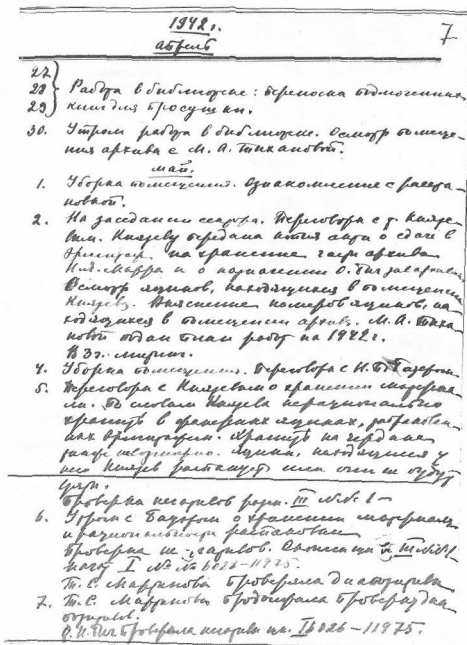

Рис. 4. Из дневника О. И. Бич.

Fig. 4. From O. I. Bish's diary.

А теперь я к Вам с просьбой, дорогая Ольга Ивановна. Ко мне обращается Владимир Васильевич Мавродин¹³. Ему нужно найти его рукописи, подготовленные к «Истории СССР» — «Киевская Русь» и, как будто бы, (точно он мне не пишет) — «Владимирское княжество». Их надо искать в издательстве подготовляемого к печати II, а может быть I-го тома Истории СССР (точно не знаю, путаю). Буду очень благодарна, если Вы мне сообщите о них.

Разобрались с участием фонда Чернецовых? Ведь он передан в Русский музей. Об этом ясно говорит опись фондов и фондовая карточка с формуляром.

Теперь немного о своих личных делах. Мы все в смутении. До нас дошла телеграмма Грекова¹⁴ от 17. III¹⁵, в которой сообщает об отмене эвакуации института. Что, почему? Нам так и не известно. В тоже время из писем узнаем, что некоторые из гуманитарных институтов АН летом этого года

¹³ Мавродин Владимир Васильевич — историк, проф.; канд. ист. н.; (о нем — ВП 1988).

¹⁴ Греков Борис Дмитриевич — историк, академик; проф.; с 1943 г. — директор ИИМК им. Н. Я. Марра (с 1945 г. — Института археологии им. Н. Я. Марра АН СССР) (ИА ИИМК РАН, РА: ф. 2, оп. 3, л. 159; ф. 35, оп. 5, л. 10 л. 82).

¹⁵ Дословное содержание телеграммы приводит П. П. Корнилова (см. здесь, п. № 18). Телеграмма Грекова Б. Д. была, видимо, продиктована следующим обстоятельством: 13 марта 1943 г. вышло Постановление СНК «О переводе эвакуированных институтов

перезаседают в Ленинград. Якобы в Ленинграде было заседание и на этом заседании решались вопросы переездов¹⁶. Очень прошу Вас написать нам о всем поподробнее.

Живу очень плохо. Состояние здоровья – отвратительное. А с потерей надежды на возвращение, так все вываливается из рук. Передавайте привет и наилучшие пожелания Лии¹⁷, Вере Николаевне¹⁸ и всем, всем. Передайте Ирине Сергеевне Лосевой¹⁹, что я не смею ей написать, но очень бы хотела получить от нее несколько слов.

С уважением к Вам Т. Барсукова.

НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 6, д. 55, л. 3.

4

Барсукова Т. И. – Бич О. И.

Елабуга

16 апреля 1944 г.

Дорогая Ольга Ивановна! Послала Вам телеграмму о своем согласии на досрочное возвращение в Ленинград. Мне, да и многим другим из нашего коллектива непонятно: 1) что за «ленинградская комиссия»²⁰ утверждала кандидатуры; 2) кто же в нее входил; 3) по чьей инициативе включена я в список, т. к. у нас в группе много одиночек и все они выглядят лучше довоенного времени.

Для нас непонятно и то обстоятельство, что М. И. Артамонов получил письмо от А. Л. Яковсона²¹ (Москва) от 2. IV, в котором он сообщает новость о досрочном возвращении не меня одной, а 15 чел. из нашего Института, в том числе и из Ташкента. В числе перечисленных фамилий по нашей группе – одиночки. В этом списке фамилий указана и моя. Очень бы хотелось получить подробности о всем.

Дорогая Ольга Ивановна, может быть Вам удастся включить мою квартиру в план на ремонт, если таковой по АН проектируется. Средств у меня никаких нет на ремонт. И вообще стоит ли квартиру ремонтировать и что там вообще нужно делать. Были ли Вы у меня на квартире?²² Очень прошу извинить меня за назойливость.

Передайте привет Вере Ник. и Лии.

До скорой встречи. Т. Барсукова.

Р. С. Ольга Ивановна, еще раз прошу Вас поспешите разрыть рукописи В. В. Мавродина «Киевская Русь» и «Владимирское княжество». Подготовлены были для Историн СССР. По-моему они должны быть в Издательской части за 1940–1941 г. а может быть и 1939 г. Буду очень благодарна Вам.

Т. Барсукова.

НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 6, д. 55, л. 4.

5

Белозерова П. А.²³ – Бич О. И.

25 июля 1944 г.

Уважаемая Ольга Ивановна!

По совету С. Н. Бибикова обращаюсь к Вам с просьбой: как Вам известно, мне жакт не дал справки о наличии у меня свободной жилплощади. Дело в том, что моя комната по ул. Плеханова дом 1/2 кв. 10 действительно занята, но занята моими соседями по квартире Киселевым и Эрман с моего согласия еще до нашей эвакуации. Уступая им свою комнату в 20 м., которую нам отойти в тот момент было тяжело, мы перешли в комнату размером в 7 м. в кв. 17 этого же дома, принадлежавшей моему дяде...

...Хочется думать, что справки не дали по какому-то недоразумению. Вот и обращаюсь к Вам с просьбой выяснить положение с моей жилплощадью и получить справку. ... Справку прошу присоединить к списку эвакуированных Елабужской группы ИИМК. В кв. 10 проживали нас трое: я – Белозерова Полина Алексеевна, моя мать – Белозерова Василиса Саватеевна и брат – Белозеров Василий Алексеевич, который в данное время находится на фронте. Моя мать в данное время находится со мной и намечена на эвакуацию.

Заранее приношу Вам свою благодарность и извините за причиненное беспокойство от сотрудницы Елабужской группы ИИМК Белозеровой Полины Алексеевны.

НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 6, д. 55, л. 7.

6

Боброва А. С.²⁴ – Полторацкой В. Н.

Ташкент

13 апреля 1944 г.

и учреждений АН СССР в Москву». Относительно Ленинградских учреждений в документе отмечалось следующее: «...3. Учреждения АН СССР, эвакуированные из Ленинграда и других городов СССР, оставить по месту эвакуации до особого решения Президиума АН. Исключение допустить: а) для института истории материальной культуры, части которого из Елабуги и Ташкента переехали в Казань на площадь, освобождающуюся после переезда в Москву учреждений из Казани» (НА ИИМК РАН, РА: ф. 312, оп. 1, д. 850, л. 3). Во исполнение данного Постановления СНК Президиум АН принимает Постановление от 19 марта 1943 г.

¹⁶ Заседание в Ленинграде – по документам РА ИИМК РАН не установлено.

¹⁷ Кастания Елизавета Григорьевна – историк-античник, археолог, мл. н. с., приказом по ИИМК от 10 июля 1942 г. оставлена в Ленинграде «для охраны имущества и помещений Института» (НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 5, д. 424).

¹⁸ Полторацкая Вера Николаевна – историк; мл. н. с. Во время войны находилась в Ленинграде; 15 октября 1947 г. уволена из ИИМК «в связи с переходом на работу в Эрмитаж» (НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 5, д. 244; ф. 312, оп. 1, д. 158, л. 22).

¹⁹ Лосева Ирина Сергеевна – по документам РА ИИМК не установлено.

²⁰ «Ленинградская комиссия» – по документам РА ИИМК не установлено.

²¹ Яковсон Анатолий Леопольдович – историк средневековья, канд. ист. н., археолог, ст. н. с. Эвакуирован в конце 1941 г. вместе с семьей в Москву, прикомандирован к МО ИИМК, эвакуирован в Ленинград 20 апреля 1945 г. (НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 5, д. 353; оп. 6, д. 39, л. 10; д. 59, л. 11; ф. 312, оп. 1, д. 158, л. 11).

²² В Ведомости осмотра значится: «квартира в сохранности» (НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 6, д. 49, л. 1).

²³ Белозерова Полина Алексеевна – историк ИИМК, техн. сотрудник склада Издательства АН СССР. Эвакуирована 20 июля 1942 г.; 1942–1945 гг. – лаборант Елабужской группы; эвакуирована в июне 1945 г.; с 1 авг. 1945 г. уволена из ЛО ИИМК «в связи с переходом на прежнее место работы в Лен. отд. Академкниг» (НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 6, д. 59, л. 270б).

²⁴ Боброва Антонина Станиславовна – лаборант, с 1944 г. – аспирант сектора Древней Руси ИИМК. Эвакуирована в начале 1942 г.; 1942–1945 гг. – лаборант Ташкентской группы; эвакуирована в Ленинград и приступила к работе 15 мая 1945 г. (НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 5, д. 30; оп. 6, д. 59, л. 3, 9; ф. 312, оп. 1, д. 158, л. 11; д. 190, л. 3).

Дорогая Вера Николаевна, с приездом из Ленинграда А. Ю. Якубовского²⁵ мы узнали о состоянии наших квартир или вернее квартирных вопросах в Ленинграде. Мои сведения, как Вам, вероятно, известно, не утешительны. Мне и Ляпушкину²⁶ сообщается, что комнаты за нами не числятся, т. к. будто бы живем мы в общежитии. Это не правда: ни та, ни другая площади общежитием не считались. Очень мне хочется, Вера Николаевна, знать, кто ходил справляться относительно наших комнат и были ли попытки опротестовать такое заявление. Кроме этого меня интересует, остались ли там какие-нибудь вещи и мои книги, записки, которыми я очень дорожу, т. к. библиотека у меня небольшая, но хорошо подобрана, большинство книг по моей специальности. Записки тоже очень нужны.

Дорогая Вера Николаевна, раньше, когда были затруднения в передвижении по городу, я не могла Вас просить об этом, а теперь очень прошу, будьте так добры, прогуляйтесь в хороший денек до моего пепелища и разузнайте поподорожню, что там есть и как вообще обстоит дело. Командантом там при мне была грубая бабища, которая особенно рассуждала не любит. Но Вы не пугайтесь, скажите, что и книги и вещи мне еще пригодятся и, по-видимому, очень скоро. Там моих собственных было: кровать белая (односпальная) с никелем, стол деревянный, грубый, большой, два стула обыкновенные, книжная полка и около 550 книг. Затем мои тетради. Не сердитесь, голубчик. Вы знаете, что сейчас составляются списки по эвакуации в Ленинград 1-ой очереди, а меня, кажется, и брать как бы не хотят, т. е., видите ли, у меня вопрос с квартирой не ясен, даже быть может и кровати нет, спать располагаться не на чем и т. д.

Лидя Кастанева пишет нам отчаянные письма о том, что очень Вы вымотались, а от Вас ни строчки, как Вы? Все спрашивают о Вас у Ал. Ю. [Якубовского], но он толком ничего рассказать не мог, говорил, что хорошо выглядите и только. Как Ваши родители, живы ли они? Как Вы сама себя чувствуете? Скоро к вам нагрянем целым полчищем, наши герои. Если Вам кажется, что у нас здесь не жизнь, а масленница,

то ошибаетесь. Тоже все переболели и ждем минуты возвращения в Ленинград [к прежней] жизни. Устали скитаться, пора домой. Не знаю, как дальше, а покуда у нас намечены в Ленинград в первую очередь Вера Андреевна²⁷, С. М. Шмерлинг²⁸, [Девель]²⁹, Тиханова и м. б. подудт Замятин³⁰ и Паничкина³¹. Я тоже хочу. Но вот не знаю, как с квартирой.

Сегодня получила письмо от М. И. [Артамонова], который пишет, что рвется в Ленинград и будет добиваться если не через ИИМК, то через Университет.

Ну, вот и все. Пишите скорее и больше. Пишет ли Вам Гаврилова³².

Крепко целую. Тося.

НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 6, д. 55, лл. 9–10.

7

Замятнин С. Н. – Бич О. И.

Ташкент

23 июля 1944 г.

Глубокоуважаемая Ольга Ивановна, разрешите обратиться к Вам с большой просьбой по следующему поводу. Сейчас стал, наконец, на вполне реальную почву отзыв мой в Ленинград (возможно, что еще в июле или может быть начале августа, в зависимости от того, к какому эшелону сможет едущая сейчас пристроиться группа работников АН). Т. к. я за время странствований вне Ленинграда за эти 2,5 года успел обрести некоторым количеством книг, с которыми мне жалко расстаться, но которые немислимо везти с собой в багаже, поэтому я взял на себя смелость, не спросив предварительно Вашего согласия, начать отpravку заказными бандеролями в Институт на Ваше имя. Очень прошу приберечь их до моего приезда, надеюсь весьма близкого, и складывать где-нибудь в уголок по мере получения. (Я их нумерую в порядке отправления, покамест послал сегодня три бандероли и буду продолжать поменьше, за что, надеюсь, Вы не будете на меня в большой претензии). Мой сердечный привет всем ленинградским товарищам.

С совершенным почтением С. Замятнин.

НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 6, д. 55, л. 13.

²⁵ Якубовский Александр Юрьевич – историк Востока, археолог; докт. ист. н.; проф.; ст. н. с., зав. сектором Средней Азии. Эвакуирован в конце 1941 г.; 1942–1945 гг. – завлущий Ташкентской группой; эвакуирован в Ленинград 18 мая 1945 г. (НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 5, д. 355; оп. 6, д. 57, л. 23, д. 59, л. 11; ф. 312, оп. 1, д. 158, л. 10; о нем – СА 1954).

²⁶ Ляпушкин Иван Иванович – историк; археолог-славист; канд. ист. н., ст. н. с. Эвакуирован 6 июля 1941 г.; 1942–1945 гг. – ст. н. с. Елабужской группы; эвакуирован и приступил к работе 4 июня 1945 г. (НА ИИМК РАН, РА: ф. 2, оп. 5, л. 195; ф. 35, оп. 5, д. 190; оп. 6, д. 57, л. 35, д. 59, л. 10; ф. 312, оп. 1, д. 158, л. 10; д. 190, л. 3; о нем – Артамонов, Корзухина, Мачинский 1971).

²⁷ Миханкова Вера Андреевна – историк, докт. ист. н.; ст. н. с., зав. кабинетом Н.Я.Марра. Эвакуирована в конце 1941 г. 1942–1944 гг. – ст. н. с. Ташкентской группы; эвакуирован в Ленинград и приступил к работе 18 августа 1944 г. (НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 5, д. 206; оп. 6, д. 45, л. 6; ф. 312, оп. 1, д. 158, л. 10, л. 173, лл. 1–4; д. 190, л. 3).

²⁸ Шмерлинг (с 1945 г. – Ливинц) Сарра Моисеевна – историк, мл. н. с., с 3 июля 1941 г. по июнь 1942 г. – мобилизована добровольцем на Ленинградском фронте; эвакуирована 12 июля 1942 г. в Казань; 1942–1945 – мл. н. с. Ташкентской группы; эвакуирована в Ленинград 18 мая 1945 г.; 8 января 1946 г. уволена из ИИМК (НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 5, д. 185; оп. 6, д. 57, л. 23; ф. 312, оп. 1, д. 158, л. 22, д. 190, л. 3).

²⁹ Девель Татьяна Маджестова – историк; средневековья, ст. н. с., зав. фотоархивом ИИМК. В эвакуации находилась с 1941 г. в г. Ташкенте, куда выехала до начала войны в командировку; входила в состав Ташкентской группы; эвакуирована и приступил к работе 18 мая 1945 г. (НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 5, д. 87; оп. 6, д. 57, л. 23; ф. 312, оп. 1, д. 158, л. 10; о ней – Дзюженская 2003).

³⁰ Замятнин Сергей Николаевич – историк, археолог; канд. ист. н., проф., ст. н. с. Эвакуирован 8 февраля 1942 г.; 1942–1944 гг. – ст. н. с. Ташкентской группы; эвакуирован в Ленинград 13 августа 1944 г., приступил к работе 1 сентября 1944 г. (НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 5, д. 113, л. 213, лл. 133–141; оп. 6, д. 44, л. 8, д. 47, л. 31; ф. 312, оп. 1, д. 158, л. 11; о нем – СА 1959).

³¹ Паничкина Марья Захаровна – археолог; м. н. с., эвакуирована 8 февраля 1942 г.; 1942–1944 гг. – сотрудник Ташкентской группы; эвакуирована в Ленинград 15 августа 1944 г.; приступил к работе 1 сентября 1944 г. (НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 5, д. 231; оп. 6, д. 59, л. 10; ф. 312, оп. 1, д. 158, л. 11; д. 190, л. 3; о ней – Бориковский, Любин 1979).

³² Гаврилова Антонина Антоновна – археолог; м. н. с.; эвакуирована 12 июля 1942 г. в Казань; 1942–1945 гг. – аспирант и лаборант Елабужской группы; эвакуирована и приступил к работе 21 июня 1945 г. (НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 5, д. 356; оп. 6, д. 57, л. 46, д. 59, л. 9).

8
Зямитнин С. Н. – Бич О. И.

Ташкент

2 августа 1944 г.

Глубокоуважаемая Ольга Ивановна!

На этих днях я закончил отсылать бандеролям на Ваше имя свои книги. Вышло всего 25 бандеролей (я их перенумеровал в порядке отправления).

К сожалению, не сразу сообразил оклеивать их различными марками по красивее, которых теперь появилось великое множество и любителем которых является мой сыннишка, но все же довольно изрядное число их мог наклеить на свои бандероли. Так что надеюсь по моему приезду в Ленинград смогу презентовать эти марочные сокровища.

Сам я должен был ехать сегодня, но благодаря досадной организационной неувязке со сроками оформления документов, в первый эшелон, с которым сегодня уезжают наши этнографы, попасть не успел и теперь поеду со вторым (говорят, что отъезд его предстоит в ближайшие 8–10 дней).

Еще раз простите за причиненные хлопоты.

С совершенным почтением С. Зямитнин.

НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 6, д. 55, л. 14.

9

Запорожская В. Д.³³ – Бич О. И.

Якутск.

10 февраля 1944 г.

Заявление

Очень прошу Вас узнать и сообщить адрес гр-ки Мартыновой Лидии Петровны, которая эвакуировалась со своей семьей куда-то в Сибирь. У нее были оставлены на хранение все наше имущество, рукопи-

си, библиотека и негативы и весь научный материал моего мужа Алексея Павловича Окладникова, который является сотрудником ИИМК.

Справки нужно навести по адресу, где мы жили: Выборгская сторона, Финляндский проспект 4/15 кв. 2, дом сейчас разобран, и в Астрономическом институте АН СССР им. Штернберга, там работала мать нашей соседки Вера Ивановна Мартынова³⁴, ин-т помещался в здании ИИМК в конференц-зале.

В домоуправлении хорошо было бы/еще узнать адрес нашей соседки Сарры Исаевичи и Аркадия Исаевича Гарбер, может они что-нибудь знают и может быть знают еще какие-нибудь жильцы.

Прошу ответить по адресу: ЯАССР. г. Якутск, почта. До востребования Вере Дмитриевне Запорожской (для Окладникова А. П.).

НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 6, д. 55, л. 15.

10

Киселев С. В.³⁵ – Крижевской Л. Я.³⁶

Москва

19 октября 1944 г.

Уважаемая т. Крижевская,

Настоящим сообщая, что согласно указанию акад. Б. Д. Грекова Ваши документы о восстановлении в аспирантуре ИИМК – полученную мною характеристику Вашей работы П. Н. Третьяковым³⁷ – я переслал Зав. Ленинградским Отд. ИИМК В. И. Равдоникасу³⁸. Ваше восстановление связано с решением Ленинграда, которому выделена единица кандидатской аспирантуры.

Зав. аспирантурой ИИМК С. Киселев.

Открытка.³⁹

НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 6, д. 55, л. 17.

³³ Запорожская Вера Дмитриевна – художник-этнограф, археолог-полесник. Не будучи сотрудницей ИИМК принимала участие в сибирских и среднеазиатских экспедициях ИИМК. Жена А. П. Окладникова и сотрудница многих его экспедиций. Во время войны находилась в Якутске. В мае 1945 г. зачислена лаборантом в ЛО ИИМК, 7 июля 1945 г. – уволена «в связи с непригодностью» (НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 6, д. 57, л. 53; д. 59, л. 27об.; о ней – ИСО АН СССР 1975).

³⁴ Помета в докт-е умерла 19 февраля 1942 г. – Р. В.

³⁵ Киселев Сергей Владимирович – историк; докт. ист. н.; проф., ст. н. с.; рук. сектора неолита, бронзы и раннего железа ИИМК (в Москве); в 1944 г. – зав. докторантурой и аспирантурой ИИМК (НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 5, д. 142, оп. 6, д. 39, л. 18; д. 44, л. 20; о нем – ВДИ 1963).

³⁶ Крижевская Лия Яковлевна – аспирант; эвакуирована в конце 1941 г.; 1941–1945 гг. – находилась в Куйбыццеве; в декабре 1944 г. зачислена на 2 курс кандидатской аспирантуры ИИМК; 6 июня 1945 г. принята на работу в ЛО ИИМК (НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 5, д. 480; оп. 6, д. 57, л. 40; д. 59, л. 4, д. 59 л. 10; ф. 312, оп. 1, д. 158, л. 10; о ней – Тимофеев, Гусенцова 1999).

³⁷ Третьяков Петр Николаевич – историк-славист; археолог; канд. ист. н.; доцент ЛГУ, ст. н. с. с 1940 г. – зав. директора ИИМК по научной работе; в 1941 г. призван в РККА – служил в системе Главного Управления полит. пропаганды; демобилизован и приступил к работе в ЛО ИИМК 18 ноября 1945 г. (НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 5, д. 321; оп. 6, д. 57, л. 149; о нем – Горюнов 1984).

³⁸ Равдоникас Владислав Иосифович – историк, докт. ист. н.; проф.; ст. н. с. Эвакуирован 12 июля 1942 г. в Казань, 1942–1944 гг. – ст. н. с. Елабужской группы; 2 сентября 1944 г. назначен и. о. врем. руководителя Ленинградской группы ИИМК; Распоряжением Президиума АН СССР 26 июля 1945 г. назначен зав. Ленинградского Отделения ИИМК им. Н. Я. Марра АН СССР (НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 6, д. 56, л. 3). В неофициальной переписке, однако, В. И. Равдоникас в данном статусе упоминается уже в 1944 г. Вероятно, в вышедших административных академических инстанциях его кандидатура на эту должность была уже тогда определена, как единственная и беспорядная (НА ИИМК РАН, РА: ф. 2, оп. 5, д. 260; ф. 35, оп. 5, д. 252; оп. 6, д. 45, л. 9; д. 56, л. 3; д. 57, л. 33, 55; д. 59, л. 4 об.; ф. 312, оп. 1, д. 153, л. 1–4; д. 158, л. 22).

³⁹ По совету С. В. Киселева Л. Я. Крижевская 14 ноября 1944 г. обратилась в Равдоникасу В. И. со следующим письмом: «Многоуважаемый Владислав Иосифович! Из прилагаемой к письму открытки Вам будет понятно, почему я вторично Вам пишу по поводу моего восстановления. Судя по сообщению Киселева, у меня появилась возможность на восстановление по линии Академии, реальность которой зависит от Вашего решения. Вот поэтому я и обращаюсь к Вам, Владислав Иосифович, вторично с просьбой. Раз Вы принципиально согласны на мое восстановление, то мне все равно в моем настоящем положении, как и где продолжать: в Университете или ИИМК. Где Вы считаете лучше, удобней, а главное скорее можно будет приступить к работе, там я и начну, в любом качестве – лаборанта, аспиранта, научно-технического сотрудника, ассистента, что будет нужнее. Правда, для Куйбышевской администрации вызов Академии Наук, будет, пожалуй, иметь больше значения и веса. Если от меня потребуются какие-нибудь справки или документы, прошу Вас сказать об этом моей сестре Т. М. Познанской, которая Вам передаст письмо. Уважающая Вас Л. Крижевская» (НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 6, д. 55, л. 21–22).

11

Корнилова П. П.⁴⁰ – Бич О. И.

Елабуга

28 января 1944 г.

Добрый день дорогие Ольга Ивановна, Верочка [Полторацкая – Р. В.] и Лиля [Кастанаян – Р. В.]. Поздравляю Вас всех с освобождением нашего любимого города от блокады и со спокойной жизнью без обстрелов. Крепко, крепко вас всех целую. Не могу передать радости, охватившей всех нас, когда мы вчера слушали приказ. Так хочется поскорее вернуться в свою семью, к Вам. Сегодня у нас в Институте такое настроение, что все готовы хоть сейчас ехать домой, уж очень надоела ссылка. Завтра у нас собрание по вопросу, какую бригаду посылать в марте в Ленинград. Москва в декабре советовала послать бригаду человека три, но мы не представляем, что они смогут там сделать, ведь нас беспокоит вопрос с огородами. Так что, пожалуй лучше послать большую бригаду с семенами, которая смогла бы засадить огороды, ведь мы теперь деревенские жители и боимся быть без картошки. Всев. Всев. [Алферов – Р. В.] Вам об этом пишет, будем ждать от Вас ответа. И в общем, месяца через четыре мы будем дома, даже не верится.

А как Вы, дорогие, живете, как перенесли все мушкетеры? Пишите сразу же. Привет всему коллективу. Целую. Ваша Полина.

НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 6, д. 55, л. 18.

12

Корнилова П. П. – Бич О. И.

Елабуга

24 марта 1944 г.

Дорогая Ольга Ивановна. С большим опозданием по вине почты получила Ваше письмо, за которое очень благодарна. Читала его вслух (так делаем все мы, когда получаем письма из Ленинграда), все радовались тому, что вы нас ждете. Ведь когда Всев, Всевол. [Алферов – Р. В.] был в Москве, то там ему тоже довольно определенно говорили, что мы весной вернемся, хотя в то время было очень тяжелое положение под Ленинградом. Потом Шульц⁴¹ писал, (ирывая, в частной переписке с Мих. Иллдр. [Артамоновым – Р. В.]), что мы чуть ли не первыми должны приехать. После всего этого, а также после таких замечательных успехов под Ленинградом, мы начали собираться домой. Мне, с очень большим трудом в условиях Елабуги удалось достать материал и гвозди для изготовления ящиков, ведь надо же вести библиотеку, а из тех ящиков, в которых она прибыла, в дороге очень много разбилось.

И так все шло хорошо, а главное мы жили ожиданием первых пароходов, и вдруг телеграмма Б. Д. Гре-

кова от 17 марта, привожу ее содержание: «Резервация Института откладывается, обратите внимание на плановые работы 1944 г., огородные работы». Что произошло, нам, конечно, неизвестно, а слово «откладывается» можно рассматривать по-разному, потому «садить огород» – это значит оставаться еще на год? Это просто ужасно. Мы все убиты этим. Мы знаем, что в Ленинграде были оба Орбели, Бастков, Струве и Якубовский и как будто все шло к тому, что институты начнут весной возвращаться, и вдруг такая телеграмма. В то же время, находящийся здесь Лен. гос. университет, скоро, т. е. с первыми пароходами уезжает, их ректор и часть сотрудников уже уехали в Ленинград.

Что же произошло, что Академию наук не пускают в Ленинград? А главное, хотя бы написал Борис Дмитриевич [Греков – Р. В.], на что, т. е. на какое время ориентироваться. Наши все успокаивают себя тем, что, если поедет ЛГУ, то надемся и мы. Все решили выезжать, надеются получить вторую телеграмму с постановлением выезжать. Но Вы сами понимаете, как все мы убиты этим сообщением и расстройством в отношении огородов. Слишком дорого нам в прошлом году эти огороды обошлись, из-за них мы лета не видели, то копали, то поливали. Так вот, дорогая Ольга Ивановна, очень прошу Вас написать нам, если можете, что все это значит? Долго ли нас хотят здесь продержат?

Напишите всех ли институтов это касается или только одной Елабужской группы? Ведь должен же быть хоть какой-то срок.

Не сердитесь за мои вопросы, ведь Вы наверное можете представить, как нам хочется домой.

У нас здесь довольно тепло, сегодня побежали ручьи, так что как раз все идет к тому, чтобы укладываться, а у нас такая неясность.

Передайте привет всем нашим. Жду от Вас письма. Ваша П. Корнилова.

Р. С. Ольга Ивановна, Иван Иванович Ляпушкин просит проверить состояние его квартиры по адресу: наб. 9 января, д. 18, кв. 8. На несоднократные запросы в домоуправление ответа не получает⁴².

Принет П. Корнилова.

НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 6, д. 55, лл. 19–20.

13

Максимова М. И.⁴³ – Бич О. И.

Елабуга

30 декабря 1943 г.

Дорогая Ольга Ивановна, чрезвычайно была обрадована получением Вашего письма от 16/XII. Спецшув, в свою очередь поздравить Вас с наступающим Новым годом и пожелать Вам в 1944 г. полного освобождения, а затем начала новой, спокойной жизни.

⁴⁰ Корнилова Полина Прокофьевна – лаборант-геолик; эвакуирована 12 июля 1942 г. в Казань; 1942–1945 гг. – зав. хол. Елабужской группы; резервирована и приступила к работе 9 июня 1945 г.; в 1952 г. уволена из Института (НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 5, л. 155; оп. 6, д. 57, л. 39; д. 59, л. 4).

⁴¹ Шульц Павел Николаевич – историк античного искусства, археолог, канд. искусствовед. наук, доцент, ст. н. с. МО ИИМК; 1942–1944 гг. – н. о. учебного секретаря ИИМК (в Москве); с апреля 1944 г. – ст. н. с. сектора Античной археологии ИИМК (НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 5, л. 346, 368; оп. 6, д. 44, л. 16; ф. 312, оп. 1, д. 190, л. 3; о нем – Щеглов 1984).

⁴² В Володарском к квартире эвакуированных сотрудников на 8 февраля 1944 г. значится: «Ляпушкин И. И. Ленинградский адрес: Дворцовая наб., д. 18, кв. 8; жил в общежитии, площади не имел» (НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 6, д. 49, л. 3).

⁴³ Максимова Мария Ивановна – историк-классик; докт. ист. наук; проф., ст. н. с., зав. сектором Древнего мира; эвакуирована 12 июля 1942 г. в Казань; 1942–1945 гг. – ст. н. с. Елабужской группы; резервирована и приступила к работе 21 июня 1945 г. (НА ИИМК РАН, РА: ф. 2, оп. 3, д. 395; ф. 35, оп. 5, д. 193, оп. 6, д. 57, л. 46, д. 59, л. 10).

Сведения о том, что нас весной думают отправить домой, дошли и до Елабуги. Мы, конечно, все этому радуемся, и тем приятнее было узнать, что и Вы уже готовитесь к нашему приему. Итак, *инициала да будет!*

Вы спрашиваете, как проходит вторая зимовка в Елабуге. Для меня лично гораздо благополучнее и в бытовом и в научном отношении, чем первая зимовка. В материальном отношении старшие сотрудники обеспечены неплохо. Почти все основное питание получаем по пайку. Приходится только заботиться о дровах (здесь за квартиру платят, в основном, дровами), но т. к. и зарплата у нас порядочная, то особых беспокойств это не доставляет. Новая моя квартира тоже несравненно удобнее прежней. В ней тепло, светло и уютно. Но главное преимущество этой зимы, это, конечно, посланные Вами из Ленинграда книги. По античности, сюда попало, правда, лишь очень немногое, но все же в соединении с несколькими книгами, полученными мной из Казани и обнаруженными в Елабуге, они дали мне возможность работать. Однако закончить работу здесь, конечно, нельзя и поэтому тоже переезд в Ленинград весной будет своевременен. Общая научная жизнь Института тоже очень оживилась. Каждые две недели бывают научные доклады и иногда интересные и тоже каждые две недели бывают деловые заседания. На последнем заседании рассматривали, между прочим, перспективный план на 5 лет, причем высказано было единодушное желание об открытии отделений Института в Стамбуле и в Афинах. Как видите, мы тоже «держаем». Будущее покажет, какие отсюда произтекут реальные последствия. Но есть и минусы в этой второй зимовке в Елабуге. Острее теперь чувствуется слишком разреженная культурная атмосфера и тишина и спокойствие провинции порой навевает тоску. Хочется жизни и свежих впечатлений, а это довольно трудно достижимо, когда даже для того, чтобы прочитать газету, приходится ходить в Парткабинет, а главным развлечением остается посещение базара по воскресеньям и средам.

Спасибо за все сведения, которые Вы сообщили мне о научной жизни Ленинграда, о себе и об общих знакомых. Очень рада, что все живы и здоровы и по-прежнему деятельны.

Есть ли лично у Вас планы на диссертацию? Если да, то какая у Вас тема? Я думаю, Вам было бы нетрудно написать такую, а для защиты можно было бы поехать и в Москву, если к тому времени это дело еще не будет организовано в Ленинграде. Я на днях получила извещение от Шульца о том, что вновь сфор-

мировавшийся Ученый Совет ИИМКа в Москве собирается в январе присудить мне степень доктора без защиты диссертации⁴⁴. Письмо чрезвычайно любезное с просьбой забыть «грехи молодости» самого автора письма. Темпрета *mirallur!*

Все. Все. Алферов только что вернулся из Москвы, куда его действительно вызвали. Но он стал Елабужским патриотом и решил до конца остаться с нами. Марии Ефимовне⁴⁵, пожалуйста, передайте при случае, что А. И. Болтунова⁴⁶ была вызвана Мишулиным в Москву, где она сейчас и находится уже с сентября. От научной жизни в Москве она далеко не в восторге и только и мечтает о переселении в Ленинград.

Всем знакомым, пожалуйста, передайте привет. Надеюсь – скоро все встретится! А пока не забывайте нас и пишите.

Ваша М. Максимова.

НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 6, д. 55, л. 23–24.

14

Миханкова В. А. – Бич О. И.

Ташкент

1 февраля 1944 г.

Горячо поздравляю всех дорогих нимковцев с окончательным освобождением нашего чудесного города. Мечтаю о скорой встрече. Миханкова.

Телеграмма.

НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 6, д. 55, л. 27.

15

[Наливкина М. А.]⁴⁷ – Кастаная Е. Г.

Ташкент

18 мая 1944 г.

Дорогую Лилюшу поздравляю с большой заслуженной наградой⁴⁸. Желаю здоровья и бодрости до конца войны, а после войны еще совместной работы в наших дорогих экспедициях. Я вспоминаю тебя Миркейскому, поминишь, под развесистой черешней в саду Зубалиных? Может быть вспомнишь и Лиленьку Таманскую, но Ленинградскую тебя я особенно приветствую и благодарю за все заботы и письма. Надеюсь на новые твои записочки относительно нашей жилищной (теперь я уже немного успокоилась). Мы получили на имя Паничкиной телеграмму от О. И. Бич, что броня на жилищлоадь передана управдому. Прошу проверить, сходить к брату на Загородный пр. д. 14 кв. 48 Алексей Арсеньевич Пронин [...]

Целую тебя крепко. Надеюсь, что скоро увидимся. Твоя Муся.

⁴⁴ Присуждение состоялось на заседании Ученого Совета ИИМК им. Н. Я. Марра 3 ноября 1943 г. В документе, в частности, отмечалось: «...академик Б. Д. Грсов отметил, что М. И. Максимова является ученым с мировым именем, хорошо известна членам Ученого Совета. Все вменяемые отзывы... характеризуют М. И. Максимова как ученого, давно заслужившего степени доктора и единодушно поддерживающего представление М. И. Максимовой к степени доктора исторических наук без защиты диссертации». Степень была присуждена почти единогласно (при 1 воздержавшемся) (НА ИИМК РАН, РА: ф. 312, оп. 1, д. 211, л. 35).

⁴⁵ Сергеевну Марию Ефимовну – филолог-классик, историк-античник; докт. филолог наук; во время войны находилась в Ленинграде, по 1942 г. заведовала кафедрой классической филологии в ЛГУ; 1942–1959 – зав. кафедрой латинского языка в Ленинградском 1-м Медицинском институте (о ней – ВДИ 1982).

⁴⁶ Болтунова Алина Ивановна – историк-античник; энциграфист; канд. ист. наук, ст. н. с. ЛОИИ (НА ИИМК РАН, РА: ф. 2, оп. 3, д. 75; о ней – ВДИ 1992).

⁴⁷ Наливкина Мария Арсеньевна – археолог, мл. н. с., эвакуирована из Ленинграда 8 февраля 1942 г. (НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 1, д. 213, лл. 133–141); 1942–1945 гг. – мл. н. с. Ташкентской группы; эвакуирована 18 мая 1945 г. Авторство установлено на основании Ведомости о квартирах... на 8 февраля 1944 г., на 8 февраля 1944 г., где в сведениях о квартире Наливкиной М. А. значится, что «квартира» находится под надзором братьев Об этом же пишет и М. А. Наливкина в письме к Е. Г. Кастаная. (НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 5, д. 213; оп. 6, д. 49, л. 4, д. 57, л. 23, д. 59, л. 10).

⁴⁸ Речь идет о награждении Е. Г. Кастаная медалью «за оборону Ленинграда» – Р. В.

Р. С. Да, Лиденька, если ты хочешь поговорить с «живым» человеком месяц тому назад выехавшим из нашей ташкентской комнаты № 18, зайти в Институт литературы в библиотеку Пушкина А. С. и спроси Любовь Григорьевну Гринберг. Она тебе много расскажет о нашем ханумовском житье-бытье. Она была моей соседкой по комнате, но видишь раньше меня оказалась дома. Конечно, родная, если кому-нибудь из нас первому придется быть в Ленинграде, придут к тебе. Сегодня получила твою открыточку — спасибо за нее, сделаем все, чтобы ты отдохнула.

Целую тебя еще раз крепко. Твоя Муся.

НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 6, д. 55, л. 28–29 об.

16

Окладников А. П. — Бич О. П.

г. Якутск.

15 декабря 1944 г.

Уважаемая т. Бич! Не откажите ответить мне на один важный для археологических работ в Якутии вопрос: весной этого года я выслал редкие образцы четвертичных торфов Заполярья Якутии Вам для передачи В. А. Петрову⁴⁹, ботанику, хорошо известному каждому археологу. Ни от него, ни от Вас подтверждения о получении посылки не поступило. Очень прошу сообщить все, что Вам удастся об этом узнать.

С уважением А. Окладников.

Открытка.

НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 6, д. 55, л. 30.

17

В. Н. Полторацкая — Бич О. И.

место отпр. не ук.

не дат.

Дорогая Ольга Ивановна

Получила письмо от Н. А. Винберг, в котором было письмо и заявление на имя В. М. Т[.....]. Очень жалею, что не распечатала это письмо при В. Н. Дене-марк⁵⁰ и не передала с ней письмо Н. А. Винберг⁵¹. Поэтому посылаю его по почте. Простите, дорогая Ольга Ивановна, что обременяю Вас своими просьбами. Посылаю доверенности на получение табачных талонов и, кроме того, на всякий случай доверенность на получение пособия. В. Н. сказала мне, что будто бы начали выдавать пособия всем, кто подавала заявление. Если это так, то будет очень кстати получить его, т. к. я уже месяц на биолетене и поэтому живу без денег.

Страшно приятно было, что заглянули Вал. Ник. и Анат. Леоп. Якобсон, Всего хорошего. Шлю сердечный привет Вам и всем нимковцам.

Ваша В. [Полторацкая — Р. В.]

НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 6, д. 55, л. 31–31 об.

18

Семенов С. А.⁵² — Бич О. И.

Иваново

8 апреля 1944 г.

Уважаемая тов. Бич! На Ваше имя я адресую письмо нашему ученому секретарю П. Н. Шульцу, который до 20 апреля будет находиться в Ленинграде. В случае, если оно запылает и не захватит его, не откажите в любезности направить это письмо в Москву по известному Вам адресу ИИМК (Б. Черкасский, 4). Кроме этого — еще одна просьба. В комнате сектора палеолита и неолита был небольшой столик (если Вы помните), за которым работал я. Он стоял в правом углу от двери. В ящиках этого столика осталось несколько переводов с иностранных книг — материалов к 1 тому Всемирной истории. Они случайно не попали в упаковку, когда велась подготовка к эвакуации. Если они сохранились, будьте добры передать их Павлу Николаевичу [Шульцу — Р. В.] (или выслать ему). За все буду премного благодарен.

С приветом С. А. Семенов.

НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 6, д. 55, л. 32–32 об.

19

Семенов С. А. — Бич О. И.

г. Иваново

23 мая 1944 г.

Многоуважаемая тов. Бич! Сегодня 23 мая я получил письмо от Павла Николаевича Шульца написанное еще 24 апреля и посланное из Ленинграда 18 мая. По-видимому, выяснились некоторые обстоятельства с вопросом о досрочной эвакуации группы наших сотрудников, в число которых вхожу и я. В письме П. Н. Шульца предложил мне выслать на Ваше имя копию с моего документа о присвоении мне ученой степени кандидата наук. Это необходимо для представления в соответствующие органы на предмет освобождения моей квартиры от незаконно вселенных туда жильцов. Такую копию, заверенную нотариусом, я Вам и посылаю. Моя квартира состоит из 2-х комнат общей площадью в 35 метров. Забронирована (Пионерская 43, кв. 10). П. Н. Шульц, кроме того, сообщил мне, что Вы возьмете на себя труд сообщить с описанием наличие моих вещей в квартире и уведомить меня об этом. Не откажите оказать такую любезность.

С приветом С. А. Семенов.

НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 6, д. 55, л. 33.

20

Советова О. Ф.⁵³ — Бич О. И.

Алма-Ата

26 января 1944 г.

Милая Ольга Ивановна, Вы и представить себе не можете, как я была рада получить от Вас открытку.

⁴⁹ Петров Всеволод Алексеевич — биолог, канд. биологических наук, ст. н. с., зав. химико-аналитической лабораторией ИИМК, во время войны оставлен в Ленинграде «для охраны фондов Института»; в 1952 г. уволен из ИИМК (НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 5, д. 239; оп. 6, д. 59, л. 10).

⁵⁰ Денемарк Валентина Николаевна — библиотечкарь ГАНМК (НА ИИМК РАН, РА: ф. 2, оп. 5, д. 88; оп. 6, д. 45, л. 15).

⁵¹ Винберг Нина Анатольевна — старший библиотечкарь ГАНМК; во время войны находилась в дер. Ляды Пермской ж. д. Молоотовской обл. (НА ИИМК РАН, РА: ф. 2, оп. 5, л. 45; ф. 35, оп. 6, д. 49).

⁵² Семенов Сергей Аристархович — историк, археолог, канд. ист. наук, проф., ст. н. с. Эвакуирован 8 февраля 1942 г.; 1942–1944 — ст. н. с. Елабужской группы, находился в Иваново; эвакуирован в Ленинград и приступил к работе 7 июля 1944 г. (НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 5, д. 389, л. 213, лл. 133–141; оп. 6, д. 45, л. 1, л. 59, л. 11).

⁵³ Советова О. Ф. — лаборант; принята в ИИМК в апреле 1942 г., в июне 1942 г. уволена в связи с эвакуацией. Эвакуирована 12 июля 1942 г. (НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 5, д. 291).

Не получая ответа на свои письма, я думала, что с Вами случилось что-либо очень скверное. Но все хорошо! Вы целы и здоровы и я и Сергей Сергеевич⁵⁴ от души поздравляем Вас с Новым годом и шлем самые лучшие пожелания. Так хотелось бы поскорее увидеть Вас и очень бы хотелось опять работать в ИИМКе, но не знаю возможно ли это будет. У нас здесь ходят слухи, что ИИМК переедет в Москву и что М. А. Тиханова уже туда отправилась. *Насколько это верно – не знаю. Здесь, в Алма-Ата, я так и не попустила на работу, все времени не хватало. Вначале болела я и только осенью 43 года залечила ноги, рука (правая) так и по сей час болит, а потом болел Сергей Сергеевич. Зимой прошлого года и весной он написал новую диссертацию – лингвистическую (та, что у него была написана в Ленинграде и которую он собирался доработать и защитить, была написана на литературную тему и он решил ее оставить для докторской диссертации). В половине июля Сергей Сергеевич защищал свою диссертацию и ему была единогласно присуждена степень кандидата филологических наук. Работать ему приходилось много и он до 2 часов ночи прошлую зиму и весну сидел с копилкой. Весной у нас было очень скверное питание и он подорвал свое здоровье. Болезни самые разнообразные следовали одна за другой с маленькими перерывами. В декабре ему пришлось лечь в больницу на операцию. Диагноз, с которым он шел в больницу был – злокачественная опухоль на мочевом пузыре под вопросом. Состояние его до операции было очень тяжелое и я думала, что это его последние дни. Но уже неделя, как он дома, поправляется и шлет Вам сердечный привет.*

Город Алма-Ата, действительно, очень красивый, живописный, но сделать какие-либо зарисовки так и не пришлось, все времени не хватало. Если бы не было у нас литерного пайка, то жить было бы очень тяжело: на базаре все есть, но цены чудовищные.

Будьте здоровы! Теперь я надеюсь на скорое свидание.

Уважающая Вас О. Ф. Советова.

НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 6, д. 55, л. 34.

21

Станкевич Я. В.⁵⁵ – Бич О. И.
ст. Николо-Полома Северной ж. д.
19 марта 1944 г.

Глубокоуважаемая Ольга Ивановна! Простите, что я обращаюсь к Вам не будучи лично с Вами знакомой. Очень прошу оказать мне содействие в возвращении к работе по специальности в ИИМКе. До отечественной войны я работала в ИИМКе в качестве научного сотрудника в секции Восточной Европы и в течение ряда лет руководила археологическими раскопками славянских памятников VIII–XI вв. в Ярославской области. Я имела несколько печатных работ, а также мною была представлена диссертация на степень кандидата исторических наук на тему: «Хронологическая

классификация погребений VIII–XII вв. Ю-В Приладожья», одобренная секцией Восточной Европы и моим руководителем В. И. Равдоникасом. В июне месяце 1941 г. я вынуждена была уювиться из ИИМКа в связи с эвакуацией с ребенком из Ленинграда. За время эвакуации я уже третий год работаю на педагогической работе, к которой не имею особого предпочтения. В течение 2-х лет я проработала директором [Срочников] НЧШ [...] Ямского района и учителем истории 5–7 кл., а в настоящее время работаю учителем истории 8–10 кл. средней школы 17 ст. Николо-Полома Северной ж. д. В настоящее время основной целью своего существования считаю возвращение к исследовательской работе по специальности с тем, чтобы принести как можно больше пользы Родине. Очень прошу Вас оказать мне содействие в возвращении на работу в ИИМК в Ленинграде, послать мне вызов и проверить состояние моей квартиры, которая, как мне сообщили, с лета 1943 г. оказалась занята жильцами. Адрес квартиры: Васильевский остров, пр. Пролетарской победы, д. 22, кв. 16. О моей работе в Институте могут подтвердить товарищи, находящиеся в Ленинграде, в частности, Ангелина Васильевна Дмитриевская⁵⁶ и др.

Прилагаю к письму свое заявление с перечнем своих печатных работ.

Буду ждать Вашего ответа.

Уважающая Вас Я. Станкевич.

НА ИИМК РАН, РА: ф. 36, оп. 6, д. 55, л. 35–36 об.

22

Тиханова М. А. – Бич О. И.

Ташкент

4 марта 1944 г.

Дорогая Ольга Ивановна. Получив несколько дней тому назад Ваше письмо от 10 февр. (в один день с датированным тем же числом письмом Веры Николаевны [Полторацкой – Р. В.]) я ответила не сразу, хотя немедленно предприняла все необходимые шаги в связи с Вашим сообщением о «демарше» Левченко и Бочкаревой; конечно, все дело в последней – первый только подписал. Как я и была уверена здешние организации (академические) были совершенно не в курсе сих дерзостных поступков и, конечно, немедленно бы их парировали, если бы не знали, что в Ленинграде находится тоже А. Ю. Якубовский, который, надеюсь, все это ликвидировал на месте, и если бы Сербина не договорилась с Федосеевым совсем о другом помещении, о чем она и писала в ЛОИИ в Ташкент. Что касается моей поездки в Ленинград, как и в отношении всей тройки, воз и ныне там; теперь ждут возвращения всех тех, кто побывал в Ленинграде и вообще всяческого начальства, чтобы как-то уяснить положение со сроками эвакуации и тогда уже решить посылать ли передовой отряд или ехать (если относительно скоро) всем скопом. Пока сведения из Москвы (слова вернувшегося с сессии Бертельса и письмо Пиксанова) очень не утешительные: позд-

⁵⁴ Сергей Сергеевич – не установлено (Р. В.).

⁵⁵ Станкевич Янина Вацлавовна – историк, м. н. с. Эвакуирована в конце 1941 г., 1941–1945 гг. проживала на ст. Николо-Полома Ярославской обл.; в 1944 г. зачислена в аспирантуру ЛО ИИМК; в июле 1945 г. принята на основную работу в ЛО ИИМК (НА ИИМК РАН, РА: ф. 2, оп. 5, л. 300; ф. 35, оп. 5, л. 296; оп. 6, д. 57, лл. 55, 64, д. 59, л. 11; о ней – КСИА 1962).

⁵⁶ Дмитриевская Ангелина Васильевна – археолог, м. н. с., во время войны оставлена в Ленинграде; в июле 1946 г. уювлена из ИИМК (НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 5, л. 94; оп. 6, д. 59, л. 9).

няя осень и чуть ли не снова зимовка, надеюсь, что это отражение личных интересов Бертельса, который собирается остаться здесь на несколько лет и Пикса-нова, обиженного в связи с юбилеем Университета. Настроение у большинства подавленное, хотя все так стремится обратно, отнюдь не недооценивая Ленинградских трудностей, что хочется верить, что мы это добьемся и в июле явимся *in corpore*³⁷. Правда, еще придется подражаться с Президиумом АН. Что касается меня лично, то думаю мое появление в Ленинграде было бы Вам в помощь и мы с Вами вдвоем добились бы многого значительно легче и внутри Академии и во вне, чем когда Вам приходилось всего добиваться одной, и потому, если есть возможность выслать вызов, не дожидаясь «оформления» отсюда, то сделайте его, пожалуйста. Что это сделать можно доказывают полученные сегодня вызовы двумя работниками ИЛИ: К [...] и Гринберг.

Очень хотелось бы в мае уже быть в Ленинграде; до первой половины апреля у меня тут есть еще дело: подготовка источников для *Молдавской ССР* и потому не хотелось бы, да и нельзя бросить это дело на пол дороге; сейчас они сдали кандидатский минимум, в марте-начале апреля будут защищать диссертации. Кроме того, болен сейчас Б. А. Романов³⁸. Надеюсь, что все обойдется. У него склеротические явления (спазмы мелких сосудов), не сильные, так что все, надеюсь, обойдется и скоро выправится, но он все же на моем попечении и в чисто бытовом порядке, не говоря уже о моральном, поскольку жена его (врач) с первого дня войны на фронте (ленинградском). Повторяю и из ... соображений тоже хотелось бы съездить в апреле, середине его — ближе к концу мая.

Вы, между прочим, *лю-видимому*, не получили моих поздравительных телеграмм (2) — с началом прорыва и с окончательным освобождением от блокады, так как пишете, что давно от меня ничего нет.

Здесь у нас все по-старому, если не считать приезда за 2 недели *Борисковского*, который пробывал здесь до 21 февраля. Очень рвется из своей школы обратно на научную работу.

Уверена в относительно скорой встрече всех Имяковцев (все же пока не «*Иаовцев*») в Ленинграде. Сильно всех волновало и до сих пор волнует переименование Института, вернее не переименование, а возможное изменение профиля, но этого, кажется,

не происходит. Так, по крайней мере, представляется по письмам наших москвичей — *Воронина*³⁹, *Якобсона*, Шульца. Несколько, конечно, удивляет появление в составе ИА С. И. Ковалева⁴⁰, но, очевидно, имеются в виду, его организационные данные.

В смысле работы здесь сейчас хуже: настроения уже «чемоданные» или к ним приближающиеся, а главное — нервные, определяемые настроениями академиков.

Как проявил себя в Ленинграде А. Ю. Якобровский, был ли в Институте, несколько раз? Надеюсь, повторю, что с помешением он все уладил и разъяснил, что с Институтом живым, а не мертвым, как полагают наши почтенные и до сих пор бывшие всегда лояльными соседи!

Да, чуть было не забыла: здесь все (наши общественные организации) были весьма удивлены тому, что В. Н. пишет о составлении дополнительных списков сотрудников (уехавших) на представление к медали «За оборону Ленинграда». Имелось, по словам В. Н., в виду всего лишь участие в оборонно-земляных работах. Это же весьма узкое толкование «участия в обороне». Наши организации понимают это участие гораздо шире и потому повторяю, крайне недоумевали по поводу составления списков по такому единственному признаку.

Ну, конечно, кажется все. Всего доброго. Всем горячие приветия. Как мучительно тянет в Ленинград, как хочется снова быть со всеми Вами.

Ваша М. Тиханова.

P. S. Простите за подчёрк: пишу глубокой ночью, сейчас уже светает.

ИА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 6, д. 55, лл. 38-39об.

23

Якобсон А. Л. — Бич О. И.

Москва

11 декабря 1943 г.

Глубокоуважаемая тов. Бич! Я очень благодарен Вам за Ваше извещение относительно *посылки* моей рукописи. На днях я ее получил, а заодно добрым чувством помянул и Вас. Недавно видел М. К. Каргера⁴¹, который вернулся из Ленинграда. Он передавал мне, что моя библиотека в порядке, вернее, не столько в порядке, сколько вообще цела, а библиотека моя (вернее, то, что я сумел вывезти в Ин-т) — это единственное, что у меня осталось, ибо вещи пропали по

³⁷ Однако эвакуация Ташкентской группы состоялась лишь после Распоряжения ГКО № 7056 от 3 декабря 1944 г. В нем, в частности, постановлялось «Президиуму АН СССР разрешено эвакуировать в Ленинград в течение марта-апреля 1945 г. Институт истории материальной культуры» (ИА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 6, д. 49, л. 34). По Ташкентской группе разрешено в этот период выехать 14 сотрудников, 24 члена семей — всего 38 человек. Оставшаяся часть группы готовилась к эвакуации к 4 мая 1945 г. (Распоряжение по Ташкентской группе от 26 апреля 1945 г. — ИА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 6, д. 58, л. 7).

³⁸ Романов Борис Александрович — историк культуры Древней Руси, источниковед, докт. ист. и.; ст. н. с. сектора Древней Руси. Эвакуирован 6 ноября 1941 г.; 1942-1945 гг. — сотрудник Ташкентской группы; эвакуирован в Ленинград в 1944 г.; с 1944 г. — преподаватель исторического факультета ЛГУ (ИА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 5, д. 259; ф. 312, оп. 1, д. 173, лл. 1-4; о нем — Лихачев 1958).

³⁹ Воронин Николай Николаевич — историк, канд. ист. и.; в июле 1941 г. мобилизован в РККА, после демобилизации прикомандирован к МО ИИМК; в 1944 г. — рук. сектора славяно-русской археологии МО ИИМК (затем ИА АН СССР) (ИА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 5, л. 56; оп. 6, л. 44, л. 6; д. 44, л. 6; о нем — ВИ 1976).

⁴⁰ Ковалев Сергей Иванович — историк-античник, докт. ист. и., проф., ст. н. с., 1938-1944 гг. — ст. н. с. ЛОИИ АН СССР; 1942-1944 гг. — сотрудник Елабужской группы; эвакуирован из Елабуги в июле 1944 г. (совместно с ЛГУ); в 1944 г. — зав. сектором античных городов северного Причерноморья ЛОИИМК; уволен из ЛО ИИМК в июле 1945 г. «в связи с переходом в ИИ АН СССР» (ИА ИИМК РАН, РА: ф. 2, оп. 3, д. 292; ф. 35, оп. 5, л. 145; оп. 6, л. 44, л. 38; д. 46, л. 7; д. 59, лл. 4, 27-27 об.).

⁴¹ Каргер Михаил Константинович — историк древнерусского искусства, археолог, канд. ист. и., проф. ЛГУ, ст. н. с.; с 12 июня 1941 по октябрь 1943 г. мобилизован в РККА; в ноябре 1943 г. восстановлен в ИИМК в должности ст. н. с. сектора Древней Руси (ИА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 5, л. 374; оп. 6, д. 39, л. 18; д. 59, лл. 4, 10; о нем — СА 1977).

дороге, а остальное (не сомневаюсь) раскрадено дома. В библиотеке моей не мало художественных изданий, которые также, налевую, целы. И когда у Вас будет возможность, очень прошу их снова аккуратно положить в ящики.

Теперь у меня к Вам будет две просьбы: 1. Меня назначили отв. секретарем изданий ИИМК – «Кр. Сообщений» и «Сов. Археологии». Сейчас мы сдали здесь «Кр. Сообщения» XI, вместо того, который был набран перед войной. Скоро сдам в издательство № XII, а затем и XIII (материала хватает)... Еще важнее тот же вопрос, в отношении «Советской Археологии», т. VIII, который я вел в Ленинграде. Набор был сделан и прошел все корректуры. Клише тоже были сделаны. Оставалось верстать и печатать. Опять-таки: где набирался том – в типографии АН или в другой типографии? (в свое время это меня мало интересовало). И целы ли клише и не испортились они?... Постарайтесь узнать все это, ибо вопрос этот для Ин-та очень важен. Что узнаете, сообщите мне. Очень прошу. 2. Уже личная просьба. Не знаю, кого я должен благодарить за то, что ходили узнавать про мою квартиру⁶² – Вас, Веру Николаевну или Кастананеву?⁶³ [здесь и далее имеется в виду Кастананя – Р. В.] М. б. по очереди всех? А теперь я прошу еще об одном. Связаться с управдомом моим и узнать, цело ли хоть что-нибудь в комнате и нельзя ли попасть в нее, чтобы лично убедиться, особенно в отношении содержания шкафа платяного, куда я сложил остатки вещей, между прочим посуду (тарелки, кастрюли, которыми очень интересуется моя жена), а также фотоаппарат, остатки книг там же; одеяла, простыни и пр. Целы ли книжные стеллажи (их 3). И в каком вообще состоянии моя комната. Можно ли туда везти вещи (не через чур ли все отсырело?). Кстати, уцелела ли пачка обоев, которые я заготовил перед войной для ремонта? Мне это очень было бы важно знать, т. к. недалеко время, когда мы начнем съезжаться (убежден!) снова в Ленинград. Я думаю, что в Ленинграде я найду случай Вас отблагодарить не только словесно. Конечно, это не очень спешно и когда у кого-либо из Вас будет время, сделайте для меня то, что прошу. Заводно узнайте у управдома, куда мне платить квартплату. Хорошо, если бы он мне прислал счета за квартиру (начиная с февраля 1942 г.)... Мне очень невольно просить Вас тратить на меня время, но мне в Ленинграде больше обратиться не к кому. Надеюсь, это до Вашего сердца дойдет и Вы постараетесь мою просьбу выполнить. Наши московско-инимковские дела – без особых новостей. Изредка заседаем, читаются доклады и доклады, но того слаженного коллектива, каким был ИИМК, здесь в МОИИМКе нет. Пожалуй, больше всего докладов в античной секции (Блаватского) и в секции истории искусства, где недавно был хороший доклад В. Н. Лазарева об древне-русской живописи Киевской Руси (для одноклассника «История русского искусства»). Директор наш – Греков, сейчас в отсутствии (уехал в Ереван на открытие Армянской АН). Алферов (бухгалтер), наконец, прислал телеграмму, что мол выезжает. Я думаю,

наличие бухгалтерии ИИМК в Москве, благоприятно отразится на большинстве инимковцев, в т. ч. и на ленинградцах.

Ну, пока кончаю. Письмо это адресую Вам, но по существу, оно всем нам троим – Вам, Вере Николаевне Полторачкой и Кастананевой (память совсем изменила: забыл ее имя, отчество; пусть не ругает меня).

Крепко жму Вам руку. Ваш А. Якобсон.

Р. S. На всякий случай посылаю одну доверенность⁶⁴ на имя Веры Николаевны. Пишите!!

НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 6, д. 55, лл. 42–44 об.

24

Якобсон А. Л. – Бич О. И.

Москва

2 января 1944 г.

Глубокоуважаемая Ольга ... (отчества так не знаю – сообщите мне!). Сегодня получил Ваше письмо и точнее отвечаю, т. к. есть okazия его отправить.

Прежде всего, горячо благодарю Вас за Ваши сообщения и за Ваши заботы о моей библиотеке (ведь это единственное, кроме семьи, что у меня осталось, тем более, что библиотечка у меня неплохая).

1. Относительно «Сов. Арх.» я здесь выяснил точно, что набор сохранился и весной, когда типография заработает, «Сов. Арх.» пустят в печать. Относительно «Кр. Сообщ.» мне здесь дали также ответ: набор распаян.

2. Недоразумение с ящиками, в которых была сложена моя библиотека, не так уж важно, главное, чтобы книги снова уложить в ящики, чтобы они уцелели. Надеюсь, что перекладка и переноска книг, не причинила им ущерба и книги все целы. В частности, мне очень дороги художественные издания (их там было не мало; ящик из-под них как раз я видел здесь). Там, между прочим, была и большая коробка с открытками художников «Мир искусства», некоторые художественные издания «Academia», монографии художников и пр. Особенно же мне дороги французские книги по византийскому искусству (Millet, Ch. Diehl – Manuel d'art Byzantin в 2 тт., L. Brehier и др.) и большая книга H. Butler – Architecture and other art. Слезно прошу Вас беречь мою библиотечку. Часть ее осталась на квартире, т. к. все вывезти в ту страшную зиму не сумел. Но самое ценное вывез (однажды по дороге даже устал и со мной случилось нечто не понятное – чуть ли не заснул и прохожие меня разбудили и подняли). Словом, позаботьтесь о моих книгах. Я в долгу не останусь, поверьте.

Надеюсь, что летом эвакуация произойдет, а я лично мечтаю снова возвратиться в Ленинград. В Москве оставаться не собираюсь.

Вот почему обратился к Вам с просьбой еще раз сходить ко мне на квартиру... Теперь последнее: рукопись «Позднесредневековый Херсонес» я получил и экз. на машинке и 3 пачки рукописи; последнее было для меня неожиданностью, т. к. экземпляра на машинке мне было вполне достаточно, а бумажку за подписью Грекова Институт послал тогда, когда я еще не знал, что Вы экз. на машинке уже послали.

⁶² В Ведомости осмотра квартир ... значится, что квартира А. Л. Якобсона (НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 6, д. 49, л. 5).

⁶³ Имеется в виду доверенность на осмотр квартиры.

Ну, кашу маслом не испортишь! За все это большущее спасибо⁶⁴.

Остались в Ленинграде еще мои свертки с чертежами, но где они лежат, я абсолютно не помню. Разыщу уж сам, когда приеду.

Ну и, наконец, пожелаю Вам счастливого Нового года! Чтобы немцев окончательно разбили и эта война окончилась бы и мы все, ИИМКовцы, возвратились бы на свои места.

А Вере Николаевне и Елизавете Григорьевне шлю искренний привет.

Жму руку. Ваш А. Яковсон.

Новость! Президиум АН постановил (на днях) впредь именовать наш Институт не ИИМК, а Институт Археологии. Нашли время для переименований! Ужасно обидно расставаться со старым наименованием. Не теряю надежду, что этим старикам кто-нибудь сумеет объяснить, что название *Института незначим* менять и что старое название вернее отражает суть дела.

Вера Николаевна! Как отдохнули! Как чувствуете себя? Напишите мне. Очень и очень рад буду Вашему письму.

Здесь за последнее время перебивал(а) уйма ленинградцев. Бернштам жил у меня 1 1/2 месяца, здесь сейчас *Беленицкий* (живет у меня, вчера звонил по телефону), был Миша Дьяконов из Эрмитажа, А. В. Банк (из Э.), Лурье, несколько раз приезжала Капошина (30.XII уехала); в сентябре был *Полторский* с будущей женой. Часто вспоминали Ленинград и оставшихся там, в частности, и Вас.

Сейчас мечтаю вернуться в Ленинград, надоела мне Москва, а МОИИМКовский коллектив — это только название: коллектива нет и чувствую я себя в этой московской среде очень неприятно.

Живу, как все: 1/2 времени работаю, 1/2 времени бегаю по очередям по всеческим бытовым делам. Детишки здоровы, но голы вполне. Шубки уже жена соорудила, а для приобретения валенок детям пришлось продать часть своего карточного пайка. Теперь надо самим одеваться, ибо вещи-то мои пропали.

Пишите, как живете? Если будет возможность, сходите ко мне на квартиру и доतोшно все узнайте про нее и потребуйте счета за квартиру (по 50 р. в мес.)

Ну, крепко жму руку. Жду от Вас весточки. Ваш А. Яковсон.

НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 6, д. 55, лл. 45–46 об.

25

Яковсон А. Л. — Бич О. И.

Москва

23 марта 1944 г.

Глубокоуважаемая Ольга Ивановна! Пишет Вам Яковсон. Письмо Ваше относительно покушений на помещение Института⁶⁵ получил, но вовремя

не ответил, ибо как узнал тогда же, покушение это было отражено и опасность миновала.

А теперь у меня к Вам следующее дело: приехал Чернецов⁶⁶ и сообщил мне, что Вы меня включили в список на досрочную ревизию, которая состоится в апреле-мае. С одной стороны, это меня очень обрадовало, ибо мне хочется возможно скорей возвратиться в родной город, тем более, что здесь в Москве мои жилищные дела не так уж блестящи. Но ехать я могу только с семьей (я, жена — Мария Федоровна и двое детишек — Юля 2 1/2 года и Белла 6 1/2). Оставлять их здесь я не могу, т. к. уехать без них — значит оставить их без моих карточек, а на иждивенческие карточки они жить, конечно, не могут. Поэтому у меня к Вам большая просьба: при составлении списка включить в него и мою семью. Чернецов мне говорил, что с собой можно везти одного иждивенца, т. е. жену, но она ведь бросить детей не может. Конечно, лучше все это мне выяснять лично в Ленинграде, но если списки составляются спешно, то включите хотя бы мою жену, а дети сами собой приложатся. А ехать в Ленинград мне очень хочется. Сейчас возбудил вопрос о командировке в Ленинград. Может быть, получу скоро ее, может быть не скоро — не знаю. Но пропустить возможность скорого возвращения в Ленинград не хочется. Вот и пишу Вам с просьбой учесть мои пожелания. Павел Николаевич (Шульц) тоже собирается в Ленинград. Может быть вместе приедем. А пока крепко жму руку. Привет Вере Николаевне [Полторской — Р. В.], Лиле Кастанаевой и Вс. Петрову.

А. Яковсон.

НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 6, д. 55, лл. 47–48 об.

26

Яковсон А. Л. — Бич О. И.

Москва

27 апреля 1944 г.

Дорогая Ольга Ивановна! Пишу Вам из пыльной Москвы. Прежде всего, искренне благодарю Вас и Ангелину Васильевну [Дмитревскую] за помощь, которую Вы оказали мне в Ленинграде. Большое спасибо! Вот-вторых, исполняя свое обещание относительно новых изданий, вышедших за последнее время...

Если уже лично присылать, то библиотек ИИМК — тем более. Бернштам тоже, конечно, пришлет. ... Наконец, последнее дело: я в спешке забыл Декрет Ленина об основании РАИМК. Забыл его в античном секторе. Пришлите его с ближайшей оказией. В. А. Петрову передайте, что деньги ему выслал телеграфом и еще раз благодарю его, что выучил. Крепко жму руку.

Ваш А. Яковсон.

Горячий привет Вере Николаевне, Ангелине Васильевне, Лиле Кастанаевой. С 1 мая! В.

НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 6, д. 55, л. 49–50.

⁶⁴ Относительно пересылки книг в Москву О. И. Бич писала в своем отчете за 1 п. с. 1943 г. «Согласно поступившему из Москвы требованию были подготовлены к отправке и 19 июня сланы на вокзал ящики с научными материалами Института ... и чмодая с материалами сотрудника А. Я. Яковсона (всего 22 места). Одновременно были отправлены 38 ящиков с книгами библиотек ИИМК» (НА ИИМК РАН, РА: ф. 312, оп. 1, д. 173, л. 29).

⁶⁵ Яковсон А. Л., вероятно, имеет в виду случай попадания снаряда в помещение архива ИИМК. Это произошло 5 января, о чем был составлен Акт от 6 января 1944 г. следующего содержания: «Мы, нижеподписавшиеся, составили настоящий Акт в том, что 5-го января около 23 часов осколком снаряда в помещении Архива ИИМК в доме № 6 по Биржевому проспекту пробито деревянный щит, защищающий окно в комнате № 1, расщепило оконную раму и выбило 5 оконных стекол. Окно выходит на Биржевой проезд (по фасаду 8-с слева). Означенное помещение арендуется Институтом у 2-го дождоколдателя Лен. Треста нежилого фонда. Упомянутый ИИМК Бич О. И., научный сотрудник [Полторайка В. Н.]» (НА ИИМК РАН, РА: ф. 312, оп. 1, д. 196, л. 3).

⁶⁶ Чернецов Валерий Николаевич — историк, канд. ист. н.; ст. и. с. МО ИИМК, в 1944 г. — зам. зав. ИИМК (в Москве) (НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 6, д. 39, л. 10; о нем — Смирнов 1971).

- Артамонов, Корзухина, Мачинский 1971 – *Артамонов М. И., Корзухина Г. Ф., Мачинский Д. А., Иван Иванович Ляпушкин* // КСИА. Вып. 125. 1971. С. 3–6.
- Борисковский 1990 – *Борисковский П. И. Сергей Николаевич Бибилов и его время* // Археология. № 2. Київ, 1990. С. 98–106.
- Борисковский, Любин 1979 – *Борисковский П. И., Любин В. П. Мария Захаровна Паничкина* // СА. № 1. 1979. С. 318–319.
- ВДИ 1963 – Сергей Владимирович Киселев. Некролог // ВДИ. № 1. 1963. С. 1.
- ВДИ 1982 – К 90-летию М. Е. Сергеев // ВДИ. № 2. 1982. С. 215.
- ВДИ 1992 – Памяти А. И. Болтуновой // ВДИ. № 2. 1992. С. 231–232.
- ВИ 1976 – Николай Николаевич Воронин. Некролог // ВИ. № 7. 1976. С. 221.
- ВИ 1982 – Окладников Алексей Павлович (1908–1981) // ВИ. № 3. 1982. С. 189.
- ВИ 1988 – Владимир Васильевич Мавродин // ВИ. № 4. 1988. С. 189.
- Горюнов 1984 – *Горюнов Е. А. К 75-летию со дня рождения Петра Николаевича Третьякова* // СА. № 2. 1984. С. 268–273.
- Дзюженская 2003 – *Дзюженская Г. В. Первые две фотографии фотоархивом ИИМК РАН* // АВ. № 10. 2003. С. 349–360.
- ИСО АН СССР 1975 – Вера Дмитриевна Запорожская (К 65-летию со дня рождения) // ИСО АН СССР. № 2 (6). 1975. С. 158–159.
- Кирпичников 1977 – *Кирпичников А. Н. Михаил Константинович Каргер, 1903–1976*. Некролог // СА. № 3. 1977. С. 333–334.
- Кирпичников, Щукин 1983 – *Кирпичников А. Н., Щукин М. Б. Памяти Марии Александровны Тихановой, 1898–1981* // СА. № 3. 1983. С. 286–287.
- Крайнов 1960 – *Крайнов Д. А. К столетию со дня рождения В. А. Городцова* // СА. № 1. 1960. С. 120–124.
- КСИА 1962 – Памяти Ядвиги Вацлавовны Станкевич (1909–1959) // КСИА. Вып. 87. 1962. С. 3–5.
- Лихачев 1958 – *Лихачев Д. С. Борис Александрович Романов и его книга «Люди и нравы древней Руси»* // ТОДРЛ ИРЛ. Вып. XV. 1958. С. 486–495.
- Рубинштейн 1980 – *Рубинштейн Р. И. Памяти Натальи Давыдовны Флиттер (К 100-летию со дня рождения)* // ВДИ. № 1. 1980. С. 227–228.
- СА 1954 – Памяти А. Ю. Якубовского // СА. Вып. XIX. 1954. С. 294–307.
- СА 1959 – Сергей Николаевич Зямтнин. Некролог // СА. № 2. 1959. С. 143–147.
- СА 1972 – О. А. Артамонова-Полтавцева, 1897–1971. Некролог // СА. № 2. 1972. С. 250–251.
- Смирнов 1971 – *Смирнов А. П. В. Н. Чернецов* // СА. № 1. 1971. С. 309–310.
- Тимофеев, Гусенцова 1999 – *Тимофеев В. И., Гусенцова Т. М. Памяти Л. Я. Кривеской* // АВ. № 6. 1999. С. 489–490.
- Щелов 1984 – *Щелов А. Н. Памяти Павла Николаевича Шульда* // СА. № 3. 1984. С. 285.
- Архивные материалы**
- НА ИИМК РАН, РА. Ф. 2, оп. 3. 1975 – Личные дела сотрудников ГАИМК, 1919–1930-е гг.
- НА ИИМК РАН, РА. Ф. 35, оп. 5 – Личные дела сотрудников ГАИМК-ИИМК, 1930-е – 1990-е гг.
- НА ИИМК РАН, РА. Ф. 35, оп. 6 – Материалы по личному составу.
- НА ИИМК РАН, РА. Ф. 35, оп. 6, д. 39 – Списки сотрудников ИИМК, 1943 г.
- НА ИИМК РАН, РА. Ф. 35, оп. 6, д. 44 – Распоряжения по личному составу ИИМК и МО ИИМК, 1944 г.
- НА ИИМК РАН, РА. Ф. 35, оп. 6, д. 45 – Приказы по личному составу Ленинградской части ИИМК, июль–ноябрь 1944 г.
- НА ИИМК РАН, РА. Ф. 35, оп. 6, д. 46 – Приказы и Распоряжения по личному составу Елабужской группы Ленинградской части ИИМК, июль–октябрь 1944 г.
- НА ИИМК РАН, РА. Ф. 35, оп. 6, д. 47 – То же Ташкентской группы, январь–ноябрь 1944 г.
- НА ИИМК РАН, РА. Ф. 35, оп. 6, д. 49 – Списки сотрудников Ленинградской части ИИМК, подлежащих эвакуации из Елабуги и Ташкента, февраль–ноябрь 1944 г.
- НА ИИМК РАН, РА. Ф. 35, оп. 6, д. 52 – Лицевые счета сотрудников ИИМК за 1944 г.
- НА ИИМК РАН, РА. Ф. 35, оп. 6, д. 56 – Распоряжения АН СССР, относящиеся к ЛО ИИМК, февраль–ноябрь 1945 г.
- НА ИИМК РАН, РА. Ф. 35, оп. 6, д. 57 – Приказы по личному составу ИИМК-ЛО ИИМК, ноябрь–декабрь 1945 г.
- НА ИИМК РАН, РА. Ф. 35, оп. 6, д. 59 – Списки сотрудников ИИМК на 1945 г.
- НА ИИМК РАН, РА. Ф. 312, оп. 1 – Материалы научно-производственной деятельности ИИМК-ЛОИА-ИИМК РАН, 1938–2000-е гг.
- НА ИИМК РАН, РА. Ф. 312, оп. 1, д. 153 – Докладная записка о состоянии и деятельности Ленинградской части ИИМК в 1942 г.
- НА ИИМК РАН, РА. Ф. 312, оп. 1, д. 158 – Отчет о научно-исследовательской работе Ленинградской части ИИМК за 1942 г.
- НА ИИМК РАН, РА. Ф. 312, оп. 1, д. 173 – Протоколы научных заседаний Елабужской группы Ленинградской части ИИМК, январь–декабрь 1943 г.
- НА ИИМК РАН, РА. Ф. 312, оп. 1, д. 190 – Докладные записки и переписка с Президиумом АН СССР по научно-организационным вопросам, март–ноябрь 1944 г.
- НА ИИМК РАН, РА. Ф. 312, оп. 1, д. 196 – Акты о повреждениях, косвенных расходах и потерях ИИМК, вызванных войной и блокадой г. Ленинграда, январь–сентябрь 1944 г.
- НА ИИМК РАН, РА. Ф. 312, оп. 1, д. 211 – Протоколы заседаний Ученого Совета ИИМК, январь–ноябрь 1944 г.
- НА ИИМК РАН, РА. Ф. 312, оп. 1, д. 850. Выписки из протоколов Президиума АН СССР о научной и научно-организационной деятельности ИИМК РАН, 1943 г.

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Сердечно поздравляем Зою Александровну Абрамову, доктора исторических наук, профессора, ведущего научного сотрудника Отдела палеолита с юбилеем! Зоя Александровна – высокий научный авторитет в мировой археологии, один из крупнейших археологов нашей страны, признанный знаток раннего искусства, один из видных исследователей палеолита, гордость нашего Института.

Зоя Александровна успешно работает над изучением палеолитического искусства и проблем каменного века. В 1952 г. она была зачислена в Институт после окончания с отличием Ленинградского государственного университета. В 1959 г. Зоя Александровна успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему «Палеолитическая скульптура на территории СССР», а в 1972 г. – докторскую диссертацию «Палеолитическое искусство Евразии как исторический источник». Еще в студенческие годы, начиная с 1947 г. она участвовала в работах экспедиций в Сибири, Средней Азии и на Русской равнине. В 1956 г. она руководила отрядом Горатской экспедиции, затем Красноярской – на Енисее, с 1980 г. – Брянской палеолитической экспедицией на Десне.

Зоя Александровна на протяжении ряда десятилетий проводит скрупулезную работу по собиранию материалов искусства ледникового периода, открытых как на территории нашей Родины, так и за ее пределами. Полные сводки источников, созданные ею, опубликованы в виде монографий и свода и переведены на французский и английский языки.

В широкий круг научной деятельности Зои Александровны входит и изучение палеолита Сибири, которым она занимается со студенческих лет. По Забайкалью ею защищена дипломная работа «Первоначальное заселение человеком Забайкалья». Она вела раскопки на Енисее, руководя палеолитическим отрядом крупнейшей новостроечной экспедиции Института — Красноярской. В результате исследована серия верхнепалеолитических памятников в окрестностях Кокорева и Таштыка, проведены раскопки мустьерских остатков в гроте Двуглазка. Итоги работ подведены в двухтомной монографии «Палеолит Енисея» и коллективным сводом памятников региона.

Велик вклад Зои Александровны в изучение верхнего палеолита Русской равнины. Участник раскопок в Костенках с 1959 г., она в 1980 г. возобновила и возглавила исследования крупного верхнепалеолитического поселения Юдиново с остатками жилищ из костей мамонтов. Результаты работ опубликованы в трех выпусках публикации: «Верхнепалеолитическое поселение Юдиново».

В настоящее время Зоей Александровной подготовлена монументальная работа по древнейшему искусству, не имеющая аналогов в мировой археологии.

Велики заслуги Зои Александровны в подготовке молодых кадров. Под ее руководством защищены кандидатские и докторские диссертации. Она – участник многих конгрессов и конференций в России и за рубежом, член ряда международных комиссий. Научная деятельность Зои Александровны оценена медалью «За трудовую доблесть», Серебряной медалью ВДНХ и Грамотой Президиума Академии наук СССР.

Зою Александровну отличают исключительная работоспособность, скромность, огромная эрудиция, тщательность и скрупулезность. Желаем юбиляру здоровья и долгого творческого пути!

Вся научная деятельность Льва Михайловича Тарасова связана с ЛОИА-ИИМК: почти 50 лет отдано им одному институту. Это обычно для советского российского ученого. Обычна и научная карьера: университет (1956), кандидатская (1967) и докторская (1991) диссертации. Обычен и путь, которым эти результаты были достигнуты: получение нового материала в результате многолетних полевых исследований; его многосторонний анализ и обобщение.

За этой размеренностью стоит непростой творческий путь, во многом связанный с большими затратами сил и с большим упорством, чем у коллег из поколения, на долю которого выпала не только война, но и постоянные изменения и перестройки в жизни страны.

Лев Михайлович Тарасов родился 5 апреля 1925 г. в Орле. В 1941 г. окончил 8 классов, а среднюю школу только в 1951. Помешала война. С октября 1941 по июль 1943 находился на оккупированной территории г. Орла, затем до августа 1944 г. на Украине. С 1944 по 1950 г. служил в Советской Армии. В качестве солдата пехоты участвовал в боях в Австрии, Чехословакии, Венгрии, за что был награжден медалями «За победу над Германией», «30 лет Советской армии», «20 лет победы в Великой Отечественной Войне».

В 1951 г. поступил в Воронежский госуниверситет, после 4 курса в 1955 г. перевелся в ЛГУ, в 1956 г. его окончил и был принят на работу в Отдел палеолита Института.

Восхищение вызывает широта исследований Л. М. Тарасова: от бассейна Ангары (1957) и Средней Азии (1978–1979) до Крыма (1981–1982) и бассейна Десны, его качества поисковика-разведчика, вклад в исследование палеолита Костенок.

Принципиальное значение имеют раскопки стоянки Гагарино в 1961–1969, обобщенные в кандидатской диссертации и монографии (1979) и исследования группы стоянок раннего, среднего и позднего палеолита в бассейне Десны, ставшие основой докторской диссертации «Палеолит бассейна Десны», защищенной в 1991 г. Эти работы привели к существенным изменениям традиционных представлений о характере и эволюции палеолита Русской равнины, а Л. М. Тарасова – к формированию собственной, оригинальной концепции перехода от среднего к верхнему палеолиту.

Богатейший полевой опыт, скрупулезность, повышенные требования к документации и обоснованию заключений, умение видеть целое за деталями, неформальное отношение к работе в ОПИ обусловили авторитет Л. М. Тарасова в научном сообществе. От всей души желаем нашему юбиляру крепкого здоровья, бодрости, новых успехов и достижений.

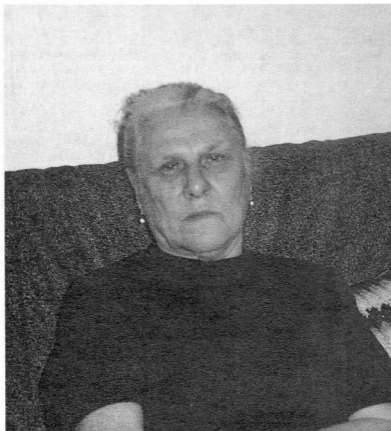

10 января 2004 г. своей юбилей отметила старший научный сотрудник Отдела палеолита, кандидат исторических наук Галина Васильевна Григорьева. Начав свой путь в науке под руководством П. И. Борисковского, Галина Васильевна рано определила многолетнюю основную тему исследования – поздний палеолит юго-запада Русской Равнины. Здесь ею открыт и изучен ряд важных памятников, выделены новые культурные комплексы. Позднее совместно с З. А. Абрамовой Галина Васильевна начинает цикл многолетних раскопок одного из основных памятников охотников на мамонта в Восточной Европе – стоянки Юдиново. В итоге работ детально изучены остатки выразительных жилых комплексов, получена огромная коллекция каменной и костяной индустрии, украшений.

Галина Васильевна – автор десятков научных публикаций, в том числе глав трех выпусков монографии «Верхнепалеолитическое поселение Юдиново», полевых отчетов о раскопках в Юдиново. Ее перу принадлежат большие разделы в книгах «Поселения древнекаменного века на северо-западе Молдавии» и «Позднепалеолитическое поселение Анетовка II».

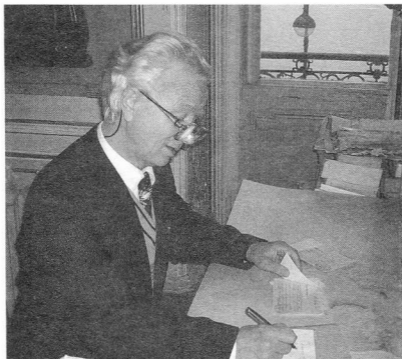
Галина Васильевна всегда сочетает научную работу с активной общественной деятельностью на благо нашему коллективу. На протяжении многих лет она являлась ученым секретарем Сектора палеолита, заведовала аспирантурой института.

Неутомимый труженик, деятельный участник всех начинаний Отдела, Галина Васильевна встретила свой юбилей в расцвете творческих сил. От всей души желаем Галине Васильевны здоровья, бодрости, интересных открытий и новых публикаций.

Редакция журнала «Археологические Вести» сердечно поздравляет с юбилеем д. и. н. Валентину Ивановну Распопову, ведущего научного сотрудника Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН. Валентина Ивановна работает в ИИМК РАН с 1958 г. Её научная судьба неразрывно связана с раскопками уникального археологического памятника Средней Азии эпохи раннего средневековья – Пенджикента. Являясь ученицей А. М. Беленицкого, крупнейшего отечественного археолога и востоковеда, Валентина Ивановна органически влилась в состав авторитетного научного коллектива – Пенджикентской экспедиции, которая в течение десятилетий планомерно исследует этот древний согдийский город. Вклад Валентины Ивановны в изучение культуры раннесредневекового города Средней Азии трудно переоценить. Её целеустремлённость, воля, работоспособность, тщательность проработки археологического материала и эрудиция проявились как в кандидатской (1971 г.) и докторской (1993 г.) диссертациях, так и при издании ряда монографий (1980, 1990, 1999 гг.), в которых дана системная характеристика культуры горожан Средней Азии накануне арабского завоевания. Научные разработки Валентины Ивановны хорошо известны не только отечественным, но и зарубежным исследователям. Она является неременным участником всех важнейших научных форумов, посвящённых изучению позднеантичных и раннесредневековых городов Средней Азии. Высокий научный авторитет Валентины Ивановны, её ценнейший опыт полевого исследователя, имеет огромное значение для сохранения научных традиций отдела.

Пожелаем же нашему юбиляру доброго здоровья, новых ярких полевых открытий, оригинальных публикаций, плодотворных научных дискуссий во славу археологии, которой она так безмерно предана.

5 февраля 2004 г. исполнилось 70 лет ведущему научному сотруднику Отдела палеолита, доктору исторических наук Николаю Кузьмичу Анисюткину. Николай Кузьмич – один из крупнейших специалистов по среднему палеолиту Евразии, тонкий знаток типологии каменных индустрий, прекрасный полевик.

Начав археологическую деятельность в стенах Государственного Эрмитажа, Николай Кузьмич с 1975 г. перешел на работу в Сектор палеолита нашего института. За прошедшие десятилетия он исследовал большую серию нижне- и среднепалеолитических местонахождений на Днестре, в том числе такие опорные памятники как стоянки Кетросы, Стинка I, гроты Тринка и др.

Из числа многочисленных работ Николая Кузьмича выделяется капитальная монография «Мустьерская эпоха на юго-западе Русской Равнины» и большие разделы в книгах «Кетросы. Мустьерская стоянка на Среднем Днестре», «Первообытный человек в гротах Тринка I-III».

Научные интересы Николая Кузьмича никогда не замыкались в рамках Приднестровья. Его всегда интересовали общие закономерности развития и хронология среднепалеолитической культуры, проблема причин вариабельности мустьерских комплексов, методика анализа каменных индустрий. Плодотворными были его поездки во Вьетнам, раскопки в Средней Азии. В последнее время Николай Кузьмич энергично взялся за исследование новой для него темы – верхнего палеолита центра Русской Равнины.

Желаем Николаю Кузьмичу крепкого здоровья, новых творческих успехов и удачи в столь любимой им рыбалке.

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

ПЛАНИГРАФИЯ БУС-НАШИВОК ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ ЮДИНОВО (1988–1990, 1995–1997, 2000–2003 гг.)¹

Г. В. ГРИГОРЬЕВА²

Костяные изделия – это особая категория находок, определяющая и подчеркивающая своеобразие памятников. *Костяные предметы: орудия, украшения, произведения искусства* имеют особое значение и демонстрируют важную сторону деятельности древних людей.

Обилие костяных поделок обнаружено в верхнепалеолитическом поселении Юдиново, где широко было развито косторезное мастерство, особенно обработка бивня, из которого изготавливали разнообразных изделий.

Орнаментированные орудия охоты и труда, подвески, бусы-нашивки свидетельствуют о высоком художественном вкусе первобытных охотников на мамонтов Юдиново.

Богатая и разнообразная коллекция изделий из бивня и кости, насчитывающая десятки тысяч предметов, указывает на то, что древние охотники владели разными техническими приемами. Основным *поделочным материалом* на поселении являлся бивень. Большинство предметов изготовлено именно из бивня, начиная от крупных наконечников, стержней, острей, лоцил до мелких стрел, игл и бус-нашивок. Плотность и вязкость бивня, по сравнению с костью, его расслаиваемость требовали при работе с ним определенных навыков. Судя по сохранившимся остаткам, юдиновцы, хорошо знавшие свойства бивня, использовали в большинстве случаев не весь бивень, а, в основном, среднюю и верхнюю, концевую, его части. М. М. Герасимов, проводивший опыты с обработкой бивня, отмечал, что эта работа требует большой затраты сил. Бивень перед использованием необходимо размачивать в воде или распаривать. Бивень, разогретый на огне, растрескивается. С другой стороны, сухой бивень хорошо полируется (Герасимов 1941: 65–85).

С. А. Семенов, занимавшийся изучением бус из мужского погребения Сунгирь, писал, что для их изготовления использовали различные операции «... продольные членения бивня резцом, разрезания

заготовок, шлифование и полирование бус» (Семенов 1968: 138). С. А. Семенов приводит последовательное описание изготовления бус. После извлечения бивня из альвеолы его членили на продольные секции. Свежий бивень обрабатывали резцом, а затем по надрезу раскалывали роговыми или кремневыми клиньями. Далее секции размачивали, а, возможно, и распаривали для получения полосок или узких лучинок. Последние разрезали кремневыми ножами на сегменты (заготовки бус), на которых делали с двух сторон зарубки. Затем их просверливали, шлифовали на абразивной плитке и полировали. С. А. Семенов предполагал, что каждую заготовку сверлили до того, как она была отделена от лучины, то есть когда сегменты были только размечены. Изучение поверхности бус показало, что, кроме следов шлифовки и полировки, на ней имеются следы заглаживания, возникшие, вероятно, в результате ношения и трения об одежду. Это наблюдение позволило прийти к выводу, что бусы являлись деталями одежды (Семенов 1968: 139).

Юдиновская коллекция предметов из бивня разнообразна. Найдены куски бивней, использованные в качестве нуклеусов для получения заготовок: пластиц, отщепов, осколков. На многих заготовках сохранились следы резания. Большое количество заготовок свидетельствует о том, что обработку бивней производили, скорее всего, на поселении.

Самую многочисленную и наиболее интересную группу изделий составляют бусы-нашивки из бивня, их более 17000 вместе с готовыми экземплярами, фрагментами и заготовками. Бусами они названы условно. Вряд ли эти шпоски и тонкие поделки могли служить бусами. Возможно, ими украшали одежду, головные уборы и т. д. Помимо готовых изделий и фрагментов, обнаружены заготовки, позволяющие воспроизвести процесс изготовления бус-нашивок. Среди них имеется кусок бивня, длиной 14,4 см, шириной верхнего конца 0,8 см, средней части 4,8 см, нижнего конца 3,4 см, и толщиной в средней

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии».

² Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел палеолита.

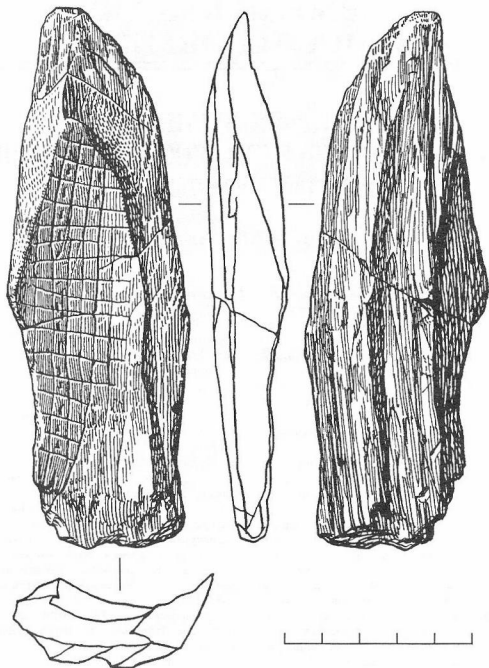

Рис. 1. Юдиново. Заготовка из бивня для бус-нашивок.

Fig. 1. Yudinovo. Tusk blank for making clothing beads.

части 1,5 см. На более гладкой внутренней стороне бивня прорезана сетка: 7 продольных линий, из которых две только намечены, и 17 поперечных линий, пересекающих продольные. В сетке насчитывается разное количество рядов прямоугольников: 6 продольных и от 11 до 18 поперечных. Среди них есть неполные прямоугольники. У некоторых из них намечены отверстия: во втором продольном почти у всех прямоугольников обозначены отверстия, а в четвертом продольном ряду – только у двух верхних (рис. 1). Возможно, отверстия намечали у всех прямоугольников, а в данном случае перед нами незаконченная

заготовка. Сетку по линиям прорезали глубже и получали отдельные бусы-нашивки, которым затем придавали необходимую форму. Поскольку на поселении собрано много пластинок бивня с поперечной разметкой, то не исключено, что существовали и другие способы изготовления бус-нашивок. Прямоугольные бусы-нашивки могли использовать и без дополнительной обработки. На многих из них сохранились следы резания по краям, иногда их прорезали не до конца, а, сделав надрез, обламывали. Бусы-нашивки других форм требовали, очевидно, дополнительной обработки. Бусы-нашивки – это тонкие, плоские, хрупкие,

миниатюрные изделия с продолговатыми или слегка овальными прорезанными отверстиями. Они разнообразны по форме: прямоугольные, сегментовидные, овальные, округлые (рис. 2). Размеры их варьируют: длина – 0,5–0,9 см, у более крупных 1–1,5 см; ширина – 0,5–0,7 см; толщина – 0,1–0,2 см; диаметр округлых – 0,5–0,7 см. На поселении преобладают прямоугольные и сегментовидные, меньше овальных и единичны округлые бусы-нашивки.

Бусы-нашивки распределялись неравномерно по площади Юдинова. Много их собрано в жилищах и яме-зольнике, исследованных З. А. Абрамовой (Абрамова 1995; Абрамова, Григорьева, Кристенсен 1997: 113, 117, 121, 123).

Напомним, что в жилище № 1 обнаружено 524 бусы-нашивки, включая готовые, фрагменты и заготовки, из них 129 готовых, 143 фрагмента и 252 заготовки. В жилище № 2 найдено 915 экземпляров, среди них 171 готовых, 175 фрагментов и 569 заготовок. В несколько раз их больше оказалось в яме-зольнике, расположенной рядом с жилищем № 2 – 3758 бус-нашивок, в том числе 677 готовых, 1211 фрагментов и 1870 заготовок. Кроме того, много бус-нашивок было обнаружено между жилищами и ямой-зольником на прилегающих к ним участках – 1480. На площади поселения, ограниченной музейным павильоном, собрано 2952 экземпляра (готовых и фрагментов) и 3725 заготовок. В количественном отношении здесь преобладали бусы-нашивки сегментовидной, прямоугольной, затем овальной и округлой форм. Среди заготовок абсолютное большинство составляли прямоугольные.

Значительное количество бус-нашивок найдено на межжилищной площади, расположенной южнее и юго-восточнее музейного павильона. Много их было сосредоточено около очага, расположенного на квадратах а-53,52 и прилегающих к нему участках, в небольшой яме – западина, исследованной в 2001г. и местах скопления востей (рис. 3).

Рассмотрим распределение бус-нашивок по квадратам, начиная с северных, расположенных ближе к музейному павильону, двигаясь с запада на восток. Есть квадраты, исследованные частично. К ним относится линия квадратов «А,А».

Квадрат А-54 – 12 готовых форм, 20 фрагментов, 86 заготовок. Итого 118 экземпляров. Из них прямоугольных – 5 готовых и 2 с намеченным отверстием, 16 фрагментов; овальных – 1 готовая и 1 с намеченным отверстием; сегментовидных – 3 готовых, 4 фрагмента. Заготовки: прямоугольные – 4 целых, 70 фрагментов; 11 удлиненных и 1 размеченная, но нерасчлененная с обозначенным отверстием, пластинки.

Квадрат А-53 – 17 готовых, 23 фрагмента, 102 заготовки. Итого 142. Из них прямоугольных – 7 готовых, 4 с намеченным отверстием, 16 фрагментов; сегментовидных – 6 готовых, 7 фрагментов. Заготовки: прямоугольные – 16 целых, 81 фрагмент, 5 удлиненных пластинок.

Квадрат А-52 – 22 готовых, 30 фрагментов, 98 заготовок. Итого 150. В их числе прямоугольных –

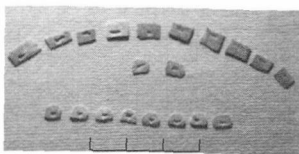

Рис. 2. Юдиново. Бусы-нашивки из бивня.

Fig. 2. Yudinovo. Clothing beads made of tusk.

6 готовых, 10 с намеченным отверстием, 20 фрагментов; овальных 4 с намеченным отверстием; сегментовидных – 1 готовая; округлых – 1 готовая, 10 фрагментов. Заготовки: прямоугольные – 17 целых, 81 фрагмент.

Квадрат А-44 – 4 готовых, 7 фрагментов. Итого 11. В том числе прямоугольных – 1 готовая, 2 с намеченным отверстием, 5 фрагментов; сегментовидных – 1 готовая, 2 фрагмента.

Квадрат А-43 – 1 фрагмент прямоугольной бусы-нашивки.

На неполных квадратах линии А собрано 136 экземпляров, включая готовые формы и их фрагменты, экземпляры с намеченными отверстиями и 286 заготовок и их фрагментов.

Квадраты линии а, из них а-60 и 39 исследованы частично.

Квадрат а-60 – 5 готовых, 8 фрагментов, 12 заготовок. Итого 25. Из них прямоугольных – 3 готовых, 1 с намеченным отверстием, 7 фрагментов; сегментовидных – 1 готовая, 1 фрагмент. Заготовки: прямоугольные – 2 целых, 10 фрагментов.

Квадрат а-59 – 6 прямоугольных заготовок; 2 целых, 4 фрагмента.

Квадрат а-55 – 5 готовых, 2 фрагмента, 8 заготовок. Итого 15. Среди них прямоугольных – 4 готовых, 2 фрагмента; овальных – 1 готовая. Заготовки: 8 прямоугольных фрагментов.

Квадрат а-54 – 20 готовых, 28 фрагментов, 142 заготовки. Итого 190. Из них прямоугольных – 7 готовых, 7 с намеченным отверстием, 24 фрагмента; овальных – 2 готовых, 2 с намеченным отверстием; сегментовидных – 1 готовая, 1 с намеченным отверстием, 4 фрагмента. Заготовки: прямоугольные – 21 целая, 112 фрагментов; 7 удлиненных и 2 размеченных, но нерасчлененных с обозначенным отверстием, пластинки.

Квадрат а-53 – 1 кусок бивня с прорезанной сеткой, 39 готовых, 92 фрагмента, 435 заготовок. Итого 566. Среди них прямоугольных – 14 готовых, 14 с намеченным отверстием и 58 фрагментов; овальных – 2 готовых, 4 с намеченным отверстием; сегментовидных – 4 готовых, 1 с намеченным отверстием, 34 фрагмента. Заготовки: прямоугольные – 50 целых, 360 фрагментов; 21 удлиненная и 4 размеченные, но нерасчлененные с обозначенным отверстием, пластинки.

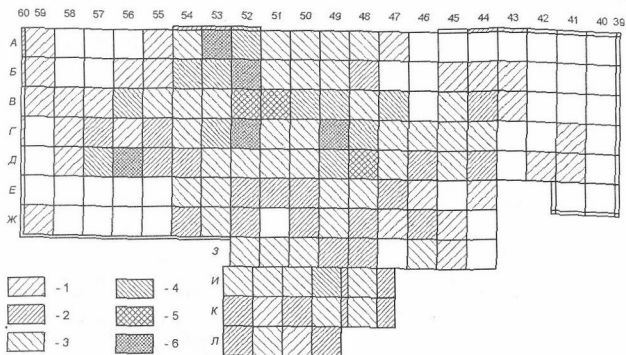

Рис. 3. Удиново. Распределение бус-нашивок и их фрагментов по квадратам. Условные обозначения: 1 – 1–10 экз.; 2 – 11–20 экз.; 3 – 21–50 экз.; 4 – 51–80 экз.; 5 – 81–100 экз.; 6 – 101–140 экз.

Fig. 3. Yudinovo. Distribution of clothing beads and their fragments throughout the squares. Notations: 1 – 1–10 finds; 2 – 11–20 finds; 3 – 21–50 finds; 4 – 51–80 finds; 5 – 81–100 finds; 6 – 101–140 finds.

Квадрат а-52 – 13 готовых, 51 фрагмент, 357 заготовок. Итого 421. Среди них прямоугольных – 2 готовых, 8 с намеченным отверстием, 31 фрагмент; овальных – 1 готовая, 1 с намеченным отверстием; сегментовидных – 1 готовая, 20 фрагментов. Заготовки: прямоугольные – 40 целых, 287 фрагментов; 28 удлиненные и 2 размеченные, но нерасчлененные с обозначенным отверстием, пластинки.

На квадратах а-53, 52 находился очаг, около него были обнаружены кусок бивня с прорезанной сеткой для бус-нашивок и довольно значительное количество заготовок.

Квадрат а-51 – 9 готовых, 22 фрагмента, 115 заготовок. Итого 146. Среди них прямоугольных – 3 готовых, 1 с намеченным отверстием, 13 фрагментов; овальных – 2 готовых, 2 с намеченным отверстием; сегментовидных – 1 готовая, 9 фрагментов. Заготовки: прямоугольные – 16 целых, 93 фрагмента; 5 удлиненных и 1 размеченная, но нерасчлененная пластинка.

Квадрат а-50 – 11 готовых, 16 фрагментов, 25 заготовок. Итого 52. Из них прямоугольных – 4 готовых, 3 с намеченным отверстием, 13 фрагментов; овальных – 4 готовых, 3 фрагмента. Заготовки: прямоугольные – 7 целых, 17 фрагментов; 1 удлиненная пластинка.

Квадрат а-49 – 18 готовых, 21 фрагмент, 107 заготовок. Итого 146. Среди них прямоугольных – 3 готовых, 4 с намеченным отверстием, 13 фрагментов; овальных – 8 готовых; сегментовидных – 2 готовых; округлых – 1 готовая, 8 фрагментов. Заготовки:

прямоугольные – 19 целых, 79 фрагментов; 9 удлиненные пластинок.

Квадрат а-48 – 14 готовых, 29 фрагментов, 33 заготовки. Итого 76. Из них прямоугольных – 5 готовых, 1 с намеченным отверстием, 17 фрагментов; овальных – 5 готовых; сегментовидных – 2 готовых, 1 с намеченным отверстием, 12 фрагментов. Заготовки: прямоугольные – 9 целых, 21 фрагмент; 3 удлиненные пластинки.

Квадрат а-47 – 1 овальная, готовая; 1 фрагмент.

На квадратах линии а найдены 1 бивень с размеченной сеткой, 404 бусы-нашивки, включая готовые, с намеченным отверстием и фрагменты; 1240 заготовок, в том числе удлиненные и размеченные, но нерасчлененные пластинки. Наибольшее количество экземпляров обнаружено на квадратах а-53, 52, 54, 51, 49.

Квадраты линии б.

Квадрат б-60 – 1 фрагмент округлой бусы-нашивки и 4 заготовки. Итого 5. Заготовки: прямоугольные – 3 фрагмента, 1 удлиненная пластинка.

Квадрат б-59 – 2 готовых, 2 фрагмента, 20 заготовок. Итого 24. Среди них прямоугольных – 1 готовая, 2 фрагмента; овальных – 1 готовая. Заготовки: прямоугольные – 4 целых, 14 фрагментов; 2 размеченные, но нерасчлененные пластинки.

Квадрат б-56 – 1 готовая, 3 фрагмента, 10 заготовок. Итого 14. Среди них прямоугольных – 2 фрагмента; сегментовидных – 1 готовая, 1 фрагмент. Заготовки: прямоугольные – 1 целая, 9 фрагментов.

Квадрат б-55 – 3 готовых, 7 заготовок. Итого 10. Из них прямоугольных – 1 готовая, 1 с намеченным

отверстием; овальных – 1 готовая. Заготовки: прямоугольные – 4 целых, 2 фрагмента; 1 размеченная, но нерасчлененная пластинка.

Квадрат 6-54 – 20 готовых, 37 фрагментов, 139 заготовок. Итого 196. Среди них прямоугольных – 7 готовых, 4 с намеченным отверстием, 24 фрагмента; овальных – 2 готовых, 1 с намеченным отверстием; сегментовидных – 6 готовых, 13 фрагментов. Заготовки: прямоугольные – 17 целых, 111 фрагментов; 9 удлиненные, 2 размеченные, но нерасчлененные пластинки.

Квадрат 6-53 – 18 готовых, 39 фрагментов, 244 заготовки. Итого 301. Из них прямоугольных – 4 готовых, 1 с намеченным отверстием, 25 фрагментов; овальных – 4 готовых, 3 с намеченным отверстием; сегментовидных – 4 готовых, 2 с намеченным отверстием, 14 фрагментов. Заготовки: прямоугольные – 16 целых, 215 фрагментов; 12 удлиненные и 1 размеченная, но нерасчлененная пластинка.

Квадрат 6-52 – 51 готовая, 70 фрагментов, 435 заготовок. Итого 556. Среди них прямоугольных – 15 готовых, 12 с намеченным отверстием, 47 фрагментов; овальных – 7 готовых, 1 с намеченным отверстием; сегментовидных – 14 готовых, 2 с намеченным отверстием, 23 фрагмента. Заготовки: прямоугольные – 72 целых, 337 фрагментов; 20 удлиненных и 6 размеченных, но нерасчлененных пластинки.

Квадрат 6-51 – 11 готовых, 32 фрагмента, 303 заготовки. Итого 346. Из них прямоугольных – 4 готовых, 4 с намеченным отверстием, 24 фрагмента; овальных – 2 готовых; сегментовидных – 1 готовая, 8 фрагментов. Заготовки: прямоугольные – 37 целых, 250 фрагментов; 15 удлиненных и 1 размеченная, но нерасчлененная пластинка.

Квадрат 6-50 – 13 готовых, 22 фрагмента, 107 заготовок. Итого 142. Среди них прямоугольных – 6 готовых, 3 с намеченным отверстием, 13 фрагментов; овальных – 2 готовых; сегментовидных – 2 готовых, 9 фрагментов. Заготовки: прямоугольные – 21 целых, 83 фрагмента; 3 размеченные, но нерасчлененные пластинки.

Квадрат 6-49 – 10 готовых, 13 фрагментов, 115 заготовок. Итого 138. Из них прямоугольных – 5 готовых, 2 с намеченным отверстием, 9 фрагментов; овальных – 1 готовая, 1 с намеченным отверстием; сегментовидных – 1 готовая, 4 фрагмента. Заготовки: прямоугольные – 14 целых, 97 фрагментов; 4 удлиненные пластинки.

Квадрат 6-48 – 5 готовых, 7 фрагментов, 20 заготовок. Итого 32. Среди них прямоугольных – 1 готовая, 2 с намеченным отверстием, 4 фрагмента; овальных – 1 с намеченным отверстием; сегментовидных – 1 готовая, 3 фрагмента. Заготовки: прямоугольные – 6 целых, 9 фрагментов; 4 удлиненные и 1 размеченная, но нерасчлененная пластинка.

Квадрат 6-45 – 1 готовая сегментовидная, 2 фрагмента. Итого 3.

Квадрат 6-44 – 1 готовая, 5 фрагментов, 6 заготовок. Итого 12. Из них прямоугольных – 4 фрагмента; сегментовидных – 1 готовая. Заготовки: прямоугольные – 6 фрагментов.

Квадрат 6-43 – 3 готовых, 4 фрагментов, 2 заготовки. Итого 9. Среди них прямоугольных – 2 готовых, 3 фрагмента; овальных – 1 готовая, 1 фрагмент. Заготовки: 2 размеченные, но нерасчлененные пластинки.

На квадратной линии *б* выявлено 376 бус-нашивок вместе с фрагментами, 1405 заготовок, включая удлиненные и размеченные пластинки. Наибольшее количество бус-нашивок и заготовок найдено на квадратах: *б* – 52, 51, 53, 54, 50, 49.

Квадраты линии в.

Квадрат 6-60 – 6 заготовок, прямоугольных – 1 целая, 4 фрагмента, 1 размеченная, но нерасчлененная пластинка.

Квадрат 6-59 – 6 целых, 3 фрагмента, 18 заготовок. Итого 27. Из них прямоугольных – 1 готовая; сегментовидных – 5 с намеченным отверстием, 3 фрагмента. Заготовки: прямоугольные – 4 целых, 14 фрагментов.

Квадрат 6-58 – 1 фрагмент прямоугольной.

Квадрат 6-57 – 4 фрагмента, 227 заготовок. Итого 231. Среди них прямоугольных – 3 фрагмента; овальных – 1 фрагмент. Заготовки: прямоугольные – 39 целых, 180 фрагментов, 8 удлиненных пластинок.

Квадрат 6-56 – 38 целых, 37 фрагментов, 39 заготовок. Итого 114. Из них прямоугольных – 3 готовых, 1 с намеченным отверстием, 6 фрагментов; сегментовидных – 33 готовых; овальных – 1 готовая, 31 фрагмент. Заготовки: прямоугольные – 10 целых, 21 фрагмент; 6 удлиненных и 2 размеченные, но нерасчлененные пластинки.

Квадрат 6-55 – 29 целых, 15 фрагментов, 29 заготовок. Итого 73. Среди них прямоугольных – 4 готовых, 4 с намеченным отверстием, 8 фрагментов; овальных – 5 готовых, 3 с намеченным отверстием; сегментовидных – 11 готовых, 2 с намеченным отверстием, 7 фрагментов. Заготовки: прямоугольные – 8 целых, 21 фрагмент.

Квадрат 6-54 – 21 целая, 26 фрагментов, 6 заготовок. Итого 53. Из них прямоугольных – 4 готовых, 5 с намеченным отверстием, 15 фрагментов; овальных – 5 готовых, 4 с намеченным отверстием; сегментовидных – 2 готовых, 1 с намеченным отверстием, 11 фрагментов. Заготовки: 3 размеченные, но нерасчлененные пластинки; прямоугольные – 3 фрагмента.

Квадрат 6-53 – 20 целых, 21 фрагмент, 135 заготовок. Итого 176. Среди них прямоугольных – 7 готовых, 7 с намеченным отверстием, 16 фрагментов; сегментовидных – 2 готовых, 5 фрагментов; овальных – 3 готовых, 1 с намеченным отверстием. Заготовки: прямоугольные – 4 целых, 111 фрагментов; 8 удлиненных и 2 размеченные, но нерасчлененные пластинки.

Квадрат 6-52 – 27 целых, 56 фрагментов, 183 заготовки. Итого 266. Из них прямоугольных – 7 готовых, 3 с намеченным отверстием, 37 фрагментов; сегментовидных – 9 готовых, 2 с намеченным отверстием; овальных – 3 готовых, 3 с намеченным отверстием, 19 фрагментов. Заготовки: прямоугольные – 21 целая, 158 фрагментов; 1 удлиненная и 3 размеченные, но нерасчлененные пластинки.

Квадрат в-51 – 30 готовых, 58 фрагментов, 165 заготовок. Итого 253. Среди них прямоугольных – 7 готовых, 10 с намеченным отверстием, 40 фрагментов; сегментовидных – 7 готовых, 1 с намеченным отверстием; овальных – 4 готовых, 1 с намеченным отверстием, 18 фрагментов. Заготовки: прямоугольные – 16 целых, 145 фрагментов; 2 удлиненные и 2 размеченные, но нерасчлененные пластинки.

Квадрат в-50 – 13 готовых, 38 фрагментов, 145 заготовок. Итого 195. Из них прямоугольных – 3 готовых, 3 с намеченным отверстием, 24 фрагмента; овальных – 3 готовых, 2 с намеченным отверстием; сегментовидных – 2 готовых, 14 фрагментов. Заготовки: прямоугольные – 12 целых, 127 фрагментов; 5 удлиненных и 1 размеченная, но нерасчлененная пластинка.

Квадрат в-49 – 15 готовых, 56 фрагментов, 131 заготовка. Итого 202. Среди них прямоугольных – 6 готовых, 5 с намеченным отверстием, 39 фрагментов; овальных – 2 готовых, 1 с намеченным отверстием; сегментовидных – 1 с намеченным отверстием, 17 фрагментов. Заготовки: **прямоугольные** – 17 целых, 108 фрагментов; 6 удлиненных пластинок.

Квадрат в-48 – 12 готовых, 14 фрагментов, 36 заготовок. Итого 62. Из них **прямоугольных** – 3 готовых, 3 с намеченным отверстием, 8 фрагментов; овальных – 4 с намеченным отверстием; сегментовидных – 1 готовая, 1 с намеченным отверстием, 6 фрагментов. Заготовки: **прямоугольные** – 6 целых, 30 фрагментов.

Квадрат в-47 – 21 готовая, 35 фрагментов, 18 заготовок. Итого 74. Среди них **прямоугольных** – 5 готовых, 7 с намеченным отверстием, 19 фрагментов; овальных – 3 готовых, 6 с намеченным отверстием, 16 фрагментов. Заготовки: **прямоугольные** – 2 целых, 16 фрагментов.

Между квадратами *в-47* и *в-46* найдено 35 заготовок, **прямоугольных** – 8 целых, 24 фрагмента и 3 длинные пластинки.

Квадрат в-45 – 12 готовых, 13 фрагментов, 7 заготовок. Итого 32. Из них **прямоугольных** – 3 готовых, 3 с намеченным отверстием, 11 фрагментов; овальных – 3 готовых; сегментовидных – 3 готовых, 2 фрагмента. Заготовки: **прямоугольные** – 4 целых, 3 фрагмента.

Квадрат в-44 – 7 готовых, 11 фрагментов, 8 заготовок. Итого 26. Среди них **прямоугольных** – 2 готовых, 1 с намеченным отверстием, 8 фрагментов; сегментовидных – 2 готовых, 1 с намеченным отверстием; овальных – 1 с намеченным отверстием; 3 фрагмента. Заготовки: **прямоугольные** – 5 целых, 3 фрагмента.

Квадрат в-43 – 4 готовых, 1 фрагмент, 1 заготовка. Итого 6. Из них **прямоугольных** – 1 готовая; овальных – 3 готовых; 1 фрагмент. Заготовка: **прямоугольная** – 1 целая.

На линии квадратов *в* найдено 644 бусы-нашивки вместе с фрагментами, 1189 заготовок с фрагментами. Большие бус-нашивки с заготовками выявлено на квадратах: *в* – 52, 51, 57, 49, 50, 53, 56.

Квадраты линии г.

Квадрат г-60 – 1 готовая, 3 заготовки. Итого 4. Готовая бус-нашивка сегментовидной формы. Заготовки **прямоугольные** – 3 фрагмента.

Квадрат г-58 – 1 фрагмент **прямоугольной** готовой, 2 фрагмента **прямоугольных** заготовок. Итого 3.

Квадрат г-57 – 6 готовых, 5 фрагментов, 17 заготовок. Итого 28. Среди них **прямоугольных** – 3 готовых, 1 с намеченным отверстием, 4 фрагмента; овальных – 2 готовых, 1 фрагмент. Заготовки: **прямоугольные** – 15 фрагментов, 2 удлиненные пластинки.

Квадрат г-56 – 1 готовая, 5 фрагментов, 2 заготовки. Итого 8. Из них **прямоугольных** – 1 готовая, 3 фрагмента остальных форм. Заготовки: **прямоугольные** – 2 фрагмента.

Квадрат г-55 – 9 готовых, 3 фрагмента, 24 заготовки. Итого 36. Среди них **прямоугольных** – 5 готовых, 2 фрагмента; овальных – 1 готовая; сегментовидных – 1 готовая; округлые – 2 готовые, 1 фрагмент. Заготовки: **прямоугольные** – 17 фрагментов, 5 удлиненных и 2 размеченные, но нерасчлененные пластинки.

Квадрат г-54 – 13 готовых, 15 фрагментов, 54 заготовки. Итого 82. Из них **прямоугольных** – 3 готовых, 4 с намеченным отверстием, 10 фрагментов; овальных – 1 готовая, 2 с намеченным отверстием; сегментовидных – 1 готовая, 2 с намеченным отверстием, 5 фрагментов. Заготовки: **прямоугольные** – 10 целых, 39 фрагментов; 3 удлиненные и 2 размеченные, но нерасчлененные пластинки.

Квадрат г-53 – 32 готовых, 42 фрагмента, 254 заготовки. Итого 328. Среди них **прямоугольных** – 8 готовых, 4 с намеченным отверстием, 23 фрагмента; сегментовидных – 5 готовых, 5 с намеченным отверстием; овальных – 7 готовых, 3 с намеченным отверстием, 19 фрагментов. Заготовки: **прямоугольные** – 27 целых, 213 фрагментов; 10 удлиненных, 4 размеченные, но нерасчлененные пластинки.

Квадрат г-52 – 43 готовых, 60 фрагментов, 321 заготовка. Итого 424. Из них **прямоугольных** – 8 готовых, 16 с намеченным отверстием, 34 фрагмента; овальных – 8 готовых, 4 с намеченным отверстием; сегментовидных – 5 готовых, 2 с намеченным отверстием, 26 фрагментов. Заготовки: **прямоугольные** – 61 целая, 240 фрагментов; 17 удлиненных и 3 размеченные, но нерасчлененные пластинки.

Квадрат г-51 – 10 готовых, 17 фрагментов, 127 заготовок. Итого 154. Среди них **прямоугольных** – 3 готовых, 1 с намеченным отверстием, 15 фрагментов; сегментовидных – 4 готовых; овальных – 1 готовая, 1 с намеченным отверстием, 2 фрагмента. Заготовки: **прямоугольные** – 21 целая, 96 фрагментов; 10 удлиненных пластинок.

Квадрат г-50 – 16 готовых, 28 фрагментов, 223 заготовки. Итого 267. Из них **прямоугольных** – 4 готовых, 3 с намеченным отверстием, 17 фрагментов; овальных – 6 готовых; сегментовидных – 2 готовых, 1 с намеченным отверстием, 11 фрагментов. Заготовки: **прямоугольные** – 39 целых, 177 фрагментов; 12 удлиненных пластинок.

Квадрат z-49 – 35 готовых, 79 фрагментов, 295 заготовок. Итого 409. Среди них прямоугольных – 10 готовых, 5 с намеченным отверстием, 49 фрагментов; овальных – 8 готовых, 1 с намеченным отверстием; сегментовидных – 5 готовых, 1 с намеченным отверстием; округлых – 1 готовая, 4 с намеченным отверстием, 30 фрагментов. Заготовки: прямоугольные – 85 целых, 192 фрагмента; 16 удлиненных и 2 размеченные, но нерасчлененные пластинки.

Квадрат z-48 – 29 готовых, 38 фрагментов, 87 заготовок. Итого 154. Из них прямоугольных – 7 готовых, 12 с намеченным отверстием, 25 фрагментов; овальных – 3 готовых, 2 с намеченным отверстием; сегментовидных – 5 готовых; 13 фрагментов. Заготовки: прямоугольные – 24 целых, 56 фрагментов, 7 размеченных, но нерасчлененных пластинок.

Квадрат z-47 – 12 готовых, 15 фрагментов, 43 заготовки. Итого 70. Среди них прямоугольных – 5 готовых, 3 с намеченным отверстием, 9 фрагментов; овальных – 1 готовая, 1 с намеченным отверстием; сегментовидных – 2 готовых, 6 фрагментов. Заготовки: прямоугольные – 6 целых, 36 фрагментов; 1 размеченная, но нерасчлененная пластинка.

Квадрат z-46 – 18 готовых, 30 фрагментов, 38 заготовок. Итого 86. Из них прямоугольных – 6 готовых, 5 с намеченным отверстием, 16 фрагментов; овальных – 3 готовых, 2 с намеченным отверстием; сегментовидных – 1 готовая, 1 с намеченным отверстием, 14 фрагментов. Заготовки: прямоугольные – 13 целых, 25 фрагментов.

Квадрат z-45 – 11 готовых, 20 фрагментов, 13 заготовок. Итого 44. Среди них прямоугольных – 5 готовых, 1 с намеченным отверстием, 8 фрагментов; овальных – 3 готовых, 1 с намеченным отверстием; сегментовидных – 1 с намеченным отверстием, 12 фрагментов. Заготовки: прямоугольные – 2 целых, 10 фрагментов; 1 размеченная, но нерасчлененная пластинка.

Квадрат z-44 – 15 готовых, 29 фрагментов, 33 заготовки. Итого 77. Из них прямоугольных – 9 готовых, 3 с намеченным отверстием, 15 фрагментов; овальных – 2 готовых; сегментовидных – 1 готовая, 14 фрагментов. Заготовки: прямоугольные – 8 целых, 23 фрагмента; 2 размеченные, но нерасчлененные пластинки.

Квадрат z-41 – 1 готовая сегментовидная.

На линии квадратов *г* найдено 639 бус-нашивков и их фрагментов, 1536 заготовок и их фрагментов. Больше бус-нашивков выявлено в квадратах: *г* – 52, 49, 53, 50, 51, 48.

Квадраты линии д.

Квадрат d-60 – 1 фрагмент прямоугольной заготовки.

Квадрат d-58 – 1 готовая, 1 фрагмент, 2 заготовки. Итого 4. Из них прямоугольных – 1 с намеченным отверстием, 1 фрагмент. Заготовки: прямоугольная – 1 фрагмент, сегментовидная – 1 целая.

Квадрат d-57 – 37 готовых, 40 фрагментов, 78 заготовок. Итого 155. Среди них прямоугольных – 1 готовая, 14 фрагментов; сегментовидных – 35 готовых, 1 с намеченным отверстием, 26 фрагментов.

Заготовки: прямоугольные – 5 целых, 73 фрагмента.

Квадрат d-56 – 101 готовая, 39 фрагментов, 26 заготовок. Итого 166. Из них прямоугольных – 5 готовых, 4 с намеченным отверстием, 7 фрагментов; сегментовидных – 88 готовых, 4 с намеченным отверстием, 32 фрагмента. Заготовки: прямоугольные 4 целых, 22 фрагмента.

Квадрат d-55 – 6 готовых, 7 фрагментов, 70 заготовок. Итого 83. Среди них прямоугольных – 2 готовых, 3 фрагмента; сегментовидных – 4 готовых, 4 фрагмента. Заготовки: прямоугольные – 8 целых, 58 фрагментов, 4 удлиненные пластинки.

Квадрат d-54 – 9 готовых, 10 фрагментов, 155 заготовок. Итого 174. Из них прямоугольных – 7 готовых, 2 с намеченным отверстием, 9 фрагментов; 1 фрагмент от овальных или сегментовидных. Заготовки: прямоугольные – 12 целых, 133 фрагмента; 10 удлиненных пластинок.

Квадрат d-53 – 14 готовых, 19 фрагментов, 51 заготовка. Итого 84. Среди них прямоугольных – 5 готовых, 3 с намеченным отверстием, 9 фрагментов; овальных – 2 готовых, 2 с намеченным отверстием; сегментовидных – 1 готовая, 1 с намеченным отверстием, 10 фрагментов. Заготовки: прямоугольные – 9 целых, 41 фрагмент; 1 удлиненная пластинка.

Квадрат d-52 – 18 готовых, 19 фрагментов, 88 заготовок. Итого 125. Из них прямоугольных – 3 готовых, 4 с намеченным отверстием, 13 фрагментов; овальных – 2 готовых, 4 с намеченным отверстием; сегментовидных – 3 готовых, 1 с намеченным отверстием; округлых – 1 готовая, 6 фрагментов. Заготовки: прямоугольные – 8 целых, 67 фрагментов; 10 удлиненных и 3 размеченные, но нерасчлененные пластинки.

Квадрат d-51 – 22 готовых, 14 фрагментов, 36 заготовок. Итого 72. Среди них прямоугольных – 9 готовых, 6 с намеченным отверстием, 6 фрагментов; овальных – 3 готовых; сегментовидных – 1 готовая, 2 с намеченным отверстием; округлых – 1 готовая, 8 фрагментов. Заготовки: прямоугольные – 10 целых, 18 фрагментов; 6 удлиненных и 2 размеченные, но нерасчлененные пластинки.

Квадрат d-50 – 16 готовых, 16 фрагментов, 45 заготовок. Итого 77. Из них прямоугольных – 3 готовых, 5 с намеченным отверстием, 12 фрагментов; овальных – 4 готовых; сегментовидных – 4 готовых, 4 фрагмента. Заготовки: прямоугольные – 10 целых, 31 фрагмент, 4 удлиненные пластинки.

Квадрат d-49 – 22 готовых, 57 фрагментов, 348 заготовок. Итого 422. Среди них прямоугольных – 7 готовых, 4 с намеченным отверстием, 28 фрагментов; овальных – 2 готовых, 1 с намеченным отверстием; сегментовидных – 7 готовых, 1 с намеченным отверстием, 24 фрагмента. Заготовки: прямоугольные – 42 целых, 291 фрагмент; сегментовидная – 1 крупная; 12 удлиненных и 2 размеченные, но нерасчлененные пластинки.

Квадрат d-48 – 37 готовых, 52 фрагмента, 169 заготовок. Итого 259. Из них прямоугольных – 17 готовых, 8 с намеченным отверстием, 30 фрагментов; сегментовидных – 3 готовых, 3 с намеченным отвер-

стием; овальных – 4 готовых, 2 с намеченным отверстием, 22 фрагмента. Заготовки: прямоугольные – 22 целых, 144 фрагмента; 4 размеченные, но нерасчлененные пластинки.

Квадрат д-47 – 4 готовых, 26 фрагментов, 41 заготовка. Итого 71. Среди них прямоугольных – 1 готовая, 1 с намеченным отверстием, 20 фрагментов; сегментовидных – 2 готовых, 6 фрагментов. Заготовки: прямоугольные – 20 целых, 21 фрагмент.

Квадрат д-46 – 6 готовых, 11 фрагментов, 6 заготовок. Итого 23. Из них прямоугольных – 2 готовых, 4 фрагмента; овальных – 1 готовая; сегментовидных – 3 готовых, 7 фрагментов. Заготовки, прямоугольные – 2 целых, 4 фрагмента.

Квадрат д-45 – 12 готовых, 19 фрагментов, 9 заготовок. Итого 40. Среди них прямоугольных – 2 готовых, 2 с намеченным отверстием, 5 фрагментов; овальных – 2 с намеченным отверстием; сегментовидных – 1 готовая, 5 с намеченным отверстием, 14 фрагментов. Заготовки: прямоугольные – 7 целых; 2 удлиненные пластинки.

Квадрат д-44 – 6 готовых, 7 фрагментов, 6 заготовок. Итого 19. Из них прямоугольных – 1 готовая, 3 с намеченным отверстием, 5 фрагментов; овальных – 1 с намеченным отверстием; сегментовидных – 1 готовая, 2 фрагмента. Заготовки: прямоугольные – 3 целых, 2 фрагмента; сегментовидная – 1 целая.

Квадрат д-42 – 3 готовых, 1 фрагмент, 2 заготовки. Итого 6. Среди них прямоугольных – 2 готовых, 1 с намеченным отверстием, 1 фрагмент. Заготовки: прямоугольные – 2 целые.

Квадрат д-41 – 1 готовая сегментовидная.

На линии квадратов *д* собрано 648 бус-нашивок с фрагментами, 1133 заготовки с фрагментами. Наибольшее количество экземпляров обнаружено в квадратах: *д* – 49, 48, 54, 56, 57, где явно преобладали заготовки, а не готовые бусы-нашивки.

Квадраты линии *е*.

Квадрат е-54 – 11 готовых, 13 фрагментов, 71 заготовка. Итого 95. Из них прямоугольных – 2 готовых, 2 с намеченным отверстием, 9 фрагментов; овальных – 4 готовых; сегментовидных – 3 готовых, 4 фрагмента. Заготовки: прямоугольные – 30 целых, 22 фрагмента; 16 удлиненных и 3 размеченные, но нерасчлененные пластинки.

Квадрат е-53 – 18 готовых, 10 фрагментов, 50 заготовок. Итого 78. Среди них прямоугольных – 8 готовых, 7 с намеченным отверстием, 7 фрагментов; овальных – 3 готовых, 3 фрагмента. Заготовки: прямоугольные – 22 целых, 17 фрагментов; 9 удлиненных и 2 размеченные, но нерасчлененные пластинки.

Квадрат е-52 – 4 готовых, 8 фрагментов, 9 заготовок. Итого 21. Из них прямоугольных – 1 готовая, 6 фрагментов; овальных – 1 готовая, 1 с намеченным отверстием; сегментовидных – 1 готовая, 2 фрагмента. Заготовки: прямоугольные – 5 целых, 2 фрагмента; 2 фрагмента овальных или сегментовидных.

Квадрат е-51 – 15 готовых, 5 фрагментов, 23 заготовки. Итого 43. Среди них прямоугольных – 5 готовых, 4 с намеченным отверстием, 2 фрагмента;

овальных – 3 готовых, 2 с намеченным отверстием; сегментовидных – 1 готовая, 3 фрагмента. Заготовки: прямоугольные – 8 целых, 13 фрагментов; 2 размеченные, но нерасчлененные пластинки.

Квадрат е-50 – 13 готовых, 6 фрагментов, 5 заготовок. Итого 24. Из них прямоугольных – 4 готовых, 3 с намеченным отверстием, 3 фрагмента; овальных – 2 готовых, 1 с намеченным отверстием; сегментовидных – 2 готовых, 1 с намеченным отверстием, 3 фрагмента. Заготовки: прямоугольные – 3 целых, 1 фрагмент, 1 размеченная, но нерасчлененная пластинка.

Квадрат е-49 – 23 готовых, 7 фрагментов, 4 заготовки. Итого 34. Среди них прямоугольных – 2 готовых, 4 с намеченным отверстием, 3 фрагмента; овальных – 6 готовых, 1 с намеченным отверстием; сегментовидных – 7 готовых, 3 с намеченным отверстием, 4 фрагмента. Заготовки: прямоугольные – 2 целых, 2 фрагмента.

Квадрат е-48 – 16 готовых, 25 фрагмента, 13 заготовок. Итого 54. Из них прямоугольных – 4 готовых, 1 с намеченным отверстием, 13 фрагментов; овальных – 8 готовых, 1 с намеченным отверстием; сегментовидных – 2 готовых, 12 фрагментов. Заготовки: прямоугольные – 3 целых, 8 фрагментов; 2 размеченные, но нерасчлененные пластинки.

Квадрат е-47 – 5 готовых, 12 фрагментов, 16 заготовок. Итого 33. Среди них прямоугольных – 3 с намеченным отверстием, 7 фрагментов; сегментовидных – 2 готовых, 5 фрагментов. Заготовки: прямоугольные – 4 целых, 11 фрагментов; 1 размеченная, но нерасчлененная пластинка.

Квадрат е-46 – 3 готовых, 7 фрагментов, 6 заготовок. Итого 16. Из них прямоугольных – 1 готовая, 2 с намеченным отверстием, 6 фрагментов; овальных – 1 фрагмент. Заготовки: прямоугольные – 4 целых, 2 фрагмента.

Квадрат е-44 – 2 готовых, 1 заготовка. Итого 3. Среди них прямоугольных – 1 с намеченным отверстием, сегментовидных – 1 готовая. Заготовки: прямоугольная – 1 целая.

На квадратах линии *е* обнаружено 203 бусы-нашивки с фрагментами, 198 заготовок с фрагментами. Большее количество выявлено на квадратах: *е* – 54, 53, 48, 51.

Квадраты линии *ж*. Ряд квадратов изучены лишь частично, среди них *ж* – 46', 42, 41, 40, 39.

Квадрат ж-59 – 4 готовых, 2 фрагмента. Итого 6. Из них прямоугольных – 3 готовых, 1 фрагмент; сегментовидных – 1 готовая, 1 фрагмент.

Квадрат ж-54 – 11 готовых, 6 фрагментов, 28 заготовок. Итого 45. Среди них прямоугольных – 3 готовых, 23 с намеченным отверстием, 4 фрагмента; овальных – 1 готовая, 1 с намеченным отверстием; сегментовидных – 3 готовых, 2 фрагмента. Заготовки: прямоугольные – 8 целых, 5 фрагментов; сегментовидные – 1 целая; 4 удлиненные пластинки.

Квадрат ж-53 – 20 готовых, 11 фрагментов, 44 заготовки. Итого 75. Среди них прямоугольных – 5 готовых, 4 с намеченным отверстием, 9 фрагментов; овальных – 3 готовых, 1 с намеченным отверстием;

сегментовидных – 7 готовых, 2 фрагмента. Заготовки: прямоугольные – 18 целых, 8 фрагментов; округлые – 1 целая; 15 удлиненных и 2 размеченные, но нерасчлененные пластинки.

Квадрат ж-52 – 7 готовых, 5 фрагментов, 10 заготовок. Итого 22. Среди них прямоугольных – 2 готовых, 1 с намеченным отверстием, 2 фрагмента; овальных – 2 с намеченным отверстием; сегментовидных – 2 готовых, 3 фрагмента. Заготовки: прямоугольные – 6 целых, 4 фрагмента.

Квадрат ж-50 – 8 готовых, 5 фрагментов, 7 заготовок. Итого 20. Из них прямоугольных – 3 готовых, 1 с намеченным отверстием, 1 фрагмент; овальных – 2 готовых; сегментовидных – 1 готовая, 1 с намеченным отверстием, 4 фрагмента. Заготовки: прямоугольные – 6 целых, 1 фрагмент.

Квадрат ж-49 – 12 готовых, 12 фрагментов, 17 заготовок. Итого 41. Среди них прямоугольных – 3 готовых, 9 фрагментов; овальных – 6 готовых, 2 с намеченным отверстием; сегментовидных – 1 готовая, 3 фрагмента. Заготовки: прямоугольные – 8 целых, 9 фрагментов.

Квадрат ж-48 – 6 готовых, 8 фрагментов, 5 заготовок. Итого 19. Из них прямоугольных – 3 готовых, 6 фрагментов; овальных – 2 готовых; сегментовидных – 1 готовая, 2 фрагмента. Заготовки: прямоугольные – 5 целых.

Квадрат ж-47 – 4 готовых, 4 фрагмента. Итого 8. Среди них прямоугольных – 2 с намеченным отверстием, 2 фрагмента; овальных – 2 готовых, 2 фрагмента.

*Квадрат ж-46*¹ неполный – 21 готовая, 10 фрагментов. Итого 31. Из них прямоугольных – 1 готовая, 1 с намеченным отверстием, 1 фрагмент; сегментовидных – 19 готовых, 9 фрагментов.

Квадрат ж-46 – 3 готовых, 9 фрагментов, 5 заготовок. Итого 17. Среди них прямоугольных – 1 готовая, 1 с намеченным отверстием, 9 фрагментов; сегментовидных – 1 готовая. Заготовки: прямоугольные – 1 целая, 4 фрагмента.

Квадрат ж-45 – 2 готовых, из них прямоугольных – 1 с намеченным отверстием; сегментовидных – 1 готовая.

На линии ж найдено 170 бус-нашивок с фрагментами, 116 заготовок с фрагментами. Наибольшее количество выявлено на квадратах: ж – 53, 54, 49.

Квадраты линии з. Часть квадратов исследованы не полностью.

Квадрат з-54 – 10 готовых, 11 фрагментов, 21 заготовка. Итого 42. Среди них прямоугольных – 5 готовых, 4 с намеченным отверстием, 8 фрагментов; овальных – 1 с намеченным отверстием, 3 фрагмента. Заготовки: прямоугольные – 7 целых, 6 фрагментов; округлые – 1 целая; 7 удлиненных пластинок.

Квадрат з-53 – 10 готовых, 7 фрагментов, 36 заготовок. Итого 53. Из них прямоугольных – 3 готовых, 3 с намеченным отверстием, 4 фрагмента; овальных – 2 готовых; сегментовидных – 2 готовых, 3 фрагмента. Заготовки: прямоугольные – 14 целых, 15 фрагментов; 7 удлиненных пластинок.

Квадрат з-52 – 17 готовых, 17 фрагментов, 30 заготовок. Итого 64. Среди них прямоугольных – 5 готовых, 1 с намеченным отверстием, 7 фрагментов; овальных – 5 готовых, 3 с намеченным отверстием; сегментовидных – 2 готовых; округлых – 1 готовая, 10 фрагментов. Заготовки: прямоугольные – 10 целых, 20 фрагментов.

Квадрат з-51 – 21 готовая, 23 фрагмента, 17 заготовок. Итого 61. Из них прямоугольных – 3 готовых, 3 с намеченным отверстием, 11 фрагментов; овальных – 9 готовых, 1 с намеченным отверстием; сегментовидных – 1 готовая, 4 с намеченным отверстием, 12 фрагментов. Заготовки: прямоугольные – 4 целых, 13 фрагментов.

Квадрат з-50 – 33 готовых, 15 фрагментов, 26 заготовок. Итого 74. Среди них прямоугольных – 8 готовых, 4 с намеченным отверстием, 9 фрагментов; овальных – 2 готовых, 3 с намеченным отверстием; сегментовидных – 16 готовых, 6 фрагментов. Заготовки: прямоугольные – 9 целых, 17 фрагментов.

Квадрат з-49 – 5 готовых, 10 фрагментов, 8 заготовок. Итого 23. Из них прямоугольных – 1 готовая, 3 с намеченным отверстием, 5 фрагментов; овальных – 1 с намеченным отверстием; 5 фрагментов. Заготовки: прямоугольные – 5 целых, 2 фрагмента; 1 фрагмент овальной или сегментовидной.

Квадрат з-48 – 7 готовых, 8 фрагментов, 17 заготовок. Итого 32. Среди них прямоугольных – 1 с намеченным отверстием, 6 фрагментов; овальных – 2 готовых, 2 с намеченным отверстием; сегментовидных – 1 готовая, 2 фрагмента. Заготовки: прямоугольные – 6 целых, 6 фрагментов; овальные – 1 целая; сегментовидные – 1 целая; 2 удлиненных и 1 размеченная, но нерасчлененная пластинка.

Квадрат з-46 – 12 готовых, 17 фрагментов, 15 заготовок. Итого 44. Из них прямоугольных – 1 готовая, 1 с намеченным отверстием, 7 фрагментов; овальных – 3 готовых, 4 с намеченным отверстием; сегментовидных – 3 готовых, 10 фрагментов. Заготовки: прямоугольные – 6 целых, 4 фрагмента; 4 удлиненные и 1 размеченная, но нерасчлененная с обозначенным отверстием, пластинка.

Квадрат з-45 – 3 готовых, 2 фрагмента. Итого 5. Среди них прямоугольных – 1 готовая, 2 фрагмента; овальных – 1 готовая; округлых – 1 готовая.

На линии з выявлено 228 бус-нашивок с фрагментами, 170 заготовок с фрагментами. Наибольшее количество экземпляров отмечено на квадратах: з – 50, 52, 51, 53.

Линия квадратов и. Часть квадратов разобраны частично, однако на них найдены бусы-нашивки и заготовки.

Квадрат и-52 – 22 готовых, 15 фрагментов, 5 заготовок. Итого 42. Из них прямоугольных – 6 готовых, 8 с намеченным отверстием, 12 фрагментов; овальных – 4 готовых; сегментовидных – 1 готовая, 3 с намеченным отверстием; 3 фрагмента. Заготовки: прямоугольные – 2 фрагмента, овальные или сегментовидные – 3 фрагмента.

Квадрат и-51 – 17 готовых, 9 фрагментов, 7 заготовок. Итого 33. Среди них прямоугольных – 8 го-

товых, 1 с намеченным отверстием, 7 фрагментов; овальных – 2 готовых, 2 с намеченным отверстием; сегментовидных – 3 готовых, 1 с намеченным отверстием, 2 фрагмента. Заготовки: прямоугольные – 1 целая, 3 фрагмента; 2 удлиненные и 1 размеченная, но нерасчлененная; с обозначенным отверстием пластинка.

Квадрат и-50 – 16 готовых, 19 фрагментов, 16 заготовок. Итого 51. Из них прямоугольных – 6 готовых, 5 с намеченным отверстием, 13 фрагментов; овальных – 1 готовая, 3 с намеченным отверстием; сегментовидных – 1 готовая, 6 фрагментов. Заготовки: прямоугольные – 7 целых, 7 фрагментов; 2 удлиненные пластинки.

Квадраты и-49 и 47 в прирезке были разобраны частично, а в 2003 при разбивке раскопа и-49 был вновь заложен как полный квадрат, а поэтому обозначим неполный квадрат и-49.

Квадрат и-49' – 7 готовых, 5 фрагментов, 12 заготовок. Итого 24. Среди них прямоугольных – 2 готовых, 5 фрагментов; овальных – 5 с намеченным отверстием. Заготовки: прямоугольные – 4 целых, 7 фрагментов; 1 удлиненная пластинка.

Квадрат и-49 – 35 готовых, 22 фрагмента, 5 заготовок. Итого 62. Из них прямоугольных – 2 готовых, 6 с намеченным отверстием, 14 фрагментов; овальных – 7 готовых, 19 с намеченным отверстием; сегментовидных – 1 готовая, 8 фрагментов. Заготовки: прямоугольные – 4 целых; 1 удлиненная пластинка.

Квадрат и-48 – 15 готовых, 15 фрагментов, 37 заготовок. Итого 67. Среди них прямоугольных – 6 готовых, 6 с намеченным отверстием, 10 фрагментов; овальных – 1 готовая, 1 с намеченным отверстием; сегментовидных – 1 готовая, 5 фрагментов. Заготовки: прямоугольные – 13 целых, 13 фрагментов; сегментовидные – 1 целая; 6 удлиненных и 4 размеченные, но нерасчлененные пластинки.

Квадрат и-47 – 10 готовых, 4 фрагмента, 8 заготовок. Итого 22. Из них прямоугольных – 4 готовых, 1 с намеченным отверстием, 3 фрагмента; овальных – 4 готовых; сегментовидных – 1 готовая, 1 фрагмент. Заготовки: прямоугольные – 4 целых, 4 фрагмента.

На линии квадратов *и* выявлено 211 бус-нашивок с фрагментами, 90 заготовок с фрагментами. Наибольшее их количество найдено на квадратах: и – 48, 49, 50, 52.

Линия квадратов л.

Квадрат к-52 – 8 готовых, 6 фрагментов, 6 заготовок. Итого 20. Среди них прямоугольных – 2 готовых, 3 с намеченным отверстием, 3 фрагмента; овальных – 2 готовых, 3 фрагмента. Заготовки: прямоугольные – 3 целых, 1 фрагмент; овальные – 1 целая; 1 размеченная, но нерасчлененная с обозначенным отверстием, пластинка.

Квадрат к-51 – 5 готовых, 1 фрагмент, 4 заготовки. Итого 10. Из них прямоугольных – 2 с намеченным отверстием; овальных – 1 готовая; сегментовидных – 2 готовых, 1 фрагмент. Заготовки: прямоугольные – 3 целых, 1 фрагмент.

Квадрат к-50 – 9 готовых, 6 фрагментов, 7 заготовок. Итого 22. Среди них прямоугольных – 5 с намеченным отверстием, 2 фрагмента; овальных – 3 готовых; сегментовидных – 1 готовая, 4 фрагмента. Заготовки: прямоугольные – 3 целые, 2 фрагмента; 2 удлиненные пластинки.

Квадраты к-49 и к-47 в прирезке разобраны частично, а в 2003 при разбивке раскопа был заложен полный квадрат к-49. Квадрат в прирезке обозначим как к-49'.

Квадрат к-49' – 3 готовых, 11 фрагментов, 7 заготовок. Итого 21. Из них прямоугольных – 2 готовых, 9 фрагментов; овальных – 1 с намеченным отверстием, 2 фрагмента. Заготовки: прямоугольные – 3 целых, 4 фрагмента.

Квадрат к-49 – 14 готовых, 9 фрагментов, 11 заготовок. Итого 34. Среди них прямоугольных – 5 с намеченным отверстием, 7 фрагментов; овальных – 2 готовых, 3 с намеченным отверстием; сегментовидных – 2 готовых, 2 с намеченным отверстием, 2 фрагмента. Заготовки: прямоугольные – 10 целых; 1 размеченная, но нерасчлененная пластинка.

Квадрат к-48 – 14 готовых, 15 фрагментов, 10 заготовок. Итого 39. Среди них прямоугольных – 3 готовых, 4 с намеченным отверстием, 9 фрагментов; овальных – 1 готовая, 2 с намеченным отверстием; сегментовидных – 3 готовых; округлых – 1 готовая, 6 фрагментов. Заготовки: прямоугольные – 8 целых, 2 фрагмента.

Квадрат к-47 – 7 готовых, 7 фрагментов, 7 заготовок. Итого 21. Из них прямоугольных – 2 с намеченным отверстием, 4 фрагмента; овальных – 3 готовых, 1 с намеченным отверстием; сегментовидных – 1 готовая, 3 фрагмента. Заготовки: прямоугольные – 3 целых, 3 фрагмента; сегментовидные – 1 фрагмент.

На линии *к* найдено 112 бус-нашивок с фрагментами, 52 заготовки с фрагментами. На данной линии исследовано немного квадратов. Наибольшее количество экземпляров обнаружено на квадратах: к – 48, 49, 50.

Линия квадратов л.

Квадрат л-52 – 9 готовых, 9 фрагментов, 2 заготовки. Итого 20. Среди них прямоугольных – 1 готовая, 3 с намеченным отверстием, 5 фрагментов; овальных – 1 готовая, 2 с намеченным отверстием; сегментовидных – 1 готовая; округлых – 1 готовая, 4 фрагмента. Заготовки: прямоугольные – 2 фрагмента.

Квадрат л-51 – 16 готовых, 13 фрагментов, 4 заготовки. Итого 33. Из них прямоугольных – 4 с намеченным отверстием, 9 фрагментов; овальных – 2 готовых; сегментовидных – 10 готовых, 4 фрагмента. Заготовки: прямоугольные – 4 фрагмента.

Квадрат л-50 – 4 готовых, 4 фрагмента, 3 заготовки. Итого 11. Среди них прямоугольных – 3 готовых, 2 фрагмента; овальных – 1 готовая, 2 фрагмента. Заготовки: прямоугольные – 3 целые.

Квадрат л-49 – 5 готовых, 7 фрагментов, 1 заготовка. Итого 13. Среди них прямоугольных – 3 готовых, 1 с намеченным отверстием, 5 фрагментов; овальных – 1 готовая, 2 фрагмента. Заготовки: прямоугольные – 1 фрагмент.

На линии *л* обнаружено 67 бус-нашивок с фрагментами, 10 заготовок с фрагментами. Большие бусы были на квадратах: *л* – 51, 50.

Кроме перечисленных квадратов, бусы-нашивки и заготовки собраны при зачистке культурного слоя после дождя. Среди них прямоугольных – 7 готовых, 8 фрагментов; заготовки: прямоугольные – 3 фрагмента; 3 размеченных, но нерасчерченных пластинок. Итого 21 экземпляр.

Бусы-нашивки – самые многочисленные изделия Юдинова, отличаются определенным своеобразием. Это изящные, тонкие и плоские поделки, разнообразной формы с прорезанным отверстием. Они представлены во всех стадиях изготовления. Собрано много фрагментов и заготовок.

За пределами музейного павильона, на исследованной межжилищной площадке за все годы, включая и 2003, найдены 3841 буса-нашивки с фрагментами и 7425 заготовок с фрагментами.

Среди бус-нашивок 1104 законченных изделия, 552 с намеченным, но до конца не прорезанным отверстием. Преобладают прямоугольные и сегментовидные, почти в 2 раза меньше овальных и единичны округлые экземпляры.

Наблюдалась определенная закономерность в распространении бус-нашивок за пределами жилых комплексов и ямы-зольника. Так наибольшее их количество было сосредоточено около очага. Возможно, здесь занимались изготовлением этих мелких изделий. Около очага собраны куски бивней с негативами сколов и заготовки с размеченной сеткой для бус.

Любопытное скопление бус-нашивок выявлено на квадратах в и д-56. На квадрате д-56 найдено 124 сегментовидных и 16 прямоугольных бус-нашивок, которые были скреплены все вместе известковистым натеком. На квадрате в-56 – 64 сегментовидных экземпляра были тоже сцементированы известковистым натеком. Оба квадрата – наиболее выразительные места концентрации бус-нашивок. Много их было найдено в небольшой яме и местах скопления костей.

Многочисленность и своеобразие бус-нашивок позволяет считать их одним из культурно-определяющих элементов Юдинова. Особенности поделок позволяют выделить юдиновский тип бус-нашивок. За пределами Среднего Поднепровья подобные изделия пока не известны.

Сходные бусы-нашивки встречаются в стоянках Поднепровья, но количественно они значительно уступают юдиновским. В Супонево найдено 13 небольших плоских бусин из бивня, прямоугольной и округлой форм с отверстием посередине. Размеры их: около 1 см в диаметре, 0,2 см толщиной. В отличие от юдиновских, отверстия у них просверлены, а не прорезаны (Шовкопляс 1952: 91; Абрамова 1962: 37–38). В Елисеевичих имеется плоская бусина (5687 № 1494) прямоугольной формы, размером 1,3 × 0,9 см, толщиной 0,1 см, с круглым отверстием, полученным двусторонним сверлением. Отдельные крупные бусы есть и в Юдиново. В коллекции Елисеевичей имеются небольшие тонкие пластинки, которые могли использоваться как заготовки для бус. В Мезине

представлены изделия из бивня более крупных размеров, чем юдиновские. Это плоские прямоугольные и округлые экземпляры с просверленным посередине отверстием. Одна из них – прямоугольная поделка размером 2 × 1,6 см; округлая; диаметром 2 см. И. Г. Шовкопляс считал их бытовыми предметами – пуговицами (Шовкопляс 1965: 214, таб. 46, № 21, 23).

Итак, в стоянках Поднепровья изделия, аналогичные юдиновским, близки между собой по технике изготовления и форме, но они, кроме супоневских, крупнее размером и отверстия у них просверлены, а не прорезаны.

Бусы из бивня известны в разнокультурных памятниках Восточной Европы и Сибири. Однако они существенно отличаются техникой изготовления, формой и стелкой. Из верхнепалеолитических памятников Восточной Европы обилием бус выделяется стоянка Сунгирь. Уникальные погребения мужчины, мальчика и девочки были буквально засыпаны бусами. В погребении мужчины было обнаружено около 3500 бус, мальчика – 2728, девочки – 3504. Общее количество бус составляло около 9735 экземпляров. Н. О. Бадер полагает: «Огромное количество бус из бивня мамонта, найденных в погребениях в первоначально, не погребенном порядке, несомненно, украшали одежду, были нашиты на нее. Скрупулезная фиксация позволяет восстановить основные элементы, и даже покроя одежды первобытного человека» (Палеолитическое поселение... 1998: 83). Кроме погребений, бусы и их заготовки найдены и на поселении. О. Н. Бадер выделял 3 типа бус. Первый тип – короткие, уплощенные, довольно массивные прямоугольные бусы, один конец у них уплощен и закрулен, на нем и просверлено отверстие. Размеры их 1,2 × 0,8 × 0,4 см. Ко второму типу отнесены бочкообразные, с закругленными углами, овально-уплощенные бусы. На плоскостях их с обеих сторон сделаны симметричные поперечные вырезы, как считал О. Н. Бадер, для облегчения просверливания отверстия. Мелкие экземпляры уплощены больше. Более крупные размером 1,3 × 0,7 × 0,5 см. Третий тип – это разновидность второго типа. Они выделяются округлостью контуров и миниатюрностью, самые мелкие размером 0,6 × 0,4 × 0,25 см. Отверстия у них просверлены посередине. Два основных типа О. Н. Бадер предлагал выделить в особый сунгирский тип (Сукачев, Громов, Бадер 1966: 37, 39). В целом бусы Сунгири более объемны и массивны, с выпуклыми или плосковыпуклыми поверхностями. Они отличаются от юдиновских и оформлением.

Для Костенковских памятников более характерны бусы из зубов животных и пронизки из костей. Единичные бусы из бивня тоже есть. Во втором культурном слое Костенок 14 имеется изделие овальной формы, зауженное у концов, объемное, с отверстием, изготовленным двусторонним сверлением (Палеолит... 1982: 154). Возможно, одной из разновидностей бус являются поделки из бивня в виде маленьких кружков с просверленным посередине отверстием, диаметром 1 см, из верхнего культурного слоя Борцево 2 (Палеолит... 1982: 219). Но это, к сожалению,

единичные экземпляры. Бусы из бивня и ожерелья из позвонков рыбы обнаружены и в Костенках I, но они еще не опубликованы. Среди памятников Русской равнины бусы имеются и в Авдеево. В основном, это экземпляры из трубчатых костей мелких животных, не считая бус из зубов песцов и волков (Gvozdoev 1995: 12; таб. II). Таким образом, бусы верхнепалеолитических памятников Восточной Европы весьма своеобразны, отличаются техникой изготовления, формой и отделкой.

Что касается стоянок Сибири, то среди них богатством и разнообразием костяных изделий выделяется, прежде всего, Мальта. Различны и бусы Мальты, изготовленные из рога северного оленя, бивня, пронизки из костей птиц и позвонков рыб. Бусы из бивня представляют собой мелкие, округлые, плоские изделия, с просверленным посередине отверстием. Яркий пример тому – ожерелье из погребения ребенка, состоящее из 6 подвесок и 120 круглых плоских бусин (Герасимов 1931). Крупные бусы – диаметр 0,9 см и толщиной 0,3 см. Бусы из рога северного оленя – крупные, массивные, округлые, с просверленным посередине отверстием, величиной 0,7–1,1 см (Герасимов 1931: 16; Абрамова 1962: 51).

Среди бус сибирских стоянок наиболее близки к юдиновским изделия из Красного Яра на р. Ангаре. Это миниатюрные, плоско-выпуклые, овальные и округлые экземпляры, изготовленные из эмали зубов, скорее всего, лошади. Имеется 3 целых и 2 фрагмента с частично сохранившимися отверстиями. Из целых – 1 округлая крупная бусина, размером 1 x 1,1 см с просверленным посередине отверстием, и 2 овальных экземпляра с отверстием в центре, размерами 0,8 x 0,7 см (Абрамова 1962: 52; Абрамова 1978: 25). В Красном Яре найдены бусы из скорлупы янц страуса.

Из других памятников следует отметить Афонтову Гору II и III. В них есть бусы из камня и трубчатых костей животных (Абрамова 1960: 38). Н. К. Ауэрбах и Г. П. Сосновский писали о том, что в Афонтовой Горе II имеются бусы округлой и подчетыреугольной форм, последние размерами 1 x 1,1 см, с отверстием, диаметр которого 0,4 см. Некоторые бусы сделаны из бивня (Ауэрбах, Сосновский 1932: 84; Астахов 1999: 90, 91). С. Н. Астахов отмечает, что техника изготовления подвесок и бус в Афонтовой Горе II близ-

ки между собой. Плоские подвески выделывали из пластинок костей или бивней. На пластинке просверливали отверстия, а затем пластинку делили на отдельные подвески или бусины. На Афонтовой Горе II найдена пластинка, позволяющая воспроизвести способ изготовления подвесок, очевидно, таким способом делали и бусы.

О разнообразии бус и сырья, из которого их изготавливали, свидетельствуют изделия забайкальской стоянки Студеное 2 (Константинов 2001: 107, 108). Из 15 найденных бус, 10 – сделаны из скорлупы янц страуса, 5 – из иолита. Они разной формы: ромбовидные, овальные, округлые.

Краткий обзор бус из верхнепалеолитических памятников Восточной Европы и Сибири подтверждает их своеобразие и оригинальность, различия в технике изготовления, форме и используемом сырье. В Восточной Европе бусы делали, главным образом, из бивня, кости, режа рога. В Сибири в качестве сырья употребляли кость, рог, эмаль зубов, позвонки рыб и даже скорлупу янц страуса. Отверстия в бусах просверлены, в отличие от прорезанных юдиновских. Бусы разнообразны по форме: прямоугольные, овальные, округлые, в виде неправильных ромбов, плоские, плоско-выпуклые, выпуклые.

Планиграфия бус-нашивок Юдинова показала, что они были распространены почти по всей исследованной площади поселения. Участки наибольшей их концентрации: в жилищах около очага, в яме, в местах скопления (и, возможно, обработки) костей. Бусы-нашивки, представленные на всех стадиях изготовления, позволяют проследить процесс их обработки: от пластинок – заготовок с поперечным расщеплением и иногда обозначенными отверстиями, куска бивня с размеченной сеткой, до экземпляров с намеченным, но до конца не прорезанным отверстием и готовых изделий разной формы. Бусы-нашивки – плоские и тонкие поделки. Отверстия у них прорезаны, а не просверлены, как у бус других памятников, хотя юдиновцам было хорошо знакомо сверление. На это указывают многие костяные изделия поселения.

Бусы-нашивки Юдинова выделяются своей оригинальностью при сравнении с подобными экземплярами из других разнокультурных и разновременных памятников Европы и Сибири. И тем самым, подчеркивают особенности данного поселения.

Абрамова 1960 – Абрамова З. А. Палеолитическое искусство Сибири. Иркутск, 1960.

Абрамова 1962 – Абрамова З. А. Палеолитическое искусство на территории СССР // САИ. Вып. А 4–3. М.–Л., 1962.

Абрамова 1978 – Абрамова З. А. Палеолитическое поселение Красный Яр на Ангаре (верхний комплекс) // Древние культуры Приангарья. Новосибирск, 1978. С. 7–34.

Абрамова 1995 – Абрамова З. А. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. Вып. I. СПб., 1995.

Абрамова, Григорьева, Кристенсен 1997 – Абрамова З. А., Григорьева Г. В., Кристенсен М. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. Вып. II. СПб., 1997.

Астахов 1999 – Астахов С. Н. Палеолит Енисея. Палеолитические стоянки на Афонтовой Горе, в г. Красноярск. СПб., 1999.

Ауэрбах, Сосновский 1932 – Ауэрбах Н. К., Сосновский Г. П. Материалы по изучению палеолитических индустрий и условия их нахождения на стоянке Афонтова Гора II // Труды Комиссии ПИЧП. № 1. Л., 1932. С. 84.

Герасимов 1931 – Герасимов М. М. Мальта, палеолитическая стоянка. Иркутск, 1931.

Герасимов 1941 – Герасимов М. М. Обработка кости на палеолитической стоянке Мальта // МИА. № 2. М.–Л., 1941. С. 65–85.

Константинов 2001 – Константинов А. В. Древние жилища Забайкалья. Новосибирск, 2001.

Палеолит ... 1982 – Палеолит Костенково-Борщевского района на Дону. 1879–1979. Некоторые итоги полевых исследований. Под ред. Н. Д. Праслова, А. Н. Рогачева. Л., 1982.

Палеолитическое поселение ... 1998 – Палеолитическое поселение Сунгирь. (Погребения и окружающая среда). Под ред. Н. О. Бадера, Ю. А. Лаврушина. М., 1998.

Семенов 1968 – Семенов С. А. Развитие техники в каменном веке. Л., 1968.

Сукачев, Громов, Бадер 1966 – Сукачев В. Н., Громов В. И., Бадер О. Н. Верхнепалеолитическая стоянка Сунгирь // Труды ГИН. Вып. 162. М., 1966.

Шовкопляс 1952 – Шовкопляс І. Г. Кістяні вироби Супо-нзвської палеолітичної стоянки // Археологія. № 6. Київ, 1952.

Шовкопляс 1952 – Шовкопляс І. Г. Мезинская стоянка. Киев, 1952.

Gvozdover 1995 – Gvozdover M. Art of the Mammoth Hunters: The Finds from Avdecevo. Oxbow Monograph 49. 1995.

PLANIGRAPHY OF CLOTHING BEADS FROM THE UPPER PALAEOLITHIC SITE OF YUDINOV (EXCAVATIONS OF 1988–1990, 1995–1997, 2000–2003)

G. V. GRIGORYEVA

Bone artefacts pertain to a special category of finds that define and stress the peculiarity of a site.

In Yudinovo, bone-carving crafts were highly developed, especially the working of tusks, from which diverse objects were manufactured.

Beads sewn onto clothing are the most numerous group of finds from Yudinovo. More than 17,000 of such objects have been found here, together with fragments and blanks. These are miniature, thin and flat, refined decorations of various shapes made from tusk: rectangular, oval, segment-shaped, or circular. Their dimensions: length 0.5–0.9 cm or 1–1.5 cm for the larger ones, width 0.5–0.7 cm, thickness 0.1–0.2 cm; diameter of the circular examples – 0.5–0.7 cm.

These finds are distributed throughout almost the entire excavated area of the site. The most numerous examples were found inside the dwellings, in an ash-pit, and outside the dwellings – near a hearth-place, in a small pit, among bone accumulations, where they were probably worked, and in some separately excavated squares.

The originality and peculiarity of the clothing beads from Yudinovo allow us to distinguish them as a separate type.

Outside the limits of the Dnieper area no such objects have been discovered. Although finds of beads have been reported from East-European and Siberian sites of various cultures and different periods, they differ essentially from the Yudinovo examples.

ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ИНДУСТРИИ С ДВУСТОРОННИМИ ОСТРИЯМИ ДОЛИНЫ СЕВЕРСКОГО ДОНЦА¹

А. Е. МАТЮХИН²

Позднепалеолитические индустрии с двусторонними острями (наконечниками) на территории Русской равнины не столь многочисленны. Назовем лишь некоторые из них. Это Королево 2 в Закарпатье (Gladiin, Demidenko 1990: 115–124), Гордишесты (Борзияк 1984: 28–36) и Корпач (Кетрару, Борзияк, Григорьева. 1981: 63–72) в Молдавии, 5-й слой Костенок 1 (Рогачев и др. 1982: 65–66), Костенки 6 (Рогачев, Аникивич 1982: 88–91), Костенки 11 (Рогачев, Попов 1982: 128–130), Сунгирь во Владимирской области (Балер 1978), Гарчи в Приуралье (Павлов, Макаров 1998: 4–17). Исключительный интерес представляют индустрии позднепалеолитических памятников в балке Бирючьей у х. Кременского Константиновского района Ростовской области (Матюхин 1994а: 4–36; 1994б: 25–37; Matioukhine 1998а: 466–487; 1998б: 67–113). Все перечисленные памятники относятся к этапу позднего палеолита. Двусторонние остря имеют как листовидную, так и треугольную форму. Отметим, что в инвентаре памятников в балке Бирючьей обнаружено большое количество двусторонних наконечников, что даёт реальную возможность ставить вопрос об их типологии, технологии изготовления, культурном статусе, аналогиях, генезисе, связях с мустьерскими индустриями и т. п. В балке Бирючьей открыты и исследуются в течение ряда лет несколько многослойных палеолитических памятников, содержащих мустьерские и позднепалеолитические индустрии. Всего известно 8 таких памятников. В данной статье будут рассмотрены 4 памятника, которые содержат богатые позднепалеолитические индустрии с листовидными и треугольными острями. Это Бирючья Балка 1, Ia, Ib и 2. Памятники исследованы в разной степени. Масштабные полевые работы проводились на памятниках Бирючья Балка Ia и 2, Бирючья Балка 1 и Ib изучены лишь предварительно. В данный момент относительно полно в естественнонаучном отношении исследован только памятник Бирючья Балка 2. В предлагаемой статье основное внимание мы намерены уделить изучению индустрии памятников, затронув упомянутые выше вопросы.

Бирючья Балка 1 (рис. 1). Памятник был открыт в 1976 г. Н. Д. Прасловым. Раскопки его проводились в 1991 и 1999 гг. (Матюхин 2001б: 26–36). Кремневые изделия связаны с бурым суглинком и располагаются на глубине около 1,2 м от поверхности. Они образуют скопление длиной 5 м и шириной 3 м. Мощностной горизонт с находками 20–25 см. Судя по характеру залегания, последние не претерпели какого-либо заметного перемещения.

Все предметы изготовлены из кремня серого и темно-серого цвета. Он неоднородный, содержит пустоты и инородные включения. Многие изделия имеют одностороннюю патину или лишены ее.

Нуклеусы демонстрируют преимущественно параллельный плоскостной способ расщепления. Выделены 3 грубоприматических нуклеуса. Среди отщепов преобладают сколы с частичной коркой и без корки. Длина подавляющей части отщепов в пределах 2–5 см, а толщина – 1–2 см. Качественные отщепы немногочисленны. Характерно присутствие отщепов с двускатной параллельной и многорядной огранкой. Целых пластин мало. В основном, пластины представлены фрагментами. Огранка их достаточно грубая. Специальные нуклеусы для скалывания пластин не установлены. Очень мелкие осколки и чешуйки составляют 4,68% от общего числа данных сколов, что имеет свое объяснение, а именно – изготовление заготовок орудий, а не законченных форм.

Орудия морфологически невыразительны и бедны по составу. Орудий на отщепах насчитывается 15 экз. (рис. 2: 2–3, 5). Причем типичные орудия единичны. У одного грубого крупного скребка, выполненного на первичном отщепе, на одном из боковых краев отмечены несколько крупных и мелких фасеток ретуши. Причем мелкая ретушь является притупляющей, а точнее, забивающей. Такая ретушь обычно возникает при использовании данного предмета в качестве ретушера. Другой скребок имеет сложную морфологию (рис. 2: 5). Одна из его поверхностей (брюшко исходного отщепа) обработана по всей длине сколами. Напротив, рабочее лезвие оформлено небрежно. В коллекции горизонта отмечен остроконечник (рис. 2, 3). Упомянем отщепы, в том числе крупные, с регулярной и нерегулярной ретушью.

Рассмотрим различные орудия с двусторонней обработкой. Почти все бифасы представлены обломками (рис. 2: 1, 6–9). Существенно, что основная их часть имеет удлиненные пропорции, грубую обработку и невыраженные очертания. Лишь отдельные экземпляры могут быть названы миндалевидными. Другими словами, все бифасы являются незаконченными, неудавшимися орудиями. Вполне вероятно, что это наконечники, оставшиеся на начальной стадии обработки. Целые двусторонние наконечники или их обломки пока не найдены. Однако некоторые зауженные бифасальные формы могут быть названы таковыми (рис. 2: 4).

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 02-06 80462а.

² Россия. 191186. Санкт-Петербург: Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел палеолита.

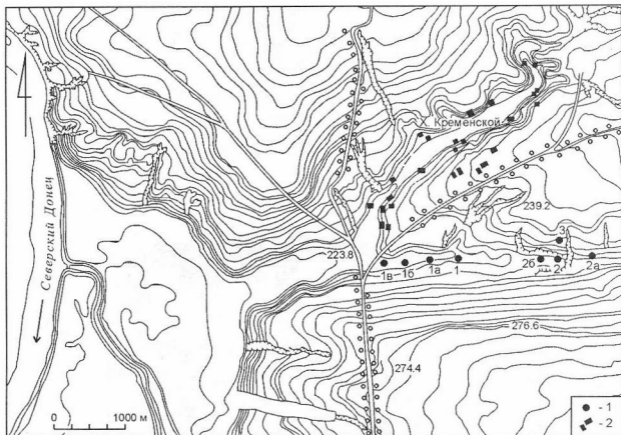

Рис. 1. План расположения памятников в балке Бирючьей: 1 – стоянки; 2 – дома деревни.

Fig. 1. Map of the sites in the balka Biryuchya: 1 – sites; 2 – houses of the village.

Как видно, в инвентаре данного памятника практически нет законченных и типичных орудий. Это мастерская по изготовлению заготовок двусторонних наконечников, скорее всего, листовидной формы. В целом, двусторонние формы Бирючьей балки 1 напоминают аналогичные орудия Бирючьей Балки 1а, которые будут рассмотрены ниже.

Бирючья Балка 1а (рис. 1). Этот памятник раскапывался в течение ряда лет (Матюхин 2002а: 11–28; Matioukhine 1998а: 477,480, 483; 1998б: 81–86). Работы проводились на 4–х участках памятника. Отметим, что на деле участки соответствуют компактным скоплениям кремневых изделий, имеющим различные размеры. За пределами скоплений находки практически не встречаются. Это характерно для мастерских. Причем на отдельных участках (1–2) выявлено несколько уровней залегания кремневых предметов. Лучше всего стратиграфия отложений склона балки прослежена в раскопах на участках 1–2. Здесь мощность рыхлых отложений составляет около 10 м. В нижней их части обнаружены мустьерские изделия. Установлены 6 позднелепалеолитических горизонтов (1, 2, 3а, 3, 3б и 3в). Насыщенные скопления выявлены в горизонтах 2, 3а и 3.

Самый ранний позднелепалеолитический горизонт (3в) отмечен на участке 3 на глубине около 6 м. Здесь расчищено небольшое скопление кремневых изделий, где кроме продуктов первичного расщепления обна-

ружено 1 орудие – треугольное острие с обломанным кончиком. Оно изготовлено на отщепе и имеет частичную обработку.

Горизонт 3б выявлен на участке 2 в виде скопления длиной 1,8 м и шириной 1,6 м. Всего собрано свыше 3 тыс. изделий. Преобладают отщепы, осколки и чешуйки. Пластины и нуклеусы единичны. Орудий насчитывается 23 экз. Преобладают грубые

Наименование изделий	Количество	%
Желваки и обломки без обработки	1	0,02
Желваки и обломки с един. сколами	8	0,17
Нуклеидные обломки	126	2,70
Нуклеусы	25	0,53
Отщепы	1442	30,98
Пластины и пластинки	442	9,49
Сколы оформления	47	1,00
Осколки и чешуйки	2520	54,13
Орудия	43	0,77
Всего	4655	

Таблица 1. Бирючья Балка 1. Общий список изделий.

Table 1. Biryuchya Balka 1. General list of artefacts.

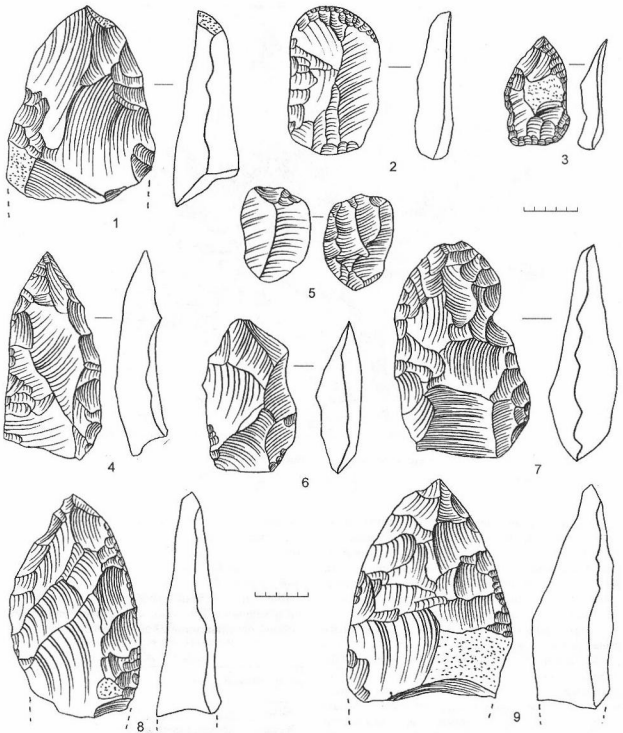

Рис. 2. Бирючья Балка 1. Кремневые изделия: 1, 6-9 – бифасы; 2-5 – скребки; 3 – остроконечник; 4 – листовидное остриё.

Fig. 2. Biryuchya Balka 1. Flint artefacts. 1, 6-9 – bifaces; 2-5 – end scrapers; 3 – point; 4 – triangular point.

скребла. Скребки и резцы отсутствуют. Отметим присутствие отщепа с уплощенным корпусом и отщепа с базальным утончением, нуклеидных орудий и бифасов. Лишь один бифас (всего их 3 экз.) является целым. Остальные сохранились в обломках (рис. 3: 8). Выделены также 2 листовидных острия (рис. 3: 6). Одно из них не закончено. Таким образом,

в инвентаре горизонта 3 б почти нет готовых орудий. По нашему мнению, все орудия, по крайней мере, орудия с двусторонней обработкой, связаны с изготовлением заготовок листовидных наконечников. Судя по количеству изделий, речь может идти о небольшой кратковременной мастерской.

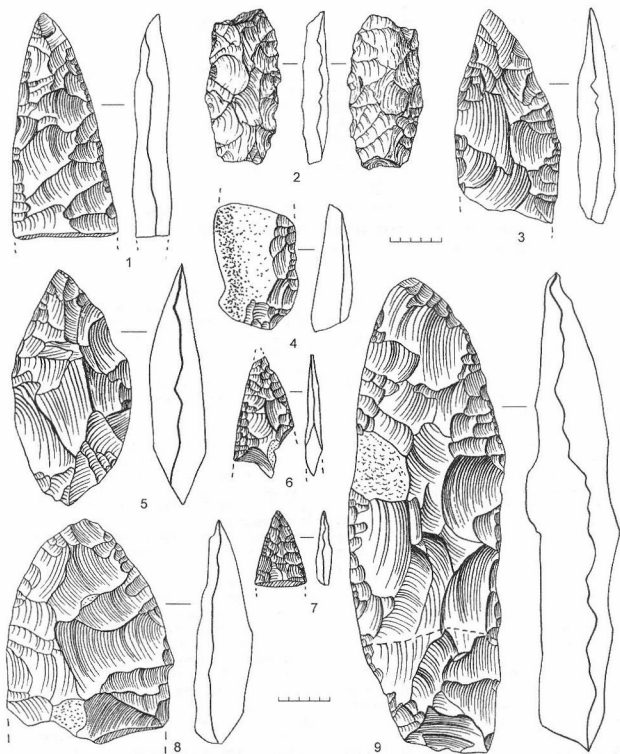

Рис. 3. Бирючья Балка Ia. Кремневые изделия: 1, 4, 6-7 – обломки листовидных острей; 2 – скребок; 3 – листовидное орудие с усечёнными концами; 5, 8-9 – бифасы.
1-6, 9 – горизонт 3; 7-8 – горизонт 36.

Fig. 3. Biryuchya Balka Ia. Flint artefacts. 1, 4, 6-7 – fragments of triangular points; 2 – end scraper; 3 – leaf-shaped tool with truncated ends; 5, 8-9 – bifaces.
1-6, 9 – horizon 3; 7-8 – horizon 36.

Горизонт 3 выявлен на участке 1 памятника. Он залегает на глубине 3,6 м от поверхности. Представлен в виде крупного скопления длиной и шириной 5 м. Многие кремни обожжены. Всего собрано свыше

10 тыс. кремневых изделий. Обращает на себя внимание небольшое число нуклеусов (10 экз.). Почти все они представлены обломками. Среди отщепов явно преобладают сколы с частичной коркой и без корки.

Наименование изделий	Количество	%
Желваки и обломки без обработки	3	0,02
Желваки и обломки с едиг, сколами	6	0,05
Нуклеидные обломки	49	0,46
Нуклеусы	10	0,09
Отщепы	2553	23,85
Пластины	240	2,28
Осколки и чешуйки	7562	71,67
Орудия	121	1,21
Всего	10551	

Таблица 2. Бирючья Балка Ia, гор. 3. Общий список изделий.

Table 2. Biryuchya Balka Ia, horizon 3. General list of artefacts.

Типичные законченные орудия единичны: резец, скребок, несколько скребел (рис. 3: 4). Двусторонние наконечники представлены только верхними частями (рис. 3: 1, 3, 7), поэтому трудно представить детальную форму и размеры этих орудий. Скорее всего, они имеют копьевидные или листовидные очертания. Неясна форма основания. Особое место в коллекции горизонта 3 занимают листовидные орудия с желобчатыми усеченными концами (рис. 3: 2). Следов износа на их боковых краях и концах не обнаружено. Назначение этих орудий пока неясно. В инвентаре других позднелевосточных памятников аналогичные орудия нам неизвестны.

Атипичные макроорудия и протобифасы имеют следы использования от работы. Несмотря на грубый облик, у названных орудий отчетливо фиксируются основные элементы модели законченного орудия, прежде всего, рабочий край и место для зажима рукой. Судя по характеру макроследов, эти орудия использовались для рубки кости или рога.

Показательны бифасы. В основном это не классические (по Ф. Борду) бифасы. Среди классических бифасов называем сердцевидные удлиненные и мидалевидные (рис. 3: 5; 4: 10). Многие бифасы имеют грубый облик. В коллекции немало обломков бифасов. Для большей части бифасов характерны зауженные пропорции. У некоторых бифасов, в том числе грубых, отмечены листовидные очертания. Один из бифасов оправдано называть копьевидным (рис. 3: 9). Его размеры 22 x 7 x 4,1 см. Основание бифаса оформлено с одной стороны укороченным сколом и имеет вогнутые очертания. По этому признаку данный бифас сближается с упомянутыми выше листовидными орудиями с желобчатыми усеченными концами. Это показательная форма бифаса для инвентаря описываемого памятника. Возникает вопрос: не имели ли двусторонние наконечники такую форму основания? Как мы увидим при описании орудий горизонта 2, этого нельзя исключить. Все бифасы, исходя из их морфологии, их сохранности (многие сломаны) и отсутствия следов износа, являются незаконченными. Вероятнее всего, речь может идти о незаконченных листовидных острях и, в оп-

Наименование изделий	Количество	%
Желваки и обломки без обработки	2	0,01
Нуклеидные обломки	108	0,71
Нуклеусы	4	0,02
Отщепы	30Н	19,97
Пластины	283	1,87
Осколки и чешуйки	11625	77,10
Орудия	44	0,29
Всего	15077	

Таблица 3. Бирючья Балка Ia, гор. 3а. Общий список изделий.

Table 3. Biryuchya Balka Ia, horizon 3a. General list of artefacts.

ределенной мере, орудия с желобчатыми усеченными концами. Любопытны нуклеидные орудия. Это крупные предметы, у которых негативы сколов располагаются перпендикулярно их длинной оси. У них полностью отсутствуют основные орудийные элементы. В то же время речь не идет о нуклеусах. На деле, это двусторонние орудия на начальной стадии обработки, в данном случае, уплощения исходных заготовок.

Учитывая типологический и количественный состав индустрии горизонта 3, оправдано ставить вопрос о мастерской по изготовлению заготовок двусторонних наконечников, а также листовидных орудий с желобчатыми усеченными концами (Матюхин 1999: 275; 2002a: 26; Matioukhine 1998a: 483; 1998b: 86). Вероятно, что названные орудия, по крайней мере, двусторонние наконечники, уносились на стоянки, где проходили окончательную обработку.

Горизонт 3а непосредственно налегает на горизонт 3. Здесь выявлено скопление длиной 3,5 м и шириной 1,5 м. Инвентарь горизонта содержит большое количество кремневых изделий (таб. 3). Изредка встречаются предметы из песчаника и сланца. Нуклеусы единичны и грубы. По своей морфологии и размерам отщепы горизонта 3а похожи на отщепы горизонта 3. Все пластины найдены во фрагментах. Больше всего выделено осколков и чешуек.

Орудия из отщепов и пластин непримечательны и атипичны. Исключительно выразительным является целое орудие с желобчатыми усеченными концами (рис. 4: 3). Двусторонние острия отсутствуют. Среди бифасов отмечены как целые предметы (рис. 4: 8), так и обломки. На рабочих лезвиях некоторых грубых бифасов отмечены макроследы износа от работы. Другие бифасы подобного рода явно незакончены. Относительно тщательно обработанных бифасов мало (рис. 4: 8). Как нам представляется, почти все бифасы имеют отношение к процессу изготовления двусторонних листовидных орудий с желобчатыми усеченными концами. Речь идет о мастерской по изготовлению орудий подобного рода.

Горизонт 2 на участке 1 содержит мало изделий. Однако орудия, собранные здесь, заслуживают вни-

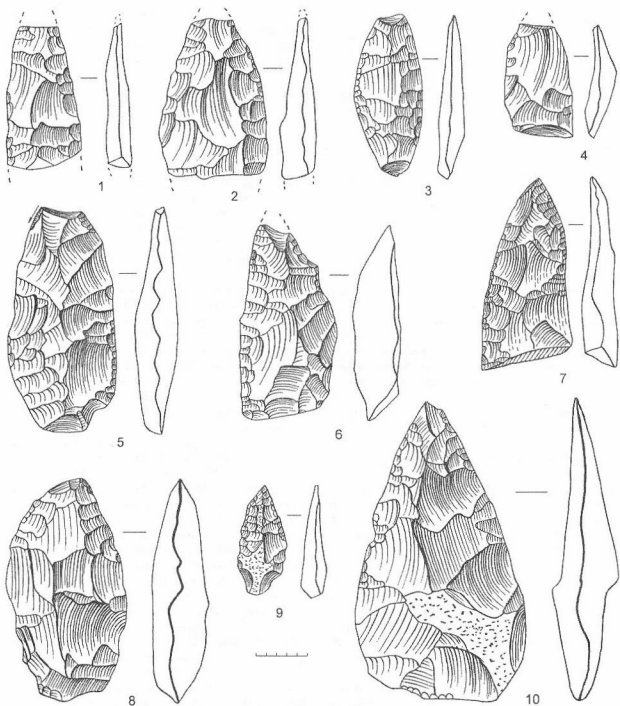

Рис. 4. Бирючья Балка 1а. Кремневые изделия: 1, 4, 7, 9 – листовидные острия; 2, 5–6, 8, 10 – бифасы; 3 – листовидное орудие с усечёнными концами.

1–2, 4–7, 9 – горизонт 2; 3, 8 – горизонт 3а; 10 – горизонт 3б.

Fig. 4. Biryuchya Balka 1a. Flint artefacts. 1, 4, 7, 9 – leaf-shaped points; 2, 5–6, 8, 10 – bifaces; 3 – leaf-shaped tool with truncated ends.

1–2, 4–7, 9 – horizon 2; 3, 8 – horizon 3a; 10 – horizon 3b.

мания. В первую очередь, это обломки крупных листовидных наконечников и их заготовки, а также крупные скребловидные орудия. Лучшее всего горизонт 2 представлен на участке 4. Здесь выявлено небольшое скопление длиной около 2 м.

Все нуклеусы невыразительны. Преобладают отщепы с частичной коркой и без корки. Практически все они получены при изготовлении орудий. Целые

пластины не обнаружены. Среди орудий выделены обломки бифасов, двусторонние наконечники, нуклеовидные орудия и атипичные макроорудия со следами износа. Бифасы, в основном, представлены обломками (рис. 4: 2). Целых бифасов меньше (рис. 4: 5–6). Среди последних особенно интересны листовидный (рис. 4: 5) и подтреугольный бифас (рис. 4: 6). У первого на одном из боковых краев отмечено несколько

Наименование изделий	Количество	%
Нуклеидные обломки	14	0,72
Нуклеусы	5	0,26
Отщепы	564	29,28
Пластинки	85	4,41
Осколки и чешуйки	1234	64,27
Орудия	19	0,18
Всего	1925	

Таблица 4. Бирючья Балка 1а, гор. 2. Общий список изделий.

Table 4. Biryuchya Balka 1a, horizon 2. General list of artefacts.

резцовых сколов. Причем все сколы сняты со специальной желобчатой площадки, которая получена в результате не случайного, а преднамеренного облома конца орудия. Показательно, что такой же облом фиксируется на противоположном конце. Резцовые сколы, по нашему мнению, свидетельствуют о переформлении листовидного орудия. Подтреугольный бифас изготовлен из отщепя. Он имеет асимметричные очертания и грубую обработку. Данное орудие в равной мере можно отнести к неудавшимся наконечникам. Собственно наконечники имеют листовидные, копьевидные и подтреугольные очертания (рис. 4: 1, 4, 7, 9). У подтреугольного острия нижняя часть оформлена одним укороченным сколом (рис. 4: 4). Неясна форма основания сломанных острий. Вполне вероятно, что оно было оформлено одним крупным сколом или ретушью. Несмотря на некоторое типологическое отличие, индустрия горизонта 2 близка индустрии горизонта 3. Сходным является и ее функциональный тип – мастерская по изготовлению двусторонних орудий.

В итоге можно сделать вывод о том, что индустрия всех горизонтов Бирючей Балки 1а своеобразна с типолого-морфологической и технологической точек зрения. Они содержат изделия, целиком связанные с направленным (специализированным) изготовлением листовидных двусторонних орудий. Причем готовые и целые орудия во всех индустриях единичны. Первичное расщепление практически не проводилось. Типичные орудия на отщепах и пластинках, в частности, скребки и резцы, отсутствуют. Многие грубые орудия на сколах, а также с двусторонней обработкой являются на деле незаконченными, в первую очередь, не получившимися или пробными листовидными остриями и листовидными орудиями с желобчатыми усеченными концами. Попутно отметим, что коллекции горизонтов 2, 3 и 3а дают хорошую возможность для детальной реконструкции процесса изготовления упомянутых орудий (Матюхин 2002а: 24–26).

В типологическом отношении индустрии горизонтов 2, 3а и 3б в определенной степени отличаются друг от друга. Прежде всего, укажем на специфический облик орудий с желобчатыми усеченными концами из горизонтов 3 и 3а. В то же время инвентарь горизонтов 2, 3 и 3б близок благодаря наличию

листовидных наконечников. С другой стороны, оправданно будет объединять все двусторонние орудия горизонтов 2, 3 и 3а с учетом характерного для них приема оформления основания. Можно допустить, что индустрии перечисленных горизонтов имеют не столько культурное отличие, сколько отличие в производственной стратегии и конкретных целевых установках одного сообщества первобытных людей. Повторим, что это всего лишь допущение.

Хронология памятника Бирючья Балка 1а в целом пока не ясна. Лишь для горизонта 3 известна одна AMS дата по кости: 35900±280 (Beta 183587). Несомненно, эта дата нуждается в подтверждении. Нельзя исключить и несколько более молодой возраст данного горизонта. В любом случае его возраст едва ли окажется моложе 30 тыс. лет. Очевидно и то, что возраст горизонтов 3б и 3в – древней этой цифры. Сопоставлять археологические горизонты Бирючей Балки 1а и, например, Бирючей Балки 2, которая будет рассмотрена ниже, затруднительно. Если принимать во внимание данные стратиграфии, то возможно допустить более древний возраст горизонтов 3в, 3б и 3 Бирючей Балки 1а по сравнению с горизонтами 3б и 3 Бирючей Балки 2. Дальнейшие работы внесут ясность в этот вопрос. Указать хронологические рамки горизонтов Бирючей Балки 1а, исходя из технико-типологических характеристик орудий, не представляется возможным.

Определение культурной принадлежности индустрии горизонтов 2, 3а и 3 вызывает затруднение. Как отмечалось выше, здесь не обнаружены ни двусторонние готовые наконечники (кроме единичных незавершенных экземпляров), ни выраженные позднелеолитические типы орудий, ни тем более какие-либо специфические формы. Подобного рода ситуация вообще характерна для мастерских, что, несомненно, осложняет вопрос об их культурном статусе. Конечно, можно поставить вопрос об отнесении индустрии всех горизонтов к группе селетских памятников, но такой вывод будет слишком общим. Более детальные сопоставления в настоящее время пока невозможны. Однако необходимо принять в расчет такие специфические формы как листовидные орудия с желобчатыми концами, двусторонние наконечники, бифасы подтреугольной и копьевидной формы с усеченным основанием. Это дает возможность говорить о выделении на материалах памятника Бирючья Балка 1а особого типа индустрии, содержащей орудия подобного рода, индустрии северо-донецкого типа (Матюхин 2002а: 28).

Бирючья Балка 1в. Памятник располагается в устье балки Бирючей и отстоит от Бирючей Балки 2 на расстоянии 1,5–2 км (рис. 1). В ходе предварительных полевых работ удалось выявить несколько уровней залегания позднелеолитических находок (Матюхин 2000: 27–44; Matioukhine: 1998а 485–487; 1998b: 87–88). Ввиду они составляют отдельные небольшие скопления шириной около 1 м. Самое крупное скопление (горизонт 3в) выявлено на глубине свыше 6 м от поверхности под прослоем темного суглинки, который, как показывают последние наблюде-

ния, может свидетельствовать о смычке с более высокого участка склона балки углисто-золиной массы. Не исключено наличие здесь гумуса. Многие находки связаны с небольшими углублениями, заполненными мелкой мергелевой крошкой, песком, мелкой галькой и гравием.

Практически все изделия изготовлены из темно-серого и темного неоднородного кремня. Кроме кремня использовались обломки песчаника, а также гальки из окремненного сланца. Предметы имеют удовлетворительную сохранность.

Нуклеусы характеризуют, в основном, параллельный плоскостной способ расщепления. Показательно, что у некоторых нуклеусов отмечены негативы пластинчатых сколов и слегка выпуклый фронт. Нетрудно заключить, что до снятия сколов последний был более выпуклым. В определенной степени эти нуклеусы могут быть названы полуобъемными. С них, судя по всему, скальвались качественные пластины. Собственно объемных, точнее полуобъемных, нуклеусов в коллекции мало: 9 экз. Все нуклеусы оставлены на средней и заключительной стадиях расщепления. Характерно, что на поверхности ряда нуклеусов фиксируются выразительные негативы отщепов. В инвентаре рассматриваемого горизонта отщепов с частичной коркой и без корки несколько больше чем сколов первичных и полупервичных. Несмотря на то, что отщепы длиной 2–4 см преобладают, тем не менее, отщепы длиной 4–6 см составляют свыше 900 экз. У подавляющей части отщепов отмечена продольная, грубая параллельная, а также многорядная огранка. Это свидетельствует о том, что тонкая обработка орудий, в первую очередь двусторонних, проводилась не в полном объеме. Кроме того, первичное расщепление играло здесь заметную роль.

Однако, независимо от характера обработки, скальвание отщепов было технологически направленным и сложным. В этой связи укажем, что у 1000 отщепов выявлено удаление карнизов у приплощадочной части, а также грубое пригубливание кромки площадок. Следы тонкого редуцирования отмечены лишь у незначительной части выразительных сколов. Показательно присутствие относительно крупных отщепов с мелкими и узкими ударными площадками (рис. 5: 10). Всего выделено 190 качественных отщепов. Это левалуазские и пластинчатые отщепы.

Целых пластин в инвентаре горизонта всего 65 экз. Преобладают нижние (300 экз.), средние (140 экз.) и верхние (46 экз.) их части. Немало грубых пластин. Пластин с геометрически правильной огранкой гораздо меньше (рис. 5: 11). В то же время не приходится сомневаться в том, что многие пластины скальвались преднамеренно в качестве заготовок, многие из которых, очевидно, были унесены в другие места обитания. Среди характерных позднепалеолитических типов орудий назovem скребки (рис. 5: 1–2). Остальные типы отсутствуют. Скребки вообще малочисленны. Изготовлены из отщепов и пластинчатых отщепов. Показательным является скребок-острие с визуально заметным износом на скребковой части (рис. 5: 1). Все скребла, кроме одного, атипичны.

Наименование изделий	Количество	%
Желваки и обломки без обработки	8	0,12
Желваки и обломки с един. сколами	17	0,24
Нуклеидные обломки	357	5,34
Нуклеусы	73	1,04
Отщепы	2645	39,07
Пластины	619	9,20
Осколки и чешуйки	2856	42,84
Орудия	73	1,04
Всего	6667	

Таблица 5. Бирючья Балка 1в, гор. 3в. Общий список изделий.

Table 5. Biryuchya Balka 1в, horizon 3в. General list of artefacts.

Укажем на зубчато-выемчатые орудия, а также отщепы с ретушью и отщепы с утонченным основанием. Следует обратить внимание на присутствие чоппингов: простой и усложненной формы. Последние подходят на нуклеидные орудия. Не исключено, что в орудия были переоформлены отдельные нуклеусы. На рабочих лезвиях некоторых чоппингов отмечены макроследы износа.

Собственно бифасов насчитывается 17 экз. (рис. 5: 6–7, 12). Кроме того, выделено несколько крупных орудий с частичной двусторонней обработкой. Бифасы следует разделить на грубые и менее грубые. Бифасы классические единичны. Отдельные крупные бифасы имеют ашельский облик (рис. 5: 12). Показательны мелкие бифасы (рис. 5: 6–7). Для них характерна регулярная обработка. С морфологической точки зрения они производят впечатление законченных орудий. Однако, судя по конкретному технологическому и типологическому контексту, это, скорее, незаконченные орудия.

Мелкие двусторонние орудия (наконечники) представлены цельными формами (рис. 5: 4–5, 8) и фрагментами (рис. 5: 3). Первые имеют слабо удлиненные пропорции, треугольные и подтреугольные очертания. Умеренно и заметно удлиненные формы отсутствуют. Все целые орудия, за исключением одного, массивны. Среди фрагментов выделены предметы массивные и тонкие. По отдельным изделиям можно определить, что они изготовлены из отщепов. Основание рассматриваемых орудий имеет прямые и слегка вогнутые очертания. Дальнейшие раскопки этого памятника дадут, возможно, дополнительные сведения о форме двусторонних наконечников, однако, уже сейчас оправдано говорить об их сходстве с аналогичными орудиями Бирючьей Балки 2. Хотя налицо и некоторые отличия между ними.

Индустрия Бирючьей Балки 1в довольно своеобразна. С одной стороны, бросается в глаза присутствие выразительных отщепов и пластин, с другой — орудий, в первую очередь, с двусторонней обработкой. Судя по морфологии последних, а также исходя из общего индустриального контекста и функционального типа памятника, следует ставить вопрос о том,

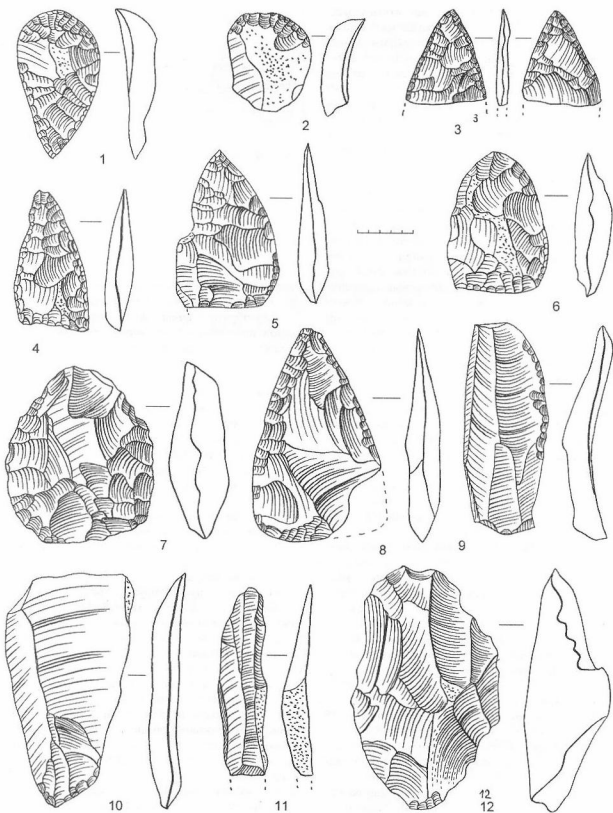

Рис. 5. Бирючья Балка 1в. Кремневые изделия: 1-2 – скребки; 3-5, 8 – треугольные остря; 6-7, 12 – бифасы; 9 – скребло на пластине; 10 – отщепы; 11 – пластина.

Fig. 5. Biryuchya Balka 1b. Flint artefacts: 1-2 – end scrapers; 3-5, 8 – triangular points; 6-7, 12 – bifaces; 9 – side scraper on a blade; 10 – flakes; 11 – blade.
1-2, 4-7, 9 – horizon 2; 3, 8 – horizon 3a; 10 – horizon 3b.

что практически все крупные двусторонние формы, в основном, бифасы – это незакаленные треугольные остря. Они изготавливались из плоских желваков и обломков, а также отщепов. Типичные орудия на сколах единичны. Имеющиеся данные указывают на то, что пластины снимались с целью получения заготовок, которые, вероятно, уносились за пределы этого места обитания. В итоге, памятник Бирючей Балки 1в следует рассматривать как мастерскую по изготовлению треугольных острий и пластин. Это мастерская смешанного профиля (Матюхин 1999: 278). Как уже отмечалось, инвентарь Бирючей Балки 1в в типологическом отношении близок индустрии горизонта 3 Бирючей Балки 2. Сходство это определяется по наличию скребков-острий, чоппингов, а также разнообразных двусторонних форм и, в первую очередь, треугольных острий.

К сожалению, возраст суглинка, в котором располагаются кремневые изделия, остается несамым. Стратиграфически находки на Бирючей Балке 1в залегают ниже, чем на Бирючей Балке 2 и являются, несомненно, более древними. Вполне вероятной представляется оценка их возраста древней 30 тыс. лет. Исследование этого интересного памятника продолжается. Хочется надеяться, что в ходе его будут решены многие неясные в настоящее время вопросы.

Бирючая Балка 2. Это один из опорных многослойных палеолитических памятников в балке Бирючей и в целом на Нижнем Дону (см. Матюхин 1994а: 4–36; 1994б: 25–37; 2002в: 38–55; Matioukhine 1998а: 410–422; 1998б: 71–75). Он располагается к востоку от описанных выше памятников (рис. 1). Исследовался автором в течение 1988–1992 гг., а также в 2000–2003 гг. Его примерная площадь – около 10000 м². Часть памятника разрушена склоновыми процессами. Работы проводились на его северном, южном и восточном участках, расстояние между которыми – в пределах 20–30 м. На восточном участке, на площади около 90 м² выявлены 6 мустьерских и 4 позднелеолитических горизонтов. Не касаясь мустьерских горизонтов, отметим, что в их индустрии выделены выразительные призматические пластины, пластинки, а также двусторонние листовидные орудия (Матюхин 2002б: 94–97; 2003: 5–27).

Стратиграфия памятника довольно сложна. Основной позднелеолитический горизонт (3), содержащий треугольные наконечники, потревожен в результате каких-то естественных процессов. Однако нет оснований ставить вопрос о значительном перемещении находок. В целом, структура горизонта, то есть уровня обитания, сохранилась. Кости животных единичны, зольные пятна не выявлены. В то же время, отдельные кремни обожжены. Лучше сохранились горизонты 2 и 3а. Первый содержит скребки и редкие треугольные остря. Во втором встречены зольные и охристые пятна и кости животных. Двусторонние наконечники отсутствуют. Замет-

ной серией здесь представлены скребки, а также пластины. По мнению А. Е. Додонова, бурый суглинок, вмещающий кремневые изделия горизонта 3, скорее всего, является ископаемой почвой брянского возраста³. Этому не противоречат имеющиеся 2 AMS даты по кости: 26300±200 BP (Beta 177776) и 31480±200 BP (Beta 183589)⁴. Вторая дата представляется вполне реальной. Существенно и то, что для горизонта 3а, непосредственно залегающего на горизонт 3, получена 1 AMS дата по кости: 26650±230 (Beta 183588). Неясна геологическая позиция гумусированного суглинка, вмещающего находки нижележащего горизонта 3в, который мы раньше связывали с ранней порой позднего палеолита. В этой связи отметим, что для подстилающего его красновато-бурого суглинка известна AMS дата по кости: 40760±970 BP (Beta 183590). Если она окажется правильной, то вероятный возраст гумусированного суглинка окажется в пределах 38–36 тыс. лет. Укажем, что индустрия горизонта 3в имеет в целом мустьерский облик. Интерес здесь вызывают мелкие орудия с двусторонней обработкой.

Подробно остановимся на индустрии горизонта 3. На всех участках собрано огромное количество изделий (таблица 6). Они изготовлены в большинстве случаев из кремня. Гораздо реже использовался кварцит, кварц, песчаник и сланец. Выходы кремня выявлены на противоположном склоне балки. Кремень имеет серый, реже – темный цвет. Представлен в виде желваков и обломков, которые содержат пустоты, инородные включения и трещины. Многие разновидности кремня обладают повышенной упругостью, что сказывается на его технологических свойствах: он с трудом поддается обработке.

Основная часть нуклеусов отражает параллельный плоскостной способ расщепления. Выразительные призматические нуклеусы здесь немногочисленны. Целые пластины встречаются редко. Это, главным образом, различные фрагменты. По своей морфологии и размерам они мало чем отличаются от мустьерских пластин. Судя по всему, скалывание пластин не носило узко направленный производственный характер. В то же время пластины снимались с целью изготовления некоторых орудий, например скребков.

Подавляющая часть отщепов – это сколы с частичной коркой и без корки. Они получены в ходе как расщепления нуклеусов, так и изготовления двусторонних орудий. Отщепов с регулярной огранкой мало. Следует обратить внимание на очень большое количество мелких и очень мелких осколков и чешуек, которые возникают, в первую очередь, при изготовлении орудий.

Орудия составляют менее 1% от общего числа изделий (см. табл. 6). Скребки относительно многочисленны (около 15% всех орудий). Выделены скребки на отщепах и фрагментах пластин (рис. 6: 1–4, 6–8). Причем нередко использовались грубые, в том числе, первичные отщепы. Скребков на крупных и мелких

³ Мнение геолога А. Е. Додонова о геологии памятника изложено им в заключении, которое он предоставил после его изучения, за что автор выражает искреннюю благодарность.

⁴ Автор благодарит бельгийского археолога М. Отта за помощь в получении радиоуглеродных дат.

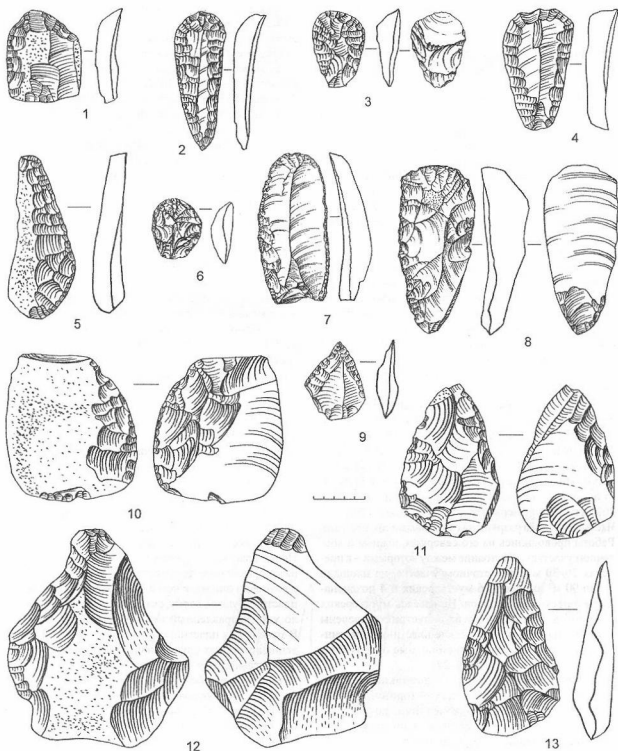

Рис. 6. Бирючья Балка 2. Кремневые изделия 3-го горизонта: 1-6, 8 – скребки; 7, 10 – скребла; 11-13 – бифасы.

Fig. 6. Biryuchya Balka 2. Flint artefacts, horizon 3. 1-6, 8 – end scrapers; 7, 10 – side scrapers; 11-13 – bifaces.

целых пластинах почти нет (рис. 6: 7). Кроме типичных присутствуют атипичные скребки и заготовки скребков. Много простых скребков. Выделены скребки вееровидной формы, в том числе, скребки-острия (рис. 6: 2, 4, 8). Характерным признаком у ряда скребков является частичная обработка брюшковой поверхности скола-заготовки, преимущественно – удаление

ударного бугорка (рис. 6: 3). Скребки высокой формы, а также округлые скребки редки (рис. 6: 6). Следует упомянуть несколько мелких скребков. Резцы, проколки, долотовидные формы не характерны. Микроинвентарь полностью отсутствует. Скребел достаточно много (рис. 6: 5, 10). Кроме грубых, выделено немало выразительных экземпляров. Явно преобладают скребла

Наименование изделий	Северный участок	Восточный участок	Южный участок
	Количество, %	Количество, %	Количество, %
<i>Желваки и обломки без обработки</i>	–	53 (0,04)	6(0,01)
Желваки и обломки с (едн. сколами	3(0,1)	129(0,09)	24 (0,04)
Нуклеидные обломки	15(0,56)	1261 (0,81)	250 (0,43)
Нуклеусы	15 (0,56)	649 (0,46)	142 (0,24)
Отщепы	884 (33,07)	39823 (28,03)	10878(18,74)
<i>Пластины и пластинки</i>	85 (3,18)	4432(3,12)	1506 (2,59)
Осколки и чешуйки	1656(61,95)	93788 (66,01)	44892 (77,36)
<i>Сколы оформления*</i>	–	847 (0,60)	–
Орудия	15 (0,56)	1088 (0,76)	331 (0,57)
Всего	2673	142070	58029

Таблица 6. Бирючья Балка 2, гор. 3. Общий список изделий по участкам.

Table 6. Biryuchya Balka 2, horizon 3. General list of artefacts distributed by areas.

с одним обработанным краем. Отметим несколько сложных типов скребел: скребла конвергентные и двойные с базальным утончением, а также с уплощенным корпусом. Остроконечники и односторонние острия исключительно редки (рис. 6: 9). Упомянем относительно большое число отщепов с регулярной и нерегулярной ретушью, а в равной мере – зубчатых и выемчатых изделий. Укажем на присутствие ряда специфических типов, а именно, нуклеидных орудий, атипичных макроорудий со следами использования, сложных чоптингов, а также отщепов с уплощенным корпусом и отщепов с базальным утончением.

Самой характерной чертой индустрии горизонта 3 является присутствие различных орудий с двусторонней обработкой. В первую очередь, это бифасы и треугольные острия. Отдельные грубые бифасы имеют аббевильский и ашельский облик. Почти на всех этих бифасах выявлены *макроследы использования*, связанные с рубкой кости, рога или дерева. Несмотря на свой грубый облик, это законченные, функционально значимые орудия, поскольку они обнаруживают соответствующую структурную модель реального орудия. У других грубых бифасов – иная морфология (рис. 6: 12). Рабочие лезвия у них не выделены. Они имеют неровные боковые края, искривленный профиль, глубокие негативы сколов и т. п. Другими словами, это незаконченные, технологически значимые орудия. Многие бифасы сломаны. Тщательно обработанных бифасов гораздо меньше (рис. 6: 11, 13). Характерно, что некоторые из этих бифасов имеют сердцевидные или треугольные очертания. Основная часть бифасов обеих групп связана с процессом изготовления треугольных острий. С другой стороны, сюда следует относить такие орудия как орудия с частичной двусторонней обработкой, отдельные сложные скребла (рис. 6: 10), нуклеидные орудия, а также отщепы с уплощенным корпусом, отщепы с утонченным основанием (Матюхин 1995: 22–26; 2001а: 39–41; Matioukhine 1990: 151–152).

Двусторонние наконечники – наиболее характерный элемент индустрии горизонта 3 Бирючьей Балки 2 (рис. 7–8). Причем, подавляющая их часть имеет треугольные, подтреугольные или копьевидные очертания. Листовидные наконечники скорее являются исключением. Целые наконечники в основном – это орудия средних и мелких размеров (рис. 7: 1–4, 7, 14; 8: 1–13, 16, 19–20). Крупные наконечники представлены фрагментами. Кроме того, фрагментированы и многие незаконченные средних размеров. Удалось собрать воедино несколько крупных наконечников (рис. 7: 9–12, 15). Отдельные орудия не закончены (рис. 8: 11, 16).

Треугольные наконечники имеют, в основном, умеренно удлиненные пропорции. Отчетливо укороченные наконечники встречаются гораздо реже (рис. 7: 4; 8: 19). Относительно многочисленны удлиненные наконечники (рис. 7: 5–12; 8: 15, 18, 21). Показательны наконечники подпрямоугольные в нижней части (рис. 7: 5, 8, 12; 8: 14). По этому признаку наконечники Бирючьей Балки 2 четко отличаются от таковых Костенок 1, 6, 11, а также Сунгиря. Основания наконечников слабо вогнутые или прямые. Характерны мелкие наконечники (рис. 8: 1–8, 10, 13, 17). Многие мелкие, а также средние наконечники изготовлены из отщепов. В качестве заготовок крупных наконечников выбирались длинные отщепы, уплощенные желваки или плоские обломки. Следовательно, использовались различные технологические приемы для их изготовления. Некоторые орудия имеют частичную, точнее, рациональную обработку. Наконечники обработаны с помощью каменных и мягких отбойников. Отжим применялся редко. Несмотря на низкое качество кремня, древние мастера изготавливали весьма совершенные орудия.

Индустрия Бирючьей Балки 2 является уникальной для реконструкции во всех деталях технологии изготовления наконечников, поскольку содержит большое количество не только законченных, но и не-

* Сколы оформления выделялись только в инвентаре восточного участка в ходе работ 2000–2002 гг.

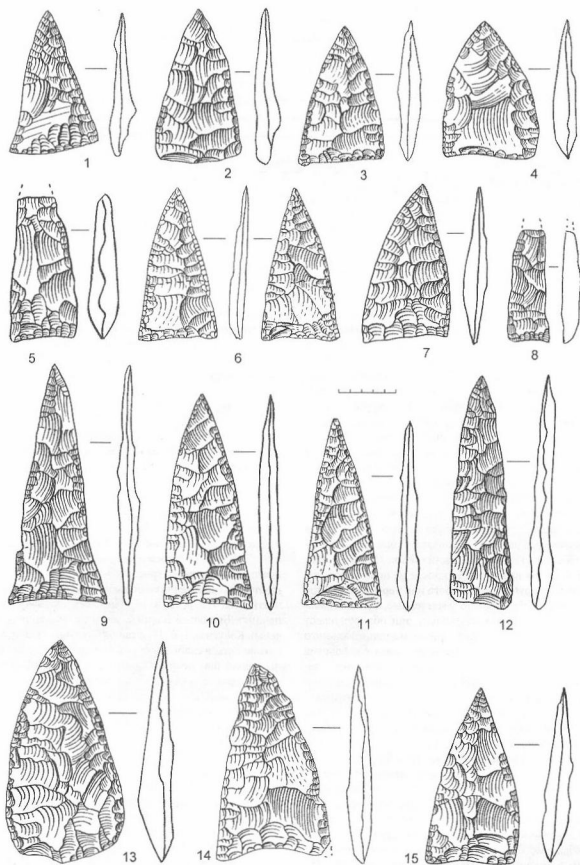

Рис. 7. Бирючья Балка 2. Кремневые изделия 3-го горизонта. 1–4, 7, 13–15 – треугольные наконечники слабо и умеренно удлиненные; 6, 9–12 – треугольные наконечники заметно удлиненные.

Fig. 7. Biryuchya Balka 2. Flint artefacts, horizon 3. 1–4, 7, 13–15 – triangular points slightly or medium elongated; 6, 9–12 – triangular points markedly elongated.

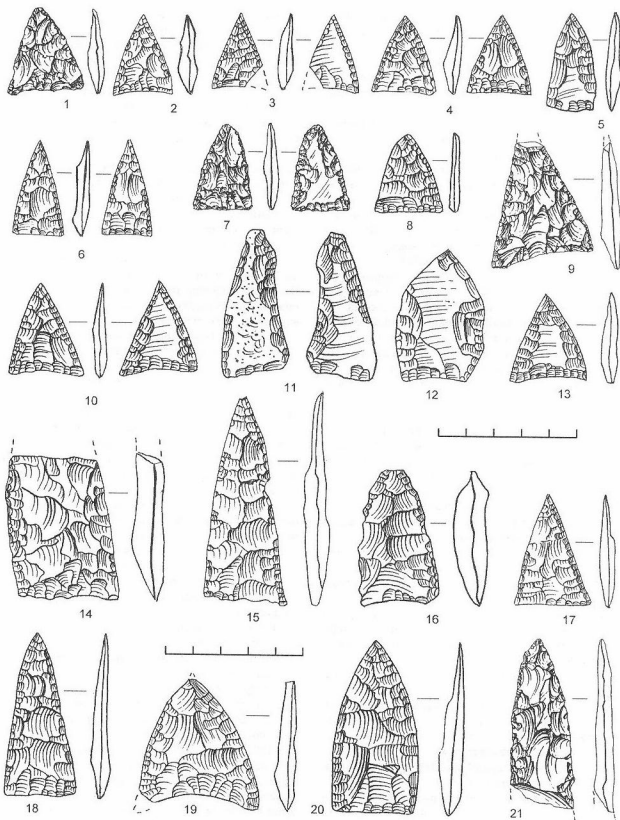

Рис. 8. Бирючья Балка 2. Кремневые изделия 3-го горизонта. 1-4, 6-10, 13 – треугольные наконечники мелкие; 5, 11-12, 16, 19-20 – треугольные наконечники слабо и умеренно удлиненные, 14-15, 18, 21 – треугольные наконечники заметно удлиненные.

Fig. 8. Biryuchya Balka 2. Flint artefacts, horizon 3. 1-4, 6-10, 13 – small triangular points; 5, 11-12, 16, 19-20 – triangular points slightly or medium elongated, 14-15, 18, 21 – triangular points markedly elongated.

законченных двусторонних орудий. Автором данной статьи была предложена типолого-технологическая реконструкция в виде редукционных рядов, иллюстрирующих этот процесс в его различных вариантах (Матюхин 1995: 22–26; 2001а: 39–41; Matioukhine 1998a: 27; 1998b: 94–95; 2004: 271–272). Показательно, что орудия какого-то одного вида (в первую очередь, орудия грубого облика) в зависимости от типа памятника (поселение, мастерская, стоянка-мастерская) могут иметь разное содержание и значение. Конкретно, такой вывод делается не на стадии описания, то есть начального этапа исследования, а в ходе эмпирической интерпретации (толкования) изучаемых изделий. В этой связи хотелось бы отметить один важный, по нашему мнению момент, касающийся технологии изготовления двусторонних наконечников. Неоправданно и недопустимо переносить на технологию изготовления наконечников Русской равнины технологические схемы и наблюдения, установленные для палеоиндейских наконечников, как это получилось у ряда авторов (см. Bradley, Anikovich, Gira 1995: 989–998). Внимательное изучение большой коллекции двусторонних изделий Бирючей Балки 2 показывает, что никакие усложненные в технологическом отношении приемы древние изготовители не использовали. Совершенство отдельных изделий объясняется, в первую очередь, их большим технологическим мастерством (Матюхин 2004: 270). Нужно, кроме того, иметь в виду, что большая часть этих орудий выполнена на отпечах, что объективно не требовало сложной технологии. Однако это вовсе не означает, что технология изготовления треугольных наконечников Бирючей Балки 2 была элементарной. Речь идет лишь о том, что ее не следует искусственно усложнять и привносить в реальный материал то, чего в нем нет по сути. Порой доходит до курьеза, когда отдельные экспериментаторы, стремясь показать уровень своего (ремесленного) навыка и следуя технологической моде, моделируют наконечники стрелочного типа, не зная всей совокупности материала. В итоге орудия изготавливаются с помощью технологических приемов, характерных не для данных орудий, а для наконечников типа кловис и фолсом.

Таким образом, индустрия Бирючей Балки 2 указывает на долговременную мастерскую по изготовлению треугольных наконечников и, возможно, заготовок скребков. Присутствие в инвентаре именно мастерской таких орудий как скребки и скребла вполне объяснимо и указывает, в частности, на деятельность по жизнеобеспечению коллектива, который обитал здесь определенное время.

Как уже отмечалось, индустрия Бирючей Балки 2 в типологическом отношении близка к индустрии памятника Бирючья Балка 1в. Близки оба памятника и в функциональном отношении. Треугольные острия Бирючей Балки 2 по общей морфологии похожи на таковые 5–го слоя Костенок 1, Костенок 6, 11 и 12. Однако в индустриях костенковских памятников довольно мало мустерских типов орудий. К тому же, наконечники здесь малочисленны. Речь может идти о самом общем сходстве. То же следует сказать и

о Сунгире, где наконечники редки, а много резцов и доготовидных орудий. В Сунгире преобладают скребки округлой и овальной формы. Для Бирючей Балки 2 они не характерны. Нельзя упускать из виду и богатейшую коллекцию костяных изделий и украшений, что полностью отсутствует в Бирючей Балке 2. По наличию треугольных острий инвентарь Бирючей Балки 2 приближается также к индустрии Гарчи 1 в Приуралье (Павлов, Макаров 1998: 16–17).

Несомненно, интересным является присутствие в инвентаре 5–го слоя Костенок 1 и Бирючей Балки 2 веерообразных скребков с вентральной подтепкой. Однако, речь может идти об использовании сходного технического приема, который, кстати, получил широкое распространение в палеолите, начиная с ашеля. Наиболее важным диагностическим типом сторонники широкого распространения стрелочной культуры считают треугольные острия (Аникович 2000: 20). Отметим, что в инвентаре 5–го слоя Костенок 1 (Рогачев и др. 1982: 63) и Костенок 12 (Рогачев, Аникович 1984: 244) отмечено одновременно присутствие острий треугольных и листовидных очертаний. Разве треугольная форма острия более специфична, чем листовидная? Тем не менее, нельзя не заметить, что треугольные острия, по крайней мере, в индустрии Бирючей Балки 1в и 2, абсолютно доминируют. Это, безусловно, неслучайный факт. С другой стороны, нужно учитывать, что отдельные острия Бирючей Балки 2 весьма специфичны и имеют заметно суженные пропорции, прямоугольную форму у нижней части, а также прямые или слабо вогнутые очертания основания.

Отметим, наконец, что во всех памятниках стрелочного типа в Костенках треугольные острия единичны, что затрудняет, на наш взгляд, уверенные заключения относительно культурного (именно культурного) статуса перечисленных памятников. К тому же, нельзя исключить и возможность перехода в ходе переоформления наконечников одной формы (треугольной) в другую (листовидную).

В настоящее время, в отличие от нашей прежней позиции (Матюхин 1994в: 34; 2002б: 93), мы считаем, что для отнесения индустрии Бирючей Балки 2, а также и Бирючей Балки 1в к стрелочной культуре нет конкретных оснований. К тому же, мы не можем согласиться с обоснованием археологической культуры как теоретической категории, предложенным, в частности, М. В. Аниковичем (Аникович 1989: 115–127; 1991: 40–48), поскольку в его трактовке она приобретает не археологическое содержание. На стадии изучения каменных изделий, то есть на аналитическом уровне культура не может увязываться с традицией. Другими словами, культура, как этно-социальное понятие, прямо переносится на археологические материалы, что недопустимо (Матюхин 1991: 26). Культура, будучи социальным явлением, не может быть выделена в ходе упрощенной исследовательской процедуры. Типологическое сходство отнюдь не указывает на их культурное родство. При анализе материалов мы выделяем на деле типы сходных индустрий, а не культуры, наделенные социальным содержанием.

ем. Показательно, что А. Н. Рогачёв (Рогачёв 1957: 121), наряду с понятием «костёнковско-стрелецкая культура» употребляет сочетание «костёнковско-стрелецкий тип памятников». Содержание используемых нами понятий должно соответствовать уровню исследования. Вопросы выделения культур требуют комплексного археологического подхода и привлечения данных смежных наук, что возможно на интерпретационном уровне. Необходимо использовать не только данные по каменным предметам, но также изделия из кости, рога, бивня, украшения и т. п.

По нашему мнению, более целесообразно отнести индустрии Бирючей Балки 2 и 1в к индустриям с треугольными острями, а не к стрелецкой культуре. Этим мы хотим показать, что сходство индустрии в балке Бирючей и в Костенковском районе имеет чисто типологический характер. Речь идет о присутствии в первых стрелецких элементах. То же можно сказать и в отношении Сунгира, хотя его культурная принадлежность иная. Как показывают естественнонаучные исследования последних лет, хронологический диапазон поселения значительный: от 20 до 28 тыс. лет (см. Бадер О. (†), Бадер Н. 2000: 22; Сулержицкий и др. 2000: 30–34; Сулержицкий 2004: 99–101). При этом ставится вопрос о многослойности памятника, выделении 2–х этапов обитания – 1) 28800–25500 и 2) 25500–20300 тыс. лет. Причем, чаще стоянка заселялась в первый период (Лаврушин и др. 2000: 41). Эти исключительно важные данные дают возможность взглянуть по-новому на типологию археологических материалов и хронологическую позицию Сунгира среди других позднепалеолитических памятников Русской равнины. Кстати, странным кажется факт, что за несколько тысяч лет носители стрелецкой (по М. В. Аникивичу) культуры изготовили всего несколько наконечников. Разве этот факт свидетельствует о принадлежности Сунгира к стрелецкой культуре? Полученные для Сунгира радиоуглеродные даты указывают на его принадлежность к ранней поре позднего палеолита. Форма треугольных наконечников Бирючей Балки 2 более развита, чем аналогичных орудий из костёнковских памятников и, в определенной степени, Сунгира. Имеющиеся естественнонаучные и археологические данные свидетельствуют о том, что Сунгирь не древнее Бирючей Балки 2, или близок к ней по времени.

Типологическое сходство индустрий даёт основание отдельным авторам (Аникивич 1999: 72–82) прямолинейно, на наш взгляд, решать вопросы, связанные с миграцией носителей культуры и генезисом позднего палеолита. Допускается не только продвижение палеолитических коллективов в пределах обширной зоны (от Приуралья до Нижнего Дона), занимаемой индустриями со стрелецкими наконечниками, но также миграция на среднем этапе позднего палеолита групп людей с территории Среднего Дона в Сибирь (см. Аникивич 1999: 79). Это спорные суждения. Все подобного рода выводы, как нам представляется, обусловлены идеализацией вещи как таковой, ее формы сторонниками упомянутого подхода. Наглядно такая методологическая позиция продемон-

стрирована М. В. Аникивичем (2000: 25–28; 2003: 27–28) на примере генезиса стрелецкой культуры и ее родства с мутьей Крыма. Им были предложены несколько генетических пар, то есть типов орудий, присутствующих, по его мнению, в мутьерских и стрелецких индустриях. На деле, речь идет, в основном, о несвязанных, случайных и единичных орудиях. Это искусственное наложение одних типов на другие, иллюзия строго методологического подхода (см. Матюхин 2002б: 94). Данная формальная схема в действительности отражает не реальное положение дел, а субъективные построения и взгляды автора. Научное исследование нельзя сводить к неким эффективным правилам игры. Форма орудий в конструкциях подобного рода выступает как застывшее, статичное образование, а не динамичное явление. Можно допустить, что в большинстве случаев форма палеолитических орудий отражает, в первую очередь, не культурное, а функциональное, технологическое и др. содержание.

Сходство формы орудий может или быть случайным, или обусловленным близостью технологических приемов древних изготовителей, видом деятельности, а также целевых установок (мышления). Другими словами, в большинстве случаев сходные типы орудий, фиксируемые в соседних, тем более отдаленных регионах, свидетельствуют скорее не о миграциях, а о конвергентном характере развития первобытных коллективов. В этой связи заметим, что отдельные двусторонние наконечники Бирючей Балки 2 (рис. 8: 20) похожи на наконечники Кловис (см. Frison & Stanford 1982: fig. 2.54 B, i; 2.56 B, c, g; 2.58 A, a, i). Сходство наблюдается не только в общей форме орудий, но в равной мере, и в характере обработки. В то же время, основная часть наконечников Кловис в этом отношении резко отличается от наконечников Бирючей Балки 2.

Сходство мутьерских и позднепалеолитических изделий более оправдано фиксировать не буквально, а исходя из общих морфологических, технологических и технических показателей. Так важно, что в ряде мутьерских индустрий памятников Нижнего Дона (Калитвенка Ia, Бирючая Балка 2) имеются двусторонние орудия листовидной формы. В других индустриях (Калитвенка 1, Калитвенка IV, Бирючая Балка 2) выявлено большое количество призматических нуклеусов и пластин. По нашему мнению, мутьерские комплексы степной зоны Русской равнины были генетической основой позднепалеолитических индустрий с треугольными острями и пластинами (Матюхин 2002б: 96–99; 2003: 25). Добавим, что исключительно важными в плане изучения проблемы генезиса индустрии являются технологические критерии.

Таким образом, материалы позднепалеолитических памятников с двусторонними орудиями долины Северского Донца указывают, что перед нами мастерские разной степени продолжительности по изготовлению заготовок и готовых треугольных и листовидных орудий. Скорее всего, типологическое сходство индустрии в балке Бирючей с индустриями Сунгира, Костенковских стоянок, Гарчи указывает на конвергентный характер их развития, а не на культурное

- единство. Оправданно ставить вопрос о существовании на ранней и средней стадиях позднего палеолита индустрий разной культурной принадлежности, но содержащих некоторые сходные типы орудий, например, треугольные острья. В частности, памятники, связываемые со стрелечкой культурой, на деле могут быть связаны с разными культурными образованиями. Давно настало время уточнить и исправить отдельные устоявшиеся понятия, схемы и выводы в отношении развития палеолита на Русской равнине.
- Аникович 1989 – Аникович М. В. Археологическая культура: последствия определения понятия для процедуры археологического исследования // *СА. № 4. 1989. С. 115–127.*
- Аникович 1991 – Аникович М. В. Археологическая культура: определение понятия и процедура исследования // Археологическая культура и культурная трансформация. Л., 1991. С. 448.
- Аникович 1999 – Аникович М. В. О миграциях в палеолите // *Stratum plus 1. СПб., Кишинев, Одесса, 1999. С. 72–82.*
- Аникович 2000 – Аникович М. В. Начальная пора верхнего палеолита Восточной Европы // *Stratum plus 1. СПб., Кишинев, Одесса, 2000. С. 11–30.*
- Аникович 2003 – Аникович М. В. Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы // Археология, этнография и антропология Евразии. № 2 (14). Новосибирск, 2003. С. 15–29.
- Бадер, О. 1978 – Бадер О. Н. Сунгирь – верхнепалеолитическая стоянка. М., 1978.
- Бадер О. (f), Бадер Н. 2000 – Бадер О. Н. (f), Бадер Н. О. Верхнепалеолитическое поселение Сунгирь // *Номо sungirensis. Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюционные аспекты исследования. М., 2000.*
- Борняк 1984 – Борняк И. А. Верхнепалеолитическая стоянка Гордишевы 1 в Попурье. Кишинев, 1984.
- Борняк, Григорьева, Кетрару 1981 – Борняк И. А., Григорьева Г. В., Кетрару Н. А. Поселения древнекаменного века на Северо-западе Молдавии. Кишинев, 1981.
- Лаврушин, Сулержикши, Спиридонова 2000 – Лаврушин Ю. А., Сулержикши Л. Д., Спиридонова Е. А. Возраст археологического памятника Сунгирь и особенности природной среды времени обитания первобытного человека // *Номо sungirensis. Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюционные аспекты исследования. М., 2000. С. 35–42.*
- Матюхин 1991 – Матюхин А. Е. К постановке проблемы теории первобытной культуры // Археологические культуры и культурная трансформация. Л., 1991. С. 19–28.
- Матюхин 1994а – Матюхин А. Е. Многослойный палеолитический памятник Бирючья Балка 2 // *Донские древности. № 4. Азов, 1994. С. 4–36.*
- Матюхин 1994б – Матюхин А. Е. Палеолитические мастерские в бассейне Нижнего Дона // *АВ. № 3. СПб., 1994. С. 25–37.*
- Матюхин 1995 – Матюхин А. Е. Особенности анализа двустороннеобработанных изделий каменного века // *РА. № 3. 1995. С. 13–27.*
- Матюхин 1999 – Матюхин А. Е. О структуре, типах и принципах изучения палеолитических мастерских // *АВ. № 6. СПб., 1999. С. 272–28.*
- Матюхин 2000 – Матюхин А. Е. Позднепалеолитическая мастерская Бирючья Балка (Бирючья Балка 1 а) // *Донская археология. № 1. Ростов-на-Дону, 2000. С. 27–44.*
- Матюхин 2001а – Матюхин А. Е. Описание и интерпретация орудий из палеолитических мастерских // *АВ. № 8. СПб., 2001. С. 29–48.*
- Матюхин 2001б – Матюхин А. Е. Палеолитическая мастерская Бирючья Балка 1 // *Донская археология. № 2. Ростов-на-Дону, 2001. С. 26–36.*
- Матюхин 2002а – Многослойная палеолитическая мастерская Бирючья Балка 1а // Археологические записки. № 2. Ростов-на-Дону, 2002. С. 11–28.
- Матюхин 2002б – Матюхин А. Е. О ранней поре и генезисе позднего палеолита бассейна Дона // Особенности развития палеолита восточной Европы. СПб., 2002. С. 81–101.
- Матюхин 2002в – Матюхин А. Е. Позднепалеолитические горизонты многослойного памятника Бирючья Балка 2 (по материалам раскопок 2000–2002 гг.) // *Донская археология. № 3–4. Ростов-на-Дону, 2002. С. 36–57.*
- Матюхин 2003 – Матюхин А. Е. Мустьерские комплексы долины Северского Дона // Археологические записки. № 3. Ростов-на-Дону, 2003. С. 5–27.
- Матюхин 2004 – Матюхин А. Е. Типология и технология двусторонних треугольных острей из позднепалеолитических слоев Бирючьей Балки 2 // *АВ. № 11. СПб., 2004. С. 257–274.*
- Павлов, Макаров 1998 – Павлов П. Ю., Макаров Э. Ю. Гарчи 1 – памятник костенковско-стрелечкой культуры на Северо-востоке Европы // *Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Вып. 13. С. 14–17.*
- Рогачев 1957 – Рогачев А. Н. Многослойные стоянки Костенковско-Боршевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине // *Палеолит и неолит СССР. Т. 3. МИА. № 59. М., 1957. С. 9–134.*
- Рогачев, Аникович 1982 – Рогачев А. Н., Аникович М. В. Костенки 6 (Стрелечья) // Палеолит Костенковско-Боршевского района на Дону (1879–1979). Л., 1982. С. 88–91.
- Рогачев, Аникович 1984 – Рогачев А. Н., Аникович М. В. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР. Археология СССР. М., 1984. С. 162–271.
- Рогачев, Попов 1982 – Рогачев, А. Н., Попов В. В. Костенки 11 (Анососка 2) // Палеолит Костенковско-Боршевского района на Дону (1879–1979). Л., 1982. С. 116–132.
- Рогачев, Праслов, Аникович, Белова, Дмитриева 1982 – Рогачев А. Н., Праслов Н. Д., Аникович М. В., Белова В. И., Дмитриева Т. Н. Костенки 1 (стоянка Полховка) // Палеолит Костенковско-Боршевского района на Дону (1879–1979). Л., 1982. С. 42–66.
- Сулержикши, Петит, Бадер Н. 2000 – Сулержикши Л. Д., Петит А., Бадер Н. О. Радиоуглеродный возраст поселения и обнаруженных погребений // *Номо sungirensis. Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюционные аспекты исследования. М., 2000. С. 334.*
- Сулержикши 2004 – Сулержикши Л. Д. Время существования некоторых позднепалеолитических памятников по данным радиоуглеродного датирования костей // *РА. № 3. 2004. С. 103–112.*
- Frison, Stanford 1982 – Frison E. C., Stanford D. J. The Agate basin Site: a record of the Paleo-Indian occupation of the Northwestern High Plains. New York, 1982.
- Gladilin, Demidenko 1990 – Gladilin V. N., Demidenko Yu. E. On the origin of the early Upper Paleolithic industries with leaf points on the Carpatho-Balkan region // *Les industries à points foliacés du Paléolithique supérieur Européen. Études et Recherches archéologiques de l'Université de Liège. № 42. Liège, 1990. С. 115–124.*
- Matioukhine 1990 – Matioukhine A. E. Les formes bifaciales d'ateliers et de station – ateliers // *Les industries à points foliacés du Paléolithique supérieur Européen. Études et Recherches archéologiques de l'Université de Liège. № 42. Liège, 1990. С. 141–162.*
- Matioukhine 1998a – Les ateliers du Paléolithique supérieur de la vallée du Donets Severski (region de Rostov, Russie) // *L'Anthropologie. № 102 (4). 1998. С. 467–494.*
- Matioukhine 1998b – Matioukhine A. E. Les ateliers du paléolithique de taille du silex dans la vallée Donets Severski (region de Rostov, Russie) // *Préhistoire Européenne. № 13. 1998. С. 67–113 (текст пyc.).*

LATE PALAEOOLITHIC INDUSTRIES WITH BIFACIAL POINTS FROM THE SEVERSKY DONETS VALLEY

A. E. MATYUKHIN

This article deals with Late Palaeolithic sites situated in the valley of the Seversky Donets River (khtor Kremenskoj, Konstantinovsky region, Rostov oblast) noted for finds of bifacial points. These sites are located near the Biryuchya balka (gully) occupying an area of about 2 km (fig. 1). At the sites of Biryuchya Balka 1 and 1a leaf-shaped points have been found whereas those of Biryuchya Balka 1b and 2 are marked by triangular points.

The industry of Biryuchya Balka 1 is represented by finds from Layer 2. Most of the artefacts are flakes or debris. Cores are not numerous. Blades have been found mostly in a fragmentary state and are rather inexpressive. Scrapers (fig. 2: 5), points (fig. 2: 3) and side-scrapers have been distinguished among the tools, although bifacial forms predominated. In terms of typology the latter are crude bifaces (fig. 2: 6-9) or occasionally leaf-shaped points (fig. 2: 4). All these bifaces are in fact incomplete leaf-shaped points. Biryuchya Balka 1 was thus a specialised workshop for manufacture of these tools.

At Biryuchya Balka 1a, bifacial tools are found in layers 3b, 3, 3a and 2. Layer 3 is AMS dated to 35900 ± 280 (Beta 183587). The industry of all the layers mentioned above contains numerous flakes and debris. Nuclei are fairly uncommon. Practically all of the flakes were connected with manufacture of tools. Flake and blade tools (scrapers and side-scrapers) are extremely rare (fig. 3: 2), bifacially chipped ones being predominant; bifaces, leaf-shaped points and truncated tools. The bifaces have been found in all these levels (fig. 3: 4-5, 8-9; 4: 2, 5, 8, 10), many of them being of large size and crude appearance (fig. 3: 8; 4: 10). Some of the bifaces are noted for narrowed proportions (fig. 3: 4, 9; 4: 5). Bifacial points have been found in layers 2, 3 and 3b mostly as fragments (fig. 3: 1, 6-7; 4: 1, 7), finished examples being very rare (fig. 4: 4, 9). It is therefore difficult to form an idea of the finished tools. Those of a leaf-shaped type predominate. Noteworthy are points of a nearly triangular shape (fig. 4: 4, 6). Also remarkable are leaf-shaped points with truncated ends found in layers 3a and 3 (fig. 3: 3; 4: 3). Their purpose is as far unclear. The industries of Biryuchya Balka 1 suggest the existence here of workshops for manufacture of leaf-shaped points and truncated leaf-shaped tools.

The industry of Biryuchya Balka 2 (Layer 3) is represented by cores, flakes (fig. 5: 10), fairly distinctive blades (fig. 5: 11), debris, as well as scarce tools. The flake tools include scrapers (fig. 5: 1-2) and side-scrapers (fig. 5: 9). The bifacial tools are subdivided into bifaces proper and triangular points. The bifaces are both large and small in size (fig. 5: 6-7, 12), all of them being

unfinished. The triangular points are relatively large with shortened proportions (fig. 5: 3-5, 8). The bases of these tools have either straight or slightly concave outline. Biryuchya Balka 1b can be considered as a workshop for manufacture of blades and triangular points.

Biryuchya Balka 2 is the most representative among the sites under discussion. In the course of excavations of many years, six Mousterian and four Late Palaeolithic layers have been discovered here. Layer 3 proved to be the richest and two AMS dates have been obtained for it: 26300 ± 200 BP (Beta 177776) and 31480 ± 200 BP (Beta 183589). In the Late Palaeolithic layers extremely numerous flakes, blades, cores and debris have been found. Tools amount to less than 1% of the total number of the artefacts. A large series is constituted by scrapers (fig. 6: 1-2, 4-6, 8-9), side-scrapers (fig. 7: 10) and bifacial tools. Points are rather scarce (fig. 6: 3). The bifaces include both crude (fig. 6: 12) and relatively carefully chipped (fig. 6: 11, 12) specimens. We have grounds to suppose that all the bifaces, as well as many of the more elaborate side-scrapers etc., are in fact unfinished triangular points. The latter include both relatively large and small tools (fig. 7-8), the smaller pieces being fairly numerous. The triangular points have slightly or moderately elongated proportions, markedly elongated tools being more uncommon (fig. 7: 5-6, 8-12; 8: 15, 18, 21). The bases of the points have slightly concave or straight outline. The industry of Biryuchya Balka 2 is close in many aspects to that of Biryuchya Balka 1b.

It is exactly the triangular points that make Biryuchya Balka 1b and 2 similar to sites of the so-called Streletskaia culture on the middle Don River, as well as to Sungir near Vladimir and Garchi 1 in the Ural region. It should be mentioned that this indication is insufficient for uniting all these sites into a single (Streletskaia) culture. The other typological features of stone tools from them and differing types of artefacts, in particular those of bone, contradict this unification. In my opinion, the presence of triangular points in such widely separated contexts is of convergent rather than of cultural character. It would be more grounded to consider Biryuchya Balka 1b and 2 as a group of industries with triangular points but not as belonging to the Streletskaia culture. In fact, all the sites mentioned above differ culturally from each other. The attribution of Biryuchya Balka 1 and 1a is still obscure. It seems appropriate to limit ourselves just with a general definition placing them into the group of industries with leaf-shaped points. It is justifiable to suggest that in the valley of the Seversky Donets, two groups of industries differing in their cultures existed. We may not rule out that these were separated chronologically too.

ТЕХНОЛОГИЯ ФОРМОВКИ НА ШАБЛОНЕ В ДРЕВНЕМ ГОНЧАРСТВЕ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА РОССИИ

И. С. ЖУЩИХОВСКАЯ¹

Изготовление глиняных емкостей с помощью форм-шаблонов – один из древнейших приемов формовки в технологии гончарства, зафиксированный по археологическим материалам. Этот прием известен и в традиционном (этнографическом) производстве керамики в ряде районов мира (Бобринский 1987: 193–201; Глушков 1996; Кашина 1977: 33–34; Подгорбунский 1928; Rice 1987: 125–128; Shepard 1985: 63–65; Vandiver 1987).

Археологические памятники Дальнего Востока России (рис. 1) дают свидетельства существования приема формовки глиняных емкостей с помощью шаблонов как в очень отдаленном прошлом, так и в сравнительно позднее время. При этом в южных и северных районах Дальнего Востока наблюдаются различия в хронологической динамике и технологических деталях данного приема. Рассмотрению и объяснению этих различий посвящена предлагаемая вниманию читателя статья.

Формовка с помощью шаблона: основные технологические особенности. В этом разделе статьи дается краткая характеристика важнейших технологических принципов формовки с помощью шаблона. Для этого используются данные публикаций и результаты авторских экспериментальных исследований в области древнего гончарства (Жушиховская 1998а, 2004)².

Можно выделить две основные группы шаблонов в зависимости от материала изготовления – жесткие и мягкие, или полумягкие.

Жесткий шаблон имеет четко фиксируемую форму, постоянный контур стенок. В качестве такого шаблона, например, могут использоваться нижние части разбитых керамических сосудов. По данным изучения древнего и традиционного гончарства некоторых районов Ближнего Востока, подобный шаблон пригоден для формовки дна и придонного участка стенок глиняной емкости (Vandiver 1987). Специальные шаблоны в виде чаш и мисок с резным декором внутренней поверхности широко применялись в производстве фарфоровой посуды в средневековом Китае (Harrison-Hall 1997). В качестве жесткого шаблона с успехом может выступать плетеная емкость типа корзины, коробочки и т.п. Эксперименты показывают, что жесткий шаблон требует набивки формовочной массы на внутреннюю поверхность. После подсушки глиняная емкость легко отделяется от стенок шаблона и вынимается или вытряхивается. Если же формовочная масса набивается на внешнюю поверхность

шаблона, то в процессе сушки вследствие воздушной усадки стенки глиняной емкости сжимаются, тогда как размеры шаблона остаются постоянными. Результатом этого является деформация сосуда и невозможность снять его с шаблона без повреждений. Однако, если обмотать шаблон тканью и уже на нее набивать массу, то после кратковременной подсушки и легкого выколачивания стенок глиняной емкости последнюю можно снять с шаблона без деформации. Ткань в этом случае играет роль «посредника», создающего воздушные «карманы» между шаблоном и формируемой емкостью и облегчающего процесс сушки.

Мягкие, или полумягкие, шаблоны – это различного рода мешочки и сумки из травы, ткани, кожи, веревки. Они имеют гибкие стенки и способны менять свой объем и контур. Наполненные песком или иным сыпучим материалом, такие мешочки могут служить формами-основами для изготовления глиняных емкостей. В этом случае глина набивается на внешнюю поверхность шаблона. Наиболее рациональное положение шаблона в процессе формовки – статичное, дном вверх, хотя возможны и иные варианты – например, в подвешенном состоянии, дном вниз (Глушков 1996). После кратковременной подсушки лесок из мешочка-шаблона высыпается, и сам мешочек осторожно вынимается из готовой глиняной емкости. Формовка на шаблоне оптимально сочетается с приемом выколачивания или «выбивки» – глиняная масса распределяется по поверхности шаблона при помощи орудия типа лопаточки или колотушки. Это позволяет добиться равномерной толщины стенок и более четкой формы глиняной емкости. Если на ударной стороне лопаточки нанесен какой-либо рельефный рисунок, его отпечатки-негативы останутся на внешней поверхности керамического сосуда. На внутренней же поверхности будут сохраняться отпечатки текстуры самого мешочка-шаблона (ткани, травы и т.п.). В ряде случаев глиняная масса может набиваться на внутреннюю поверхность полого полумягкого шаблона, если стенки его достаточно плотны и способны держать форму.

По данным археологии и этнографии мягкие и полумягкие шаблоны были известны в древнем и традиционном гончарстве ряда районов Сибири и Восточной Европы (Бобринский 1978: 193–201; Глушков, Глушкова 1992; Подгорбунский 1928; Федосеева 1980).

Прием формовки с помощью шаблона – жесткого либо мягкого – имеет ряд существенных с точки

¹ Россия. 690600. Владивосток. ул. Пушкинская, 89. Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

² Экспериментальные исследования в области технологии гончарства осуществляются автором с 1994 г.

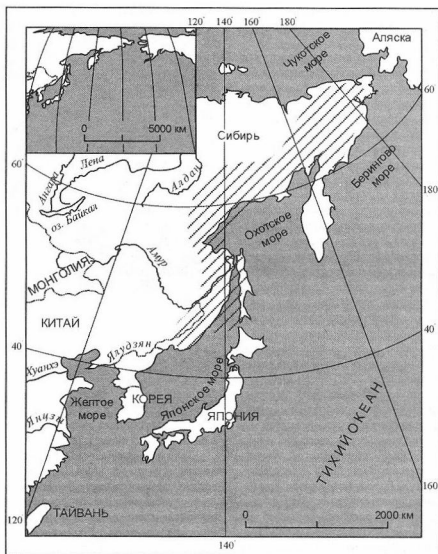

Рис. 1. Зона исследования – Дальний Восток России.

Fig. 1. Area under studies – the Far East of Russia.

зрения гончара особенностей. К ним относятся экономичность во времени, технологическая простота, нетребовательность к качеству формовочной массы. Экспериментальные исследования показывают, что изготовление глиняного сосуда на небольшом шаблоне-мешочке из ткани или травы занимает 15–25 минут. Столь же простой и быстрой является формовка емкости внутри плетеного шаблона. Даже начинающий гончар, не имеющий большого опыта и умения, может без особого труда сформовать глиняную емкость при помощи шаблона. Для формовки на шаблоне или в шаблоне пригодна глина любого качества, в частности и «тощая», малопластичная – в отличие от примесей кольцевого и спирального налета, требующих достаточно пластичных формовочных масс. Глинистую массу можно наносить на поверхность шаблона в один слой или в несколько слоев. Сосуды, сформованные данной технологией, устойчивы к деформам сушки и обжига, так как не имеют «зон рис-

ка», какими у изделия, изготовленного кольцевым налепом, являются сочленение лент или жгутов, соединение дна и тулова.

Теперь перейдем к рассмотрению динамики технологии формовки на шаблоне (в шаблоне) в гончарстве древних культур Дальнего Востока России.

Формовка с помощью шаблона в древнем гончарстве юга Дальнего Востока. Наиболее ранние свидетельства использования этого приема связаны, вероятно, с начальным этапом истории гончарства. Сегодня на территориях Приамурья и соседнего Приморья известны археологические памятники рубежа плейстоцена-голоцена, содержащие архаичную керамику. По данным радиоуглеродного анализа, культурные слои с этой керамикой на нижне-амурских памятниках Гася и Хумми имеют возраст 13–10 тысяч лет (Лапшина 1999; Медведев 2003). Возраст керамических комплексов из памятников Черниговка-1 в Приморье и Громатуха на Среднем Амуре, определенный

методом радиоуглеродной масс-спектрометрии (AMS), – около 9 тыс. лет и около 13 тыс. лет соответственно (Джалл и др. 1998).

Полученные даты очень близки возрасту памятников с древнейшей керамикой, открытых в 60–90-х гг. 20 в. на Японских островах (Кузьмин и др. 1998: 45–73, 103–104) и в районах Восточного Китая (Underhill 1997). По-видимому, сегодня есть основания говорить о Восточно-азиатском очаге происхождения керамики и гончарства, куда входили и материковые южные районы Дальнего Востока России. Коллекции керамики, обнаруженные на названных памятниках, в большинстве случаев немногочисленны и сильно фрагментированы, что усложняет их изучение. Общими характеристиками древнейшей керамической посуды Дальнего Востока, по сегодняшним данным, являются: состав формовочной массы, включающий глину и примесь травы, вероятно, семейства осоковых, простейшая форма изделий с широким устьем и прямыми стенками, отсутствие специальной обработки поверхности, низкотемпературный обжиг (450–600°C). Эти признаки присущи древнейшей керамике ряда районов мира и носят, очевидно, стадиальный характер, маркируя начальную стадию развития гончарства (Жушиховская 2002; Rice 1999).

В контексте данной статьи нас будут интересовать те черты древнейшей керамики Приамурья и Приморья, которые предположительно можно интерпретировать как свидетельства приема формовки с помощью шаблона. Особого внимания заслуживают отпечатки на керамике памятников Хумми, Гасы, Черниговка-1, Громатуха бороздчато-желобчатые отпечатки растительного происхождения, образующие в ряде случаев определенный рисунок – зигзагообразный, сетчатый, линейный (Жушиховская 2002; Медведев 2003; Окладников, Деревяко 1977: 93–98). Наиболее четкий характер отпечатков прослеживается на керамических образцах из Хумми – зигзагообразный на внешней поверхности и линейный на внутренней. Сетчатый рисунок на внешней поверхности в сочетании с линейным на внутренней стороне можно отметить на некоторых фрагментах керамики Черниговки-1, однако есть единичные примеры сетчатого рисунка на внутренней поверхности (рис. 2). Зигзагообразную и сетчатую схему отгисков можно предполагать для керамики нижнего горизонта памятника Госян, расположенного вблизи известной Гасы (Медведев 2003). На керамике Гасы присутствуют бороздчато-желобчатые отгиски, образующие линейный рисунок и некоторое подобие сетчатого пересечения. Сетчатый рисунок образуют растительные отпечатки на серии керамических фрагментов памятника Громатуха.

Наиболее близкая внешняя аналогия зигзагообразной и сетчатой схем расположения растительных бороздчато-желобчатых отгисков – текстура поверхности плетеных изделий. Зигзаг и сетка являются одними из самых распространенных вариантов

плетеной текстуры – они представлены изделиями народных промыслов населения Восточной и Юго-Восточной Азии, индейцев Северной Америки, других районов мира. Технологическая схема шиновочного плетения, образующая рисунок зигзага, характерна для корзины, коробов, сумок, шиновок, матов и др. Схема сетки используется для изготовления различных емкостей, сит (Brasser 1974; Cort, Nakamura 1994; Korean Folk... 1990: 60–71; Pelletier 1982; The Torii Ryuzo... 1990: Pl. 199).

По археологическим данным известно, что технологии плетения и изготовления примитивного текстиля имеют глубокую древность. Плетеные изделия были в употреблении уже в эпоху мезолита (Adovasio, Lynch 1973). К наиболее ранним технологическим схемам относятся шиновочное плетение и сетчатое плетение (Crowfoot 1954).

Плетеная утварь различного назначения широко распространена в бытовой культуре коренных жителей юга Дальнего Востока (Крушанов 1989: 58; Лопатин 1922: 140–141; Сем 1973: 135–142). Богатый растительный мир Приамурья, Приморья, Сахалина обеспечивает разнообразное сырье, подходящее для плетения изделий как с прочными, жесткими, так и с гибкими мягкими стенками. В северных районах Дальнего Востока традиционные плетеные мешочки и сумки изготавливаются в основном из наиболее доступных травянистых растений с мягкими стеблями, в частности, из осоки (Ли 1995).

Таким образом, есть основания полагать, что древним обитателям юга Дальнего Востока было известно мастерство плетения. Плетеные емкости могли послужить морфологическими и отчасти функциональными моделями первых глиняных емкостей. Гипотеза о роли плетеных контейнеров в происхождении древнейшей керамики была в свое время предложена американскими исследователями А. Нилом и Х. Уормингтоном по этнографическим наблюдениям индейцев юго-запада США (Wormington, Neal 1951). Те материалы, которые известны сегодня из памятников позднего плейстоцена – раннего голоцена Приамурья и Приморья, вполне согласуются с данной гипотезой. По-видимому, на юге Дальнего Востока России первые шаги становления технологии керамики включали использование плетеных емкостей в качестве шаблонов для формовки глиняных сосудов. Характер отпечатков на поверхности керамических фрагментов позволяет полагать, что шаблонами могли служить как жесткие, так и мягкие или полумягкие плетеные емкости, изготовленные из различного растительного сырья. Экспериментальные исследования убедительно показали возможность формовки глиняных сосудов как в жестком плетеном шаблоне-корзинке, так и на полумягком шаблоне-мешочке, изготовленном из грубой веревки³ (Жушиховская 2004: 24–46).

Прием формовки посуды с помощью шаблона, простой и экономичный во времени, но ограничива-

³ В обоих случаях использовались плетеные и веревочные емкости, функционирующие сегодня в традиционной бытовой культуре Китая.

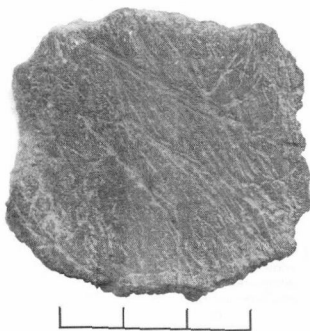

Рис. 2. Отпечатки сетчатой текстуры на поверхности фрагмента ранней керамики из памятника Черниговка-1. Приморье.

Fig. 2. Imprints of reticulate texture on the surface of pottery from the site of Chernigovka-1, Primorye.

ющей возможности моделирования формы, практиковался в раннем гончарстве не только юга Дальнего Востока, но и Восточного Китая. Есть данные о формовке глиняных сосудов с применением шаблонов на поселениях возраста 11–9 тыс. лет. Полагают, что в качестве шаблонов использовались округлые камни (Wang 1995). Возможно, применялись и шаблоны, сделанные из веревки (Jiao 1995).

Что касается древнейшего этапа истории керамики на Японских островах, то достоверные свидетельства формовки сосудов с помощью шаблонов пока не обнаружены. Однако есть предположения, что глиняные сосуды с прямоугольным горизонтальным сечением, обнаруженные на некоторых японских памятниках возраста 13–10 тыс. лет обязаны своими очертаниями деревянному или плетеному прототипу – корзине, туеску и т. п. (Suda 1995).

Трудно сказать, как долго просуществовала технология формовки посуды с использованием шаблонов в гончарстве Дальнего Востока России. Однако уже в неолите, в 6–5 тыс. до н. э. ведущим приемом становится кольцевой налеп – этим способом изготовлены сосуды рудницкой и бойсманской культур. Не исключено, что прием формовки на шаблоне еще сохранялся в ограниченном масштабе в неолитическое время. Некоторые изделия гончаров бойсманской культуры Южного Приморья имеют признаки сочетания двух приемов – формовки на шаблоне и кольцевого налепа. В одних случаях можно предполагать применение шаблона-основы для формирования донной части изделий (Попов и др. 1997: 29), в других – формовку стенок из глиняных колец-жгу-

тов, наложенных на жесткий шаблон и обработанных выбивкой (Жущиховская 1998б).

Материалы культур развитого неолита – зайсановской Приморья, кондонской, протовознесенской, вознесенской Нижнего Амура – свидетельствуют об абсолютном господстве технологии кольцевого налепа в ее различных вариантах. Та же ситуация выявлена и для культур периода палеометалла конца 2 тыс. до н. э. – начала 1 тыс. н. э. (Гребенников, Деревянко 2001; Жущиховская, Понкратова 2000; Мельникова 1999). Кольцевой налеп из лент или жгутов оставался основным приемом формовки посуды вплоть до эпохи ранних государств. Даже так называемая круговая посуда из памятников Бохайского царства VII–X вв. и Империи чжурчженей XII–XIII вв. в основной своей массе изготовлена кольцевым налепом на специализированном вращающемся устройстве.

Кольцевой налеп – технологический прием, требующий значительно больших затрат времени и труда по сравнению с формовкой при помощи шаблона. Кроме того, для изготовления посуды способом кольцевого налепа из лент или жгутов необходима достаточно пластичная, более тщательно подготовленная формовочная масса. Однако этот прием имеет несомненные преимущества с точки зрения моделирования формы, так как позволяет создавать изделия с самой сложной структурой и любым контуром стенок (Rice 1987: 125–128). Сказанное можно в равной мере отнести и к спиральному налепу, но с поправкой на более высокие требования к качеству формовочной массы.

В древнем гончарстве юга Дальнего Востока распространение приема кольцевого налепа в период неолита происходило наряду с другими технологическими новациями – освоением рецептуры отношения формовочной массы минеральными добавками, постепенным развитием методов обработки поверхности. В период палеометалла (конец 2 тыс. до н. э. – начало 1 тыс. н. э.) степень технологического развития приема кольцевого налепа давала возможность значительного морфологического и размерного разнообразия глиняной посуды. В это же время шло дальнейшее совершенствование и усложнение технологии формовочных масс, обработки поверхности, техники и технологии обжига.

Юг Дальнего Востока России входит в обширную зону распространения технологии кольцевого налепа в древнем и традиционном гончарстве Старого и Нового Света. Традиции кольцевого налепа в тех или иных его вариантах мы отмечаем в Восточной и Юго-Восточной Азии, на Ближнем Востоке, в Средней Азии, Средиземноморье, Восточной и Западной Европе – с географической точки зрения это территории низких умеренных широт, субтропиков, частично высоких тропических широт.

Ближайшие к Дальнему Востоку районы технологии кольцевого налепа – Восточный и Северо-Восточный Китай, Японский архипелаг, полуостров Корея (в Корее с древности был извештен и спиральный налеп). Начиная с достаточно ранних этапов неолита этот прием формовки керамических сосудов являлся

здесь ведущим (Кашина 1977; Harris 1997; Nelson 1993, 1995). Интересно, что исследователи отмечают в гончарстве культуры Яншао развитого неолита Восточного Китая ограниченное бытование архаичной технологии формовки на верховном шаблоне при основной роли кольцевого налепа (Кашина 1977: 34). Можно заметить, что для древнего гончарства названных районов так же, как и для керамического производства юга Дальнего Востока России, характерны тенденции последовательной эволюции, прогрессивных изменений в техническом уровне, технологических и морфологических стандартах на протяжении эпохи неолита, бронзового и железного веков.

Формовка с помощью шаблона в древнем гончарстве севера Дальнего Востока. Иная динамика технологии формовки с помощью шаблона вырисовывается для гончарства северных культур (Жушиховская, Гусев 1998; Жушиховская, Понкратова 2000; Понкратова 2000). На севере Дальнего Востока навыки изготовления глиняной посуды стали известны сравнительно поздно, в 3–2 тыс. до н. э., и их распространение связано, вероятно, с влиянием неолитических культур Восточной Сибири (Диков 1979). Исследование керамики из археологических комплексов Чукотки, бассейна р. Колымы, западного побережья Берингова моря показывает значительную степень стандартизации основных технологических приемов и устойчивость их в широком временном диапазоне. Это относится также и к приемам формовки сосудов.

Выразительные свидетельства изготовления глиняных емкостей на шаблонах содержится в материалах памятников круга палеоэскимосских культур. Так, керамика поселения Дежнево-1 на Чукотке, датированного началом 1 – серединой 2 тыс. н. э., часто имеет на внутренней поверхности отгибки веревки, скрученных стеблей травы, крупноячеистые отпечатки грубого текстиля, также отгибки в виде пересекающихся тонких бороздок с гладким ложем (рис. 3). Эти следы можно интерпретировать как негативы текстуры форм-шаблонов, которыми служили, вероятно, мешочки из травы, веревки, ткани, китового уса. На внешней же поверхности фрагментов сосудов нередко фиксируются отпечатки в виде концентрических кругов либо прямоугольных и ромбических ячеек («вафельные»), оставленные ударно-прессующим инструментом – лопаточкой. Известны и находки таких лопаточек, изготовленных из кости и украшенных резным узором. Керамические фрагменты нередко имеют слоистый излом, так как в процессе формовки глинистая масса могла накладываться послойно и уплотняться лопаточкой. Ведущая морфологическая модель керамической посуды палеоэскимосских комплексов имеет «мешковидный» контур с округлым дном и прямыми либо слегка суженными к устью стенками, что являлось результатом формовки емкостей на шаблоне-мешочке. Аналогичные черты характеризуют керамику других палеоэскимосских памятников, а также лахтинской и древнеяхрской

культур северных районов Дальнего Востока (Жушиховская, Понкратова 2000; Понкратова 1996, 2000).

Формовку на шаблоне можно предполагать и для керамики неолитических комплексов континентальных районов Чукотки. Так, исследование небольшой серии образцов керамики из памятников в районах оз. Тытыль и оз. Красное показало наличие на внешней поверхности «вафельных» отпечатков, оставленных, вероятно, при ударах лопаточкой⁴.

Широкое распространение технологии формовки глиняных емкостей на шаблонах-мешочках можно предполагать для древнего гончарства не только северных территорий Дальнего Востока, но и более западных и восточных регионов, лежащих в тех же климатических поясах.

Археологическая керамика Якутии периодов неолита, бронзового и железного веков имеет признаки, указывающие, вероятно, на использование шаблонов (Федосеева 1980). Возможно, был известен и прием выколачивания стенок емкости из цельного куска глинистой массы (Алексеев 1996: 49–50). По этнографическим данным, в гончарстве якутов конца XIX – начала XX вв. бытовали обе эти технологии (Алексеев 1996: 50; Подгорбунский 1928). В керамическом производстве некоторых культур бронзового века Прииртышья (Западная Сибирь) практиковалась формовка сосудов с помощью тканевых форм-основ (Глушков 1996: 105–106).

В гончарстве палеоэскимосских памятников Аляски для изготовления керамических емкостей также, по-видимому, применялись шаблоны – мешочки из ткани, растительных волокон. Об этом свидетельствуют такие признаки керамики, как отпечатки текстильной или плетеной текстуры на внутренней поверхности стенок и отгибки ударной лопаточки на внешней поверхности, отсутствие следов кольцевого налепа, слоистость, излома черепков, неразвитая морфология сосудов (Arnold, Stimmler 1984; Giddings, Anderson 1986).

Керамические комплексы археологических памятников севера Дальнего Востока практически не дают примеров эволюции технологии формовки посуды. Ссылаясь на упомянутые выше материалы Дежнево-1, можно заключить, что в широких хронологических рамках начала 1 – середины 2 тыс. н. э. сменявшие друг друга поколения обитателей этого поселения изготавливали глиняные сосуды способом формовки на шаблоне. Возможно, в гончарстве северных культур в ограниченной степени были известны и иные приемы лепки посуды. Например, керамические жирники (емкости для освещения жилищ) с плоским дном и низкими стенками, представленные на ряде памятников в незначительном количестве, могли формироваться из цельного куска глины выдавливанием либо «поскутумом» налепом из соединенных вместе небольших кусочков пластичной массы. Однако свидетельства развития технологии кольцевого налепа – так, как это имело место в древнем гончарстве юга Дальнего Востока – в археологических комплексах Чукотки, бас-

⁴ Автор благодарит д. и. н. М. А. Кирьяк за любезное разрешение исследовать керамику неолитических памятников Чукотки.

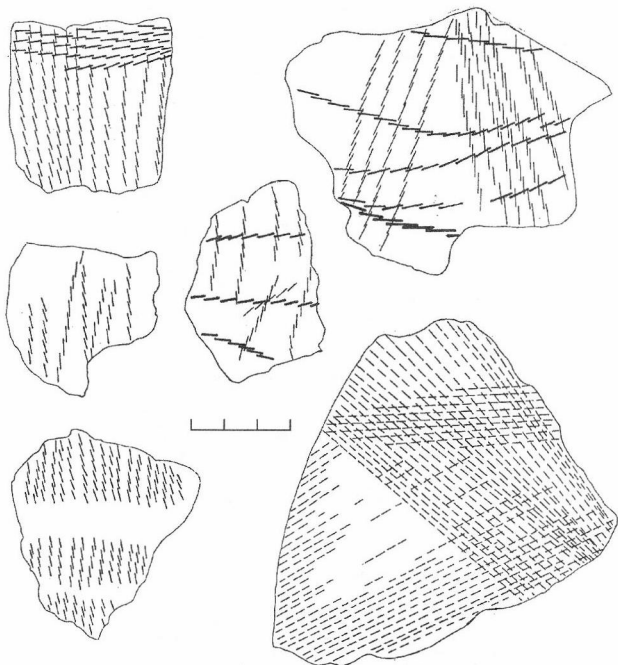

Рис. 3. Графические схемы оттисков витой и текстильной текстуры на внутренней поверхности керамических сосудов из памятника Дежнево-1. Круг палеоэскимосских культур. Чукотка.

Fig. 3. Schematic graphic representations of imprints of twisted and textile textures on the inner surface of ceramic vessels from the site of Dezhnevo-1. The circle of Palaeo-Eskimo cultures. Chukotka.

сейна р. Кольмы, западного побережья Берингова моря мы не находим. Исключение составляет, вероятно, лишь токаревская культура северо-западного побережья Охотского моря – как полагают исследователи, на ее поздних этапах появляется прием изготовления сосудов кольцевым налепом. Это новшество могло быть результатом контактов с более южными культурами периода палеометалла Приамурья, где данная технология господствовала с неолитического времени (Поцкратова 2000).

Технология формовки древней керамики Дальнего Востока в контексте адаптивных процессов.

В этом заключительном разделе статьи попытаемся объяснить отмеченные различия в динамике приема формовки с помощью шаблона в гончарстве древних культур южных и северных районов Дальнего Востока.

На юге – в Приамурье и Приморье – формовка посуды с использованием шаблонов была характерна только для самого раннего этапа становления гончар-

ства. Простая, рациональная и не требующая особого мастерства технология вполне согласуется с примитивным уровнем знаний о сырьевых материалах и принципах их обработки (Жушиховская 2002, 2004: 24–46). Но уже в эпоху неолита ведущую роль начинает играть прием формовки кольцевым напелем, а лепка с помощью шаблона если и продолжает существовать, то, вероятно, только как своего рода технологический атавизм (бойсманская культура Приморья).

Смена приема формовки на шаблоне (или в шаблоне) более сложной, но вместе с тем и более совершенной технологией кольцевого напела в древнем гончарстве юга Дальнего Востока кажется логичной, если рассматривать процесс изготовления керамики и его отдельные стадии в непосредственной связи с природными и социальными факторами. Среди первых надо выделить, в первую очередь, климат, играющий весьма заметную роль в развитии керамического производства в разных районах мира (Arnold 1985: 61–98). На протяжении периода голоцена климатические характеристики материковых территорий юга Дальнего Востока были и остаются благоприятными для занятий гончарством. Длительный теплый сезон (до 4–5 месяцев в году) с достаточно высокими средними температурами и значительным числом солнечных дней способствует возможности увеличения временных затрат на изготовление глиняной посуды, стимулирует развитие сложных, трудоемких технологий, позволяет успешно осуществлять весь цикл производственных операций – от сбора сырья до обжига готовых изделий (Жушиховская 2004: 61–109). На этом благоприятном природном фоне, который дополняется также наличием на юге Дальнего Востока богатой и разнообразной сырьевой базы для изготовления керамики, древние гончары могли развивать прогрессивные технологии и совершенствовать свои навыки.

По природным условиям для керамического производства материковый юг Дальнего Востока России, расположенный в низких умеренных широтах, близок к «золотому поясу» мирового гончарства, охватывающему в первую очередь районы субтропических широт, а также ряд районов низких умеренных и высоких тропических широт. На этих территориях до настоящего времени процветают знаменитые центры гончарного искусства, сложившиеся еще в древности (Arnold 1985: 61–98). Как было отмечено выше, именно в данных районах получил наибольшее распространение прием кольцевого напела, а наряду с ним и многие трудоемкие гончарные технологии.

Социальные факторы, способствовавшие развитию гончарства в Древних культурах юга Дальнего Востока (Приамурье и Приморье) – это устойчивая тенденция к оседлому образу жизни начиная с неолитического времени, позитивные изменения в хозяйственной структуре, состоявшие в появлении на этапе развитого – позднего неолита и развитии в период палеометалла производящих отраслей, прежде всего земледелия. Эти факторы являлись мощным стимулом как для активизации внутренних ресурсов керамического производства, так и для постоянного усложнения функциональной структуры гончарной

продукции, что в свою очередь служило побудительным мотивом для многих гончарных новаций (Жушиховская 2004: 157–219).

Что касается гончарства северных районов Дальнего Востока, то в контексте природно-климатических условий субарктического и арктического поясов и социально-экономических процессов в древних культурах устойчивость и длительное существование технологии формовки с помощью шаблона кажется вполне понятными. Климат северных широт чрезвычайно неблагоприятен для занятий гончарством. Очень короткий (1–2 месяца) и прохладный летний сезон с частыми туманами и ветрами на морском побережье, равными заморозками в континентальных районах открывал перед древними гончарами небольшие возможности технологического развития. Кроме того, северное лето – это еще и период активного собирательского промысла, в котором были заняты в основном женщины и который отнимал много времени и сил. Очевидно, что для гончаров самой важной задачей являлось изготовление необходимой керамической посуды путем минимальных временных и трудовых затрат. На это был направлен весь комплекс технологических приемов (рецептура формовочной массы, формовка, обработка поверхности). Концепция рациональной сути гончарства северных широт подробно изложена в ряде публикаций (Жушиховская 2004; Жушиховская, Понкратьева 2000; Понкратьева 2000). Здесь же надо подчеркнуть, что простой и быстрый способ изготовления глиняных емкостей с помощью шаблона как нельзя лучше соответствовал условиям и задачам изготовления керамической посуды в северных культурах Дальнего Востока.

Социально-экономическая динамика культур Севера была весьма замедленной в сравнении с процессами, протекавшими в культурах южной части Дальнего Востока. Достаточно отметить, что в XVI–XVII вв., когда на северные территории пришли первые русские землепроходцы, местное население по общему техническому уровню еще не вышло за рамки каменного века. Об этом свидетельствуют материалы поздних археологических памятников Чукотки, Камчатки, побережья Охотского моря (Диков 1979). Ориентация на присваивающие виды хозяйства, отсутствие собственной металлургии, достаточной примитивная бытовая культура также способствовали технической и технологической консервации гончарства, сохранив его в течение длительного времени приемов и стандартов этого производства.

Таким образом, рассмотренные в статье материалы по распространению и особенностям приема формовки с помощью шаблона в гончарстве древних культур Дальнего Востока России позволяют оценить технологическую традицию с точки зрения процессов адаптации. Можно полагать, что становление и динамика технологии формовки посуды в значительной мере зависели как от природно-климатических, так и от социально-экономических факторов. Представляется перспективным анализировать в этом же ключе традиции и приемы других стадий производственного цикла древнего гончарства.

- Алексеев 1996 – *Алексеев А. Н.* Древняя Якутия. Неолит и эпоха бронзы. Новосибирск, 1996.
- Бобринский 1978 – *Бобринский А. А.* Гончарство Восточной Европы. М., 1978.
- Глушков 1996 – *Глушков И. Г.* Керамика как археологический источник. Новосибирск, 1996.
- Глушков, Глушкова 1992 – *Глушков И. Г., Глушкова Т. Н.* Текстильная керамика как исторический источник. Тобольск, 1992.
- Гребенчиков, Деревяшко 2001 – *Гребенчиков А. В., Деревяшко Е. И.* Гончарство древних племен Приамурья. Новосибирск, 2001.
- Джалл и др. 1998 – *Джалл Э., Мали Ж., Биддульф Д., Деревяшко А. П., Кузьмин Я. В., Медведев В. Е., Табарев А. В., Зенин В. Н., Ветров В. М., Лапина З. С., Гарковик А. В., Жутиховская И. С.* Радиоуглеродная хронология древнейших неолитических культур юга Дальнего Востока России и Забайкалья по результатам прямого датирования керамики методом ускорительной масс-спектрометрии // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. Ч. 2. Новосибирск, 1998. С. 63–68.
- Диков 1979 – *Диков Н. И.* Древние культуры Северо-восточной Азии (Азия на стыке с Америкой). М., 1979.
- Жутиховская 1998а – *Жутиховская И. С.* Эксперимент в изучении древнего гончарства Дальнего Востока // Историко-культурные контакты между коренным населением Тихоокеанского побережья Северо-западной Америки и Северо-восточной Азии. Ред. А. Р. Артемьев. Владивосток, 1998. С. 179–190.
- Жутиховская 1998б – *Жутиховская И. С.* Керамика поселения Бойсман-1 // Первые рыболовы в заливе Петра Великого (природа и человек в бухте Бойсман). Ред. Ю. Е. Вострицов. Владивосток, 1998. С. 123–196.
- Жутиховская 2002 – *Жутиховская И. С.* Ранняя керамика Дальнего Востока и Восточной Азии (проблемы систематизации, технологии, генезиса) // Актуальные проблемы дальневосточной археологии. Владивосток, 2002. С. 109–150.
- Жутиховская 2004 – *Жутиховская И. С.* Очерки истории древнего гончарства Дальнего Востока России. Владивосток, 2004.
- Жутиховская, Понкратьова 2000 – *Жутиховская И. С., Понкратьова И. Ю.* Сырьевая база, климат и традиции древнего гончарства // Вперёд... в прошлое. Ред. Ю. Е. Вострицов, Н. А. Ключев. Владивосток, 2000. С. 103–150.
- Кашина 1977 – *Кашина Т. И.* Керамика культуры Яншао. Новосибирск, 1977.
- История и культура ... 1989 – История и культура удэгейцев. Ред. А. И. Крушанов. Л., 1989.
- Кузьмин и др. 1998 – *Кузьмин Я. В., Алкин С. В., Оно А., Сато Х., Сакаки Т., Мацумото Ш., Оримо К., Ито Ш.* Радиоуглеродная хронология древних культур каменного века Северо-восточной Азии. Владивосток, 1998.
- Лапина 1999 – *Лапина З. С.* Древности озера Хумми. Хабаровск, 1999.
- Ли 1995 – *Ли М.* Культура плетения: проблема сибирских истоков практики корзинодения эскимосов Аляски // Системные исследования взаимосвязи древних культур Сибири и Северной Америки: духовная культура. Вып. 2. СПб., 1995. С. 63–84.
- Лопатин 1922 – *Лопатин И. А.* Гольды. Владивосток, 1922.
- Медведев 2003 – *Медведев В. Е.* Когда и как была открыта на Дальнем Востоке древняя керамика // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии: Материалы междунар. конф. Новосибирск, 2003. С. 38–43.
- Мильчинова 1999 – *Мильчинова Л. Н.* Гончарство неолитических племен Нижнего Амура. Новосибирск, 1999.
- Окладников, Деревяшко 1977 – *Окладников А. П., Деревяшко А. П.* Громатухинская культура. Новосибирск, 1977.
- Понкратьова 1996 – *Понкратьова, И. Ю.* Керамика древнеохотской культуры (мас Алеяния, полуостров Кони) // Археология, палеоэкология и этнография Сибири и Дальнего Востока. Ч. 2. Иркутск, 1996. С. 109–111.
- Понкратьова 2000 – *Понкратьова И. Ю.* Гончарство Северо-Востока Азии как культурно-историческое явление. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2000.
- Попов, Чикишева, Шпакова 1997 – *Попов А. Н., Чикишева Т. И., Шпакова Е. Г.* Бойсманская археологическая культура Южного Приморья. Владивосток, 1997.
- Подгорбунский 1928 – *Подгорбунский В. И.* Заметки по изучению гончарства якутов // Сибирская живая старина. Вып. 5. Иркутск, 1928.
- Сем 1973 – *Сем Ю. А.* Нанайцы. Владивосток, 1973.
- Федосеева 1980 – *Федосеева С. А.* Ымьятахская культура Северо-восточной Азии. Новосибирск, 1980.
- Adovasio, Lynch 1973 – *Adovasio J. M., Lynch T. F.* Pre-ceramic textile and cordage from Guitarrero Cave, Peru // American Antiquity. № 38 (1). 1973. S. 84–90.
- Arnold, Stimmler 1983 – *Arnold C. D., Stimmler C.* An analysis of Thule pottery // Canadian Journal of Archaeology. № 7. 1983. S. 1–21.
- Arnold 1985 – *Arnold D. E.* Ceramics theory and cultural process. Cambridge, 1985.
- Brasser 1974 – *Brasser T.* A basketful in Indian cultural change. Ottawa, 1974.
- Harris 1997 – *Harris V.* Jomon pottery in ancient Japan // Pottery in the making (world traditions). Ed. by I. Freestone and D. Geimster. London, 1997. S. 20–25.
- Harrison-Hall 1997 – *Harrison-Hall J.* Ding and other whitewares of Northern China // Pottery in the making (world ceramic traditions). Ed. by I. Freestone and D. Geimster. London, 1997. S. 194–199.
- Crowfoot 1954 – *Crowfoot G. M.* Textiles, basketry, and mats // A history of technology. № 1. New York, London, 1954. S. 413–455.
- Cort, Nakamura 1994 – *Cort L. A., Nakamura K.* Basketmaker in rural Japan. Washington, 1994.
- Giddings, Anderson 1986 – *Giddings J. L., Anderson D. D.* Beach ridge archaeology of Cape Krusenstern. Eskimo and Pre-Eskimo settlements around Kotzebue sound, Alaska. Washington, 1986.
- Jiao 1995 – *Jiao T.* Prehistoric culture from the end of the Pleistocene to the beginning of the Holocene in the area south of the Five Ridges // Kaogu Xuebao. № 1. 1995. S. 1–24.
- Nelson 1993 – *Nelson S. M.* The archaeology of Korea. Cambridge, 1993.
- Nelson 1995 – *Nelson S. M.* The archaeology of Northeastern China. London; New York, 1995.
- Pelletier 1982 – *Pelletier J.* Abenaki basketry. Ottawa, 1982.
- Rice 1987 – *Rice P.* Pottery analysis: a sourcebook. Chicago, London, 1987.
- Rice 1999 – *Rice P.* On the origins of pottery // Journal of archaeological method and theory. Vol. 6 (№ 1). 1999. S. 1–54.
- Shepard 1985 – *Shepard A. O.* Ceramics for the archaeologist. Washington, 1985.
- Suda 1995 – *Suda R.* Some aspects of recent research during the transitional period in Tohoku and Hokkaido // The origin of ceramics in Eastern Asia. Proceedings of International symposium. Sendai, 1995. S. 105–116.
- The Torii Ryuzo ... 1990 – *The Torii Ryuzo* photographic record of East Asian ethnography. Vol. 2. Part 3 // Material report of the University Museum, The University of Tokyo. № 20. 1990.
- Underhill 1997 – *Underhill A.* Current issues in Chinese Neolithic archaeology // Journal of World Prehistory. Vol. 11 (№ 2). 1997. S. 103–160.
- Vandiver 1987 – *Vandiver P.* Sequential slab construction: conservative Southwest Asian ceramic tradition // Palaeorient. № 13 (2). 1987. S. 9–35.
- Wang 1995 – *Wang X.* The occurrence of pottery in China and the development of technology // The origin of ceramics in Eastern Asia. Proceedings of International symposium. Sendai, 1995. S. 77–92.
- Wormington, Neal 1951 – *Wormington X., Neal A.* The story of Pueblo pottery. Denver, 1951.
- Zhushchikhovskaya 1999 – *Zhushchikhovskaya I.* Dynamics of prehistoric pottery-making of Russian Far East // Proceedings of International Symposium on Ancient Ceramics' 1999. Shanghai, 1999. S. 471–484.
- Zhushchikhovskaya 2002 – *Zhushchikhovskaya I.* Pottery firing technique in the context of culture-historical dynamics (Russian Far East as a case of study) // Proceedings of International Symposium on Ancient Ceramics' 2002. Shanghai, 2002. S. 10–19.

THE MOULDING TECHNOLOGY IN PREHISTORIC POTTERY-MAKING IN THE RUSSIAN FAR EAST

IRINA ZHUSHCHIKHOVSKAYA

The method of shaping ceramic containers by moulding them from templates is known in pottery both of ancient cultures and modern traditional ones in a number of regions of the World. The technological advantages of this method are its simplicity, small time-cost and unexacting requirements for the quality of the paste. The main drawback is the limited possibility of shaping a clay container.

Archaeological sites of the Russian Far East (Fig. 1) have yielded certain evidence which allows us to trace the spatial and temporal distribution of the technology of moulding from templates in the ancient pottery-making of this vast region. The dynamics revealed may be explained in terms of the adaptive approach within the context of the effects of the natural and climatic factors.

In the mainland regions of the southern Far East (the Amur region and Russian coastal regions or *Primorye*) moulding from a template was used at the earliest stage of pottery-making. According to the evidence presently available, making of ceramic pottery started in these territories c. 13–9 millennia ago, in the late Pleistocene – early Holocene, *i.e.* synchronously with the appearance of the first ceramics on the Japanese islands and in eastern China. Studies of the earliest pottery from Amur and Primorye sites with application of experimental approaches give us grounds to suppose that these vessels were shaped by means of woven templates (Fig. 2). Depending on the source materials used and their treatment, the templates were made either rigid (baskets) or supple (grass bags).

Since the Neolithic period, in the pottery-making of the Amur and Primorye cultures, the technology of encircling application of paste came to be dominating. This

technology was more complicated and laborious than that of moulding from templates, but instead it allowed considerably wider possibilities of shaping the containers. The method of encircling application had been existing stably in the regions under consideration until the period of early states (7th–13th centuries). The replacement of moulding from templates for the technology of encircling application must be regarded as a result of the general advances of pottery-making under the beneficial climatic and raw-material conditions in the south of the Far East. The fairly long working season (4–5 months a year) and abundance of high-quality clays encouraged the complication of the operations of pottery-making cycles and emergence of new technological traditions.

In the northern regions of the Far East (Chukotka and the Sea of Okhotsk area) the technology of moulding from templates became widespread since the 3–2 mil. BC with borrowing of the pottery-making technology from Eastern Siberia and had continued without any changes until the 16th–17th centuries, *i.e.* the period of the decline and disappearance of the skills of making clay pottery. Used as the templates were containers-bags made from plants, tissues or, possibly, baleen (Fig. 3). Shapes of the pottery of northern cultures were fairly uniform and practically did not change throughout several millennia of pottery-making. The stability of the technology of moulding from templates in the early northern pottery-making resulted of the general natural and climatic situation extremely unfavourable to the manufacture of pottery and demanding simple and time-sparing methods and operations. The entire process of production was oriented to a «technological minimalism».

СОСТАВ МЕТАЛЛА КАЛМЫКИИ В БРОНЗОВОМ ВЕКЕ

А. Н. ЕГОРЬКОВ, Е. И. ГАК, Н. И. ШИШЛИНА¹

Состав медных сплавов бронзового века Кавказа и прилегающих районов давно попал в поле зрения исследователей, послужив предметом ряда публикаций (Черных 1966, Кореневский 1988, Галибин 1991). Свообразие этого металла, заключающееся в высоком содержании никеля во многих образцах периода ранней бронзы, явилось причиной для формулирования разных, причем взаимоисключающих взглядов на это явление (Черных 1966; Галибин 1991; Егорьков 2002). Такое разнообразие подходов вызвано, вероятно, еще и тем, что для бронзы Кавказа плохо разработан географический контекст: металл прилегающих областей изучен явно недостаточно и в массе не опубликован. Представленные в настоящем исследовании результаты анализа свыше полусотни образцов металла с территории Калмыкии и соседней Ростовской области (Шахаевская группа могильников) имеют целью, в некоторой степени, восполнить этот пробел. Из рассмотрения исключены лишь литые украшения с высоким содержанием мышьяка, которые предполагается рассмотреть как самостоятельный объект исследования, а также металл Ергенинского могильника, состоящий в основном из латунных изделий (Гак 2002).

Все образцы на анализ взяты в предметах, хранящихся в фондах Государственного Исторического музея. Они происходят из курганных погребений ямной, катакомбной культур и финала эпохи средней бронзы. Местонахождение могильников с исследованным металлом обозначено на карте (рис. 1). Авторы раскопок перечислены в подписи к карте. Годы раскопок указаны в таблице с результатами анализа.

Эмиссионно-спектральный анализ выполнен в Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН по ранее описанной методике (Егорьков 2001: 85). В большинстве случаев пробы представляли собой окисленный металл в виде куприта, допускающего определение элементов, входящих в исходный металл, при соответствующем увеличении навески образца на сжигание. Процентное содержание элементов приведено в таблице, медь – основа во всех случаях. Анализы расположены по возрастанию лабораторного шифра в пределах отдельного могильника, сами могильники – в порядке возрастания их номера на карте. Сокращенное обозначение культур в таблице: ВМКК – восточнокавказская катакомбная культура, ЗМКК – западнокавказская катакомбная культура, РКК – раннекатакомбная культура, РЭСБ – ранний этап средней бронзы, ФСБ – финал

средней бронзы, ЯК – ямная культура, к. – курган, п. – погребение.

Как видно из таблицы, в составе металла постоянно присутствует мышьяк, который в подавляющем большинстве случаев является ведущей примесью. Малочисленные исключения составляют восточнокавказский образец 31, где при наименьшем содержании мышьяка в приплавле преобладает олово, а также образцы 8 и 16 из могильника Зунда-Толга-1 с преобладанием сурьмы над мышьяком. Высокое, но не преобладающее, содержание сурьмы отмечается еще для образцов 9 и 21 из того же могильника, а замыкает ряд образцов с высоким содержанием сурьмы уже упомянутая оловянная бронза (образец 31). Другими общими свойствами всего рассматриваемого металла являются низкое содержание или отсутствие серебра, висмута, кобальта, железа, марганца, свинца. Никель, также на низком уровне, за исключением образца 52 из могильника Шахаевский II, где его содержание в 1,5% находится на уровне, характерном для образцов ранней бронзы Кавказа, что, впрочем, не удивительно, поскольку этот образец относится к тому же времени и происходит из погребения ямной культуры. Кроме того, умеренным оказалось содержание никеля (свыше или равным 0,1%) в образце 10 и выходящем из общего ряда образце оловянной бронзы 31. Общее низкое содержание железа, не превышающее во всех, кроме одного – 14 (0,2%), случаях величины 0,1%, свидетельствует об умении древних местных металлургов идеально проводить шлаковывание выплавляемой меди и с несомненностью указывает на высокий уровень развития металлургии. Однако следует отметить, что здесь анализа за значимые приняты концентрации элементов от 0,01% и выше, а сами образцы в большинстве случаев представлены купритом, хотя и допускающим количественный анализ на микроэлементы, но все же вряд ли сохраняющим их содержание в полной мере.

Если заметное присутствие мышьяка является общим для всех приведенных здесь археологических объектов, то по содержанию других элементов некоторые памятники по составу металла показывают явное своеобразие. Так, высокое содержание сурьмы характерно (за исключением выходящей из общего ряда оловянной бронзы 31) только для могильника Зунда-Толга-1. Устойчивое, но на более низком уровне, присутствие сурьмы наблюдается в металле могильников Восточного Маньча. В свою очередь, металл могильников Шахаевский I и II в большин-

¹ А. Н. Егорьков. Россия. 191186. Санкт-Петербург: Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Лаборатория археологической технологии.

Е. И. Гак. Россия. 109012. Москва. Красная пл., 1/2. Государственный Исторический музей. Отдел комплексных археологических исследований.

Н. И. Шишлина. Россия. 109012. Москва. Красная пл., 1/2. Государственный Исторический музей. Отдел археологических памятников.

№	Год	Могильник	Место находки	№ описи	Культура	Категория	Шифр лаб.	Ag	As	Bi	Co	Fe	Mn	Ni	Pb	Sb	Sn	Zn
1	1934	Три Брата	к. 28, п. 2	1581	ВМКК	вис. кольцо	705-23	-	3,6	-	-	-	-	0,02	-	-	-	-
2	1987	Цаган-Усн VIII	к. 1, п. 3	2108/1	ВМКК	шило	690-20	-	1,6	-	-	0,01	0,02	0,02	-	-	-	-
3	1990	Улан-Зуха	к. 3, п. 4	2158/24	ВМКК	то же	690-21	-	1,3	-	-	0,02	0,01	0,01	-	-	-	-
4	1970	Кермен-Толга	к. 37, п. 1	1908/329	ВМКК	шило (№ 1)	705-19	0,05	4,8	-	-	0,01	-	0,04	-	0,01	-	-
5	- - -	тот же	там же	1908/328	ВМКК	то же (№ 2)	705-20	0,05	4,8	-	-	-	-	-	-	-	-	-
6	2000	Островной	к. 3, п. 27	2265/70	ВМКК	нож	705-11	0,02	2,6	-	-	-	-	-	-	-	-	-
7	- - -	тот же	к. 3, п. 29	2265/78	ВМКК	шило	715-20	-	1,6	-	-	-	-	-	-	-	-	0,05
8	1997	Зунда-Толга-1	к. 8, п. 1	2244/44	РЭСБ	то же	690-12	0,01	1,1	-	-	-	0,02	-	-	2,3	-	-
9	- - -	тот же	к. 2, п. 2	2213/26	ВМКК	- - -	690-13	-	4,8	-	-	-	0,02	0,02	0,02	1,3	-	-
10	1994	- - -	к. 1, насыпь	2204/1	ВМКК	- - -	690-14	-	3,3	-	-	0,02	0,01	0,1	-	-	-	-
11	- - -	- - -	к. 1, п. 1	2204/7	ВМКК	- - -	690-15	-	1,0	-	-	-	0,01	0,01	-	-	-	-
12	1995	- - -	к. 3, п. 6	2213/181	ВМКК	- - -	690-16	-	3,6	-	-	0,09	0,02	0,01	0,02	-	-	-
13	1997	- - -	к. 8, п. 1	2244/6	РЭСБ	шило (№ 1)	690-18	-	1,0	-	-	0,01	0,03	-	-	0,3	-	-
14	- - -	- - -	там же	2244/7	РЭСБ	то же (№ 2)	690-19	-	2,0	-	-	0,2	0,01	0,02	0,02	0,2	-	-
15	- - -	- - -	к. 9, п. 2	2244/34	ВМКК	вис. кольцо (№ 1)	690-24	-	3,8	-	-	-	0,01	0,06	-	0,06	-	-
16	- - -	- - -	там же	2244/35	ВМКК	то же (№ 2)	690-25	0,03	1,0	-	-	0,01	0,02	-	-	1,6	-	-
17	1995	- - -	к. 2, п. 4	2213/169	ВМКК	вис. кольцо (№ 1)	690-26	-	4,2	-	-	-	0,02	-	-	0,1	-	-
18	- - -	- - -	там же	2213/169	ВМКК	то же (№ 2)	690-27	-	2,2	-	-	0,01	0,02	0,01	-	-	-	-
19	1997	- - -	к. 8, п. 1	2244/3	РЭСБ	подвеска	690-28	-	3,1	-	-	0,02	0,01	-	-	-	-	-
20	1995	- - -	к. 2, п. 4	2213/170	ВМКК	бусина	690-31	-	6,4	-	-	0,01	0,02	-	-	0,01	-	-
21	1997	- - -	к. 8, п. 1	2244/8	РЭСБ	то же	690-32	-	2,5	-	-	0,03	0,01	-	0,01	1,0	-	-
22	- - -	- - -	к. 8, п. 1	2244/10	РЭСБ	пронизь	690-35	-	3,6	-	-	0,01	0,02	-	-	0,3	-	-
23	1995	д/л «Тюльпан»	к. 1, п. 4	2213/191	ВМКК	нож	690-11	0,02	3,3	-	-	-	0,02	-	-	-	-	-
24	- - -	тот же	к. 1, п. 1	2213/184	ВМКК	вис. кольцо	690-23	-	3,8	-	-	0,01	0,02	-	-	0,09	-	-
25	- - -	- - -	к. 1, п. 4	2213/192	ВМКК	бусина	690-34	-	6,0	-	-	0,04	0,02	-	-	0,02	-	-
26	1998	Манджикины-1	к. 3, п. 2	2253/47	ЯК	нож	690-17	-	2,5	-	-	0,01	0,02	-	-	-	-	-
27	- - -	тот же	к. 3, п. 3	2253/40	ВМКК	бусина	690-30	-	1,0	-	-	0,2	0,01	-	0,03	-	-	-
28	2001	- - -	к. 15, п. 1	2266/122	ВМКК	нож	715-18	-	1,5	-	-	0,02	-	0,01	-	-	-	-
29	1998	Шупта-1	к. 1, п. 2	2253/51	ЯК	подвеска	690-29	-	0,9	-	-	0,04	0,01	-	-	-	-	-
30	1998	тот же	к. 1, п. 2	2253/51	ЯК	бусина	690-33	0,03	6,4	-	-	0,03	0,02	0,03	-	-	-	-

31	1965	Вост. Маныч, л/б I	г. 1, к. 30, п. 3	1908/256	ФСБ	то же	688-11	0,01	0,3	–	–	0,02	–	0,2	0,08	0,6	6,3	–
32	1965	Вост. Маныч, л/б II	к. 22, п. 3	1908/296	ВМКК	нож	705-21	–	1,2	–	–	–	–	–	–	0,3	–	–
33	1966	Вост. Маныч, л/б III	к. 4, п. 13	1677/37	РЭСБ	бусина	688-10	–	2,9	–	–	–	–	0,01	–	–	–	–
34	– –	тог же	там же	2265/72	ВМКК	шило	705-12	0,01	1,3	–	–	–	–	–	–	–	–	–
35	1966	– –	к. 29, п. 9	1908/158	ВМКК	то же	705-13	0,01	4,3	–	–	–	–	–	–	0,1	–	–
36	– –	– –	к. 16, п. 9	1908/141	ВМКК	– –	705-15	0,06	5,5	–	–	–	–	0,01	–	0,02	–	–
37	– –	– –	там же	1908/140	ВМКК	игла	705-16	0,1	2,4	–	–	–	–	0,01	–	0,02	–	–
38	– –	– –	к. 17, п. 8	1908/116	ВМКК	шило	705-18	0,01	3,5	–	–	–	–	0,02	–	–	–	–
39	1967	Вост. Маныч, л/б	к. 11, п. 8	1908/75	ФСБ	нож	705-14	0,06	1,6	–	–	–	–	0,03	–	0,04	0,1	–
40	– –	тог же	к. 5, п. 11	1908/16	ВМКК	вис. кольцо	705-17	–	2,7	–	–	–	–	–	–	0,02	–	–
41	– –	– –	к. 10, п. 11	1908/65	ВМКК	то же	705-22	0,01	3,4	–	–	–	–	–	–	–	–	–
42	1971	Шахаевский I	к. 2, п. 12	1892/23	ЗМКК	нож	705-24	0,01	5,5	–	–	–	–	0,01	–	–	–	0,3
43	– –	тог же	к. 4, п. 33	1892/82	РКК	то же	705-25	0,03	3,2	–	–	–	–	0,02	–	–	–	0,1
44	– –	– –	к. 1, п. 10	1892/8	ЗМКК	– –	705-26	–	0,9	–	–	–	–	0,01	–	–	–	0,1
45	– –	– –	к. 2, п. 12	1892/24	ЗМКК	шило	705-29	0,01	5,0	–	–	–	–	0,01	–	–	–	0,4
46	– –	– –	к. 1, п. 10	1892/9	ЗМКК	тесло	705-31	0,03	5,5	–	–	–	–	–	–	–	–	3,0
47	– –	– –	к. 3, п. 5	1892/33	РКК	то же	705-32	–	3,3	–	–	–	–	–	–	–	–	–
48	– –	– –	к. 4, п. 35	1892/86	РКК	пронизь	705-39	0,03	4,8	–	–	–	–	0,04	–	–	–	–
49	– –	– –	там же	2266/123	ВМКК	шило	715-19	0,02	2,1	–	–	–	–	0,01	–	–	–	–
50	1972	Шахаевский II	к. 2, п. 8	1906/13	ЗМКК	то же	705-27	–	2,1	–	–	–	–	0,01	–	–	–	0,4
51	– –	тог же	к. 7, п. 6	1906/8	ЗМКК	– –	705-28	0,01	1,2	–	–	–	–	–	–	–	–	0,9
52	– –	– –	к. 3, п. 8	1906/22	ЯК	– –	705-30	0,07	4,1	–	–	–	–	1,5	–	–	–	0,4

Таблица 1. Процентное содержание элементов

Table 1. Percentage of elements

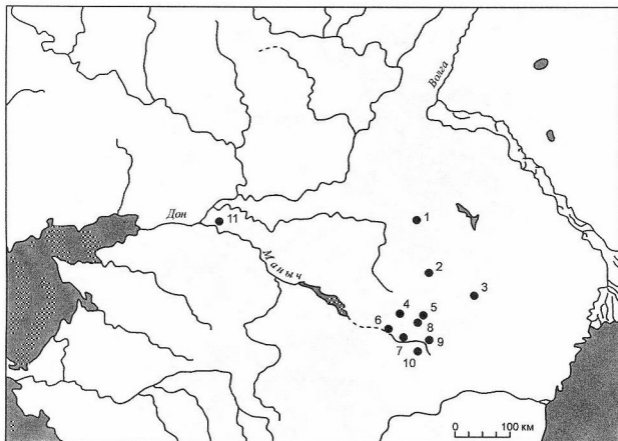

Рис. 1. Исследованные курганные могильники с указанием авторов раскопок:

1 – Ергенинский (В. П. Шилов); 2 – Три Брата (П. С. Рыков); 3 – Цаган-Усн VIII (Н. И. Шишлина); 4 – Улан-Зуха (М. А. Очир-Горьева); 5 – Кермен-Толга (И. В. Синицын); 6 – Островной (Н. И. Шишлина); 7 – Зунда-Толга-1 и детский лагерь «Тюльпан» (Н. И. Шишлина); 8 – Манджикины-1 и Шупта-1 (Н. И. Шишлина); 9 – Восточный Маньч, левый берег I–III (И. В. Синицын); 10 – Восточный Маньч, правый берег (И. В. Синицын); 11 – Шахаевский I, II (Э. Л. Федорова-Давыдова).

Fig. 1. The kurgan groups investigated and their excavators:

1 – Ergeninsky (V. P. Shilov), 2 – Tri Brata (P. S. Rykov), 3 – Tsagan-Usn VIII (N. I. Shishlina), 4 – Ulan-Zukha (M. A. Ochir-Goryeva), 5 – Kermen-Tolga (I. V. Sinitsyn), 6 – Ostrovnoy (N. I. Shishlina), 7 – Zunda-Tolga-1 and Children's Camp «Tyulpan» (N. I. Shishlina), 8 – Mandzhikiny-1 and Shupta-1 (N. I. Shishlina), 9 – East Manych, the left coast I–III (I. V. Sinitsyn), 10 – East Manych, the right coast (I. V. Sinitsyn), 11 – Shakhayevsky I, II (E. L. Fedorova-Davydova).

стве случаев имеет низкое, но заметное, содержание цинка, являющегося, как следует думать, рудной примесью. Еще большее содержание цинка, как уже отмечено выше, наблюдается в металле Ергенинского могильника, где цинк, присутствуя во всех одиннадцати проанализированных образцах, преобладает над мышьяком и другими элементами в десяти из них, доходя до 11% (Гак 2002).

По содержанию мышьяка трудно выявить какие-либо характерные группы, не прослеживается и его зависимость от функционального назначения изделий: и в инструментах, и в украшениях оно непостоянно и колеблется примерно в одинаковых пределах. Можно лишь отметить несколько более высокий общий уровень содержания мышьяка в металле из могильников Зунда-Толга-1 и Шахаевский I и II. Предметы, металл которых содержит олово (31 и 39), из-за простоты формы или фрагментарности типологически не выделяются из инвентаря погребений, но оба относятся к двум представленным в таблице образ-

цам финала средней бронзы, то есть относительно поздним.

Представленные в работе материалы принадлежат к явной и кругу катакомбных культур региона, составляющих три хронологические группы: раннекатакомбная и ранний этап средней бронзы, восточно- и западноманьчская, финал эпохи средней бронзы. Позднеямные погребения Шупта-1 (курган 1, погребение 2) и Манджикины-1 (курган 3, погребение 2) по данным радиоуглеродного анализа датируются серединой III тыс. до н. э. Примерно к этому же времени следует относить погребение 8 кургана 3 могильника Шахаевский II. Для раннекатакомбных погребений Шахаевских могильников даты не получены. В рамках относительной хронологии, разработанной для катакомбных древностей Нижнего Подонья (Кияшко 1999), эти комплексы соответствуют раннедонецкому периоду. На основании имеющихся радиоуглеродных дат по синхронизируемому с ними раннекатакомбным памятникам Калмыкии, указанные

погребения Шахаевских могильников могут быть отнесены к XXVI–XXV вв. до н. э. Этим же временем следует датировать и погребения раннего этапа средней бронзы Калмыкии. Восточнокавказская катакомбная культура относится к XXIV–XXIII вв. до н. э. (Shishlina et al. 2000). Одна имеющаяся по могильнику Шахаевский I дата позволяет отнести остальные погребения западноманычской катакомбной культуры этого могильника ко второй половине III тыс. до н. э. Финал эпохи средней бронзы Калмыкии датируется на основании радиоуглеродного анализа XXII–XIX вв. до н. э. (Мимоход, Шишлина 2004).

В целом металл Калмыкии производит двойственное впечатление. Кроме многих объединяющих признаков, он показывает и отличия, которые, как это ни удивительно, оказываются сосредоточенными в пределах отдельных археологических памятников. В наибольшей степени это проявилось в Ергенинском могильнике, где цинк по своему высокому содержанию в металле оказался в большинстве случаев ведущим

признаком, что дало возможность говорить о существовании латуни в Северо-Западном Прикаспии уже в бронзовом веке. Такое положение следует расценивать как следствие использования руды одного крупного рудопроявления, имеющего в жилах различия по содержанию отдельных элементов, и выплавки металлов не на централизованном предприятии, а на местах, вероятно с местными особенностями технологии. Различие в составе металла может быть объяснено, например, примесью к основной руде блеклых руд, которые в той или иной мере присутствуют во всех меднорудных месторождениях, и, представляя собой прослойку между первичной сульфидной рудой и поверхностной выветренной, способны накапливать в себе многие элементы, в полной мере не попадающие из первичной в выветренную (Бетехтин 1954: 199). Широко распространение очагов металлургии в рассматриваемом регионе со всей несомненностью показывает высокий уровень ее освоения в это время.

- Бетехтин 1954 – Бетехтин А. Г. Курс минералогии. М., 1954.
 Гак 2002 – Гак Е. И. Металлические ножи катакомбной культуры Северо-Западного Прикаспия // Могильник Островной. Итоги комплексного исследования памятников археологии Северо-Западного Прикаспия М., Элиста, 2002. С. 280–299.
 Галибин 1991 – Галибин В. А. Изделия из цветного и благородного металла памятников эпохи ранней и средней бронзы Северного Кавказа // Древние культуры Прикубанья. Л., 1991. С. 59–69.
 Егорьев 2001 – Егорьев А. Н. Особенности состава металла Алтын-депе // Особенности производства поселения Алтын-депе в эпоху палеометалла. СПб., 2001. С. 85–103.
 Егорьев 2002 – Егорьев А. Н. Взгляд на природу никеля в ранней бронзе Кавказа // Античная цивилизация и варварский мир. Краснодар, 2002. С. 117–120.

- Кияшко 1999 – Кияшко А. В. Происхождение катакомбной культуры Нижнего Поволжья. Волгоград, 1999.
 Корневский 1988 – Корневский С. Н. К вопросу о месте производства металлических вещей Майкопского кургана // ВАА. Майкоп, 1988. С. 86–104.
 Мимоход, Шишлина 2004 – Мимоход Р. А., Шишлина Н. И. Радиоуглеродные данные финальнокатакомбных погребений могильника Манджикини-1 и некоторые вопросы датирования памятников рубежа эпохи средней и поздней бронзы Северо-Западного Прикаспия // Древний Кавказ: ретроспекция культур. М., 2004. С. 125.
 Черных 1966 – История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966.
 Shishlina, Alexandrovsky, Chichagova, Plicht 2000 – Shishlina N. I., Alexandrovsky A. L., Chichagova O. A., Plicht J., van der. Radiocarbon chronology of the Kalmykia Catacomb culture of the West Eurasian Steppe // Antiquity. № 74. P. 793–799.

CHEMICAL COMPOSITION OF METAL FROM KALMYKIA IN THE BRONZE AGE

A. N. YEGORKOV, E. I. GAK, N. I. SHISHLINA

At present, the metallurgical history of the Caucasus is far from being understood because the chemical composition of metal goods have been poorly investigated in their geographical contexts and the study of metallurgy of the Western Eurasian Steppe has only just started. This paper presents the analyses of more than fifty metal artifacts from Yamnaya («pit graves») and Catacomb cultures uncovered in the territory of Kalmykia (see map). They date from the mid-third millennium BC to the beginning of the second millennium BC. These artifacts, which come from artificial burial mounds (kurgans), were investigated by optical emission spectrography. All samples submitted for analysis are taken from the collection of the State Historical Museum in Moscow. The results are pre-

sented in the table where copper content is major and not tabulated.

All specimens of metal contain variable amount of arsenic that generally prevails over other impurities, but any difference in its content between tools and decorative items is not visible. The absence of very low content of silver, bismuth, cobalt, iron, manganese and lead are typical for all samples. Sample 52 shows an enhanced nickel content, but this is not surprising for early Caucasian bronze as this sample (with others like 26, 29, 30) belongs to the earlier Yamnaya culture. Tin is detected in two specimens, 31 and 39, both are the only two investigated pieces that date to the later period of the Middle Bronze Age. Whilst sample 19 contains tin only as impu-

rity, sample 37 displays a relatively high tin content. A high antimony concentration is found in specimens from Zunda-Tolga 1 (8–22) and neighboring children's camp «Tyulpan» (23–25), where it may be predominant admixture (8, 16). A lower antimony concentration is typical for metal goods uncovered in Shakhaevsky I, II kurgans (42–52) in the Rostov-on-Don region neighboring Kalmykia.

The metal from Kalmykian goods that were analyzed has a dualistic character. On the one hand, it shows similar level of many impurities, but on the other hand, there

are some remarkable differences that are revealed in items that come just from different groups of kurgans. Goods from certain group of kurgans appear to have quite distinctive features with regards to their chemical composition. It suggests that in the Western Eurasian Steppe ancient metallurgists have exploited an extensive ore basin with veins of variable composition, presumable caused by the presence of *fahlerz*, and that activity was not centralized but was carried out in localities, probably with some local peculiarities. Hence, a high level of metallurgy is evident in this region during the Bronze Age.

БРОНЗОВЫЙ КЛЕВЕЦ ИЗ СТАНИЦЫ ГОСТАГАЕВСКОЙ

А. М. НОВИЧИХИН¹

В фондах Анапского археологического музея хранится бронзовый топорик-клевец, найденный в 1958 г. на территории станицы Гостагаевской Анапского района Краснодарского края, в береговом обрыве реки Гостагайки.

Форма клевета довольно своеобразна (рис. 1, 2). Боек остройной формы с высоким продольным ребром напоминает *наконечник копья*. Острые его отломаны в древности, в месте повреждения плоскость бойка изогнута, на изломе имеются следы забитости, указывающие на непродолжительное использование клевета после его поломки. Проух овальный в плане, сечение его стенок линзовидное. Обушок в виде вытянутого цилиндра с двумя кольцевыми валикообразными утолщениями на конце. Клевец литой, тщательно прокованный, на лезвиях бойка отчетливо видны следы заточки. Сохранившаяся длина клевета – 15,8 см, утрачено около 4,5–5 см, ширина бойка – 4 см, наибольшая толщина по центру проуха – 3,5 см.

Боевые топоры подобной формы неизвестны в близлежащих районах. Единственная область аналогий гостагаевскому клевету расположена в Западной Закавказье, в районе к северу от Куры – это Южная Осетия и прилегающие к ней районы Грузии.

Проушные железные клеветы с листовидным бойком и выделенным обушком встречаются в погребениях 143 и 258 Тлийской могильника (Техов 1985: илл. 136: 1, илл. 174: 4, илл. 216: 1, 2). Аналогичный железный клевец происходит из погребения 2 Дванского могильника (Макалатия 1949: 225, 226, рис. 10: 1; Есаиян, Погребова 1985: 87, табл. XI: 7). По данным С. А. Есаияна и М. Н. Погребовой близкий дванскому бронзовый клевец, украшенный скульптурными изображениями животных, найден в Брильском могильнике (Есаиян, Погребова 1985: 87).

Тлийские комплексы 143 и 258 отнесены Б. В. Теховым ко второй половине VII–VI вв. до н. э. (Техов 1980: 248; Техов 1985). Близким временем – концом VII–VI вв. до н. э. – датирует их А. Х. Славов (Славов 1989: 41). Дванский и Брильский могильники в целом также датируются VII–VI вв. до н. э. (Макалатия 1949: 240; Погребова 1981: 45, 46; Есаиян, Погребова 1985: 34, 35), для погребения 2 Двани дата сужена М. Н. Погребовой до конца VII – начала VI вв. до н. э. (Погребова 1969: 184).

Основанием для датировки погребения 2 Дванского могильника и погребения 258 Тип послужило присутствие в комплексах предметов скифского облика (Макалатия 1949: 225; Техов 1980: рис. 18; Техов 1985: илл. 174; Есаиян, Погребова 1985: 40, 87), распространение которых в этой области Кавказа иссле-

дователи связывают с пребыванием здесь во второй половине VII – первой половине VI вв. до н. э. скифов (Погребова 1981; Есаиян, Погребова 1985). По-видимому, в указанных пределах (вторая половина VII – первая половина VI вв. до н. э.) можно датировать всю серию закавказских клеветов. Эту же датировку следует предложить и для гостагаевского экземпляра.

Обращая на себя внимание значительная удаленность гостагаевской находки от основного района распространения клеветов с листовидным бойком. Это тем более представляет интерес в свете происходивших в зоне Кавказа во второй половине VII – начале VI вв. до н. э. перемещений значительных масс населения, связанных с переднеазиатскими походами скифов.

Плалдармом скифских походов служил Северный Кавказ, откуда отряды кочевников, преодолев Кавказский хребет, проникли в Закавказье, а отсюда в Переднюю Азию (Махортых 1991: 103). Район к северу от Куры, в котором расположены Тлийский, Дванский и Брильский могильники, характеризуется концентрацией находок вещей скифских типов, что свидетельствует о непосредственном пребывании здесь скифов (Погребова 1981: 55; Есаиян, Погребова 1985: 38, 39). Во всех трех указанных могильниках, в том числе, как уже отмечалось, и в погребениях, содержащих клеветы с листовидным бойком, встречены предметы, характерные для архаической скифской культуры (Макалатия 1949; Техов 1980; Погребова 1981; Есаиян, Погребова 1985). Отдельные погребения этих могильников могли быть оставлены собственно скифами (Есаиян, Погребова 1985: 134), однако, большинство погребений, видимо, принадлежало представителям местного населения, использовавшим предметы скифского облика, главным образом, воинское снаряжение и оружие. Имел место и обратный процесс: заимствование и использование скифами оружия закавказских типов, прежде всего боевых топоров (Погребова 1969: 186, 187).

На рубеже VII–VI – в начале VI вв. до н. э. происходит, как свидетельствуют данные археологии, массовый отток носителей скифской культуры из районов Закавказья (Погребова, Раевский 1989: 58–61), связанный с окончанием экспансии скифов в Передней Азии (Мурзин 1986: 2, 4). Участники походов вернулись в степи Предкавказья и Кубани, которые, как полагают исследователи, во время их отсутствия продолжали оставаться ядром скифской культуры и где обитало родственное им население (Мурзин 1986: 2–4; Махортых 1991: 103, 113). Тогда закавказский клевец и мог попасть в Западное Закубанье.

¹ Россия. 353456 г. Анапа, ул. Чехова, 69. Анапский филиал Сочиного государственного университета туризма и курортного дела.

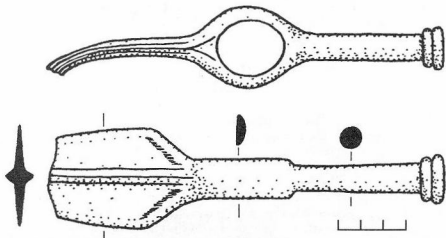

Рис. 1. Клевец из станицы Гостагаевской.

Fig. 1. Battleaxe from v. Gostagaevskaya.

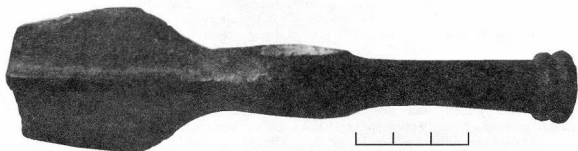

Рис. 2. Клевец из станицы Гостагаевской (фото).

Fig. 2. Battleaxe from v. Gostagaevskaya (photo).

Есаия, Погребова 1985 – *Есаия С. А., Погребова М. Н.* Скифские памятники Закавказья. М., 1985.

Макалантия 1949 – *Макалантия С. И.* Раскопки Дванского могильника // СА. № XI. 1949. С. 225–240.

Махортых 1991 – *Махортых С. В.* Скифы на Северном Кавказе. Киев, 1991.

Мурзин 1986 – *Мурзин В. Ю.* Про утворення Північнопричорноморської Скіфії // Археологія. Вип. 55. Київ, 1986. С. 1–10.

Погребова 1969 – *Погребова М. Н.* Железные топоры скифского типа в Закавказье // СА. № 2. 1969. С. 179–188.

Погребова 1981 – *Погребова М. Н.* Памятники скифской культуры в Закавказье // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1981. С. 42–58.

Погребова, Раевский 1989 – *Погребова М. Н., Раевский Д. С.* К вопросу об «отложившихся скифах» (Herod., IV, 22) // ВДИ. № 1. 1989. С. 40–65.

Сланов 1989 – *Сланов А. Х.* Железный век на территории Южной Осетии. Цхинвали, 1989.

Техов 1980 – *Техов Б. В.* Скифы и материальная культура Центрального Кавказа в VII–VI вв. до н. э. (по материалам Тлийского могильника) // Скифия и Кавказ. Киев, 1980. С. 219–257.

Техов 1985 – *Техов Б. В.* Тлийский могильник – III (комплексы второй половины VII–VI вв. до н. э.). Тбилиси, 1985.

A BRONZE KLEVETS FROM THE VILLAGE OF GOSTAGAEVSKAYA

A. M. NOVICHIKHIN

The aim of this paper is the publication and identification of a bronze battleaxe or *klevets* found fortuitously in the stanitsa (Kossack village) of Gostagaevskaya of the Anapa region, Krasnodarsky Krai (Fig. 1, 2).

This axe has no parallels in the region where it was found. It resembles most closely in its shape the iron and bronze battleaxes from burial grounds situated in the western trans-Caucasus to the north from the Kura River: in Dvani, Brili and Tlia regions. The associations including *klevetses* similar to the Gostagaevskaya one are dated to the second half of the 7th or to the 6th century BC. The

same date is proposed here for the example under consideration.

In each of the three mentioned trans-Caucasian cemeteries, some objects of a Scythian appearance have been found suggesting the immediate presence there of some bearers of the Scythian culture during the period of the so-called Front-Asiatic raids and their close contacts with the local population. It is with the termination of those raids and the Scythians returning to Ciscaucasia that we connect the circumstances under which our axe may have been brought to the western trans-Kuban area.

АНТИЧНЫЕ ВЕРЕТЕНА ИЗ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ (по материалам Национального музея истории Украины)

М. А. СТРЕЛЬНИК, М. А. ХОМЧИК¹

Огромную роль в жизни человечества играли домашние промыслы и, в частности, прядение – процесс получения нити из шерсти или из растительного волокна. Появившись еще в эпоху неолита, оно тысячелетиями было одним из основных занятий женщины и, собственно, включало в себя три момента: вытягивание, скручивание и наматывание нитей. Женщины разных народов делали это по-разному. В одних регионах прядь волокна вытягивали левой рукой, в других – правой, одни пряжи разрешали веретену свободно вращаться на натянутой нити, другие постоянно держали его в руке, в одних случаях пряслице было неотъемлемым атрибутом прядения, а в других обходились и без него.

Первые нитки, изготовленные человеком, были толстыми и не очень прочными, их просто скручивали руками². Готовую пряжу называли «вервь» и шла она на нужды собственного хозяйства (Лебедева 1956: 61). В дальнейшем для наматывания нити стали использовать палку, которая постепенно превратилась в веретено, технология изготовления и применение которого почти не менялись (Горленко, Бурж 1993: 64). Корень слова «веретено» уходит в глубь веков и означает – «то, что вертится» (Фасмер 1964: 297). Прядильные орудия – пряслица и веретена (последние, кстати, встречаются среди древностей I тысячелетия до н. э. довольно редко) – содержат значительную информацию о древнем ремесле, которое к настоящему времени исследовано недостаточно. Плохая сохранность ниток и тканей еще более усложняет его изучение.

В античную эпоху женщины пользовались различными веретенами, которые были показателем достатка их хозяек. Богатые женщины могли иметь металлические веретена, веретена из кости или из дорогого привозного дерева. Вспомним, что именно с золотым веретеном в руках изобразил Гомер в «Илиаде» Елену. Менее зажиточные женщины пользовались, в основном, деревянными веретенами. Интересно, что веретена, которые бытовали в античных городах Северного Причерноморья и на территории Скифии, мало чем отличались, похожим был, видимо, и процесс прядения. Более того, веретена греческого типа довольно часто встречаются в захоронениях богатых скифянок. В Национальном музее

истории Украины собрана интересная коллекция веретен V–IV вв. до н. э. (пять единиц хранения) и многочисленные пряслица.

По материалу и технологии изготовления выделяют пять типов античных веретен (Гаврилюк 1989: 88). К первым трем типам относятся веретена из кости (Петерс 1986: 60). Первый тип представлен замечательными сложнопрофилированными наборными изделиями из пяти-восьми деталей, насаженных на костяной стержень, который, в свою очередь, мог состоять из нескольких частей. Именно к этому типу принадлежит веретено IV в. до н. э. (погребение № 2 кургана № 11 около с. Львово Херсонской обл.³), от которого сохранилось 8 фрагментов нижней части изделия. Их длина – 11 см, общая длина предмета – приблизительно 33–35 см (рис. 1: 3)⁴.

Ко второму типу относились веретена из четырех-пяти частей, насаженных на сплошной стержень. Сюда относятся два стержня со сложнопрофилированным нижним концом (IV в. до н. э.) из погребения № 1 Медитопольского кургана (Запорожская обл.)⁵ (рис. 1: 4, 5). Длина стержней соответственно 13,7 см и 20,6 см. В комплект входили две пронизки, украшенные «плетенкой», и кольцо (рис. 1: 6). Третий тип – обычные костяные веретена с пряслищем. Таким было веретено IV в. до н. э. из Ольвии (рис. 1: 2)⁶. Оно представляет собой стержень, длиной 16,5 см с расширением в нижней части. Концы изделия сломаны (Мезенцева 2001: 85, 87). Подобные веретена находили в Ольвии неоднократно (Петерс 1986: 58).

Наиболее интересными можно считать единичные находки металлических веретен, которые принадлежат к четвертому типу. Эти орудия длиной 30–33,5 см состояли из стержня с насадками, а в некоторых случаях дополнялись навершием. Такими были серебряные веретена из кургана Куль-Оба около г. Керчь (рис. 1: 8), из Александропольского кургана (Днепропетровская обл.) (рис. 1: 7), из Артюховского кургана (Краснодарский край) и других (Яковенко 1973: 39). Железные и бронзовые веретена были, видимо, более многочисленными. До недавнего времени было известно лишь об одном бронзовом веретене, найденном в 1891 г. в Ольвии во время грабительских раскопок. Описание и дальнейшая его судьба неизвестны (Скржинская 2000: 134). Возможно также, что леко-

¹ Украина. 03025. Киев. Владимирская, 2. Национальный музей истории Украины.

² Такой способ получения нити бытовал в некоторых областях Украины еще в конце XIX в.

³ Раскопки Ильинской В. А. 1975 г. Фонды Национального музея истории Украины, кол. № Б 8230.

⁴ В статье Фялюка Е. Е. Костяные изделия из кургана Огуз // Скифия Северного Причерноморья. Киев, 1987, на стр. 132 представлен неточный рисунок.

⁵ Раскопки Тереновкина А. И. 1954 г. Фонды Национального музея истории Украины, кол. № Б 54–89, № Б 54–95.

⁶ В статье Э. В. Яковенко (Яковенко 1973: 73) ошибочно указывается длина 24 см.

⁷ Раскопки Л. М. Славина. 1938 г. Фонды Национального музея истории Украины, кол. № Б 5–2876.

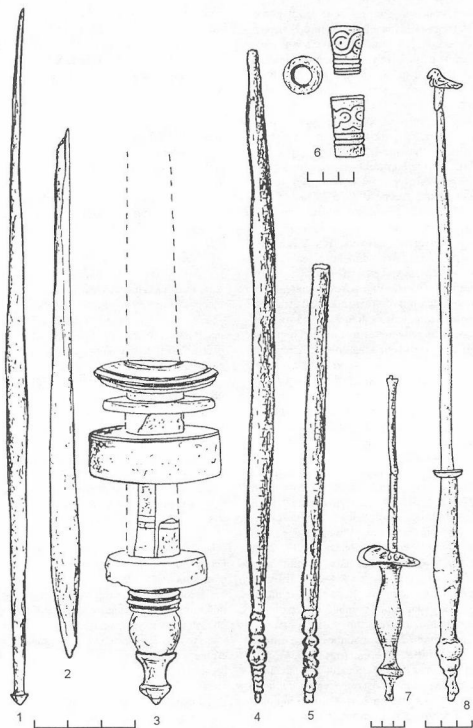

Рис. 1. Металлические и костяные веретена греческого типа (V–IV вв. до н. э.): 1 – бронзовое веретено, место находки неизвестно; 2 – костяное веретено, Ольвия, с. Парутино Николаевской обл.; 3 – костяное веретено, к. № 11 с. Львова Херсонской обл.; 4, 5, 6 – костяные веретена, Мелитопольский курган Запорожской обл.; 7 – серебряное веретено, Александропольский курган Днепропетровской обл.; 8 – серебряное веретено, курган Куль-Оба, Крым.

Fig. 1. Metal and bone spindles of the Greek type (5th–4th centuries BC): 1 – bronze spindle, the find spot unknown; 2 – bone spindle, Olbia, v. Parutino, Nikolaev oblast; 3 – bone spindle, kurgan no. 11, v. Lvovo, Kherson oblast; 4, 5, 6 – bone spindles, the Melitopol kurgan, Zaporozhye oblast; 7 – silver spindle, the Aleksandropol kurgan, Dnepropetrovsk oblast; 8 – silver spindle, the Kul-Oba kurgan, the Crimea.

торые стержни от веретен могли быть неправильно интерпретированы как «булавки». Именно такая бронзовая «булавка» поступила в Национальный музей истории Украины в 2001 году⁸. Необычный предмет сразу же привлек внимание. Он имел вид круглого в сечении стержня, неравномерно суженного к обоим концам. Верхний конец был заострен и немного отогнут, нижний имел коническое окончание – классическую «бородку», характерную для веретен. Длина изделия составляла 21, 8 см, диаметр 1–6 мм (рис. 1: 1). Размером и формой оно очень напоминало костяные веретена-стержни из Мелитопольского кургана и из Ольвии (Петерс 1986: 57). Таким образом, наша «булавка» оказалась бронзовым веретенцем греческого типа, датироваемым V–IV в. до н. э.

И, наконец, к пятому типу относятся простейшие деревянные веретена, пряслица от которых встречаются почти во всех женских погребениях Северного Причерноморья. Эти веретена изготавливались из древесины дикой яблони, осины или граба и имели вид конического, утолщенного в нижней части стержня, на который надевалось пряслице (Гаврилюк 1987: 124). Некоторые исследователи полагали, что корпус веретена был цилиндрическим (Радзюбська 1979: 22). Такие веретена были бы очень неудобными в работе и, кроме того, конусоподобное отверстие, которое имеет большинство пряслиц, лучше подходит к коническому веретену. Длина деревянных веретен составляла 33–36 см. Тем не менее, деревянные веретена порой были настолько мастерски сделаны, что мало в чем уступали дорогим костяным или металлическим. Их золотили, детали изготавливали на токарном станке, поверхность покрывали резьбой. Так, в женском погребении, раскопанном около г. Керчь, было найдено веретено IV в. до н. э. из древесины пальмового дерева (Сокольский 1971: 219). Костяные и деревянные веретена часто красили в зеленый или красный цвет (Петерс 1986: 59). Этнографические источники также подтверждают существование традиции украшения резьбой поверхности веретен и ее окрашивания. В западных областях Украины еще в начале XX в. распространенными были деревянные резные веретена (рис. 2: 5, 6).

Умелых прях уважали, в греческих городах даже устраивали соревнования, чтобы определить лучшую из них. Во время таких соревнований могли использовать дорогие костяные или металлические веретена (Скржинская 2000: 134). А, возможно, именно эти изделия служили наградой победительнице.

Веретена почти всегда использовались с пряслицами, которые подбирались индивидуально, в зависимости от размера и веса веретена. Пряслица помогали нитке скручиваться сильно и равномерно. В античную эпоху женщины пользовались глиняными, костяными, железными, свинцовыми, бронзовыми и каменными пряслицами, которые специалисты делают на 12 типов. Наиболее распространенными были биконические глиняные пряслица со срезанной осно-

вой. Они изготавливались из грубой глины с примесью слюды и дресвы. Обжим пряслиц был высококачественным и равномерным, плотность керамики была довольно высокой (Гаврилюк 1987: 116).

Греческие и скифские женщины пряли пряжу, в основном, из шерсти овец и коз и, в значительном количестве, из шерсти других животных. Определенную часть одежды гречанки изготавливали из льна, а скифянки – из конопли. Разные типы веретен использовались для разной пряжи. Костяные и металлические веретена были предназначены для работы с высококачественной шерстью, которую получали от животных разными способами: вычесывали или собирали во время линьки, срезали со шкуры убитого животного, стригли. Наилучшим было сырье от весенней стрижки овец. И, даже в начале XX в., в народе говорили: «До Николая (19 мая) не сей гречку, не стриги овечку». Молодых животных стригли в июне, и такая шерсть ценилась дороже. С туловища овцы шерсть снимали полностью (руно). Потом ее мыли, чесали, ципали. Зажиточные хозяйки обычно приглашали соседок чесать и ципать шерсть, и тогда с этой работой можно было справиться за один-два дня (Василенко 1900: 16). Гораздо больше забот требовали лен и конопля. Собранные растения мочили (от четырех до четырнадцати дней), потом трепали, а иногда еще и мыли ногами и чесали. Из подготовленного сырья делали кудель (расправленное тонким слоем, свернутое и связанное волокно), которую прикрепляли к прялке.

Греческие пряхи получали нить, вытягивая из кудели длинную прядь волокна левой рукой, в то время как правая скручивала его с помощью быстрого вращения веретена. Выравнивали нить зубами, откусывая все лишнее. Пряли стоя или сидя. Изображения женщин за работой часто встречаются на вазах (Gansinnig 1975: 420, 424, гус. 7, 8, 13, 14). Наиболее вероятно, такой способ прядения бытовал и в Скифии (Гаврилюк 1987: 116).

Чтобы воссоздать технологию прядения античной эпохи был проведен научный эксперимент с использованием уникального бронзового веретена из музейной коллекции. Из высококачественной овечьей шерсти была сделана кудель, а к веретену подобрано глиняное пряслице биконической формы из коллекции Национального музея истории Украины. Возможно, на таких веретенах использовались пряслица и других типов, сделанные из различных материалов, в частности из свинца. Так, в коллекции музея хранится свинцовое биконическое пряслице (IV в. до н. э.) диаметром 1, 6 см, высотой 1 см и с диаметром отверстия 0, 9 см⁹. К сожалению, диаметр отверстия пряслица оказался большим, чем диаметр веретена, поэтому использовать его в эксперименте не представлялось возможным. Сложность подбора пряслица состояла еще и в том, что наибольший диаметр веретена приходился на середину изделия, а его нижний конец заканчивался маленьким конусом значительно меньшего диаметра.

⁸ Место находки неизвестно. Фонды Национального музея истории Украины, кол. № Б 8635. Из частной коллекции С. М. Платонова.

⁹ Место находки неизвестно. Фонды Национального музея истории Украины, кол. № БД 6969. Из частной коллекции С. М. Платонова.

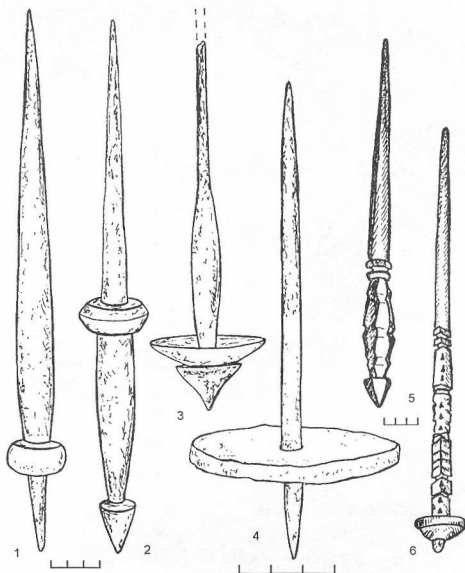

Рис. 2. Деревянные веретена и орудие для сучения нитей (V в. до н. э. – нач. XX в.). 1 – веретено, V–IV вв. до н. э. (реконструкция); 2 – веретено, Киевщина, нач. XX в.; 3 – веретено, с. Староселье Черкасской обл., нач. XX в.; 4 – скально (реконструкция); 5, 6 – веретена, Гуцульщина, нач. XX в.

Fig. 2. Wooden spindles and an implement for twisting threads (5th century BC – beginning of 20th century). 1 – spindle, 5th–4th century BC (reconstruction); 2 – spindle, Kiev oblast, beginning of the 20th century; 3 – spindle, v. Staroselye, Cherkassk oblast, beginning of the 20th century; 4 – spindle of the *skal'no* type (reconstruction); 5, 6 – spindles, Hutsul regions, beginning of the 20th century.

Все пряслица условно можно разделить на «низовые» и «верховые». Обычно пользовались «низовыми». «Верховые» использовались в том случае, когда нижний конец веретена закалчивался «бородкой» – небольшим конусом.

Мы воспользовались «верховым» пряслицем, которое, оказавшись почти на середине веретена, одновременно выполняло функции и маховика для более равномерного скручивания нити, и зажима, роль которого на серебряных веретенах выполняли наверхия (рис. 3: 1). Пряслище могло располагаться и значительно ниже, почти возле самой «бородки», в зависимости от формы веретена. Тогда нить наматывалась бы выше пряслица, оно действовало бы как

обычное «низовое», а для фиксации нити на верхнем конце веретена завязывалась бы петелька. Можно было прясть и без пряслица, фиксируя нить петелькой, но тогда работа продвигалась бы медленнее.

Чтобы начать прядение, необходимо без веретена скрутить нить до 20 см длиной, а потом наматывать ее на веретено. Можно воспользоваться и готовой нитью. Мы взяли обычную шерстяную нить, немного подмотали ее на веретено, соединили с куделью и начали прясть. Пряди волокна вытягивали левой рукой, а правой вращали веретено, которое можно было пустить к полу, одновременно формируя толщину нити. Потом пряслице немного поднимали

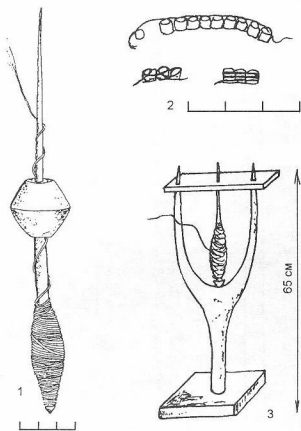

Рис. 3. Нити, полученные на веретенах, и орудие для перематывания нитей. 1 – бронзовое веретено (V–IV вв. до н. э.) с напряденой нитью (реконструкция); 2 – фрагменты кожаной узды, прошитой шерстяными нитками (VI–IV вв. до н. э.), к. № 73, левый берег р. Ташлык Черкасской обл., 3 – веретеник, Гуцульщина, конец XIX в.

Fig. 3. Threads produced on spindles from the collection and an implement for spooling threads out. 1 – bronze spindle (5th–4th century BC) with the yarn produced (reconstruction); 2 – fragmentary leather bridle stitched with wool threads (6th–4th centuries BC), kurgan no. 73, left bank of the Tashlyk River, Cherkassk oblast, 3 – *veretennik*, Hutsul regions, late 19th century.

и подматывали нить. Нить могла бы и не пропускаться через пряслице, тогда за последним оставались бы функции маховичка, а нить фиксировалась бы петелькой.

Похуже по форме деревянные веретена были в употреблении и в начале XX в. В музее хранится одно из подобных веретен, поступившее из с. Староселье Черкасской обл. (рис. 2: 3)¹⁰. Верхний конец этого веретена отломан, длина изделия составляла 11, 5 см (общая длина могла достигать 20–22 см).

Нить, изготовленная на бронзовом веретене, оказалась довольно тонкой и прочной, толщиной один миллиметр. Конечно, опытная мастерица могла изготовить и значительно более тонкую нить. Впрочем, некоторые исследователи полагают, что толщина ни-

тей, изготовленных на веретенах V–IV вв. до н. э. была не менее 2–3 мм (Гаврилюк 1987: 118). Так, в фондах Национального музея истории Украины хранятся фрагменты узды (VI–V вв. до н. э.), прошитой нитками, из курганов № 406, № 398, группы Г возле с. Журовка, а также из курганов раскопанных вдоль р. Ташлык Черкасской обл.¹¹ Толщина нитки здесь составляла 0, 5 мм, нитки были очень ровные, прочные, зеленовато-серого цвета. Лучше всего сохранились фрагменты кожаной узды, прошитой нитками, из кургана № 73, находящегося на левом берегу р. Ташлык. Здесь нить не только скрепляла детали узды, но и выполняла декоративные функции (рис. 3: 2). Для декора была использована шерстяная нить, уложенная в несколько слоев. Более толстой нитью (1 мм), для прочности скрученной из двух тонких, был прошит фрагмент уздечки из кургана V в. до н. э., находящегося в Роменском районе Сумской обл.¹²

Для прядения грубой шерсти и для растительного волокна обычно брали деревянные веретена. Подобные веретена с «бородкой» или без нее широко использовались и в XIX в., и в первой половине XX в., а кое-где используются и сейчас. Одно из таких веретен с «бородкой» (Киевщина, начало XX в.) также принимало участие в эксперименте (рис. 2: 2). Это был обычный конический деревянный стержень, длиной 33 см, форма которого почти полностью повторяла форму бронзового веретена (V–IV в. до н. э.). На таких веретенах пряжи вообще работали без пряслица. Нижняя часть такого веретена обычно утолщалась, и веса веретена было достаточно для равномерного вращения. В этом случае коническое окончание выполняло функции пряслица. Такое веретено постоянно держали в правой руке, а нить вытягивали левой. Иногда, при необходимости, пользовались «верховым» пряслицем.

Эксперимент позволил установить вес намотанных нитей (починка) на веретене, а также способ, каким починку снимали с веретена. Опыт показывает, что даже не очень умелая пряжа может напрясть починку в течение дня. При этом вес починка будет приблизительно 50–100 г. С толстой нитью работа идет быстрее, но и нить получается короче. Н. А. Гаврилюк рассчитала приблизительный вес починка для шерсти – 115 г и для растительного волокна – 300 г (Гаврилюк 1987: 124). Эти цифры представляются несколько завышенными. Вес починка мог колебаться в зависимости от размеров веретена, тем не менее с большим починком работать на веретене довольно сложно. Показательно также, что катушка механической прялки, известной на Украине с XIX в., также была рассчитана приблизительно на 50–80 г пряжи. Кстати, за день на такой прялке пряли 400 г шерсти, на веретене, соответственно, – 60 г (Лебедева 1956: 487).

Для того, чтобы снять готовые нитки с веретена, в основном, пользовались перематыванием. Высказывались предположения, что починку можно снять, сняв

¹⁰ Фонды Национального музея истории Украины, кол. № Б 56.

¹¹ Раскопки Бобринского А. А. кон. XIX в.

¹² Раскопки Бобринского А. А. кон. XIX в. Фонды Национального музея истории Украины, кол. № Б 41-585.

снизу пряслице. Тем не менее, не был учтен тот факт, что нить на веретене наматывается очень плотно и снять починку даже с простого цилиндрического или конического стержня сложно. Что же касается расширенных в нижней части веретен, то освободить такое веретено от починки можно было только перемотав нить.

В конце XIX в. на Гуцульщине женщины перематывали нить с веретена с помощью специального устройства – веретенника (рис. 3: 3) (Шухевич 1901: 149). Выпряденные нитки наматывали на мотовило так называемый полумоток (30 нитей), а потом перематывали в клубки (Василенко 1900: 21). Подобные устройства могли использоваться и в античную эпоху.

Для того, чтобы сделать нитки более толстыми и прочными, их сучили. Сучение – это соединение нескольких нитей в одну. Сучили нити для шитья, плетения, иногда для ткачества. Процесс состоял из двух этапов. Первый – перематывание нитей из разных мотков в один; второй – собственно сучение/скручивание. Нити сучили на веретенах с «верховыми» пряслищами. Могли использовать и обычные веретена с большими «низовыми» пряслищами. В XIX в. пользовались специальным орудием для сучения нитей – скальном, которое состояло из круглой палочки и деревянного колесика (Лебедева 1956: 520). Такие орудия могли существовать и в древности (рис. 2: 4). Возможно, большие плоские пряслища, сделанные из стенок разбитой посуды, использовались именно для сучения нитей (Высотская 1994: 42).

Таким образом, пряслища, найденные во время археологических раскопок, можно условно разделить на три большие группы еще и по функциональному назначению: большинство применяли во время прядения; часть пряслищ, в особенности те, которые имели маленькое отверстие, использовали как грузила для ткацкого станка; и, наконец, большие плоские пряслища – для сучения нитей.

Из ссученных ниток женщины глели тесьму, пояса, ленты. Одним из способов такого плетения было «тканье на ниту» (рис. 4: 1). С одной стороны основу крепили к стене, с другой – к поясу женщины. От длины основы зависела длина изделия. Нити основы разделяли на верхние и нижние. Между ними пропускали уток. Нить утка прибавляли рукой, ножом, или специальным костяным или деревянным устройством – кордиком, который чапоминал большой двухлопастный наконечник стрелы (Лебедева 1956: 483). Подобное костяное изделие было найдено в Ольвии в 1935 году при раскопках на территории Нижнего города¹³. Длина предмета составляла 7 см, ширина – 1,4 см (рис. 4: 2). Его форма и размеры полностью соответствуют кордикам, известным из этнографических источников.

Женщины ценили и берегли свои веретена. Несмотря на то, что у каждой хозяйки их было несколько, чаще всего использовалось одно, наиболее удобное. Даже сделанные из куска одного дерева, одинаковых размеров и формы, веретена могли по-разному выполнять свои функции. Если любимое веретено ломалось,

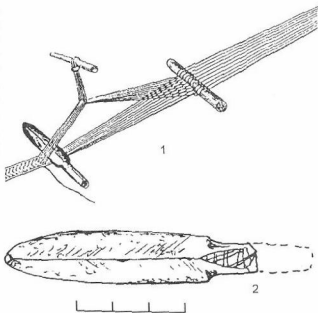

Рис. 4. Орудия для плетения тесьмы, поясов и лент. 1 – «Тканье на ниту» XIX в.; 2 – кордик – костяное орудие для прибавки нити утка (IV в. до н. э.), Ольвия, с. Парутино Николаевской обл.

Fig. 4. Implements for weaving braids, belts and ribbons. 1 – «Weaving onto the nit», 19th century; 2 – kordik or bone shuttle for beating-in the wool (4th century BC), Olbia, v. Parutino, Nikolaev oblast.

это воспринимали как знак беды. Девочки начинали прясть очень рано – с девяти-десяти лет. Первая нить, выпряденная дочкой, заболтливо хранилась матерью. Когда девушка становилась невестой, эту нить завязывали под рубашкой, и она должна была приносить ей счастье (Горленко, Борjak 1993: 63).

Прядение тесно связывалось с человеческой судьбой. У многих народов нить судьбы человека выпрядали богини судьбы. Греки называли их Мойрами, римляне – Парками, а древние скандинавы – Норнами. Богини непрерывно прядли нитки. Если нить обрывалась или обрывается, заканчивалась и чья-то жизнь. Поэтому женщины никогда не обрезали нить во время прядения. Прядь волокна просто скручивалась, а для соединения с нитью другого мотка, ее скручивали руками, немного подматывая веретеном.

Существенна роль пряслищ и веретен в погребальных обрядах. Возможно, веретена и клали в погребения именно с тем починком, с которым женщина завершила свой жизненный путь. Так, в склепе № 88 Усть-Альминского могильника (Крым) было найдено деревянное веретено (I в. до н. э.) с остатками шерстяной пряжи (Высотская 1994: 43). Тогда глубоко символической становится связь завершённой человеческой жизни и оборванной нити в руках богинь судьбы. Более того, в большинстве случаев, в потустороннем мире человека ожидали те же самые занятия, что и при жизни, а веретено было одним из важнейших женских орудий труда.

¹³ Раскопки Л. М. Славина, 1938 г. Фонды Национального музея истории Украины, коп. № Б 2–411.

- Василенко 1900 – *Василенко В. И.* Прядение и ткачество в Зеньковском и Миргородском уездах // Очерки кустарных промыслов Полтавской губернии. Вып. 1. Полтава, 1900.
- Высотская 1994 – *Высотская Т. Н.* Усть-Альминское городище и некрополь. Киев, 1994.
- Гаврилюк 1987 – *Гаврилюк Н. А.* Прядение у степных скифов // Скифы Северного Причерноморья. Киев, 1987. С. 120–124.
- Гаврилюк 1989 – *Гаврилюк Н. А.* Домашнее производство и быт степных скифов. Киев, 1989.
- Горленко, Боржак 1993 – *Горленко В., Боржак О.* Ремесла і промисли // Українська мінувщина. Київ, 1993.
- Лебедева 1956 – *Лебедева П. И.* Прядение и ткачество восточных славян // Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956. С. 461–543.
- Максимова 1979 – *Максимова М. И.* Артюховский курган. Л., 1979.
- Мезенцева 2001 – *Мезенцева І. В.* Вироби з кістки в колекції НМУ з розкопок Ольвії 1935–1940 рр. // Ольвія та античний світ. Київ, 2001. С. 85–87.
- Петерс 1986 – *Петерс Б. Г.* Костерезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1986.
- Радзівська 1979 – *Радзівська В. С.* Техніка прядіння у населення лісостепової Скіфії // Археологія. № 32. Київ, 1979. С. 19–26.
- Скряжнская 2000 – *Скряжнская М. В.* Будни и праздники Ольвины в IV–I вв. до н. э. СПб., 2000.
- Сокольский 1971 – *Сокольский Н. И.* Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1971.
- Тереножкин 1955 – *Тереножкин А. И.* Скифский курган в г. Мелитополь // КСИА. Вып. 5. М., 1955. С. 23–24.
- Фасмер 1964 – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1964.
- Фялалко 1987 – *Фялалко Е. Е.* Костяные изделия из кургана Огуз // Скифы Северного Причерноморья. Киев, 1987. С. 130–140.
- Шухевич 1901 – *Шухевич В.* Гуцульщина // Матеріали до українсько-руської етнології. Львів, 1901.
- Яковенко 1973 – *Яковенко Е. В.* «Скіпетр царів» з Куль-Оби // Археологія. № 11. Київ, 1973. С. 180–182.
- Gansinieg 1975 – *Gansinieg Z.* Wiokiennictwo // Kultura materialna starożytnej Grecji. T. 1. Wrocław-Warszawa, 1975. S. 420–424.

ANCIENT SPINDLES FROM THE NORTHERN BLACK SEA LITTORAL (on the basis of materials from the National Museum of the History of Ukraine)

M. A. STREL'NIK, M. A. KHOMCHIK

In this paper, a characterization of the collection of spindles of the 5th and 4th centuries BC from the National Museum of the History of Ukraine is presented. The collection includes five bone and bronze examples representing almost all types of similar objects segregated by archaeologists. A bone spindle of complex profile (4th century BC) from kurgan no. 2 near the village of Lvovo, Khersonskaya oblast, belongs to the first type (fig. 1: 3). The examples of the second type include two bone spindle rods found together with two spacer-beads decorated with guilloche and a ring in grave no. 1 of the Melitopol kurgan (Zaporozhye oblast) (fig. 1: 4, 5, 6). The third type is represented by a plain bone spindle of the 4th century BC from Olbia (fig. 1: 2).

Of particular interest are single finds of metal spindles. Thus in 2001, the museum became the owner of a unique bronze spindle of the 5th or 4th century BC (fig. 1: 1). This was a rod of circular section with a point at the upper end. The lower end, near its tip, had a classical «barb» characteristic of spindles. The object is 21.8 cm long.

Simple wooden spindles 33–36 cm long are the most common. Spindle whorls from them have been found almost in all female burials excavated in the northern Black Sea area (fig. 2: 1). These spindles often were decorated with surface carving and dyed green or red. Such a tradition is confirmed by ethnographical sources. Spindles of the kind were still widely distributed in western

regions of Ukraine as late as the beginning of the 20th century (fig. 2: 5).

This paper pays considerable attention to the information on scientific experiments in spinning fibre using ancient spindles. The experiments have yielded more detailed knowledge about the technique of spinning in the Greek and Roman period, identified more precisely the weight of the thread on a spindle and defined the possible thickness of the thread, as well as established in what way the thread was taken off spindle. In these experiments, an ancient bronze spindle and a number of spindles from the Museum's ethnographic collection were used (fig. 3: 1; fig. 2: 2, 3). The weight of the thread spool on a spindle varied from 50 to 100 g.

Studies of ethnographic parallels have enabled us to draw conclusions about the purpose of different types of spindle whorls and to establish the presence of special appliances used for producing threads. Thus a *skal'no* or spindle consisting of a cylindrical stick and large wooden wheel (fig. 2: 4) was used for twisting fibres in the 19th century. For spooling thread out from a spindle, a so-called *veretennik* (rooted from *vereteno* or spindle) was used in the 19th century in the Hutsul regions (fig. 3: 3). Possibly, similar implements were used during the ancient epoch.

Studies of the collection of spindle whorls led to the conclusion that there existed three major types of these implements: most of them were used in the course

of spinning, the other, particularly those with a small hole, served as loom weights, whereas the large flat whorls made from fragmentary walls of pottery were used to twist threads.

From twisted threads, women wove braids, belts and ribbons. One of the weaving techniques was the weaving onto *anita* or onto the warp, widely used since the earliest times until as late as the beginning of the 20th century (fig. 4: 1). The woof was beat in by means of a special

bone or wooden implement known as *kordik* which resembled a large two-bladed arrowhead. A similar bone object was found in Olbia during the excavation of the area of the «Lower Town» (fig. 4: 2).

Spindles and spindle whorls played a significant role in funerary rites. Possibly, spindles were put into graves with exactly the same yarn on them with which the buried woman completed her course of life.

ГЕРАЛЬДИЧЕСКИЙ ПОЯС С ВЕРХНЕГО ТАЛАСА

А. И. ТОРГОЕВ¹

При весенних полевых работах в местности Кара-Буура, около с. Огуз-Адыр (бывш. с. Кировка) Кара-Бууринского района Таласской области республики Кыргызстан в 1990 г. было случайно обнаружено катакомбное погребение. Насыпи курганов находящегося на этом поле могильника не сохранились вследствие многолетних сельскохозяйственных работ. О находке узнал известный таласский краевед М. Ф. Тур, благодаря усилиям которого подземный материал из расположенных в окрестностях села археологических памятников поступает в организованный им школьный музей с. Огуз-Адыр. Погребение оказалось уже третьим из числа зафиксированных им на этом могильнике.

Согласно схематическому рисунку и описанию, сделанному М. Ф. Туром на месте, погребение было совершено в овальной катакомбе кенколосского типа с длинным перпендикулярным дромосом. Скелет на дне катакомбы лежал вытянуто, на спине, головой на север. Череп погребенного вытянут с помощью кольцевой деформации. В погребении обнаружен инвентарь — лепная чаша, стеклянные бусы и бронзовые детали украшения пояса. Так как скелет был уже потревожен к моменту расчистки, точное местонахождение бронзовых украшений пояса не зафиксировано. Тип погребальной конструкции и положение покойника говорят о принадлежности погребения к кенколосской культуре. Хронологические рамки этой культуры до сих пор дискуссионны, поэтому весьма важно датировать погребение. Часть инвентаря погребения — чаша и бусы — была передана в музей г. Таласа, но мне не удалось найти их в 2001 г., поэтому для датировки захоронения можно использовать только украшения пояса, хранящиеся в школьном музее с. Огуз-Адыр.

В погребении были обнаружены две псевдопряжки, фрагмент перекидной петли от шитка псевдопряжки, Т-образная бляшка с двурогим щитком, накладка в виде «рыбьего хвоста», накладка в виде маски-личины и 7 поясных наконечников. По-видимому, железная пряжка основного ремня и, возможно, еще какие-то его детали не сохранились. Крепление накладных бляшек и поясных наконечников осуществлялось с помощью шпеньков, расположенных на тыльной стороне.

Псевдопряжки с В-образной рамкой и выделенным ложем для язычка (рис. 1: 1, 2) имели, по-видимому, геральдические щитки, от одного из них сохранился фрагмент перекидной пластинки (рис. 1: 3). Прорезь псевдопряжек узкая, края кружков в одном случае слиты с ней. Исходя из типологии псевдопря-

жек, предложенной, И. О. Гавритухиным, их следует относить к типу 1в, ареалом которого является Поволжье, Приуралье и район Новороссийска (Гавритухин, Обломский 1996: 33, рис. 47: 7, 14, 21). В Сибири псевдопряжки подобного типа известны в могильнике Релка на Оби (Чиндина 1977: 36; рис. 24: 24; рис. 33: 25), в поминальных оградках Кара-Кобы (Могильников 1991: рис. 14: 1), среди случайных находок в Минусинской котловине (Минусинский музей, № 6045–6053, № 7275–7280²), в кладе из д. Лебеди в Кузнецкой котловине (Бобров 2002: рис. 1: 26). В. Б. Ковалевская, специально рассматривая генезис псевдопряжек, считает, что они появились в VII в., и начальный этап их развития связан с Кавказом, Крымом и Приднестровьем (Ковалевская 1990: 40). И. О. Гавритухин, в целом не оспаривая даты этого типа, полагает, что его появление следует связывать со второй и третьей третями VII в. (Гавритухин, Обломский 1996: 93).

Двухчастная Т-образная бляшка с двурогим щитком и четырьмя круглыми отверстиями в нем (рис. 1: 4) относится к типу 2в по типологии И. О. Гавритухина (Гавритухин, Обломский 1996: 26–27). Данная бляшка аналогична подвеске из погребения 34 Чуфут-Кале, близкие бляшки имеются в Гапоновском и Трубочевском кладах в Подиелровье (Гавритухин, Обломский 1996: рис. 30: 1). В Центральной Азии совершенно аналогичные Т-образные бляшки имеются среди инвентаря из скального погребения на р. Чибижек в Минусинской котловине (Кызласов 1999: рис. 12: 1–2), подобное изделие, только с двумя прорезями найдено в 12 могиле Кулдыртз (Гаврилова 1965: табл. XX: 2). Появление этого типа бляшек, согласно И. О. Гавритухину, относится ко времени не ранее второй четверти — середины VII в., что соответствует второму горизонту геральдических поясов А. К. Амброза и восьмой группе крымских древностей по А. И. Айбабину (Гавритухин, Обломский 1996: 93).

Как и у Т-образной бляшки, щиток накладной бляшки — двурогий с прогнутыми боковинами и четырьмя отверстиями (рис. 1: 10). Рога бляшки — слабо отогнуты. Она, также как и Т-образная бляшка, находит много аналогий в раннесредневековых культурах Евразии. Совершенно аналогичные изделия найдены в кургане 21 могильника Боржигары, в соседнем с Таласом Отрарском оазисе (Нурмуханбетов 1969: табл. I). В Крыму двурогие бляшки с четырьмя отверстиями появляются в материалах погребений восьмой группы, датированной первой половиной VII в. (Айбабин 1999: 276). Эти украшения бытуют весь VII в., причем не только в Крыму, но и в Башкирии

¹ Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 3. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Отдел этнографии Сибири.

² Большую благодарность за возможность работать с коллекциями музея приношу Н. В. Леонтьеву.

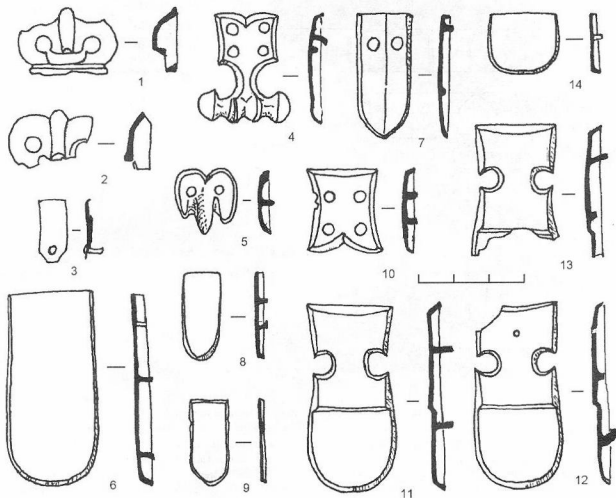

Рис. 1. Могильник Кара-Буура. Курган 3. Детали пояса.

Fig. 1. The cemetery of Kara-Buura. Kurgan 3. Details of the belt.

(Мажитов 1977: 19–20), а также в Приаралье (Левина 1996: 220). По данным И. О. Гавритухина, наиболее представительная серия такого типа изделий обнаружена в Поволжье (Гавритухин, Обломский 1996: 89).

Накладка в виде маски-личины с двумя круглыми прорезами (рис. 1: 5) близка накладкам 1 типа 18 отдела по типологии В. Б. Ковалевской (Ковалевская 2000: 154). Ареал таких накладок включает Крым, Кавказ, Поволжье и Приуралье. Накладка из Кара-Бууры несколько отличается от изделий этого типа большей округлостью и более удлиненными концами.

По аналогии с восточноевропейскими образцами три одинаковых по форме изделия с округлыми вырезами на боках и овальным завершением можно отнести к поясным наконечникам, хотя они могли использоваться как накладки. Никакой орнаментации на их щитках не наблюдается, только у одного экземпляра имеется отверстие в центре. На их щитках располагается один уступ, находящийся в центре пластины (рис. 1: 11–13).

Поясные наконечники и накладки с вырезами на боках достаточно широко распространены в раннесредневековых культурах Восточной Европы, но

точной аналогии среди них подыскать не удалось. Восточноевропейские наконечники с вырезами в большинстве своем орнаментированы, оконечность их обычно другая, а щиток плоский без уступов. Следуя типологии И. О. Гавритухина, наши поясные наконечники тяготеют к 6 варианту этого типа изделий (Гавритухин, Обломский 1996: 31). Наиболее близкой аналогией этим изделиям являются украшения узды коня, найденные у с. Жана-Аул на Алтае (Кочев, Худяков 2000: 118, рис. V), и поясные наконечники из кургана 21 могильника Борижары (Нурмуханбетов 1969: табл. I). Аналогичен по форме и серебряный поясной наконечник из Гапоновского клада (Гавритухин, Обломский 1996: рис. 23: 18).

Поясной наконечник с двумя симметричными отверстиями на щитке (рис. 1: 7) аналогичен наконечникам из Бережновки, Ново-Турбаслинского могильника (Erdélyi 1960: 171), Кушнаренково (Мажитов 1977: Табл. I, 86). Подобный наконечник найден в могиле 10 могильника Кудыргэ (Гаврилова 1963: табл. XVIII, 15), большая серия аналогичных наконечников известна в памятниках джегъясарской культуры (Левина 1996: рис. 131: 13, 14, 24).

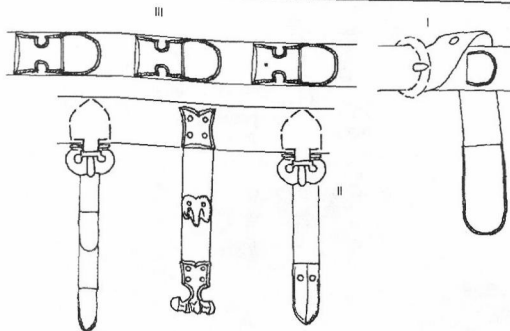

Рис. 2. Схема реконструкции отдельных блоков пояса.

Fig. 2. Scheme of a reconstruction of particular blocks of the belt.

Наконечник основного ремня с прямыми боковинами, округлым завершением и бортиками (рис. 1: 6) прикреплялся к ремню четырьмя шпеньками, расположенными на тыльной стороне. Форма наконечника чрезвычайно широко распространена. Совершенно аналогичный наконечник найден в кургане 21 могильника Борижары (Нурмуханбетов 1969: табл. I). Как отмечает В. Б. Ковалевская, наконечники подобной формы использовались и позднее VI–VII вв. Форма наконечников с округлым (подовальным) окончанием наиболее часто встречается у аваров Подунавья.

Из мелких ремешковых наконечников один более широкий и короткий (рис. 1: 14), остальные два более длинные и узкие (рис. 1: 8, 9).

Аналоги из Восточной Европы определяют *terminus post quem* для деталей пояса из Кара-Бууры, из чего следует, что пояс может датироваться не ранее начала VII в. Верхняя дата пояса должна приходиться на конец VII – начало VIII вв., то есть на время смены украшений геральдического стиля на поясах с бляхами-оправами общетюркского (катандинского) типа.

Отмечу, что пока в Сибири и Средней Азии геральдику VI в., сопоставимую с геральдическими поясами Крыма или Северного Кавказа, выделить не удастся. Во всяком случае, на данный момент нет ни одного комплекса, содержащего геральдические наборы, которые можно было бы соотнести с ранними крымскими или северокавказскими.

Находка геральдического пояса в типично кенколском захоронении крайне важна, так как это еще один аргумент в пользу мнения А. К. Амброза о том, что верхней датой кенколской культуры надо считать VII в. (Амброз 1981: 21).

Реконструкция пояса весьма затруднительна. И. О. Гавриутин справедливо отметил, что для пол-

ной реконструкции геральдических поясов материалов еще недостаточно. Для таких реконструкций очень важны пояса, найденные *in situ* в погребениях.

Вследствие того, что поясной набор из Кара-Бууры сохранился не полностью, можно предложить реконструкцию только отдельных его блоков. Первый блок представлял собой ремень шириной 3–4 см, на одном из концов которого находился наконечник основного ремня, а на другом – несохранившаяся пряжка (рис. 2: I). Судя по находкам в джетыясарских курганах и кургане 21 могильника Борижары, она, скорее всего, была железной. С достаточной долей уверенности восстановим блок, условно названный II (рис. 2: II). На основном ремне была закреплена двурогой бляшка, от которой отходил подвесной ремешок с T-образной бляшкой на конце. В середине этого подвесного ремешка располагалась накладка в виде маски-личины. От двух псевдопряжек также должны были отходить подвесные ремешки. Один из ремешков, по-видимому, заканчивался наконечником с двумя отверстиями. На другом ремешке, отходившем от второй псевдопряжки, вероятно, были расположены два других небольших узких поясных наконечника, причем один из них (без бортиков), скорее всего, использовался как накладка, а второй как наконечник. Расположение этих двух наконечников на подвесном ремешке не совсем ясно, так как не понятно, где мог находиться более широкий и короткий наконечник, вероятнее всего, также закрепленный на конце какого-нибудь подвесного ремешка.

Реконструкция блока III затруднительна. Три поясных наконечника (или накладки) с вырезами на боках, могли использоваться либо как наконечники, завершающие подвесные ремешки, как это было на поясах типа Боча, или поясе из погребения 57 Агафоновско-

го могильника, либо они могли закрепляться вдоль основного ремня (рис. 2: III). На последнюю возможность указывает узда из Жана-Аула, где на сохранившихся ремнях такие наконечники были закреплены вдоль ремня, выполняя функцию накладных бляшек. Ширина этих накладок (или наконечников) соответствует ширине основного ремня пояса, что свидетельствует в пользу использования их как накладок.

Появление геральдического пояса в конкольском захоронении можно объяснить контактами с населением средней и нижней Сырдарьи. Пояс вполне мог попасть в результате контакта «кенкольцев» с близко родственным джетынасарским населением или населением отаро-каратаульской культуры. На это указывает и наибольшая типологическая близость пояса к поясам и их деталям, найденным в погребениях джетынасарской культуры и Борижарского могильника. К носителям джетынасарской культуры геральдика про-

никала благодаря уже неоднократно отмеченным тесным связям с населением Поволжья и Приуралья (Казаков 1999: 28). И. О. Гавритухин отмечает большое разнообразие форм наременных украшений геральдического стиля в Поволжье и Приуралье. *Скорее всего, именно с этой территории украшения геральдического стиля проникали в Среднюю Азию и Сибирь.*

Надо отметить, что в Северной Киргизии известен еще один геральдический пояс, происходящий из древнетюркского погребения на могильнике Таш-тубе (Кибиров 1954). Однако погребение в Кара-Бууре вряд ли можно интерпретировать как тюркское, так как оно совершено по кенкольскому обряду погребения. Кроме того, пояс из Кара-Бууры по типу несколько более ранний, чем пояс из Таш-тубе.

В настоящий момент пояса из Кара-Бууры и Таш-тубе являются самыми южными в ареале ремненных украшений геральдического стиля в Центральной Азии.

Амброз 1971 – Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. № 2. С. 96–123; № 3. С. 106–134. 1971.

Амброз 1981 – Амброз А. К. Степи азиатской части СССР в древнетюркское время // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.

Айбабин 2000 – Айбабин А. И. Этническая история раннеантичного Крыма. Симферополь, 2000. «Дар».

Бобров 2002 – Бобров В. В. Атрибуты шаманского костюма из клада у села Лебеди (Кузнецкая котловина) // Клады: состав, хронология, интерпретация. Материалы тематической научной конференции. СПб., 2002. С. 296–212.

Гаврилова 1965 – Гаврилова А. А. Могильник Кудуртг как источник по истории Алтайских племен. Л., 1965.

Гавритухин, Обломский 1996 – Гавритухин И. О., Обломский А. М. Тапоновский клад и его историко-культурный контекст. М., 1996.

Казаков 1999 – Казаков Е. П. Новые археологические материалы по ранней тюркизации Урало-Поволжья // Татарская Археология. № 1–2 (4–5). Казань, 1999. С. 23–38.

Кибиров 1957 – Кибиров А. К. Работа Тянь-шаньского археологического отряда // КСИЭ. Вып. XXVI. 1957. С. 81–88.

Ковалевская 1979 – Ковалевская В. Б. Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пражск // САИ. Вып. E1–2. М., 1979.

Ковалевская 1990 – Ковалевская В. Б. Традиция прорезных поясов в памятниках кулдыгинского типа // КСИА. Вып. 169. 1990. С. 37–46.

Ковалевская 2000 – Ковалевская В. Б. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. М., 2000.

Кочев, Худяков 2000 – Кочев В. А., Худяков Ю. С. Реконструкция узды из древнетюркского погребения у с. Жана-Аул в Горном Алтае // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск, 2000. С. 117–127.

Кызласов 1999 – Кызласов И. Л. Скальные захоронения – особая категория погребальных памятников // Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М., 1999. С. 169–199.

Могильников 1991 – Могильников В. А. Древнетюркские оградки Кара-Коба I // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1991. С. 175–212.

Мажитов 1977 – Мажитов Н. А. Южный Урал в VII–XIV вв. М., 1977.

Нурмуханбетов 1969 – Нурмуханбетов Б. Новые данные по археологии тюркского времени Южного Казахстана // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-ата, 1969. С. 162–174.

Чиндина 1977 – Чиндина Л. А. Могильник Релка на Средней Оби. Томск, 1977.

Erdélyi 1960 – Erdélyi I. F. Nonfoglaló Magyararc régészeti emlékeanyagá kelet-európai kapcsolatainak néhány kérdéséről // Kulonlenyomat az archaeologiai értesítő. Évi 2. Számból. 1960.

A HERALDIC BELT FROM THE UPPER TALAS

A. I. TORGUEV

In 1990, a typical heraldic belt was found in a disturbed grave at the burial ground of Kara-Buura on the upper Talas River (The Republic of Kyrgyzstan). After the excavation of the burial was completed, it became clear that it was a chamber-catacomb with a long dromos; in addition to the belt, a number of beads and a bowl were found near the skeleton. The mortuary structure and the funerary rite suggest that the grave was left by bearers of the Kenkol culture.

The belt was composed of bronze parts and has parallels in Eastern Europe, Siberia and Central Asia. This

is the first instance when a heraldic belt was found in a Kenkol burial.

The find of this belt is an argument in favour of A. K. Ambroz's opinion that the upper date of the Kenkol culture is the 7th century. Furthermore, together with the belt from the cemetery of Tash-Tyube in central Tien Shan, the find from Kara-Buura marks the southern boundary of the distribution of heraldic belts. These belts also suggest the existence of contacts between Kenkolians and the population of Eastern Europe.

«НА ДРЕВНЕМ БРЕГЕ ИРТЫША...» (из раскопок Уральской археологической экспедиции)

Б. Б. ОВЧИННИКОВА¹

В 60-е годы прошлого столетия в лесостепной полосе Западной Сибири Уральской археологической экспедицией Уральского госуниверситета им. А. М. Горького (УАЭ УрГУ г. Свердловск-Екатеринбург) на правом берегу р. Иртыша возле деревни Соляное Черлакского района Омской области был обнаружен курганный могильник, на территории которого были проведены рекогносцировочные исследования (Неживых А-1963; Овчинникова А-1966). Памятник расположен в 2–2,5 км на север – северо-запад от д. Соляное по левую сторону тракта Черлак-Омск. Визуальный осмотр показал, что на могильном (распаханном) поле сохранилось одиннадцать курганных земляных насыпей (рис. 1: 1). Вскрытию подверглись два курганных захоронения – № 3 и № 9. Практически все курганные насыпи имели округлую форму. Исключение составляли раскопанные нами курганы, у которых насыпи овальной формы, вероятно, изменения произошли за счёт распахивания. У половины курганов, у их подножия, были зафиксированы слабо прослеживаемые канавки. Размеры сохранившихся надмогильных земляных насыпей различные: курган № 1 – диаметр (д.) 22,0 м, высота (в.) – 1,2 м; № 2 – д. 19,0 м, в. – 1,1 м; № 3 – 11,0 Ч 12,0 м, в. – 0,3 м; № 4 – д. 18,0 м, в. – 0,65 м; № 5 – д. 23,0 м, в. – 1,25 м; № 6 – 19,5 м, в. – 0,8 м; № 7 – д. 24,0 м, в. – 1,4 м; № 8 – д. 29,0 м, в. – 1,6 м; № 9 – 12,0 × 13,0 м, в. – 0,2 м; № 10 – д. 14,0 м, в. – 0,5 м; № 11 – д. 16,0 м, в. – 0,7 м.

Курган № 3 (рис. 1). Поверхность курганной насыпи была распахана и засеяна пшеницей. Еще в 1963 г. давнее надмогильное сооружение имело высоту 0,65–0,7 м (Могильников 1981: 45), а на момент раскопок памятника (1965 г.) она составляла уже 0,25–0,30 м. По форме площадка кургана напоминала овал слегка вытянутый по линии запад-восток (11,0 × 12,0 м). При вскрытии насыпи в восточной её части сразу же был обнаружен обломок маленькой кремневой ножевидной пластинки (рис. 3: 2), попавшей сюда, вероятно, при распахивании поля.

При снятии курганной насыпи контуров могильной ямы не обнаружено. При зачистке предполагаемого могильного поля, на глубине 0,3 м от современной поверхности, в северо-западной её части сохранились обугленные куски дерева, максимальные размеры которых достигали 25–30 см. В большей части это был грунт вперемешку с древесными угольками, площадью более одного метра. В центре под насыпью кургана с глубины 0,25 м зафиксировано пятно оранжевого цвета, по составу напоминающего охру, размером 1,20 × 2,0 м, вытянутого по линии запад-восток. Толщина скопления охристого грунта соста-

вила более 0,2 м. К северу от него на расстоянии 0,5 м обнаружен сосуд в развале, от которого сохранились лишь неорнаментированные стенки серого цвета, толщиной 0,5–0,6 см.

Курган № 9 (рис. 2) расположен в 50,0 м от правого обрывистого берега Иртыша. Земляная насыпь кургана неоднократно распахивалась. Сохранившееся надмогильное сооружение имело овальную форму, слегка вытянуто по линии север-юг (12,0 × 13,0 м), высотой – 0,2 м от современной распаханной поверхности. Центральная часть сильно уплотнена. Вокруг насыпи зафиксирована слабо прослеживаемая канавка глубиной 0,4–0,5 м. По заполнению насыпь состояла из жирного чернозема. При ее вскрытии, в северо-восточном секторе площадки, стали встречаться разрозненные кости от скелета человека: тазовые, бедренные и берцовые. После снятия насыпи, при зачистке могильного поля, на глубине около 20,0 см обнаружен древесный тлен от березы, кора которой сохранилась достаточно хорошо. Именно по ней стало возможным выявить размеры бревен в поперечном разрезе, которые колебались от 3,0 до 15,0 см в диаметре. Скорее всего, это были остатки перекрытия могилы.

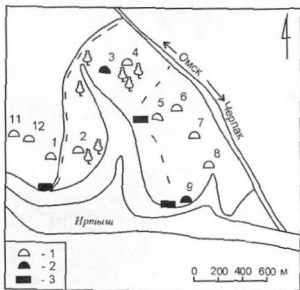

Рис. 1. Расположение курганного могильника у д. Соляное. Условные обозначения: 1 – курганы; 2 – раскопанные курганы; 3 – постройки деревни.

Fig. 1. Location of kurgan near Solyanoye village. Notations: 1 – kurgans; 2 – excavated kurgans; 3 – houses of the village.

¹ Россия. 620083. г. Екатеринбург. пр. Ленина, д. 51. Уральский государственный университет им. А. М. Горького. Исторический факультет.

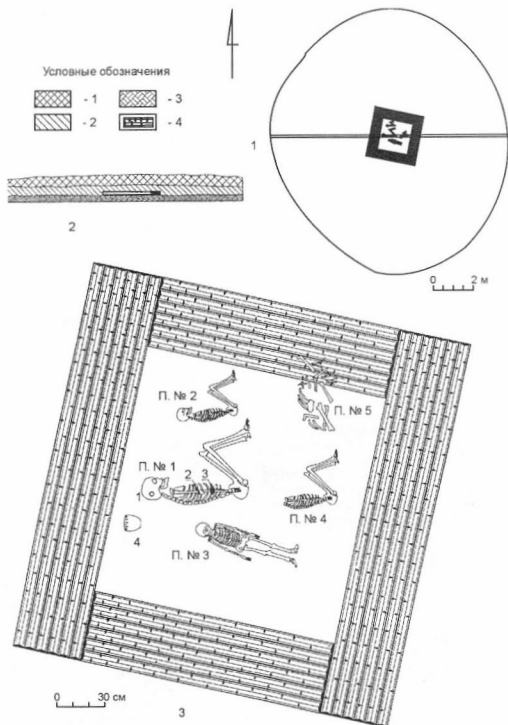

Рис. 2. Соляновский курган № 9. 1 – план кургана; 2 – профиль; 3 – план погребального сооружения.

Условные обозначения: 1 – слой пахоты; 2 – слой охристого грунта с черноземом; 3 – материковый слой; 4 – берзовые плахи.

Fig. 2. Kurgan no. 9 of Solyanoye. 1 – plane of the kurgan; 2 – profile; 3 – plane of the funeral construction.

Notations: 1 – arable layer (turf); 2 – layer of ochre- and chernozem-containing soil; 3 – bedrock; 4 – birchen billets.

С глубины 0,22–0,25 м уже четко фиксировалось *внутримогильное сооружение* (рис. 2), выложенное из бревен в виде камеры в форме правильного квадрата (2,5 × 2,5 м). Его западная и восточная стенки выложены из длинных бревен на всю длину квадрата, а северная и южная – из коротких, упирающихся в северную и южную стенки. В плане камера напоми-

нает сруб, но бревна (от 12,0 до 15,0 см в диаметре) уложены горизонтально по шесть бревен в ряд, примыкая друг к другу. Вертикальных стен или каких-либо опор не зафиксировано. Говорить о том, что это развал сруба, вряд ли приходится, так как выложенные плашмя бревна хорошо подогнаны друг к другу (рис. 2: 3).

Вскрытие внутримогильной камеры показало, что под тонким слоем сохранившихся остатков бересты находилось захоронение *четырёх погребённых* – одной женщины и трёх детей. Все они покоились на бересте, выстеленной на материковом грунте, остатки которой зафиксированы по снятию костяков.

Погребение 1 (рис. 2: 3) было обнаружено под слоем бересты. Костяк лежал на левом боку с подогнутыми ногами, головой ориентирован на запад. Судя по размерам костяка и набору вещей, сопровождавших погребённого, можно предполагать, что это женщина. Слева у черепа обнаружена бронзовая сережка в виде сомкнутого кольца (рис. 3: 5), справа, также в области уха, находилась вторая, аналогичная первой, сережка, но большего диаметра (рис. 3: 4). У головы находился маленький железный нож (рис. 3: 6), чуть ниже – роговая пряжка с подвижным язычком (рис. 3: 3). К юго-западу в 0,10 м от черепа сохранился слегка раздавленный сосуд, который впоследствии был отреставрирован (рис. 3: 7).

Погребение 2 (рис. 2) располагалось в 0,5 м к северу от захоронения 1. Костяк лежал также на левом боку с подогнутыми ногами, головой на запад. Захоронение детское, не сопровождалось каким-либо инвентарем.

Погребение 3 (рис. 2) находилось в 0,5 м к югу от женского погребения. Костяк детский был вытянут на спине и ориентирован головой на запад, с легким отклонением к северу. Каких-либо вещей при данном захоронении не обнаружено.

Погребение 4 (рис. 2) обнаружено в 0,8 м к востоку от женского захоронения. Несмотря на отсутствие черепа, сохранившаяся часть костяка находилась в анатомическом порядке. По положению костей оно в точности повторяло погребения 1 и 2 – с подогнутыми ногами на левом боку, ориентированное головой на запад. Судя по размерам – это детское захоронение. Каких-либо вещей при нем не обнаружено.

Погребение 5 (рис. 2). Кроме погребений, расположенных внутри деревянной конструкции, при разборке насыпи кургана было встречено еще одно захоронение в виде беспорядочного скопления человеческих костей. Это, вероятно, впускное захоронение, совершенное несколько позже. Никакого вещевого инвентаря среди костей не зафиксировано.

По обряду захоронения и характеру погребального инвентаря курган № 9 весьма близок к типу памятников *сросткинской культуры* в Приртышье (Бобровский и Ждановский могильники – Арсланова 1968: 98–111). Памятники, оставленные носителями этой культуры распространились на просторах лесостепи Обь-Иртышского междуречья, Приобья и Притомья. Как известно, в ее сложении участвовали как местные *устро-самодийские племена*, так и пришлые – *тюркские*, которые весьма успешно *ассимилировали* местное население. Два эти компонента прослеживаются в погребальном обряде племен этой культуры: с одной стороны – захоронение человека с юном, аналогично алтайским и кимакским, а с другой – подкурганные и грунтовые погребения без коня с перекрестием из бересты и березовых бревен. В развитии

сросткинской культуры исследователи выделяют три этапа – VIII–IX вв., IX–X вв. и XI – начало XIII вв. (Могильников 1981: 45). «Соляновские» курганы можно отнести к памятникам второго этапа – IX–X вв., которые характерны для местного лесостепного населения, когда под одной насыпью покоились несколько погребённых, могилы которых группировались вокруг центрального захоронения. Погребальный обряд, зафиксированный в кургане № 9, полностью соответствовал данному ритуалу. В качестве центрального захоронения здесь выступает женское погребение, вокруг которого располагались детские (все погребённые были завернуты в бересту). Погребальную площадку ограничивали березовые бревна в виде рамы, таким образом, погребальный комплекс находился в своеобразной камере. О перекрытии камеры можно судить лишь по остаткам тлена. Вероятно, оно было разрушено, так как насыпь неоднократно распаивалась. Если это так, то аналогичные внутримогильные сооружения хорошо известны в курганных могильниках Сростки, Ближние Елбаны (Грязнов 1956: 145, табл. 57–17; 60–6, 7; 61–9) и т. д. Не противоречит дате кургана и немногочисленный погребальный инвентарь, сопровождавший захоронение женщины. Несмотря на широкий ареал распространения и весьма пространственные датировки вещей из настоящего комплекса, можно отметить, что в нем прослеживается сочетание элементов материальной культуры местного и пришлого населения.

После реставрации удалось установить, что сосуд, сохранившийся при погребённой, имел чашевидную форму со слегка уплощенным дном (рис. 3: 7). Высота сосуда – 12,0 см; диаметр по венчику – 14,5 см; динца – 6,0 см; толщина стенок – 0,6 см. Поверхность обработки – грубая, сохранились отпечатки от заглаживания шейкой; цвет – серо-желтый, со следами копоти. В верхней части сосуда, с внешней стороны, нанесен орнамент в виде однорядного пояса ямочных вдавлений. Аналогичной формы сосуды встречаются на этой территории с древнейших времен – еще с тагарской эпохи (Мартынов 1976: рис. 5: 17, 18). Однако скудный орнамент в виде ряда ямочек типичен для средневековой посуды (Могильников 1973: 92–97). Гладкие *кольчатые серьги* (рис. 3: 4, 5), изготовленные из бронзовой проволоки (диаметр – 2,0 и 2,5 мм), знакомы нам по тюркским погребениям с VI в. и до позднего средневековья. Серьги этой простой и удобной формы известны весьма широко (Овчинникова 1990: 46). Роговая *подпирная пряжка* с мисовидным завершением дужки (рис. 3: 3), встречаемая при погребённой, отражает алтайскую традицию и тяготеет к развитой форме, которая продолжает существовать в Западной Сибири в памятниках *сросткинской культуры* (Арсланова 1868: 105, рис. 71; Овчинникова 1990: 116–118, рис. 48: 22), где известны аналогичные пряжки уже *не роговые*, а *металлические*, и чаще *бронзовые* (Гаврилова 1965). Идентичная «соляновской» пряжка встречена в могиле Курай IV-2, где она датируется IX–X вв. (Евтюхова, Киселёв 1941; Овчинникова 1990: рис. 48: 22).

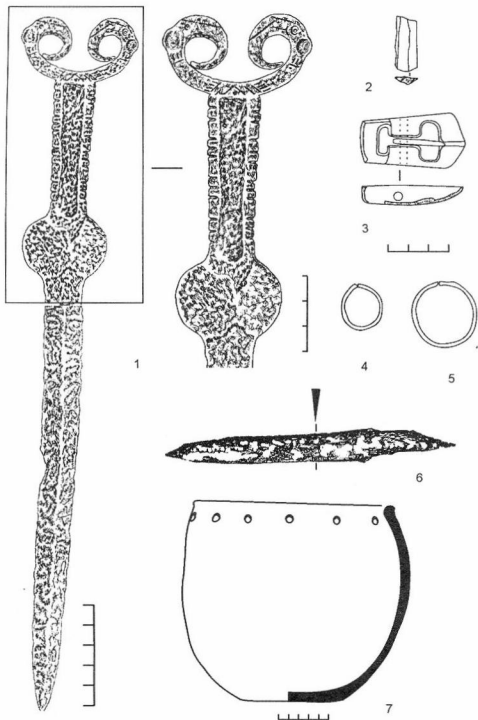

Рис. 3. Погребальный инвентарь из курганов №№ 3 и 9: 1 – железный кинжал; 2 – кремневая ножевидная пластина; 3 – костяная пряжка; 4–5 – бронзовые серьги; 6 – нож; 7 – глиняный сосуд.

Fig. 3. Kurgans nos. 3, 9. Grave goods: 1 – iron dagger; 2 – flint knife-blade; 3 – bone buckle; 4–5 – bronze earrings; 6 – iron knife; 7 – ceramic vessel.

Так, в результате предварительных исследований курганного могильника у дер. Соляное можно отметить, что он входит в круг памятников Павлодарского Прииртышья близких к суреткинской культуре и может быть датирован IX–X вв.

* * *

В процессе раскопок кургана № 3 агроном совхоза деревни Соляное передал нам железный меч (рис. 3: 1), обнаруженный им при вспашке поля вдоль правого берега Иртыша, где располагалась настоящая курганная группа. К сожалению, определить более точное его местонахождение не удалось. Меч цельнокованный, прямой, слегка подвергнут коррозии.

Общая длина кинжала – 37,0 см. Длина клинка до перекрестия – 23,3 см, наибольшая ширина его у перекрестия – 2,5 см. Клинок обоюдоострый, с ребром по середине, постепенно сужается к концу. В сечении он имеет вид ромба. Длина рукояти от перекрестия до навершия – 7,0 см. Перекрестие почковидной формы плавно переходит в клинок и рукоять. Ширина рукояти у навершия – 2,2 см, у перекрестия – 1,8 см. Оформлена она в виде вытянутого прямоугольника, по краям которого проходят насечки или как иногда называют «рифленные бортики» (Мелюкова 1964: 55). Вдоль рукояти, в середине, проходит глубокая продольная выемка шириной от 1,2 см сверху, постепенно сужаясь к перекрестию до 0,7 см. Завершается рукоять антегнем навершием в виде стилизованных головок ушастых грифонов (или каких-либо других фантастических животных). Головки хищных птиц обращены друг к другу. В их изображениях подчеркнуты круто загнутые в спираль клювы. Уши переданы в виде выпуклого круга. Глаза показаны небольшими зрачками, окруженными желобком. Весьма интересен и загадочен сопровождающий, скорее, дополняющий изображение головок, орнамент, представленный геометрическими узорами: резными линиями и точечными кружочками (рис. 3: 1).

Сравнительный экземпляр «соляновского» меча с известным клинковым оружием аналогичной формы других районов, можно говорить о довольно широкой их географии. От Дона до Енисея встречаются находки кинжалов, на навершиях которых встречены подобные мотивы. Однако, сочетание антегноного навершия в виде хищных птиц при наличии продольного ребра по середине клинка в большей степени характерно для бронзовых кинжалов Сибири. В период господства железа в Южной Сибири наблюдается преемственность форм бронзовых кинжалов. Отметим, что подобные изображения «ушастых» грифонов были широко распространены на Алтае и в Минусинской котловине, где они украшали навершия кинжалов, а также конскую сбрую (Радлов 1891: 5, табл. XI, 11; XII, 8–10; Грязнов 1958: рис. 32; 33; Клеменц 1886: табл. XIV-2.). Кинжалы аналогичной формы близки и савроматским мечам с изображением парных головок хищных птиц в Приуралье (Смирнов 1964: 328; Мошкова 1962: 226, рис. 14: 8.). Обычно они и для ананьинских мечей в Прикамье (Збруева 1952: 230, табл. XXXII – 8, 15). Так идентичное изображение головы «ушастого» грифона найдено

в Котловском могильнике VI–V вв. до н. э. (Мошкова 1962: 226, рис. 14, 8). Однако, пожалуй, самая близкая аналогия «соляновскому» кинжалу – это железный меч-акинак из погребения в Феридже (Мелюкова 1979: 95, 100, рис. 33: 4). Не исключена возможность и местного подражания скифским формам меча.

Судя по форме, размерам и оформлению, к «соляновскому» клинку можно применить термин «меч-акинак», считающийся традиционным оружием в скифо-сарматскую эпоху. Известно, что с VII в. до н. э. в евразийских степях этот вид клинкового оружия получил довольно широкое распространение (Алексеев 1991: 271). Слово «акинак», как считают исследователи, возможно, западно-иранского происхождения. Оно употреблялось античными авторами по отношению к оружию ирано-язычного народа – бактрийцев, согдийцев, каспиев, а также и скифов (Литвинский 1968: 84). В русских переводах «Истории» Геродота вместо точного «акинак» был употреблен термин «меч», который и вошел в обозначение этого вида оружия в отечественной литературе (Черненко 1979: 90–91).

Меч-акинак, случайно найденный у д. Соляное, является редкой находкой для лесостепи Западной Сибири. В технике его исполнения нашли отражение смешение стилей, как восточных, так и западных, по отношению к его местонахождению. Несмотря на то, что сам по себе сюжет навершия – грифонные головки – характерен для сибирских кинжалов, но там они почти всегда бронзовые. Кроме того, стиль изображений и материал, из которого изготовлен меч – железо – сближают его больше с западными образцами, то есть с савроматскими и скифскими кинжалами (Мелюкова 1979: табл. 20; Смирнов 1964: 16, рис. 2–4). По зооморфному оформлению навершия его можно было бы датировать V–IV вв. до н. э. Однако почковидное перекрестие характерно в основном для конца VI–V вв. до н. э. К тому же изображение самих клювов-завитков на навершии довольно схематично и больше напоминает антегноное, то есть не как на сибирских и бронзовых ананьинских навершиях, где оно весьма реалистично. Вероятно, в данном случае мы имеем меч местного производства, сделанный в подражание скифо-сарматскому оружию. Исходя из этого, наиболее вероятно «соляновский» меч-акинак датируется концом VI–V вв. до н. э. Вышеописанные материалы дополняют существующую картину культурного наследия народов Западно-Сибирского региона.

Алексеев 1991 – Алексеев А. Ю. Эпос об акинаках // Клейн Л. С. Археологическая типология. Л., 1991. С. 271–280.

Арсланова 1968 – Арсланова Ф. Х. Памятники Павлодарского Прииртышья (VII–XII вв.) // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968. С. 98–111.

Гаврилова 1965 – Гаврилова А. А. Могильник Куларгэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965.

Грязнов 1956 – Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби // МИА. № 48. М., 1956.

Грязнов 1958 – Грязнов М. П. Древнее искусство Алтая. Л., 1958.

Евтюкова, Киселёв 1941 – Евтюкова Л. А., Киселёв С. В. Отчет о работе Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Труды ГИМ. Вып. 16. М., 1941. С. 75–117.

Збруева 1952 – Збруева А. В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. № 30. М., 1952.

Клеменц 1886 – Клеменц Д. А. Древности Минусинского музея. Томск, 1886.

Литвинский 1968 – Литвинский Б. А. Оружие населения Памира и Ферганы в сакское время // Материальная культура Таджикистана. Душанбе, 1968. С. 84.

Мартынов 1976 – Мартынов А. И. Хронология и периодизация памятников лесостепи тагарской культуры // Известия лаборатории археологических исследований. Вып. 8. Кемерово, 1976. С. 34–42.

Мелюкова 1964 – Мелюкова А. И. Возрождение скифов // САИ. Д 1–4. М., 1964.

Мелюкова 1979 – Мелюкова А. И. Скифия и Фракийский мир. М., 1979.
 Могильников 1973 – Могильников В. А. Археологическая разведка на севере Омской области // Археология Средней Азии, Сибири и Поволжья // КСИА. Вып. 136. М., 1973. С. 92–97.
 Могильников 1981 – Могильников В. А. Сросткинская культура // Степи Евразии в эпоху Средневековья. Археология СССР с древнейших времен до средневековья. М., 1981. С. 45–46.
 Мошкова 1962 – Мошкова М. Г. Ново-Кумакский курганный могильник близ г. Орск // МИА. № 115. М., 1962. С. 204–241.

Архивные материалы

Неживых А-1963 – Неживых В. И. Памятники по р. Иртыш. Материалы разведок в 1963 г. // АКА УрГУ. Ф. 1, д. 84а.

Овчинникова 1990 – Овчинникова Б. Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. Свердловск, 1990.
 Радлов 1891 – Радлов В. В. Сибирские древности // МАР. Вып. 5. СПб., 1891. С. 41–80.
 Смирнов 1961 – Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов. М., 1961.
 Смирнов 1964 – Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964.
 Черненко 1979 – Черненко Е. В. Персидские акинаки и скифские мечи // Тезисы докладов на III Всесоюзной конференции «Искусство и археология Ирана и связь с искусством народов СССР с древнейших времен». М., 1979. С. 90–91.

Овчинникова А-1966 – Овчинникова Б. Б. Отчёт об археологических работах в д. Соляное Черлакского района Омской области в 1965 г. // АКА УрГУ, Ф. II, д. 30.

«ON THE ANCIENT BANKS OF THE IRTYSH RIVER» (Excavations of the Ural Archaeological Expedition)

B. B. OVCHINNIKOVA

In the 1960s, a kurgan burial ground was discovered by the Ural Archaeological Expedition on a bank of the Irtysh River near the village of Solyanoye in the Cherlaksky region, Omsk Oblast, i.e. in the forest-steppe zone of Western Siberia. The expedition has carried out reconnoitring investigations at the cemetery. A visual examination showed that eleven earthen mounds were preserved on a ploughed up field (Fig. 1: 1). Two mounded burials (no. 3 and no. 9) have been excavated. Around the feet of the most of the kurgans, poorly traceable small gutters have been recorded.

The excavation of the kurgans has shown that this cemetery is a continuation of the group of sites close to

the Srostkinskaya culture in the Pavlodar regions around the Irtysh. The kurgans under consideration may be dated to the 9th–10th centuries. During the excavation, the Agronomist of the Sovkhoz of v. Solyanoye delivered us an iron sword (Fig. 3: 1) which he had found in the course of ploughing the field. The sword ended in a hilt with an antenna pommel in form of stylized heads of big-eared griffins facing each other. This chance find of a sword *akinakes* is a very rare example in the forest-steppe of Western Siberia. The most probable date for this item according to known parallels is presumably the end of the 6th or 5th century BC.

ВОЛОК «С ВЕРХА ДНЕПРА ДО ЛОВАТИ» И ВАРЯГИ¹

И. И. ЕРЕМЕЕВ²

«Чувствуется, что внесена культура не случайными прохожими; она укреплена среди местной жизни; она сроднилась с общим бытом, принята населением не поверхностно. По типу вещей, может быть, будет возможность отодвинуть северные шаги даже и за X век».

Н. К. Рерих, 1908 г.

Введение. Основная задача этой работы – уточнить хронологию и конфигурацию отдельных участков летописного волока «с верха Днепра до Ловати», то есть системы древнерусских коммуникаций между средним течением Ловати и верховьями Днепра. Нужно сразу же оговориться, – мы далеки в данном случае от того, чтобы рассматривать древнерусское слово «волока» как обозначение места переволоки судов из одного водоема в другой, что исключает сам характер знаменитой фразы Повести временных лет: «...бѣ путь изъ Варягъ в Греки и изъ Грекъ по Днѣпру, и верхъ Днѣпру волокъ до Ловати...» (ПВЛ 1996: 8). Летописец не случайно игнорирует географические детали и «забывает» про лежащую между Ловатью и Днепром Западную Двину. «Волоку» в летописном контексте – путь через обширное водораздельное лесное пространство, и одновременно само это пространство. В таком значении в северных областях России слово бытовало в языке до недавнего времени. «Не ходи в волок – волк в волоке», – гласит вологодская поговорка. Именно в этом своем значении слово и стоит в заглавии статьи. Что касается участков водоразделов, по которым перетаскивались корабли (такие «волоки», несомненно, существовали в средневековье), то их изучение представляет тему для специального исследования.

Для решения поставленной задачи необходимо суммировать имеющуюся информацию о последовательности распространения в IX–XI вв. на интересующей нас территории вещей североευропейских типов и кладов куфических монет. Наша работа не является первым шагом в этом направлении. Географическая структура «волока» неоднократно анализировалась в научной литературе (Бершштейн-Коган 1950; Бузов 1975; Алексеев 1980; Микляев 1992; Шмидт 1994; Еремеев 2003). Предпринимались и попытки наметить его хронологию (Лебедев, Булкин, Назаренко 1975; Булкин 1977; Нефедов 1997). Несмотря на внушительную историографию вопроса (каждый из упомянутых авторов возвращался к нему неоднократно, и мы упомянули только небольшую часть опубликованных работ), многие археологические находки, как

старые, так и последних лет, до сих пор не введены в научный оборот, что заставляет нас вновь вернуться к подробному их перечню.

Мы анализируем здесь преимущественно вещи, происходящие из области водосбора Верхней Двины и Верхней Ловати (рис. 10, 11). Систематическое рассмотрение памятников Верхнего Поднепровья составляет уже следующий этап исследования. Тем не менее, в работе с немногочисленными западно-двинскими материалами, при разработке их хронологии и исторической географии нельзя обойтись без упоминания некоторых древностей из бассейна Верхнего Днепра.

Применяемое нами понятие «вещи североευропейских типов» включает три категории изделий. Как известно, в глубине восточноевропейского континента осело в IX–XI вв. значительное количество привозных скандинавских украшений, оружия и бытового инвентаря. Помимо этих вещей, на востоке Европы археологами выявлены группы изделий, изначально чуждых для местного населения, но в равной степени характерных как для Скандинавии, так и для северной части Центральной Европы (так называемые фряжские мечи, односторонние наборные гребни фризско-скандинавских типов). Место их изготовления часто трудно определить, но есть основания предполагать, что их появление на востоке было чаще всего связано с ремесленной или торговой деятельностью выходцев из Скандинавии. Наконец, в результате миграций варягов на восток и интензивных торговых контактов целый комплекс элементов художественной культуры и технологических навыков, связанных с германским миром Северной Европы, в IX–XI вв. начал самостоятельно развиваться в Восточной Прибалтике и на Руси. Достаточно сложно бывает разделить изделия североευропейских типов на импорт, вещи, изготовленные в Восточной Европе варяжскими ремесленниками, и местные подражания престижным заморским образцам. Наша задача более узкая – охарактеризовать всю совокупность находок, связанных с североευропейскими традициями, и выявить направления внутри взятого нами региона, по которым

¹ Статья подготовлена при поддержке Фонда Дж. Сороса (проект RSS No.: 1591/1999) и впервые изложена в виде доклада на конференции «Беларусь и смежные территории у эпохи железа и раннего средневековья» в Минске 19 декабря 2000 г. Работа завершена при содействии Шведского Института (Стокгольм) (проект «West Dvina River and Contacts between Baltic Region and Eastern Europe in the Viking Age»/2003). Автор выражает глубокую признательность Г. В. Штыхову, Е. А. Шмидту, Ю. М. Лесману, Т. С. Бубельню, Н. Ю. Шарковой, Б. С. Короткевичу за помощь в работе с материалами, происходившими из раскопок в Верхнем Подвинье; а также И. Янссону и Ф. О. Андропу за ценные консультации.

² Россия. 191186. Санкт-Петербург: Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел славяно-финской археологии.

эти изделия распространялись. Для такого исследования не имеет принципиального значения, – завезены все рассматриваемые вещи из Скандинавии или частично изготовлены в восточноевропейских ремесленных центрах.

Слабая археологическая изученность региона заставляет воздержаться от узких хронологических определений и разделить объекты на две группы – древности IX – начала X в. и находки X–XI вв. Граница между ними достаточно условна. Со временем часть упомянутых нами памятников найдет свое более определенное место в культурно-хронологической колонке, пока же любая категоричность выводов об их дате будет преждевременной. Остановимся сначала на материалах, претендующих на более раннюю датировку.

Древности IX – начала X вв. Эти находки немногочисленны и тяготеют к двум регионам – к истокам Западной Двины в окрестностях Торошца и Андреополя, а также к области Днепро-Двинского междуречья.

Памятники в верхнем течении р. Западная Двина. В верховьях Западной Двины сразу же привлекает наше внимание комплекс в урочище Красный Ручей (Носов, Плохов 1994). Здесь, у подножия сопок, насыщенной на культурном слое поселения, в материке под нахотой была выявлена яма, заполненная черным гумусом с проклеванными камнями и обожженными костями животных³. В заполнении найдены обломки лепной керамики, железный нож (тип 4 по Р. С. Минасиу) (рис. 1: 6), обломки бронзовой шейной гривны, пластинчатое височное кольцо с заходящими друг на друга концами, и, наконец, сломавшийся бронзовый ладьевидный браслет (тип 186 по Я. Петерсену) (рис. 1: 3)⁴. Браслет украшен в трех местах строгим и двоящим поперечными валиками с насечкой, и таким же продольным валиком. Пространство между валиками заполнено орнаментом «волчий зуб». Авторами первой публикации изделия была отмечена близость его находкам IX в. с территории Северной Европы – Швеции и Финляндии (Носов, Плохов 1994: 150). Одна из подобных аналогий представлена на рис. 1: 4. Височное кольцо относится к типу, широко распространенному в Верхнем Поднепровье, а также в верхнем течении Западной Двины и Ловати (рис. 1: 2). Изделие не может быть узко датировано⁵. Датировку комплекса, возможно, поможет уточнить шейная гривна (рис. 1: 1, 5), изготовленная из перекрученного дрота. Замок на одном из её концов имел седловидную форму, второй конец, частично утраченный, видимо, оканчивался петлей. На возможную дату бытования этих украше-

ний в Верхнем Подвинье и Поднепровье указывает известный Ивахниковский клад, в состав которого входила аналогичная гривна (Макаренко 1908: таб. II, 3). Клад может быть датирован второй половиной VIII – IX вв. (Григорьев 2000: 122–134). В Старой Ладоге сходный замок гривны найден в слое конца IX в. (Кирпичников 2002: 240–241)⁶. Присутствие гривны, близкой изделиям из Ивахников, в комплексе в урочище Красный Ручей позволяет предположительно отнести его к IX в.

Группа изделий североевропейского происхождения известна в ближайших окрестностях Торошца. Древнейшая находка происходит из кургана 23 Торопецкого 2 могильника, раскопанного Г. Ф. Корзухиной в 1961 г.⁷ В погребении, совершенном по обряду сожжения на стороне, содержавшем кости взрослого человека и ребенка, была найдена равноплечная скандинавская фибула (рис. 2: 8) (Корзухина 1964: 301). По типологии, разработанной для Бирки, фибула относится к типу I B: 1 (погребения 444, 603) (Arbman 1940: taf. 78: 1, 2; Lagerd 1984: 98, 100), по Я. Петерсену, ближе всего стоит к типу 73, хотя и не является ему полной аналогией (Petersen 1928: 85). В Скандинавии такие фибулы традиционно относятся исследователями к IX в. Остальной могильный инвентарь (оплавленные стеклянные бусы и бронзовые изделия – орнаментированные трапециевидные подвески, пинцет, сапиралки, колечки цепи, две бусы, обоймочка с пунсонным орнаментом) в данном случае не противоречит этой датировке (рис. 2: 1–7, 9–11). Нужно подчеркнуть, что в Верхнем Подвинье и Поднепровье бронзовые пинцеты с расширенными концами характерны для древностей V–VIII вв. и неизвестны в комплексах X–XI вв. Асимметричный лепной сосуд с округлым плечиком и коротким венчиком, сопровождавший погребение, обычен по форме для широкого круга восточноевропейских памятников, в том числе и для Смоленских длинных курганов (рис. 2: 12)⁸.

Памятники Днепро-Двинского междуречья. С группой вещей, найденных в окрестностях Торошца, в хронологическом отношении смыкаются две находки, сделанные в бассейне р. Каспи. Это в первую очередь знаменитая монета,чеканенная в Хедэбу около 825 г., найденная в составе клада арабского серебра на селище у д. Кислая в бассейне р. Жерепя, правого притока Каспи (рис. 3) (Шмидт 1969: 64). Младшая монета клада выбита в первой трети IX в. (Кропоткин 1971: 85). Из бассейна Каспи происходит ещё один предмет – сломавшаяся равноплечная фибула типа 58 по Я. Петерсену (рис. 4: 1)⁹. На фибуле сохранилось кольцо, связанное из отрезка проволоки

³ Все вещи, кроме височного кольца, носят следы пребывания в сильном огне. Характер комплекса остался неясен – подполье погибшей в пожаре постройки, жертвоприношение, разрушенное погребение?

⁴ Находки хранятся в Тверском Государственном музее.

⁵ Ранние находки этого типа относятся к VIII в. (Цурковна, курган 2, погребение 1) (Шмидт 1958: 164; 1997: 50). Украшения доживают до середины десятого столетия. Известна находка ювелира в комплексе с гонимарийской керамикой (Озерцо II, курган 3) (Штыхау 1992: 96, 173, 174).

⁶ Замок гривны ошибочно, нам кажется, интерпретирован как часть браслета.

⁷ Коллекция хранится в Государственном Эрмитаже (далее ГЭ, ОАВЕС), № 23921-14.

⁸ Ряд отшлифованных огневых изделий по основанию венчика сосуда имеет, видимо, случайный характер и не является орнаментацией.

⁹ Хранится в ГЭ, ОАВЕС, № 812/648.

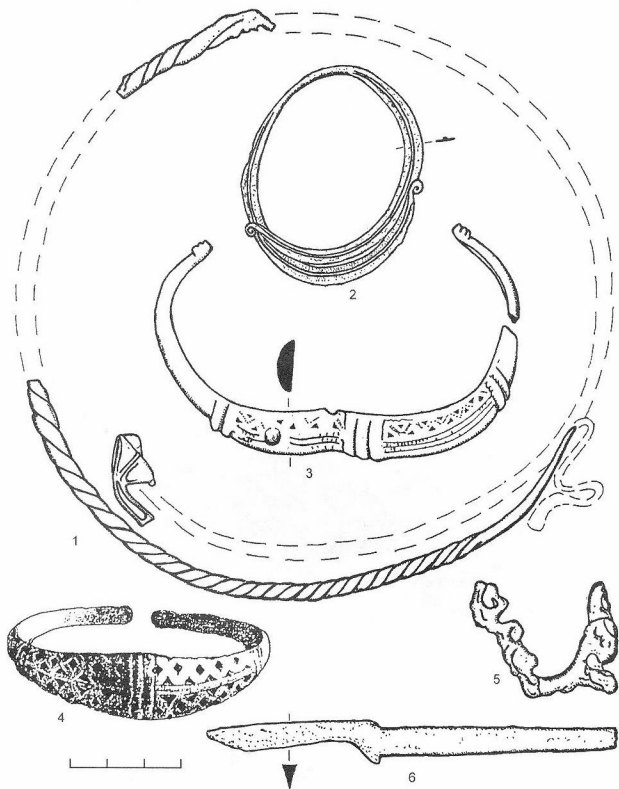

Рис. 1. 1–3, 5–6 – находки из ур. Красный Ручей (Тверская область, Андреапольский район); 4 – браслет из Хьяртума (Hiärtum sn., Bohuslän, Sweden) (рисунок из каталога Государственного Исторического музея в Стокгольме). 1–5 – бронза; 6 – железо.

Дѣл. 1. 1–3, 5–6 – Finds from the *urochishche* (tract of isolated wood) of Krasnyi Ruchey, Tver Oblast, Andreapol Region, 4 – bracelet from Hiärtum sn., Bohuslän (Sweden) (drawing from a catalogue of the State Historical Museum in Stockholm) (7). 1–5 – bronze; 6 – iron.

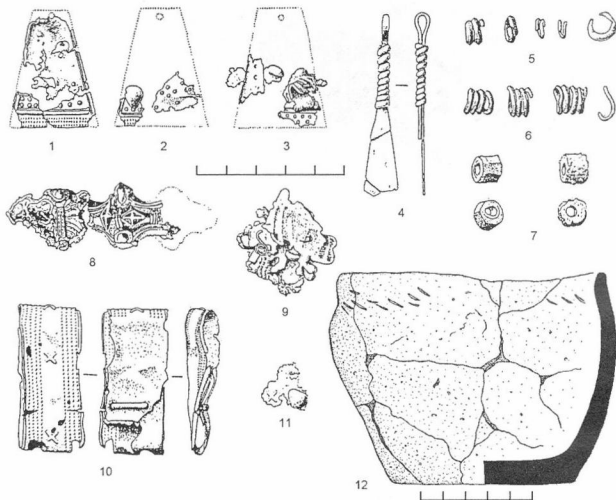

Рис. 2. Находки из погребения в кургане 23 могильника Торопец-2 (Тверская область, Торопецкий район): 1–11 – бронза; 12 – керамика.
1–11 – по Г. Ф. Корзухиной (1964); 12 – рисунок И. И. Еремеева.

Fig. 2. Finds from the burial in kurgan 23, the cemetery of Toropets 2 (Tver Oblast, Toropets Region): 1–11 – bronze; 12 – ceramics.
1–11 – according to G. F. Korzukhina (1964); 12 – drawing by I. I. Yermeev.

с сужающимися концами и одно из звеньев крепившейся к нему цепочки. Судя по этим деталям, фибула происходит из разрушенной могилы (труположения?). Слом на украшении сравнительно свежий – видимо, вещь повреждена крестьянином, пытавшимся выяснить, – не из золота ли она отлита. Приобретена она была И. С. Абрамовым у жителя д. Клименки (Спицын 1906: 209). В Скандинавии такие фибулы относят преимущественно к IX в. (Petersen 1928). На Руси они бытовали и в X в. Именно в позднем контексте они найдены в Гнездове, в Городке на Ловати (Спицын 1905: 49, рис. 45; Горюнова 1978: рис. 2: 1), и в Заозерье (смотри ниже). Обстоятельства находки, купленной И. С. Абрамовым, неизвестны, поэтому датировать её можно только широко – в пределах второй половины IX–X вв.

Следующим пунктом в бассейне реки Каспли, где представлены изделия североευропейских типов, является курганный могильник Шугайлово. Односторонний, редкой формы, гребень обнаружен в погребении 1 кургана 6. Изделие небольшое, длиной всего

7 см, с широкой дугообразной спинкой, украшенной двойными бороздками по краю и кружковым орнаментом (Шмидт 1982: 59, рис. 6). Гребень имеет некоторое сходство с изделиями первой группы, типа 1а по О. И. Давидан. В Старой Ладобе гребни первой группы, типа 1а выпадают в горизонте E, (750 – около 840 г.) (Давидан 1968: 56, 57). Указанное сходство позволяет, по мнению некоторых исследователей, синхронизировать погребение с ранними напластованиями Ладоби (Енуков 1990: 73, 182; Нефедов 1997: 203). Нам кажется, что находки небольших гребней первой группы (которые ближе всего по размерам к данному изделию и могли бы служить его прообразами), сделанные в Витебске (рис. 6: 1) и на Рюриковом городище (Носов 1990: 73; рис. 28: 1), позволяют сдвинуть датировку вверх до конца IX – начала X вв. К гребенке из Витебска мы ещё вернемся ниже. Поздняя датировка комплекса в Шугайлово подтверждается ещё и тем, что кружковый орнамент на шугайловском гребне, кажется, имитирует S-видный, извештный на ладожских гребнях типа 1в встречающихся

Рис. 3. Монета, чеканенная в Хедлебу (около 825 г.) (по Е. А. Шмидту). Клад у д. Кислые (Смоленская область, Руднянский район). Серебро.

Fig. 3. Coin struck in Hedeby (c. 825) (according to E. A. Smidt). Hoard found near v. Kislые (Smolensk Oblast, Rudnyanskiy Region). Silver.

не ранее горизонта E., то есть не ранее 860-х гг. (Давидан 1968: 57).

Завершая обзор относительно ранних находок из Днепро-Двинского междуречья, упомянем гривну из Добрянского клада (младшая монета 842 г.) в бассейне Лучосы (Рябцевич 1965: 125). Гривна серебряная, восьмигранная в сечении с гранчатыми головками, украшенная чеканным орнаментом. Происхождение гривен этого типа пока окончательно не выяснено. Не исключено, что они могли быть изготовлены в юго-восточной Прибалтике, но сходные изделия известны и в древностях Готланда (Stenberger 1947: abb. 12).

Древности X–XI вв. В X–XI вв. набор северо-европейских находок становится богаче. Несколько меняется на очерченной территории и ареал распространения изделий северо-европейских типов. Первое, что резко бросается в глаза, – появление их в большом количестве на Верхней Ловати, с которой мы и начнем обзор позднего пласта находок.

Памятники в верхнем течении р. Ловат. Как массовый материал северо-европейские изделия найдены в Городке на Ловати, где они обнаруживаются среди всех категорий инвентаря (оружие, бытовые предметы, украшения). Это единственный памятник в Половьяте и Верхнем Подвинье, где зафиксированы следы производства характерных для Скандинавии ювелирных изделий. Находки неоднократно анализировались в литературе (Горюнова 1974; 1978; 1988; 1991). Судя по изначально равному процентному сочетанию в нижних слоях памятника лепшой и гончарной керамики (Горюнова 1988: 70), Городок возникает не ранее второй четверти X в.

Распространение северо-европейских элементов древнерусской культуры в Верхнем Половьяте, начавшееся в десятом столетии, фиксируется по находкам в сельских регионах наборных односторонних гребней. На селище Борисоглеб такой гребень найден в комплексе X в. с лепшой керамикой (Александров 1988: 21; Александров и др.: 1988; Александров А-1986). Гребенка с узкой спинкой и выступами на украшенных поперечными нарезками концах накладок

относится к группе 2 по О. И. Давидан. В Старой Лодге подобные вещи встречаются не ниже горизонта D (Давидан 1962: 101), то есть после 920 г. Еще один гребень, на этот раз с футляром, происходит из погребения 2 кургана 4 могильника Дорохи V на озере Сенница близ истоков р. Ловат. Накладки гребня украшены по краю двойной бороздкой, их окончания орнаментированы поперечными нарезками. Изделие обставляется с гребнями 1 группы по классификации О. И. Давидан. Погребение в кургане было совершено по обряду трупоположения на подвеске в насыпи, сопровождалось гончарным сосудом и не может быть датировано временем ранее рубежа X–XI вв. (Штыхау 1992: 135). Похороны состоялись согласно местным традициям. Захоронения на подвеске в насыпи в XI в. практиковались древнерусским населением в области Северной Белоруссии.

Памятники в верхнем течении р. Западная Двина. В X в. изделия северо-европейских типов продолжают фиксироваться в районе Торопца, становясь, видимо, одним из основных очагов формирования древнерусской культуры в Верхнем Подвинье. В первую очередь следует упомянуть неорнаментированные подпрямоугольные костяные накладки с бронзовыми заклепками, возможно, от гребня группы 2 по О. И. Давидан, происходящие из погребения 2 кургана 45 уже упоминавшегося выше могильника Торопец 2 (Лесман 1987: 67).

Довольно редкая вещь обнаружена на селище Хачево (раскопки автора 1998 г.), расположенном на берегу одного из мелких правых притоков р. Кунья, к юго-западу от Торопца. Здесь в заполнении материковой ямы найден обломок круглой ажурной подвески из белого металла, украшенной орнаментом в «зверином стиле». На фрагменте сохранилась лапа «зверя», прижатая к обломку округлого ободка. Когтистая лапа с перекрестом орнаментирована двойным завитком. Ободок образован рядом перлов, окаймленных двумя тонкими рельефными линиями (рис. 4: 3). По-видимому, на подвеске были изображены зеркально симметричные, слетающиеся фигуры фантастических зверей. Украшение являлось образцом достаточно тонкой работы. Мы знаем на территории Древней Руси три аналогии, наиболее точная из которых (случайная находка) происходит из Сахновки на Киевщине (Ханенко, Ханенко 1902: Таб. XVII: 374). Похожее украшение найдены в погосте Дубровно Порховского уезда Псковской губернии, и во Пскове на Завеличье в грунтовом могильнике XI в. с трупоположениями (Ершова 1999: 85, 86). Аналогичные подвески в Скандинавии автору неизвестны. Не исключено, что данная композиция возникла в Восточной Европе, но и в этом случае её создателей, несомненно, вдохновляли образцы скандинавского «звериного стиля». В Хачево из сопровождающих находок в верхних пластах ямы, имеющих значение для датировки подвески, можно указать глазчатую бусину черного стекла, мозаичную бусину в виде куба со срезанными углами, двучастные «димонки» (две желтые и синяя), рифленую пронизку прозрачного стекла, белую пронизку с коричневыми продольны-

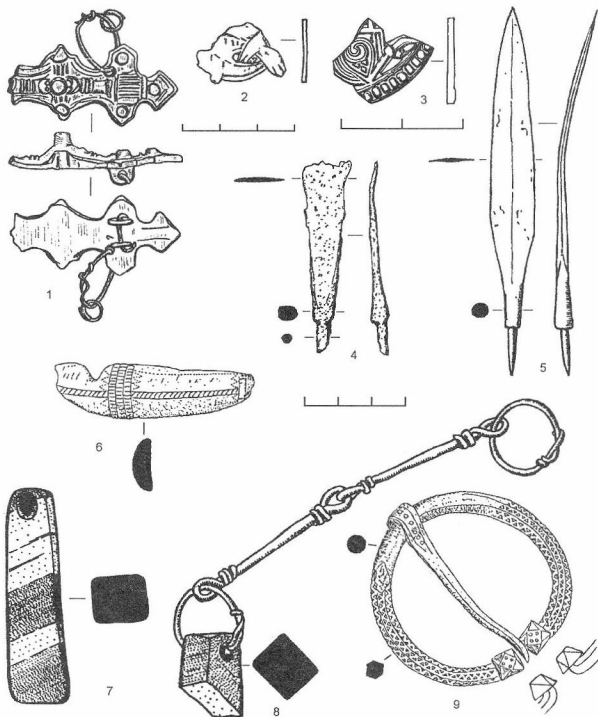

Рис. 4. 1 – равноплечная фибула (приобретена в 1905 г. И. С. Абрамовым в д. Клименки, Смоленская обл., Руднянский р-н); 2, 4 – находки с поселения в ур. Юрьевы Горы (Псковская область, Усвяцкий район); 3 – находка с селища Хачево (Псковская область, Куньинский район); 5 – городище Анашкино (Псковская область, Куньинский район); 6, 9 – находки из погребения курганного могильника Усвяты II (пос. Усвяты, Псковская область, Усвяцкий район); 7 – находка из ур. Юрьевы Горы (?) (Псковская область, Усвяцкий район); 8 – фрагмент оселка из кургана 10 могильника Литвиново (Смоленская область, Смоленский район).
1, 2, 6, 9 – бронза, 3 – белый металл; 4–5 – железо; 7 – ленточный шиферный сланец; 8 – ленточный шиферный сланец, железо.

Fig. 4. 1 – equal-arm fibula (acquired in 1905 by I. S. Abramov in v. Klimenki, Smolensk Oblast, Rudnyansky Region); 2, 4 – finds from the settlement-site in the *urochishche* of Yuryevy Gory (Pskov Oblast, Usvyatsky Region); 3 – find from the settlement-site of Khachevo (Pskov Oblast, Kunyinsky Region); 5 – find from the townsite of Anashkino (Pskov Oblast, Kunyinsky Region); 6, 9 – finds from a grave in kurgan cemetery of Usvyaty II (v. Usvyaty, Pskov Oblast, Usvyatsky Region); 7 – find from the *urochishche* of Yuryevy Gory (?) (Pskov Oblast, Usvyatsky Region); 8 – fragment of whetstone of banded slate from kurgan 10 at the cemetery of Litvinovo (Smolensk Oblast, Smolensky Region).
1, 2, 6, 9 – bronze, 3 – white metal; 4–5 – iron; 7 – banded slate; 8 – stone, iron.

ми полосками, желтый, синий и черный бисер. Набор бус указывает на принадлежность напластований к X–XI вв.

Неподалеку от Хачева, на городище раннего железного века Анашкино, найдена данетовидная стрела (рис. 4: 5). Рядом с городищем известен курганный могильник и средневековое селище с лепной керамикой. Отсутствие на городище древнерусской гончарной керамики позволяет датировать находку, скорее всего, первой половиной X в. (Короткевич А-1997).

Интереснейшая группа изделий попала в руки археологов в 1961 г. при разработке карьера на северном берегу оз. Зеликовье (Корзухина 1964). В отвале карьера оказалось бронзовое блюдо восточной работы со следами ремонта, скорлупообразная скандинавская фибула (рис. 5: 1) и два обломка массивного железного стержня, украшенные медными гранчатыми бусинами с чеканным орнаментом (рис. 5: 2)¹⁰. Скорлупообразная фибула типа 52 по Я. Петерсену (Peterson 1928: 68), золоченая и некогда украшенная инкрустациями, датируется по скандинавским аналогам X в.

Толщина железного стержня, квадратного в сечении, составляет до 1 см, первоначальная длина орудия более 0,57 м. В настоящее время опубликована ещё одна аналогичная находка из Восточной Европы, происходящая из Гнездова и датированная авторами раскопок X в. (курган Лб-1) (Путь из варяг в греки 1996: 64). Железные стержни с гранчатыми бусинами, в той или иной степени схожие с торопецким, довольно часто встречаются в Скандинавии и неоднократно становились предметом внимания исследователей (Arbman 1940; Petersen 1951; Bøgh-Andersen 1999; Price 2002). Назначение этих изделий не может пока считаться окончательно выясненным. По типологии, разработанной для них S. Bøgh-Andersen (считающей их вертелами), торопецкая находка стоит ближе всего к типу III и, характерному преимущественно для территории Норвегии (Bøgh-Andersen 1999: 114). Две находки, принадлежащие к этому типу, зафиксированы в Исландии, одна – в Средней Швеции (Price 2002: fig. 3.76). Большинство изделий такого рода происходит из женских погребений IX–X вв., что указывает на то, что вещи как-то связаны с кругом занятий зажиточных женщин. Существует взгляд нарядные металлургические стержни как на жезлы, использовавшиеся в магических ритуалах (Price 2002: 186–191).

Хотя человеческих останков при обследовании карьера близ оз. Зеликовье и не было замечено, можно с большой долей уверенности предположить, что сделанные на этом месте находки связаны с погребением знатной женщины скандинавского происхождения. Вопрос о расположении поселения, с которым связано погребение, к сожалению, прояснить пока не удалось.

Памятники в бассейне р. Усвяча. Следующая группа изделий десятого века из Верхнего Подвьяжья, типологически связанных с Северной Европой, происходит из среднего течения р. Усвячи (правый приток Западной Двины). В 1988 г. А. М. Микляев проводил исследования стоянки Усвяты II на территории пос. Усвяты, причем в раскоп вошли оставшиеся от разрушенных курганов отдельные участки трех кострищ (Микляев А-1988; 1991). На одном из них обнаружено несколько скопленных пережженных костей, лепная керамика и бронзовая фибула (рис. 4: 9). В пределах огнища находилась яма, заполненная кальцинированными костями. На втором кострище также найдена лепная керамика и кальцинированные кости. Отсюда происходит обломок бронзового ладьевидного браслета¹¹. Сложно сказать, относятся ли найденные кострища и вещи к одному кургану или же к двум. От браслета (рис. 4: 6) уцелела лишь центральная часть, сильно оплавленная. Сохранились поперечный тройной и одиночный валики, покрытые косой насечкой, и такой же продольный валик. Помимо этого, браслет был украшен орнаментом в виде зигзагообразных и прямых линий, состоящих из рядов насечек, нанесенных продолговатым в сечении чеканом¹². В IX–XI вв. различные варианты таких браслетов бытовали в Швеции, Финляндии, северо-западной России (Arne 1934: 30, Taf. IX: 7; Arbman 1940: taf. 109: 5, 6; Левашова 1967: 243; Янссон 1999: 26).

Фибула подковообразная с гранчатыми головками в виде усеченной пирамиды со срезанными углами. На верхних гранях головки выбит орнамент из четырех симметрично расположенных точек. Дуга шестигранная в сечении, с чеканным рисунком «волчий зуб». Участок кольца, находящийся напротив головки, лишен орнамента. Кольцо иглы украшено продольными гравированными линиями и отпечатками круглого штампа. Подобные вещи представляли общепольскую группу украшений. В IX–X вв. фибулы близких форм известны в Финляндии и Швеции (Salmo 1956: 30–35; Янссон 1999: 28), в частности, сходная по орнаментации, но более массивная фибула с железной иглой происходит из могилы 985 Бирки (Arbman 1940: Taf. 53:4). Отдельные экземпляры фибул могут, вероятно, относиться к началу XI в. (Хвоцинская 1999: 42). На территории Руси находки этих изделий характерны для культурных слоев и некрополей таких раннегородских центров и регионов, как Рюриково Городище и Гнездово, Ярославское Поволжье и Юго-Восточное Приладожье (Мальм 1967: 159, рис. 23; Хвоцинская 1999: 40, рис. 1).

Известна серия вещей из культурного слоя древних Усвят (ур. Юрьевы Горы в 3 км к югу от могильника Усвяты II на западном берегу оз. Усвятское). Среди случайных находок с Юрьевых Гор, в первую очередь, привлекает внимание небольшой, квадратный в сечении оселок из ленточного шиферного слан-

¹⁰ Вещи хранятся в ГЭ, ОАБЕС, № 2300/1-3.

¹¹ Коллекция хранится в ГЭ, ОАБЕС, № 2889/1, 2.

¹² Некоторая небрежность нанесения чеканного орнамента позволяет предположить, что по изначальному замыслу мастера поверхности украшения, не занятые валиками должны были остаться гладкими, а чеканка нанесена опытной рукой позднее.

ца¹¹. На камне оселка в диагональном направлении чередуются лиловые, светло-коричневые и бледно-зеленые прожилки (рис. 4: 7). Судя по характерной сработанности краев отверстия, оселок носился на металлическом колыце. Точильные бруски, изготовленные в этой же манере из цветного слоистого сланца, широко известны в X в. в Швеции. Имеются среди них и вещи, изготовленные из камня сходных оттенков. Часто подобные оселки находят в богатых захоронениях мужчин-воинов (смотри, например, Stolpe, Agne 1927: 34, pl. XXV: 9). Изделия, наиболее близкие, на наш взгляд, усвятскому оселку, происходят из погребений Бирки – 644 и 708 (Arbman 1940: Taf. 188). Самый поздний из известных нам оселков такого рода найден в кургане 4 могильника Фрескати (Frescati) на территории современного Стокгольма. В состав погребального инвентаря мужского захоронения по обряду труположения входила монета, чеканенная в Магдебурге в 1010–1020 гг. (Thelin-Bergman 1984: 22–23). Вообще же в Северной Европе оселки из полосатого сланца в X в. были очень популярны, они встречаются на обширной территории от Финляндии (Kivikoski 1973: taf. 109) и Юго-Восточного Прибалтия вплоть до норманнского города Йорвика (Hall 1984: 91). В Верхнем Поднепровье похожие вещи использовались жилищной частью населения Гнездова. Близкое изделие известно в кургане 11 Заолышанской группы, содержавшем камерное погребение X в. (Каменецкая 1991: 144, рис. 5: 9)¹². Еще одна опубликованная находка связана с богатым камерным захоронением воина в Днепровском курганном могильнике Гнездова. Оселок, найденный в кургане Дн-4, датируется второй половиной X в. (дендродата бревен погребальной камеры – 975 г.) (Avdusin, Puškina 1988: 29–30, fig. 6: 11)¹³.

Небольшие по объему раскопки на Юрьевых Горах были осуществлены Р. С. Минасином в 1970 г. Среди находок оказался обломок ланцетовидной стрелы типа 62 по А. Ф. Медvedеву (рис. 4: 4)¹⁴. Подъемный материал с Юрьевых Гор так же, как и небольшая коллекция, происходящая из раскопок Р. С. Минасины, не дает пока оснований для датировки памят-

ника временем более ранним, чем вторая половина X в. (Еремеев 1997а: 269).

Любопытна найденная где-то в Усвятах ажурная пластинка из белого металла, на которой прослеживается орнаментация в виде тесно переплетенных полос, украшенных продольными и поперечными линиями (стиль Борре?) (рис. 4: 2). Перед нами незначительный фрагмент неопределенного украшения, который оказался сильно сплюснут уже после того, как был отломан¹⁵. Нельзя даже предположительно определить тип изделия, к которому он относился.

Памятники Днепро-Двинского междуречья. Переносим внимание на древности Днепро-Двинского междуречья, в первую очередь обратимся к Витебску. Вопрос датировки его нижних напластований очень запутан. Массовый материал из раскопок на Нижнем Замке (главным образом, стеклянные бусы) не позволяет относить культурный слой ко времени ранее X в. (напластования V–VII вв. мы здесь не учитываем) (Штыхов 1969; Бубенько 2001: 154–156; Бубенько, Левко 2003: 72–74). В то же время, ввиду недавних находок в раскопках Т. С. Бубенько гребней первой группы по О. И. Давидан (особенно уже упоминавшегося маленького гребня – рис. 6: 1, аналогичного изделию, найденному в заполнении рва Рюрикова Городища), нужно признать, что пока рано отрицать наличие в Витебске напластований рубежа IX и X вв. (Бубенько, Левко 2003: рис. 5: 1, 2)¹⁶.

Набор изделий североевропейского круга, который дает культурный слой Витебска, достаточно выразителен (рис. 6). Отсюда происходит поврежденный бронзовый ладьевидный браслет с зигзагообразным орнаментом (тип 184 по Я. Петерсену), найденный при раскопках О. С. Бубенько в восточной части Нижнего Замка (рис. 6: 3) (Бубенько 1996: 42)¹⁷. Подобные вещи известны в Скандинавии в IX–X вв. Обычной находкой являются односторонние составные наборные гребни группы 2 по О. И. Давидан. Всего в культурном слое Витебска найдено более десятка таких изделий¹⁸. Упомянем две ланцетовидные стрелы типа 62 по А. Ф. Медvedеву, известные по раскопкам Г. В. Штыхова (Штыхов 1978: рис. 45: 5, 8). Одна из них хранится в Витебском музее (рис. 6: 4)¹⁹.

¹¹ По сведениям усвятского красвельда А. Л. Пайкова, предмет найден в ур. Юрьевы Горы. Хранится в красвельдском музее пос. Усвяты, МУШ-625.

¹² Курсы Гнездова нам известны еще одна находка из Верхнего Поднепровья, дающая представление о том, как мог носиться оселок из Усвяты. Это обломок изделия из зеленоватого камня на железной коленчатой шпичке, происходящий из курганных раскопок А. С. Уварова в Л. Литвиново, бывшего Смоленского уезда (ГИМ, оп. 2363, № 1) (рис. 4: 8). Можно также указать находку аналогичного оселка из Владимирских курганов (Дубов 2001: 151) и с территории Черниговщины (Шваденко село 1997: рис. 33: 17). Все указанные регионы отмечены несомненным скандинавским присутствием.

¹³ Оселок из кургана Дн-4 имеет другую цветовую гамму – он желто-серый (Avdusin, Puškina 1988: 26).

¹⁴ ГЭ, ОАБЕС, ЮГ-70/48.

¹⁵ Хранится в Усвятском красвельдском музее. УКМ № 755.

¹⁶ Гребни находятся в Витебском областном краеведческом музее (ВОКМ) (КП 23366/41; КП 23366/34). Пропорции маленького витебского гребня (КП 23366/41): длина 8,4 см, ширина 3,6 см. Размеры гребня, найденного на Городище: длина 8,2 см, ширина 3,6 см (Носов 1990: 73). Некоторые различия имеются лишь в расположении элементов кружкового орнамента. Создается впечатление, что гребни изготовлены по одному шаблону.

¹⁷ Хранится в ВОКМ (КП 22252/16).

¹⁸ Два гребня происходят из раскопок Г. В. Штыхова. Один из них находится в экспозиции ВОКМ (КП 17208/26). Там же хранятся 3 гребня из раскопок Т. С. Бубенько 1997 г. (КП 23366/40; КП 23366/35; КП 23366/36), футляр гребня из раскопок того же исследователя (КП 22148/12). В экспозиции демонстрируются также два гребня 2 группы из раскопок О. Н. Левко и один гребень из раскопок Л. В. Коледникова на Верхнем Замке (всего там найдено 4 подобных изделия) (Коледникова 1991: 16).

¹⁹ ВОКМ (КП 17208/132). Еще один аналогичный наконечник из коллекции музея найден, по мнению хранителя Н. Ю. Шарковской, на скрытом Витебском городище.

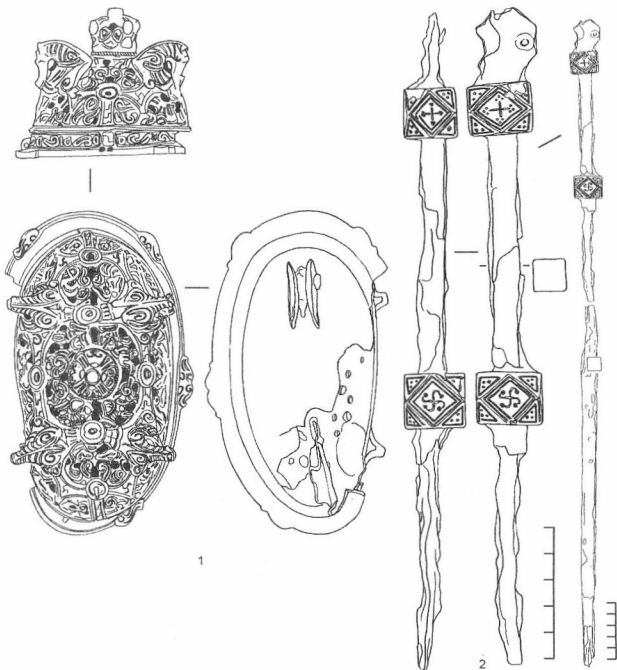

Рис. 5. Находки из погребения (?) с северного берега оз. Зеликовье (Тверская область, Торопецкий район): 1 – бронза, позолота; 2 – железо, бронза.

Fig. 5. Finds from a burial (?) on the northern bank of Lake Zelikoye (Tver Oblast, Toropetsky Region): 1 – bronze, gilded; 2 – iron, bronze.

Из материалов Нижнего Замка обращает на себя внимание железное кольцо с заходящими концами из частично перекрученного четырехгранного дрота с подтреугольной, сильно коррозированной, железной подвеской из раскопок Г. В. Штыхова 1964 г. (рис. 6: 2). Изделие найдено в раскопе 2 на уровне пласта 19, в слое X в. с лепной и гончарной керамикой (Штыхов А-1964: л. 16, рис. 20). Не исключено, что перед нами

скандинавский амулет с «молоточком Тора»²². Такие небольшие амулеты в средневековой Швеции иногда нанизывались на железные шейные гривны.

В 2001 г. хранителем Витебского музея Н. Ю. Шарковской среди случайных депаспортизованных вещей, принесенных в музей неизвестными местными жителями, обнаружен сломанный каролингский меч (Дзярновіч, Плавінскі, Шаркоўская 2003: 268)²³. При

²² Хранится в Национальном музее истории и культуры Беларуси, 14607/15.

²³ Хранится в ВОКМ (КП 23939).

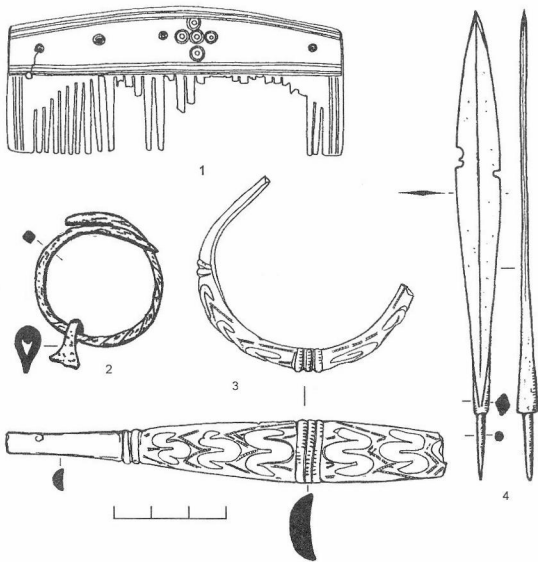

Рис. 6. Находки из Нижнего Замка Витебска. 1, 3 – вещи из раскопок Т. С. Бубенько; 2, 4 – находки из раскопок Г. В. Штыхова. 1 – кость; 2, 4 – железо; 3 – бронза.

Fig. 6. Finds from the Lower Castle in Vitebsk. 1, 3 – excavated by T. S. Buben'ko; 2, 4 – excavated by G. V. Shtykhov. 1 – bone; 2, 4 – iron; 3 – bronze.

любезном содействии Н. Ю. Шарковской нам удалось осмотреть и зарисовать меч (рис. 7). Оружие относится к типу H по классификации Я. Петерсена (Petersen 1919: 89–91). Общая длина уцелевшей части – 40,5 см, длина рукояти, сохранившейся целиком, 14 см. Навершие и перекрестие хранят следы тонкого геометрического орнамента в виде параллельных вертикальных линий, предназначавшихся для инкрустации серебром или, что более вероятно в данном случае, латунью. Сама инкрустация утрачена. Перекрестие сверху и снизу выложено латунным (?) листом. На рукояти сохранились следы деревянной обкладки.

На одной из сторон лезвия меча заметно латинское клеймо, выполненное в технике дамаскировки – инкрустации отрезками жгута из перекрученной железной и стальной проволоки. Буквы клейма выкропились, оставив в доле глубокие впадины, на дне

которых в слое коррозии сохранились косые отпечатки перекрученных нитей. Именно последнее обстоятельство позволяет прочесть надпись на нерасчищенном клинке. В нынешнем состоянии меча она читается как «VLFBERNH». Остается неясным оформление начала надписи. На оборотной стороне клинка также можно различить плохо сохранившийся знак в виде диагонально пересекающихся линий. Со стороны перекрестия диагональный орнамент был ограничен двумя вертикальными чертами. Оформление другого конца орнаментированного участка не сохранилось, вероятно, оно было аналогичным. Лезвие меча сломано, возможно, ещё в древности. Кроме того, в двух местах имеются следы современных ударов, сильно повредивших клинок и клеймо.

Место и обстоятельства обнаружения меча неизвестны. Он никогда не подвергался реставрации или

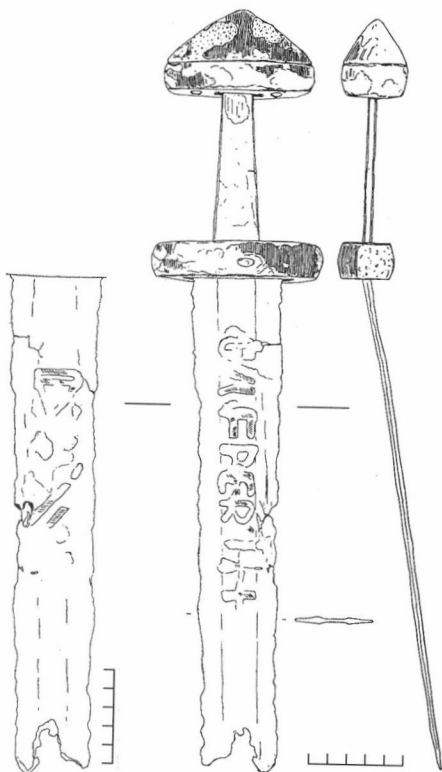

Рис. 7. Меч из Витебского музея. Витебская область (?). Железо, латунь (?).

Fig. 7. Sword from the Vitebsk Museum, Vitebsk Oblast (?). Iron, brass (?).

простой чистке – на навершии сохранилась толстая корка окисла с примесью песка. Поверхность окисла на рукояти и лезвии несколько замыта, что позволяет предположить, что лежавший в песке меч долго подвергался действию текучей воды. По-видимому, ору-

жие происходит со дна реки. Меч явно был принесен в музей не кладоискателем. Состояние находки говорит о том, что она не долго переходила из рук в руки и попала в музей вскоре после извлечения из песка. Все это позволяет предположить, что меч найден где-то

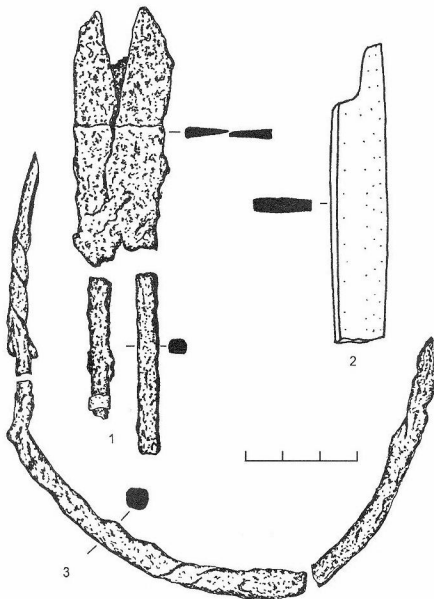

Рис. 8. 1, 2 – находки из погребения в кургане 2 могильника Коленидово (Тверская область, Жарковский р-н); 3 – шейная гривна из погребения в кургане 2 могильника Старое Село (Беларусь, Витебская область, Витебский район). 1 – железо, бронза; 2 – камень; 3 – железо.

Fig. 8. 1, 2 – finds from a grave in kurgan 2 at the cemetery of Kolenidovo (Tver Oblast, Zharkovsky Region). 3 – Neck ring. V. Staroye Selo, Belarus, Vitebsk Oblast, Vitebsky Region. Kurgan 2. 1 – iron, bronze; 2 – stone; 3 – iron.

в районе Витебска. Поэтому мы рассматриваем его вместе с другими североευропейскими артефактами из бассейна Западной Двины. Мечи типа Н с вышеописанной маркировкой обычно связываются происхождением с Рейнской областью и датируются концом IX – началом XI в. (Кирпичников, Толин-Бергман, Янссон 2000: 105).

Ещё одним пунктом в окрестностях Витебска, на который мы хотели бы обратить внимание, является курганная группа у д. Старое Село. Первые раскопки курганов здесь провел в 1872 г. М. Ф. Куцинский

(Указатель... 1893: 159). В кургане 2, содержащем четыре труположения, на одном из костяков была найдена железная шейная гривна, перекрученная в нескольких (неясно – двух или трех) местах²⁴. Изделие сильно проржавело, часть его утрачена, поэтому диаметр гривны и характер оформления замка остаются неясными (рис. 8: 3). Погребение сопровождалось также ожерельем из зеленого и желтого мелкого, сильно иризованного бисера. Курган следует датировать XI–XII вв. Железные шейные гривны появляются в Восточной Европе вместе с выходцами

²⁴ Находки хранятся в ГИМ, оп. 642, № 1,2.

из Скандинавии в середине VIII в. и в дальнейшем, видоизменяясь, бытуют в древнерусской культуре вплоть до XII в. (Novikova 1992). Поздняя дата погребения свидетельствует о том, что в данном случае мы имеем дело уже, вероятно, с локальными отголосками скандинавской традиции.

В восточной части Днепро-Двинского междуречья с Северной Европой следует связывать редкие находки, сделанные в курганном могильнике *Коленидово* в бассейне Мёжи, одного из крупнейших притоков Двины. Нам интересны курганы 2 и 3, раскопанные М. Ф. Кузнецким в 1874 г.

Курган 2, согласно описанию автора раскопок, имел окружность (не диаметр!) 32 арш. и высоту 2 арш. В центре кургана найдено пять золы с примесью кальцинированных костей, на которые помещен был горшок с остатками трупосожжения. Горшок имел «рубчатый бережок» (то есть, лепной, видимо, сосуд имел насечку по краю венчика) (Указатель... 1893: 124). Рядом с горшком среди костей и золы лежал очень аккуратно сделанный каменный оселок из мелководистой породы (рис. 8: 2). Из этого кургана происходит плохой сохранности (фрагментированные, с прилипшими углями и кусочками кальцинированных костей) миниатюрные пружинные ножицы с бронзовыми накладками на стержнях (рис. 8: 1)²⁵.

Маленькие пружинные ножицы с бронзовыми накладками встречаются в слоях IX–XI вв. древнерусских городов и торгово-ремесленных поселений. Аналогичные находки мы можем указать в слоях второй половины IX–X на Рюриковом городище и городище *Георгий* в Ильменском Поозерье (Носов 1997: 207). Для погребального инвентаря смоленских длинных курганов такие вещи не характерны. В Скандинавии небольшие ножицы с накладками из цветного металла, будучи подвешенными к фибулам, составляли, вместе с маленькими оселками, иглы и другими миниатюрными орудиями труда, часть женского наряда (Янссон 1999: 26, 27). Небольшие украшенные бронзой ножицы часто встречаются в Швеции в погребениях женщин. Известны подобные изделия и в курганах Гнездова X в. (Каменецкая 1991: рис. 3).

Курган 3 имел в окружности 42 аршина, достигая высоты 2 1/2 аршина. Найдена урна с кальцинированными костями, среди которых обнаружены обломки бронзовых предметов (рис. 9: 1, 2). Особенно интере-

сен один из них, — видимо, часть сильно пострадавшей от огня бронзовой оковки навершия ножен. Они принадлежали довольно массивному, судя по длине оковки, клинку (рис. 9: 1)²⁶. Сохранилась только оконечность навершия ножен и примыкающая к ней боковая крошка с прикрепленным внутри сердечником. К деталям ножен относится, видимо, и найденное здесь же небольшое бронзовое кольцо (рис. 9: 2)²⁷.

Если наша интерпретация находки верна, — наконечник принадлежит к редкому типу. Дело в том, что большинство навершия ножен боевых ножей, найденных в Скандинавии, Прибалтике и на Руси, изготовлено из перегнутой пополам тонкой бронзовой пластины. Из длинной узкой полоски бронзы делается и сердечник, который предохранял ножны от порезов клинком. Сердечник клался вдоль края ножен между полосками кожи и пробивался заклепками. Изготовленные подобным образом наконечники ножен скрамасаксов известны в Х в. в Бирке (погребения 581, 834, 944) (Arbman 1940: Taf. 6) и в Гнездове, например, в уже упоминавшемся выше кургане 11 Зоальшанской группы (Каменецкая 1991: 165, рис. 5: 2). Наконечник из Коленидово был отлит целиком, а не согнут из листа. Такие изделия в указанное время в Скандинавии тоже бытовали. В качестве самой яркой, хотя и отдаленной аналогии, можно привести неоднократно публиковавшийся наконечник ножен из Вендле (Vendle, приход *Tortuna, Västmanland*) (рис. 9: 4) (Kunzl. Vitterhets 1903–1905: 245; Olsén 1945: abb. 310)²⁸. Известны в Швеции и скромные неорнаментированные изделия, более близкие находке из Коленидово, например, наконечник ножен скрамасакса из Вестерак (Västerås stad, Tynby, приход *St Ilans*) (рис. 9: 3)²⁹.

В погребениях Коленидова не обнаружено каких-либо предметов, характерных для смоленских длинных курганов. По-видимому, они близки гнездовским древностям. Появление подобного могильника на Мёже — на кратчайшем пути, ведущем с Западной Двины в Ржевское Поволжье и на Воль, заслуживает самого пристального внимания.

В X в. веди североευропейского происхождения продолжают поступать в бассейн *Каспли*. Каролингский меч типа Е по Я. Петерсену, был случайно найден близ городища Рокот близ истоков р. Рутавель. Оружие датировано широко — IX–X вв. (Киричников 1966: 80, 81; Булкин 1977: 101, 102). По непроверен-

²⁵ Хранится в ГИМ, оп. 1706, № 17. С могильником в литературе связано изрядное количество ошибок. В указателе выставки ножицы обозначены как «железная пластина со стержнем на одном конце и выемкой на другом» (Указатель... 1893: 124). В каталоге В. С. Нефедова ножицы фигурируют как «предмет» (Нефедов 1999: 100). В описи ГИМ изделие отнесено к кургану 1. Это явная ошибка — курган 1, раскопанный в том же году, содержал труположение, а состояние ножицы не оставляет сомнений в их принадлежности к сожжению. Часть стержня тех же ножицы числится в коллекции, принадлежащей кургану 2, что и дало давнюю ошибку в названии памятника, фигурирующего во всех публикациях под названием «Комнидово». Такой деревня на карте нет. Населенный пункт, к которому приурочен могильник, носит название «Коленидово». Именно так он назван И. С. Абрамовым, проводившим здесь раскопки после М. Ф. Кузнецкого. Ошибка произошла ещё в XIX в. при початом воспроизведении рукописи М. Ф. Кузнецкого.

²⁶ Хранится в ГИМ, оп. 1706, № 20, 21. Предмет также не был описан составителями первых каталогов музея, ошибка которых была повторена В. С. Нефедовым, в каталоге которого обломки наконечника числятся как части бронзового бубенчика (Нефедов 1999: 100).

²⁷ Хранится в ГИМ, оп. 1706, № 22.

²⁸ Хранится в Стокгольмском Государственном Историческом музее (SHM 12612).

²⁹ Хранится в Стокгольмском Государственном Историческом музее (SHM 19732).

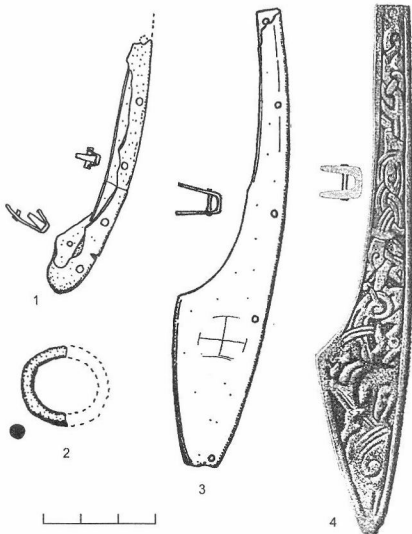

Рис. 9. 1, 2 – находки из погребения в кургане 3 могильника Коленидово (Тверская область, Жарковский р-н); 3, 4 – наконечники ножен боевых ножей из Швеции: Вестерас (Västerås stad, Tunby, приход S:t Ilians, Västerås) и Вендле (Vendle, приход Tortuna, Västmanland).
1–4 – бронза.

Fig. 9. 1, 2 – finds from a grave in kurgan 3 at the cemetery of Kolenidovo, Tver Oblast, Zharkovsky Region; 3, 4 – chapes from scabbards of battle knives from Sweden: Västerås stad, Tunby, S:t Ilians sn., Västerås and Vendle, Tortuna sn., Västmanland.
1–4 – bronze.

ным данным, вместе с мечом найден был шлем, пряжка, игральная кость и обломки гвоздей (Шмидт 1983: 39). Комплекс близок воинским погребениям Гнездова и вряд ли датируется временем ранее X в. Серия скандинавских находок происходит из культурного слоя городища, исследуемого в настоящее время В. С. Нефедовым. Их датировка пока неясна.

Ряд находок, связанных с Северной Европой, обнаружен в курганном могильнике Заозерье. Ланцетовидный наконечник стрелы известен из кургана 67. Находка не опубликована, тип наконечника неизвестен (Шмидт 1969: 65; 1983: 25). Погребение содержало, помимо стрелы, лепную урну. Точной датировки захоронение не имеет и может быть отнесено к IX–X вв.

Бронзовая равноплечная фибула типа 58 по Я. Петерсену сопровождала захоронение в кургане 68

(Шмидт А-1988: л. 37). Судя по присутствию в погребении литого трехдырчатого цепедержателя (не встречаются в захоронениях VIII–IX вв.) и плетеной пещочки – курган 68 может быть датирован X в.

Ко второй половине IX–X вв. следует отнести погребения с гребнями фризско-скандинавских типов из того же могильника. Односторонний составной гребень (в обломках), с накладками, украшенными кружковым орнаментом и бороздкой по краю, известен в погребении 1 кургана 52 (Шмидт 1984: 102). Мелкие фрагменты позволяют предположительно отнести изделие к группе 1 (тип 1в) по О. И. Давидан, выпадающей в Старой Ладоге в горизонты E₁-D (865–990-е гг.) (Давидан 1968: 56, 57). Еще один гребень (также фрагментированный) происходит из погребения 2 кургана 64 (Шмидт 1986: 85; АКР 1997: рис. 101: 24). Накладки гребня имеют орнамент

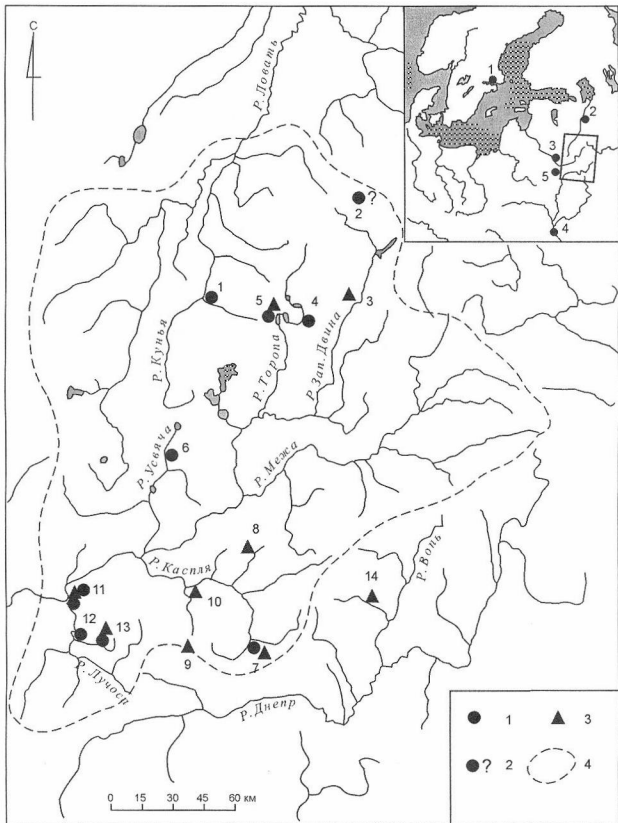

Рис. 10. Изделия североевропейских типов, клады куфического серебра в Верхнем Подвinnie и Двинско-Ловатском междуречье в IX – начале X вв.

Условные обозначения: 1 – клады; 2 – клады, точное место находки которых неизвестно; 3 – изделия североевропейских типов; 4 – граница области водосбора верховьев Западной Двины и Lovати.

На карте обозначены: 1 – Пальцево; 2 – граница Псковской и Тверской губерний; 3 – Ерохино (ур. Красный ручей); 4 – Набатово; 5 – Торонец; 6 – Глазуново; 7 – Кислые; 8 – Шугайлово; 9 – Заозерье; 10 – Клименки; 11 – Вигтебск; 12 – Суходрево; 13 – Добрино; 14 – Городок.

На врезке обозначены: 1 – Бирка; 2 – Рюрикovo Городище; 3 – Полоцк; 4 – Киев; 5 – Брили.

из вертикальных двусоевных врезных линий и кружков, расположенных по краям линий попарно. Кромки накладки украшены двойной бороздкой. Гребень, похоже, относится к тому же типу, что и предыдущий. Ближайшие аналоги происходят из горизонтов Е₁-Д₁ восточной Старой Лядоги (Давидан 1968: 56), то есть датируются временем около 865–970-х гг.

В погребении 4 удлиненного кургана 63 того же могильника (Шмидт 1983: 104) в состав инвентаря входила бронзовая фибула с гранчатыми головками и орнаментом «волчий зуб», а также пережженные фрагменты составного гребня с узкими накладками. Толщина спинки гребня примерно равнялась ширине накладок. На некоторых их фрагментах сохранился орнамент в виде зигзага из двусоевных бороздок. Накладку окаймляет одинарная бороздка. Гребень близок группе 2 по О. И. Давидан. При погребении обнаружена многоцветная продольно-полосатая пронизка, относящаяся к группе VIII, подгруппе 2 по З. А. Львовой. В Старой Лядоге такие бусы характерны преимущественно для горизонтов толщи Е (вторая половина VIII – начало X вв.) (Львова 1968: 85; Рыбинин 1982: 171), хотя встречаются и позднее.

Могильник Шугайлово также дает материал X в. Фрагменты подпрямоугольных накладок от футляра одностороннего наборного гребня группы 2 по О. И. Давидан найдены в погребении 2 кургана 3 (Шмидт 1982: 59). Накладки вертикальными бороздками разделены на сектора, заполненные орнаментом из перекрывающихся линий.

Еще одну позднюю находку в Днепро-Двинском междуречье дает, возможно, курганная группа у д. Саки. Изделие из железного перекрученного дрота, напоминающее гривну, происходит из раскопок И. С. Абрамова (групповое положение в кургане 60) (Спицын 1906: 202). Обломок этого изделия хранится в Эрмитаже, однако, из-за небольших размеров трудно уверенно связывать его именно с гривной.³⁰

Североевропейские находки в Верхнем Подвине и клады кувических монет. Дополнить наши представления о направлении и хронологии древнерусских путей сообщения Верхнего Подвинья помогает сопоставление географических ареалов ранних находок скандинавских изделий и кладов кувического серебра, а также немногочисленный восточный импорт.

Клады второй четверти IX – первой четверти X вв. совпадают с ареалом синхронных скандинавских находок или же составляют с ними комплексы – Доброно, 842 г. (Рябцевич 1965: 121–160; Кропоткин 1971: 92 – № 169), Кислые, вторая четверть IX в. (Шмидт 1969: 63–65; Потин 1970: 76; Кропоткин 1971: 85 – № 92), Торопец, 867 г. (Корзухина 1964: 305–307; Кропоткин 1971: 81), Пальшево, 914 г. (Фасмер 1929: 292 – № 42; Янин 1956: таб. II; Кропоткин 1971: 80 – № 33; Лесман А-1980). К этой же группе предположительно можно отнести утраченные клады, где определены всего 2–4 монеты – Витебск, 833 г. (Кропоткин 1971: 92 – № 173), Глазуново, 823 г. (Алексеев 1980: 75; Еремеев 1997б: 69–70), Набатово, 816 г. (Фасмер 1929: 292 – № 41; Кропоткин 1971: 80 – № 32), Граница Псковской и Тверской губерний, 896 г. (Марков 1910: 39 – № 213), а также клад, найденный на р. Лучосе в имении Суходрово, отнесенный Г. Ф. Корзухиной к IX – началу X вв. на основании входивших в состав клада шейных гривен (Сементовский 1890: 77; Корзухина 1954: 80).

Сходную панораму, на которой совпадают ареалы сокровищ и находок вещей североевропейских типов, мы видим и в более позднее время – в X–XI вв.³¹ Появление варяго-русского населения на Верхней Ловати и в Полоцко-Витебском Подвинье (последнее известно преимущественно по письменным источникам) синхронно выпадению серии кладов – Городище, 977 г. (Савельев 1847: 22–23 – № 11; Марков 1910: 35, 36 – № 203), Козьянки, 943 г. (Рябцевич 1974: 380; Археология... 1993: 293; Добровольский, Рябцевич 1999: 295–296) и Струнь, 973 г. (Марков 1910: 136 – № 2; Милотин 1992: 31, 32). Картину этого времени дополняют известные находки восточного импорта – кувшин с литевским изображением из окрестностей Великих Лук (Уваров 1910: 103, 104; Даркевич 1976: 51) и уже упоминавшееся бронзовое блюдо из разрушенного женского погребения (?), найденное вместе со скандинавскими изделиями близ Торопца (Даркевич 1976: 51, 52).

Некоторые сельские древности Верхнего Поднепровья и их значение для хронологии «волока» в бассейне Западной Двины. Завершая наш обзор, нужно упомянуть об отдельных скандинавских находках из сельских регионов Верхнего Поднепровья. Рассмотрение некоторых из них очень важно для пони-

Fig. 10. Objects of North European types and hoards of Kufic silver of the 9th – early 10th century in the upper Dvina area and the zone between the Dvina and Lovat rivers.

Notations: 1 – hoards; 2 – hoards with the exact sites of their find unknown; 3 – objects of North European types; 4 – boundary of the water collection area of the upper reaches of the Western Dvina and Lovat rivers.

Marked on the map: 1 – Paltsevo; 2 – border between Pskov and Tver provinces; 3 – Yerokhino (urochishche of Krasnyi Ruchey); 4 – Nabatovo, 5 – Toropets; 6 – Glazunovo; 7 – Kislye; 8 – Shugaylovo; 9 – Zaozerje; 10 – Klimentki; 11 – Vitebsk; 12 – Sukhodrovo; 13 – Dobrino; 14 – Gorodok.

In the inset: 1 – Birka; 2 – Rytarikovo Gorodishche; 3 – Polotsk; 4 – Kiev; 5 – Brill.

³⁰ ГЭ, ОАВЕС, № 812/590.

³¹ Клады X–XI вв., отмеченные на рис. 11, известны в научной литературе. Исключение составляет клад (?), найденный у д. Аполен (Новгородская область, Холмский район), поэтому о нем мы пишем особо. В 2000 г. при грабительских раскопках местными жителями в насесте № 3 курганной группы Аполен 1 найдено 11 монет (никаких вещей при этом не обнаружено). Одна из монет была передана сотруднику Новгородского отделения ГИОП Г. Г. Акимченко и определена П. Г. Гайдуковым (Саманида, X в.) (Сообщение Г. Г. Акимченко).

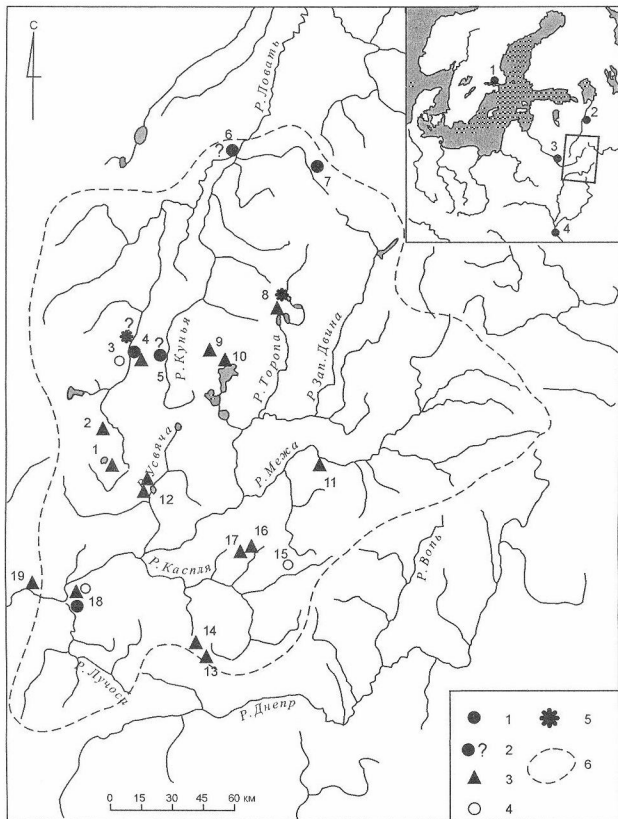

Рис. 11. Изделия североευропейских типов, клады куфического серебра в Верхнем Подвинье и Двинско-Ловатском междуречье в X-XI вв.

Условные обозначения: 1 – клады; 2 – клады, точное место находки которых неизвестно; 3 – изделия североευропейских типов; 4 – датированные клады; 5 – восточный импорт; 6 – граница области водосбора верховьев Западной Двины и Ловаты.

На карте обозначены: 1 – Дорохи; 2 – Борисоглеб; 3 – Городище (Городок на Ловати); 4 – Великие Луки; 5 – Васьково; 6 – Холм; 7 – Аполец; 8 – Торопец; 9 – Хачево; 10 – Анашкино; 11 – Коленидово; 12 – Усвяты; 13 – Рокот; 14 – Заозерье; 15 – Городище; 16 – Шугайлово; 17 – Саки; 18 – Витебск; 19 – Старое Село.

На врезке обозначены: 1 – Биржа; 2 – Рюриково Городище; 3 – Полоцк; 4 – Киев.

мания обстановки в Верхнем Подвинье. Из всех многочисленных пунктов Верхнего Поднепровья, где зафиксированы североευропейские изделия, нам кажется необходимым упомянуть два весьма загадочных памятника – Городок на Воши и Брылевский клад на Березине.

Крайне интересен погребальный набор из кургана у д. Городок на реке Воши (левый приток Днепра), раскопанного В. И. Сизовым в 1881 г. (рис. 12: 1–24). В инвентарь захоронения входил сломанный нож (рис. 12: 24), оплавленные бусы (рис. 12: 6–18), бронзовая цепочка с литыми подвесками (рис. 12: 21–23), обломок костяного футляра от гребня (?) (рис. 12: 1–4), фрагмент костяной поделки (рис. 12: 5). Здесь же среди остатков сожжения найдены обломки краевых частей равноплечной фибулы (рис. 12: 19–20)¹². Хорошо сохранились полусферические личинки с треугольными «ушками» сверху, составляющие центр орнаментальной композиции края фибулы. Точных аналогов нам не удалось найти, но можно указать на бытовавшие в Швеции и Норвегии в IX в. многочисленные варианты фибул с близкими по композиционным решениям окончаниями (Rygh 1885: fig. 659–661; Petersen 1928: 81–84; Kungl. Vitterhets 1938: LXX, fig 5, 6; Aagerd 1984: 101, 102; Callmer 1999). В Городке на сравнительно раннюю датировку комплексы указывают бусы. В стеклянных сплавах можно опознать крупные округлые или четырнадцатигранные (?) бусы прозрачного голубого стекла (рис. 12: 15, 18), имеющие широкую датировку VIII–X вв. (Львова 1968: 90–91; Рыбинин 1982: 168), синие глазчатые бусы с синими глазками в белых овалах (рис. 12: 10–12, 14) и цилиндрическую мозаичную проиньку с округлыми глазками (рис. 12: 16). Подобные проиньки характерны для толщи Е напластований Старой Ладоги (Рыбинин 1982: 169), причем экземпляры с округлыми глазками (без шахматного рисунка – именно такова находка в кургане), по наблюдениям З. А. Львовой, обнаружены главным образом в горизонте E₂ и E₃ (Львова 1968: 67). Округлые васильковые бусы с темно-синими глазками в белых овалах относятся к II группе по З. А. Львовой. В Старой Ладоге подавляющее количество находок происходит из горизонтов E₂ и E₃, хотя отдельные экземпляры встречаются и в горизонте Д (Львова 1968: 71; Рыбинин 1982: 169, 170). Следует упомянуть, сочетание бус двух последних типов зафиксировано сравнительно недалеко от р. Воши – на Западной Двине в устье р. Межи при раскопках автором поселения Горяне I. Находки там привязаны к слою с лешной керамикой,

имеющему радиоуглеродную дату – 1180±50 л. н. (Ле-5609) (Еремеев 2002: 11).

Остальные находки не дают оснований для уточнения датировки комплекса. Обломки гребня датировать затруднительно. Литые бронзовые подвески в виде пугочек с расширением на шейке (рис. 12: 21–22) вряд ли могут помочь ввиду простоты и широкой распространенности. Похожие вещи отмечены в древностях неолитической культуры в VII в. (Голдина, Водолаго 1990: 39, 47, таб. XXXVII: 25) и доживают в Восточной Европе до X в., в частности, будучи известны в курганах Гнездова (Стицян 1905: стр. 25). Тем не менее, погребение из Городка можно назвать одним из самых архаичных комплексов со скандинавским инвентарем в Днепро-Двинском междуречье. Пока это единственный памятник здесь, который может быть предположительно поставлен в один ряд с погребением из кургана 23 Торопецкого 2 могильника.

На западной границе Днепро-Двинского междуречья нам важна полаящая в землю в самом конце девятого столетия – после 891 г. – брылевская находка, обнаруженная любителями-археологами в пойме Березины (см. врезку на рис. 10). Она содержала, помимо кувшинских монет, меч типа II, сферические и 14-тигранные весовые гиришки, скрученный в спираль серебряный дрот (Иов, Рябцевич 2002: 173; Вікіні на Усходзе 2002: 10). С набором вещей связано немало вопросов. Отчасти его характер традиционен для кладов. Не удивляет присутствие среди монет весовых гирек (похожий клад найден, например, в Подборке на Ильмене) (Янин 1956: 77; Кротюкин 1971: 82, п. 54). Обычной для североευропейских и древнерусских кладов представляется и находка спирального дрота. Некоторые сомнения по поводу принадлежности к кладу вызывает меч. Дело в том, что он был сломан в древности, что точно подмечено уже первыми его исследователями (Иов, Рябцевич 2002: 166). С позволения одного из авторов, в 2000 г. нам удалось осмотреть меч, демонстрировавшийся на конференции «Беларусь і сумежныя тэрыторыі ў эпоху жалеза і ранняга сярэднявечча». Представляется, что оружие действительно было сломано, причем в двух местах, поскольку «легкий изгиб на срезе» имеют не только два кусочка лезвия клинка, о чем сообщают в публикации О. В. Иов и В. Н. Рябцевич, но и часть клинка, уцелевшая близ перекрестия. Иными словами, клинок в древности пытались «свернуть» втрое и сломали на три части. В Восточной Европе такие примеры известны только в погребениях, причем, чрезвычайно характерна для погребальных ритуалов

Fig. 11. Objects of North European types and hoards of Kufic silver of the 10th–11th centuries in the upper Dvina area and the zone between the Dvina and Lovat rivers.

Notations: 1 – hoards; 2 – hoards with the exact sites of the find unknown; 3 – objects of North European types; 4 – undated hoards; 5 – oriental imports; 6 – boundary of the water collection area of the upper reaches of the Western Dvina and Lovat rivers. Marked on the map: 1 – Dorokhi; 2 – Borisoglebi; 3 – Gorodishche (Gorodok on the Lovat); 4 – Velikiye Luki; 5 – Vaskovo; 6 – Kholm; 7 – Apoltes; 8 – Toropets; 9 – Khachevo; 10 – Anashkino; 11 – Kolenidovo; 12 – Usvyaty; 13 – Rokot; 14 – Zaozerye; 15 – Gorodishche; 16 – Shugaylovo; 17 – Saki; 18 – Vitebsk; 19 – Staroye Selo. In the inset: 1 – Birka; 2 – Rurikovo Gorodishche; 3 – Polotsk; 4 – Kiev.

¹² ГИМ, оп. 237. № 1–23. Находки из кургана частично опубликованы (Чернягин 1941: стр. 110, 111, таб. VII: 5–10).

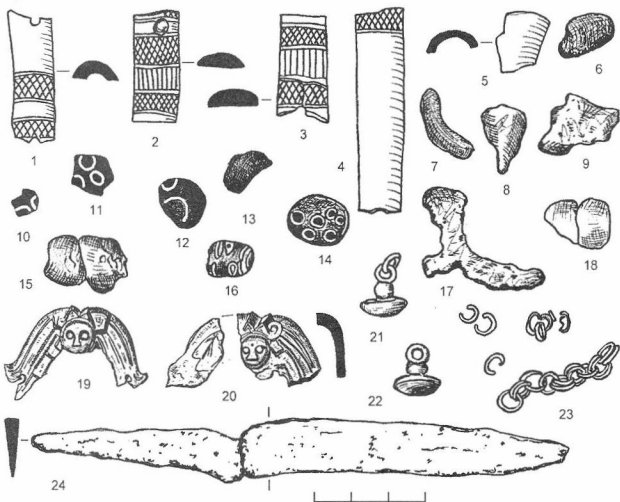

Рис. 12. Находки из кургана 2 у д. Городок (Смоленская область, Духовщинский район): 1–5 – кость; 6–16, 18 – стекло; 17 – стекло и бронза; 19–23 – бронза; 24 – железо.

Fig. 12. Finds from kurgan 2 near v. Gorodok (Smolensk Oblast, Dukhovshchinsky Region): 1–5 – bone; 6–16, 18 – glass; 17 – glass and bronze; 19–23 – bronze; 24 – iron.

именно эта «тройная» деформация оружия. Остается предположить, что, либо перед нами две разнородные находки, происходящие из одного микрорегиона, либо следы какого-то совершенно необычного ритуала, в котором приняли участие выходцы из Северной Европы. Как бы там ни было, на примере этой группы изделий мы ещё раз можем убедиться в отмеченной выше особенности ранних скандинавских находок – связи их с кувшитским серебром.

Две географических точки: Брили на Березине и Городок на Вои – очерчивают западную и восточную границы «волока», соединявшего Верхнее Поднепрье и Верхнее Подвинье. Они же могут говорить о начале функционирования этого лесного «коридора» ещё в IX в. Однако, более или менее активно он начал использоваться, видимо, не ранее конца этого столетия.

Динамика древнерусских коммуникаций в области Верхнего Подвинья в IX–XI вв. Глядя на полученные карты, нетрудно заметить, что скандинавские находки, так же, как и клады серебряных монет, не выстраиваются цепочкой вокруг некоего предпо-

лагаемого магистрального пути «из варяг в греки», а достаточно равномерно «пропитывают» значительное пространство «волока с верха Днепра до Ловати». В их выпадении можно уловить определенную динамику, характеризующую развитие древнерусских коммуникаций в области Верхнего Подвинья и Половьята.

Раньше всего, в пределах девятого столетия (ближе к его завершению), североευропейские древности начинают фиксироваться в Днепро-Двинском междуречье. Туда они попадают, видимо, через озеро Ильмень по р. Поле и/или р. Ловати; через округу Торопца и истоки Западной Двины, а далее по р. Торопе и через Велижское Подвинье (рис. 10). Не исключено, что уже тогда функционировал путь по рр. Куные и Усвяче, маркированный Глазуновским кладом. На Верхний Днепр изделия североευропейских типов ввозились по рр. Каспле и Лучосе. Возможно, тогда же возникает путь по р. Меже, выведивший на р. Вои. Брилевский клад указывает на возможное участие в рассматриваемой системе путей Полоцка и Лукомля. Однако северных находок, датировка которых

охватывает IX в., ни в одном из двух последних пунктов до сих пор не найдено. Верховья Ловати и белорусское поречье Западной Двины ниже Витебска пока не дают ранних скандинавских находок³³.

В X в. в систему путей сообщения вовлекается верхнее течение р. Ловати (рис. 11). Возрастает роль реки Усвячи – здесь возникает древнерусский город Усвяты, и начинает использоваться кратчайший сухопутный путь с Усвячи на Ловат, продолженный мимо этого города³⁴. Происходит, таким образом, расширение дисперсно-ловатского «коридора» в западном направлении. В какой степени это связано, вероятно, с тем, что в X в. начинает полноценно функционировать торговый путь по Западной Двине на запад, в Балтийское море³⁵. Но основные причины основания Городка на Ловати и Усвяты кроются, несомненно, в политических изменениях, произошедших на Северо-Западе Руси, обсуждение которых выходит за рамки этой статьи.

«Норманнский вопрос» и древности Верхнего Подвинья. В заключение нельзя не затронуть проблему выделения среди упомянутых находок древностей, которые могли бы непосредственно отражать инфильтрацию в регион выходцев из Скандинавии. Сложно обстоит дело с кладами. Наличие в их составе северовропейских изделий говорит об участии варягов в серебряной торговле, но не указывает на то, к какому народу принадлежал последний владелец сокровища.

Древности северовропейских типов на рассмотренной территории (пожалуй, за исключением вещей из кладов) как на раннем, так и на позднем этапе преимущественно интегрированы в местный этнокультурный контекст. Погребальные насыпи, в которых они найдены, ничем не отличаются от рядовых местных курганов IX–X вв. Курганы 23 и 45 Торопецкого 2 могильника, курганы 52, 63, 64, 68 в Заозерье и курганы 3 и 6 в Шугайлово имели характерную для локальной погребальной традиции удлиненную форму. Полушаровидная насыпь 67 в Заозерье была лишена ярких восточноевропейских находок, но весь облик этого некрополя, эталонного для смоленских длинных курганов, не допускает мысли о наличии здесь варяжских захоронений. Все перечисленные могильники принадлежат восточноевропейскому населению. То же самое относится и к упомянутым нами захоронениям XI–XII вв. (Дорохи V, курган 4; Старое Село, курган 2; Саки, курган 60).

Получается, что ни одно удовлетворительно документированное погребение в рассмотренных нами выше курганах не может быть названо скандинавским. Подобные предположения можно высказать только в адрес гипотетических захоронений в Торопце (на оз. Зеликовье) и Клименках, а также разрушенных курганов в Усвятах II и плохо документированных насыпей в Коленидово и в Городке, иными словами, – в адрес не более чем двух мужчин (Усвяты II и Коленидово, курган 3) и четырех-пяяти женщин (Торопец-Зеликовье; Клименки; Коленидово; курган 2; Городок; возможно, Усвяты II), умерших в IX–X вв. При этом уверенно можно говорить только о скандинавском происхождении обладательницы «магического жезла», найденного на оз. Зеликовье.

В то же время, именно материалы погребений свидетельствуют о начале проникновения скандинавов в Верхнее Подвинье. Представляется, что использование населением в погребальной обрядности ювелирных изделий северовропейского круга подразумевает их применение в быту непосредственно по назначению, то есть в составе праздничного костюма. Едва ли такое положение имело бы место, если бы скандинавские изделия через «третьи руки» попадали к обитателям Верхнего Подвинья (особенно это касается таких специфических ювелирных произведений, как равноплечные фибулы). В последнем случае их, скорее всего, использовали бы в качестве лома для изготовления традиционных украшений. Видимо, перед глазами абorigенов в какой-то период предстали сами носительницы скандинавских фибул. В целом, значительное число северовропейских находок и, как это ни парадоксально на первый взгляд, их глубокая интеграция в местную культуру говорят о возможности древней миграции немногочисленного скандинавского населения в некоторые сельские регионы Верхнего Подвинья и Верхнего Поднепрья. Поселения этих людей, возможно, ещё будут найдены.

Изначально скандинавы попадали в Верхнее Подвинье с севера, очевидно через Поволховье и Приильменье. Касаясь первопринци этого движения, на наш взгляд, есть основания присоединиться к точке зрения, рассматривающей северную часть «пути из варяг в греки» (между Ильменем и Днепром) как одно из ответвлений «серебряного пути» IX в., по которому поступали в Северную Европу кувшинские монеты (Леонтьев 1986: 6–8). Стремление к контролю над этим путем и было, вероятно, одной из глав-

³³ Нам известно только одно исключение – фибула типа IB-1, найденная на городище Масковичи к западу от Полоцка (Викинг на Ухолоде 2002: 5).

³⁴ В окрестностях Усвяты известна находка, свидетельствующая о связи региона с древнерусским югом. Это повенка гарнитура из кургана в Шемеловке, в состав которой входил поясной наконечник, украшенный сердцевидным орнаментом, выполненный в технике инкрустации серебряной проволокой. Для Подвинья эта находка уникальна. Близкие по стилю и технике орнаментации поясные наконечники известны южнее – в богатых курганах Шестовиц (Байфельд 1977: 121). Центром производства подобных изделий, судя по месту их массовых находок, была Черниговская земля. Датировка, предложенная В. В. Мурашевской для периода функционирования «черниговской школы» производства ремесленной гарнитуры – вторая половина X в. (Мурашева 1989: 89; 2000: 94). В. В. Мурашевская предположила даже прямую связь между обладанием поясом с инкрустированной гарнитурой и принадлежностью к киевской великокиевской дружине (Мурашева 2000: 94). Кроме того, в значительном количестве встречены эти изделия и в Гуслаеве (Спицан 1905: 49, 58; Мурашевская 1989: 87, 93; 2000: 130, 131). Не исключено, что гуслаевские ремесленники тоже владели технологией изготовления такого рода украшений. В любом случае связь находки с Поднепрьем и «путем из варяг в греки» не вызывает сомнений.

³⁵ Мы можем судить об этом потому, что в X в. арабское серебро насыпает низовья Западной Двины, куда в IX в. оно не поступало (Берга 1988: 31).

ных причин, приведших в это время норманнов в верховья Западной Двины, а оттуда в верхнее течение Днепра³⁶.

Находки вещей скандинавских типов X–XI вв. на рассматриваемых территориях следует связывать уже со следующим этапом в истории Верхнего Подвинья. Присутствие здесь в это время норманнов определялось двумя факторами: стабилизацией пути с Балтики в Киевское Поднепровье и оформлением военно-экономических интересов Киевской Руси, Новгородской и Полоцкой земель, потребовавшим размещения

в ключевых точках путей варяжских гарнизонов. Что касается таких крупных административных центров X–XI вв., как Усят, Витебск и Городок на Ловати, дающих заметное число находок североευропейского облика, то вполне вероятно пребывание там скандинавов в качестве представителей княжеской администрации и дружинников. Присутствие норманнов в это время в Полоцко-Витебском Подвинье отражено письменными источниками. При этом подавляющую массу обитателей этих раннегородских поселений, без всяких сомнений, составляло местное население.

- Александров 1988 – Александров А. А. Работы на селище в Борнотлебе // *Новгород и Новгородская земля. История и археология.* Вып. 1. Новгород, 1988. С. 19–22.
- Александров и др. 1988 – Александров А. А., Артемьев А. Р., Седов В. В., Фараджаева И. И., Харламов Б. Н. Исследования на Псковщине // *АО 1986 г. М., 1988.* С. 3–5.
- Алексеев 1980 – Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX–XIII вв. М., 1980.
- АКР 1997 – Археологическая карта России. 1997. Смоленская область. Ч. 1. М., 1997.
- Археалогія... 1993 – Археалогія і нумізматыка Беларусі. Энциклапедыя. Мінск, 1993.
- Берга 1988 – Берга Т. М. Монеты в археологических памятниках Латвии IX–XII вв. Рига, 1988.
- Бернштейн-Коган 1950 – Бернштейн-Коган С. В. Путь из варяг в греки // *Вопросы географии.* Вып. 20. М., 1950.
- Блфельд 1977 – Блфельд Д. И. Давыдовские памятники Шестовиц. Київ, 1977.
- Бубенько 1996 – Бубенько Т. С. Торговые и культурные связи Витебска (по материалам Нижнего Замка) // *Гістарычна-археалагічны зборнік.* Вып. 8. Мінск, 1996. С. 40–56.
- Бубенько 2001 – Бубенько Т. С. Стеклопосуда украшения средневекового Витебска // *Матэрыялы на археалогіі Беларусі.* № 3. Мінск, 2001. С. 154–164.
- Бубенько, Левко 2003 – Бубенько Т. С., Левко О. И. Стратиграфия и хронология нижнего слоя Витебска // *Матэрыялы на археалогіі Беларусі.* № 8. Мінск, 2003. С. 71–95.
- Булкин 1977 – Булкин В. А. О появлении норманнов в Дисро-Двинском междуречье // *Проблемы истории и культуры Северо-Запада.* Вып. 3. Л., 1977. С. 101–104.
- Булкин, Мачинский 1986 – Булкин В. А., Мачинский Д. А. Русь конца VIII – начала IX вв. на Балто-Волжском и Балто-Донском путях // *Финно-угры и славяне (проблемы историко-культурных контактов).* Сыктывкар, 1986. С. 13–26.
- Булкин, Зоценко 1990 – Булкин В. А., Зоценко В. И. Среднее Поднепровье и Неманско-Днепровский путь IX–XI вв. // *Проблемы археологии Южной Руси.* Киев, 1990. С. 117–123.
- Буров 1975 – Буров В. А. Усятский волок по археологическим данным // *Вестник МГУ.* № 4. М., 1975. С. 78–85.
- Вікінігі... 2002 – Вікінігі на Ужодзе. Каталог выставки. Мінск, 2002.
- Голдина, Володаро 1990 – Голдина Р. Д., Володаро Н. В. Могильники неволиной культуры в Приуралье. Иркутск, 1990.
- Горюнова 1974 – Горюнова В. М. Новое в исследовании «городка» на Ловати // *КСИА.* Вып. 139. М., 1974. С. 74–80.
- Горюнова 1978 – Горюнова В. М. Поселок ремесленников на Ловати // *Проблемы археологии.* Вып. 2. Л., 1978. С. 140–148.
- Горюнова 1988 – Горюнова В. М. Городок на Ловати X–XII вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1988.
- Горюнова 1991 – Горюнова В. М. Начальная история древних Лук (X – начало XI вв.) // *Материалы по археологии Новгородской земли.* М., 1991. С. 38–67.
- Григорьев 2000 – Северская земля в VIII – начале XI века по археологическим данным. Тула, 2000.
- Давидан 1962 – Давидан О. И. Гребни Старой Лядоги // *АСГЭ.* Вып. 4. Л., 1962. С. 95–108.
- Давидан 1968 – Давидан О. И. К вопросу о происхождении и датировке ранних гребенко Старой Лядоги // *АСГЭ.* Вып. 10. Л., 1968. С. 54–63.
- Даркевич 1976 – Даркевич В. П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв. М., 1976.
- Дзярновіч, Плавінскі, Шаркоўская 2003 – Дзярновіч С. Д., Плавінскі М. А., Шаркоўская Н. Ю. Меч X ст. з Віцебскага абласнога краізнага музея // *Гістарычна-археалагічны зборнік.* № 18. Мінск, 2003. С. 268.
- Добровольский, Рабцевич 1999 – Добровольский И. Г., Рабцевич В. И. Козьяновский клад куфических дирхемов // *Труды VI Международного конгресса славянской археологии.* Т. 5. М., 1999. С. 295–298.
- Дубов 2001 – Дубов И. В. Варяги на Русь. СПб., 2001.
- Енуков 1990 – Енуков В. В. Ранние этапы формирования Смоленско-Полоцкого княжества. М., 1990.
- Ермеев 1997а – Ермеев И. И. Средневековый Усят. Проблемы ранней истории // *Новгород и Новгородская земля. История и археология.* Вып. 11. Новгород, 1997. С. 260–274.
- Ермеев 1997б – Ермеев И. И. Клад куфических монет VIII–IX вв. из д. Глазуново и Усятский волок // *Археологические взаимодействия в условиях контактных зон. Археологические изыскания.* Вып. 41. СПб., 1997. С. 69–71.
- Ермеев И. И. 1999 – Ермеев И. И. Раскопки средневекового селища в бассейне р. Куны // *АО 1997 г. М., 1999.* С. 18–19.
- Ермеев 2002 – Ермеев И. И. Верхнее Подвинье и сопредельные территории в конце I – начале II тыс. н. э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2002.
- Ермеев 2003 – Ермеев И. И. Раннесредневековые памятники у Великих порогов на Западной Двине (к проблеме реконструкции маршрутов пути «из варяг в греки») // *Древности Подвинья: исторический аспект.* СПб., 2003. С. 258–270.
- Ершова 1999 – Ершова Т. Е. Некоторые данные о могильнике на Зеленой в районе Земской больницы // *Древности Пскова.* Псков, 1999. С. 84–91.
- Иов, Рабцевич 2002 – Иов О. В., Рабцевич В. И. Клад конца IX в. с Ериделского погоста // *Клады: состав, хронология, интерпретация.* СПб., 2002. С. 164–175.
- Каменицкая 1991 – Каменицкая Е. В. Золотая курганная группа Гнездова // *Смоленск и Гнездово.* М., 1991. С. 125–174.
- Кирпичников 1966 – Кирпичников А. Н. Древнерусские оружие // *САИ.* ЕЖ–36. М., 1966.

³⁶ Не исключено существование в IX–X вв. Донецко-Неманского пути, по которому в Прибалтику можно поступать куфическое серебро. Эта гипотеза кажется нам весьма вероятной, хотя пока и недостаточно обоснованной на конкретном материале (Булкин, Мачинский 1986; Булкин, Зоценко 1990). В случае, если эта версия окажется верной, стремление норманнов на юг по направлению будущего «пути из варяг в греки» выглядит как стремление овладеть этим отвлеченным «серебряным путем» в том месте, где он пересекает Днепр.

- Киричников, Толин-Бергман, Янссон 2000 – *Киричников А. Н., Толин-Бергман Л., Янссон И.* Новые комплексные исследования мечей эпохи викингов из собрания Государственного исторического музея в Стокгольме // *Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары*. СПб., 2000. С. 109–125.
- Киричников 2002 – *Киричников А. Н.* Производственный комплекс IX в. из раскопок Старой Ладоги // *Ладога и её соседи в эпоху средневековья*. СПб., 2002. С. 227–250.
- Колединский 1991 – *Колединский Л. В.* Верный Замок Витебска в XI–XVII вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1991.
- Корзухина 1954 – *Корзухина Г. Ф.* Русские кладки. М.-Л., 1954.
- Корзухина 1964 – *Корзухина Г. Ф.* Новые находки скандинавских вещей близ Торпоца // *Скандинавский сборник*. Вып. 8. Таллин, 1964. С. 297–314.
- Кропоткин 1971 – *Кропоткин В. В.* Новые находки сасанидских и куфических монет в восточной Европе // *Нумизматика и эпиграфика*. Вып. IX. М., 1971. С. 76–97.
- Лебедев, Булкин, Назаренко 1975 – *Лебедев Г. С., Булкин В. А., Назаренко В. А.* Древнерусские памятники бассейна р. Каспия и путь из варяг в греки (по материалам Смоленской археологической экспедиции 1966 г.) // *Вестник ЛГУ*. Вып. 14. Л., 1975. С. 166–170.
- Левацова 1967 – *Левацова В. П.* Браслеты // *Труды ГИМ*. Вып. 43. М., 1967. С. 207–252.
- Леонович 1986 – *Леонович А. Е.* Волжско-Балтийский торговый путь в IX в. // *КСИА*. Вып. 183. М., 1986. С. 3–9.
- Лесман 1987 – *Лесман Ю. М.* Торпешский могильник культуры длинных курганов // *Археология и история Пскова и Псковской земли*. Псков, 1987. С. 66–67.
- Львова 1968 – *Львова Э. А.* Стеклопосуды Старой Ладоги // *АСГЭ*. Вып. 10. Л., 1968. С. 64–94.
- Макаренко 1908 – *Макаренко Н. Е.* Материалы по археологии Полтавской губ. Полтава, 1908.
- Мальм 1967 – *Мальм В. А.* Подковообразные и кельцевидные застёжки-фибулы // *Труды ГИМ*. Вып. 43. М., 1967. С. 149–190.
- Марков 1910 – *Марков А. К.* Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб., 1910.
- Микляев 1991 – *Микляев А. М.* Северо-Западная археологическая экспедиция. Полевые сезоны 1987–1988 годов // *СГЭ*. Вып. LV. Л., 1991. С. 62.
- Микляев 1992 – *Микляев А. М.* Путь из «Варяг в Греки» (земля версия) // *Новгород и Новгородская земля*. История и археология. Новгород, 1992. С.
- Милотин 1992 – *Милотин В. Н.* Клад X века из Струни // *Полоцкий летописец*. Вып. 1. Полоцк, 1992. С. 30–32.
- Мурашева 1989 – *Мурашева В. В.* Технология изготовления познских накладок из Гиселова // *Вестник МГУ. Сер. ист.* Вып. 2. М., 1989. С. 85–93.
- Мурашева 2000 – *Мурашева В. В.* Древнерусские ремешные наборные украшения (X–XIII вв.). М., 2000.
- Нефедов 1997 – *Нефедов В. С.* Смоленские Подпенье и путь «из варяг в греки» // *Тезисы докладов на XIII конференции по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии*. М.-Петрозаводск, 1997. С. 201–204.
- Нефедов 1999 – *Нефедов В. С.* Коллекция из раскопок В. И. Сицова и М. Ф. Кусинского на западе Смоленской губернии (Опыт восстановления вещевых комплексов) // *Труды ГИМ*. Вып. 111. М., 1999. С. 92–110.
- Носов 1990 – *Носов Е. Н.* Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990.
- Носов, Плохов 1994 – *Носов Е. Н., Плохов А. В.* Археологические исследования в Андреевском районе Тверской области в 1988 г. // *Тверской археологический сборник*. Вып. 1. Тверь, 1994. С. 145–151.
- Пивденорусское село 1997 – *Пивденорусское село IX–XIII ст. (нови пам'ятки матеріальної культури)*. Київ, 1997.
- ПВЛ 1996 – *Повесть временных лет*. СПб., 1996.
- Потин 1970 – *Потин В. М.* Русско-скандинавские связи по нумизматическим данным // *Исторические связи Скандинавии и России в IX–XX вв.* Л., 1970. С. 64–80.
- «Путь из варяг в греки и из грек в ...» 1996 – *Каталог выставки Государственного исторического музея*. М., 1996.
- Рабинин 1982 – *Рабинин Е. А.* Бусы Старой Ладоги (по материалам 1973–75 гг.) // *Северная Русь и её соседи в эпоху раннего средневековья*. Л., 1982. С. 165–173.
- Рябичевич 1965 – *Рябичевич В. И.* Два монетно-вещевых клада IX в. из Витебской области // *Нумизматика и эпиграфика*. Т. V. М., 1965.
- Рябичевич 1974 – *Рябичевич В. И.* Козьяковский клад // *АО 1973 г.* М., 1974. С. 380.
- Савельев 1847 – *Савельев П. С.* Мухаммеданская нумизматика в приложениях к русской истории. СПб., 1847.
- Сементовский 1890 – *Сементовский А. М.* Белорусские древности. СПб., 1890.
- Спицын 1905 – *Спицын А. А.* Гиселовские курганы в раскопках С. И. Сергеева // *Известия ИАК*. Вып. 15. СПб., 1905.
- Спицын 1906 – *Спицын А. А.* Отчет о раскопках, произведенных в 1905 г. И. С. Абрамовичем в Смоленской губернии // *ЗОРСА*. Т. 8. Вып. 1. СПб., 1906. С. 184–211.
- Уваров 1910 – *Уваров А. С.* Литевые сосуды // *Сборник мелких трудов*. Т. 2. М., 1910.
- Указатель... 1893 – *Императорский Российский исторический музей*. Указатель памятников. М., 1893.
- Фасмер 1929 – *Фасмер Р. Р.* Список монетных находок, зарегистрированных свещей нумизматки и пинтики АИМК // *Сообщения ГАИМК*. Т. II. Л., 1929.
- Чернигин 1941 – *Чернигин Н. Н.* Длинные курганы и сопки // *МИА* № 6. М.-Л., 1941.
- Ханенко Б., Ханенко В. 1902 – *Ханенко Б. И., Ханенко В. И.* Древности Приднепровья. Эпоха славянская (VI–XIII в.). Вып. V. Киев, 1902.
- Хощинская 1999 – *Хощинская Н. В.* Подковообразные фибулы Рюрикова городища // *Великий Новгород в истории средневековой Европы*. М., 1999. С. 39–50.
- Шмидт 1958 – *Шмидт Е. А.* Длинные курганы у д. Цурювки в Смоленском районе // *СА*. № 3. М., 1958. С. 162–169.
- Шмидт 1969 – *Шмидт Е. А.* Раскопки в Смоленской области // *АО 1968 г.* М., 1969. С. 63–65.
- Шмидт 1982 – *Шмидт Е. А.* Древнерусские археологические памятники Смоленской области. Ч. 1. М., 1982.
- Шмидт 1983 – *Шмидт Е. А.* Древнерусские археологические памятники Смоленской области. Ч. 2. М., 1983.
- Шмидт 1984 – *Шмидт Е. А.* Исследования в междуречье Днепра и Западной Двины // *АО 1982 г.* М., 1984. С. 63–65.
- Шмидт 1986 – *Шмидт Е. А.* Исследования на Смоленщине // *АО 1984 г.* М., 1986. С. 85.
- Шмидт 1994 – *Шмидт Е. А.* Древние пути из Днепра через возорядец в Западную Двину // *Тверской археологический сборник*. Вып. 1. Тверь, 1994. С. 129–133.
- Штыхов 1969 – *Штыхов Г. В.* Бусы из Витебска // *Тезисы докладов к конференции по археологии Белоруссии*. Минск, 1969. С. 127–131.
- Штыхов 1978 – *Штыхов Г. В.* Города Полоцкой земли. Минск, 1978.
- Штыхау 1992 – *Штыхау Г. В.* Кривнин. Минск, 1992.
- Янин 1956 – *Янин В. Л.* Денскино-восьмые системы русского средневековья. М., 1956.
- Янссон 1999 – *Янссон И.* Скандинавские находки IX–X вв. с Рюрикова городища // *Великий Новгород в истории средневековой Европы*. М., 1999. С. 18–38.
- Ågård 1984 – *Ågård G.-B.* Gleichartige Spangen // *Birka II: 1. Systematische Analysen der Gräberfunde*. Stockholm, 1984. S. 95–110.
- Arbman 1940 – *Arbman H.* Birka. Die Gräber. T. 1. Tafeln. Uppsala, 1940.
- Arne 1934 – *Arne T. J.* Das Bootgräberfeld von Tunå in Alsike. Stockholm, 1934.
- Avdusin, Puškina 1988 – *Avdusin D. A., Puškina T. A.* Three chamber graves at Oniozdovo // *Forvännan*. Bd. 1. Stockholm, 1988. S. 20–33.
- Bjægh-Andersen 1999 – *Bjægh-Andersen S.* Vendel-och vikingatida stekspett: ej blott för köket, ett redskap med anor från Homeros'tid. Lund, 1999.
- Callmer 1999 – *Callmer J.* Vikingatidens likarmede spännen // *Härdh B. (ed.)* *Fynden i centrum Keramik glas och metal från Uppåkra*. 1999.
- Hall 1984 – *Hall R.* The Viking Dig. London, 1984.
- Kivikoski 1973 – *Kivikoski E.* Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki, 1973.
- Kungl 1903–1905 – *Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademiens Månadsblad*, 1903–1905.
- Kungl 1938 – *Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademiens Årsbok 1936–1938*. Stockholm, 1938.

- Novikova 1992 – *Novikova G. L.* Iron neck-rings with Thor's hammers found in Eastern Europe // *Fornvännen*. Bd. 87. Årgång, 1992. S. 73–89.
- Olsén 1945 – *Olsén P.* Die Saxe von Valsgårde. Uppsala, 1945.
- Petersen 1919 – *Petersen J.* De norske vikingesverd. En typologisk-kronologisk studie over vikingetidens vaaben. Kristiania, 1919.
- Petersen 1928 – *Petersen J.* Vikingetidens Smykker. Stavanger, 1928.
- Petersen 1951 – *Petersen J.* Vikingetidens redskaper. Oslo, 1951.
- Price Neil 2002 – Price Neil S. The Viking way: religion and war in late Iron Age Scandinavia. Aun 31. Uppsala, 2002.
- Rygh 1885 – *Rygh O.* Ahtiquités Norvégiennes. Christiania, 1885.
- Salmo 1956 – *Salmo H.* Finnische Hufeisenfibeln // *Finska Fornminnesöreningens Tidskrift*. T. 56. Helsinki, 1956.
- Stenberger 1947 – *Stenberger M.* Die Stutzfunde Gotlands der Wikingerzeit. Bd. II. Fundbeschreibung und Tafeln. Stockholm, 1947.
- Stolpe, Arne 1927 – *Stolpe H., Arne T. J.* La nécropole de Vendel. Stockholm, 1927.
- Thålin-Bergman 1984 – *Thålin-Bergman L.* Det vikingatida Frescati. Stockholm, 1984.
- АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ
- Александров А-1986 – *Александров А. А.* Отчет о работах в Борновослебе в 1986 г. // *Архив ИА РАН*. P-1. № 11700, 11700а.
- Короткевич А-1997 – *Короткевич Б. С.* Полевой отчет о работах на Жижинском озере в Псковской области в 1997 г. // *Архив ИА РАН*. P-1.
- Лесман А-1980 – *Лесман Ю. М.* Отчет Торопецкого археологического отряда за 1980 г. // *Архив ИА РАН*. P-1.
- Микляев А-1988 – *Микляев А. М.* Отчет о работе Северо-Западной археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 1988 г. // *Архив ИА РАН*. P-1.
- Минасян А-1970 – *Минасян Р. С.* Отчет о работе Славяно-Русского отряда Северо-Западной археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 1970 г. // *Архив ИА РАН*. P-1.
- Шмидт А-1988 – *Шмидт Е. А.* Отчет о раскопках курганов у деревни Туринщина и Завозере Смоленской области в 1988 г. // *Архив ИА РАН*. P-1. № 12871.
- Штыхов А-1964 – *Штыхов Г. В.* Отчет о раскопках в Витебске и археологических разведках в Полоцке, Шклове и Орше в 1964 г. // *Архив ИИИ НАНБ*. № 243.

THE PORTAGE «FROM THE TOP OF THE DNEIPER TO THE LOVAT RIVER» AND THE VARANGIANS

I. I. YEREMEEV

The objective of this paper is to present more precise chronology and configuration of certain sections of the portage «from the top of the Dnieper to the Lovat River» mentioned in ancient chronicles. It was a system of early Russian communications between the middle reaches of the Lovat and upper reaches of the Dnieper rivers.

The objective mentioned above demands summarizing the information available on the sequence of the propagation of objects of North European types and hoards of Kufic coins throughout the territory under consideration in the 9th-11th centuries. Despite the fact that this subject has been already discussed not once (Берштейн-Коган 1950; Буров 1975; Лебедев, Булкин, Назаренко 1975; Булкин 1977; Алексеев 1980; Микляев 1992; Шмидт 1994; Нефедов 1997; Еремеев 2003), much of the archaeological evidence discovered both long ago and recently still has not been published. This circumstance compels us to review a detailed list of the finds and archaeological contexts related.

We will consider here predominantly the objects found within the water collection area of the upper Dvina and upper Lovat rivers (Figs. 10, 11) and the antiquities from the basin of the upper Dnieper which are of particular importance for chronology.

The concept of «objects of the North European types», as it is used here, includes three categories of finds. As is well known, considerable amounts of personal adornments, weapons and various objects of everyday use imported from Scandinavia were accumulated in the inland regions of Eastern Europe in the 9th-11th centuries. In

addition to the mentioned objects, archaeologists have discovered in Eastern Europe certain groups of articles originally alien to the local population, but fairly common both in Scandinavia and the northern part of Central Europe (the so-called Frank swords and one-sided composite combs of Frisian and Scandinavian types). The place of their manufacture is often difficult to establish but there are grounds to suppose that their emergence in the east was related mainly with manufacturing and trading activities of some natives of Scandinavia. Finally, migrations of Varangians to the east and their intensive trading contacts resulted in the fact that an entire complex of elements of the artistic culture and technological skills related with the Germanic world of Northern Europe began to develop independently in the eastern Baltic regions and Rus. It is fairly difficult to distinguish among objects of North European types between the imported ones and those manufactured in Eastern Europe by Varangian craftsmen or local imitations of some examples of prestige from overseas. The goal of the present paper is much narrower – to present a characterization of the entire aggregate of the finds connected with North European traditions and to establish the directions by which these articles were propagating throughout the region under consideration. For such a study, it is of no principal importance whether the objects considered were all brought from Scandinavia or some of them were made in East European manufacturing centres.

The region mentioned above has as yet been poorly studied archaeologically; therefore we must forbear any

narrow chronological definitions, just dividing the objects into two groups: the antiquities of the 9th – early 10th century and finds dated from the 10th–11th centuries. The boundary between these two groups is rather arbitrary. In due time, part of the artefacts mentioned will find an exacter position in the cultural and chronological column, whilst presently any categoricalness as to their dating would be premature. The collection of articles of North European types found within the territory under consideration is very diverse. It includes weapons, adornments, objects connected with pagan cults, implements of everyday use and objects of hygiene. The North European finds come from burials, cultural layers at different settlements or from hoards. A number of chance finds are known which may have come mostly from some disturbed burials.

Mapping of the finds dated to the two periods defined above has been conducted. The maps show that Scandinavian articles, as well as hoards of silver coins, are not arranged in any chain stretched along the presumed trunk road «from the Varangians to the Greeks». On the contrary, a considerable area of the «portage from the top of the Dnieper to the Lovat» is «steeped» fairly uniformly in them. The distribution of the finds suggests certain dynamics characterizing the development of the ancient Russian communications in the upper Dvina and Lovat regions.

The earliest North European antiquities, dated to the period within the 9th century (close to its end), are recorded between the Dnieper and Dvina rivers. They came here possibly across Lake Ilmen, via the Pola and/or Lovat rivers through the sources of the Western Dvina River and via the Toropa River through the Dvina areas around the town of Velizh (Fig. 10). It cannot be ruled out that already then the route via the Kunya and Usvyacha rivers functioned as is attested by the Glazunovo hoard. To the upper Dnieper, articles of North European types were brought via the Kasplya and Luchosa rivers. Possibly, even then the route via the Mezha River leading to the Vop River appeared. The Briili hoard suggests the possible participation of the routes via Polotsk and Lukoml in the communication system under consideration. However, no North European objects dated from the 9th century have as yet been found in the latter two towns.

In the 10th century, the upper reaches of the Lovat River were involved into the system of communications (Fig. 11). The significance of the Usvyacha River increased – the ancient Russian town of Usvyat emerged here, and the shortest overland route from the Usvyacha around that town to the Lovat River came into use. Thus the broadening of the Dnieper-Lovat «corridor» westward took place. To some extent this was probably related with the fact that the trade route via the Western Dvina River westward to the Baltic Sea began to function in its full measure in the 10th century. Nevertheless, the main reasons for the foundation of the town of Gorodok on the Lovat and that of Usvyat were hidden undoubtedly in the political changes which took place in north-western Rus. A discussion of these changes is, however, out of the frames of this paper.

Antiquities of North European types (with the exclusion, perhaps, of objects from hoards) were generally

integrated into the local ethno-cultural context in the territory under consideration both at the earlier and later stages. The burial mounds in which they were found differ in nothing from common local kurgans of the 9th and 10th centuries. Kurgans 23 and 45 at the cemetery of Toropetskiy 2, kurgans 52, 63, 64, and 68 in Zaozerye, and kurgans 3 and 6 in Shugaylovo were of the elongated shape characteristic of the local funerary tradition. The hemispheric mound no. 67 in Zaozerye was devoid of any expressive East European finds, but the entire appearance of this necropolis with its typical Smolensk long kurgans allows no idea of the presence of Varangian burials here. All the cemeteries enumerated belonged to East European population. The same is true of some burials of the 11th–12th centuries (Dorokhi V, kurgan 4; Staroye Selo, kurgan 2; Saki, kurgan 60).

This means that none of the satisfactorily documented burials in the kurgans mentioned above may be called Scandinavian. The Scandinavian belonging may be only supposed for some hypothetical burials in Toropets (on Lake Zelikovye) and Klimenki, as well as for certain disturbed kurgans at Usvyati II and poorly documented mounds in Kolenidovo and Gorodok. In other words, the Scandinavian provenance may be supposed for not more than two buried males (Usvyati II and Kolenidovo kurgan 3) and four-five females (Toropets-Zelikovye; Klimenki; Kolenidovo, kurgan 2; Gorodok; possibly, Usvyati II) who died in the 9th–10th centuries. We may be certain of the Scandinavian provenance only of the woman who owned the «magic baton» found at Lake Zelikovye.

At the same time, it is exactly the evidence from burials that attests to the beginning of the penetration of Scandinavians into the Upper Dvina region. The use of jewellery of North European circle by the local population in funerary rites seemingly implies that these objects were used also in usual life for their direct purpose, i.e. as parts of a festive attire. This situation hardly would have taken place if the Scandinavian objects were got by inhabitants of the Upper Dvina area at «third hand» (this is especially true of such peculiar pieces of jewellery as equal-arm fibulae). In the latter case, these would have been used as scrap for manufacturing traditional adornments. It seems that bearers of Scandinavian fibulae appeared themselves at some time before the eyes of the aboriginals. In general, the considerable number of North European finds and their deep integration, rather paradoxical, into the local culture suggest the possibility of ancient migrations of some not numerous Scandinavian population to certain rural regions on the upper Dvina and upper Dnieper rivers. Settlements of these immigrants may still await their discovery.

Originally, Scandinavians arrived to the upper Dvina region probably via the Volkhov River and Lake Ilmen areas. As concerns the initial causes of these movements, there are grounds to accept the hypothesis viewing the northern section of the «Route from the Varangians to the Greeks» (between Lake Ilmen and the Dnieper) as one of the branches of the «Silver Road» of the 9th century via which Kufic coins came to Northern Europe (Исориенев 1986: 6–8). Striving for control over that route was pro-

bably one of the main reasons that brought the Norsemen to the upper reaches of the Western Dvina and further on to the upper reaches of the Dnieper.

Finds of Scandinavian types of the 10th–11th centuries from the territories mentioned above must have been linked already with the next stage in the history of the upper Dvina area. The presence here of the Scandinavians during the period was defined by two factors: stabilization of the route from the Baltic coasts to the Kievan regions on the Dnieper and the establishment of the military and economic interests of Kievan Rus and the Novgorod and Polotsk lands. These interests demanded quartering of

Varangian garrisons in the key points of the routes. As to such large administrative centres of the 10th–11th centuries as Usvyat, Vitebsk and Gorodok on the Lovat, which have yielded a significant number of finds of the North European appearance, it is quite probable that the Scandinavians were present there as representatives of the Prince's administration and members of the military retinues. The presence of the Norsemen in the Polotsk and Vitebsk areas on the Dvina during the period is attested by written sources. At the same time, the predominant mass of inhabitants of these early urban settlements was undoubtedly composed by the local population.

ДРЕВНЕРУССКИЕ ПРЕДМЕТЫ ХРИСТИАНСКОГО КУЛЬТА ЗАПАДНОЙ ПОДОЛИИ И ЮГО-ЗАПАДНОЙ ВОЛЫНИ

О. Н. ГАВРИЛЮК, М. А. ЯГОДИНСКАЯ¹

Территория Западной Подолии и Юго-Западной Волыни, административно объединенная теперь в Тернопольскую область Украины, была густо заселена в период существования Древнерусского государства, о чем свидетельствуют открытые здесь многочисленные городища и селища X–XIII вв. Не удивительно, что на этой территории была собрана в разное время значительная коллекция предметов христианского культа. Она включает в себя кресты-энколпионы, кресты-тельники, нагрудные иконы, заготовки под иконы, разделители цепей кадил и детали хороса².

Отдельные предметы, в основном это кресты-энколпионы, нагрудные крестики и иконки, были опубликованы в разное время В. Б. Антоновичем (Антонович 1901), Г. М. Власовой (Власова 1962: 246–259), В. И. Олейником (Олійник 1993: 19–35), Я. Пастернаком (Пастернак 1937: 241–268; 1998), А. А. Ратицем (Ратич 1957), В. Г. Пуцко (Пуцко 1989: 95–99), И. П. Русановой, Б. А. Тимошуком (Русанова, Тимошук 1993), А. Цинкаловским (Супкаіовські 1961), а также авторами данной статьи (Гаврилюк 1993: 5–8; 1994: 49–52; Ягодинська 1993: 67–71).

С учетом опубликованных ранее памятников и тех культовых предметов, которые находятся в коллекциях Тернопольского краеведческого музея (далее ТКМ), в его филиалах – Борщевском и Залещицком музеях, в фондах Кременецкого краеведческого музея, в музее с. Стожок Кременецкого района Тернопольской области, а также в некоторых частных коллекциях, сейчас известно 62 энколпиона, 80 нагельных крестиков, 14 нагрудных иконок, 2 заготовки под иконы, 3 разделителя для цепей лампад и кадил, одна деталь от хороса. На карте Тернопольской области они распределяются таким образом (рис. 1):

1. энколпионы – сс. Антоновцы (1 экз.), Бильче-Золотое (1 экз.), Бобушцы (1 экз.), Вербова (1 экз.), Выбудов (1 экз.), Вистра (1 экз.), Городище (8 экз.), Дунов (2 экз.), Жуковцы (1 экз.), Залещики (2 экз.), Зеленче (4 экз.), Крутилов (4 экз.), Капустинцы (5 экз.), Касперовцы (1 экз.), Кути (1 экз.), Лапиши (1 экз.), Лисичники (1 экз.), Мельница-Подольская (1 экз.), Мизюрицы (1 экз.), Мушкативка (3 экз.), Озерныя (1 экз.), Орадовка (2 экз.), Рожжик (1 экз.), Росохач (2 экз.), Слободка (1 экз.), Старый Збараж (2 экз.), Стенка (3 экз.), Стожок (3 экз.), Сураж (2 экз.), Теревовля (1 экз.), Устье (3 экз.);
2. крестики – сс. Антоновцы (1 экз.), Бебриковцы (1 экз.), Белая (1 экз.), Городище (24 экз.), Гыльче (1 экз.), Глы-

бочок (1 экз.), Зеленче (15 экз.), Капустинцы (17 экз.), Крутилов (8 экз.), Лановцы (2 экз.), Лисичники (1 экз.), Лозовая (1 экз.), Мушкативка (2 экз.), Онышковцы (1 экз.), Подогорье (2 экз.), Старый Збараж (1 экз.), Устье (1 экз.);

3. нагельные иконки – сс. Борцовка (1 экз.), Глыбочок (1 экз.), Городище (1 экз.), Капустинцы (3 экз.), Крутилов (1 экз.), Мушкативка (4 экз.), Ныркы (1 экз.), Старый Збараж (1 экз.), Теревовля (1 экз.);
4. заготовки под нагельные иконки – с. Крутилов (2 экз.);
5. разделители цепей – сс. Капустинцы (1 экз.), Крутилов (1 экз.); Старый Збараж (1 экз.);
6. деталь от хороса – с. Крутилов (1 экз.).

В данной публикации представлены предметы христианского культа из фондов ТКМ, Борщевского и Залещицкого музеев, Кременецкого краеведческого музея, а также из частных коллекций. Здесь предлагаются к рассмотрению культовые вещи, найденные во время археологических раскопок и разведок, а также случайные находки из следующих пунктов Тернопольской области:

1. сс. Озерныя (частная усадьба): Мушкативка, уроч. Замчиско; Устье, уроч. Голятин Борщевского района;
2. сс. Вербова и Лапиши Бережанского района;
3. с. Крутилов, уроч. Звенигород Гусатинского района;
4. сс. Лисичники I (около школы); Лисичники II уроч. Под валам; Ныркы, уроч. Замок; Слободка, частная усадьба, Залещицкого района;
5. с. Старый Збараж, уроч. Замковья гора Збаражского района;
6. с. Городище, уроч. Бозок Зборовского района;
7. с. Вистра, уроч. Цвинтарнице Монастырського района;
8. с. Лозовая, уроч. Под ланам Тернопольского района;
9. с. Белая, уроч. Замок; Капустинцы, уроч. Городище (гора Скарбы) Чортковського района;
10. с. Антоновцы, уроч. Упас Шумського района;
11. термин «Тернопольщина» объединены еще два предмета, не имеющих точной привязки (рис. 3: 2; 4: 3).

Большинство рассматриваемых культовых предметов являются подъемным материалом во время археологических разведок или же случайными находками, поэтому датировать их возможно только на основе аналогий в пределах XII–XIII вв. Только энколпионы, поступившие в фонды ТКМ в результате археологических раскопок на Звенигородском городище-святилище (с. Крутилов Гусатинского района), можно датировать достаточно точно. Энколпионы и крестики за №№ 3892, 2901, 3898, 3465, 4002, 3897, 3898, 3917,

¹ Гаврилюк О. Н. – Украина, 46001. Тернополь. Майдан Мистецтв, 3. Тернопольская областная краеведческий музей, Отдел древней и средневековой истории.

Ягодинская М. А. – Украина, 46001. Тернополь. Майдан Мистецтв, 3. Тернопольская областная инспекция по охране памятников истории и культуры. Отдел археологии.

² Рисунки для данной статьи выполнены художником А. Чернецом (в Каталоге древнерусских энколпионов (Ягодинская 2003) авторство этих же рисунков ошибочно отнесено к М. А. Ягодинской – редакционные комментарии даны А. А. Лесковой).

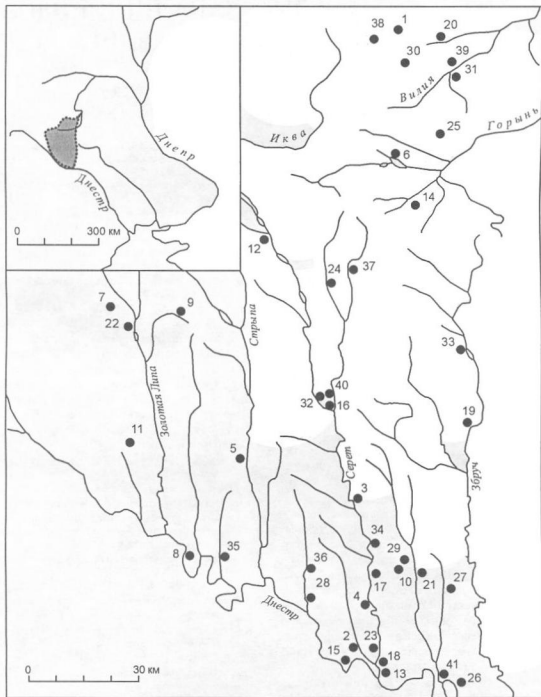

Рис. 1. Схематическая карта находок предметов христианского культа: 1 – Антоновцы; 2 – Бедриковцы; 3 – Белая; 4 – Билче-Золоте; 5 – Бобулинцы; 6 – Боршровка; 7 – Вербов; 8 – Вистрия; 9 – Выбудов; 10 – Глыбочок; 11 – Гныльце; 12 – Городище; 13 – Дунов; 14 – Жуковцы; 15 – Залещики; 16 – Зеленче; 17 – Капустынцы; 18 – Касперовцы; 19 – Крутилов; 20 – Куты; 21 – Лаповцы; 22 – Лапшин; 23 – Лисичники; 24 – Лозовая; 25 – Мизюринцы; 26 – Мельница-Подольская; 27 – Мушкативка; 28 – Ныркы; 29 – Озеряны; 30 – Одерадовка; 31 – Онышковцы; 32 – Подгорье; 33 – Рожиск; 34 – Росохач; 35 – Стенка; 36 – Слободка; 37 – Старый Збараж; 38 – Стожок; 39 – Сураж; 40 – Теребовля; 41 – Устье.

Fig. 1. Schematic map of finds of objects of the Christian cult: 1 – Antonivtsi; 2 – Bedricivtsi; 3 – Bila; 4 – Bilche-Zolote; 5 – Bobulyntsi; 6 – Borshchivka; 7 – Verbiv; 8 – Vistrya; 9 – Vybudiv; 10 – Hlybochok; 11 – Hnyl'che; 12 – Horodyshche; 13 – Duniv; 14 – Zhukivtsi; 15 – Zalishchyky; 16 – Zelenche; 17 – Kapustyntsi; 18 – Kasperivtsi; 19 – Krutyliv; 20 – Kut; 21 – Lanivtsi; 22 – Lapshyn; 23 – Lysychnyky; 24 – Lozova; 25 – Mizyurynsi; 26 – Mel'nytsya-Polil's'ka; 27 – Mushkativka; 28 – Nyrkiv; 29 – Ozeryany; 30 – Oderadivka; 31 – Onyshkivtsi; 32) Pidhir'ya; 33 – Rozhys'k; 34 – Rosohach; 35 – Stinka; 36 – Slobidka; 37 – Stary Zbarazh; 38 – Stizhok; 39 – Surazh; 40 – Terebovlya; 41 – Ustyia.

2899, заготовки к иконкам №№ 6111, 3909, разделитель цепей № 3560, деталь от хороса № 6954 найдены непосредственно при раскопках археологических объектов и поэтому хорошо датированы другими находками и керамикой первой половины – середины XIII в.

В данной работе авторы стремились проанализировать предметы христианского культа, найденные на древнерусских памятниках Западной Подольи и Юго-Западной Волыни в контексте подобных находок на других территориях Древнерусского государства и соседних земель³. Кроме того, данная статья ликвидирует те досадные неточности, которые закрались при публикации статьи М. Ягодинской (Ягодинская 1993: 67–71).

Кресты-энколпионы

В статье рассматриваются 23 энколпиона. Среди них выделяется несколько групп как по технике изготовления, по сюжету и композиции изображений, так и по форме окончаний перекладин и размерам. По технике изготовления они подразделяются на рельефные, рельефно-инкрустированные и инкрустированные. По сюжету они делятся следующим образом: кресты с изображениями Бориса и Глеба – 2 экз.; Распятие и Богоматерь Оранта⁴ – 6 экз.; Распятие и Богоматерь с младенцем – 2 экз.; Распятие и святой Николай – 1 экз.; Христос Пантократор и Богоматерь – 1 экз.; Христос Пантократор и святой Николай – 1 экз.; односторонний энколпион с Распятием – 1 экз.; крест-заготовка для украшения эмалью – 1 экз. Все вышеперечисленные энколпионы относятся к группе рельефных крестов (1 группа). Ко второй группе (рельефно-инкрустированных) крестов относятся энколпионы с Распятием на лицевой створке и неравноконечным крестом с сиянием на оборотной створке (2 экз.). К третьей группе (инкрустированных крестов) относятся такие энколпионы: крест с изображением неравноконечного креста с сиянием и святыми в медальонах (1 экз.); миниатюрные кресты с изображением креста с обеих сторон (5 экз.).

Кресты первой группы могут быть равноконечными и неравноконечными, преимущественно с медальонами на концах перекладин или же с прямыми, несколько расширяющимися перекладинами. Размеры крестов этой группы колеблются от 6,6 × 4,4 см до 10,7 × 7,3 см. Кресты второй группы неравноконечны, средних размеров (7,4 × 4,0 см) с круглыми медальонами на концах. Кресты третьей группы отличаются своими миниатюрными размерами (от 4,5 × 2,5 см до 3,1 × 1,8 см), за исключением одного (10,1 × 7,1 см) (рис. 5: 2). Окончания перекладин миниатюрных энколпионов прямые или криновидные, в одном случае закругленные с медальонами.

Интересно проследить закономерность изображений на лицевой створке. Лицевой или верхней

створкой принято считать створку, имеющую по одной крепежной петле сверху и снизу. Чаще всего на верхней створке помещалось изображение Распятия. Но на примере представленной коллекции можно проследить определенные исключения из этого правила. Так, на пяти из шести энколпионов с изображением Распятия и Богоматери Оранты (рис. 3: 1–4) Распятие находится на нижней створке, что, по мнению ряда исследователей, свидетельствует о высокой популярности культа Богоматери в конце XII – начале XIII вв. Еще в двух случаях изображения Христа Пантократора находятся на нижних створках (рис. 2: 2), на их верхних створках в одном случае помещено изображение Распятия (рис. 4: 1), а в другом – изображение святого Николая (рис. 2: 2).

Отдельно следует сказать об энколпионах с изображениями св. князей Бориса и Глеба. В коллекции представлено два энколпиона. Согласно надписи в одном случае на верхней створке находится изображение Глеба (рис. 5: 1), во втором – изображение старшего брата Бориса (рис. 4: 4). Борис и Глеб были канонизированы в 1072 г. Существует гипотеза, что наиболее ранние кресты датируются XI в. и несут изображение Глеба на верхней створке. В XII в. ситуация изменилась, Бориса стали почитать больше, что и выразилось в изменении изображений на лицевой стороне энколпионов (Алешковский 1972: 90).

Группа I. Рельефные кресты-энколпионы. В этой группе представлены энколпионы с прямыми концами перекладин и энколпионы с закругленными концами перекладин и вписанными в них медальонами. Наиболее ранними считаются кресты с прямыми, несколько расширяющимися на концах перекладинами. По форме они близки к так называемым «сирийским» или «сирийско-палестинским» крестам (Куницкий 1990). В нашей работе рассматриваются четыре таких креста.

Крест (ТКМ, без номера, размеры 10,7 × 9,0 см – 7,3 без петель) бронзовый, неравноконечный, несколько расширенный на концах (рис. 2: 1) (Ягодинская 2003: 84, Кат. II. 2. 1/1 – табл. 36). Состоит из двух створок без оглавия. На верхней створке помещено изображение Распятия с почти прямым телом и несколько согнутыми в коленях ногами. Стопы ног опираются на прямоугольную подставку. Руки в локтях также слегка согнуты и повернуты ладонями наружу. Погрудные изображения фигур предстоящих непропорционально маленькие. Они почти упираются головами в ладони Христа. Одна из них находится в позе моления и изображена в профиль, вторая полуфигура изображена прямо. Над головой Христа имеются контуры нимба, выше – равноконечный крест. Под горизонтальной перекладиной верхнего креста помещен круг (возможно, солнце и убывающий месяц). В верхнем перекрестии расположены монограммы Христа

³ Авторы статьи благодарят за любезное разрешение использовать материалы своих коллекций А. Бойко, И. Брызгалу, В. Дударя, Е. Колоды, В. Наконечного, а также директоров Боршевского краеведческого музея М. Сохацкого и Залещицкого краеведческого музея В. Олейника.

⁴ К иконографическому типу Богоматери Оранты авторы статьи причисляют, наряду с изображениями Богоматери с воздымающимися в молитве руками, также изображения Богоматери с раскрытыми перед грудью руками – тип, определяемый в отечественной литературе как Богоматерь Ассуита – Ред.

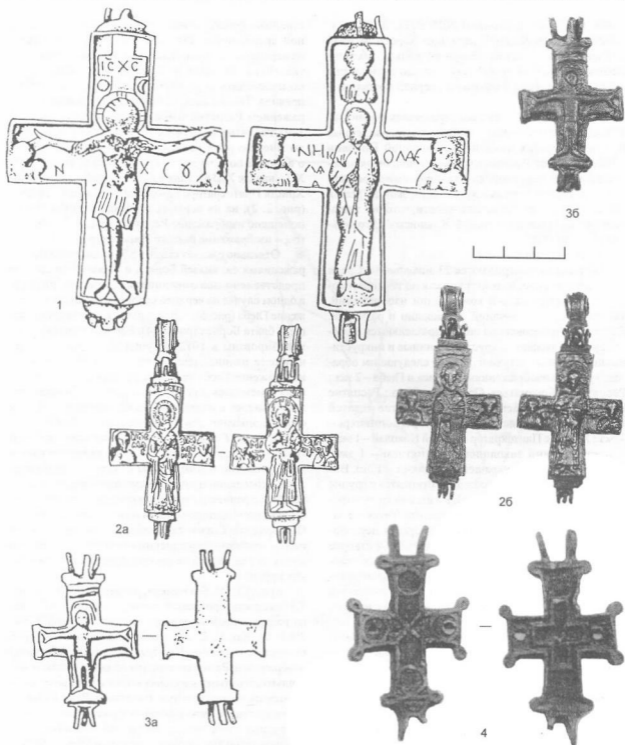

Рис. 2. Рельефные кресты-энколпионы с прямым окончанием перекладин. 1 – Вербов; 2, 3 – Крутилов; 4 – Городище.

Fig. 2. Relief crosses-encolpions with straight ends of the cross-beams: 1 – Verbiv; 2, 3 – Krutyliv; 4 – Horodyshe.

«IC» «XC»). Рядом с Распятием сохранились остатки букв: под правой рукой Христа – «N», под левой – «X CY». Верхняя и нижняя створки окантованы по контуру валиком.

На нижней створке помещено изображение Христа Пантократора с тремя святыми. Фигура Христа нормальных пропорций, в свободно спадающей одежде, низ которой подчеркнут параллельными

складками, правая рука согнута в локте и поднята в благословляющем жесте. Изображение левой руки не просматривается. Вокруг головы – нимб. На конце верхней части вертикальной перекладины изображена полуфигура святого с нимбом, на горизонтальной перекладине, рядом с погрудными фигурами святых (головы крупные, черты лица не прослеживаются) сохранились буквы: у правого плеча Христа –

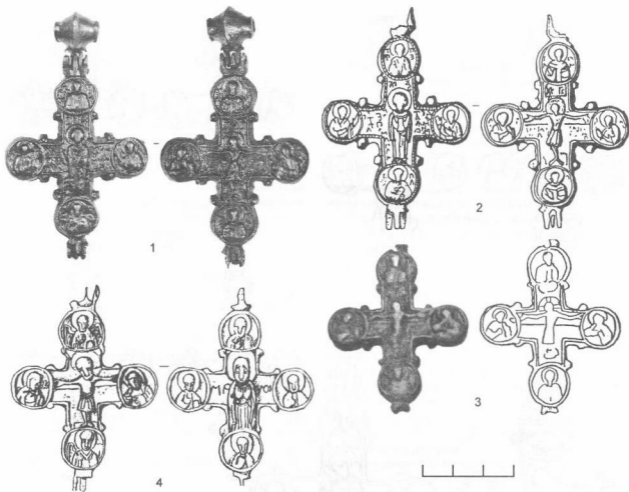

Рис. 3. Рельефные кресты-энколпионы с медальонами на концах. 1 – Крутильов; 2 – Старый Збараж; 3 – Лисичники; 4 – Мушкативка.
Fig. 3. Relief crosses-encolpions with medallions at the ends: 1 – Krutyliv; 2 – Stary Zbarazh; 3 – Lysychnyky; 4 – Mushkativka.

«ННК/ЛА», у левого – «ОЛАС» (рис. 2: 1). Буквы нанесены углубленными линиями.

Этот энколпион не имеет точной привязки к археологическому памятнику, поэтому датировать его возможно только на основании аналогов. Похож на него крест из Киевской области, хранящийся в настоящее время в Праге, а также верхняя створка из коллекции Б. И. и В. Н. Ханенко (Пуцко 1987: 64, рис. 1; 66, рис. 2: 5). Такие кресты датируются XI в. Наш крест имеет нечеткие изображения фигур, нечитаемые лица, упрощенный обвод креста. Это, скорее всего, вторичная отливка по глиняному оттиску, сделанная с более раннего креста.

Крест-энколпион (ТКМ А № 2901, размеры $7,2 \times 3,5$ см с оглавием; $4,3 \times 3,5$ см без петель и оглавия) (рис. 2: 2) (Ягодинская 2003: 231–232, Кат. IX. 3/2 – табл. 159). Крест бронзовый, неравноконечный, подобный предыдущему кресту по форме. Нижняя створка аналогичного креста была найдена в Звенигороде на Белке (Грушевський 1899: 21, 24, Табл. II, 9).

Центральной фигурой верхней створки является изображение святого в полный рост, с короткой бородкой и волосами, зачесанными назад. Он одет

в хитон, фелю и омофор, над головой нимб и остатки надписи «КОЛ». Правая рука немного согнута в локте и поднята в благословляющем жесте, в левой, покровенной, он держит закрытую книгу, возможно, Евангелие. На лице хорошо читаются глаза и удлиненных пропорций нос. Изображение святого Николая хорошо сохранилось и было, как и другие фигуры, дополнительно проработано резцом.

Фигура святого Николая сопровождалась погрудными изображениями святых в позе моления. Рядом с правой фигурой есть надпись «КОСМАС», первый слог надписи возле другого святого плохо читается, зато хорошо читается со второго слога «ΜΙΟΝΟΣ» (полное имя должно было быть Дамианос). Таким образом, возле святого Николая изображены святые Козьма и Демьян.

На оборотной стороне изображена фронтальная, в полный рост фигура Христа Пантократора, одетого в хитон и гиматий. Вокруг головы – крестчатый нимб, выше – монограммы «ΙC ΧC». В левой руке Христа закрытый Кодекс, изображение правой руки повреждено. По обе стороны от Христа расположены Богоматерь и святой Иоанн. Рядом с фигурой Богоматери есть надписи с титулами «ΜΡ» «ΘΥ». Святой Иоанн

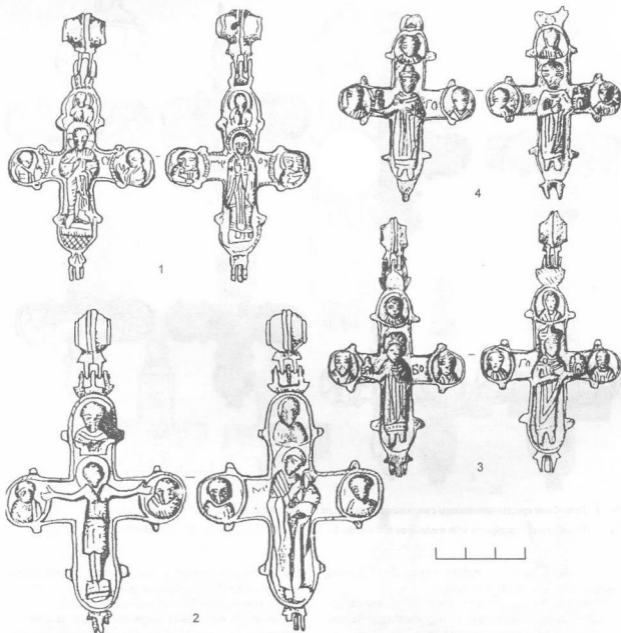

Рис. 4. Рельефные кресты-энколпионы с медальонами на концах. 1 – Слободка; 2 – Лапшин; 3 – Устье; 4 – Озеряны.

Fig. 4. Relief crosses-encolpions with medallions at the ends: 1 – Slibidka; 2 – Lapshyn; 3 – Ustyа; 4 – Ozeryany.

изображен в одежде со складками, волосы его зачесаны назад. Рядом с ним было написано «OINOBEO». Все надписи греческие. Энколпион, изготовленный хорошим мастером, возможно, имеет византийское происхождение.

Обе створки скреплены с оглавием при помощи шарнира. Оглавие украшено узкой полосой с ромбами.

Этот энколпион был найден во время археологических раскопок на одном из языческих капищ Звенигородского городища-святилища. Так как капище является собой открытый археологический комплекс, его можно датировать второй половиной XII – первой половиной XIII вв.

Крест-энколпион (ТКМ А № 3893, размеры $5,5 \times 3,3$ см – 4,4 без петель) (рис. 2: 3) (Ягодинская 2003: 232, Кат. IX. 4/1 – табл. 159). Этот крест относится к немногочисленной группе односторонних крестов, сделан из бронзы, неравносторонний, с подчеркнутыми концами перекладин. На лицевой стороне помещено примитивное, грубой работы изображение Распятия. Фигура Христа прямая, непропорциональная, с короткими ногами и маленькой головой, над которой изображен нимб. Голова повернута влево, руки прямые, длинные. Классического препоясания на нем нет, одежда типа штанов. Крестное древо не просматривается. Судя по примитивизму работы, это энколпион работы местных ремесленников.

И. П. Русанова считает эту форму креста ранней и датирует его I половиной XII века (Русанова, Тимошук 1993: 58).

Нижняя створка энколпиона (размеры: $7,1 \times 3,9$ см – 5,2 без петель) (рис. 2: 4) (Ягодинская 2003: 181, Кат. VI/1 – табл. 107). Крест неравносторонний, бронзовый, концы перекладин несколько расширены и имеют каплевидные выступы на углах. По контуру крест обведен узкой рельефной полосой. В средокрестии изображен крест, а на концах перекладин – медальоны. Изображений в медальонах нет. Скорее всего, они заливались эмалью. Два медальона горизонтальной перекладины испорчены сквозными отверстиями. С внутренней стороны створки рельефно выделено изображение небольшого неравноконечного крестика. Возможно, он также заливался эмалью⁵. Подобные энколпионы с каплевидными выступами на концах перекладин имеются среди византийских древностей (Auktion 1993: табл. 67, № 1890) и датируются VIII–X вв. Схожие по форме кресты из Новгорода датируются 20–60 гг. XIII в. (Седова 1981: 53, рис. 17: 1, 2; 58). Нижняя створка энколпиона явно не закончена. Это полуфабрикат энколпиона, предназначенный для последующей заливки цветной эмалью. Аналогичный нашему кресту энколпион происходит из древнего Галича (Лукомский, Петегрич 1998: 620, рис. 1; 621, рис. 2). Но в отличие от нашего креста, он закончен. Все медальоны и поверхность креста украшены изображением, выполненным в технике перегородчатой эмали. Датируется он XII–XIII вв.

Значительную часть рельефных энколпионов составляют кресты с закрученными окончаниями перекладин. В данной коллекции их насчитывается 10 экземпляров. Это кресты равно- и неравноконечные, сделаны из бронзы. Окончания перекладин таких крестов оформлены медальонами с изображениями святых (равноконечные имеют по 4 медальона, неравноконечные – по 3). Все кресты обведены по контуру и вокруг медальонов невысокими рельефными валиками, украшенными короткими косыми насечками. Рядом с медальонами есть парные выступы («слезки»).

В нашей статье публикуется четыре экземпляра широко известного типа энколпионов: 1 – ТКМ А № 3892, размеры $10,3 \times 5,7$ см с оглавием, $8,1 \times 5,7$ см без оглавия (рис. 3: 1); 2 – без номера, $10,5 \times 5,7$ см с оглавием, $8,5 \times 5,7$ см без оглавия (рис. 3: 2); 3 – без номера, $7 \times 5,6$ см без оглавия; 4 – без номера, $8,5 \times 5,7$ см без оглавия (рис. 3: 3) (Ягодинская 2003: 199, Кат. VII. 1. 1/56 – табл. 124; 204, Кат. VII. 1. 1/128 – табл. 125, VII. 1. 1/131 – без илл.; 200, Кат. VII. 1. 1/69 – табл. 125). Подобные энколпионы изготавливались в киевских мастерских и датируются по Б. А. Рыбакову около 1240 г. (Рыбаков 1964: 39). Они отличаются от остальных крестов-мошевиков характерной надписью «Святая Богородица, помогай» на лицевой стороне. Энколпионы этого типа были широко распространены по всей территории Древне-

русского государства и за его пределы (Пескова 2003: 193–209, Кат. VII. 1. 1/1–256 – табл. 117–151). Такой же крест находился в фондах Тернопольского музея еще в 1913 г., но был утерян (Koio TSL, s.d.).

На лицевой створке этих энколпионов изображена Богоматерь в полный рост, с раскрытыми перед грудью ладонями, по обе стороны от нее, а также сверху и снизу находятся поясные изображения святых. Сверху – святой Петр (надпись рядом – «ПЕТРЪ»), снизу – святой Василий (надпись рядом «ВАСИЛЪ»). Надписи около боковых святых не читаются, но по аналогии можно предположить, что здесь изображены святые Козьма и Демьян (Станчак 1993: 88).

На оборотной створке изображено Распятие с полуфигурами Богоматери и Иоанна Богослова. Фигура Христа почти прямая, голова склонена вправо, руки в локтях и ноги в коленях чуть согнуты. От пояса до колен идет длинное препоясание. Над головой – изображение нимба с крестом и монограммами «С ХС». В верхнем и нижнем медальонах представлены также поясные изображения святых. Святой в верхнем медальоне держит в левой руке закрытую книгу, а правой благословляет. По обе стороны от фигуры есть надпись, в которой читаются только две буквы «N» и «K», указывающие, что это изображение святого Николая. Надпись рядом со святым в нижнем медальоне совсем затерта. В подобном медальоне из Мстиславля (Алексеев 1974: рис. 4, 5, 6) здесь изображен святой Григорий.

Энколпион (без номера, размеры $8,1 \times 5,6$ см – 6,2 без петель) представлен двумя отдельными створками без оглавия (рис. 3: 4) (Ягодинская 2003: 214, Кат. VII. 2. 1/14 – табл. 140). На верхней створке изображена Богоматерь в полный рост с ладонями, открытыми перед грудью. Рядом с фигурой Богоматери читаются буквы «MP» и «YO». Четыре медальона содержат изображения святых евангелистов с нимбами, с поднятой в благословении правой рукой, в левой – закрытое Евангелие. Изображение Богоматери отлично сохранилось, четко читается лицо с длинным носом, глазами, складки на одежде.

На оборотной створке, в центральной части креста помещено изображение Распятия, с непропорционально крупной головой Христа, склоненной вправо. Над головой нимб, от пояса до колен – длинное препоясание, ноги опираются на прямоугольную подставку. Руки с хорошо выделенными пальцами доходят до медальонов. Руки изображены на фоне крестного древа. Тело крупное, ноги несоизмеримо короткие, ступни маленькие. В медальонах горизонтальной перекладины изображены по традиции Богородица и святой Иоанн в позе моления. Рядом с ними надписей нет. Лица также хорошо очерчены, с длинными носами, с хорошо выделенными глазами, над головой – нимбы. Ладони крупные, с выделенными пальцами, одежда в складках. В медальонах вертикальной перекладины изображены прямоходящие полуфигуры архангелов – Михаила и Гавриила. Над их головами – нимбы. У верхнего изображения (Михаила) правая

⁵ Крестообразный вытчек на внутренней стороне створок, предназначенный для реликвий, никогда не заполнялся эмалью – Ред.

рука поднята в жесте благословения, у нижнего (Гавриила) – руки сложены на груди (?). Лица детализированы, с крупными длинными носами, глазами и губами, одежда в складках. По аналогии с энколпионами из Болгарии (Дончева-Петкова 1985: 53, рис. 8), Киева (Пекарька, Пушко 1989: 90, рис. 4, 1, 2) и Поволжья (Полубояринова 1978: 64, рис. 2а, 2б) этот крест можно датировать первой половиной XIII века.

Неравноконечный крест (ТКМ А № 6801, размеры 10,1 × 5,2 см с оглавием; 8,0 × 5,2 см без оглавия) состоит из двух створок с полым биконическим составным оглавием (рис. 4: 1) (Ягодинаская 2003: 95, Кат. II. 3. 2/4 – табл. 44). На верхней створке изображена фигура Христа Пантократора. Лицо овальной формы, с небольшим тонким носом, выделенными глазами, губами и бородкой. Над головой Христа, одетого в длинную одежду в складках (хитон), – крестчатый нимб. Правая рука согнута в локте и поднята в благословляющем жесте, в левой руке – закрытый Кодекс. Правая нога поставлена прямо, левая – повернута в три четверти. Ноги стоят на прямоугольной подставке. Ниже подставки плоскость креста заполнена гравировкой в виде коротких косых линий. Рядом с фигурой идут обычные надписи: у правого плеча «IC», у левого – «CX». В верхнем медальоне помещено поясное изображение святого (Бога-отца?) с нимбом над головой, а в двух боковых – Богоматерь и святой Иоанн. Полуфигуры повернуты в три четверти, руки сложены в позе моления. Черты лица мелкие, с небольшими носами, глазами и ртом. Одежды в просторную складчатую одежду. Надписей в медальонах нет. Верхняя и нижняя петли лицевой створки имеют в основании пятилепестковые щитки.

На нижней створке в центре изображена стоящая в полный рост Богоматерь. Руки ее раскрыты ладонями перед грудью, над головой – нимб, украшенный короткими насечками. У ее правого плеча имеется надпись «MP», у левого – «OY». Из-под одежды видны концы ступней, которые опираются на прямоугольную подставку. Над головой Богоматери расположена полуфигура святого с нимбом. Его одежду и лицо прочитать трудно. По обе стороны от центральной фигуры находятся прямолинейные полуфигуры святых с непропорционально большими головами, с большими выпученными глазами. У левого изображения хорошо читаются усы и борода. Обе фигуры одеты в плащи, застегнутые на застежку-фибулу. Датирован крест XII–XIII вв.

Крест-энколпийон (рис. 5: 1), бронзовый, прекрасной сохранности, совершенно не похожий на предыдущие кресты техникой изготовления⁴ и небольшими размерами (6,3 × 4,3 см, без петель 5,0). Он выполнен в низком рельефе с последующей проработкой резцом (Ягодинаская 2003: 121, Кат. III. 2. 3/37 – табл. 67). Похожи на него по технике изготовления сирийско-палестинские кресты с Богоматерью Орантой (Куницкий 1990).

Центральной композицией лицевой створки является Распятие. Тело Христа пропорциональное, голова с крестчатым нимбом склонена вправо. Лицо детально проработано. Видны глаза, надбровные дуги, тонкий длинный нос, губы, короткая бородка и длинные волосы. Руки изображены на фоне крестного древа, они чуть согнуты в локтях, пальцы подчеркнуты резцом. Ладони рук заходят за границы медальонов. На Христе препоясание до колен, украшенное орнаментом в «елочку». Подчеркнуты мышцы груди и живота. Пальцы стоп также подчеркнуты резцом мастера. На запястьях рук и на стопах ног обозначены следы от гвоздей. В боковых медальонах изображены предстоящие, а в верхнем медальоне – святой с длинными волосами, усам и бородой. Он одет в складчатую одежду, в левой руке держит закрытую книгу, а правой – благословляет (?). Ниже полуфигуры святого сохранились буквы «N» и «K», что позволяет предполагать в нем святого Николая.

Нижняя створка сохранилась хуже. Ее поверхность затерта и залочена от долгого употребления. Центральной фигурой нижней створки является Богоматерь, стоящая в полный рост, с раскрытыми перед грудью ладонями. Над ее головой виден нимб. Черты лица стерты. Рядом с фигурой видны буквы «MP» и «O». В трех медальонах также имеются надписи: в верхнем – «IC XC» с титулом, в левом – «MP» «OY» также с титулом. В правом медальоне надпись была совсем затерта. Точных аналогов этому кресту пока не найдено. Предварительная дата – XII–XIII вв.

К рельефным крестам-энколпионам с медальонами на закругленных концах относятся и энколпионы с изображением Распятия и Богоматери с младенцем⁵. Всего в данной публикации рассматриваются два креста с таким сюжетом: 1) ТКМ А 424, размеры 12,1 × 7,0 см с оглавием; 9,6 × 7,0 см без оглавия; 2) крест без номера, размеры 10,5 × 6,6 см с оглавием, 9,1 × 6,6 см без оглавия (Ягодинаская 2003: 69, Кат. II. 1. 1/62 – табл. 22; 75, Кат. II. 1. 1/123 – без илл.). Первый крест бронзовый, неравносторонний (рис. 4: 2). В центре лицевой створки – Распятие. Фигура Христа почти прямая, руки несколько согнуты в локтях, вокруг головы нимб. Ноги стоят на прямоугольной подставке. Длинное, от пояса до колен, препоясание. Ладони раскрыты и заходят за края медальонов. Крестное древо не читается. Над Христом помещено погрудное изображение святого с бородой, в медальонах горизонтальной перекладки – изображения предстоящих.

На нижней створке в центре находится Богоматерь с младенцем.левой рукой она держит младенца, а правую – прижимает к груди или же благословляет. В верхнем и боковых медальонах – полуфигуры святых. Все изображения без надписей, нечеткие, затертые, не проработанные дополнительно резцом. Скорее всего, крест является вторичной отливкой. Створки соединены с биконическим ушком-ворвор-

⁴ Исходя из сочетания рельефных и нанесенных резцом изображений, хотя и без инкрустации, этот энколпийон помещен на рис. 5 рядом с рельефно-инкрустированными крестами – Ред.

⁵ Иконографический тип – Богоматерь Одигитрия (Ред).

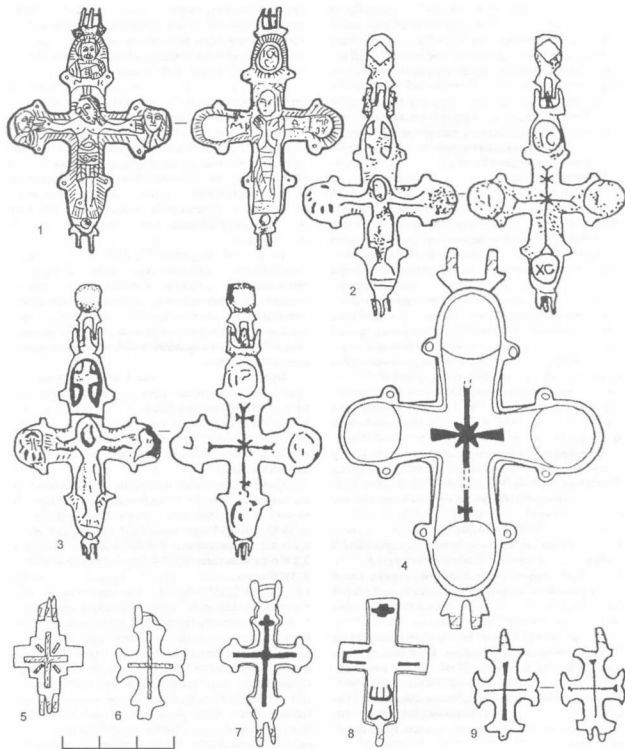

Рис. 5. Рельефно-инкрустированные и инкрустированные кресты-энколпионы. 1 – Мушкативка; 2, 4, 7 – Городище; 3 – Вистрия; 5, 6, 8, 9 – Капустинцы.

Fig. 5. Relief encolpians with inlaid work, and flat inlaid encolpians: 1 – Mushkativka; 2, 4, 7 – Horodyshe; 3 – Vistrya; 5, 6, 8, 9 – Kapustyntsi.

кой, состоящим из двух конусовидных половинок, полых внутри. Крест не имеет точной привязки к археологическому памятнику, поэтому его можно датировать только по аналогии с находками из Белза (Ратич 1957: 94, табл. XII, 32), Зеленче, Мельнищи-

Подольской, Чернытина, Лисневичей (Власова 1962: 254, рис. 5: 1, 2, 4, 7, 8), Выползовского городища (Зоценко 1981: 116, рис. 3), с усадьбы Грабцево под Калугой (Пушко 1989: 96, рис. 1), возле с. Мизюринцы Шумского района (бывш. Кременецкого уезда)

Тернопольской области. В статье В. Г. Пуцко (Пуцко 1989) было дано неправильное название села – Мазуришцы вместо Мизиоринцы. Подобные кресты в литературе датируются довольно широко – XI–XIII вв., но наибольший расцвет производства подобных крестов приходится на XII в. (Зоденко 1981: 123–124).

Происхождение второго креста с Богоматерью и младенцем неясно (из частной коллекции). Нет не только сопровождающего датирующего материала, но неизвестно из какой местности Тернопольской области он происходит. Мы имеем только ксерокопию изображения его нижней створки⁸. Сохранность последней неплохая. Хорошо читается лицо Богоматери с небольшим носом, выделенными губами и глазами. Такое же четкое лицо у полусидящего на руках матери младенца, отлично читаются хорошо очерченный нос, глаза и губы. Лицо младенца изображено в фас, а вся фигура – в профиль. Вокруг голов Богоматери и младенца заметны нимбы. Складки длинной одежды Богоматери и ребенка хорошо прорисованы, выделены даже пальцы на руках Богоматери. Ее правая рука согнута в локте и прижата к груди. Надпись с правой стороны плохо читаемая. В верхнем и боковых медальонах изображены святые: хорошо заметны короткие волосы, крупные носы, глаза, а также бороды и усы. Схожие энколпионы найдены в Перемышльской земле (Петегиринч 1996: 128, рис. 3), Болгарии (Дончева-Петкова 1985: 42, рис. 2), Галиче (Пастрнак 1998: 233, рис. 69, 4) и датируются XII–XIII вв.

К рельефным крестам-энколпионам относятся кресты с изображениями князей-мучеников Бориса и Глеба (рис. 4: 3, 4) (Ягодинская 2003: 91, Кат. II. 3. 1/17, 28 – табл. 40). Оба креста принадлежат фондам Боршевского музея.

Крест из с. Устье (размеры 9,2 × 4,8 см с оглавием, 7,7 × 4,8 см без оглавия) отличается прекрасной сохранностью и четкими изображениями (рис. 4: 3). На верхней створке помещено изображение князя Бориса (согласно надписи) в длинной складчатой одежде, поверх которой угадывается плащ, скрепленный на плече фибулой. На голове – шапка. Длинное облачение князя украшено по низу горизонтальной каймой с точечным орнаментом. В правой руке он держит однопалый кнотец. У его левого плеча нанесены литеры «БО». Ноги показаны схематично. В верхнем и боковых медальонах изображены прямые волосы, хорошо видны мелкие детали лиц: короткие волосы, глаза со зрачками, носы, губы, одежда в складках.

На нижней створке в центре – изображение Глеба (согласно надписи) также в длинной складчатой одежде и в плаще, скрепленном на левом плече застежкой-фибулой. На голове Глеба – княжеская шапка с оторочкой. В левой руке князь держит трехпалый кнотец, правая полусогнута в локте. Ноги изображены схематично. У правого плеча святого есть надпись: «ГЛ». В трех медальонах горизонтальной и верти-

кальной перекладин расположены святые с хорошо прорисованными, детализированными лицами. Они также одеты в одежду со складками. Обе створки соединены с помощью шарнира с биконических ушком, состоящим из двух конусовидных половинок.

Крест из с. Озерны (размеры 7,1 × 5,2 см без оглавия) худшей сохранности, фигуры не детализированы, изображения в медальонах схематичны и плохо читаемы (рис. 4: 4). На лицевой створке мощевика изображена фигура Глеба (согласно надписи) в длинной одежде и плаще, застегнутом на правом плече круглой фибулой. В правой руке он держит малый кнотец, рядом с ним, с другой стороны имеются нечетко читаемые буквы то ли «ГО», то ли «ГЛ». Левая рука полусогнута в локте и прижата раскрытой ладонью к груди.

На нижней створке нанесено изображение князя Бориса (согласно надписи) в княжеской шапке, в длинной одежде со складками, в левой руке он держит большой трехпалый кнотец. Правая рука полусогнута и раскрытой ладонью прижата к груди. У его правого плеча возле фигуры резцом нанесена надпись «[Б]О». Святые изображены в фас, лица схематичны, одежда в складках.

Кресты с изображениями Бориса и Глеба распространялись по всему Древнерусскому государству и за его пределами (Дончева-Петкова 1985: 46, рис. 1; Рыбаков 1971: 79, рис. 102; Станчак 1993: 90; Фигол 1997: 178). Датировка этих крестов также широка. Они начали свое хождение в конце XI века и доживают до XIX в.

Группа II. Рельефо-инкрустированные кресты-энколпионы. Группа рельефо-инкрустированных энколпионов представлена всего двумя крестами: 1) ТКМ А № 6276, размеры 7,6 × 4,2 см с оглавием, 4,7 × 4,2 см без оглавия; 2) ТКМ А № 6950, размеры 7,3 × 4,1 с оглавием, 7,3 × 4,1 см без оглавия (рис. 5: 2, 3) (Ягодинская 2003: 128, Кат. III. 2. 4/6 – табл. 74; 127, Кат. III. 2. 4/2 – табл. 74). Оба креста имеют закругленные концы перекладин и медальоны на концах, а также парные выступы. Кресты целые, створки соединены с гранеными оглавиями. Верхняя створка в центре имеет рельефное изображение Распятия и инкрустированные полустертые изображения предстоящих на боковых концах створки и креста в возгласии. На нижней створке таких энколпионов обычно бывают помещены только инкрустированные изображения: в центре крест с сиянием, в 4 медальона буквы «С ХС» «НІ КА». В нашем случае изображения плохо сохранились, но подобные есть на крестах Перемышльской земли (Петегиринч 1996: 127, рис. 2: 9).

Аналогичные кресты-энколпионы находят не только на территории древнерусского государства – Крылос, Яичин (Станчак 1993: 89, 90, рис. 1, 5, 6); Звенигород на Белке (Ратич 1957: 94, табл. XII, 39; Терский В., Терский С. 1998: 365, рис. 7), но и в Болгарии (Дончева-Петкова 1985: 51, рис. 6), Чехии (Рыбаков

⁸ Поскольку качество ксерокопии не позволяет воспринять это изображение в статье, приводим в качестве ближайшей аналогии створку чтимого Купятского энколпиона (Пескова 2003: 68, Кат. II. 1. 1/61). У них совпадает даже форма оглавия – граненого (Ред.).

1948: 325, рис. 207, 1а) и в других странах. Возможно, эти кресты производились в мастерских Киева. Нет единого мнения и относительно их датировки. Г. Ф. Корзухина датирует их второй четвертью XII в. (Корзухина 1958: 133), М. В. Седова – рубежом XI–XII вв. (Седова 1981: 57), Л. А. Голубева и Л. Дончева-Петкова – I половиной XIII в. (Голубева 1968: 29; Дончева-Петкова 1985: 50–51).

Группа III. Инкрустированные кресты-энколпионы. В эту группу вошло шесть крестов (рис. 5: 4–9). К наиболее крупным из них относится нижняя створка бронзового энколпиона с медальонами и выступами на концах перекладин (размер 10,1 × 7,1 см) (Ягодинская 2003: 143, Кат. IV. 2. 2/1 – без илл.). Створка была сильно коррозирована и патинирована (рис. 5: 4 – изображение до реставрации). Впервые она была опубликована в 1993 г. (Ягодинская 1993: 70, рис. 3). Тогда ошибочно изображения в медальонах были определены как монограммы Христа. После реставрации в боковых медальонах проявились погрудные изображения в фас святых Марка и Иоанна с надписями «МРК» и «IOAN». В верхнем и нижнем медальонах – святые Матфей и Павел с надписями «МТИЕ» и «ПАЛ»⁹. Все изображения святых инкрустированы серебром. Створка окаймлена рельефным валиком с косыми насечками. Центральной фигурой являлся восьмиконечный крест с сиянием также инкрустированный серебром. Датируется створка XII–XIII вв. Аналогичный инкрустированный крест найден в 1946 г. в Киеве во время раскопок жилища № 1 по Б. Житомирской улице (Каргер 1950: 177, рис. 133). В Болгарии в фондах музея г. Варны хранится энколпион, нижняя створка которого подобна нашей, только несколько меньших размеров. Он отнесен Л. Дончевой-Петковой к группе рельефно-инкрустированных крестов. Из-за плохой сохранности автор статьи не смогла идентифицировать изображения святых и ошибочно считает, что киевский мощевик является аналогичным болгарскому (Дончева-Петкова 1985: 49–50)¹⁰.

Остальные кресты этой группы отличаются своими миниатюрными размерами. На обеих створках нанесены изображения крестов.

Крест-энколпион (рис. 5: 5) бронзовый, литой (размеры 3,2 × 1,9 см), неравноконечный, с прямыми, несколько зауженными концами и выступающими в средокрестии уголками (Ягодинская 2003: 174, Кат. IV. 6. 4/12 – табл. 103). С обеих сторон изображен неравноконечный крест с сиянием. Похожий на него крест из Старой Рязани датируется XII в. (Даркевич, Пуцко 1981: 220, рис. 2, 13); из Галича (Фиголь 1997: 202) и Гродека над Бугом (Kokowsky E. i. A. 1997: 288, тус. 1, С) – XII–XIII вв. Производились они в мастерских Киева (Даркевич, Пуцко 1981: 225).

Два энколпиона с криновидными концами, с изображениями неравноконечного креста: 1) ТКМ А № 6173, размеры 3,0 × 1,8 см; 2) без номера, размеры 3,1 × 1,9 см (рис. 5: 6, 7) (Ягодинская 2003: 178,

Кат. IV. 6. 5/2,4 – табл. 102). Первый энколпион представлен двумя створками, а второй – только верхней. Подобный крест найден в Галиче (Фиголь 1997: 202). Датируются они XII–XIII вв.

Энколпион (рис. 5: 8) представлен нижней створкой (размеры 4,5 × 2,5 см) (Ягодинская 2003: 178, Кат. III. 3. 2/5 – табл. 77). На ней черной изображен шестиконечный крест с круглым средокрестием. Сам энколпион неравноконечный, с закругленными концами и выступами. Датируется XII–XIII вв.

Крест-энколпион (рис. 5: 9) представлен лицевой створкой (размеры 4,0 × 2,4 см) (Ягодинская 2003: 167, Кат. IV. 6. 1/24 – табл. 99). Изображение на ней читается очень плохо. Поверхность сильно коррозирована. Это неравноконечный бронзовый энколпион, инкрустированный серебром. Просматриваются остатки крестного древа, а также фрагменты изображения Распятия. Крест на концах несколько расширен. Датируется XII–XIII вв.

Нательные крестики

Нательные кресты делятся на отдельные группы по материалу изготовления: металлические, каменные, янтарные, а также крестики, сделанные из других материалов.

Металлические крестики. Данная группа крестов изготовлялась в двусторонних литейных формах из бронзы или белого металла (серебро, свинцово-оловянистые сплавы).

Равноконечный крестик с трехлопастными концами (рис. 6: 1) (размеры 4,1 × 3,2 см). Его концы и перекрестия оформлены в виде кругов. Все выемки заполнены желтой эмалью. В. А. Мазьм датирует подобные крестики XI–XII вв. (Мазьм 1968: 117). Они широко известны на территории Древнерусского государства (Пастернак 1998: 233, рис. 69, 17; Прищепа, Никольченко 1996: 97, 205, рис. 71, 6; Власова 1962: 256, рис. 6, 1; Макаров 1990: 209, табл. XXIV, 3), в частности, производились в мастерских Киева и князей Горы (Даркевич, Пуцко 1981: 22). В XIII веке они выходят из употребления.

Неравноконечный крестик с прямыми, несколько зауженными концами (рис. 6: 2) (размеры 3,1 × 1,4 см). На обеих сторонах изображен одинаковый неравноконечный крест. Крестик крепился за круглое ушко. Схожие с ним кресты из Новгорода (Седова 1981: 56, рис. 18, 5) и древнего Новогрудка (Гуревич 1981: 114, рис. 91, 5) датируются концом XII – первой половиной XIII вв.

Три крестика (рис. 6: 3) (размеры 2,3 × 1,2 см) с квадратными двусторонними средокрестиями. С одной стороны изображена четырехлепестковая розетка, а с другой – квадрат с вогнутыми сторонами. Подобные крестики были найдены около с. Зеленец (Власова 1962: 255, 256, рис. 5: 2, 4; Ратич 1957: 94, табл. XII, 27) и во время раскопок могильников в восточном Припонежье (Макаров 1990: 211, табл. XXVI, 22). Датируются такие крестики XII–XIII вв.

⁹ Возможно, что здесь из-за стертости надписи вместо имени евангелиста Луки ошибочно прочтено имя апостола Павла – *Ред.*
¹⁰ Л. Дончева-Петкова действительно и очень точно называет киевский энколпион аналогичным болгарскому по составу изображений, отмечая разницу в технологии их изготовления – *Ред.*

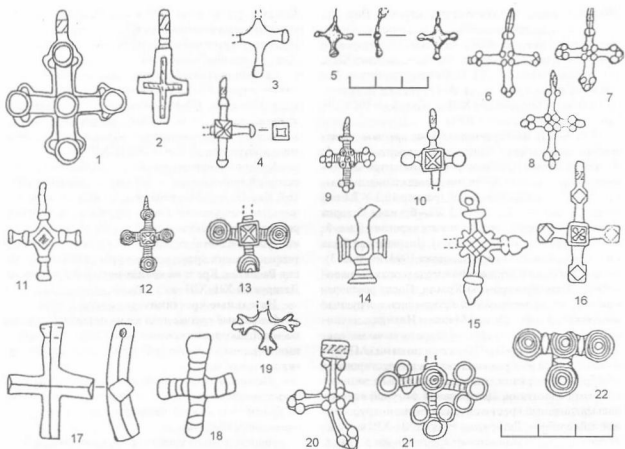

Рис. 6. Крестики, сделанные из металла. 1–4, 15, 17 – Капустинцы; 5 – Лисичники; 6, 7, 18, 21 – Крутилов; 8–14 – Городище; 16, 22 – Мушкативка; 19 – Беляя; 20 – Антоновцы.

Fig. 6. Metal crosses worn under clothing: 1–4, 15, 17 – Kapustyntsi; 5 – Lysychnyky; 6, 7, 18, 21 – Krutyliiv; 8–14 – Horodyshe; 16, 22 – Mushkativka; 19 – Bila; 20 – Antoniivtsi.

В коллекции представлено два крестика с ромбовидными средокрестиями (рис. 6: 4, 5) (размеры $1,6 \times 1,4$ см; $1,8 \times 1,6$). Концы перекладин оформлены в виде шариков (Олійник 1999:18, рис. 18, 10). Подобные крестики найдены во время раскопок на Водянском городище (Полубояринова 1978: 81, 82, рис. 17, 2) и Черновском городище (Возний 1998: 114, фото 99, 1) и датируются XII–XIII вв.

Три крестика одинаковой формы с двусторонними изображениями (рис. 6: 6, 7, 8). Два из них (ТКМ А № 3465, $2,4 \times 1,9$ см и № 6953, $2,2 \times 1,8$ см) равноконечные и один (ТКМ А № 6172, $2,6 \times 1,75$ см) неравноконечный. Средокрестие подквадратной формы. На средокрестии и на концах перекладин – имитация зерна. Аналогичные кресты происходят из с. Зеленце (Ратич 1957: 94, табл. XII, 28) и Черновского городища (Возний 1998: 114, фото 89). Д. А. Бельнская датирует такие кресты не ранее второй половины XII в. (Бельнская 1976: 89, pl. 1, 5), В. П. Даркевич – первой третью XIII в. (Даркевич 1981: рис. 2, 5), М. В. Седова – XII – серединой XIII вв. (Седова 1981: 52, 53, рис. 17, 4). Кресты №№ 3465 и 6953 были найдены во время археологических раскопок вместе с керамикой начала – середины XIII в.

Крестик (ТКМ А № 6183, $2,1 \times 1,5$ см) равноконечный литой двусторонний с подквадратным средокрестием, в центре которого и на концах перекладин – имитация зерна (рис. 6: 9). На средокрестии по 5 круглых шариков, на концах – по три. На поверхности всех перекладин имеют место мелкие рубчики. Похожий на наш крестик найден в древнем Галиче (Ратич 1957: 94, табл. XII, 2, 6). Датируется он XII–XIII вв.

Крестик (ТКМ А № 5785, $2,1 \times 1,7$) равноконечный литой, двусторонний с квадратным средокрестием, в центре которого изображен косою крест (рис. 6: 10). На концах перекладин имеются круглые шарики. Нижняя часть вертикальной перекладины отломана. Крестик подвешивался за ушко. Подобные крестики были найдены в Галиче (Лукомский 1998: 582, рис. 8, 2; Ратич 1957: 94, табл. XII, 27; Фіголь 1997: 159), Зеленце (Власова 1962: 256, рис. 6, 4), Днепровском (Козловский 1990: 59, рис. 31, 24), Полтаве (Ляпушкін 1949: 63, рис. 5), Нефедьево (Макаров 1990: 211, табл. XXVI, 22) и датируются XII–XIII вв.

Крестик ($2,7 \times 2$ см) нательный, двусторонний, равноконечный (рис. 6: 11). Средокрестие ромбовидное, на концах перекладин и возле средокрестия имеют место кольцевые выпуклости. Аналогичные

кресты происходят из с. Зелене (Власова 1962: 255, рис. 6: 6, 7) и Автуничского поселения (Моца 1997: 212, рис. 2) и датируются XII–XIII вв.

Крестик (ТКМ А № 5784, $2,1 \times 1,5$ см) двусторонний, равноконечный с квадратным средокрестием, в центре которого – крест (рис. 6: 12). Концы перекладин заканчиваются плоскими кругами с циркульным орнаментом. На перекладинах нанесены мелкие рубчики. Аналогичный ему, но больших размеров крестик (ТКМ А № 7062, $1,5 \times 2,15$ см) происходит с того же городища Бозок (рис. 6: 13). Подобные крестики были найдены при раскопках Киевского Подола (Сагайдак 1991: 88, рис. 43, 15). Киевский экземпляр датируется второй половиной XII в., что не противоречит нашей датировке XII–XIII вв.

Крестик (ТКМ А № 5786, $2,2 \times 1,4$ см) равноконечный, двусторонний, в центре средокрестия – круг; поверхность перекладин – рубчатая (рис. 6: 14). Концы перекладин расширены. Крестик явно бракованный: верхняя часть вертикальной перекладины тоньше всех остальных и смещена относительно центра. Аналогий ему не найдено. Датируется XII–XIII вв.

Крестик (без номера, $3,2 \times 1,9$ см) двусторонний, равноконечный (рис. 6: 15). Средокрестие оформлено в виде решетчатого ромба, в углах средокрестия – четыре луча сияния. Концы перекладин каплевидные с маленькими ограничивающими перекладинами. Аналогов данному кресту не найдено. Датируется XII–XIII вв.

Крестик (без номера, $3,3 \times 2,25$ см) двусторонний, равноконечный (рис. 6: 16). Средокрестие квадратное, в центре которого изображен крест. Концы перекладин имеют квадратную форму с изображением ромбов. Аналогов ему пока не найдено, датируется XII–XIII вв.

Крестик (без номера, $3,1 \times 2,3$ см) литой, неравноконечный, сделан из белого металла (рис. 6: 17). Побывал в огне, вследствие чего несколько деформирован. Перекладины в сечении ромбовидные. Аналогов ему не найдено, но по керамике, с которой был выявлен, датируется XII–XIII вв.

Крестик (ТКМ А № 4002, $2,7 \times 2,1$ см), сделанный из оловянисто-свинцового сплава, неравноконечный, односторонний, с закругленными концами, рубчатой поверхностью и квадратным средокрестием (рис. 6: 18). Концы заканчиваются шариками. Ушко отсутствует. Подобный нашему крестик был найден в Новгороде (Седова 1981: 51, 52, рис. 16, 18). Наш крестик, скорее всего, отливался по глиняному оттиску. Новгородский крестик датируется 20–30 гг. XIII в., наш экземпляр также был изготовлен приблизительно в это время.

Крестик (ТКМ А № 6746, $1,2 \times 1,9$ см), изготовленный из белого металла, односторонний, равноконечный, верх отломан (рис. 6: 19). Концы перекладин имеют трехлепестковое криновидное окончание, средокрестие четко не выделено. Похожий на наш крестик найден в Новгороде и датируется XIV–XV вв. (Седова 1981: 54, 51, рис. 16, 13), однако кресты с криновидными окончаниями были известны

в Византии еще в XI–XII вв. Наш крестик, найденный с керамикой XII–XIII вв., датируется этим временем.

Крестик (ТКМ А № 7058, $3 \times 1,8$ см), изготовленный из белого металла, двусторонний, равноконечный, с широким трубчатым ушком (рис. 6: 20). Половина горизонтальной перекладины отсутствует, нижняя часть вертикальной – изогнута. Средокрестие и концы перекладин оформлены грубой имитацией зерни: в средокрестии имеются пять круглых шариков, на концах перекладин – по три. Крестики с таким ушком известны в новгородских древностях (Седова 1981: 52, 53, рис. 17, 4). Датируется он XI в.

Крестик (ТКМ А № 6952, $1,9 \times 2,9$ см) наиболее массивный из всех белометаллических крестиков. Он равноконечный, двусторонний (рис. 6: 21). Верхняя перекладина с ушком отсутствуют. Средокрестие круглое, украшенное циркульным орнаментом. Концы перекладин оформлены тремя плоскими кругами примерно одинаковых размеров. Поверхность перекладин покрыта мелким нечастым рубчиком. Аналогий данному кресту не найдено. Крестик обнаружен в выбросе третьего капища Звенигородского городища-святынища и датируется концом XII – I половиной XIII вв.

Крестик (без номера, $1,7 \times 2,7$ см) также выполненный из белого металла (рис. 6: 22). Верхняя часть его отсутствует. Средокрестие и концы перекладин круглые и оформлены циркульным орнаментом. Аналогичные крестики также неизвестны. Датируется он по сопровождающей керамике XII–XIII вв.

Каменные кресты. Крестики, сделанные из разных пород поделочного камня: розового и серого шифера (пирофиллита), серпентина, липарита, черного сланца и других, составляют следующую группу натальных крестиков. По форме они делятся на две большие группы: 1) крестики с перекладинами прямоугольными в сечении; 2) крестики с круглым сечением перекладин. Абсолютно все крестики неравноконечные, но выделяются отдельные из них, по размерам приближающиеся к равноконечным. Отдельной группой стоят большие кресты с прямоугольным сечением и орнаментацией на лицевой стороне.

Крестики с прямоугольным сечением перекладин, немного суженных на концах, широко известны в памятниках Древнерусского государства (Николевская 1986: 142, рис. 75, 5–8; Прищепа, Никольченко 1996: 100, 168, рис. 34, 20, 21; Ткачев, Калединский, Бубенько 1987: 83, рис. 13; Толстой, Кондаков 1897: 19, рис. 8, 3; Фигаль 1997: 160) и датируются X–XIII вв. (рис. 7: 1–10).

Следует подчеркнуть, что древнерусские каменные крестики, происходящие с городища с. Капустинцы, расположенного в Западной Подолии, и крестики с городища Бозок (с. Городище), находящегося на стыке земель Западной Подолии и Юго-Западной Волыни, отличались по характеру сечения перекладин. Для первых характерно круглое сечение (рис. 7: 11–13), а для вторых – прямоугольное.

Отдельно стоят два крестика из с. Капустинцы. Первый ($3,7 \times 1,7$ см) сделан из черного сланца,

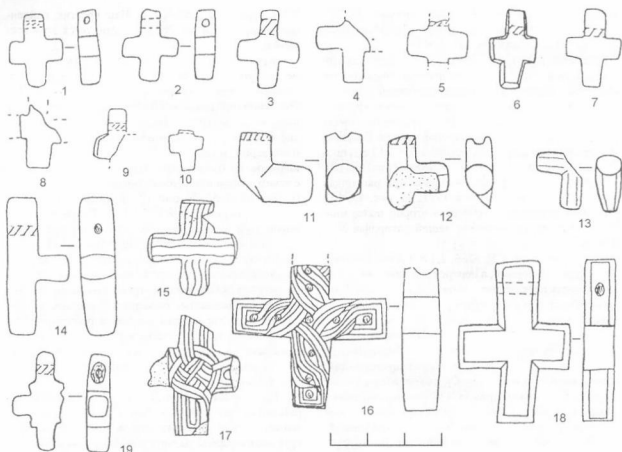

Рис. 7. Крестики, сделанные из камня. 1, 2, 4, 5, 8–10, 19 – Городище; 3 – Крутилов; 6, 7, 11–18 – Капустинцы.

Fig. 7. Stone crosses worn under clothing: 1, 2, 4, 5, 8–10, 19 – Horodyshche; 3 – Krutyliv; 6, 7, 11–18 – Kapustyntsi.

с овальными в сечении перекладинами (рис. 7: 14). Второй крестик ($2,5 \times 2,5$ см) небольшого размера, равносторонний, сделан из серого шифера (рис. 7: 15). Концы перекладин закруглены, поверхность покрыта рельефными волнистыми линиями, которые имитируют кору дерева. Аналогий этому кресту не найдено, по сопутствующей керамике он датируется XII–XIII вв.

К XII–XIII вв. относится неравноконечный крестик ($3,9 \times 4,2$ см), сделанный из черного сланца (рис. 7: 16). Перекладины его прямые, несколько суженные на концах, прямоугольные в сечении. Лицевая сторона украшена плетеной из двух прядей жгутов. В местах переплетения сделаны небольшие круглые углубления. Обратная сторона и боковые стороны тщательно зашлифованы. Похожий крест был обнаружен в Галиче (Фіголь 1997: 193) и датировался он XII–XIII вв.

Следующий крестик (размер $3,2 \times 2,4$ см) также сделан из черного сланца, его лицевая сторона оформлена в виде плетеньки (рис. 7: 17). Перекладины прямые, суженные на концах. Подобен кресту из Новогрудка (Гуревич 1981: 114, рис. 91, 7). Датируется XII–XIII вв.

Крест из черного сланца ($4,3 \times 3,0$ см), отлично отшлифованный, с прямыми, немного расширенны-

ми перекладинами и выделенными гранями (рис. 7: 18). Поверхность неорнаментирована, датируется XII–XIII вв.

Интересен небольшой крестик ($2,6 \times 1,3$ см) из розового шифера с выступающими уголками средокрестия (рис. 7: 19). Подобная форма характерна для янтарных крестиков Волынской земли. Датируется XII–XIII вв.

Янтарные крестики. Все янтарные крестики данной коллекции в основном происходят из древнерусского городища Бозок (с. Городище), за исключением одного, найденного в подплитовом погребении XII–XIII вв. (с. Лозовая, уроч. Под ланом). Они сделаны из темно-красного янтаря, который добывается на месторождении янтаря на Волыни (с. Клевань Ровенской области). Все рассматриваемые крестики отличаются своими миниатюрными размерами.

Крестик (ТКМ А № 6184, $1,35 \times 1,1$ см) с квадратом в средокрестии (рис. 8: 1). Перекладины небольшие, суженные на концах. Поверхность гладкая, зашлифованная.

Крестик (ТКМ А № 5787, $1,5 \times 1,1$ см) аналогичен первому, однако в углах квадратного средокрестия просверлены маленькие сквозные отверстия, которые облегчают рисунок креста, делают его ажурнее (рис. 8: 2). Датируется XII–XIII вв.

Фрагмент крестика (ТКМ А, без номера) по форме аналогичен первому кресту, за исключением миниатюрного циркульного орнамента, остатки которого сохранились на поверхности крестика (рис. 8: 3). Датируется XII–XIII вв.

Крестик (ТКМ А № 3339, $2 \times 1,45$ см) с квадратным средокрестием и сильно выступающими уголками (рис. 8: 4). Перекладины небольшие, суженные на концах. Лицевая сторона украшена циркульным орнаментом. Датируется XII–XIII вв.

Аналоги таким крестикам имеются в памятниках Ровенской области (Прищепа, Николыченко 1996: 227, рис. 93, 9), в Суздале (Седова, Беленькая 1981: 101, рис. 4, 1), Изяславле (Піскова 1988: 22, рис. 5, 2), Галиче (Лукомский 1998: 586; Пастернак 1998: 233; Розенфельд 1978: 201, рис. 1, 39, 40), а также в составе древнерусскогоклада из с. Городище Хмельницкой области (Якубовский 1975: 100, рис. 14, 6, 7; 101, рис. 15).

Крестики, сделанные из других материалов.

Крестик (ТКМ А № 3897, $4 \times 3,2$ см) неравноконечный, с немного зауженными концами и овальными в сечении перекладинами (рис. 8: 5). Средокрестие оформлено косым крестом. Крестик сделан из легкого органического материала коричневого цвета. Датируется второй половиной XII – первой половиной XIII вв. По форме он аналогичен крестам, воспроизведенным на рис. 7: 11–13.

Крестик (ТКМ А № 3898, $2,8 \times 2,5$ см) неравноконечный, односторонний (рис. 8: 6). На лицевой стороне прочерчен крест и сделана окантовка по контуру креста. Он изготовлен из материала, аналогичного предыдущему. Датируется второй половиной XII – первой половиной XIII вв.

Крестик (ТКМ А № 3917, $2,0 \times 1,75$ см) миниатюрный из перламутра (рис. 8: 7). Средокрестие квадратное, с чуть выступающими уголками. Перекладины на концах ромбовидные, с небольшими перекладинами. Ушко отломано. Точных аналогий ему не найдено, но перламутровые крестики известны на древнерусских памятниках, например, на Райковецком городище (Гончаров 1950: табл. XXII, 10). Датируется он по сопутствующей керамике второй половиной XII – первой половиной XIII вв.

Нательные иконки

Все представленные нательные иконки сделаны из бронзы и белого металла. По форме они делятся на прямоугольные и круглые монетовидные. Отдельно от них отстоит крестик-иконка (ТКМ А № 7061). В крестике-иконке отсутствует верхняя часть с ушком (рис. 9: 1). Она небольших размеров ($1,5 \times 1,75$ см), плоская, односторонняя, с прямыми зауженными концами. В центре крестика-иконки и на концах перекладин изображены святые. Изображения схематичны, надписей возле них нет. Подобный крестик был найден в с. Зеленец (Власова 1962: рис. 6, 10). Возможно, такие крестики-иконки производились в Галиче, где также был найден подобный крестик (Пастернак 1944: 181, рис. 69, 16).

Четыре одинаковые прямоугольные иконки с изображением Богоматери Оранты, стоящей в пол-

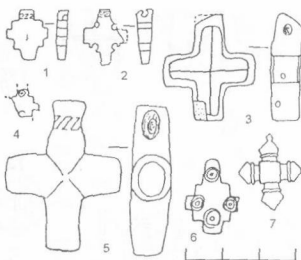

Рис. 8. Крестики, сделанные из янтаря. 1–3 – Городище; 4 – Лозова. Кресты из других материалов. 5–7 – Крутылюв.

Fig. 8. Amber crosses: 1–3 – Horodyshe; 4 – Lozova. Crosses made from other materials: 5–7 – Krutylyiv.

ный рост с поднятыми вверх и разведенными в стороны руками (рис. 9: 2, 3, 4, 5). Богоматерь одета в хитон и мафорий, который ниспадает складками. Над головой нимб. Около головы Богоматери зафиксирована надпись: с правой стороны «МР» с титлом, с левой – «ΟΥ». По контуру иконка окаймлена невысоким валиком. Эти иконки разной сохранности, но абсолютно одинаковых размеров – $2,15 \times 1,65$ без ушка. Скорее всего, они вышли из одной мастерской, где отливались в единой форме. Датируются XII–XIII вв.

Односторонняя монетовидная иконка с поясным изображением Богоматери Знамение (рис. 9: 6). По краям иконки нанесен орнамент в виде двух рядов треугольников и двух concentрических кругов. Аналогичны нашей подвеска-змеевик из Новгорода (Седова 1981: 67, 69, рис. 23, 3), а также из с. Зеленец (Власова 1962: 258, рис. 7, 4). Датируется XII–XIII вв.

Четыре монетовидные иконки-подвески объединяет мотив «процветшего» креста (рис. 9: 7, 8, 9, 10). Они отличаются друг от друга техникой изготовления, материалом и размерами. Две иконки двусторонние.

Двусторонняя монетовидная иконка ($2,2 \times 2,2$ см без ушка), сделанная из белого металла (рис. 9: 7). Изображение на обеих сторонах выполнено в технике инкрустации. На лицевой стороне помещено поясное изображение Иисуса Христа с поднятой в благословении правой рукой, левая держит раскрытый Кодекс. Изображение пропорциональное. Лицо небольшое, точками намечены глаза и изогнутой скобой рот. Вокруг головы крестчатый нимб. Рядом с фигурой намечены резцом буквы «С» и «Х». На обратной стороне имеется изображение «процветшего» креста. В центральной части – неравноконечный крест с маленькой поперечной перекладной и расширенными концами, процветшая часть – две ветви с тремя

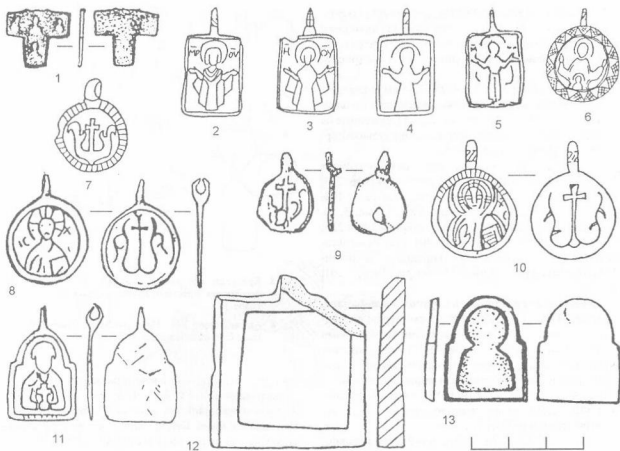

Рис. 9. Нательные иконки. 1 – Городище (крестик-иконка); 2, 8, 9, 10 – Мушкативка; 3 – Крутилов; 4, 6 – Капустинцы; 5 – Ныркв; 7 – Глыбочок; 11 – Старый Збарж; 12, 13 – Крутилов (заготовки под иконки).

Fig. 9. Icons worn under clothing: 1 – Horodyshche (cross-icon); 2, 8, 9, 10 – Mushkativka; 3 – Krutyliv; 4, 6 – Kapustyntsi; 5 – Nyrkiv; 7 – Hlybochok; 11 – Stary Zbarzh; 12, 13 – Krutyliv (unfinished icons).

отростками на них. Всю композицию можно рассматривать как стилизованный трезубый княжеский знак.

Аналогичная предыдущей монетовидная иконка (2,3 × 2,2 см), сделанная из бронзы (рис. 9: 8). Изображение на обеих сторонах выполнено серебром в технике инкрустации. Изображение благословляющего Иисуса отличается от предыдущего двойной чеканкой и окантовкой из коротких линий по контуру иконки. На оборотной стороне подвески изображен аналогичный предыдущему «процветший» крест, только с двумя отростками на каждой из ветвей.

Свинцовая односторонняя подвеска (1,95 × 1,85 см) с «процветшим» крестом (рис. 9: 9). Крест аналогичен предыдущим, но на ветвях имеется по одному отростку.

Свинцовая односторонняя подвеска (ТКМ А №7178, 1,5 × 1,5 см) с процветшим крестом, очень плохой сохранности (рис. 9: 10).

Мотив «процветшего» креста известен в византийских древностях с X–XI вв. (Макарова 1986: 107). Этим мотивом украшали подвески в древнем Новгороде (Седова 1981: 41) в XIII–XIV вв., свинцовые вислые печати (Прищепа 1996: 227, рис. 93, 2), медалионы барм (Макарова 1986: 109, рис. 54, № 304; 110, рис. 55, № 299). Двусторонние медалионы с благослов-

ляющим Иисусом и «процветшим» крестом встречаются среди находок Новограда (Гуревич 1981: 114, рис. 91, 4), Звенигорода (Терський В., Терський С. 1998: 367, рис. 91). Датируются такие иконки-подвески XII–XIII вв. (Успенская 1967: 107, рис. 18, 8; 111).

Бронзовая иконка (ТКМ А №7176, 3,05 × 1,9 см) подквадратной формы с полукруглым верхом, односторонняя (рис. 9: 11). На ней изображена выпуклая поясная фигура святого, держащего перед собой крест. Аналогии ей не известны. Предварительно датируется XII–XIII вв.

Заготовки для иконок. Бронзовая заготовка-кирочек (ТКМ А №3909, 3,7 × 2,2 см), подквадратной формы с полукруглым верхом, односторонняя (рис. 9: 12). По контуру иконки идет рамка. Центральная часть углублена для последующей заливки эмалью. Датируется концом XII – первой половиной XIII вв. (Русанова, Тимошук 1993: 58).

Заготовка для натальной иконки (ТКМ А № 6111, 4,1 × 4,1 см), квадратная по форме, сделана из легкого органического материала коричневого цвета (рис. 9: 13). Из такого же материала сделаны кресты, изображенные на рис. 8: 5, 6. На лицевой стороне намечена рамка. Датируется второй половиной XII – первой половиной XIII вв.

Разделители цепей и деталь от хороса. К предметам христианского культа относятся разделители цепей от кадиль (ТКМ А №33560, 6951) и чашечка-дискос от хороса (рис. 10: 1, 2). Разделители цепей фигурной формы, шестилучевые, с тремя петлями внизу для цепей и ушком сверху для подвешивания. Датируются они XI–XIII вв. Аналогичные были найдены в Дорогобуже (Прищепа 1996: 96; 207, рис. 73), в Галиче (Пастернак 1998: 234, рис. 15) и в Старом Збараже.

Деталь от хороса (ТКМ А № 6954, $7,0 \times 6,9 \times 0,2$ см) представляет собой круглую бронзовую литую подставку для свечи с углублением в центре и отверстием для штыря, на который надевалась свеча (рис. 10: 3). Аналогичные подставки найдены в летописном Василеве (Тимошук 1982: 29, рис. 14, 8), Киеве (Василенко 1977: 335, рис. 146; Каргер 1958: 382, рис. 84), в Переяславле-Хмельницком (Харламов, Трофименко 1992: 135, рис. 2, б). Датируется деталь от хороса первой половиной XIII в.

В представленной статье рассмотрена большая коллекция предметов христианского культа с городищ и селищ Западной Подолии и Юго-Западной Волыни, которая демонстрирует целостность материальной и духовной культуры разных частей Древнерусского государства, взаимосвязь и взаимообогащение центра державы и окраинных княжеств, между которыми существовала активная торговля культовыми предметами. Такая же оживленная торговля имела место между Киевом и соседними странами, далекими и совсем близкими. Кроме того, здесь существовали свои ювелирные мастерские, что подтверждается находками литых формочек из Глыбочка, Голбицы, Онышковец, Тереховки, где изготавливали не только мелкие предметы – крестики и иконки, но также энколпионы.

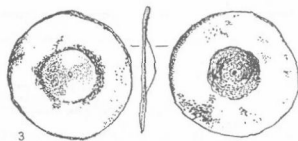
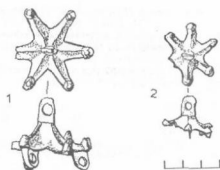

Рис. 10. 1–2 – Разделители цепей для лампад и кадиль; 3 – деталь от хороса.
1, 3 – Крутыливы; 2 – Капустинцы.

Fig. 10. 1–2 – Spacers of suspension chains of censers and church lamps; 3 – part of a choros.
1, 3 – Krutylyiv; 2 – Kapustyntsi.

В памятниках Западной Подолии и Юго-Западной Волыни наряду с широко известными типами крестов выявлены кресты, не имеющие себе аналогов среди произведений мелкой металлопластики Древней Руси, и они впервые вводятся в научный оборот.

Алексеев 1974 – Алексеев Л. В. Мелкое художественное литье из некоторых западнорусских земель (кресты и иконки Белоруссии) // СА. № 3. М., 1974. С. 204–219.

Алешковский 1972 – Алешковский М. Х. Русские глеборборисские энколпионы 1072–1160 гг. // Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. М., 1972. С. 104–125.

Антонович 1901 – Антонович В. Е. Археологическая карта Волынской губернии // Труды XI археологического съезда I. М., 1901.

Бельская 1976 – Бельская Д. А. Кресты и иконки из курганов Подмосквья // СА. № 4. М., 1976. С. 88–99.

Белов, Якобсон 1953 – Белов Г. Л., Якобсон А. Л. Квартал XVII (Раскопки 1940 г.) // Материалы по археологии юго-западного Крыма (Херсонес, Мангун) № 34. М.: Л. С. 109–159.

Василенко 1977 – Василенко В. М. Русское прикладное искусство. М., 1977.

Власова 1962 – Власова Г. М. Бронзовые изделия XI–XIII вв. из с. Зеленец // МАСП. № 4. С. 246–259.

Возний 1998 – Возний И. П. Черновицкая феодальная укріплена садиба XII–XIII ст. Чернівці, 1998.

Гаврилюк 1993 – Гаврилюк О. М. Давньоруські предмети християнського культу з Тернопільщини // Релігія і церква в національному відродженні України. Тернопіль, 1993. С. 5–8.

Гаврилюк 1994 – Гаврилюк О. М. Давньоруські городище Бозок // Населення Пруто-Дністровського межиріччя та суміжних територій в другій половині I – на початку II тисячоліття н. е. Чернівці, 1994. С. 49–52.

Голубева 1968 – Голубева Л. А. «Квартал металлургов» в Вышгороде // Славяне и Русь. М., 1968. С. 25–33.

Гончаров 1950 – Гончаров В. К. Райковецкое городище. К., 1950.

Гуревич 1981 – Гуревич Ф. Д. Древний Новогрудок. Л., 1981.

Даркевич, Пуцко 1981 – Даркевич В. П., Пуцко В. Г. Произведения средневековой металлопластики из находок в Старой Рязани (1970–1978 гг.) // СА. № 3. 1981. С. 218–232.

Дончева-Петкова 1985 – Дончева-Петкова Л. Древнерусские крестово-энколпионы от Болгарии // Археология. № 1. 1985. С. 45–54.

Древнерусские поселения... 1984 – Древнерусские поселения Среднего Поднестровья. Киев, 1984.

Залеская 1965 – Залеская В. П. К вопросу о датировке и происхождении некоторых групп так называемых «сиривский» крестов // Тезисы докладов VII Всесоюзной конференции византистов в Тбилиси. Тбилиси, 1965. С. 91–93.

Зоценко 1981 – Зоценко В. Н. Об одном типе древнерусских энколпионов // Древности Среднего Поднестровья. Киев, 1981. С. 113–124.

Каргер 1949 – Каргер М. К. Киев и монгольское завоевание // СА. Т. XI. 1949. С. 55–102.

Каргер 1950 – Каргер М. К. Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1950.

Каргер 1958 – Каргер М. К. Древний Киев. М.; Л., 1958. Т. 1.

Козловский 1992 – Козловский А. О. Историко-культурный розвиток Південного Подніпров'я в IX–XIV ст. Київ, 1992.

Корзухина 1958 – Корзухина Г. Ф. О памятниках «юрсуного дела» на Руси // ВВ. Т. 14. М., 1958. С. 129–137.

- Кузнецов 1968 – *Кузнецов В. Н.* Эпиклонии Северного Кавказа // Славия и Русь. М., 1968. С. 80–86.
- Куницкий 1990 – *Куницкий В. А.* Близькохідні епиклонії на території Південної Русі // Археологія. № 1. Київ, 1990. С. 106–116.
- Лукомський 1998 – *Лукомський Ю.* Невідомі церкви на Подолі княжої Галича // ЗНТШ. Т. ССХХV. Львів, 1998. С. 559–593.
- Лукомський, Петегірич 1998 – *Лукомський Ю., Петегірич В.* Рідкісні епиклонії XII ст. із княжої Галича // ЗНТШ. Т. ССХХV. Львів, 1998. С. 619–622.
- Лагушкін 1949 – *Лагушкін І.* Старослов'янське поселення VIII–XIII ст. на території м.Полтави // АП УРСР. Т. 1. Київ, 1949. С. 58–75.
- Малеєв 1987 – *Малеєв Ю. Н.* Раскопки в с. Бедрюковцы // АО 1985 г. М., 1987. С. 365–366.
- Макаров 1990 – *Макаров Н. А.* Населення руського Севера в XI–XIII вв. М., 1990.
- Макарова 1986 – *Макарова Т. И.* Черное дело Древней Руси. М., 1986.
- Малы 1968 – *Малы В. А.* Крестик с эмалью // Славия и Русь. М., 1968. С. 113–117.
- Моця 1997 – *Моця О. П.* Господарство давньоруського Лютинського поселення на Поліссі // Проблеми походження та історичного розвитку слов'ян. Київ; Львів, 1997. С. 209–214.
- Никольская 1968 – *Никольская Т. Н.* К истории древнерусского города Серенска // КСИА. № 113. 1968. С. 108–116.
- Никольская 1986 – *Никольская Т. Н.* Новые данные к истории Серенска // КСИА. № 187. 1986. С. 41–51.
- Никольская 1987 – *Никольская Т. Н.* Городище Слобода XII–XIII вв. М., 1987.
- Олійник 1993 – *Олійник В.* Робота Південно-тернопільської експедиції // Наукові записки Тернопільського краєзнавчого музею. Тернопіль, 1993. С. 39–35.
- Олійник – *Олійник В.* Звіт про роботу Південно-тернопільської експедиції за 1998 рр. // Фонди Тернопільського краєзнавчого музею. Т.КМ РД-11922.
- Пастернак 1961 – *Пастернак Я.* Археология Украины. Торонто, 1961.
- Пастернак 1937 – *Пастернак Я.* Нові археологічні набутки музею НТШ у Львові за час від 1933–1936 рр. // ЗНТШ. Т. СЛIV. Львів, 1937. С. 241–268.
- Пастернак 1998 – *Пастернак Я.* Старий Галич. Івано-Франківськ, 1998.
- Пекарська, Пуцко 1989 – *Пекарська Л. В., Пуцко В. Г.* Давньоруські епиклонії в збірці музею історії м. Києва // Археологія. № 3. Київ, 1989. С. 84–94.
- Пелешинці, Чайка 1991 – *Пелешинці М. А., Чайка Р. М.* Нові давньоруські ювелірні вироби із Західної Волині // Археологія. № 1. Київ, 1991. С. 137–141.
- Перхавко 1987 – *Перхавко В. Б.* Находки эпиклониев на территории Югославии // СА. № 4. М., 1987. С. 206–219.
- Пескова 2003 – *Пескова А. А.* Каталог древнерусских эпиклониев // Корзухина Г. Ф., Пескова А. А. Древнерусские эпиклонии: нагрудные кресты-реликварии XI–XIII вв. СПб., 2003.
- Петегірич 1982 – *Петегірич В. М.* Археологічні джерела про писемність на південно-західних землях Київської Русі // Київська Русь: культура і традиції. Київ, 1982. С. 39–45.
- Петегірич 1994 – *Петегірич В. М.* Хрести-епиклонії Галицько-Волинської землі XII–XIII ст. // Населення Прусьсько-Дністровського межиріччя та суміжних територій в другій половині I – на початку II тисячоліття н. е. Чернівці, 1994. С. 38–40.
- Петегірич 1996 – *Петегірич В. М.* Значення Перемішля в утвердженні християнства на південно-західних рубежах Київської Русі в XI–XIII ст. // Rozprawy i zwiadzenia. Pogranicze etniczne polsko-rusko-slowackie w sredniowieczu. Rzeczów, 1996. S. 125–132.
- Петегірич, Сохачький 1996 – *Петегірич В. М., Сохачький М.* Західні княжої доби із с. Устя на Борщівщині // Літопис Борщівщини. Вип. VII. Борщів, 1996. С. 16–18.
- Піскова 1988 – *Піскова Г. О.* Скарби стародавнього Ізяслава // Археологія. № 61. Київ, 1988. С. 16–35.
- Прицпа, Ніколиченко 1996 – *Прицпа Б. А., Ніколиченко Ю. М.* Літописний Дорогобуж в період Київської Русі. Рівне, 1996.
- Полубояринова 1978 – *Полубояринова М. Д.* Русские люди в Золотой Орде. М., 1978.
- Пуцко 1987 – *Пуцко В. Г.* Древнейшие типы киевских крестов-эпиклониев // Труды V международного конгресса славянской археологии. Т. III. Вып. 2–6. М., 1987. С. 62–75.
- Пуцко 1989 – *Пуцко В. Г.* Створка креста-эпиклония из Гравецко // КСИА. № 198. 1989. С. 95–99.
- Ратич 1957 – *Ратич О.* Давньоруські археологічні пам'ятки на території західних областей УРСР. Київ, 1957.
- Розенфельд 1978 – *Розенфельд Р. Д.* Янтарь на Руси (X–XIII вв.) // Проблемы советской археологии. М., 1978. С. 197–208.
- Русанова, Тимошук 1993 – *Русанова И. П., Тимошук Б. А.* Языческие святилища Древних славян. М., 1993.
- Рыбаков 1951 – *Рыбаков Б. А.* Впичж – удельный город XII вв. М., 1951.
- Рыбаков 1948 – *Рыбаков Б. А.* Торговля и торговые пути // История культуры Древней Руси. М.; Л., 1948. С. 315–369.
- Рыбаков 1964 – *Рыбаков Б. А.* Русские датированные надписи XI–XIV вв. // САИ. Вып. Е1–44. М., 1964.
- Рыбаков 1971 – *Рыбаков Б. А.* Русское прикладное искусство. Л., 1971.
- Сагайдак 1991 – *Сагайдак М. А.* Давньокітвіський Поділ. Київ, 1991.
- Седова 1972 – *Седова М. В.* Ювелирные изделия из Ярополча Залеского // КСИА. № 129. 1972. С. 70–76.
- Седова 1981 – *Седова М. В.* Ювелирные изделия из древнего Новгорода. М., 1981.
- Седова, Бельская 1981 – *Седова М. В., Бельская Д. А.* Окальничий город Суздаль // Древнерусские города. М., 1981. С. 95–115.
- Станчак 1993 – *Станчак Я.* Збірка епиклоніїв з фондів Львівського історичного музею // Наукові записки. Вип. 1. Львів, 1993. С. 87–95.
- Терський В., Терський С. 1998 – *Терський В., Терський С.* До історії дослідження літописного Звенигорода // ЗНТШ. Т. ССХХV. Львів, 1998. С. 358–372.
- Тимошук 1982 – *Тимошук Б. О.* Давньоруська Бужовина. К., 1982.
- Ткачев, Колединский, Бубенько 1987 – *Ткачев М. А., Колединский Л. В., Бубенько Т. С.* Средневековый Витебск // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Т. III. Вып. 1–6. М., 1987. С. 80–88.
- Толочко, Гуцало 1975 – *Толочко П. Л., Гуцало К. М.* Раскопки Києва у 1969–1970 рр. // Стародавній Київ. Київ, 1975. С. 5–27.
- Толстой, Кондаков 1897 – *Толстой И., Кондаков И.* Курганные древности и клады домонгольского периода. Русские древности в памятниках искусства. Вып. 5. СПб., 1897.
- Ур'єва 1991 – *Ур'єва А. Ф.* Стратиграфия и хронология раскопки УС-У в Смоленске // Смоленск и Гнездо. М., 1991. С. 80–104.
- Успенская 1967 – *Успенская А. В.* Нагрудные и поясные привески // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М., 1967. С. 88–132.
- Фіголь 1997 – *Фіголь М.* Мистецтво стародавнього Галича. Київ, 1997.
- Фоняков 1991 – *Фоняков Д. М.* Цветной металл Торонто (тапология и технология) // СА. № 2. 1991. С. 217–231.
- Харламов, Трофименко 1992 – *Харламов В. О., Трофименко Г. В.* Нові дослідження Воскресенської церкви в Переяславлі-Хмельницькому // Археологія. № 3. Київ, 1992. С. 133–138.
- Ягодницька 1993 – *Ягодницька М. О.* Хрести та іконки княжої доби із Західної Поділля // СА. № 1. Львів, 1993. С. 67–71.
- Ягодницька 2003 – *Ягодницька М. А.* Каталогные описания древнерусских крестов-эпиклониев из Юго-Западной Волини и Западной Подольи // Корзухина Г. Ф., Пескова А. А. Древнерусские эпиклонии: нагрудные кресты-реликварии XI–XIII вв. СПб., 2003.
- Якобсон 1950 – *Якобсон А. Л.* Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.) // МИА. № 17. М.; Л., 1950.
- Якубовський 1975 – *Якубовський В. І.* Давньоруський скарб з с. Гордище Хмельницької області // Археологія. № 16. Київ, 1975. С. 87–104.
- Auction 177. Münzen und Medaillen antiken. München, 1993.

Cynkowski 1961 – *Cynkowski A. Materiały do pradziejów Wołynia i Polesia Wołyńskiego*. Warszawa, 1961.
 Janusz 1918 – *Janusz B. Zabytki przedhistoryczne Galicji Wschodniej*. Lwów, 1918.
 Janusz 1934 – *Jakimowicz R. Szlak wyprawy kijowskiej Bolesława Chrobrego w świetle archeologii* (Przyba ujęcia zagadnień

wczesnohistorycznych Wołynia) // *RW. T. III. Równe*, 1934, S. 10–104.
 Kokowsky 1997 – *Kokowsky E. i A. Miniaturowe relikwiarze-encolpiony z Gródka nad Bugiem* // *Archeologia Polski Środkowoschodniej*. T. II. Lublin, 1997, S. 287–289.
 Kolo – *Kolo T. S. L. w Tamopolu*. Albatros, Lwów, s.d.

ANCIENT RUSSIAN OBJECTS OF THE CHRISTIAN CULT FROM WESTERN PODILLYA AND SOUTH-WESTERN VOLYN

OLEH HAVRYLYUK, MARYNA YAHODYNSKAYA
 (Ternopil, Ukraine)

Many of the ancient Russian objects connected with the Christian cult, now preserved in the Ternopil Regional Museum and at its branches in Borshchiv, Zalishchyky, and Kremenets, or in private collections, came from western Podillya and south-western Volyn (two districts now united into the Ternopil Region) (Fig. 1). This paper presents a description of 23 encolpions, several crosses worn under clothing, 13 icons worn under clothing and 2 unfinished items, 2 spacers of suspension chains, and 1 part of a choros.

Encolpions are subdivided into relief ones, relief inlaid encolpions and flat inlaid encolpions. According to the subject represented, they are divided into: crosses with Saints Boris and Gleb – 2 items; a crucifix and the Virgin Orans – 6; a crucifix and the Blessed Virgin with the Baby in arms – 2; a crucifix and Saint Nicholas – 1; Christ-Pantocrator and Saint Nicholas – 1; Christ-Pantocrator and the Virgin – 1; one-sided encolpion with a crucifix – 1; unfinished cross prepared for enamelling – 1 (Figs. 2; 3; 4). All of the encolpions mentioned above belong to the group of the relief crosses (group 1). The second group (relief inlaid encolpions) have a crucifix on the obverse and an irregular cross inside an aureole of radiance on the reverse (2 items) (Fig. 5). The third group (flat inlaid encolpions) includes an encolpion with an irregular cross inside an aureole of radiance and different saints in medallions (1); miniature encolpions with a cross both on the obverse and on the reverse (5) (Figs. 5).

Small crosses worn under clothing are subdivided into several groups depending on the material they are made from: metal, stone, amber, etc. Metal crosses were cast in double-sided moulds from bronze or white metal (silver or pewter). Some are enamelled (Fig. 6).

Another group of personal crosses is made from pink or grey slate, serpentine, shale, or some other stones. These crosses include two large subgroups: crosses with cross-beams of rectangular section and those with cross-beams of round section (Fig. 7). In addition, there is a group of rather large crosses of rectangular section with ornamentation on the obverse (Fig. 7: 16, 17). All the amber crosses from the collection under consideration were found on the territory of the early Russian fortified settlement of Bozok (now the village of Horodyshe, Ternopil Region). They are made from dark-red Volyn amber (Figs. 8: 1–4). The collection includes a few crosses made from mother-of-pearl and some brown organic materials (Fig. 8: 5–7).

The icons worn under clothing are made of bronze or white metal and include rectangular and round coin-shaped items. They bear images of the Virgin Orans, the Sign of the Virgin and little Christ, Christ and the motif of the «Flowering Cross» (Fig. 9: 2–11). Of special interest are also an icon-cross with images of Saints (Fig. 9: 1) and two unfinished icons (Fig. 9: 12, 13).

The Christian cult objects from the collection include spacers from suspension chains of censers and church-lamps and a small cup-discos from a choros (Fig. 10: 1–3).

The objects of the Christian cult from ancient Russian settlements of western Podillya and south-western Volyn described in this paper demonstrate the unity of the material and spiritual culture of different regions in ancient Rus and continuous communications between the metropolis and outlying districts of the state. Besides the well-known types of early crosses from western Podillya and south-western Volyn, certain unique masterpieces made from non-ferrous metals have been discovered in the collection and are first published here.

ОБ ОДНОЙ ГРУППЕ КАМЕННЫХ ИКОН СПАСА НА ПРЕСТОЛЕ

В. Г. ПУЦКО¹

Культурное наследие средневекового Новгорода постоянно находится в поле зрения археологов и историков искусства, и, казалось бы, уже почти нет вопросов, требующих своего решения, особенно из круга проблем, касающегося путей развития древнерусской культуры в целом. В действительности, как можно в этом убедиться, разнообразие материала весьма затрудняет его общий широкий охват, одновременно учитывающий небольшие локальные группы памятников. Значение последних, в свою очередь, определяется крайне различно: от выявления индивидуальной манеры ремесленника до освещения целого направления в развитии художественного ремесла. Разумеется, существуют и своего рода промежуточные звенья, которые фиксируют наиболее яркие явления, имеющие порой импульсы извне, привнесенные в силу конкретных исторических причин.

Среди многочисленных произведений новгородской каменной резьбы XIV в. достаточно образцов, без которых трудно представить локальное развитие иконографии, стиля и разнообразных манер. К сожалению, не все предметы могут быть надежно датированы. Однако время от времени появляются возможности привязать хронологию отдельных находок к древним культурным напластованиям, и тем самым откорректировать их датировку. И все же основная масса резных каменных икон малых форм указанного периода, коллекционного происхождения, в значительной мере уже служившая предметом общего изучения (Рындина 1978; Николаева 1983), может еще долго оставаться источником, без привлечения которого невозможно осветить самые загадочные композиции.

Вряд ли надо подвергать сомнению положение, согласно которому образцами для резчиков каменных икон служили преимущественно живописные оригиналы: молельная икона и книжная миниатюра. Исключения немногочисленны и относятся к воспроизведению палестинских свлгов. Следовательно, ничто не препятствует тому, чтобы воспринимать резные изображения Спаса на престоле именно как рельефный, пластический вариант широко распространенного в христианском мире иконографического образа. Об его разновидностях можно судить по многочисленным примерам, популярным в Византии и на Западе (Carizzi 1964; Rademacher 1964). Не станем здесь останавливать внимание на известной в Новгороде схеме Денсуса, представленной, в частности, в ряде каменных образцов XIV в. (Николаева 1983: №№ 109, 110, 113, 117, 171), и обратимся непосредственно к изображению тронного Христа Пантократора с парящими ангелами и предстоящими определенными святыми, состав которых, судя по все-

му, не является стабильным. Известно всего лишь три иконы с этим сюжетом; сказалось ли здесь определенное течение, и каковы его истоки, — об этом, собственно, и пойдет речь.

В середине XIX в. в «Русском музее П. Р. Коробанова» хранилась шиферная икона в украшенной камнями золотой оправе, с серебряным оглавием, позже вошедшая в состав дворцового имущества, откуда поступила в Музей Московского Кремля (ина. № 4319 — рис. 1: 1). Она в одном случае была отнесена к лучшим из образцов группы произведений новгородской каменной пластики первой половины — середины XIV в., инспирированных греческой традицией (Рындина 1978: 53, рис. 33, 34), в другом — датирована концом XIV — началом XV в. и включена в перечень иконок в иконописном стиле, с предположением о возможной принадлежности вяземским князьям (Николаева 1983: 33, 100–101, табл. 36: 3; № 206). Ювелирная оправка не старше XVI в., а укрепленные на ней изумруды и рубины, судя по характеру каст, относятся к еще более позднему времени. Все говорит о том, что резная икона длительное время находилась на виду и, скорее всего, принадлежала богатому владельцу, может быть даже вывезена при разгроме Новгорода и опустошении его церковных ризниц Иваном Грозным в 1570 г. и затем помещена в изготовленное для нее драгоценное обрамление. Всегда в подобных случаях учитывалась древность иконы, игральная роль и предания об ее происхождении.

Образок, размером $6,3 \times 6,0 \times 0,8$ см, округленной вверху и расширяющейся к низу формы, с изображением с лицевой стороны в невысоком и плоском рельефе Спаса на престоле с двумя полуфигурами архангелов в верхней части композиции и предстоящими в молении в рост Симеоном и Иуданией, как свидетельствуют сопроводительные надписи (СЕМЕНЬ, УЛИАНА). На обороте представлены стоящими фронтально в рост апостол Петр, св. Николай и мученик Никита (рис. 1: 1). Судя по признакам индивидуальной манеры резьбы, обе композиции выполнены одновременно одним мастером, но с использованием стилистически отличавшихся друг от друга образцов. Сочетание образов этих весьма почитаемых в средневековом Новгороде святых могло иметь различные причины, обусловленные заказом. Если, в соответствии с предположением, высказанным Т. В. Николаевой, святые на иконе, предстоящие Спасу в молении, соименны вяземскому князю Симеону Мстиславичу и его жене княгине Ульяне, убитой князем Юрием Святославичем Смоленским в 1406 г., которая позднее почиталась в Торжке как святая (Барсуков 1882: 281–282), то икона изготовлена в конце

¹ Россия. 248610. Калуга. Ул. Ленина, 104. Областной художественный музей.

Рис. 1. Каменные иконы Спаса на престоле.

Fig. 1. Stone icons with representations of the throned Saviour.

XIV в. В таком случае архаика характера резьбы может быть объяснена лишь при условии, что она соответствует более ранней иконографии, восходящей к определенному, вполне конкретному чтимому образу тронного Христа.

Оригинал этого изображения был, несомненно, константинопольского происхождения, о чем свиде-

тельствует фигура сидящего на престоле без спинки Христа в мозаике южной галереи собора св. Софии в византийской столице, выполненной между 1034–1042 гг. (Mango 1962: 27–29, fig. 14). Позже этот иконографический образ воспроизведен в мозаиках конхи апсиды диаконника собора в Торчелло (первая половина XII в.), в Палатинской капелле в Палермо

Рис. 2. Изображения Спаса на престоле на новгородском выносном басменном кресте.

Fig. 2. Images of the throned Saviour on a Novgorodian silver-plated cross carried during processions.

(1132–1140 гг.), в куполе Мартораны в Палермо (1146–1151 гг.) и, что в данном случае особенно важно, – в апсидальной фреске Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря в Пскове, росписи которого осуществлены по заказу новгородского архиепископа Нифонта до 1156 г. (Родникова 1990: 28). На популярность именно этого изображения в Новгороде (рис. 2), с характерными иконографией и пропорциями, указывают басменные рельефы выносного креста начала XIV в. из церкви архангела Михаила на Михайлове улице (Пуцко 2000: 258–266). Следовательно, резчик описываемой иконы из темно-коричневого шифера действительно следовал более ранней локальной традиции. Но откуда в общую иконографическую схему были привнесены полуфигуры архангелов и изображения стоящих по сторонам престола в молении святых?

Около 1891 г. в Ростове, близ Лазаревской церкви был обнаружен фрагмент двусторонней каменной иконы, размером $7,6 \times 4,6 \times 1,3$ см, вскоре поступивший в местный музей церковных древностей. Изделие было отнесено к среднерусской группе произведений (Николаева 1983: 126–127, табл. 53, 2. № 297; Рындина 1997: 251–258), тогда как, по нашему мнению, образок вполне органично входит в группу новгородских образцов рубежа XIII–XIV вв. (Пуцко 1997: 95–102). На одной стороне образка представлен тронный Христос Пантократор с облачными ангелами и предстоящим преподобным (рис. 1: 3), на другой – Гроб Господень, с фигурами воинов, жен-мироносиц и парящих ангелов, в соответствии с ранней новгородской иконографической традицией, складывающейся в XIII в. (Пуцко 1998: 159–183). Изображение Спаса на престоле с наклоненной раскрытой книгой находит наиболее близкую типологическую параллель в живописи иконы Деисуса из псковской церкви Николая от Кожы, датируемой первой половиной XIV в. (Родникова 1990: 293, № 9), стилистически сближаемой с итало-греческими памятниками XIII в., главным образом, в трактовке ассиста. Здесь на фоне также присутствуют фигурки парящих ангелов. Указанная иконографическая формула лишь с некоторыми отличиями повторена в резьбе еще одной двусторонней иконы из глинистого темно-коричневого сланца, размером $6,1 \times 5,6 \times 1,0$ см, из собрания Ф. Л. Плюшкина (рис. 1: 2). Это изделие, датируемое XIV в., отнесли к числу как новгородских (Рындина 1978: 64, илл. 50), так и псковских (Николаева 1983: 116–117, табл. 47, 2. № 269). В этом нет противоречий, поскольку локализация Псковом группы каменных образков носит сугубо гипотетический характер. Спас на престоле – удлиненный и узкоплечий, выполнен в низком и плоском рельефе, престол с высокой спинкой. Полуфигуры летящих ангелов с крестами в руках сильно сглаженные. В изображениях предстоящих с запрокинутыми головами детали почти неразличимы. Единственно, что можно отметить: в левой части композиции – святитель с острокопечной бородой, возможно, это Василий Великий. На оборотной стороне сильно сглаженные фигуры фронтально стоящих в рост двух преподобных.

В этой небольшой группе каменных изделий, выполненных примерно в течение одного столетия, при всех иконографических и качественных отличиях резьбы, удивительно оказывается следование однажды усвоенной общей схеме, совсем не представленной в византийском материале, где известен иной мотив: Христос, венчающий обращенных к нему в молении святых воинов (Kalavrezou-Maxeiner 1985: № 5–7, 25, 26, 100). Эта схема была воспринята не позднее второй половины XIII в., скорее всего из западного источника, хотя вряд ли непосредственно. Заметим, что парящих ангелов по сторонам тронного Христа можно видеть уже в мозаиках XII в. в Палермо и Монреале. Медальоны с погрудными изображениями архангелов с мерилами в руках, расположенные по сторонам Христа, восседающего на троне без спинки, надо отметить на большом

Рис. 3. Икона Богоматери с младенцем на престоле с предстоящими свв. Николаем и Климентом. Из церкви архангела Гавриила в Вологде.

Fig. 3. Icon of the Blessed Virgin throned with the Baby and Sts. Nicholas and Clement standing in front. The Church of Archangel Gabriel.

по размерам резном хризопразе Ватиканского музея, относящемся к XII–XIII вв. (Righetti 1955: 25–26, tav. XI, 2). В византийских рельефах из слоновой кости с изображением Христа либо Богоматери с мла-

денцем этот иконографический мотив появляется уже во второй половине X в., но впоследствии сохраняется лишь в композиции Распятия, трансформируясь в изображения скорбящих ангелов.

Писавшие о рассматриваемых каменных иконах авторы обращали внимание на фигуры предстоящих гораздо меньшей величины по сравнению с деисусной схемой, но не дали этой особенности никакого объяснения. Между тем она соответствует нормам римской церковной живописи XIII в., о чем свидетельствуют мозаики церкви Санта Мария ин Арачели и св. Хрисогона, датируемые соответственно серединой и последней четвертью этого столетия (Oakeshott 1967: 311–312, 345, Abb. 191, 194). В византийском искусстве так изредка изображали донаторов в миниатюрах рукописей. Западная иконографическая формула представления заказчика в коленопреклоненной позе особенно характерна для композиций бенедиктинской книжной миниатюры XII в. (Borries-Schulten 1967: 201–208, Abb. 1, 2, 5, 6). В первой четверти XIII в., благодаря болгарской унии с Римом, она проникает и в славянское книжное искусство, о чем свидетельствует изображение попа Добрейша предстоящего Иоанну Богослову (Грабар 1925: 558–566, рис. 76; Пуцко 1985: 65–73), а также известная сербская икона ашолотов Петра и Павла (около 1300 г.), со стоящими внизу фигурками королей (Татищ-Джурич 1967: 11–16). Наконец, в этой связи должна быть упомянута икона XIV в. Богоматери с младенцем на престоле с предстоящими святыми Николаем и Климентом, из церкви архангела Гавриила в Вологде (рис. 3). В результате ее иконографического анализа

удалось установить факт опосредованного использования западного оригинала, скорее всего, с фигурами предстоящих донаторов (Пуцко 1995: 152–163). С учетом этого произведения относительно каменной иконы из собрания Ф. М. Плюшкина (рис. 1: 2) стоит заметить, что не исключено предстояние тех же святых, но расположенных в ином порядке: внешность Климента схожа с иконографическим образом Василия Великого.

Описанные три каменные иконы, наиболее ранняя из которых выполнена около 1300 г. (рис. 1: 3), а остальные – вероятнее всего почти столетием позже (рис. 1: 1, 2), несомненно, открывают малоизученную страницу новгородской средневековой пластики. Она явно отмечена воздействием того художественного течения, которое возникло в Византии в результате крестовых походов и проявилось в полной мере, как в иконописи, так и в скульптуре (Weitzmann 1966: 49–83; 1975: 53–93, Demus 1960: 123–190; 1970). Отголоски этих явлений не могли хотя бы с некоторым запозданием в той или иной мере не достигнуть пределов Руси. Не стоит удивляться тому, что отдельные элементы западной иконографии как бы влетают в художественную византийскую канву (Пуцко 1979: 327–338; Пуцко 1981: 953–972). В сущности, то же прослеживается и в искусстве каменной резьбы малых форм, органически связанном с иконописанием, но имевшем свою специфику и свои выразительные средства.

Барсуков 1882 – Барсуков Н. Источники русской иконографии. СПб., 1882.
 Грабар 1925 – Грабар А. «До-история» болгарской живописи // Сборник в честь на В. Н. Златарска. София, 1925.
 Николаева 1983 – Николаева Т. В. Древнерусская мелкая пластика из камня. XI–XV вв. // САИ. Вып. Б 1–60. М., 1983.
 Пуцко 1981 – Пуцко В. Г. Крестности и западные тенденции в искусстве Руси XII – начала XIV в. // Actes du XV-e Congrès International d'études byzantines. Athènes-1976. T. II. Art et archéologie. Communications, Athènes, 1981.
 Пуцко 1985 – Пуцко В. Г. О портретном изображении попа Добрейша // Старобългаристика. Т. IX. № 3. София, 1985.
 Пуцко 1995 – Пуцко В. Г. Вологодская икона тронной Богоматери и проторенессансная живопись Италии // Послужить Северу... Историко-художественный и краеведческий сборник. Вологда, 1995.
 Пуцко 1997 – Пуцко В. Г. Ростовский фрагмент новгородской каменной иконы // История и культура Ростовской земли. 1996. Ростов, 1997.
 Пуцко 1998 – Пуцко В. Г. «Трөб Господень» в каменной пластике средневекового Новгорода // Православный Палестинский сборник. Вып. 98 (35). Сборник памяти И. В. Пигулевской. СПб., 1998.
 Пуцко 2000 – Пуцко В. Г. Новгородский выносной басменный крест // Искусство христианского мира. Сборник статей. Вып. 4. М., 2000.
 Родникова 1990 – Родникова И. С. Псковская икона XIII–XVI веков. Л., 1990.
 Рындина 1978 – Рындина А. В. Древнерусская мелкая пластика. Новгород и Центральная Русь XIV–XV веков. М., 1978.
 Рындина 1997 – Рындина А. В. Шиферная икона из Ростова Великого. Иконография и образ // Древнерусское искусство. Русь. Византия. Балканы. XIII век. СПб., 1997.
 Татищ-Джурич 1967 – Татищ-Джурич М. Икона апостола Петра и Павла у Ватикану // Зограф: часопис за средњовоконну уметност. Бр. 2. Београд, 1967.

Borries-Schulten 1967 – Borries-Schulten S., von. Eine Bildhandschrift aus Weihenstephan in der Vaticana // Studien zur Buchmalerei und Goldschmiedekunst des Mittelalters. Festschrift für Karl Hermann Usener zum 60. Geburtstag am 19. August 1965. Marburg an der Lahn, 1967.
 Capizzi 1964 – Capizzi C. Pantokrator (Saggio d'esegesi letterario-ikonografica) // Orientalia Christiana Analecta. S. 170. Romae, 1964.
 Demus 1960 – Demus O. The Church of San Marco in Venice. History. Architecture. Sculpture // Dumbarton Oaks Studies. Vol. VI. Washington, 1960.
 Demus 1970 – Demus O. Byzantine Art and the West. New York, 1970.
 Kalavrezou-Maxeiner 1985 – Kalavrezou-Maxeiner I. Byzantine Icons in Steatite // Byzantina Vindobonensia. Bd. XVI/1–2. Wien, 1985.
 Mango 1962 – Mango C. The Mosaics of St. Sophia at Istanbul // Dumbarton Oaks Studies. Vol. VIII. Washington, 1962.
 Oakeshott 1967 – Oakeshott W. Die Mosaiken von Rom vom dritten bis zum vierzehnten Jahrhundert. Leipzig, 1967.
 Pucko 1979 – Pucko V. O tendencjach zachodnich w malarstwie ikonowym Rusi 12–13 w. // Biuletyn Historii Sztuki. R. XLI. № 4. Warszawa, 1979.
 Rademacher 1964 – Rademacher F. Der thronende Christus der Chorschranken aus Gustorf. Eine ikonographische Untersuchung // Beihefte der Bonner Jahrbücher. Bd. 12. Köln-Graz, 1964.
 Righetti 1955 – Righetti R. Opere di liturgia dei Musei Sacro e Profano // Biblioteca Apostolica Vaticana. Museo Sacro. Guida VII. Vaticano, 1955.
 Weitzmann 1966 – Weitzmann K. Icon Painting in the Crusader Kingdom // Dumbarton Oaks Papers. № 20. Washington, 1966.
 Weitzmann 1975 – Weitzmann K. Byzantium and the West around the Year 1200 // The Year 1200: A Symposium. New York, 1975.

A GROUP OF STONE ICONS OF THE THRONED SAVIOUR

V. G. PUTSKO

The purpose of this article is to describe three small carved stone icons representing Christ the Pantocrator with hovering angels and standing saints. The list of the latter, it seems, has been varied. One of the icons was of slate in a golden mounting decorated with stones and with a silver top. It is preserved now in the Moscow Kremlin Museum (Inv. no. 4319; Fig. 1: 1). This work is an example of the Novgorodian stone plastic arts (Рындина 1978: 53, Fig. 33, 34) of the mid-14th – beginning of the 15th century; probably it belonged to the Vyazma princes (Николаева 1983: 33, 100–101, Pl. 36: 3, no. 206). On the face side of the icon there is a relief representation of the throned Saviour with two figures of angels rendered waist-high in the upper part of the composition and Simeon and Juliania in front standing to full height in prayers. On the reverse, standing Peter the Apostle, St. Nicholas and Nikita the Martyr are represented.

A fragment of the second carved stone icon was found in the end of the 19th century near the Lazar Church in Rostov (Fig. 1: 3). In terms of its style and iconography this amulet matches quite organically the group of Novgorodian examples of the turn of the 13th and 14th centuries (Пуцко 1997: 95–102). On one side of the icon, throned Christ the Pantocrator is represented along with an angel in clouds and a saint standing in front. On the other side, in accordance with the early Novgorod iconographic tradition there is the Holy Sepulchre with

figures of warriors, the Peace-Making Wives and hovering angels.

The iconographic formula described above is repeated with just minor differences in another small double-sided carved icon made of brown slate. This amulet comes from a private collection and is dated to the 14th century. On the face side there is a representation of the Saviour in a throne with a high back; in the upper part there are waist-high figures of flying angels holding a cross, in the lower one – strongly worn figures of saints standing in front (Fig. 1: 2). On the reverse, there are images of two standing saints.

The three stone icons described above open a poorly studied so far page of the medieval Novgorod plastic arts. The iconographic style of these amulets has reflected the artistic trend which sprang up in Byzantium as a result of the crusades and came to be the most distinctive both in icon-painting and sculpture (Weitzmann 1966: 49–83; 1975: 53–93; Demus 1960: 123–190; 1970). With a small retardation, echoes of these phenomena reached Rus. It is not worth wondering that also certain elements of the Western iconography have been interlaced into the Byzantine artistic groundwork (Pucko 1979: 327–338; Пуцко 1981: 953–972). Virtually, we may trace the same in the small arts of stone-carving which were organically linked with icon-painting although possessing their specific expressive means.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА И ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ СААМОВ

А. И. МУРАШКИН¹

Изучение древней истории населения Северной Финноскандии началось во второй половине XIX века и всегда велось специалистами разных стран в тесном сотрудничестве. С одной стороны, это связано с тем, что физико-географические особенности края обусловили единообразие и взаимосвязанность хозяйственно-культурных и этногенетических процессов. С другой стороны, в результате исторического развития Скандинавских стран и России в новое время саамы оказались проживающими на территории четырех государств – в северных провинциях Швеции, Норвегии, Финляндии и в Мурманской области Российской Федерации.

В Советском Союзе и России изучение древнейшей истории населения Кольского полуострова традиционно связано с именами ленинградских-петербургских археологов. И хотя археологическое исследование этого региона началось сравнительно поздно – лишь в 1920-е годы, по степени изученности Мурманская область превосходит большинство территорий Российской Европейской и Азиатской Арктики. Первые археологические исследования здесь были проведены в 1928 году экспедицией под руководством сотрудника МАЭ АН СССР А. В. Шмидта (Шмидт 1930). К этому времени в Северной Скандинавии археологические работы велись уже около пятидесяти лет. В результате были открыты и опубликованы памятники самого разного возраста: от саамского железного века (Solberg 1909) до первых этапов заселения (Nummedal 1929).

Важным этапом изучения древнейших памятников Кольского полуострова была экспедиция под руководством сотрудников ГАИМК АН СССР геолога Б. Ф. Землякова и археолога П. Н. Третьякова, организованная по просьбе скандинавских коллег Комиссией по изучению четвертичного периода. Итогом работ этой экспедиции в 1935 и 1937 годах стало открытие древних мезолитических стоянок на Рыбачьем полуострове (Земляков 1940). В дальнейшем, начиная с 1946 года, изучение археологических памятников Кольского полуострова связано с именем сотрудницы ЛОИА АН СССР Н. Н. Гуриной. Именно ей удалось начать систематическое изучение региона. За эти годы были открыты и изучены около 400 древних памятников, включая остатки поселений, могильник, настенные изображения (Гурина 1997). В 1990-е годы стало возможным проведение работ совместной Российской-Норвежской экспедиции под руководством сотрудника ИИМК РАН В. Я. Шумкина и профессоров Университета Тромсø К. Хельсуга и Б. Ульсена.

Проблема происхождения саамов давно вызывает устойчивый интерес не только археологов, но и антропологов, этнографов, лингвистов. Этот интерес объясняется, с одной стороны, своеобразием языка, антропологического типа, духовной и материальной культуры этого народа. С другой стороны, нерешенность многих вопросов этнической истории населения Финноскандии заставляет исследователей обращаться к проблеме первоначального заселения Севера Европы и соотношения саамов и первопоселенцев.

В условиях недостаточности фактологической базы вопрос об этногенезе саамов специалистами каждой области исторической науки решается с привлечением данных смежных дисциплин. В некоторых случаях такие работы претендуют на название комплексного исследования (Манюхин 2002: 4). Но при возможности сопоставления данных смежных наук лишь на уровне обобщений и наличии в них зачатую взаимоисключающих гипотез, за автором остается возможность выбора той из них, что более всего подходит его собственной точке зрения.

С другой стороны, попытка представить и учесть весь спектр мнений по проблеме приводит к очень широким, но не конкретным выводам. Материалы VI конгресса финноугроведов, изданные в 1991 году, отражают современную точку зрения на проблему. На основе учета различных факторов расообразования авторы сборника приходят к выводу о несомненном участии населения уральского региона (в широком смысле этого слова) в сложении расовых особенностей саамов. При этом подразумевается, что упрощенный взгляд на саамов как переселенцев из Сибири должен быть оставлен. Подчеркивается, что по своим особенностям этот народ очень гомогенен и уникален и для Европы, и для Сибири. Объясняется это сравнительно долгой его изоляцией и консервацией в нем антропологических особенностей древнего населения северо-запада Европы (Происхождение саамов 1991: 163–164).

Реальное комплексное исследование, на мой взгляд, возможно только при условии образования коллектива единомышленников – специалистов разных исторических дисциплин, решающих проблему в рамках одной концепции независимыми методами. К сожалению, вероятность формирования такого коллектива в ближайшее время очень мала.

Большое значение в решении проблемы происхождения древнего населения региона, и в том числе саамов, отводится археологии. Именно археология предоставляет в пользование антропологов палеоан-

¹ Россия, 199050 Санкт-Петербург, Менделеевская лин., 5. Санкт-Петербургский государственный университет, исторический факультет, кафедра археологии.

тропологические материалы и снабжает все остальные исторические дисциплины хронологической шкалой. Очень важны выводы археологов о времени, месте сложения и развитии своеобразной материальной и духовной культуры саамов.

Несмотря на сравнительно хорошую археологическую изученность территории северной Феноскандии, древних саамских памятников до недавнего времени известно было не много. Это объяснялось интересом исследователей в основном к памятникам каменного века и эпохи викингов. Но в последние тридцать лет в Скандинавии и Финляндии в связи с хозяйственным освоением края и ростом общественного интереса к этнической истории остатки саамских поселений позднего средневековья и нового времени попали в поле зрения археологов. В настоящее время в Норвегии все остатки поселений, погребения, культовые сооружения, относящиеся к саамам и имеющие возраст свыше ста лет, относятся к особо охраняемым памятникам истории и культуры.

Результатом такого интереса археологов к саамской культуре стал пересмотр материалов из старых раскопок и случайных находок, предпринятый Ингер Захриссон. Исследователь выделила специфический саамский средневековый комплекс артефактов, характерный для Северной Швеции. Он был выделен по погребальным комплексам, имеющим зафиксированную этнографически характерную конструкцию и антропологическое определение костяков. В этот комплекс входят:

1. так называемые «столовые» ножи – железные, с широкой плоской рукоятью, на которую крепились две костяные или деревянные пластины-накладки (рис. 1: 10–11);
2. металлические «вилкообразные» наконечники стрел (рис. 1: 3);
3. «тупые» костяные или роговые наконечники (для охоты на пушного зверя?) (рис. 1: 8);
4. гзурила из рога оленя с двумя отверстиями (рис. 1: 9);
5. железные широкие скребки с загнутыми краями (рис. 1: 7);
6. своеобразные костяные застежки-зашельки для сумок (зафиксированные этнографически) (рис. 1: 6);
7. латунные кольца (рис. 1: 4–5);
8. характерный геометрический орнамент на многих костяных и роговых вещах: ложках (часто находится в могилах), застежках сумок, деталях лодок и саней и др. (рис. 1: 1–2, 12) (Zachrisson 1976: 92–98; Мурашкин 2002: 88).

Параллельно с пересмотром старого материала были предприняты разведывательные работы и небольшие раскопки памятников. Особенно интересны были работы К. Однера 1981–1986 годов в Варангер-фьорде в Норвегии (Odner 1992). В ходе этих работ были зафиксированы десять пунктов, содержащих 239 объектов различного характера: жилища, ямы-хранилища, культовые постройки, могилы, петроглифы. На основе полученного материала автор, проследив совстречаемость предметов в комплексах, разработал хронологии саамского инвентаря позднего

Таблица 1. Датировка материалов из раскопок саамских поселений позднего средневековья – нового времени (по: Odner 1992)

Table 1. Dating of materials from excavated Saami sites of Late Middle Ages and recent periods (from Odner 1992)

Находки	Датировки
орудия из кварца и кремня	до рубежа XV–XVI вв.
глиняные курительные трубки	с южной XVII в.
бутылочное стекло	с рубежа XV–XVI вв.
оконное стекло	не раньше XIX в.
железные рыболовные крючки	с рубежа XV–XVI вв.
короткая железная проволока	XVI–XVIII вв.
глазурованная керамика	с XVI в.
тонкие листы бронзы	до середины XVI в.
толстые листы бронзы	до рубежа XVII–XVIII вв.
геометрический орнамент	до XVIII в.
кремневые огнива	XVI – середина XIX вв.

средневековья (с XIII века) – нового времени (табл. 1). Также нужно отметить работы Е. Клеппе в районе Варангер-фьорда (Kleppre 1977), Б. Ульсена в районе р. Патсойки на границе Норвегии и России (Olsen 2000), К. Карпелана на р. Нуккумайоки в Северной Финляндии (Карпелан 1992).

На территории Кольского полуострова – территории традиционного проживания саамов России – целенаправленные работы по поиску и фиксации памятников саамской культуры до 1990-х годов не проводились. И хотя некоторые из них были исследованы, происходило это лишь попутно с изучением памятников каменного века и эпохи раннего металла, что связано с основной областью научных интересов исследователей.

На данный момент можно говорить примерно о трех десятках памятников, предположительно относящихся к саамской культуре и датированных временем от раннего железного века до нового времени. По территории Кольского полуострова они расположены крайне неравномерно, что связано с разной степенью изученности региона. Большая часть из них концентрируется на северном побережье: на Рыбачьем полуострове (Шумкин А-1994), в Ивановской, Дворовой и Дроздовской губах Нокуюевского залива (Шляхметова А-1983; Шумкин 1991), на р. Патсойки (Olsen 2000) и на р. Харловка (Гурнина 1997). На южном побережье остатки саамских жилищ были зафиксированы в бухтах Красная и Вячина (Гурнина 1997). Необходимо также упомянуть о нескольких саамских памятниках позднего средневековья и нового времени, изученных в ходе раскопок. К ним можно отнести могильники X–XI в. в Кузомень I и II в районе с. Кузомень на левом берегу р. Варзуги (Овсянников, Рабинин 1989), остатки трех жилищ, изученных К. П. Рева на р. Поной (Рева А-1900), двух жилищ XVII–XVIII в. в бухте Дворовой (Шумкин А-1985; Овсянников А-1991), поселение Северная Салма на оз. Ловозеро, в культурном слое которого

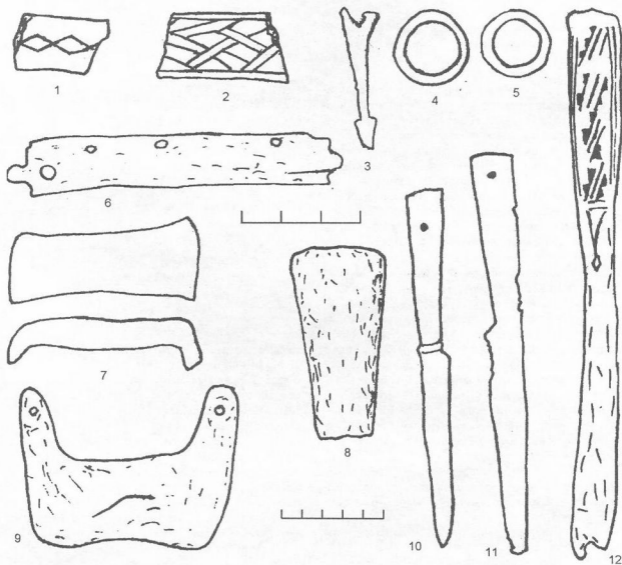

Рис. 1. Характерные типы саамской культуры: 1, 2 – геометрический орнамент на костяных вещах; 3 – двузубый наконечник стрелы (железо); 4, 5 – кольца (бронза); 6 – защелка для сумки (кость); 7 – скребок (железо); 8 – тупой наконечник стрелы (кость); 9 – грузило (кость); 10–11 – ножи (железо); 12 – ложка (кость) (по И. Захриссону).

Fig. 1. Specific Saami artefacts: 1, 2 – geometrically ornamented bone artefacts; 3 – fork-like arrowhead (iron); 4, 5 – rings (bronze); 6 – bag snap (bone); 7 – scraper (iron); 8 – arrowhead (bone); 9 – weight (antler); 10–11 – knives (iron); 12 – spoon (bone) (according to I. Zachrisson).

присутствовали саамские предметы XV–XVI в.в. (Шахметова А-1985). Несомненно, что даже при самом скрупулезном анализе, для всесторонней характеристики материальной культуры саамов Кольского полуострова этих материалов не достаточно.

В археологической литературе проблема происхождения саамов решается в рамках двух основных гипотез. В свое время В. Я. Шумкин сформулировал и на археологических материалах обосновал гипотезу о непрерывном и преемственном развитии культуры населения Северной Фенноскандии с эпохи мезолита до средневековья. По этой точке зрения этногенез саамов происходил на достаточно узкой территории при небольшом участии населения с востока, выразившемся в некоторых заимствованиях в керамическом производстве, стилистике наскальных изображений и сак-

ральных представлениях. Время этих заимствований – эпоха раннего металла (Шумкин 1991: 140–142).

Вторая существующая гипотеза связывает сложение саамской культуры с широкими территориями от Восточной Прибалтики до Поволжья. В ходе расселения представителей других этносов – германцев, славян, финнов и балтов – ареал саамской культуры сократился до территории Северной Фенноскандии (Карпелан 1982; Гурина 1997; Манюхин 2002). Выказанная археологами, эта гипотеза базируется в основном на данных топонимики (распространение некоторых саамских топонимов на территории Карелии и Приладожья), лингвистике (параллели в саамском и некоторых поволожских финских языках), а также на некорректном отождествлении летописной «лопи» и саамов (Шумкин 1991: 146). В отношении

археологии основным доказательством в рамках этой точки зрения является сильное влияние в раннем железном веке поволжской культуры на культуру поднекаргопольскую и лууконсаари, выразившееся в заимствовании стили орнамента керамики и распространении поволжских и прикамских типов бронзовых и железных орудий и украшений (Манюхин 2002: 141–165, 172–177).

Не отрицая этих влияний, хотелось бы указать на то, что они носят диффузионный характер и не фиксируют миграцию населения из Поволжья ни в Восточное Прионежье, ни в Восточную и Северную Финноскандинавию. Также нужно отметить тот факт, что многие черты саамской культуры к этому времени проявляются уже в сложившемся виде. В частности это можно утверждать в отношении обряда погребения (Оленеостровский могильник Баренцева моря – Шмидт 1930; Гурина 1953; Мурашкин, Шумкин 2003), некоторых типов жилищ (Шумкин А. 1994), геометрического орнамента (находки с поселений Маяк II, Усть-Дроздовка III и Оленеостровского могильника Баренцева моря – Гурина 1953; 1997), многих сюжетов

наскального искусства, которые фактически идентичны изображениям на саамских бубнах (Autio 2000). С другой стороны остается открытым вопрос о появлении такого компонента саамской культуры, как комплекс металлических артефактов. Считается, что они попадают в саамскую культуру в качестве импорта с южных территорий (Карпелан 1982; 1992), но проблема характера обменных связей и путей проникновения этих изделий в Северную Финноскандинавию остается нерешенной. Также требует разрешения вопрос о времени и характере формирования специфического хозяйственно-культурного типа саамов, сочетавшего в себе очень архаичный способ оленеводства с морским рыболовством и зверобойным промыслом. Существующая фактическая база не дает возможности решения этих и многих других вопросов, связанных с проблемой происхождения саамов.

Таким образом, можно утверждать, что Кольский полуостров и вообще север Финноскандии содержит пласт интереснейших памятников, изучение которых крайне необходимо для решения многих вопросов этнической истории этого региона.

Гурина 1953 – Гурина Н. Н. Памятники эпохи раннего металла на северном побережье Кольского полуострова // МИА. № 39. М., Л., 1953. С. 347–407.

Гурина 1997 – Гурина Н. Н. История культуры древнего населения Кольского полуострова. СПб., 1997.

Земляков 1940 – Земляков Б. Ф. Арктический палеолит на севере СССР // СА. № 5. 1940. С. 107–143.

Карпелан 1982 – Карпелан К. Ранняя этническая история саамов // Финно-угорский сборник. М., 1982. С. 32–48.

Карпелан 1992 – Карпелан К. Археологические исследования в местах саамских зимних поселений в Инари (Финская Лапландия) // Древности славян и финно-угров. Доклады советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии, 16–22 мая 1986 г. СПб., 1992. С. 134–138.

Манюхин 2002 – Манюхин И. С. Происхождение саамов. Петрозаводск, 2002.

Мурашкин 2002 – Мурашкин А. И. К вопросу об источниках по археологии саамов // Пушкарский сборник. Вып. 2. СПб., 2002. С. 84–89.

Мурашкин, Шумкин – В печати. Мурашкин А. И., Шумкин В. Я. Исследования Кольской археологической экспедиции // АО 2004 г. М., в печати.

Овсянники, Рабикин 1989 – Овсянников О. В., Рабикин Е. А. Средневековые грунтовые могильники Терского берега // СА. № 2. 1989. С. 201–211.

Архивные материалы

Овсянники А.-1991 – Овсянников О. В. Отчет Архангельской Арктической экспедиции за 1991 г. // Научный архив ИИМК РАН, РА. Ф. 35, оп. 1, л. 5.

Рева А.-1900 – Рева К. П. О раскопках Рева К. П. 1900 г. близ с. Поной б. Александровского уезда, Архангельской губ. // Научный архив ИИМК РАН, РА. Ф. 1, 1900, л. 162.

Шахматова А.-1983 – Шахматова Л. Г. Дневник разведки // Научный архив ИИМК РАН, РА. Ф. 35, оп. 1, 1983, л. 52.

Происхождение саамов 1991 – Происхождение саамов (под ред. Аксенова Г. А.) М., 1991.

Шмидт 1930 – Шмидт А. В. Древний могильник на Кольском заливе // Кольский сборник. Материалы комиссии экспедиционных исследований. № 23. Л., 1930. С. 119–169.

Шумкин 1991 – Шумкин В. Я. Этногенез саамов (археологический аспект) // Происхождение саамов. М. 1991. С. 129–149.

Autio, E. 2000 – Autio E. Reindeer, reindeer antler, zig zag motive and other images in the sami shaman drums and in the rock art // Myandash. Rock art in the ancient arctic (ed. Kare A.). Jyväskylä, 2000. P. 174–201.

Kleppe 1977 – Kleppe E. Archaeological material and ethnic identification // Norwegian archaeological review № 10. 1977. P. 32–46.

Nummedal 1929 – Nummedal A. Stone age finds in Finnmark. Oslo, 1929.

Olsen 2000 – Olsen B. Culture-historical surveys in the Pasvik Sida, Norway and Russia, august 1999. Warangerbottn, 2000.

Odner 1992 – Odner K. The Varanger saami. Habitation and economy AD 1200–1900. Oslo, 1992.

Solberg 1909 – Solberg O. Die Eisenzeitfunde aus Ostfinnmark // Videnskaps-Selskabet Skrifter, Hist.-Filos. Klasse. № 7. Kristiania, 1909.

Zachrisson 1976 – Zachrisson I. Lapps and scandinavians // Early Norrland. № 10. Motala, 1976.

Шахматова А.-1985 – Шахматова Л. Г. Отчет о работах Кольской археологической экспедиции за 1985 г. // Научный архив ИИМК РАН, РА. Ф. 35, оп. 1, л. № 46.

Шумкин А.-1985 – Шумкин В. Я. Отчет о работах Кольской экспедиции за 1985 г. // Научный архив ИИМК РАН, РА. Ф. 35, оп. 1, л. 112.

Шумкин А.-1994 – Шумкин В. Я. Отчет о работах Кольской экспедиции за 1994 г. // Научный архив ИИМК РАН, РА. Ф. 35, оп. 1, л. 22.

ARCHAEOLOGICAL SITES OF THE KOLA PENINSULA AND THE PROBLEM OF THE SAAMI ETHNOGENESIS

A. I. MURASHKIN

During the recent 30 years, Norwegian and Swedish archaeologists have been conducting extensive archaeological investigations at medieval Saami sites. In the course of these studies, a specific complex of Saami artefacts and their relative chronology have been established.

In Russia, however, this category of sites has not been in the focus of archaeological interests until the 1990s. Meanwhile, several dozen of medieval Saami settlements have been reported from the Kola Peninsula. Most of them were found around the Nokuev Bay on the northern coast

of the peninsula, on the Rybachy Peninsula and the Patsoyoki River. In addition, two supposedly Saamian cemeteries of the 12th–13th centuries and three settlements of the 15th–18th centuries have been partly excavated in various parts of the region.

Studies of medieval and earlier sites of the Saami promise to yield extremely interesting results on the Saami ethnogenesis and the early ethnical history of the entire Fennoscandia, as well as to help in solving the problems of the medieval colonisation of these regions by Russians and Scandinavians, *etc.*

ИССЛЕДОВАНИЕ ХИМИЧЕСКОГО СОСТАВА СТРОИТЕЛЬНЫХ И ОБЛИЦОВОЧНЫХ АРХИТЕКТУРНЫХ МАТЕРИАЛОВ УЗБЕКИСТАНА

А. АБДУРАЗАКОВ, Б. БОЛИЕВ¹

В древних городах Узбекистана Самарканде, Шахрисябзе, Бухаре и Хиве сосредоточены неповторимые архитектурные памятники средневекового зодчества. Эти памятники представляют интерес не только как свидетельство деятельности выдающихся исторических личностей, но и как мерило мастерства плеяды замечательных мастеров и строителей того времени.

Природно-климатические условия на обширной территории Средней Азии весьма разнообразны, специфичны в отдельных зонах и своеобразно влияют на строительные материалы памятников. Древним строителям приходилось решать очень сложные задачи по обеспечению их сохранности в резко меняющихся климатических условиях. Данная проблема находится в прямой зависимости выбора исходного сырья, его химического состава и технологии приготовления строительных и облицовочных материалов, использованных при возведении архитектурных памятников.

Химические анализы древних строительных материалов, особенно архитектурной керамики в отечественной научной литературе освещены еще недостаточно. Большая работа по изучению керамики из памятников Узбекистана была проделана Н. С. Гражданкиной (Гражданкина 1963: 137–143). Однако в этой публикации приведены в основном результаты химических анализов подглазурных керамических основ, а данные по составам глазурей отсутствуют. Глазури на образцах строительной керамики XV в. изучались М. А. Безбородовым, который характеризует их как кальциево-магнисло-натриевые стекла (Безбородов 1946: 373–376). Механические свойства самаркандских строительных глазурей исследовались Ф. А. Бурашевой (Бурашева 1961: 267). В другой статье автора, посвященной глазурным поливам керамической посуды Афрасиаба (X–XIII вв.), приводятся химические анализы голубой и синей глазурей (Бурашева 1963: 137–143). Спектроскопическими исследованиями глазурных покрытий занимались П. И. Балобан и М. К. Рахимов (Балобан, Рахимов 1955). А. А. Абдуразаков также занимался химическим анализом подглазурной основы глазури (Абдуразаков 1987: 183–186). На основе изучения химического анализа подглазурной керамики и определения наполнителей в ней, а также химического анализа глазурей архитектурных памятников древнего Узбекистана были воссозданы рецепты средневековых строителей и получена опытная партия подглазурных основ и глазурей.

В этой связи важное значение приобретает комплексное химико-технологическое изучение образцов

керамики и глазурей, взятых с конкретных памятников. Такие исследования позволяют выявить развитие производства облицовочных материалов и проследить истоки отдельных рецептов глазурей и их основ. Результаты исследований образцов как из археологических раскопок, так и архитектурных памятников позволяют изучить также и уровень развития химических, технологических, биологических, геологических и других отраслей знаний у отдельных народов в определенные исторические периоды, их вклад в соответствующие разделы науки и техники.

Для раскрытия технологии и рецептуры средневековых строительных материалов проводился химический анализ местных минеральных ресурсов, находящихся вблизи архитектурных памятников.

В таблице 1 приводятся результаты химического изучения глин, взятых в пределах города Самарканда, а также вяжущие материалы, найденные в Чупанате. Представленные данные свидетельствуют о том, что по химическому составу самаркандские глины близки между собой, а так называемые чулпанские глины есть не что иное, как доломит, который мог, вероятно, использоваться в древности в качестве добавок к вяжущему материалу в кладочных и облицовочных строительных растворах.

Обожженный кирпич прямоугольной, квадратной, иногда декальной формы, начиная с конца IX – начала X века, применяется при строительстве крупных сооружений как облицовочный материал построек из сырца и как кладочный материал. Максимальные размеры кирпича достигают 40 см, его толщина – 10 см. В некоторых образцах заметно наличие волокнистых добавок к формовочной массе. Добавки облегчали сушку сырца, предохраняли его от растрескивания и улучшали обжиг массивного керамического изделия. В кирпичиках X–XII вв. и позже такие добавки встречаются уже как исключение. Их исчезновение обусловлено двумя причинами: уменьшением размеров кирпича (максимальный размер – 27 см, а толщина – 5–6 см), и, вероятно, усовершенствованием технологии обжига. Эти причины привели к увеличению прочности кирпича. Долговечность обожженного кирпича находится в прямой зависимости от качества обжига. Кирпич с добавками нормального обжига сохраняется сравнительно хорошо. Прочность таких кирпичей при сжатии составляет 100–200 кг/см², морозостойкость 15–25 циклов переменного замораживания и оттаивания. Недождог кирпичей приводит к их быстрому разрушению под влиянием мороза, солей, сырости и ветра.

¹ Узбекистан. 703051. Самарканд. ул. академика Абдуллаева, 3. Институт археологии Узбекской Академии наук. archeo@archeo.samuni.silk.org

Таблица 1. Химический состав глин Самаркандской области (% мас.).

Table 1. Chemical composition (mass percents) of clays from the Samarkand region.

№	Наименование	SiO ₂	Al ₂ O ₃	Fe ₂ O ₃	CaO	MgO	Na ₂ O	K ₂ O	MnO	п.п.в.		
1	Глина Самарканда с района Аэропорта	61,95	12,96	4,07	12,13	0,91	1,72	0,50	0,05	5,21		99,50
2	Глина Самарканда с района Аэропорта	57,77	13,23	3,61	12,97	2,44	2,07	1,60	0,06	5,87		99,68
3	Глина Самарканда с района Аэропорта	61,48	12,03	3,84	13,63	0,81	1,82	—	0,11	5,48		99,20
4	Чупанатинская глина	6,38	—	0,18	23,89	22,48	—	—	0,10	47,18		100,08
5	Чупанатинская глина	4,28	—	0,35	28,80	19,11	—	—	0,10	35		99,90
6	Чупанатинская глина	4,40	—	0,19	29,47	18,17	—	—	0,10	11		99,38
7	Чупанатинская глина	5,48	—	0,89	27,52	19,16	—	—	0,01	46,61		99,66

Таблица 2. Химический состав керамики с архитектурных памятников Самарканда (% мас.).

Table 2. Chemical composition (percents) of ceramics from architectural monuments of Samarkand

№	Наименование	SiO ₂	Al ₂ O ₃	Fe ₂ O ₃	CaO	MgO	Na ₂ O	K ₂ O	п.п.в.	SO ₂	MnO	TiO ₂	сумма
1	Городище Афрасиаб	59,20	11,15	5,05	11,48	3,20	2,76	2,50	3,80	0,08	0,07	0,80	100,09
2	Афрасиаб, Соборная мечеть	60,38	11,22	4,85	11,66	2,68	2,71	1,86	3,21	0,17	0,70	0,81	100,25
3	Афрасиаб, XIV–XV вв.	57,47	11,93	4,45	10,62	4,00	2,30	3,61	2,50	1,81	0,07	0,60	99,35
4	Шахи-Зида, Мавзолей Усто-Али XIV в.	56,25	11,86	4,85	11,74	3,00	1,43	2,90	3,70	2,68	0,08	0,50	89,99
5	Мавзолей Шахи-Зида XV в.	55,24	10,54	4,25	13,71	2,80	1,64	2,50	7,91	1,25	0,07	0,50	100,41
6	Мавзолей Шахи-Зида XV в.	53,78	10,68	4,05	13,42	2,60	1,43	2,50	7,30	3,47	0,07	0,50	99,80
7	Мавзолей Шахи-Зида XV в.	58,28	11,27	4,45	12,18	2,60	3,27	2,50	3,64	0,91	0,07	0,50	99,77
8	Мавзолей Шахи-Зида XV в.	57,61	11,68	5,65	12,38	2,60	3,83	2,50	3,20	0,62	0,07	0,40	100,14
9	Мавзолей Шахи-Зида XV в.	55,10	10,94	5,05	12,02	2,60	1,86	2,71	8,21	1,05	0,07	0,50	100,11
10	Мавзолей Шахи-Зида XV в.	58,30	11,20	6,10	10,29	3,10	2,40	2,30	4,70	0,20	0,21	0,80	99,60
11	Медресе Шер-Дор XVI в.	56,40	11,33	4,45	11,74	2,80	1,62	2,71	4,70	1,48	0,07	0,50	98,30
12	Медресе Шер-Дор XVI в.	57,75	11,33	4,69	11,74	3,00	1,77	3,64	3,30	2,70	0,08	0,50	99,50
13	Медресе Шер-Дор XVI в.	58,07	11,73	4,65	12,58	3,20	1,43	2,90	4,90	0,62	0,08	0,50	99,63
14	Медресе Улугбека XV в.	55,85	11,40	5,05	12,58	3,20	1,43	2,71	4,50	1,95	0,07	0,40	99,14
15	Медресе Улугбека XV в.	56,72	12,59	5,91	11,00	3,13	3,43	1,02	4,50	—	0,05	0,32	100,02
16	Мавзолей Гур-Эмир XV в.	57,07	12,26	5,05	11,74	3,00	3,24	1,04	4,80	1,19	0,07	0,50	99,96
17	Загородный сад Тимура XIV вв.	58,24	11,89	4,54	11,34	3,20	1,64	2,62	5,72	0,31	0,28	0,52	100,28

В таблице 2 приведены результаты химического анализа керамики из архитектурных памятников Самарканда, которые показывают, что все облицовочные материалы изготовлены из глин близких друг другу по составу и происходящих из местных источников.

Основным сырьем для керамических подглазурных основ в Средней Азии являлся лессовидный суплинок с содержанием основных компонентов: оксида кремния в пределах 50–60%, полутвердых оксидов от 15% до 18% (причем на долю оксида железа в них приходится 4–7%) и оксида кальция 9–14%.

В таблице 3 приводятся результаты физико-механических испытаний подглазурных основ архитектур-

ной облицовочной керамики памятников разных исторических периодов. Обращает на себя внимание и состав добавок в керамическую массу. Так, в более ранних деталях декора и облицовочном кирпиче (таблица 3, №№ 1 и 2) в качестве добавок использовался саман, для приготовления керамики с тонкой резьбой применялся очищенный от крупных включений лесс с добавками в виде тонких врос, шерсти и пуха (таблица № 3, №№ 4–6).

В технике керамических облицовок второй половины XIV в. наблюдается становление новых приемов развития этого вида архитектурного декора до начала XX в. включительно. Именно во второй половине XIV в. окончательно вырабатываются приемы изго-

Таблица 3. Физико-механический показатель подглазурных оснований архитектурной облицовочной керамики Узбекистана.

Table 3. Physicochemical parameters of glaze substrata on architectural decorative ceramics from Uzbekistan.

№	Керамика	температура обжига, °С		состав материала	средняя плотность, кг/см ³		водопоглощение по массе		предел прочности при сжатии, кгс/см ²				Снижение прочности от насыщения водой, %	
		от	до		от	до	в сухом сост.		в поглощ.		от	до		
							от	до	от	до				
1	Детали декора I-VIII вв.	800	900	лесс с добавкой самана	1,41	1,47	23,3	26,0	210	245	110	181	19	21
2	Облицовочный кирпич - X-нач. XIII вв.	800	900	лесс иногда с небольшой добавкой самана	1,46	1,64	22,1	26,0	106	245	84	226	46	31
3	Резная терракота XII - нач. XIII вв. (тонкая резьба)	750	1000	лесс очищенный от крупн. включ., содерж. тонкие волосы, шерсть и пух	1,39	1,55	27,5	31,8	95	260	92	253	2,7	28,6
4	Резная керамика с частично глазурованным орнаментом XII-XIII вв. (тонкая резьба)	900	950	лесс очищенный от крупн. включ. с тонкой резьбой содерж. тонкие волосы, шерсть и пух	1,72	1,92	12,1	15,92	325	452	318	445	45	22
5	Глазурованная майолика XII-XIII вв.	900	1000	лесс	1,45	1,46	28,4	31,34	117	169	65	160	51,1	44,5
6	Резная глазурованная керамика XIV в. (тонкая резьба)	850	950	лесс очищенный от крупн. включ., содерж. тонкие волосы, шерсть и пух	1,34	1,53	12,44	25,7	211	438	155	279	23,3	49,8
7	Майолика на глино-керамическом основании XIV в.	850	1000	лесс	1,45	1,63	19,97	26,6	164	419	85	419	00	80,8
8	Изразцы XIV в.	850	950	лесс	1,39	1,70	24,1	26,80	119	582	87	193	26,18	51,3
9	Майолика на фаянсовом основании XIV в.	950	1150	кварцит, глина, известь	1,50	1,58	20,5	30	82	16,5	1,5	124	1,5	25,0
10	Майолика на фаянсовом основании XIV в.	950	1200	кварцит, глина, известь	1,30	1,58	22,8	39,9	22	77	17	46	264	41,3
11	Майолика на глино-керамическом основании XIV в.	900	900	лесс	1,55	1,70	16,25	27,67	122	340	111	300	9,0	23,0
12	Изразцы XIV в.	800	950	лесс	1,38	1,63	20,06	28,9	88	307	71	222	8,10	31,5
13	Майолика на фаянсовом основании XV в.	1000	1100	кварцит, глина, известь	1,44	1,68	6,06	23,6	48	135	27	128	5,2	43,7
14	Мозаика на фаянсовом основании XV в.	950	1150	кварцит, глина, известь	1,59	1,75	19,18	38,0	63	23,8	52	347	17,0	47,0
15	Майолика на фаянсовом основании XV в.	900	1100	кварцит, глина, известь	1,60	1,83	16,3	23,5	53	130	34	101	12,2	73
16	Изразцы на фаянсовом основании XV в.	900	1100	кварцит, глина, известь	1,61	1,88	11,4	20,6	29	155	18	100	10,1	38
17	Мозаика на фаянсовом основании XV в.	900	1100	кварцит, глина, известь	1,40	1,65	17,0	29,0	43	174	22	120	29,2	48,9
18	Мозаика на фаянсовом основании XV в.	900	1150	кварцит, глина, известь	1,43	1,67	21,17	22,3	70	155	60	91	14,5	41,0
19	Изразцы на глино-керамическом основании XVII в.	900	1000	лесс	1,67	1,70	15,0	20,0	224	492	188	314	16,0	35,8
20	Майолика на глино-керамическом основании XVII в.	850	850	лесс, иногда с добавкой песка	1,45	1,47	21,3	25,1	102	223				
21	Мозаика на фаянсовом основании, изготовленная в ССНРПИ в 1961 г. для реставрации портала мелресе Шердор				1,67	20,0	13,8	23,3	108	92	17	92	00	41,2

Таблица 4. Химические составы керамики с архитектурных памятников Узбекистана (% мас.)

Table 4. Chemical compositions of ceramics from architectural monuments in Uzbekistan

№	Место взятия пробы	Дата	SiO ₂	Al ₂ O ₃	Fe ₂ O ₃	CaO	MgO	Na ₂ O	K ₂ O	п.п.л.	TiO ₂	MnO	SO ₂	
1	Изразец из мавзолея Занчи ота	XV в.	85,04	3,94	0,74	2,78	1,62	2,19	1,00	1,79	—	0,06	0,32	99,48
2	Керамическое основание из-под черной глазури Биби-ханым	XV в.	84,16	3,41	1,01	3,44	1,94	3,17	1,26	2,29	—	—	—	100,54
3	То же из-под местной глазури	XV в.	86,05	3,46	0,92	2,38	1,51	3,00	1,20	1,59	—	—	—	100,05
4	То же из-под голубой глазури	XV в.	86,90	3,41	0,92	2,65	1,83	2,83	1,06	1,22	—	—	—	100,03
5	То же из-под зеленой глазури	XV в.	87,23	3,07	0,92	3,17	1,73	3,03	1,02	0,38	—	—	—	100,54
6	Керамическое основание из-под белой глазури мавзолея Нодир-Диван-беги	XV–XVI в.	81,14	6,40	1,62	4,31	2,60	1,02	1,30	1,03	—	0,03	—	99,47
7	Основание из-под белой глазури	XIV в.	82,76	4,60	2,02	4,24	1,68	1,93	1,45	1,87	—	0,03	—	99,48
8	Основание из-под синей глазури	XV в.	89,09	2,31	2,15	2,54	1,11	1,09	0,52	1,01	—	0,02	—	99,83
9	Цитадель Тимура из-под синей глазури	—	86,27	4,65	0,29	2,00	0,70	2,13	1,00	2,62	0,05	0,01	0,01	100,03
10	Песок Чупанатинского месторождения	XIV в.	88,91	2,02	2,12	2,60	1,32	1,20	0,60	1,30	—	0,02	—	100,11

Примечание: Все анализы выполнены аналитиком С. Джалиловой.

товления поливной резной и тисненой терракоты, возникла и быстро развивается техника расписной майолики и мозаики на кашинной основе.

Кашин — новый силикатный материал, известный в Средней и Центральной Азии с эпохи поздней бронзы. Первые его образцы были найдены в различных могильниках в виде простых и известных украшений. Кашин обычно синтезировали из белого кварцевого песка и золы солянокислых растений (Абдуразаков 1993). Ассортимент кашинной продукции постепенно расширяется: в эпоху раннего железа в основном изготавливались украшения, а в период античности уже появляются более крупные изделия и посуда. В эпоху Тимура и тимуридов данный материал применяется в архитектуре как основа новых мозаичных облицовочных материалов. Художественный эффект этих облицовок определяется особенностями черепка, глазури и внешней формы изделий. По черепку различают обычную глиняную керамическую массу и так называемый «кашин» — легкую, пористую, светлую силикатную массу из мелкодробленого кварцевого песка с включением глины и извести. Технологи различают несколько разновидностей кашина (Безбородов 1946).

Хрупкие, легко поддающиеся обработке кашинные плитки шли на изготовление мозаики. Часть плиток и кирпичиков из кашинной массы обрабатывалась глазурью, которая хорошо прилипала к пористой поверхности изделий.

В Мавераннахре были распространены кашинны на известковой связке, с использованием мелкомолатого ствольного кварца и кварцитов. В Хорезме — кашинны на клею (камедь или мерш) с использованием натуральных мелкозернистых песков.

Кашин в Мавераннахре появился как строительный материал лишь в середине XIV в. Фаянсовые облицовочные материалы известны в Египте, Самаре в XI–XII вв. В Иране в керамическое производство входят голубые щелочные глазури на белой «высококремнезистой пасте» (Wilkinson 1847: 99–102). Высококремнезистая основа и голубые глазури в Средней Азии появляются в XII в. Начиная с XII в., эти новые технические изобретения широко применяются в странах Ближнего и Среднего Востока. К концу XII в. в мавзолее хорезмшаха Текецца впервые в Средней Азии появляется кашин с голубой щелочной и щелочно-свинцово-оловянной глазурью (Якубовский 1930: 45; Пилявский 1940: 30). С XII в. в Азербайджане встречается фаянс, содержащий 68–75 % кремнезема, в Иране — 80–84 %, в Хорезме — 89–93 %. Состав кашина включает 83–93 % кремнезема, около 10 % ишкура и в малом количестве водный раствор какого-либо клеобразного вещества органического происхождения (Абдуразаков 1993).

Широкое применение кашина становится значительным технологическим достижением, позволяющим решать проблему взаимосвязи основы и щелочной глазури для значительной группы изделий. Кашинные массы имели различные варианты, отличающиеся структурой, техникой приготовления и в меньшей степени составными частями при различных различиях их количественного содержания. Основной частью кашинных масс является молотый кварц. Прием глазирования подобных кварцевых основ известен с глубокой древности. В Египте, Месопотамии, Индии, Иране находят бусы, изготовленные из молотого кварца и покрытые голубой и зеле-

но-голубой глазурью. Кварц отбирали, дробили, мололи, сортировали и использовали в качестве главной составной части глазури и основы.

В таблице 4 приведены результаты химических анализов образцов с кашинными основами. В пробах № 6 и № 7 химические компоненты почти одинаковы, а в остальных пробах все химические компоненты близки друг другу. Наиболее ранние из сохранившихся изразцов с голубой глазурью покрывали шатровые купола мавзолеев Фахриддина ар-Рази XII в. и хорезмшаха Текеша XII в. На территории Узбекистана глазурованные изразцы известны лишь с последней четверти XIV в. Возможно, существовали и более ранние несохранившиеся купола, облицованные изразцами.

Для покрытия изразцов применялись преимущественно голубые и синие глазури, реже – белые и очень редко-зеленые и желтые. Введение глазури и глазурованных специально изготовленных изразцов в архитектурный декор расширило круг использования и объем их производства. Готовые изразцы высушивали и обжигали, затем лицевую поверхность тщательно шлифовали на камне, покрывали глазурным шликером и вновь обжигали при температуре плавления глазури.

В таблицах 5 и 6 приведены результаты химических анализов средневековых и современных синих и голубых глазурей. С XII в. по XV в. в изученных памятниках намечается единство и сходство рецептуры синих глазурей. В содержании химических компонентов в различных памятниках также намечается единство и близость рецептуры синих глазурей. Исходя из высокого содержания главных стеклообразующих компонентов, содержащихся в глазурях (более 3%), их можно отнести к одному химическому типу $\text{Na}_2\text{O} - \text{CaO} - \text{Al}_2\text{O}_3 - \text{PbO} - \text{SiO}_2$ с высоким содержанием окиси олова. Анализы образцов №№ 6 и 7 (мавзолеев Анау) относятся к щелочно-кремнеземному химическому типу – $\text{Na}_2\text{O} - \text{CaO} - \text{SiO}_2$. Во всех исследованных глазурях голубой цвет достигался путем добавки к стеклообразной основе окиси меди в пределах от 0,4 до 1,84%. Медь – один из наиболее древних компонентов глазури успешно применялся в качестве красителя голубых и зеленовато-голубых глазурей. Окрашенные медью глазури голубого цвета относятся к типу заглущенных, щелочно-свинцово-оловянных. Синие прозрачные щелочные глазури окрашены кобальтом. Температура плавления глазурей варьирует в пределах 850–900°C. Обжиг изразцов был двукратным: утильный при 910–950°C и политой при более низкой температуре. Химический состав подглазурной основы и глазурей различных периодов не показывает резких отличий друг от друга, поэтому полученные в ходе исследований химико-аналитические данные помогут восстановить утраченные рецептуры древних кашинных основ и глазурей.

Примечание: 1 анализ заимствован из работы Ф. Бурашевой, 6 и 7 – М. А. Безбородова. Анализы 3, 4, 5, 9 выполнены аналитиком М. Давроновой, 2, 8, 10, 11 – выполнены аналитиком С. Джалиловой.

Таблица 5. Химические составы средневековых и современных синих глазурей Узбекистана (% мас.)

Table 5. Chemical compositions of medieval and modern blue glazes from Uzbekistan

№	Место взятия пробы	Дата	SiO_2	Al_2O_3	Fe_2O_3	CaO	MgO	Na_2O	K_2O	п.вл.	MnO	SnO_2	PbO	TiO_2	CuO	SO_2	CoO	ZnO	сумма
1	Афрасиаб	XI–XII в.	53,40	1,10	0,74	4,06	2,82	10,57	1,11	неопр. 0,02	следа	10,00	12,62	0,07	2,95	0,40	нет	неопр	99,99
2	Афрасиаб	XI в.	43,82	4,98	2,01	5,32	0,81	4,87	2,49	1,41	0,01	5,80	26,01	–	0,98	0,01	0,59	–	99,91
3	Мавзолеев Ходжа-Ахмада XIV в. в Шохан-Зиода над входом	XIV в.	50,96	4,48	2,72	6,30	3,53	4,53	1,61	1,83	0,07	5,62	16,72	0,03	0,84	1,48	–	0,03	99,75
4	Мавзолеев Уста-Али 71/из 38	XIV в.	52,81	4,65	1,79	6,85	3,36	2,71	1,79	1,22	0,08	4,85	19,08	0,14	0,40	0,08	–	0,02	99,83
5	Мавзолеев Бибур-Ханым	нач. XV в.	41,46	8,10	2,74	5,05	2,15	4,00	2,81	1,70	0,05	4,81	24,11	0,06	0,96	1,62	–	0,02	99,82
6	Шугальев Тимур	XIV в.	58,70	2,80	1,90	4,68	2,90	14,60	2,27	1,02	0,03	неопр	16,82	0,06	1,30	0,32	–	–	100,40
7	Мечеть Анау	XV в.	71,14	1,22	0,53	4,04	3,04	14,79	2,83	неопр.	нет	неопр	0,04	0,05	1,84	0,48	–	–	99,75
8	Мавзолеев Анау	XV в.	76,31	2,91	0,46	3,34	2,41	14,79	2,88	неопр.	неопр	неопр	0,60	следа	0,58	0,48	–	–	100,43
9	Медресе Нальвар-Дипнар-Бети	XVII в.	56,02	5,39	2,00	4,21	2,60	7,90	2,01	1,90	0,02	4,18	12,38	–	1,26	–	–	–	99,87
10	БСНПМ	1978 г.	55,06	2,20	1,89	2,70	1,39	6,72	3,08	1,02	1,02	3,20	20,69	0,02	0,62	1,07	–	0,07	100,03
11	СНПМ	1976–80 гг.	44,96	5,66	2,51	5,41	0,76	5,32	2,12	1,68	нет	6,90	19,31	–	0,84	3,24	0,58	–	99,38

Таблица 6. Химические составы средневековых и современных синих глазурей Узбекистана (% мас.)

Table 6. Chemical compositions of medieval and modern blue glazes from Uzbekistan

№	Место взятия пробы	Дата	SiO ₂	Al ₂ O ₃	Fe ₂ O ₃	CaO	MgO	Na ₂ O	K ₂ O	п.п.п.	MnO	SnO ₂	PbO	TiO ₂	CuO	SO ₃	CoO	ZnO	сумма
1	Афрасиаб	XI–XII в.	67,40	2,80	2,34	6,00	3,78	12,97	2,33	неопр.	0,04	нет 0,03	0,17	0,08	0,08	0,60	0,50	неопр. 0,04	99,85
2	Афрасиаб	XI в.	46,75	3,47	0,89	4,00	1,42	3,47	1,48	1,68	0,03	6,78	27,35	0,06	0,78	0,18	1,26	–	99,60
3	Мавзолей Айша-Бибиг	XII в.	50,31	12,22	2,21	5,96	1,21	4,37	1,89	1,41	0,04	1,50	16,81	0,04	0,03	1,08	0,74	0,03	99,82
4	Цитадель Тимура	XIV в.	60,80	3,20	2,40	4,14	2,80	13,70	2,70	1,20	0,06	–	18,50	0,12	–	0,24	0,34	–	100,20
5	Цитадель Тимура	XIV в.	60,00	3,90	2,40	5,25	2,30	13,70	2,20	1,19	0,31	–	17,70	0,13	–	0,24	0,35	–	100,50
6	Мавзолей Уста-Али	нач. XIV в.	49,23	12,87	1,45	5,05	2,83	5,00	2,00	1,68	0,02	2,04	16,85	0,05	–	1,02	0,26	0,02	100,37
7	Мавзолей Бурундука	XIV в.	51,86	8,39	2,13	5,41	2,67	2,02	1,29	1,85	0,05	4,66	18,26	0,04	–	0,64	0,62	0,03	99,86
8	Лабораторный образец	XV в.	69,40	2,29	1,30	3,43	1,30	10,55	1,40	1,20	0,08	2,85	5,43	–	0,03	–	0,35	неопр.	99,61
	Мечеть Анау	XV в.	74,47	3,02	2,84	4,44	2,38	9,51	2,73	неопр.	0,10	неопр	нет 0,05	0,04	неопр	неопр	0,38	неопр.	100,18
9	Медресе Надыр-Диван-беги	XVII в.	60,18	6,74	3,12	4,58	2,18	11,19	2,68	1,30	0,03	7,09	0,36	–	0,03	–	0,29	–	99,77
10	БСИРПМ.	современ. (1978)	51,40	2,38	0,79	2,54	1,47	2,49	1,75	0,65	1,14	0,31	34,38	–	0,03		0,32	0,03	99,86
11	ССНРПМ	1971–75 гг.	47,95	14,30	0,48	5,18	2,24	6,71	3,80	0,14	0,01	неопр.	8,12	0,05	6,48		4,24	0,02	99,83
		1976–80 гг.	40,83	13,75	2,32	5,84	0,68	2,87	2,28	1,21	нет	0,08	26,91	–	0,36	1,23	1,20	–	99,56
		1976–80 гг.	57,95	4,29	2,12	5,66	1,78	8,34	2,52	0,96		0,53	14,01	–	–	–	0,38	–	99,48
12	Синтезирование	1980 г.	49,60	3,40	1,09	2,80	1,00	5,83	1,25	0,98		0,75	32,30	–	–	–	0,42	–	99,40

Примечание: 1 – анализ заимствован из работы Ф. Бурашевой и анализы 8 – из работы М. А. Безбородова. Анализы 3, 4, 5, 6, 10 выполнены аналитиком М. Давроновой и анализы 2, 7, 9, 11 – выполнены аналитиком С. Джалиловой.

- Абдуразаков 1987 – *Абдуразаков А. А.* Химические составы керамики и глазурей архитектурных памятников Узбекистана // ИМКУз. № 21. Ташкент, 1987. С. 183–186.
- Абдуразаков 1993 – *Абдуразаков А. А.* История стеклоделия Средней Азии в древности и средневековье. Автореф. дис. ... д. н. и. Ташкент, 1993.
- Балобан, Рахимов 1955 – *Балобан П. И., Рахимов М. К.* Средневековые глазури Узбекистана // Стекло и керамика. № 5. 1955. С. 18–20.
- Безбородов 1946 – *Безбородов М. А.* Мозаичные изразцы из мечети Айау // Известия АНТССР. № 6. Ашхабад, 1946. С. 373–376.
- Бурнашева 1961 – *Бурнашева Ф. А.* Опыт технологического исследования глазурей керамической мозаики XV в. из медресе Улугбека // Научные работы и сообщения. № 3. (АН Уз.ССР. Отделение общественных наук). Ташкент, 1961. С. 265–272.
- Бурнашева 1963 – *Бурнашева Ф. А.* Глазурная полива керамической посуды Афрасиаба X–XII вв. // ИМКУз. № 4. Ташкент, 1963. С. 137–143.
- Гражданкина 1963 – *Гражданкина Н. С.* К истории керамического производства в Средней Азии // ИМКУз. № 5. Ташкент, 1963. С. 137–143.
- Пилынский 1940 – *Пилынский В.* Ургенч и Миздакхан. Москва, 1940.
- Якубовский 1930 – *Якубовский А. Ю.* Развалины Ургенча // Известия ГАИМК. № 9 (2). 1930.
- Wilkinson 1947 – *Wilkinson Ch.* Tachion and technique in Persian pottery // Bulletin of the Metropolitan Museum of Art. November, 6 (3). 1947. S. 99–102.

INVESTIGATIONS OF THE CHEMICAL COMPOSITION OF BUILDING AND DECORATIVE MATERIALS IN UZBEKISTAN

A. ABDURAZAKOV, B. BOLIEV

The natural and climatic conditions vary considerably throughout the vast territory of Central Asia. They are specific in particular zones exerting a peculiar influence on building materials at various sites. Ancient builders had to solve very complicated problems in order to provide their creations with survivability under the abruptly changing climatic conditions. This task depended directly on the chemical composition and technology of building and facing materials used during construction of architectural monuments.

In this connection, of considerable importance are multi-disciplinary chemical and technological studies of samples of ceramics and glazes taken from particular sites. These investigations enable us to supplement our knowledge about the development of production of facing materials and to trace the origins of particular formulae of

glazes and their substrata. In addition, the results of the studies of samples obtained both from archaeological excavations and architectural monuments give us the possibility to make ideas on the advances in chemical, technological, biological, geological etc. spheres of knowledge of particular peoples in given historical periods and the contributions of these peoples into the respective branches of science and engineering.

This paper presents the results of chemical analyses of local mineral resources located near different architectural sites. These analyses were conducted in order to shed light over the technology and composition of medieval building materials. The chemical data obtained seem promising to be of help in reconstruction of the lost formulae of ancient Kashan backing substrata and glazes.

ИЗУЧЕНИЕ СВОЙСТВ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ДРЕВЕСИНЫ И ПРОБЛЕМЫ КОНСЕРВАЦИИ¹

Э. К. КУБЛО, Л. Л. ЛЕОНТЬЕВ, М. И. КОЛОСОВА,
Л. В. КОКУЦА²

Лаборатория консервации мокрой археологической древесины Новгородского музея поставила своей целью отработку методики стабилизации деревянных предметов, ежегодно поступающих в музей с нескольких раскопов в городе и за его пределами. За основу взята методика, широко применяемая в лабораториях многих стран Западной Европы, но практически совсем не используемая в России, хотя проблема консервации мокрой археологической древесины актуальна не только для Новгорода. Речь идет о сушке древесины вымораживанием с применением вакуума, когда используются свойства испарения льда. При отрицательных температурах лед переходит в газообразное состояние, минуя жидкую стадию, при этом клеточная структура древесины не разрушается. Для предотвращения разрывов древесины замораживанию предшествует предварительная пропитка в водных растворах полиэтиленгликолей (ПЭГ). Попытка применения этой методики на практике дала неоднозначные результаты и показала необходимость исследования физических и химических свойств деградированной древесины, пролежавшей несколько столетий в увлажненной среде. Для эксперимента были отобраны на действующих раскопах Новгорода в слоях XIII–XIV вв. 29 образцов древесины различных пород: клена, дуба, ясеня, ивы, вяза, березы, осины, тополя, сосны и ели. Каждый образец был распилен на несколько частей для определения физико-механических параметров и проведения эксперимента, который состоял в пропитке древесины полиэтиленгликолями (ПЭГ) и последующей сушке методом сублимации. Часть образцов была высушена без какой-либо обработки при комнатной температуре и оставлена в качестве контрольных.

Всего были исследованы физические свойства древесины 11 пород из новгородских раскопок XIII–XIV веков (Никитинский, Троицкий раскопы).

Методика работ. Работы проводились параллельно на идентичных образцах по двум направлениям: изучение свойств древесины археологических находок и изучение различных режимов обработки с целью сохранения археологической древесины. Для возможности сравнения свойств археологической древесины со свойствами нормальной древесины изу-

чение физических свойств проводилось по тем же методикам, которые применяются для обычной древесины.

Масса образцов определялась взвешиванием на электрических весах ВЛК-500 с точностью до 0,01 г.

Объем образцов при различной влажности определялся по методу измерения выталкивающей силы, взвешиванием образцов, погруженных в жидкость с той же точностью на тех же весах (Полубояринов 1976). В качестве жидкости использовалась вода.

Линейные размеры измерялись штангенциркулем с точностью до 0,05 мм.

Все измерения образцов проводились в четырех состояниях древесины:

- в исходном состоянии (при максимальной влажности);
- в воздушно сухом состоянии (после высыхания образцов до постоянной массы в комнатных условиях);
- в абсолютно сухом состоянии (после высушивания в сушильном шкафу до постоянной массы при температуре 103°C);
- в мокром состоянии после повторного вымачивания образцов в воде.

Приняемые формулы и допущения. Применение многих формул в древесиноведении предполагает принятие ряда допущений, которые, к сожалению, не всегда оговариваются. Такие допущения тем более необходимы при оценке тех или иных свойств археологической древесины. При проведении наших исследований были приняты следующие допущения:

1. Плотность древесинного вещества археологической древесины не отличается от плотности древесинного вещества обычной древесины и равна 1,53 г/см³. Плотность древесинного вещества при максимальной влажности (без учета связанной воды в клеточных стенках) равна его плотности в абсолютно сухом состоянии (1,53 г/см³).

2. Плотность воды, содержащейся в археологической древесине, равна 1,0 г/см³;

3. Первоначальная плотность и иные физические свойства древесины археологических находок равны соответствующим табличным показателям малых чистых образцов современной древесины данной породы (по: Боровиков, Уголев 1989);

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, № проекта 03-06-80-390.

² Э. К. Кубло, Л. В. Кокуца, Россия. 173007, Новгород, Кремль, 11. Новгородский государственный музей-заповедник.
Л. Л. Леонтьев, Россия. 194021, Санкт-Петербург, Институтский пер., 3. Санкт-Петербургская лесотехническая академия.
М. И. Колосова, Россия. 191065, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34. Государственный Эрмитаж. Отдел научной экспертизы.

4. Общее изменение размеров и объема образцов археологической древесины $IP_{\text{общ}}$ складывается из двух взаимонезависимых процессов – усушки, происходящей за счет удаления из клеточных стенок связанной влаги, и усадки, вызванной смятием клеточных стенок, и рассчитывается для изменения объема по формуле (в скобках указаны №№ образцов):

$$IP_{\text{общ}} = IP_{\text{усадки}} + IP_{\text{усушки}} = \frac{V_{\text{max}} - V_{\text{в}}}{V_{\text{max}}} \cdot 100 \quad (1)$$

где: V_{max} – объем образца в исходном (мокрое) состоянии, см^3 ;
 $V_{\text{в}}$ – объем образца в абсолютно сухом состоянии, см^3 .

5. Изменение объема за счет усадки древесины рассчитывается по формуле:

$$IP_{\text{усадки}} = \frac{V_{\text{max}} - V_{\text{повт}}}{V_{\text{max}}} \cdot 100 \quad (2)$$

где: V_{max} – объем образца в исходном (мокрое) состоянии, см^3 ;
 $V_{\text{повт}}$ – объем образца после повторного размачивания, см^3 .

6. Изменение объема за счет полной усушки древесины $IP_{\text{усушки}}$ рассчитывается по формуле:

$$IP_{\text{усушки}} = \frac{V_{\text{max}} - V_{\text{в}}}{V_{\text{max}}} \cdot 100 \quad (3)$$

где: V_{max} – объем образца в исходном (мокрое) состоянии, см^3 ;
 $V_{\text{повт}}$ – объем образца после повторного размачивания, см^3 ;
 $V_{\text{в}}$ – объем образца в абсолютно сухом состоянии, см^3 .

Следует оговориться, что показатели изменения размеров и объема за счет усушки не аналогичны соответствующим видам усушки.

7. Изменение объема за счет частичной усушки древесины $IP_{\text{част. усушки}}$ рассчитывается по формуле:

$$IP_{\text{част. усушки}} = \frac{V_{\text{повт}} - V_{\text{в.с.}}}{V_{\text{max}}} \cdot 100 \quad (8)$$

где: V_{max} – объем образца в исходном (мокрое) состоянии, см^3 ;
 $V_{\text{повт}}$ – объем образца после повторного размачивания, см^3 ;
 $V_{\text{в.с.}}$ – объем образца в воздушно сухом состоянии, см^3 .

8. Изменения линейных размеров за счет усадки, усушки и общее изменение размеров образцов древесины равны соответствующим изменениям соответствующих линейных размеров, и рассчитываются по формулам, аналогичным формулам 1–3.

Помимо этого использовались общепринятые в древесиноведении показатели и соответствующие формулы для их расчета (Уголев 2001). Влажность археологической древесины W рассчитывалась по формуле:

$$W = \frac{m_{\text{в}} - m_{\text{с}}}{m_{\text{с}}} \cdot 100 \quad (4)$$

где: $m_{\text{в}}$ – масса образца при влажности W , г;
 $m_{\text{с}}$ – масса образца в абсолютно сухом состоянии, г
 Плотность влажной древесины $\rho_{\text{в}}$ рассчитывалась по формуле:

$$\rho_{\text{в}} = \frac{m_{\text{в}}}{V_{\text{в}}} \quad (5)$$

где: $m_{\text{в}}$ – масса образца при влажности W , г;
 $V_{\text{в}}$ – объем образца при влажности W , см^3 .

Плотность абсолютно сухой древесины $\rho_{\text{с}}$ рассчитывалась по формуле:

$$\rho_{\text{с}} = \frac{m_{\text{с}}}{V_{\text{с}}} \quad (6)$$

где: $m_{\text{с}}$ – масса образца в абсолютно сухом состоянии, г;
 $V_{\text{с}}$ – объем образца в абсолютно сухом состоянии, см^3 .

Базисная плотность древесины $\rho_{\text{баз}}$ рассчитывалась по формуле:

$$\rho_{\text{баз}} = \frac{m_{\text{с}}}{V_{\text{max}}} \quad (7)$$

где: $m_{\text{с}}$ – масса образца в абсолютно сухом состоянии, г;
 V_{max} – объем образца в начальном (мокрое) состоянии, см^3 .

Древесина новгородских раскопок находилась длительное время в грунте, насыщенном водой. За это время, несмотря на подчас значительную деструкцию (разрушение клеточных стенок), древесина достигла состояния максимальной влажности. В этом состоянии древесина выступает как двухфазная система и состоит только из древесинного вещества и воды. Состояние максимальной влажности древесины, так же, как и абсолютно сухое состояние, является единственным для данного образца древесины. Отсутствие воздуха, по-видимому, определило и сохранность археологической древесины, и специфичность ее деструкции.

При определении режимов сохранения древесины и при оценке изменения ее свойств крайне важно знать степень сохранности или разрушения образцов древесины. В работах различных авторов в качестве показателя сохранности древесины обычно использовалась влажность древесины: чем выше значение влажности, тем больше степень разрушения древесины (Saeterhaug 1985; Ambrose 1990; и др.). Однако влажность (а в данном случае речь идет о максимальной влажности) зависит от плотности древесины, в том числе изначальной плотности древесины до начала ее деструкции. Различные древесные породы могут отличаться по плотности довольно сильно, что ведет к несравнимости значений влажности, как показателя сохранности древесины. Например, максимальная расчетная влажность не деструктированной древесины бальзы (*Ochroma lagopus* Sw.) может принимать значения примерно от 500 до 2000%.

Кроме того, при принятии практических решений по сохранению того или иного образца важно знать не содержание в нем воды, а содержание древесинного вещества.

Поэтому одной из задач, стоящей перед нами, был поиск подходящих показателей оценки степени деструкции археологической древесины.

Степень разрушения древесины может быть охарактеризована ее деструкцией D , которая в общем виде определяется по формуле:

$$D \approx \frac{m_{0 \text{ расч}} - m_{0 \text{ дестр.}}}{m_{0 \text{ расч}}} \cdot 100 \quad (8)$$

где: $m_{0 \text{ расч}}$ — масса данного образца в абсолютно сухом состоянии до начала деструкции, г;

$m_{0 \text{ дестр.}}$ — масса образца в абсолютно сухом состоянии после деструкции, г;

Истинная изначальная масса образцов археологической древесины, как и любые другие показатели их свойств, никогда не будут точно известны. Единственным путем оценки предполагаемой степени деструкции является принятие неких средних (табличных) основных показателей данной древесной породы ($\rho_{\text{ор}}$, $\rho_{\text{баз}}$, $W_{\text{пл}}$ и т. д.), и расчет по ним соответствующих предполагаемых параметров образцов (массы, плотности, влажности). Чем точнее и ближе к неизвестным истинным значениям будут подобраны принимаемые исходные значения, тем меньше будет ошибка. К сожалению, это единственный путь оценки примерной деструкции археологической древесины.

В результате проведенных изысканий были выведены три различных формулы для расчета предполагаемой степени деструкции древесины:

1. Для оценки примерной степени деструкции по массе может быть использована следующая формула:

$$D = \frac{m_{0 \text{ расч}} - m_{0 \text{ дестр.}}}{m_{0 \text{ расч}}} \cdot 100 = \left(1 - \frac{m_{0 \text{ дестр.}}}{m_{0 \text{ расч}}} \right) \cdot 100 \quad (9)$$

При этом

$$m_{0 \text{ расч}} = V_{\text{макс дестр.}} \cdot \rho_{\text{баз. порн.}} \quad (10)$$

где: $m_{0 \text{ расч}}$ — предполагаемая расчетная масса данного образца в абсолютно сухом состоянии при отсутствии деструкции, г;

$m_{0 \text{ дестр.}}$ — масса исследуемого образца в абсолютно сухом состоянии, г;

$V_{\text{макс дестр.}}$ — объем исследуемого образца в исходном состоянии, см³;

$\rho_{\text{баз. порн.}}$ — предполагаемая базисная плотность данного образца при отсутствии деструкции (принимается равной табличному значению базисной плотности древесины данной породы), г/см³.

2. Примерная степень деструкции археологической древесины может быть определена по ее максимальной влажности $W_{\text{макс дестр.}}$:

$$D = \left(1 - \frac{100}{m_{\text{баз. порн.}} \cdot (W_{\text{макс дестр.}} + 65,36)} \right) \cdot 100 \quad (11)$$

3. Примерная степень деструкции археологической древесины может быть определена по максимальной плотности $\rho_{\text{макс}}$:

$$D = \frac{\rho_{\text{макс расч}} - \rho_{\text{макс дестр.}}}{\rho_{\text{макс расч}} - 1} \cdot 100 \quad (12)$$

где максимальная расчетная плотность $\rho_{\text{макс расч}}$ определяется по табличной базисной плотности для данной древесной породы по формуле

$$\rho_{\text{макс расч}} = 1 + 0,3464 \cdot \rho_{\text{баз}} \quad (13)$$

а максимальная плотность деструктивной древесины $\rho_{\text{макс дестр.}}$ — по данным измерений образца в состоянии максимальной влажности.

Для удобства расчетов эту формулу можно представить в виде:

$$D = \frac{m_{\text{макс расч}} - m_{\text{макс дестр.}}}{m_{\text{макс расч}} - V_{\text{макс дестр.}}} \cdot 100 \quad (14)$$

где: $m_{\text{макс расч}}$ — максимальная расчетная масса, определяемая по максимальной расчетной плотности:

$$m_{\text{макс расч}} = \rho_{\text{макс расч}} \cdot V_{\text{макс дестр.}} \quad (15)$$

$m_{\text{макс дестр.}}$ — максимальная масса деструктивной древесины (в исходном состоянии);

$V_{\text{макс дестр.}}$ — максимальный объем по данным измерений образца в исходном состоянии.

Определение степени деструкции по массе или максимальной влажности требует взвешивания образцов в исходном состоянии (при максимальной влажности) и в абсолютно сухом состоянии (после высушивания). Для практического использования это крайне неудобно, поскольку требует высушивания археологической древесины, что часто просто невозможно.

Для определения степени деструкции по максимальной плотности не требуется сушить образцы; достаточно определить массу и объем при максимальной влажности (исходное состояние). При определении объема гидростатическим взвешиванием или по определению выталкивающей силы образец может иметь любые размеры и форму, причем, чем больше будет образец, тем меньше ошибка.

Определение предполагаемой деструкции по максимальной плотности является единственным возможным способом примерной оценки деструкции древесины ценных археологических находок, нарушение целостности которых в исследовательских целях невозможно.

Предлагаемые методики оценки примерной степени деструкции древесины могут быть усовершенствованы введением целого ряда дополнительных показателей, более детально характеризующих особенности древесины археологических находок. Использование показателей ширины годичных слоев, процента поздней древесины, количественных характеристик анатомического строения позволит точнее подбирать предполагаемые исходные значения физических свойств исследуемой древесины, что значительно снизит и возможную ошибку.

Результаты. Представленные ниже результаты изучения археологической древесины, по сути, сводятся к оценке изменения тех или иных показателей малых чистых образцов древесины.

Влажность археологической древесины. Особенностью новгородского культурного слоя является крайне высокая влажность почвы, поэтому древесина

на ископаемых предметах находится в состоянии максимальной влажности.

Влажность археологической древесины в исходном состоянии оказалась значительно (в большинстве случаев, при сильной деструкции в 3–6 раз) выше значений расчетной максимальной влажности древесины исследованных пород (табл. 1), которая обычно не превышала 200%. При крайне сильной деструкции влажность может возрастать почти в 10 раз и достигать 1000%. Наибольшие значения влажности были получены для древесины тополя – 1860%. Подобные значения влажности характерны для прикамбиальных слоев в период формирования клеток ранней древесины, т. е. в период отсутствия вторичной оболочки в клеточных стенках при относительно больших размерах формирующихся клеток.

Анализ влияния различных факторов на показатель влажности выявил, что основной причиной повышения максимальной влажности археологической древесины является не увеличение содержания в ней воды, а снижение содержания древесинного вещества в клеточных стенках, то есть их деструкция.

Крайне высокие значения максимальной влажности говорят не только о резком снижении содержания древесинного вещества в клеточных стенках, но и об отсутствии значительных количеств иных (например, минеральных) веществ в полостях клеток.

Сравнение с данными ряда авторов (Saeterhaug 1985; Ambrose 1990 и др.) показывает, что многие образцы археологической древесины новгородских раскопок имеют влажность, значительно превышающую влажность «сильно разрушенных» образцов примерно тех же пород. В то же время для ольхи и вяза приводятся значения влажности древесины, близкие к влажности некоторых наших образцов (Kaue, Cole-Hamilton 1994).

Плотность археологической древесины значительно отличалась от табличных или расчетных значений плотности древесины данных пород.

Плотность любой древесины при максимальной влажности (максимальная плотность древесины) находится в диапазоне от 1000 до 1530 кг/м³, никогда не достигая этих значений. Чем больше в реальной древесине доля клеточных стенок, тем ближе значение максимальной плотности к плотности древесинного вещества. Максимальная плотность археологической древесины (табл. 2) всех пород находилась в диапазоне от 1019 кг/м³ до 1092 кг/м³ (за исключением древесины с кренью, засмолками, древесиной сучков, имеющих изначально более высокую плотность, и древесины ядра дуба). Максимальная плотность исследованной археологической древесины была гораздо ближе к плотности воды, чем к плотности древесинного вещества, что свидетельствует об увеличенной доле полостей клеток в образцах и подтверждает значительную потерю древесинного вещества в клеточных стенках.

В то же время, полученные цифры вполне соответствуют максимальной расчетной плотности не деструктивной ультралегкой древесины бальзы, которая составляет примерно 1017–1069 кг/м³.

Базисная плотность древесины показывает содержание сухого вещества в единице объема сырой древесины. Поскольку объем образцов древесины археологических находок существенно не изменялся, данный показатель, при сравнении с базисной плотностью нормальной древесины, будет характеризовать изменение содержания абсолютно сухого вещества, то есть деструкцию древесины.

За исключением древесины сучков, древесины с засмолком или кренью, у большинства образцов отмечено значительное снижение базисной плотности. Максимальное снижение произошло у сильно деструктивной древесины тополя – в 7,06 раза. В большинстве случаев снижение составляло от 2 до 4 раз. Относительно небольшое снижение отмечено у древесины ядра дуба (менее 2 раз) и у некоторых образцов хвойных пород.

При значительной степени деструкции базисная плотность составляла у большинства образцов 100–150 г/см³; абсолютного минимума она достигла у очень сильно деструктивной древесины тополя – 53,09 г/см³. Эти значения вполне сопоставимы со значениями базисной плотности нормальной древесины ультралегких пород (бальза и др.).

На плотность древесины в абсолютно сухом состоянии помимо деструкции клеточных стенок сильно влияет величина изменения объема образца при высыхании. Поэтому закономерности изменения этого показателя оказались более сложными, и в ряде случаев фактические ρ_d значительно превышали табличные для данной породы. Наличие не только усушки, но и значительной усадки (смятия) образцов археологической древесины при высыхании, делает показатель плотности в абсолютно сухом состоянии гораздо менее ценным для практического использования и значительно менее информативным, чем у нормальной древесины.

Определение степени деструкции археологической древесины. В данной работе мы не ставили перед собой цели максимально точного определения степени деструкции археологической древесины. Усовершенствование разработанных нами методик определения деструкции может идти и дальше со значительным повышением точности оценки, за счет привнесения целого ряда дополнительных признаков. Однако эти методики потребуют и гораздо более детального анализа древесины самих археологических находок: определения ширины годовичных слоев, процента поздней древесины, клеточного состава, наличия и количественной оценки гнилей и т.д., что значительно усложнит и удорожит всю процедуру.

Следует отметить специфичность деструкции археологической древесины. Несмотря на очень сильную степень деструкции у многих образцов, выраженную в значительной потере массы древесинного вещества, практически все исследованные образцы сохранили свою предполагаемую первоначальную форму и общую структуру как древесного материала. Деструкция археологической древесины проходила, очевидно, по пути достаточно равномерного (по своему объему образца) частичного (часто значительно-

Таблица 1. Максимальная влажность археологической древесины из новгородских раскопок

Table 1. Maximum humidity of archaeological wood from excavations in Novgorod

Результаты статистической обработки максимальной влажности ископаемой древесины									Максимальная расчетная $W_{\text{max расч. образца, \%}}$	Максимальная расчетная $W_{\text{max расч. породы, \%}}$	Превышение максимальной расчетной влажности	
Порода	№	Зона	Влажность в сыром состоянии $W_{\text{max образца, \%}}$									
			M	\pm	m	N	σ	V			%	раз
ель	1		322,21	\pm	11,15	3	19,32	6,0	235,76	208,61	113,60	1,54
	1		619,83	\pm	38,80	7	102,66	16,6	526,52		411,22	2,97
	4		352,48	\pm	15,95	4	31,89	9,0	264,74		143,86	1,69
	8		406,53	\pm	14,59	7	38,6	9,5	321,01		197,92	1,95
	9		457,17	\pm	9,93	5	22,21	4,9	373,30		248,56	2,19
	9		344,49	\pm	15,02	6	36,80	10,7	257,87		135,88	1,65
26	252,82	\pm	1,41	3	2,44	1,0	170,16	44,2	1,21			
сосна	19		567,24	\pm	4,66	4	9,33	1,6	482,39	175,60	391,63	3,23
	23		307,13	\pm	9,14	8	25,86	8,4	222,20		131,53	1,75
береза	2		716,97	\pm	72,58	4	145,17	20,2	609,26	126,95	590,02	5,65
	10		711,69	\pm	19,63	9	58,88	8,3	629,19		584,74	5,61
	16		707,23	\pm	11,33	7	29,97	4,2	626,04		580,28	5,57
	22		557,09	\pm	30,20	4	60,40	10,8	473,85		430,14	4,39
клен	14		637,89	\pm	32,92	5	73,62	11,5	550,73	110,08	527,81	5,79
	27		397,60	\pm	29,12	4	58,25	14,6	300,20		287,52	3,61
ольха	7		740,29	\pm	16,63	4	33,27	4,5	661,49	167,20	573,09	4,43
	24		802,92	\pm	13,16	9	39,48	4,9	721,73		635,72	4,80
	29		300,00	\pm		1			223,12		132,80	1,79
ива	11		726,99	\pm	31,09	3	53,85	7,4	646,06	226,72	500,27	3,21
липа	15		920,25	\pm	17,29	4	34,59	3,8	833,58	178,54	741,71	5,15
тополь	17	наружные	1860,68	\pm	126,06	6	308,78	16,6	1730,58	201,31	1659,37	9,24
	20	внутрен.	796,82	\pm	60,38	9	181,15	22,7	684,25		595,51	3,96
осина	17		937,17	\pm	22,51	5	50,34	5,4	849,58	184,64	752,53	5,08
вяз	21		555,26	\pm	37,14	4	74,27	13,4	469,74		433,70	4,57
	6		585,76	\pm	43,65	2	61,74	10,5	515,88		585,76	4,82
28	375,44	\pm	44,03	4	88,07	23,5	274,77	375,44	3,09			
дуб	3	заболонь	591,55	\pm	13,38	4	26,76	4,5	516,21	110,08	481,47	5,37
	12		641,91	\pm	11,99	5	26,80	4,2	559,72		531,83	5,83
	13		772,73	\pm	8,39	3	14,54	1,9	702,12		662,65	7,02
	18		277,51	\pm	15,21	4	30,42	11,0	213,56		167,43	2,52
	25		472,22	\pm		1			419,22		362,14	4,29
	3	ядро	123,76	\pm	1,21	4	2,43	2,0	36,18		13,69	1,12
	12		134,03	\pm	4,09	4	8,18	6,1	43,39		23,95	1,22
	13		241,72	\pm	0,65	2	0,92	0,4	156,55		131,64	2,20
	18		159,54	\pm	13,49	10	42,65	26,7	64,29		49,46	1,45
	25		137,74	\pm	4,36	4	8,72	6,3	50,07		27,66	1,25

го) разрушения веществ, образующих клеточную стенку. Хорошая общая сохранность исследованной древесины подтверждается и проведенным анатомическим изучением образцов археологической древесины.

Средние значения деструкции отдельных образцов по породам представлены в таблице 3. В связи с неоднородностью строения некоторых образцов, или различной степенью деструкции их древесины, в ряде

случаев при статистической обработке пришлось произвести дополнительное деление в пределах одного образца.

Определение деструкции по предполагаемому изменению массы образца в абсолютно сухом состоянии является наиболее прямым способом оценки деструкции, но применение данного способа на практике не всегда возможно. С другой стороны, для оценки деструкции по этому методу не обязательно наход-

Таблица 2. Максимальная плотность археологической древесины новгородских раскопок

Table 2 Maximum density of archaeological wood from excavations in Novgorod

Результаты статистической обработки плотности археологической древесины в исходном состоянии							Расчетные и табличные значения плотности, кг/м ³			Снижение максимальной плотности, %		
порода	№	зона	плотность ρ_{max} , кг/м ³				$\rho_{расч}$	ρ_0	$\rho_{вкл}$			
			M	\pm m	N	s				V		
ель	1		1084,38	\pm 2,76	3	4,77	0,4	1126,44	420	365	3,73	
	1		1040,80	\pm 5,28	7	13,96	1,3				7,60	
	4		1078,74	\pm 3,96	4	7,92	0,7				4,23	
	8		1063,03	\pm 1,91	7	5,05	0,5				5,63	
	9		1057,37	\pm 1,24	5	2,77	0,3				6,13	
	9		1075,09	\pm 2,73	6	6,73	0,6				4,56	
	26		1091,79	\pm 7,01	3	12,14	1,1				3,08	
сосна	19		1050,00	\pm 1,92	4	3,84	0,4	1143,76	480	415	8,20	
	23		1081,21	\pm 2,48	8	7,01	0,6				5,47	
береза	2		1045,09	\pm 4,39	4	8,79	0,8	1180,13	620	520	11,44	
	10		1032,78	\pm 1,87	9	5,61	0,5				12,49	
	16		1034,79	\pm 2,23	7	5,90	0,6				12,32	
	22		1040,95	\pm 2,25	4	4,49	0,4				11,79	
клен	14		1040,10	\pm 2,93	5	6,55	0,6	1197,45	655	570	13,14	
	27		1085,48	\pm 7,36	4	14,72	1,4				9,35	
ольха	7		1030,29	\pm 4,37	4	8,74	0,8	1148,95	495	430	10,33	
	24		1030,51	\pm 2,78	9	8,35	0,8				10,31	
	29		1063,49	\pm 1							7,44	
ива	11		1031,95	\pm 1,96	3	3,39	0,3	1118,60	394	342	7,75	
липа	15		1033,22	\pm 0,19	4	0,38	0,0	1142,02	470	410	9,53	
тополь	17		1018,72	\pm 0,66	6	1,62	0,2	1129,90	425	375	9,84	
	17		1034,75	\pm 1,85	9	5,55	0,5				8,42	
осина	20		1032,53	\pm 1,09	5	2,44	0,2	1138,56	465	400	9,31	
вяз	6		1020,80	\pm 4,41	2	6,23	0,6	1185,32	620	535	13,88	
	21		1041,85	\pm 6,10	4	12,20	1,2				12,10	
	28		1081,96	\pm 5,43	4	10,87	1,0				8,72	
дуб	3	заболонь	1032,34	\pm 3,12	4	6,24	0,6	1197,45	655	570	13,79	
			12	1039,85	\pm 1,00	5	2,24				0,2	13,16
			13	1020,39	\pm 3,57	3	6,19				0,6	14,79
			18	1023,23	\pm 16,93	4	33,86				3,3	14,55
			25	-		1						-
	3	ядро	1182,69	\pm 1,05	4	2,09	0,2				1,23	
	12		1190,50	\pm 4,68	4	9,37	0,8				0,60	
	13		1103,94	\pm 0,11	2	0,16	0,0				7,81	
	18		1165,34	\pm 8,37	10	26,46	2,3				2,68	
25	1169,35	\pm 3,96	4	7,92	0,7	2,35						

дение образца в состоянии максимальной влажности. Это крайне удобно для оценки деструкции неархеологической древесины, или археологической древесины, находившейся в них, значительно более сухих условиях. Кроме того, данный метод позволяет контролировать величину деструкции древесины, определенную по максимальной влажности, в случае какого-либо нарушения условий хранения и частичного подсыхания образцов древесины.

В целом меньшей деструкции была подвержена древесина ядра дуба и некоторых образцов хвойных пород. Гораздо более значительная деструкция происходила у древесины заболони дуба, древесины вяза, и древесины всех лиственных рассеяннососудистых пород, независимо от изначальной плотности.

При определении деструкции по максимальной влажности так же, как и в предыдущем методе, используется масса образцов в абсолютно сухом состоя-

Таблица 3. Деструкция образцов археологической древесины, определенная разными методами

Table 3. Destruction of specimens of archaeological wood evaluated by different methods

Порода	№	Зона	Кол-во повторностей	Деструкция по массе			Деструкция по влажности			Деструкция по плотности		
				M	± m	s	M	± m	s	M	± m	s
ель	1		3	29,53	± 2,02	3,50	29,20	± 2,02	3,50	33,27	± 2,18	3,78
			7	59,67	± 2,21	5,86	59,29	± 2,19	5,78	67,73	± 4,17	11,04
	4		34,43	± 2,53	5,05	34,15	± 2,51	5,01	37,79	± 3,13	6,25	
	8		42,21	± 1,76	4,65	41,60	± 1,81	4,78	50,13	± 1,51	4,01	
	9		47,96	± 0,89	2,00	47,48	± 0,97	2,16	54,62	± 0,98	2,19	
	9		33,32	± 2,47	6,04	32,68	± 2,56	6,26	40,60	± 2,17	5,33	
	26		3	15,20	± 0,21	0,36	13,90	± 0,38	0,66	27,40	± 5,55	9,61
сосна	19		4	62,08	± 0,21	0,42	61,88	± 0,28	0,57	65,20	± 1,34	2,68
	23		8	35,78	± 1,48	4,17	35,06	± 1,47	4,17	43,51	± 1,72	4,86
береза	2		4	74,78	± 2,36	4,72	74,75	± 2,37	4,75	74,95	± 2,45	4,91
	10		9	75,43	± 0,61	1,82	75,12	± 0,61	1,83	81,78	± 1,04	3,12
	16		7	75,31	± 0,39	1,03	75,07	± 0,38	1,02	80,70	± 1,24	3,27
	22		4	69,33	± 1,56	3,11	68,88	± 1,59	3,18	77,25	± 1,25	2,51
клен	14		5	75,08	± 1,12	2,50	74,84	± 1,13	2,53	79,68	± 1,48	3,31
	27		4	61,28	± 2,53	5,05	61,68	± 2,40	4,80	56,70	± 3,73	7,47
ольха	7		4	71,43	± 0,64	1,29	71,10	± 0,60	1,19	79,68	± 2,92	5,84
	24		9	73,40	± 0,39	1,18	73,16	± 0,40	1,19	79,51	± 1,87	5,61
	29		1	38,20	±		36,30	±		57,40	±	
ива	11		3	63,43	± 1,41	2,44	63,00	± 1,42	2,45	73,03	± 1,66	2,87
липа	15		4	75,28	± 0,42	0,83	75,23	± 0,43	0,87	76,60	± 0,12	0,24
тополь	17		6	85,85	± 0,96	2,34	85,85	± 0,99	2,40	85,57	± 0,51	1,25
	17		9	68,17	± 2,04	6,12	67,92	± 2,09	6,26	73,23	± 1,42	4,25
осина	20		5	75,06	± 0,55	1,24	75,02	± 0,56	1,25	76,52	± 0,79	1,76
вяз	6		2	72,10	± 1,90	2,69	71,15	± 1,95	2,76	88,80	± 2,40	3,39
	21		4	70,00	± 1,76	3,51	69,58	± 1,73	3,46	77,43	± 3,29	6,58
	28		4	56,33	± 4,18	8,35	56,30	± 4,28	8,56	55,80	± 2,94	5,87
			4	73,78	± 0,46	0,92	73,25	± 0,55	1,09	83,60	± 1,58	3,17
дуб	3	заболонь	5	75,38	± 0,40	0,89	75,16	± 0,41	0,91	79,82	± 0,49	1,10
	12		3	79,50	± 0,21	0,36	79,07	± 0,22	0,38	89,67	± 1,82	3,16
	13		4	52,13	± 2,60	5,19	48,53	± 2,39	4,77	81,43	± 7,40	12,83
	18		1	69,30	±		67,40	±				
	25		4	7,25	± 0,56	1,11	7,25	± 0,60	1,19	7,50	± 0,52	1,04
	3	ядро	4	10,65	± 1,93	3,86	11,90	± 1,85	3,69	3,63	± 2,38	4,76
	12		2	43,30	± 0,10	0,14	42,85	± 0,15	0,21	47,35	± 0,05	0,07
13	10		19,27	± 4,23	13,38	19,72	± 4,23	13,37	16,26	± 4,24	13,40	
18		4	13,60	± 1,86	3,73	13,50	± 1,85	3,70	14,23	± 2,01	4,01	
25												

нии. Очевидно, поэтому и результаты оценки предполагаемой деструкции по максимальной влажности древесины были очень близки к результатам оценки деструкции по предыдущему методу. Соответственно, аналогичны и закономерности изменения показателей деструкции (табл. 3). Деструкция, определенная по данному методу, в большинстве случаев была несколько меньше деструкции, определенной по массе.

Оценка деструкции по максимальной плотности является наиболее интересным показателем для археологической древесины, поскольку позволяет оце-

нить деструкцию и принять решение по методике сохранения экспонатов сразу по их получению, не производя с ними никаких необратимых действий.

Для большинства исследованных образцов деструкция, определенная по методу максимальной плотности, вполне согласовывалась с показателями деструкции, определенными двумя другими методами (табл. 3), но величина различий между предыдущими была значительно выше. Чаще определение деструкции по методу максимальной плотности дает более высокие значения.

При использовании этого метода, в некоторых случаях получались значения деструкции равные (или даже превышающие) 100%; это происходило на относительно мелких образцах, и, вероятно, объясняется ошибкой в определении объема этих образцов методом погружения в воду. Очевидно, оценка деструкции по максимальной плотности на мелких и значительно деструктированных образцах требует более точного оборудования для определения объема. Использование целых изделий (археологических находок) для определения степени их деструкции по данному методу является благоприятным фактором и будет способствовать повышению точности.

Отрицательные значения деструкции, независимо от метода, получались для образцов с несправильно подобранными параметрами исходной (нормальной) древесины (древесины сучков, крени и засмолков у хвойных пород). Дифференцированный подход к начальным параметрам в пределах породы исключит такие ошибки.

Изменение размеров и объема образцов археологической древесины при высыхании имеет огромное практическое значение, поскольку связано с сохранением формы и целостности древесных археологических находок. При высыхании археологической древесины её объем изменяется и за счет усадки (смятия клеток с ослабленными клеточными стенками) и за счет усушки. Полностью разделить эти процессы достаточно сложно (а может быть и невозможно). Поэтому полученные результаты отдельно по изменению размеров и объема за счет усушки и усадки до некоторой степени условны.

Изменения размеров образцов древесины вдоль волокон при усушке или разбухании обычно незначительные, что объясняется небольшим углом наклона микрофибрилл в среднем слое вторичной оболочки клеточных стенок.

У исследованных образцов хвойных и лиственных кольцесосудистых пород полное изменение размеров в продольном направлении было положительным, но относительно небольшим. Лишь у двух образцов оно составило 2–3%, что не характерно для нормальной древесины.

У исследованных образцов лиственных рассеяннососудистых пород полное изменение размеров в продольном направлении было гораздо больше, достигая у сильно деструктированной древесины тополя 11,5%. Такие значения никогда не встречаются у нормальной древесины. Они свидетельствуют, очевидно, о значительной деструкции микрофибрилл целлюлозы в среднем слое вторичной оболочки.

Разница изменения размеров образцов при высыхании в радиальном и тангенциальном направлении обусловлена влиянием сердцевинных лучей: в радиальном направлении они являются сдерживающим фактором.

Полное изменение радиальных размеров археологической древесины было в большинстве случаев в два с лишним раза меньше изменения тангенциальных размеров. Только у сильно деструктированной древесины тополя полное изменение радиальных

размеров значительно превышало полное изменение тангенциальных размеров и было крайне высоким – 74,3%.

Полное изменение размеров в тангенциальном направлении было относительно большим и составляло 9–11% у хвойных, 13–14% у лиственных кольцесосудистых и около 50% у лиственных рассеяннососудистых пород.

Показатели полного изменения объема образцов археологической древесины являются комплексными и суммирующими изменения линейных размеров.

У хвойных пород полное изменение объема образцов при высыхании в большинстве случаев было относительно небольшим (до 21%). У лиственных пород происходило гораздо большее изменение объема при высыхании и часто оно достигало значений 70% и более.

Изменение размеров образцов как за счет полной, так и за счет частичной усушки археологической древесины вдоль волокон у хвойных и лиственных кольцесосудистых пород в большинстве случаев характеризовалось небольшими значениями. Эти показатели были значительно меньше соответствующих изменений радиальных и тангенциальных размеров. Значительное изменение размеров в продольном направлении за счет усушки отмечалось на образцах, имеющих большую (60–80%) степень деструкции древесины.

У лиственных рассеяннососудистых пород значения изменения размеров за счет и частичной и полной усушки вдоль волокон были значительно больше. Во многих случаях они приближались или даже превосходили соответствующие значения радиального (и даже тангенциального) изменения размеров. Очевидно, это свидетельствует о сильном разрушении среднего слоя вторичной оболочки клеточных стенок. Из приведенных ниже графиков (рис. 1 и 2) видно, что при деструкции около 80% обычно происходит выравнивание показателей изменения линейных размеров за счет усушки в различных направлениях. Поскольку доля среднего слоя вторичной оболочки составляет порядка 75–80%, и если предположить, что внутренние слои клеточной оболочки разрушаются полностью (так как содержат больше гемицеллюлоз и меньше лигнина), то доля срединного слоя вторичной оболочки в археологической древесине при такой деструкции должна быть незначительной. Естественно, что на усушку большее влияние оказывает уже не средний слой вторичной оболочки, а первичная оболочка и наружный слой вторичной оболочки, где ориентация микрофибрилл либо хаотичная, либо сильно отклоняется от продольной оси клеток.

При относительно небольшой степени деструкции (хвойные породы) изменение размеров за счет радиальной усушки археологической древесины отличалось меньшими значениями. Причем изменения размеров за счет частичной усушки были в большинстве случаев примерно в два раза меньше, чем за счет полной усушки. При значительной деструкции ИР частичной усушки были практически равны ИР полной радиальной усушки.

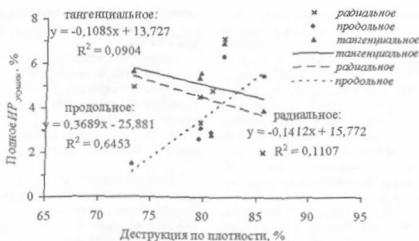

Рис. 1. Зависимость усушки рассеяннососудистых пород от деструкции по массе

Fig. 1. Dependence of shrinkage of vaso-dispersed wood species on the mass changes during destruction

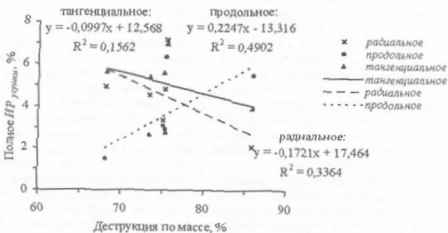

Рис. 2. Зависимость усушки рассеяннососудистых пород от деструкции по плотности

Fig. 2. Dependence of shrinkage of vaso-dispersed wood species on the density changes during destruction

В любом случае, при сильной деструкции практически вся радиальная усушка происходит при высыхании до комнатно-сухой влажности, а именно к этой влажности приводятся экспонаты археологических находок из древесины.

Изменение размеров за счет полной тангенциальной усушки слабо деструктивной археологической древесины (хвойные и лиственные кольцесосудистые породы) было значительно больше. ИР частичной усушки у этих пород было заметно ниже ИР полной усушки.

У лиственных рассеяннососудистых пород, отличающихся значительной деструкцией, ИР за счет тангенциальной усушки были меньше, причем при частичной усушке мало отличались от полной.

Снижение значений ИР за счет радиальной и тангенциальной усушки сильно деструктивной древесины лиственных рассеяннососудистых пород и их сближение между собой, вероятно связано с влиянием

усадки (смятия) древесины при высыхании. Во всяком случае, зигзагообразное искривление сердцевинных лучей на поперечном разрезе отмечалось для старой древесины, долгое время находившейся в эксплуатации (Пинщик, Гончарова 1991). Также изменение сердцевинных лучей, безусловно, сильно ослабляет их армирующее действие в древесине.

ИР за счет полной объемной усушки археологической древесины хвойных пород отличалось значениями, близкими к табличным значениям усушки. Основная доля объемной усушки приходится на диапазон влажности до комнатно-сухого состояния.

У лиственных рассеяннососудистых пород ИР за счет полной объемной усушки археологической древесины было значительно меньше показателей усушки нормальной древесины, особенно у мягколиственных пород. Очевидно, это связано с гораздо большим смятием древесины мягколиственных пород при высыхании.

ИР за счет полной объемной усушки археологической древесины лиственных кольцесосудистых пород было больше показателем усушки нормальной древесины, особенно для ядра дуба (превышение табличных значений примерно в 2 раза).

Значения ИР за счет усушки археологической древесины вдоль волокон были в большинстве случаев незначительны и сопоставимы со значениями продольной усушки нормальной древесины. Только древесина клена и сильно деструктурированная древесина тополя имели гораздо большую продольную усушку – 3,32 и 5,99 %, соответственно.

Усадка археологической древесины хвойных и лиственных кольцесосудистых пород в радиальном направлении также невелика.

Археологическая древесина лиственных рассеяннососудистых пород отличается очень большой – 15–20% радиальной усадкой, гораздо большей, чем радиальная усушка нормальной древесины. Радиальная усадка сильно деструктурированной древесины тополя превышала 70%.

ИР за счет усушки археологической древесины в тангенциальном направлении составляет 2–3% у хвойных и около 4% в заболони лиственных кольцесосудистых пород. Эти цифры значительно ниже соответствующих показателей полной тангенциальной усушки.

ИР за счет тангенциальной усушки древесины ядра дуба близко к ИР за счет усушки в продольном направлении.

Археологическая древесина лиственных рассеяннососудистых пород характеризуется крайне большой – 42–53% тангенциальной усадкой. Эти показатели на порядок превышают соответствующие значения полной тангенциальной усушки.

ИР за счет объемной усушки древесины хвойных пород и яровой древесины дуба в большинстве случаев невелико и не превышает 5–10%. Лишь при деструкции хвойной древесины около 60% отмечается значительное повышение влияния объемной усушки – до 17–23%, по-видимому, за счет увеличения радиальной усушки.

ИР за счет объемной усушки в заболони дуба и в древесине вяза составляет 15–60%. Археологическая древесина лиственных рассеяннососудистых пород в большинстве случаев отличалась очень большим изменением размеров за счет объемной усушки – около 60%, а в сильно деструктурированной древесине тополя этот показатель превышал 90%.

При равномерной деструкции древесины разрушение клеточных стенок начинается со стороны люмена и распространяется по направлению к срединной пластине (Фенгел, Венгер 1988). Это обусловлено и тем, что во внутренних слоях клеточной оболочки содержится гораздо больше относительно легко растворимых веществ и очень мало лигнина. Изменение же химического состава древесины при старении начинается с легко растворимых веществ; лигнин является наиболее устойчивым компонентом (Пиддик и др. 1971; Фенгел, Венгер 1988; Fengel 1989; Кистерная 2000).

Таблица 4. Условия пропитки образцов

Table 4. Parameters of impregnation of the samples

ПГ-400	15%	18–20°	12 недель
ПГ-1500	30%	35°	12 недель
ПГ-4000	35%	35°	12 недель
ПГ-4000	35%	35°–40°	24 недели
ПГ-4000	50%	35°	12 недель

Эти превращения хорошо согласуются с изменениями размеров древесины за счет усушки при разной степени ее деструкции.

С увеличением степени деструкции древесины изменение её размеров за счет усушки возрастало, особенно резко при значениях деструкции более 50%. Изменение размеров за счет усушки древесины, за исключением продольных, наоборот, с увеличением деструкции обычно значительно снижалось.

Режим пропитки древесины полигликолиями. Полиэтиленгликоли – высокомолекулярные синтетические воски, которые в настоящее время широко используются при стабилизации мокрой археологической древесины. Имеется в виду, что частичная или полная замена воды в древесине предотвратит разрушение клеточной структуры в процессе высыхания. Существует несколько видов ПГ в зависимости от молекулярного веса, растворимости, гигроскопичности и других характеристик. ПГ достаточно удобны в работе, поскольку растворимы в воде и не токсичны. Однако, в той или иной степени, они (в зависимости от молекулярного веса) имеют свойство адсорбировать влагу, и слишком большое их количество в древесине создает проблемы при последующем хранении.

Для пропитки были взяты водные растворы ПГ с молекулярным весом 400, 1500 и 4000 с концентрацией раствора от 15 до 35% и сроками пропитки 12 недель и 24 недели (табл. 4)

После пропитки образцы были заморожены в камере предварительного замораживания при -1°C , а затем высушены в вакуумной камере при 0°C от -18°C в начальной стадии до 0°C в конце процесса. Высушенные образцы мы сравнили с контрольными и получили следующие результаты.

Самым незначительным изменениям подверглись образцы хвойных пород: ели и сосны, причем различные режимы пропитки дали практически одинаковый результат. Образцы лиственных рассеяннососудистых пород с деструкцией свыше 50% показали различные результаты в зависимости от выбора ПГ. Лучший результат дали образцы, пропитанные 15% ПГ-400 и 35% ПГ-4000 – 24 недели, то есть длительная пропитка. Несмотря на значительную потерю древесинного вещества, эти образцы после пропитки и сублимации сохранили внешнюю форму. После пропитки в ПГ-400 они оказались самыми светлыми и легкими, но в значительной степени потеряли физическую прочность и проявили склонность к выквашке, что для последующего хранения крайне нежелательно.

Для кольцесосудистых пород наилучший результат показала пропитка в 15% ПГ-400, особенно для дуба с его неравномерными показателями от заболони к ядру.

Для всех образцов никаких обнадеживающих результатов не выявила пропитка в 50% ПГ-4000, а для рассеяннососудистых оказалась совсем не приемлемой: после сушки появилась неравномерная деформация, исказив форму предмета. Для таких пород, как береза, осина, ясень, тополь, ольха, клен следует испытать смешанную пропитку: 15% ПГ-400 с последующей заменой или добавлением 35% ПГ-4000.

Основные выводы. 1. Сочетание сильной деструкции (до 60–70% потери массы у многих пород) с сохранением общей структуры древесины в образцах археологической древесины новгородских раскопок говорит о том, что: а) не произошло микогенного разрушения древесины (вероятное исключение – заболонь дуба); б) не произошло насыщения древесины какими-либо иными (минеральными) веществами.

2. Исходя из примерного химического состава древесины (клеточных стенок): целлюлозы 35–50%, гемицеллюлозы и лигнина по 20–30%, особенностей химических свойств этих веществ и степени деструкции древесины 60–70% совершенно очевидно предположить полное разрушение и вывод из древесины гемицеллюлоз и частичное (часто значительное) разрушение целлюлозы и лигнина. Причем разрушение целлюлозы, очевидно, более сильное, за счет большей ее доли во внутренних слоях клеточной стенки.

3. При деструкции древесины около 80% происходит выравнивание величины изменения размеров за счет усушки в радиальном, тангенциальном и продольном направлении.

4. Увеличение продольной усушки и усадки у лиственных рассеяннососудистых пород при значительной степени деструкции позволяет предположить, что в первую очередь происходит деструкция внутренних слоев клеточных стенок (W_2 , S_2). Причем средний

слой вторичной оболочки S_2 подвержен очень сильному разрушению.

5. Неравномерность усадки и полное изменение размеров сохраняется и при очень сильной деструкции за счет клеточного строения; смятие полых волокон (трубок) в поперечном направлении значительно легче, чем в продольном.

6. У сильно деструктированной древесины клеточные стенки ослаблены. Поэтому при высыхании такой древесины не возникает больших внутренних напряжений в древесине, а усадка (смятие) происходит за счет «слабости» самих клеточных стенок (в отличие от смятия клеток нормальной древесины, происходящих за счет внутренних напряжений).

7. Отсутствие внутренних напряжений облегчает процесс сохранения древесины без появления трещин усушки.

8. Нарушение целостности предмета происходит при сочетании небольшой степени деструкции с относительно высокой плотностью древесины. За счет неравномерности усушки и относительной жесткости образца в древесине возникают внутренние напряжения; прочность же в поперечных направлениях даже у нормальной древесины невысокая, а при любой деструкции она становится еще меньше. В результате возникают различные разрывы древесины. Такие явления характерны для образцов древесины дуба.

Консервация. Опробована методика перевода мокрой археологической древесины в сухое состояние вымораживанием, когда из древесины испаряется лед, минуя жидкую фазу. Процесс происходит в вакуумной камере при отрицательных температурах. Предварительно образцы проходят процесс пропитки в полиэтиленгликолях, имеющих различные характеристики. При выборе методики консервации нужен дифференцированный подход, где должны учитываться такие факторы, как порода древесины, степень деструкции, плотность, а также форма и объем предмета.

Боровиков, Уголев 1989 – Боровиков А. М., Уголев Е. Н. Справочник по древесине. М., 1989.

Вихров 1958 – Вихров В. Е. Использование древесины в древнем Новгороде // Работы по лесоведению. Труды института леса. № 37. М., 1958. С. 266–279.

Кистерная 2000 – Кистерная М. В. Оценка состояния древесины архитектурных памятников. Автореф. дис. ... канд. техн. наук. М., 2000.

Колосова, Короткевич 2004 – Колосова М. И., Короткевич Б. С. Древесина в хозяйстве, ремеслах и быту Старой Ладogi VIII–X веков // Структура, свойства и качество древесины – 2004. Труды IV международного симпозиума. Т. 1. СПб., 2004. С. 70.

Леонтьев, Кубло, Колосова 2004 – Леонтьев Л. Л., Кубло Э. К., Колосова М. И. Свойства древесины XII–XIV веков из новгородских раскопок // Структура, свойства и качество древесины – 2004. Труды IV международного симпозиума. № 1. СПб., 2004. С. 292–296.

Пинщик, Гончарова 1991 – Пинщик И. И., Гончарова Е. В. Изменение микростроения древесины в процессе эксплуатации в памятниках // Лесной журнал. № 1. М., 1991. С. 120–122.

Пинщик, Федин, Бурыкина 1971 – Пинщик И. И., Федин В. В., Бурыкина Ю. И. О химическом составе и физических свойствах свежей и выдержанной древесины // Лесной журнал. № 6. М., 1971. С. 89–93.

Полубояринов 1976 – Полубояринов О. И. Плотность древесины. М., 1976.

Уголев 2001 – Уголев Е. Н. Древесиноведение с основами лесного товароведения. М., 2001.

Фенгел, Вергенер 1988 – Фенгел Д., Вергенер Г. Древесина (химия, ультраструктура, реакции). Пер. с англ. М., 1988.

Ambrose 1990 – Ambrose W. R. Application of Freeze-Drying to Archaeological Wood. Properties, Chemistry, and Preservation. Washington, 1990. P. 235–261.

Saeterhaug 1985 – Saeterhaug R. Investigations concerning the freeze-drying of waterlogged wood conducted at the university of Trondheim // Proceedings of the Second ICOM Waterlogged Wood Working Group Conference / Grenoble, 1985. P. 195–206.

Kaye. Cole-Hamilton 1994 – Kaye B., Cole-Hamilton D. Novel Approaches to the Conservation of Wet Wood. A Celebration of Wood. WARP Occasional Paper N 8. York, 1994. P. 35–48.

Fengel 1989 – Fengel D. Aging and fossilization of wood and its components // IAWA bull. n. s. V. 10. № 3. 1989. P. 334–335.

INVESTIGATION OF PROPERTIES OF ARCHAEOLOGICAL WOOD AND PROBLEMS OF CONSERVATION

L. L. LEONT'EV, E. K. KUBLO, M. I. KOLOSOVA, L. V. KOKUTSA

The main properties. 1. The combination of heavy destruction (the mass loss up to 60–70 percent in many wood species) with preservation of the general structure of the wood in samples of archaeological wood from excavations in Novgorod suggests that: a) this wood has not been subjected to any mycogeneous destruction (with a possible exception of oak alburnum), and b) the wood has not been saturated with any other (mineral) substances.

2. On the basis of the approximate chemical composition of wood (cellular walls): 35–50% cellulose, 20–30% of each hemicellulose and lignin, as well as the peculiar chemical properties of these substances and the extent of destruction of wood equal to 60–70%, it is quite natural to suppose the complete destruction and withdrawal of hemicelluloses from the wood and partial (often considerable) destruction of cellulose and lignin, that of cellulose being more extensive due to its higher contents in the inner layers of the cellular walls.

3. When destruction of wood reaches 80%, levelling of the dimensional changes occurs owing to shrinkage in the radial, tangential and longitudinal directions.

4. The increase of longitudinal drying and shrinkage in deciduous vaso-dispersed species at considerable degrees of destruction suggests that the destruction of the inner layers of cellular walls (W_1 , S_1 and S_2) first takes place. Moreover, the middle layer of the secondary envelope S_2 is subjected to a very strong destruction.

5. The non-uniform shrinkage and complete change of the dimensions continues also during very extensive destruction due to the cellular structure; crumpling of

hollow fibres (pipes) in the transversal direction occurs considerably easier than in the longitudinal one.

6. In strongly destructed wood, cellular walls are weakened. As a result, during drying no considerable inner tensions occur in such wood, the shrinkage (crumpling) taking place owing to the «weakness» of the cellular walls themselves (in contrast to the crumpling of normal wood resulting of inner tensions).

7. The absence of inner tensions is propitious to the process of preservation of wood without the formation of shrinkage fissures.

8. Disruption of an object takes place when a small extent of destruction is combined with a relatively high density of the wood. Owing to irregularity of the shrinkage and relative rigidity of the sample, inner tensions appear in the wood, the transversal strength, which even in normal wood is fairly low, decreasing still more during any destruction. As a result, diverse disruptions of the wood occur. Such effects are characteristic of samples of oak.

Conservation. We have tested the method of drying humid archaeological wood by freezing it so that ice evaporates from the sample omitting the liquid phase. The process was conducted in a vacuum chamber under negative temperatures. Preliminarily, the samples were impregnated with polyethylene glycols having different characteristics. When selecting a method of conservation, a differentiated approach is necessary with taking into account such factors as the species of the wood, extent of its destruction and density, as well as the shape and volume of the object to be conserved.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

ДРЕВНИЕ ОБЩЕСТВА СТЕПЕЙ ЕВРАЗИИ И СТРУКТУРА МИРОВОЙ ИСТОРИИ

В. М. МАССОН¹

Обширная зона евразийских степей от Молдавии до Монголии состояла из различных природных составляющих. Наряду с бесспорной доминантой сравнительно плодородных степей, в нее входили в качестве конгломератных образований горные массивы и засушливые полупустынные области. Достаточно сложным был и состав населения, включающий многочисленные народы и племена, различающиеся по этносу и лингвистической принадлежности. По мере развития культурной и политической стабилизации происходила консолидация населения в более крупные общества, которые, в свою очередь, изменялись и трансформировались в процессе взаимодействия и смены исторической, особенно, политической ситуации. Но глобальные закономерности исторического развития основных народов этой зоны шли общими путями, хотя и различались деталями проявления форм.

Оценке истории огромной зоны посвящены многочисленные работы как общего, так и специального характера (см. например: Крадин 1992: 12 сл.), обзор и анализ которых сам по себе может быть темой специальных исследований. В этих трудах достаточно ярко проявляются две тенденции – скептицизм относительно перспективности развития обществ степной зоны и своего рода демонический настрой об агрессивном характере кочевников, несущих убийства и разрушения цивилизованным народам. Этот скептицизм в отношении кочевников в значительной мере неосознанно отражается в письменных свидетельствах древних и средневековых государств оседлой зоны, являющихся порой единственным источником по истории народов и государств зоны степей.

Отечественные ученые в советский период уделяли большое внимание изучению кочевых обществ, стремясь выявить и охарактеризовать особенности их развития (см., например: Марков 1976; Хазанов 1975). Творческий подход блокировало обязательное следование дидактике так называемого формационного подхода, побуждавшее искать у кочевников компоненты либо феодальной формации (Владимирцов 1934), либо рабовладельческого общества, например, у скифов (Тереножкин 1966, 1977; Шелов 1972).

Следует особо отметить, что внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей было сосредоточено преимущественно на поздних примерах: от хунну до монголов. Многотысячелетняя история зоны евразийских степей, в которой отмечено прогрессивное развитие со своими особенностями и достижениями, имевшими немаловажное значение для всемирной истории и культуры, оставалась за пределами генерализированных оценок.

Степная зона довольно рано, в VI–V тысячелетия до н. э. переступила рубеж кардинального исторического переворота в так называемую «неолитическую революцию», когда были утверждены новые системы получения продуктов питания – земледелие и скотоводство. Природная экологическая специфика определила доминанту хозяйственной целесообразности в степной зоне – примат скотоводства. При этом основные виды домашних животных были, видимо, в исходной форме получены из древневосточно-балканского региона, однако одомашнивание лошади происходило непосредственно в степной зоне. В северо-западном Казахстане открыто поселение Ботай, относящееся, по меньшей мере, к концу IV тыс. до н. э., где почти сто процентов домашних животных составляла лошадь. Обнаружены и примитивные палии, свидетельствующие о начале верховой езды. Скорее всего, это поселение не было единственным, и в евразийской зоне также были центры, жители которых уже разводили домашних лошадей. Это замечательное достижение древних скотоводов сыграло огромную роль в истории степной зоны, да и не только в ней. Сам по себе конь как вид копытного животного не представляет в зоологии чего-либо экстраординарного. Но, будучи одомашненным, конь вошел составной частью в хозяйственную, политическую и интеллектуальную систему древних степных обществ, став символом их процветания и своеобразия для трех последующих больших эпох.

Первая эпоха, характеризующаяся в социологии как эпоха ранних комплексных обществ, приходится на бронзовый век (IV–II тыс. до н. э.). Это было время дальнейшего развития общественных отношений. В обществе выделялись страты особого социального

¹ Россия. 191186. Санкт-Петербург: Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.

положения, которые прямым образом проявились в их имущественном статусе и в общей идеологической позиции. Это дало основание современным историкам характеризовать данную систему как эпоху первых великих степных обществ (Массон 1998).

Предтечей ранних комплексных обществ степной зоны было общество, именуемое ямной культурной общностью по ведущему типу захоронений в ямах, перекрытых курганными насыпями. Центр формирования этой культурной общности располагался в регионе среднего Поволжья и Южного Урала. Она быстро распространилась на запад вплоть до Молдавии и Балкан. Ямное общество, относящееся к концу IV – первой половине III тыс. до н. э., сформировало исходный пласт, ставший типичным для всей степной зоны, по которой он распространился как в ходе племенных передвижений, так и культурных влияний и заимствований. Степной образ жизни и отгонное скотоводство, не говоря уже о кочевничестве, благоприятствовали развитию пассионарности в менталитете степных народов.

Это было общество скотоводов, главным ресурсом которых были стада мелкого рогатого скота, но также разводились крупный рогатый скот и лошади. Новаторским достижением было использование деревянных повозок с массивными сплошными колесами. Повозки были четырехколесные или двухколесные. В них впрягались быки или мерины. Выплавка бронзы и изготовление из нее различных предметов также было важнейшим достижением общества.

На усложнившуюся общественную структуру указывает появление, кроме рядовых курганов, крупных насыпей высотой до 6–7 метров, для сооружения которых необходимо было провести масштабные, хорошо организованные работы. Относительно богатый инвентарь подчеркивает, что это были усыпальницы лиц не рядового общественного положения, а, скорее всего, вождей родов и племен. Судя по находкам в некоторых погребениях металлических шлаков, эти лидеры осуществляли руководство и металлургическим процессом, так как сами мастера-металлурги довольствовались куда более скромными могилами.

Исторически весьма важным фактом являлось первое масштабное продвижение ямного общества степняков в западном направлении. Об этом свидетельствуют типичные для ямной культуры курганы, фиксируемые в степной зоне вплоть до Венгрии. Организованному продвижению несомненно способствовали лидеры, чьи погребения осуществлялись в столь престижном виде. Во время движения племен происходила и культурная ассимиляция местного населения, практикующего тот же степной образ жизни. Трудно судить, в какой мере в ходе этого продвижения была задействована военная функция. Однако показательно, что на поселениях ямной культуры представлены оборонительные стены, обложенные камнем.

Следует иметь в виду, что население, оставившее памятники ямной культурной общности, отнюдь не было единственным обитателем обширной зоны евразийских степей. Повсеместно группы племен,

практикующие степной образ жизни, успешно вели скотоводческое хозяйство, местами подкрепляемое земледельческой деятельностью. Они развили культуру, используя передовые достижения соседей, в том числе, и через процесс заимствования. Временами та или иная группировка добивалась значительных успехов.

В этом отношении наиболее впечатляют успехи, достигнутые в волго-уральском регионе в конце III – II тыс. до н. э. В. С. Бочкарев с полным основанием отмечает, что здесь сформировался своеобразный центр активного культурогенеза (Бочкарев 2002). По имеющимся материалам, достигнутые инновации наиболее ярко проявились в памятниках синташтинской культуры на территории Южного Зауралья. Открытые здесь могильники Синташта и поселение Аркаим явились археологической сенсацией. Материалы, полученные при их исследовании продемонстрировали историческую значимость обществ степного региона.

В могильнике Синташта сосредоточены элитные погребения в деревянных гробницах, в которых, помимо прочих объектов, в том числе оружия, были найдены остатки коней и части деревянных двухколесных повозок, представлявших собой колесницы, аналогичные боевым колесницам многих древневосточных государств. Затем подобные захоронения были обнаружены в целом ряде других памятников. Поселение Аркаим имело в плане четкий круг, окаймленный оборонительными стенами. В данном регионе оно было далеко не единственным поселением.

Для исторической интерпретации процессов политогенеза важны три обстоятельства. Во-первых, перед нами явно элитарные гробницы, отличные от простых могил. Погребения с колесницами расположены обычно в центре курганов, среди нескольких десятков рядовых захоронений и несомненно представляют собой усыпальницу лидера этой общности. Кроме того, существовали и специальные некрополи этой элиты, к числу которых, видимо, и принадлежит могильник Синташта. Во-вторых, общество Аркаим-Синташты имеет явные свидетельства активной военной функции. Могилы знати содержат обычно набор бронзового оружия в виде наконечников копий, боевых топоров, а также кремневые наконечники стрел. В практике военного дела Древнего Востока колесницами, сходными с синташтинскими, управлял возничий, сопровождаемый лучником. Незаменимое наличие укрепленных круглых в плане поселений также подчеркивает тенденцию учета военной ситуации. Поэтому есть все основания считать, что перед нами в археологическом материале отражается процесс военно-аристократического политогенеза, воплощением и символом которого были погребения знатных колесничих. Отсутствие особо крупных и сверхбогатых гробниц позволяет считать, что данное общество еще не достигло уровня формирования супер-лидеров и сохраняло олигархический тип правления.

Наконец, третье существенное обстоятельство заключается в том, что была выведена особая порода коней, рассчитанных именно на упряжную систему

управления колесницами, тогда как ранее все кони использовались как простая тяговая сила или источник мясной пищи. Это было подлинное начало специализированного коневодства. В гробницах знати насчитывалось от 2 до 7 лошадей. Находки псаллий от уздечек показывают, что в колесницы обычно запрягали двух лошадей.

Эти огромные изменения в степной зоне Евразии постепенно оказывают все большее воздействие и на соседней, начиная с продвижения на запад племен ямной культурной общности. Археологические данные позволяют проследить культурные влияния и передвижения отдельных групп населения. Немаловажное значение имеет использование запряженных парой коней легких колесниц, которые широко распространились в памятниках синташтинской культуры и современных ей обществах степной зоны.

Формирование колесниц для военного дела происходило и на Древнем Востоке (Нефедкин 2000). Но породы упрежных коней с тренингом, имеющим специальную терминологию, появились именно в степной зоне. Об этом свидетельствует и обширный набор коневодческих терминов индо-иранского происхождения в трактате о коневодстве XVI в. до н. э., обнаруженном в Северной Месопотамии. Скорее всего, эта терминология проникла на юг с породами специализированных лошадей, разведение которых началось, по меньшей мере, в пору Синташты.

Имеются и другие свидетельства прямого воздействия степной зоны на южные цивилизации, существовавшие на юге Средней Азии. Здесь, в памятниках городской цивилизации первой половины II тыс. до н. э. найдены типичные для Синташты конские удила. Массовый археологический материал свидетельствует о том, что, по крайней мере, с середины II тыс. до н. э. начинается движение на юг племен — носителей культур степной бронзы, ставшее особенно активным во второй половине этого тысячелетия. Эти племена составили основной массив населения Средней Азии, обитавшего вдоль зоны местных городских цивилизаций. Это было начало непрерывного процесса северной инвазии, которая продолжалась многие столетия, сопровождаясь изменением этнического облика аборигенов.

Следует подчеркнуть, что никаких свидетельств военных конфликтов в ходе первого продвижения не зафиксировано. Это было мирное переселение — свидетельство воздействия степной зоны на южных соседей. Здесь уместно отметить, что особых признаков обратного влияния юга на степную зону в области культуры не наблюдается. Наряду с инфилитрацией степного населения, кони и военное дело стали основным компонентом связей степной Евразии с южными цивилизациями.

Продолжалось выделение слоя аристократии, характеризующейся ярко выраженной тенденцией к военной функции. Новые лидеры формировали все более крупные структуры, чему, в высшей мере, способствовали изменения в обществе, связанные с развитием всадничества и перехода к собственно кочевничеству. Лошади, запрягавшиеся в колесницы,

стали верховными конями и, соответственно, были выведены новые породы, ярким представителем которых до наших дней остаются туркменские ахалтекинцы. Переход к всадничеству и кочевничеству имел эпохальную значимость и стал рубежом в истории обществ степной зоны. По общественным и культурным последствиям его можно сопоставить с городской революцией, имевшей место в оседлых цивилизациях. Произошли знаковые изменения в военном деле и в трансрегиональных связях. Границы мира как бы раздвинулись, информация распространялась невиданными ранее темпами, резко ускорились торговые и культурные связи. Общественные лидеры получили новые возможности для утверждения в обществе, в значительной мере опираясь на подчиненные им военные структуры. В результате формируются достаточно масштабные политические структуры. Их вожди становятся не просто аристократией, а суперлидерами.

Как и прежде в степной зоне происходили различные народы и племена, но их взаимоотношения приобрели новый характер. То и дело утверждаются те или иные политические и культурные приоритеты, формируются масштабные общества. Качественная значимость этой эпохи была четко определена выдающимся отечественным исследователем М. П. Грязновым как время ранних кочевников. Социологически это время можно определить как эпоху военной государственности.

Судя по всему, переход к кочевничеству произошел в IX–VIII вв. до н. э. и уже к VIII веку относится яркий образец знаковых перемен — «царский» курган Аржана, раскопанный в Туве М. П. Грязновым. С точки зрения исторического прогресса здесь особо важны два обстоятельства. Прежде всего, это масштабность постройки самого сооружения, которая требовала массового организованного труда, что могли осуществить лишь властные лидеры (Грязнов 1970; Савинов 2002: 37–81).

Курган представлял собой круглое в плане сооружение с каменной оградой, достигавшее диаметра в 120 метров. Внутри находилось около 70 келет, заполненных скелетами коней, разного рода вещами и, в отдельных случаях, человеческими захоронениями. Главным персонаж лежал в центральной камере. Даже незначительный инвентарь, оставшийся после грабителей, свидетельствует, что в усыпальнице находились немалые ценности, в том числе, многочисленное оружие. Особенностью Аржана являлось то, что в разных келетах находились группы коней разной масти, отличающиеся деталями сбруи. Исследователи пришли к справедливому заключению, что это были дары разных группировок, различающихся деталями культурных традиций. Нет сомнений, что перед нами монументальная гробница супер-лидера, чье влияние распространялось на обширную зону сородичей. Такие масштабные и богатые гробницы составляют характерную черту эпохи, располагаясь группами в различных областях степной зоны. Греческая письменная традиция склонна именовать этих лидеров «царями». Во всяком случае, так названа правительница

сакских племен Зарина, эпические предания о славе которой сохранил Ктесий. Иранская традиция, представленная в Бисутунской надписи Дария I, называет властителя саков Скунху «наибольшим» (мапишта).

Оружием снабжался не только знать, но и другие члены общества. Погребения мужчин эпохи ранних кочевников, как правило, сопровождаются оружием и удилами. Иногда подобные находки встречаются и в женских могилах. Совершенно ясно, что перед нами конные воины, составлявшие значительную часть милитаризованного древнего общества. Военно-аристократический путь политогенеза завершался формированием военной государственности, стоящей на грани создания подлинно государственных структур.

Степные общества совершили не только социополитические скачки, но и вззошли на новую ступень в интеллектуальной сфере, о чем свидетельствует яркий феномен художественной культуры, условно именованный скифо-сибирским искусством. Качественно усилились международные культурные связи. Удачные походы позволяли доставлять вглубь кочевого мира многочисленные объекты художественной культуры Древнего Востока и Китая. Был заимствован образ льва, никогда не водившегося в степной зоне. Образ могучего хищника, как особо престижное явление, становится весьма популярным в скифо-сибирском искусстве. Порой мастера, не знакомые непосредственно с этим могучим зверем, воспроизводят его далекий от оригинала образ.

Активность степняков, создающих новые объединения, энергично воздействует на южные государства. В этих условиях естественным образом эволюционируют социально-политические структуры и формируются целые кочевые империи, существование которых и составляет третью эпоху в истории евразийской степной зоны. По существу, формирование кочевых империй представляло собой пик военно-аристократического пути политогенеза. Именно военная функция центральной власти была источником ее силы и могущества.

Первая, образованная хунну, империя приобрела особую известность благодаря китайским письменным источникам. В. В. Бартольд специально подчеркивал, что именно хунну создали первую кочевую империю в истории народов Центральной Азии (Бартольд 1963: 475). Основателем могущества хунну, шаньюем Моде была четко сконструирована так называемая десятичная структура армии, состоявшей из соединенной, насчитывающей десятки, сотни, тысячи и десятки тысяч воинов. Не исключено, что истоки такой структуры восходят к более ранним временам, однако при Моде был реализован их твердый статус, подкрепленный установлением жесткой дисциплины. Политическая власть удачливое военного лидера, объединившего многочисленные племена, была идеологически узаконена в претенциозной титулатуре. Лидер стал именоваться «сыном неба», имеющим «небесное происхождение». Исследователи отмечают, по меньшей мере, четыре функции шаньюя: верховное главенство империей, верховное главнокомандо-

вание, главенство в судебной функции и, в значительной мере, жреческая функция (Крадин 2000: 139–140). С военным делом, в первую очередь, были связаны страсти племенных вождей, старейшин, немногочисленной служилой знати и вождей зависимых племен. Составлявшие основу иерархии простые кочевники были, прежде всего, воинами. Абсолютистские реалии этой системы не следует преувеличивать. И у хунну, и у других кочевых обществ большую роль играла генетическая система родства, учитывавшаяся в правящем роде. Прочность этой структуры, особенно в пору военных успехов, нельзя преуменьшать. Политическая новация державы хунну потрясла не только древний Китай, но и многих современных историков, пораженных столь выдающимся достижением «диких кочевников». В литературе (или в научной среде) появился расхожий методологический стереотип, что именно военные противоборства с оседлыми государствами по принципу «вызов-ответ» привели к формированию империи хунну. Здесь сказались два стереотипных подхода исследователей, привыкших иметь дело с традиционно процветающими цивилизациями. Во-первых, это представление о существовании неких «чистых» кочевников, но этому противоречат свидетельства о существовании у кочевников скотоводческого хозяйства и земледельческой деятельности в степях, хотя масштаб и продуктивность такой деятельности были сравнительно невелики. Во-вторых, кочевые империи отнюдь не возникли как феникс из пепла. Им предшествовали длительные эпохи местного степного политогенеза, когда происходило формирование предгосударственных и протогосударственных структур.

Эталон кочевой империи распространяется в степной зоне. Его копирует большинство степных общественных структур, в том числе и енисейских кыргызов, хотя, разумеется, не всегда в имперских масштабах. Следует отметить и результирующие достижения своего рода государственного симбиоза, когда политический диктат кочевых обществ творчески объединялся с традициями оседлых государств. Таковы были формирующиеся в IX–XII веках симбиозные государства в Семиречье и в Сизиджые. В большом масштабе особенно впечатляющих успехов достигла тюркская держава, ставшая подлинной кочевой империей, хотя и распавшейся на определенном этапе на два сообщества.

К числу слабостей кочевых империй можно отнести отсутствие устойчивой бюрократической структуры и четких законодательных основ преемственности, в которых огромную роль играли первобытно-клановые традиции. Кочевые империи порой пытались наладить какие-либо органы управления, используя опыт китайского государства, а иногда и прямо приглашая китайских чиновников. Больших успехов это не принесло. Тем более, что в областях государства вместо системного налога фактически производился сбор дани.

Вершиной этого типа государственной структуры и, фактически, почти концом данной эпохи в степной зоне была супер-империя Чингиз-хана, оптималь-

но реализовавшая успехи всей системы как таковой. Вместе с тем, данная система, взятая в чистом виде, начала деградировать. Более жизнеспособными оказались общества политически интеграционного типа, начало которым было положено в кочевнико-оседлых объединениях Семиречья и Синцзяня.

В предшествующем изложении автор в силу своей специализации уделял особое внимание кочевым обществам Азии. Динамика евразийской общности степной зоны ярко проявилась на начальном этапе развития, охватывающем период от ранних комплексных обществ до эпохи военно-аристократического политогенеза. По существу именно европейская зона в лице скифского общества послужила эталоном понятийной сетки для явлений художественной культуры и общества в целом. История скифской эпохи с ее яркими супер-лидерами – царями хорошо известна по данным как истории, так и археологии. Но с этого времени пути Запада и Востока в степной зоне начинают расходиться. В Восточной Европе скифские царства столкнулись с энергичной и яркой структурой эллинской колонизации, носители которой, подобно кочевникам, сами были полны неусомненного менталитета, основанного на высочайшем культурном и политическом наследии. В отличие от Парфии и Бактрии, здесь речь должна скорее идти не о симбиозе, а о доминанте одной стороны. Далее степная зона Восточной Европы в значительной мере активизируется за счет восточных импульсов, что с особой четкостью проявилось в постарямилское время. Местные кочевники, то и дело стимулируемые восточными вливаниями, по существу развивают традиции державы хунну, грабительски нападавшей на Китай, но без свойственной хунну тенденции к внутренней стабилизации. Самобытная яркость эпохи Киевской Руси не представила кочевым соседям возможностей создания симбиозных структур, подобных центральноазиатским. Доминанта развития прочно оставалась за Востоком.

Таким образом, можно заключить, что степная зона Евразии была центром интенсивного самостоятельного исторического развития со своей специфической и особенностями, сыгравшими немаловажную роль в развитии мировой культуры и цивилизации в целом. Поэтому, наряду с использованием понятийной сетки, выработанной современной исторической наукой для глобальных явлений, следует обращать особое внимание на понятия и определения, отражающие именно местный специфический характер исторического развития данной зоны в целом.

В настоящее время, по имеющимся материалам и их разработкам, намечается три большие эпохи, которые развивались по мере слоения архаических структур древних обществ. Первая эпоха, которую можно выделить – это эпоха ранних комплексных обществ. По археологической систематике она, в основном, приходится на бронзовый век. Достигнутый уровень общественного развития и организации открывал возможности формирования крупных общественных структур, которые известны по археологическим материалам. Уже проявляется свойственный

народам степной зоны динамизм и инициативная пассионариность. Начинает формироваться особое значение образа коня как интеллектуального, а соответственно, и художественного символа степных обществ.

Вторая эпоха, известная по археологической систематике как эпоха ранних кочевников, социально-политически может быть охарактеризована как эпоха военной аристократической государственности. Переход к кочевнической, в числе прочих явлений, способствовал качественному скачку активной военной сферы, что являлось одним из важных стимулов выделения страты супер-лидеров или царей по терминологии древнегреческих источников.

Наконец третья эпоха – это время кочевых империй, эталонным примером которых была империя хунну. Пиком этой системы следует считать монгольскую супер-империю Чингиз-хана. После распада ее политических наследников, по существу, начинается возвратное движение, столь характерное для процесса ритмов культурогенеза, да и политогенеза. Политические структуры, наблюдаемые в степной зоне в позднесредневековую эпоху, по существу, недалеки от эпохи военно-аристократической государственности.

Говоря об историческом значении степной зоны и ее месте во всемирной истории, надо отметить три традиционных заблуждения, некорректных методологически и фактически. Первое заблуждение исследователей сводится к тому, что государство у кочевников формируется лишь как следствие военных столкновений с областями городских цивилизаций. Уже Е. И. Кычанов ярко охарактеризовал многочисленные внутренние предпосылки в кочевой среде, ведущие к формированию сложных политических структур (Кычанов 1992). При этом нельзя забывать о том, что государственные структуры в степях возникали в процессе длительной социальной и политической эволюции, начавшейся задолго до хунну, еще в бронзовом веке. Материально удачные походы в зону оседлых цивилизаций лишь стимулировали процесс образования государственных структур, но не были его исходной причиной.

Второй вопрос, в котором исследователи, начиная с Тойнби, упрекают кочевую степь, это то, что здесь якобы не было процесса самого исторического развития, а потому и не сложилась капиталистическая формация. Известно, что в процессе ритмов исторического развития центры прогресса менталь и капитализм также не проявился в зоне древневосточных цивилизаций или греко-римских базовых центров. На определенном этапе общественные структуры в силу ряда причин замедляли темпы развития. Это произошло в постмонгольское время и в зоне степей, где ранее процветавшие структуры не создали перспективной альтернативы многотысячелетним традициям.

Наконец третье, весьма укоренившееся направление негативных оценок степных и, прежде всего, кочевых обществ, связано с признанием за ними разрушающей силы демонического негативизма. Традиционно считается и многими авторами упорно повторяется заключение о том, что кочевники приносят

в мир оседлых культур безудержные убийства и гибель поселений и городов. Разрушение оседлых центров и уничтожение мирных жителей было обычным и распространённым явлениям со времени формирования вонских структур с функцией вооруженных победоносных действий. Этот феномен имел разные формы проявления, порой достаточно безжалостные и централизованные, как это было, например, в кровавой истории ассирийской державы. Действия кочевников не были исключением, а стремительный подвижный характер их воинских контингентов делал их особенно впечатляющими и запоминающимися. Традиция же подобного «антикочевнического» негативизма восходит к безжалостным действиям армий Чингиз-хана, когда стратегия устрашения была введена в ранг военной доктрины. Зачастую не было военной необходимости поголовного убийства мирных жителей и уничтожения городов и целых оазисов. Эта не вызванная военной необходимостью доктрина устрашения и террора по отношению к мирному населению благополучно дожила и до нового времени, выразившись в бомбардировках Хиросимы и Нагасаки и в недавнем разрушении мостов через Дунай. Широко известные ужасы чингисхановской эпохи были перенесены на всю кочевую среду, хотя в действиях армий оседлых держав, например, государства Тамерлана, претендующего на политическое наследие монгольским лидером, также засвидетельствована немотивированная жестокость.

Исторический вклад во всемирный процесс со стороны степной зоны материально связан с образом коня. Именно стели стимулировали создание в системе вооруженных сил и военной стратегии кавалерийский начал. С образом коня были связаны многие идеологические и художественные новации.

Впечатляющим достижением мировой художественной культуры является искусство скифо-сибирского звериного стиля. При всех возможных взаимодействиях с иными художественными традициями, оно в целом вполне законченное и ярко узнаваемое явление. Недаром оно оказало заметное воздействие на северные общества вне собственно степной зоны, а в известной мере, и на искусство южных цивилизаций. Обширная литература посвящена «проблеме происхождения» скифо-сибирского звериного стиля. Его создателям явно были знакомы соответствующие традиции – и местные, и древневосточные. Но в целом это явление полно глубокой мутационной самобытности как на стилистическом, так и на комбинационном уровне.

Исторически здесь важны два других обстоятельства. Степная зона, особенно после перехода к кочевничеству, надлежно стимулировала и ускоряла все процессы международного общения и сотрудничества, будь то торговые или интеллектуальные связи. Еще более важны процессы историко-политического синтеза и симбиоза, пронизывавшие многовековую эпоху взаимодействия кочевых обществ и государств оседлой зоны. Утверждение кочевых приоритетов в античную эпоху в Бактрии и Парфии в результате встречной поведенческой и психологической ассимиляции, в конечном итоге способствовало выходу этих стран в ранг держав мирового класса, наряду с Римом и Китаем. В Центральной Азии синтез политико-государственных начал кочевой и городской традиции создавал, начиная, по меньшей мере, с эпохи Караханидов, перспективные государственные организмы. Это было ярким проявлением продуктивного творческого взаимодействия различных начал, которыми так богата мировая история.

- Бартольд 1963 – Бартольд В. В. Кыргызы. Исторический очерк // Сочинения. Т. II, часть 1. М., 1963.
- Бочкарев 2002 – Бочкарев В. С. Эпоха бронзы в степной и лесостепной Евразии // История татар с древнейших времен. Т. 1. Казань, 2002. С. 46–68.
- Владимиров 1934 – Владимирцов Б. Я. Общественный строй монгол. Монгольский кочевой феодализм. М., 1934.
- Грязнов 1970 – Грязнов М. П. Аргаш. Царский курган скифо-кочевья. Л., 1970.
- Кляшторный, Сулейманов 2000 – Кляшторный, С. Г., Т. И. Сулейманов. Государства и народы евразийских степей. СПб., 2000.
- Крадин 2001 – Крадин И. Н. Империя хунну. Владивосток, 2001.
- Кузьмина 2002 – Кузьмина Е. Е. Мифология и искусство скифов и бактрийцев. М., 2002.
- Кычанов 1992 – Кычанов Е. И. Кочевые государства от хунну до манджуров. СПб., 1992.
- Марков 1976 – Марков Г. Е. Кочевники Азии. М., 1976.
- Массон 1998 – Массон В. М. Эпоха древнейших великих степных обществ // АВ. № 5. СПб., 1998. С. 255–267.
- Массон 2001 – Массон В. М. Степной образ жизни и древние кочевники // Мирас. № 3. 2001. С. 65–70.
- Мещер 2002 – Мещер Д. Оседлый конь без всадника — реконструкция символа парфянской эпохи // Мирас. № 1. 2002. С. 108–113.
- Нефедкин 2000 – Нефедкин А. К. Основные этапы развития боевых колесниц в древности // Взаимодействие культуры и цивилизации: стр. СПб., 2000.
- Савинов 2002 – Савинов Д. Г. Равнины кочевников верховьев Енисея. СПб., 2002.
- Тереножкин 1966 – Тереножкин А. И. Об общественном строе скифов // СА. № 2. 1966. С. 33–49.
- Тереножкин 1977 – Тереножкин А. И. Общественный строй скифов // Скифы и сарматы. Киев, 1977. С. 3–28.
- Хазанов 1975 – Хазанов А. М. Социальная история скифов. М., 1975.
- Щелов 1972 – Щелов Д. Б. Социальное развитие скифского общества // ВИ. № 3. 1972. С. 63–78.

ANCIENT SOCIETIES OF THE STEPPES OF EURASIA AND THE STRUCTURE OF THE WORLD HISTORY

V. M. MASSON

The millennial history of the zone of Eurasian steppes, which reflects a progressive development with its peculiarities and advancements of no slight importance for the history and culture of the entire World, has long been remaining beyond any attempts of generalizing evaluations.

At present, on the basis of the evidence available and its conceptualization, we may tentatively discriminate at least three vast epochs which developed depending on the formation of archaic structures in ancient societies. The first epoch was that of the early complex societies tied mainly with the Bronze Age according to the archaeological systematization. The attained level of the social development and organization opened the possibilities of formation of large social structures attested by the archaeological evidence. It is as early as this period that the dynamism and initiative passionarism peculiar to peoples of the steppe zone became manifest. The concept of horse as an intellectual and, respectively, an artistic symbol of steppe communities began to acquire its special significance.

The second epoch, known according to the archaeological systematization as that of early nomads, in terms of socio-politics may be described as the epoch of mili-

tary aristocratic states. The adoption of nomadism, along with certain other phenomena, was beneficial for the qualitative leap of the active military sphere as one of the important incentives for the segregation of the strata of super-leaders or kings in the terminology of ancient Greek sources.

Finally, the third epoch was the period of nomadic empires of which the typical example was the empire of Hönnö. The Mongol super-empire of Chinggis Khan must be regarded as the peak of that system. After the ruin of its political successors, the recurrent movement began which is so characteristic of the rhythms of cultural genesis, and perhaps of political genesis too. The political structures found in the steppe zone during the late Middle Ages were in fact fairly close to those of the epoch of military-aristocratic states.

The historical contribution to the world-wide process on the part of the steppe zone is connected materially with the concept of horse. It was the steppe that stimulated the creation of cavalry elements in the system of armed forces and war strategy. Many ideological and artistic innovations were tied with the concept of horse.

К ПРОБЛЕМЕ КУЛЬТОВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В СЕВЕРНОЙ МЕСОПОТАМИИ В ЭПОХУ ДОКЕРАМИЧЕСКОГО НЕОЛИТА

Т. В. КОРНИЕНКО¹

До серии открытий верхнемесопотамских монументальных сооружений религиозного назначения вопрос о строительстве культовых сооружений в эпоху раннего неолита оставался открытым. Опубликованные результаты исследований выдающихся памятников докерамического неолита на территории Северной Сирии, Ирака и, особенно, Юго-Восточной Турции конца IX–VII тыс. до н. э. (рис. 1) представили выразительные свидетельства существования в это время общественных специализированных зданий культового назначения. Отчеты о раскопках и сравнительный анализ материалов из Халлан Чеми (Rosenberg et al 1998; Rosenberg 1999; Rosenberg, Redding 2000), Жерф эль Ахмара (Stordeur 1998, 1999; Stordeur et al 2001), Невали Чори (Hauptmann 1993, 1999), Чейноу Тене-си (Çambel 1985; Schirmer 1983, 1990; Özdoğan M., Özdoğan A. 1990; Özdoğan 1999) и Гебекли Тепе (Schmidt 1998, 2001; Hauptmann 1999)², дают возможность проследить формирование общих принципов возведения культовых сооружений на ранненеолитических поселениях Северной Месопотамии, выявить индивидуальные особенности в строительстве и оформлении таких построек.

В частности, Халлан Чеми – одно из древнейших известных на сегодняшний день оседлых поселений Северной Месопотамии относится к начальной фазе периода PPNA, к последним столетиям IX тыс. до н. э. (даты основаны на результатах радиоуглеродного анализа и представлены в некалиброванном их значении). Различные материалы указывают на неогалтарную, сложную форму социально-экономического уклада обитателей Халлан Чеми (Rosenberg et al 1998: 38; Rosenberg 1999: 26–29; Rosenberg, Redding 2000: 47–57), что предполагает функционирование общественных строений на этом поселении. Неординарные, более крупные по размерам, углубленные в землю постройки верхнего уровня сильно отличаются от круглых в плане домов, открытых на этом памятнике, и, что особенно интересно, по некоторым своим характеристикам здания превосходят строительство культовых сооружений переходного PPNA/PPNB периода, а также этапа PPNB. В отличие от жилых домов, полы общественных зданий 1-го слоя Халлан Чеми были специально углублены. Постройки несут следы особого оформления. Планировка строений необычная – в стенах помещений по всему периметру примыкает каменная скамья. Остатки привозных высоко ценных материалов – обсидиана и медной руды – обнаружены исключительно в этих постройках, а в одной из них обнаружен череп зубра,

первоначально украшавший, как предполагают авторы раскопок, противоположную от входа стену (Rosenberg et al 1998: 28–29). Последняя находка, в совокупности с другими выявленными на памятнике свидетельствами культа, подтверждает особый характер сооружения, столь наглядно оберегаемого присутствием знака высших сил.

Археологические изыскания на Халлан Чеми показали, что центром поселка являлась открытая площадь диаметром 15 м, которая функционировала на протяжении всех трех исследованных периодов. На ее поверхности обнаружено большое количество костей животных и потрескавшихся от огня речных галек. Среди остеологических останков на данном участке хорошо сохранились крупные части скелетов животных. Три рогатых черепа баранов лежали в определенном порядке. Эти признаки, наряду со значительным количеством костей и существованием центральной площадки на протяжении нескольких поколений людей, отражают символическую сторону совершавшихся здесь действий. По мнению авторов раскопок, данная территория служила местом для общих собраний жителей поселка, сопровождавшихся совместной ритуальной трапезой, что, очевидно, играло важную роль в сплочении коллектива общинников. Множество искусно выполненных каменных чаш, украшенных тонкой резьбой геометрическими и натуралистическими изображениями, и скульптурные пестики, рукоятки которых выполнены в виде различных натуралистических форм с разной степенью стилизации, свидетельствуют об их использовании в общественных собраниях/праздничных трапезах, проходивших на центральной площади Халлан Чеми. Данные объекты, очевидно, применялись для церемониального приготовления и потребления пищи, что составляло важную часть культового действия (Rosenberg 1999: 26, 28).

Недавно опубликованные материалы Жерф эль Ахмара позволяют сделать вывод о том, что исследованные общественные здания (EA 7, EA 30 – этапа PPNA и EA 53, EA 100 – переходного PPNA/PPNB периода) по многим признакам развивают начатую еще в Халлан Чеми традицию возведения общественных полифункциональных строений, служивших, помимо прочего, и в качестве сакральных центров на поселениях. С материалами EA 7, EA 30 Жерф эль Ахмара в значительной мере соотносятся данные «дома 47» из Мурейбита, этап PPNA (Cauvin 1977; Stordeur et al 2001: 31–37). Вместе с тем более поздние сооружения Жерф эль Ахмара – EA 53 и EA

¹ Россия, 394043 г. Воронеж, ул. Ленина, 86 Воронежский государственный педагогический университет.

² На дуэском языке подробный обзор перечисленных работ см. в статьях: Корниенко 2002, 2004.

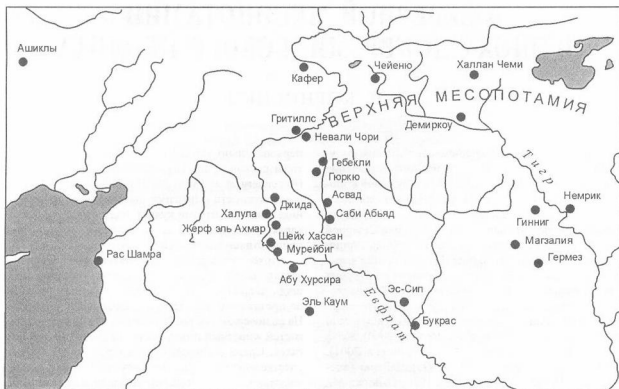

Рис. 1. Карта Верхней Месопотамии с обозначением памятников эпохи докерамического неолита.

Fig. 1. Map of Upper Mesopotamia with indication of sites of the pre-ceramic Neolithic epoch.

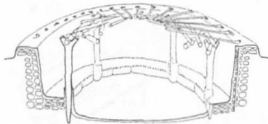
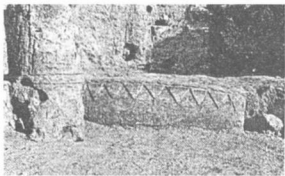
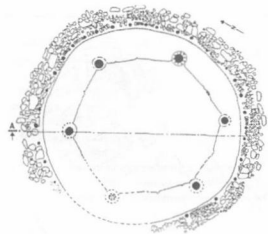
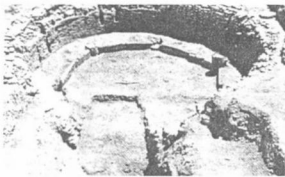
100 – уже близко сопоставимы с постройками специально культового назначения Невали Чори (Cult Building II, III), а также с «необычными строениями» Чейеню Тепеси («Домом Черепов», «Зданием с плитами», «Зданием с мозаичным полом») этапа PPNB (рис. 2, 3). Их общими характеристиками являются:

- расположение на особом участке поселения;
- преемственность в выборе места для строительства;
- специальная подготовка этого места;
- углубленная в землю конструкция и ширококомнатная планировка;
- включение архитектурных и скульптурных элементов более ранних построек в последующие строения;
- наличие массивной каменной скамьи, примыкающей к внутренней стене или стенам помещения;
- трудоемкая (для Чейеню и Невали Чори мозаичная или плиточная) отделка полов;
- следы цветной штукатурки, выгравированных рисунков, рельефов на внутренней поверхности стен;
- установка монолитных стел, пилястр, декорированных столбов, скульптурных объектов внутри построек;
- отсутствие следов домашней жизнедеятельности, свидетельства проведения различных обрядовых церемоний.

В самых ранних слоях «Здания с мозаичным полом» Чейеню и «Культового строения II» Невали Чори сохранились следы канала и специального углубления в полу, находившихся в угловой части построек (Hauptmann 1993: 45; Schirmer 1983: 466; 1990: 384). Назначение этих конструкций остается не вполне

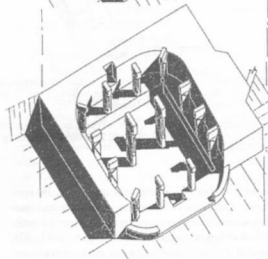
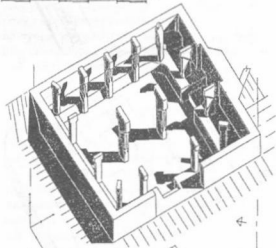
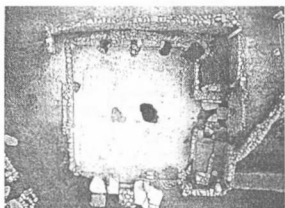
ясным, но можно предположить, что оно являлось идентичным и, судя по следам огня и человеческой крови, было связано со специальным назначением самих зданий.

Особого внимания заслуживает расположение выдающихся строений Чейеню Тепеси, функционировавших с несколькими перестройками на протяжении переходного PPNB/PPNB и собственно PPNB периодов, именно в восточной части поселения, вокруг большого открытого пространства площадью около 1000 кв. м. Данный участок, с самого начала предназначенный для общественных целей, был оборудован соответствующим образом. Около 46 очажных ям разных размеров зафиксировано в нижнем его горизонте, относящемся к начальному этапу развития поселения. В дальнейшем эта территория была утрабована неровным булыжником. Позже большая ее часть послужила основанием для создания так называемой «Площади»/«Plaza» размером 60 × 20 м, аккуратно вымощенной обожженными кирпичами. Красноватая, вымощенная обожженными кирпичами поверхность «Площади», по заключению археологов, обновлялась не менее трех раз. На самом раннем уровне там были установлены два ряда стел и две большие плиты. Эти объекты сильно отличались по своим размерам и оформлению. Самая высокая стела достигала 2-х метровой высоты, а самая маленькая – около метра. Как сообщают авторы раскопок, по крайней мере на одной из них сохранились следы красной краски, другие стелы также имели признаки моде-

1

0 5 M

2

Рис. 2. Общественные постройки культового назначения. Фотографии с места раскопок и изометрическая реконструкция: 1 – Жерф эль Ахмар (ЕА 53) (по Д. Стордэру и др.); 2 – Невали Чори (культурные постройки II, III) (по Х. Хауптману).

Fig. 2. Public buildings of ritual purpose. Photos of excavated areas and isometric reconstruction: 1 – Jerf el Ahmar (EA 53) (according to D. Stordeur *et al.*); 2 – Nevalı Çori (Cult buildings II, III) (according to H. Hauptmann).

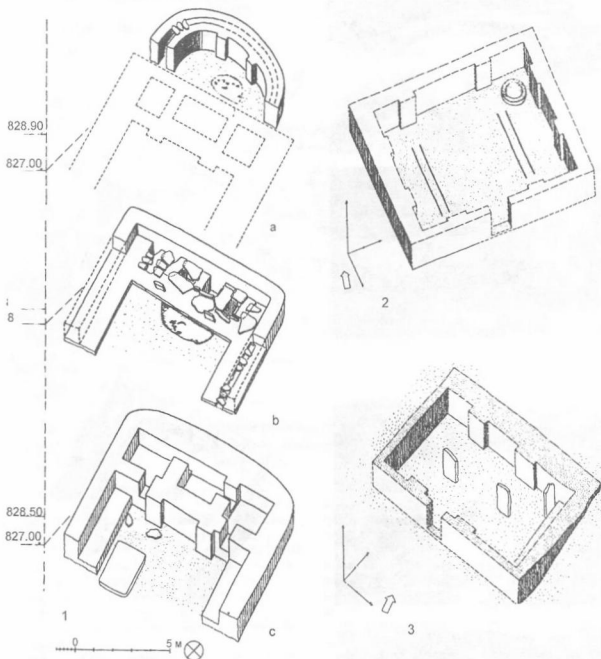

Рис. 3. «Необычные» постройки Чейюñ-Тепеси, изометрическая реконструкция: 1 – Дом черепов/Skull building (a – раннего уровня – BM 1; b, c – позднейших – BM 2) (по В. Ширмеру); 2 – Здание с плитами (по В. Ширмеру); 3 – Здание с мозаичным полом (по В. Ширмеру).

Fig. 3. «Uncommon» structures of Çeyüñ-Tepesi, isometric reconstruction: 1 – House of Skulls (a – early layer BM 1; b, c – latest layers BM 2) (according to W. Schirmer); 2 – Flagstone Building (according to W. Schirmer); 3 – Terrazzo Floor Building (according to W. Schirmer).

лирования (Özdoğan M., Özdoğan A. 1990: 74). Во время второй перестройки «Площадки» стелы преднамеренно сломали и похоронили вместе с плитами под слоем обожженных кирпичей (Özdoğan 1999: 50). Нет сомнений, что такое хорошо организованное и символически оформленное место играло важную роль в жизни всей общины. По мнению Х. Чамбел, «Площадь» могла использоваться для ритуального

разделяния туш во время коллективных, праздничных трапез, о чем свидетельствует большое количество костей животных и фрагментов специальных орудий (Çambel 1985: 187)³. Многие факты, как справедливо отмечает А. Оздоган, указывают на то, что по своим функциям «Площадь» являлась открытым эквивалентом «уникальных зданий» (Özdoğan 1999: 50).

³ Можно заметить параллели с центральной площадкой Халлан Чами.

Гебекли Тепе – еще один ранненеолитический памятник этапов PPNА-EPPNB, раскопки которого сейчас продолжаются, нельзя назвать обычным поселением эпохи докерамического неолита. Не только размеры (высота – до 20 м, диаметр – 300 м) и топографические характеристики (теплый занимает доминирующее положение в округе радиусом 20 км) делают Гебекли Тепе выдающимся памятником среди других неолитических поселений. Большие известняковые плиты, фрагменты колонн, а также крупномасштабные скульптуры были обнаружены по всей его поверхности (рис. 4). Это свидетельствует о том, что вся территория тепля, а не какие-то ее отдельные участки, использовалась для мегалитической архитектуры. Назначение данных сооружений, очевидно, связано с ритуальными целями, а постройки не использовались в качестве домашних или бытовых. Клаус Шмидт – автор раскопок Гебекли Тепе пишет: «Ясно, что тепля не являлся обычным ранненеолитическим поселением с несколькими культового характера зданиями, весь район служил исключительно ритуальным целям. Это было горное святилище» (Schmidt 2001: 46). Несомненно, что длительные грандиозные строительные работы потребовали значительных затрат и усилий многих людей, возможно, представителей нескольких поколений племен, обитавших в округе.

Открытие артефактов Гебекли Тепе значительно расширяет наши знания о строительстве религиозных сооружений в эпоху докерамического неолита и позволяет прийти к некоторым предварительным заключениям относительно особенностей архитектурного и скульптурного оформления сакрального пространства данной территории. Имеются веские основания полагать, что неординарные сооружения Гебекли Тепе представляют собой долговременный, значительный по площади, вероятно, межплеменной ритуальный комплекс, устроенный в горах отдельно от обычных поселений. Сооружения Гебекли Тепе отличаются большими размерами, сложностью и разнообразием планов, по сравнению с общественными строениями других памятников докерамического неолита. Огромная высота (до 6–7 м) и вес (до 50 тонн) отдельных стел и их обломков предпологает, что все помещения, в которых они обнаружены, имели крышу или же, не все стелы в соответствии с первоначальным замыслом находились внутри строений. Наконец, в отличие от Чейеню и Невали Чори, где преобладают антропоморфные изображения, на Гебекли Тепе, помимо них, выявлено значительное количество зооморфных символов и фигур (Schmidt 1998; 2001).

Весьма разнообразны скульптуры и рельефные рисунки Гебекли Тепе. Однако и они отчасти повторяют, отчасти дополняют картину, известную уже по данным Немрик IX, Халлан Чечи, Жерф эль Ахмара, Невали Чори, Чейеню Тепеси и других ранне-неолитических поселений. Среди изображений, а, следовательно, и объектов поклонения, найденных на этих памятниках, наиболее популярны фигуры антропоморфных существ и существ смешанного типа; женские и мужские фигуры и символы; человеческие головы; букрании; образы птиц, змей и черепах. В исто-

нографии Гебекли Тепе к ним добавляются изображения льва, кабана и лисицы. Названные мотивы характерны для памятников докерамического неолита вообще, однако для Верхнего Двуречья можно отметить их концентрацию в постройках специального назначения, определенное стилистическое и смысловое единообразие, схожесть в приемах и технике исполнения.

В настоящее время интерпретация неординарных символически оформленных строений общественного назначения эпохи докерамического неолита остается дискуссионной в ближневосточной археологии (подробнее см.: Корниенко 2002: 112). Ряд авторов прямо называет такие постройки храмами (Schmidt 1998; Baggelen 1999 et al). Однако использование этого термина для обозначения общественных строений эпохи поздней первобытности вряд ли достаточно обосновано. Мы склоняемся к рассмотрению данных сооружений как специально оборудованных мест и помещений для постоянного нахождения там божеств-покровителей общины, чье присутствие обозначалось при помощи символически олицетворяющих их объектов и изображений. Создатели этих сооружений, вероятно, рассматривали такие постройки как «Дома божеств или духов». Рогатые черепа зубра, величественные стелы, крупномасштабные скульптуры, обнаруженные в особых сооружениях Халлан Чечи, Жерф эль Ахмара, Невали Чори, Чейеню Тепеси и Гебекли Тепе, очевидно, наглядно демонстрировали присутствие в помещении «хозяев» – божеств-покровителей поселений. В связи с этим закономерно, что планировка, иногда и другие строительные элементы древних культовых построек демонстрируют их генетическую связь с обликом жилых домов, причем во всех случаях прослеживается связь с круглыми в плане, углубленными в землю жилищами архаичного вида (период PPNА). Как известно, сохранение и намеренная консервация традиции всегда были характерной чертой религиозного сознания и до сих пор служат для маркировки сакрального пространства.

Отличия в строительстве и оформлении культовых строений Халлан Чечи, Жерф эль Ахмара, Чейеню Тепеси, Невали Чори и Гебекли Тепе, вероятно, связаны с местной спецификой, как в сакральной, так и в архитектурной сферах, а, кроме того, обусловлены разницей во времени. Тем не менее, артефакты Гебекли Тепе, в целом, продолжают в наиболее концентрированном виде традицию возведения монументальных культовых сооружений, уже известную по Жерф эль Ахмару, Чейеню Тепеси и Невали Чори.

Некоторые из вышеупомянутых характеристик наблюдались ранее в общественных зданиях Халлан Чечи. Следовательно, архитектурная практика возведения подобных построек на территории Верхней Месопотамии начала формироваться с самого раннего этапа неолита, являясь, возможно, дальнейшим традиционным развитием комплекса сакральных знаний мезолита.

Пока не многочисленными, но весьма выразительными материалами Северного Двуречья показывают, что

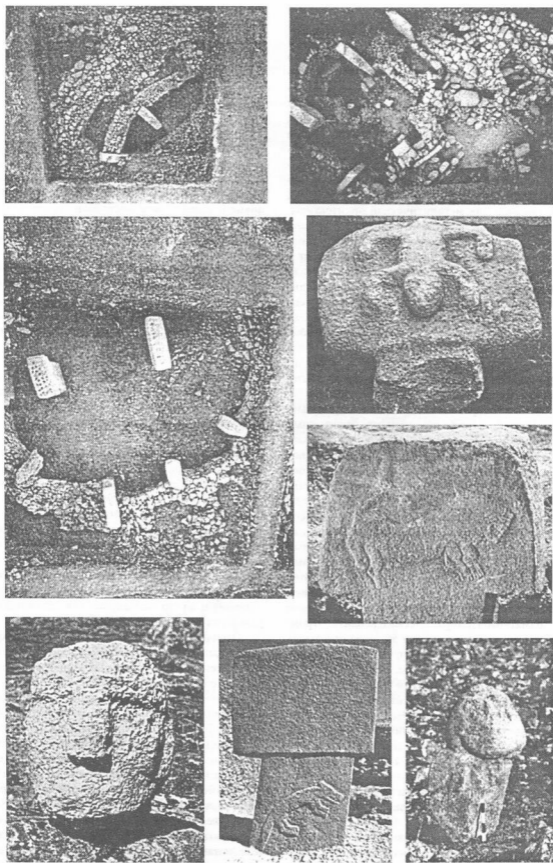

Рис. 4. Гебекли Тепе, фотографии с места раскопок (по К. Шмидту).

Fig. 4. Göbekli-Tepe, photos of excavated areas (according to K. Schmidt).

уже на раннеолитическом этапе развития верхне-месопотамского общества религиозной архитектура выделяется как особая область строительной деятельности и, более того, достигает определенной степени стандартизации. Вместе с тем, анализ источников предполагает, что в раннеолитический период на территории Верхней Месопотамии и сопредельных регионов, вероятно, существовало несколько видов сакральных мест и строений. В основу их предварительной классификации нами были положены степень общественной значимости культовых центров, особенности их оформления и расположения.

К первой группе отнесены родовые и/или семейные святилища, известные на территории Ближнего Востока с протонеолитической эпохи. Такие постройки еще четко не выделены в общем поселенческом контексте и часто совмещены с жилыми помещениями (Немрик IX, Гермес Деро).

Среди древнейших общественных сооружений, оформленных соответствующим образом, и стационарно функционировавших на первых догравеолитических поселениях в качестве мест для проведения коллективных собраний с осуществлением значимых для всей общины обрядовых действий, выделяются площадки, о наличии которых свидетельствуют артефакты Халлан Чеми и Чейеню Тепеси.

Совмещение символически защищенного (сакрального) и значимого для хозяйства общинников пространства (производственных участков, мест обмена, хранения и распределения продуктов) было зафиксировано в особых постройках при исследовании Халлан Чеми, Жерф эль Ахмара (ЕА 7, ЕА 30) и Мурейбета.

Убедительные археологические данные указывают на существование уже в докерамическом неолите специальных общественных зданий культового назначения. В частности, «Дом Черепов» в Чейеню Тепеси, будучи общинным кладбищем, являлся, кроме того, местом отправления особых коллективных церемоний, очевидно, направленных на оказание помощи родственникам при переходе в мир иной, а также на сохранение связей и сакрального единства между живыми и умершими общинниками.

«Уникальные постройки» Чейеню Тепеси, «ЕА 53, ЕА 100» Жерф эль Ахмара, а также «Строения II, III» Невали Чори свидетельствуют о существовании об-

щественных зданий культового характера, не связанных с погребальным обрядом⁴. Возведенные на границе поселений неординарные строения названных памятников располагались между жилым и «неосвоенным» пространством, в точке их соприкосновения. Такое расположение символически, вероятно, отражает значение данных зон как связующих сакральных центров между коллективом общинников, проживающим на поселении и окружающим миром. Исходя из полученных с помощью археологии данных о древней топографии и некоторых других сведений, а также опираясь на общие историко-этнографические знания, можно предположить, что «созревая» протохрамов имели особую «генетическую» связь как с районом расположения поселения, так и с поколениями людей, долгое время там проживающих. В данном случае культ предков был совмещен с поклонением силам природы, духам конкретной местности и фиксируется уже на достаточно высоком уровне своего развития.

Наконец, открытые на поверхности Гебекли Тепе большого количества выдающихся произведений древнего искусства, отражающих существование сложных систем ритуального оформления регулярно проводившихся обрядов, послужило основанием для гипотезы об особой роли этой поселения, бывшего религиозным центром жителей округа в раннеолитическую эпоху. Такое предположение кажется вполне оправданным на фоне полученных за последнее время данных о периоде PPN. Тем не менее, оно нуждается в подтверждении дальнейшими археологическими исследованиями близлежащих хронологически сопоставимых памятников.

В заключение следует отметить, что намеченные типы культовых сооружений из-за недостаточности источников достаточно условны. Четкие границы между ними пока трудно установить потому, что в то время, по-видимому, функционировали различные промежуточные типы культовых строений, которые постепенно эволюционировали под влиянием общественной значимости, атрибутики и характера совершаемых ритуалов. Проведенный анализ в какой-то мере показывает возможность того коллектива людей, который возводил эти постройки и поклонялся богам, населяющим их, — отдельным семей или родов, целой общины и, вероятно, более широкого круга населения.

Корниенко 2002 — Корниенко Т. В. «Храмы» Северной Месопотамии в эпоху докерамического неолита // ВДИ. № 241 (2). 2002. С. 92–114.

Корниенко 2004 — Корниенко Т. В. Символическое оформление построек и сооружений общественного назначения раннего докерамического неолита (эпоха PPNa) Северной Месопотамии // ВДИ. № 2. 2004. С. 132–154.

Basgelen 1999 — Basgelen N. Foreword // Ozdoğan M., Basgelen N. (eds.) Neolithic in Turkey. The cradle of civilization. New discoveries. Vol. № 2. Istanbul, 1999. S. 8.

Çambel 1985 — Çambel H., Çayönü, 1984 // Anatolian Studies. № 35. 1985. S. 186–188.

Cauvin 1977 — Cauvin J. Les fouilles de Mureybet (1971–1974) et leur signification pour les origines de la sédentarisation au Proche-Orient // Annuals of the American School of Oriental Research. № 44. 1977. S. 19–48.

Hauptmann 1993 — Hauptmann H. Ein Kultgebäude in Nevalı Çori // Frangipane M., Hauptmann H., Liverati M., Matthiae P., Mellink P. (eds.) Between the rivers and over the mountains. Roma, 1993. S. 37–69.

Hauptmann 1999 — Hauptmann H. The Urfa Region // Ozdoğan M., N. Basgelen (eds.) Neolithic in Turkey. The cradle of civilization. New discoveries. Vol. 2. Istanbul, 1999. S. 65–86.

⁴ Для территории Леванта определенное сходство с ними проявляют неординарные постройки Айн Гхаасля (Rollefson 1998; 2000) и Бейлам (Kirkbride 1966).

- Kirkbride 1966 – *Kirkbride D. Five seasons at the Pre-Pottery Neolithic village of Beidha in Jordan // Palestine Exploration Quarterly*. № 98. 1966. S. 8–72.
- Özdoğan 1999 – *Özdoğan A. Çayönü // Özdoğan M., N. Başgelen (eds.) Neolithic in Turkey. The cradle of civilization. New discoveries*. Vol. 2. İstanbul, 1999. S. 35–64.
- Özdoğan M., Özdoğan A. 1990 – *Özdoğan M., Özdoğan A. Çayönü, a conspectus of recent works // Aurenche O., Cauvin M.-C., Sanjiville P. (eds.) Prehistoire du Levant: processus des changements culturels*. Paris, 1990. S. 68–77.
- Özdoğan M., Özdoğan A. 1998 – *Özdoğan M., Özdoğan A. Buildings of Cult and Cult of Buildings // Arsebük G., Mellink M., Schirmer W. (eds.) Light on Top of the Black Hill. Studies Presented to Halet Çambel – Karatepe'deki Işık. Halet Çambel's sunulan yazıları*. İstanbul, 1998. S. 581–601.
- Rollefson 1998 – *Rollefson G. O. 'Ain Ghazal (Jordan): ritual and ceremony III // Paléorient* № 24 (1): 43–58.
- Rollefson 2000 – *Rollefson G. O. Ritual and Social Structure at Neolithic 'Ain Chazal // Kuiji I. (ed.) Life in Neolithic Farming Communities. Social Organization, Identity and Differentiation*. New York, 2000. S. 165–190.
- Rosenberg 1999 – *Rosenberg M. Hallan Çemi // Özdoğan M., N. Başgelen (eds.) Neolithic in Turkey. The cradle of civilization. New discoveries*. Vol. 2. İstanbul, 1999. S. 25–33.
- Rosenberg, Nesbitt, Redding, Peasnell 1998 – *Rosenberg M., Nesbitt R., Redding R. W., Peasnell B. L. Hallan Çemi, Pig Husbandry, and Post-Pleistocene Adaptations along the Taurus-Zagros Arc (Turkey) // Paléorient*. № 24 (1). 1998. S. 25–41.
- Rosenberg, Redding 2000 – *Rosenberg M., Redding R. W. Hallan Çemi and Early Village Organization in Eastern Anatolia // Kuiji I. (ed.) Life in Neolithic Farming Communities. Social Organization, Identity and Differentiation*. New York, 2000. S. 39–62.
- Schirmer 1983 – *Schirmer W. Drei Bauten des Çayönü-Tepesi // Boemer R. M., H. Hauptmann (eds.) Festschrift für Kurt Bittel*. Mainz, 1983. S. 463–476.
- Schirmer 1990 – *Schirmer W. Some aspects of building at the «ceramic-neolithic» settlement of Çayönü-Tepesi // World Archaeology*. № 21. 1990. S. 363–387.
- Schmidt 1998 – *Schmidt K. Frühneolithische Tempel. Ein Forschungsbericht zum präkeramischen Neolithikum Obermesopotamiens // Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft*. № 130. Berlin, 1998. S. 17–49.
- Schmidt 2001 – *Schmidt K. Göbekli Tepe, Southeastern Turkey. A Preliminary Report on the 1995–1999 Excavations // Paléorient*. № 26 (1). S. 45–54.
- Stordeur 1998 – *Stordeur D. avec la participation de J. Margueron. Espace naturel, espace construit à Jerf el Ahmar sur l'Euphrate // Fortin M., Aurenche O. (éd.) Espace naturel, espace habité en Syrie du Nord (10e–2e millénaires av. J.-C.). Actes Colloque Univ. Laval (Québec) 5–7 mai 1997. Canadian Society for Mesopotamian Studies Bull. № 33; Travaux de la Maison de l'Orient*. № 28. Toronto et Lyon, 1998. S. 93–108.
- Stordeur 1999 – *Stordeur D. Organisation de l'espace construit et organisation sociale dans le Néolithique de Jerf el Ahmar (Syrie, Xe–IXe millénaires av. J.C.) // Braemer F., Cleuzenau S., Coudart A. (éd.) Habitat et Société, XIXe Rencontres Internationales et d'Archéologie et d'Histoire d'Antibes. Antibes, 1999. S. 131–149.*
- Stordeur, Brenet, Der Arahamian, Roux 2001 – *Stordeur D., Brenet M., Der Arahamian G., Roux J.-C. Les bâtiments communaux de Jerf el Ahmar et Mureybet horizon PPNA (Syria) // Paléorient*. № 26 (1). 2001. S. 29–44.

CULT BUILDINGS IN NORTHERN MESOPOTAMIA IN THE PRE-CERAMIC NEOLITHIC EPOCH

T. V. KORNIEKO

Excavations at major sites of the pre-ceramic Neolithic period (9th–7th Mil. BC) on the territories of northern Syria, Iraq and, most importantly south-eastern Turkey, yielded expressive evidence on functioning of public buildings constructed specially for cult purposes. Very informative in this respect are the published reports on excavations in Hallan Çemi (Rosenberg *et al.* 1998; Rosenberg 1999; Rosenberg, Redding 2000), Jerf al Ahmar (Stordeur 1998, 1999; Stordeur *et al.* 2001), Nevalı Çori (Hauptmann 1993, 1999), Çeyönü-Tepesi (Çambel 1985; Schirmer 1983, 1990; Özdoğan M., Özdoğan A. 1990; Özdoğan 1999), and Göbekli-Tepe (Schmidt 1998, 2001; Hauptmann 1999). A comparative analysis of these materials allows us to trace the formation of the general principles of the erection of cult buildings at early Neolithic settlements of northern Mesopotamia and to reveal individual peculiarities in the construction and decoration of these structures.

Certain differences noted between them are related obviously to natural effects of the local specifics both in the sacred and architectural spheres, as well as to the differing time of functioning of the complexes under consideration. Nevertheless, at the transitional PPNA/PPNB

stage and during the period of PPNA itself, some general principles of construction and decoration of public buildings for religious purposes were established:

- their disposition in a special area of the settlement;
- continuity of the choice of the site for construction;
- special preparation of construction sites;
- sinking of the buildings partly into the earth and their layout with large rooms;
- inclusion of architectural and sculptural elements of earlier buildings into newly built ones;
- the presence of a massive stone bench adjoining the inner wall of the building or walls of the rooms;
- a laborious working of the floors (with mosaics or slabs in Çeyünu and Nevalı Çori);
- traces of coloured stucco, engraved patterns and reliefs preserved on the inside surfaces of the walls;
- installation of monolithic steles, pilasters, decorated pillars and sculptures inside the buildings;
- the absence of any traces of domestic household and various evidence of performing ritual ceremonies.

The layout, occasionally also some other construction elements of the cult buildings, demonstrate their ge-

¹ In Russian, a detailed review of this evidence is presented in: Корниенко 2002, 2004.

netic links with the appearance of dwelling houses, and in each case this concerned dwellings of archaic types (houses of the PPNA period of round plan and dug into the earth). As is well known, preservation and intentional conservation of a tradition always have been a characteristic feature of religious consciousness serving even nowadays as a way to mark some sacred sphere.

In general, materials (still not numerous but very expressive) from the northern part of the land between the Tigris and Euphrates rivers indicate that already at the early Neolithic stage of the Mesopotamian society, the religious architecture was distinguished as a special sphere of building activities. Moreover, it reached a certain grade of standardization. In addition, an analysis of sources suggests that in the territory of Upper Mesopotamia and adjoining regions, probably several types of sacred sites and buildings were functioning in the early Neolithic period. We base their tentative classification on the extent of the public significance of the cult centres and peculiarities of their disposition and decoration.

Tribal and/or familial sanctuaries known in the Near East since the proto-Neolithic epoch are attributed to the first group of objects under consideration. These structures were not clearly distinguished from the general context of a settlement, being often combined into one with dwelling rooms (Nemrik IX, Germez Dere).

As indicated by artefacts from Hallan Çemi and Çeyönö-Tepesi, certain areas are distinguishable among the earliest public edifices at the first permanent settlements. These buildings were correspondingly designed and functioning in a stationary way as the sites for holding public meetings with ritual activities important for the entire commune.

In the course of excavations at Hallan Çemi, Jerf al Ahmar (EA 7, EA 30) and Mureybet, unification of areas symbolically protected (sacral) with those economically significant for the collective of a commune (manufacturing areas and places for exchange, storage or distribution of products) was discovered in some special buildings.

Convincing archaeological evidence indicates that special public edifices of undoubtedly ritual purpose existed as early as the pre-ceramic Neolithic period. The House of Skulls at Çeyönö-Tepesi, in particular, while fulfilling the function of the communal cemetery, was in addition the place for performing special public ceremonies, intended evidently to help relatives in their passage to the other world, as well as to continue the ties and sacred unity between the living and dead members of the commune.

Materials from other «unique structures» of Çeyönö-Tepesi, as well as those from EA 53 and EA 100 of Jerf al Ahmar and buildings II and III of Nevalı Çori, suggest that ritual public buildings of somewhat differing character, not related directly with funerary rites, also were functioning at these settlements. The extraordinary structures erected at the edge of the sites mentioned above were situated between the occupied and «undeveloped» areas — in the points where these zones were contiguous. This must have reflected symbolically the significance of these structures as some sacred centres linking the settlers' commune and the surrounding world. Topographic and some other evidence yielded by excavations, as well as the general historical and ethnographic knowledge, give us grounds to suppose that the owners of the proto-temples were tied in some special «genetic» way both with the site of the settlement and the generations who had been living there for a long time. In the given case, the ancestors' cult was combined with the worship of powers of the nature and spirits of a particular locality. The existence of this cult has been recorded at a fairly high stage of its development.

Finally, numerous remarkable objects of the earliest arts have been discovered throughout the entire territory of Göbekli-Tepe, reflecting in their aggregate complicated systems of ritual organization of the ceremonies which were regularly performed here. These finds have formed the basis for the hypothesis about some special role of this settlement as the religious centre for the inhabitants of surrounding localities in the Early Neolithic epoch. This supposition seems to be quite justified in terms of the recently obtained evidence on the PPN period, nevertheless it has not as yet been confirmed by any studies of the chronologically close sites lying nearby.

To conclude, it should be mentioned that due to the scantiness of the sources available, the types of ritual structures have been distinguished here rather arbitrarily, without any distinct boundaries. Nevertheless, the analysis conducted has shown to a certain extent the abilities of the collective that erected these structures and worshipped the deities inhabiting them — separate families or clans, the entire community or, possibly, a still wider circle of population. No stricter classification is possible since various intermediate types and variants of cult structures seem to have been functioning at the time and because the structures themselves were gradually evolving in terms of their social significance, their attributes and the character of the rites performed.

* On the territory of Levant, certain similarity with them is expressed in extraordinary structures of Ain Ghazal (Rollefson 1998; 2000) and Beida (Kirkbride 1966).

СТЕПНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ МОГИЛЬНИКА ЗАМАНБАБА

(к вопросу о происхождении и хронологии
заманбабинской культуры эпохи бронзы Средней Азии)

Ю. Г. КУТИМОВ¹

Заманбабинская культура бронзового века Средней Азии включает в себя лишь три археологических комплекса – могильник и два поселения, расположенные в низовьях р. Заравшан на территории Бухарской области Узбекистана. Могильник Заманбаба был открыт в 1950 г. и исследовался с перерывами до 1964 г. Махандаринским археологическим отрядом Института истории и археологии АН Узбекистана. В 1961 и 1964 гг. недалеко от могильника археологи обнаружили остатки сильно разветвленных поселений. Материалы раскопок позволили исследователям связать данные памятники в единую группу и выделить новую археологическую культуру (Гулямов и др. 1966).

Могильник Заманбаба – основной объект исследования заманбабинской культуры. Из двух поселенческих комплексов только один можно считать поселением, тогда как второй представляет собой кратковременную стоянку с разветвленным культурным слоем. Их информативность чрезвычайно низка, поэтому при изучении заманбабинской культуры в основном привлекаются материалы могильника.

Практически все исследователи, изучавшие археологические комплексы заманбабинской культуры, отмечали уникальное сочетание сельскохозяйственных признаков в погребальном обряде могильника Заманбаба. Значительная часть сопроводительного инвентаря могильника, в число которого входят каменные бусы и подвески, наперстки, круглые медные зеркала без ручек, лопаточки, терракотовая статуэтка, два фрагмента гончарных сосудов и пр., находят аналогию в сельскохозяйственных комплексах Южной Туркмении эпохи Намазга IV – Намазга VI и синхронных памятников смежных территорий Ирана и Афганистана. С другой стороны, в могильнике Заманбаба есть ряд признаков, указывающих на связь с погребальными традициями племен эпохи бронзы степной зоны Евразии, – присутствие в могилах красной краски, мела, древесного угля, яйцевидной и круглодонной керамики и пр. Одной из примечательных особенностей погребального обряда могильника Заманбаба является захоронение в могилах подобно катакомбного типа, что характерно для местного среднеазиатского населения в эпоху ранней и средней бронзы.

Одни из первых исследователей, давших сравнительную характеристику материалам могильника За-

манбаба, Е. Е. Кузьмина и Б. Н. Латынцы указали на близкое их сходство с археологическими комплексами степных культур эпохи бронзы Евразии – афанасьевской, катакомбной, а также кельтеминнарской культуры эпохи неолита. При этом, оба исследователя отмечали сильное влияние оседло-земледельческих культур юга Средней Азии на формирование культуры Заманбаба, в частности, таких комплексов, как Намазга-депе (периоды IV и VI), южный холм Анау III, Шах-Тепе II и III, Тепе-Гиссар III В и III С, Аучин-депе, Кара-депе (период Намазга III) (Кузьмина 1958: 26–30; Латынцы 1958: 50–52).

В более поздней публикации Е. Е. Кузьмина рассуждает круг земледельческих аналогий комплексам заманбабинской культуры, отмечая близкое сходство некоторых типов сосудов могильника (в основном, плоскостонных) с керамикой поселения Халуз-депе (времени Намазга IV) и сопоставляя почти все представленные в могильнике Заманбаба типы каменных бус с бусами из IV слоя поселения Мундигак (Кузьмина 1968: 304, 305). В настоящее время Е. Е. Кузьмина считает, что в формировании заманбабинской культуры Средней Азии (так же, как и афанасьевской культуры Южной Сибири) участвовали смешанные ямно-катакомбные племена (Kuzmina 1998: 72; Кузьмина 1999: 170, 171).

Авторы сводной публикации (Гулямов и др. 1966: 141–162) при сравнительном анализе материалов могильника Заманбаба ограничились почти дословным повторением выводов Е. Е. Кузьминой, изложенных в статье 1958 года².

По мере открытия новых археологических памятников эпохи бронзы на территории Средней Азии, круг аналогий комплексам могильника Заманбаба постепенно расширялся и предлагались их новые трактовки, на основании которых исследователи пытались проследить происхождение заманбабинской культуры и её хронологические рамки.

Близкое сходство отдельных категорий инвентаря (медные лопаточки, круглые зеркала без ручек, кремневые наконечники стрел и др.) могильников Заманбаба и Ранний Тулхар, открытого во второй половине 50-х годов XX века в Южном Таджикистане, отмечал А. М. Мандельштам (Мандельштам 1968: 81, 83, 87). При этом исследователь не был склонен синхронизировать эти археологические комплексы,

¹ Россия. 191186. Санкт-Петербург: Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.

² Могильник Заманбаба был открыт и раскопан Я. Г. Гулямовым, однако к публикации 1966 г. материалы были подготовлены А. А. Аскартовым на основе камеральных работ и исследований Е. Е. Кузьминой.

а указывал лишь на очень длительное, с III по I тыс. до н. э. использование данных категорий вещей на территории Средней Азии (Мандельштам 1968: 90, табл. 6).

В. И. Сариянди предложил считать очагом культурогенеза заманбабинцев территорию Северного Афганистана и датировал заманбабинскую культуру концом II – началом I тыс. до н. э. на основе отдельных находок, имевших близкое сходство с некоторыми категориями могильника Заманбаба (так называемые керамические «курильницы-кормушки» и крестообразные бусы). Данные предметы происходили из разграбленных могильников катакомбного типа, обнаруженных во второй половине 70-х годов XX века в Афганистане. Точная датировка могильников не установлена, однако, учитывая их расположение вблизи поселения конца II тыс. до н. э., В. И. Сариянди склонен синхронизировать могильники и поселения. Найденные на поверхности заманбабинского поселения обломки андроновской керамики исследователь также считает доказательством поздней датировки заманбабинской культуры (Сариянди 1979: 24–27).

После открытия памятников культуры Сапалли в 70-х годах XX столетия на территории южного Узбекистана А. А. Аскаров предпринял попытку вывести из её среды происхождение культуры Заманбаба (Аскаров 1977: 114, 115; Аскаров 1981: 108). Исследователь считает, что все основные элементы заманбабинской культуры (погребальный обряд, керамика, типы вещей) имеют абсолютное сходство с элементами сапаллинской культуры на позднем (молалинском) этапе её развития, тогда как каких-либо признаков влияния северных степных племен на сложение культуры Заманбаба не наблюдается совсем (Аскаров 1981: 107). В частности, все заманбабинские керамические формы, в том числе круглодонные и яйцевидные, имеют прототипы в керамике культуры Сапалли, хотя каким образом плоскодонная керамика эволюционирует в яйцевидно-круглодонную не объясняется (Аскаров 1981: 104–106). Среди наиболее близких аналогий двух археологических комплексов А. А. Аскаров особо выделяет круглые медные зеркала без ручек, медные лопаточки, а также кремневые наконечники стрел (Аскаров 1981: 106–107), не учитывая выводы А. М. Мандельштама о длительном бытовании данных типов вещей на территории Средней Азии, вследствие чего их привлечение в качестве объекта сравнительного анализа весьма сомнительно. Еще одним признаком культурных связей сапаллинцев и заманбабинцев исследователь считает сходство ориентировок погребенных в могильниках Заманбаба и Джаркутан на молалинском этапе его функционирования: «В Заманбабе ориентировка более 90% скелетов оказалась на запад или на восток (или северо-восток – юго-запад), что указывает на одинаковые ориентировки скелетов Заманбабы с погребенными поздних этапов культуры Сапалли» (Аскаров 1981: 107). Однако определить ориентировку умерших достоверно можно только в пяти (из 46) погребениях: на север – 1 раз, на восток – 2 раза, на северо-восток – 2 раза, а по расположению инвентаря в могиле ещё

в 10 погребениях: на север – 1 раз, на восток – 5 раз, на северо-восток – 1 раз, на северо-запад – 1 раз, на юго-восток – 1 раз, на юго-запад – 1 раз. Таким образом, в могильнике Заманбаба доминируют ориентировки погребенных на восток и северо-восток, что совсем не согласуется с выводами А. А. Аскарова.

Идею о сложении культуры Заманбаба пришлыми степными племенами, предложенную в 50-х годах Е. Е. Кузьминой и Б. Н. Латыниным, в 80-х годах XX века развивал В. А. Алёшкин. Исследователь пришел к выводу, что в формировании заманбабинцев приняли участие катакомбные племена эпохи бронзы степной зоны Евразии, которые, проникнув на территорию Средней Азии на рубеже III–II тыс. до н. э., подверглись сильному влиянию земледельческой культуры типа Саразм. Проникновение катакомбных племен из степной зоны Евразии явилось толчком для распространения катакомбного обряда погребения на территории Средней Азии (Алёшкин 1980; Алёшкин 1986; Алёшкин 1989).

В настоящее время существует несколько гипотез происхождения могильника Заманбаба, по своему объясняющих вопросы культурной и хронологической атрибуции данного памятника. На сегодняшний день для заманбабинской культуры предложено несколько различных датировок: вторая половина III – начало II тыс. до н. э. (Массон 1959: 113); конец III – начало II тыс. до н. э. (Латынин 1958: 52; Кузьмина 1958: 33; Кузьмина 1968: 306; Алёшкин 1986: 99; Виноградов и др. 1986: 72); конец III – первая половина II тыс. до н. э. (Массон 1966: 208; Мандельштам 1972: 8); первая половина II тыс. до н. э. (Аскаров 1962: 10; Гулямов и др. 1966: 166); вторая четверть II тыс. до н. э. (Аскаров 1981: 109); середина II тыс. до н. э. (Хлопин 1983: 70); последняя четверть II тыс. до н. э. (Пьянкова 1989: 61); рубеж II – I тыс. до н. э. (Сариянди 1979: 24).

Существует шесть версий происхождения носителей заманбабинской культуры эпохи бронзы Средней Азии: потомки местных неолитических кельтменарцев (Массон 1966: 208); выходцы из среды древнеземледельческой культуры Сапалли Южного Узбекистана (Аскаров 1981: 109); древнеземледельческие племена, пришедшие в низовья Заравшана с территории Северного Афганистана (Сариянди 1979: 27); население, генетически связанное с катакомбной культурной общностью Евразии (Алёшкин 1986: 98); местное население, входившее в круг культур степного типа, подвергшееся сильному влиянию со стороны южных земледельческих культур (Кузьмина 1958: 33; Аскаров 1962: 10, 11; Гулямов и др. 1966: 170; Виноградов 1968: 151); степные племена, сочетавшие в облике своей культуры признаки трех культур – ямной, катакомбной и афганасьевской (Латынин 1958: 52). Первые четыре версии происхождения заманбабинцев определяют конкретное направление их генетических связей с какой-либо одной культурной группой населения Средней Азии или смежных территорий. Две последние версии указывают лишь на то, что в процессе культурогенеза заманбабинцев принимал участие степной субстрат.

Серьезные противоречия в вопросах происхождения и хронологии заманбабинской культуры обусловлены маловыразительностью её комплексов, при почти полном отсутствии эталонных признаков. Представленный в погребениях могильника инвентарь имеет либо широкие хронологические рамки существования (например, каменные бусы, круглые медные зеркала без ручек и дощечки в целом датируются с III по I тыс. до н. э.), либо характерное своеобразие, затрудняющее поиск точных аналогов.

Задачей нашего исследования является определение генетической связи населения, оставившего могильник Заманбаба, с кельтеминсарской культурой эпохи неолита, а также со степными культурами бронзового века Евразии, в первую очередь, Волго-Уральского междуречья. На основе сравнительного анализа погребального обряда могильника Заманбаба будут рассмотрены вопросы его культурной и хронологической атрибуции³.

Краткая характеристика погребальных комплексов могильника Заманбаба.

Вследствие разрушающего воздействия природных факторов погребения могильника Заманбаба дошли до нас в очень плохой сохранности, что существенно ограничивает возможности анализа данного материала.

На площади могильника Заманбаба обнаружено 46 захоронений, из них 12 – погребения катакомбного типа, а остальные 34 – ямы овальной формы. Вследствие конструктивного различия погребений могильника, в научной литературе высказывались соображения о разновременности ямных и катакомбных могил (Латынина 1958: 49, 50; Кузьмина 1958: 33; Кузьмина, 1968: 303).

По мнению авторов раскопок, все сооружения могильника Заманбаба представляли собой катакомбы (Гулямов и др. 1966: 128). На первый взгляд такое заключение справедливо. Материалы раскопок показывают единообразие обряда ямных и катакомбных захоронений могильника. Если структурно дифференцировать погребальный обряд могильника Заманбаба, то можно увидеть, что большинство обрядовых признаков ямных и катакомбных захоронений полностью совпадают: одинаковое направление длинной оси могильных ям по линии восток-запад или северо-восток – юго-запад; восточная, северо-восточная и северная ориентировка погребенных; присутствие в могилах однотипных категорий инвентаря; использование в погребальном обряде охры, мела и угля; и пр. Сравнение керамических изделий также свидетельствует о культурном единстве данного комплекса: в ямных и катакомбных могилах присутствуют совершенно одинаковые типы керамики. Это позво-

ляет считать ямные и катакомбные погребения могильника одновременными, оставленными одной культурной группой населения.

Однако все же нельзя быть полностью уверенным в том, что ямные погребения могильника Заманбаба представляют собой плохо сохранившиеся катакомбы. При раскопках погребений № 38, 39, 41 найдены «двойные могильные пятна, соединяющиеся друг с другом» (Гулямов и др. 1966: 126, 127). Учитывая этот факт, авторы раскопок делают вывод, что в большинстве ямных погребений катакомбы не сохранились: «Можно допустить, что все могилы были катакомбными, но одни из них были более глубокими, а другие – мелкими. Верхний свод неглубоких могил и входной дромос были разнесены ветрами, в результате чего могилы потеряли свою первоначальную форму – от катакомбы осталась только неглубокая овальная яма» (Гулямов и др. 1966: 128).

Данное заключение узбекских археологов явно противоречит результатам их собственных раскопок. В публикации отмечается, что глубина погребений в виде «двойного могильного пятна» составляет 30 см в погребении № 38, в погребении № 39 – 50 см, в погребении № 41 – 80 см от уровня дневной поверхности⁴. В то же время средняя глубина ямных могил составляла 30–45 см, а одно из ямных погребений № 26 достигало глубины 50 см. Однако в этих случаях «двойные могильные пятна» не наблюдались. Следовательно, некоторые или даже все ямные погребения могильника Заманбаба, возможно, были сооружены в виде простых ям с небольшим окруженным углами, что предполагает наличие в одном комплексе двух типов погребений и свидетельствует о осуществлении у заманбабинцев двух параллельных способов сооружения могил⁵.

Катакомбные захоронения могильника Заманбаба состоят из погребальной камеры и входной ямы – прямоугольного в плане дромоса с прямыми стенками (рис. 1). Погребальная камера в большинстве случаев вытянута длинной осью по линии северо-восток – юго-запад или восток-запад. Дромос чаще расположен к югу или юго-востоку от камеры. В двух погребениях № 22 и № 24 он был одноступенчатым, а в погребении № 12 зафиксированы две ступеньки. Заполнение дромосов составляла рыхлая земля. В погребении № 12 вход в погребальную камеру был заложен четырьмя рядами глиняных комьев. Ямные захоронения представляли собой грунтовые ямы округлой, либо овальной формы. Дно ямных погребений в некоторых случаях имело чашеобразный вид. Большинство погребений могильника – одиночные. В шести погребениях № 1, 4, 5, 6, 7, 36 обнаружены парные захоронения (мужчина и женщина). Три по-

³ В данной статье рассматриваются возможные связи заманбабинской культуры с археологическими культурами степной зоны Евразии. Связи заманбабинцев с древнесреднеазиатскими культурами Средней Азии требуют специального исследования, поэтому в работе используются отдельные «земледельческие» признаки, имеющие принципиальное значение для датирования могильника Заманбаба.

⁴ К сожалению, авторы раскопок при описании катакомбных погребений не указали различия уровней отметок между дном камеры и основанием дромоса. В одном случае, при описании погребения № 36 было упомянуто, что дно камеры на 25 см ниже уровня основания дромоса (Гулямов, Исломов, Аскарлов 1966: 122).

⁵ Е. Е. Кузьмина также высказала сомнения в катакомбной однородности всех погребений могильника Заманбаба, отметив, что дно катакомбных погребений «всегда плоское и ровное», тогда как «дно ямных могил чашеобразно углублено» (Кузьмина 1968: 303).

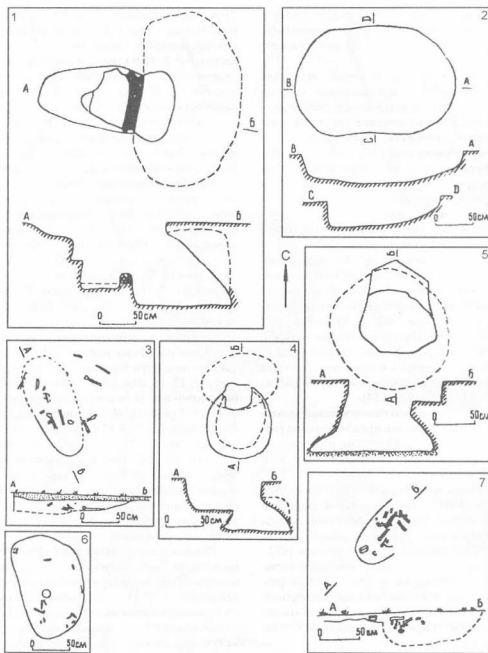

Рис. 1. Погребения могильника Заманбаба: 1 – № 12, 2 – № 15, 3 – № 43, 4 – № 24, 5 – № 22, 6 – № 8, 7 – № 44 (по Я. Г. Гулямову и др.).

Fig. 1. Burials of the cemetery of Zamanbaba: 1 – no. 12, 2 – no. 15, 3 – no. 43, 4 – no. 24, 5 – no. 22, 6 – no. 8, 7 – no. 44 (according to Ya. G. Gulyamov et al.).

гребения № 21, 35, 36 содержали коллективные захоронения (два взрослых и ребенок)⁶. Пол погребенных, вследствие сильной разрушенности скелетов, определялся только по погребальному инвентарю, антропологических исследований не проводилось. О положении скелетов в могилах достоверно можно судить по двум погребениям, где умершие находились *in situ*. В погребении № 1 лежали мужской и женский скелеты скорченно, на боку – мужчина на правом, женщины на левом – головой на восток. В погребении № 36

умерший лежал скорченно на левом боку, головой также на восток. В погребениях № 7, 12 и 27 на ориентировку погребенных на север и северо-восток указывало положение черепов и отдельных костей. Принцип размещения погребального инвентаря в могилах непонятен, вследствие плохой сохранности обрядовая структура потеряла свой первоначальный облик. Обломки сопроводительного инвентаря в большинстве случаев хаотично рассеяны по площади могил. Только в погребении № 36 он располагался у головы

⁶ Количество погребенных в могилах определялось по разрозненным костным останкам.

умершего⁷. В некоторых могилах присутствовали отдельные кости животных (астргалы и челюсть баяна), а также небольшое количество охры, угля, мела и сурьмы.

В состав инвентаря могил входят несколько десятков круглодонных и плоскодонных сосудов (рис. 2–3); *металлические изделия* – круглые медные зеркала без ручек, косметические лопаточки, лезвие ножа, крючок, серебряная трубочка (рис. 4: 1); *кремневые наконечники стрел листовидной формы* (рис. 4: 2), бусы и подвески разнообразных форм из различных пород камня (рис. 4: 3), а также обломки терракотовой статуэтки.

Сравнительный анализ.

1. Погребальные комплексы кельтеминарской культуры. Могильник Тумек-Кичиджик.

Материалы могильника Тумек-Кичиджик рассматриваются с целью верификации высказанного рядом исследователей предположения о возможных культурных связях кельтеминарцев с носителями культуры Заманбаба (Латынин 1958: 50; Кузьмина 1958: 33; Массон 1966: 208). После публикации материалов могильника Тумек-Кичиджик, идея об участии кельтеминарского населения в сложении культуры Заманбаба приобрела уже конкретные формы (Алэкшин 1986: 99; Алэкшин 1989: 154).

Погребальные комплексы неолитической кельтеминарской культуры известны, прежде всего, по раскопкам могильника Тумек-Кичиджик и отдельным часто плохо сохранившимся погребениям, обнаруженным на территории Южного Приаралья.

Могильник Тумек-Кичиджик находится на правом берегу нижнего течения Амуларья, в юго-западной части её древней Сарыкамышской дельты на территории Северного Туркменистана. Памятник исследовался в течение трех полевых сезонов 1972–1974 гг. Хорезмской экспедицией Института этнографии АН СССР (Виноградов и др. 1986: 7–78). Он располагался на холме естественного происхождения, в ходе раскопок которого среди разновременных погребений было обнаружено 26 захоронений кельтеминарской культуры.

По конструкции кельтеминарские сооружения можно разделить на два типа: 1) могила с прямыми или несколько наклоненными внутрь боковыми стенками; 2) могила с одним или двумя уступами (рис. 5: 1). Одно погребение определено исследователями как подбойное. Средние размеры могильных ям – 200 × 50 см, глубина колеблется в пределах от 20 до 150 см. Длинная ось большинства могил ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. Все погребенные, вне зависимости от пола и возраста, лежали на спине, головой на северо-восток и только в одном случае скелет ориентирован головой на восток. В состав погребального инвентаря входили сильно фрагментированные обломки лепных круглодонных сосудов (рис. 5:

2), разные каменные изделия (ножевидные пластины, отщепы и пр.) (рис. 5: 3), а также украшения из раковин, кости и клыков животных (бусы, пронизки, подвески) (рис. 5: 4). В некоторых могилах были найдены отдельные кости рыб и млекопитающих. Почти во всех погребениях было отмечено интенсивное использование охры (Виноградов и др. 1986: 11–57).

По замечанию автора раскопок А. В. Виноградова, отдельные категории вещей инвентаря могильника Тумек-Кичиджик находят аналогию в материалах ряда стоянок кельтеминарской культуры (в частности, стоянки Толстова), однако бедность и невыразительность сопроводительного инвентаря могильника позволяют датировать данный комплекс в широких хронологических границах конца V – конца IV тысячелетия до н. э. (Виноградов и др. 1986: 69).

Для сравнительного анализа погребального обряда могильника Тумек-Кичиджик из 26 обнаруженных погребений были отобраны только 22, так как 4 погребения № 7, 8, 14, 14А в силу плохой сохранности не информативны.

Обращает на себя внимание разная конструкция могил: десять из них имели прямые или несколько наклонные внутрь боковые стенки (погр. № 2, 4, 6, верх, 11, 13, 15, 20А, 25, 27, 28), одиннадцать могил были одно- или двухступенчатые с широкой уступом от 15 до 35 см (погр. № 1, 3, 6, низ, 9, 10, 16, 17, 18, 19, 23, 26), погребение № 12 представляло собой подбойное захоронение. Подобная разница в конструкции могил вряд ли случайна. Корреляция основных признаков могильника Тумек-Кичиджик, таких как размер могильной ямы, ее конструкция, состав инвентаря и принцип его размещения в могиле, позволяет выявить их четкую взаимосвязь в общей системе погребальной обрядности.

Наиболее тесно связанными элементами обряда могильника Тумек-Кичиджик являются конструкция могил и состав инвентаря. Глубина ям с уступом колеблется от 48 до 155 см (в среднем – 89 см), глубина ям с прямыми стенками от 20 до 107 см (в среднем – 58 см). Большинство находок инвентаря обнаружено в могилах с уступом, при этом преобладание выражается как в количестве однотипных вещей, так и в разнообразии категорий инвентаря. Например, из всего числа костяных бус – 803 бусины обнаружены в могилах с уступом и 391 в могилах с прямыми стенками; из костей животных – 18 костей найдены в могилах с уступом и только 1 кость в могиле с прямыми стенками и т. д. Другими словами, погребения с уступом имеют более богатый и разнообразный инвентарь, нежели остальные типы погребений. Из этого вытекает, что уступ в таких погребениях имел практическое применение, выполняя функцию ступеньки для спуска, необходимой при захоронении в глубокой могиле, когда умерший сопровождался богатым инвентарём. В некоторых могилах с уступом найдено

⁷ Обзор расположения обломков инвентаря на дне погребений показывает, что в большинстве случаев обломки лежат в северо-восточной части могил. Если принять во внимание, что нахождение обломков инвентаря в погребениях отражает его первоначальное положение (около головы покойника), то это косвенным образом указывает на ориентировку погребенных (преобладающее направление – восток и северо-восток).

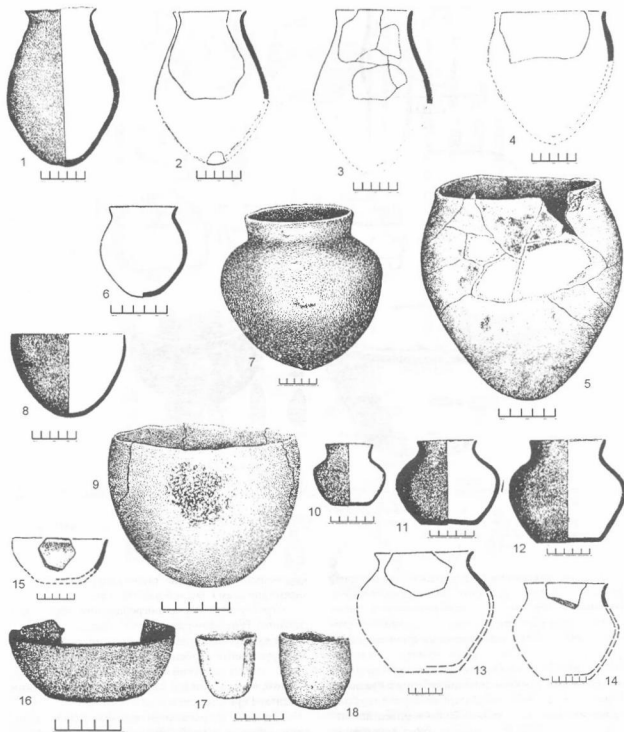

Рис. 2. Типы керамики могильника Заманбаба: 1, 2, 3 – № 1; 4, 5 – № 2; 6, 7 – № 3; 8, 9 – № 4; 10, 11, 12, 13, 14 – № 5, 15, 16 – № 6; 17, 18 – № 7 (по Я. Г. Гулямову и др.).

Fig. 2. Types of pottery from the cemetery of Zamanbaba: 1, 2, 3 – no. 1; 4, 5 – no. 2; 6, 7 – no. 3; 8, 9 – no. 4; 10, 11, 12, 13, 14 – no. 5; 15, 16 – no. 6; 17, 18 – no. 7 (according to Ya. G. Gulyamov et al.).

значительное количество (например, около 400 штук в погр. № 19 и около 500 штук в погр. № 26) разного типа бус из кости и раковин, связки которых располагались близ тазовых и бедренных костей покойника. Авторы раскопок считают, что бусы нашивались на одежду (Виноградов и др. 1986: 39, 50), однако воз-

можно, что связками бус покойника облачали уже после положения в могилу. В любом случае, нельзя исключать того, что характер инвентаря был известен заранее и, исходя из его состава и ритуальных действий над умершим, предусматривалась конструкция могильного сооружения.

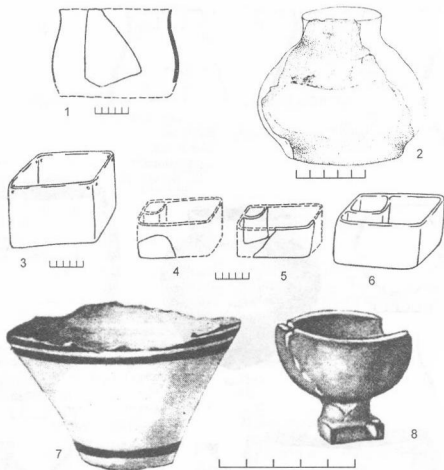

Рис. 3. Типы керамики могильника Заманбаба. 1 – № 9; 2 – № 10; 3 – № 11; 4, 5, 6 – № 12; 7, 8 – импортные сосуды (по Я. Г. Гулямову и др.).

Fig. 3. Types of pottery from the cemetery of Zamanbaba: 1 – no. 9; 2 – no. 10; 3 – no. 11; 4, 5, 6 – no. 12; 7, 8 – imported pottery (according to Ya. G. Gulyamov et al).

Данному заключению не противоречат материалы могил с прямыми стенками. Большая часть из них малоинвентарна, при этом часто инвентарь в погребениях находился в заполнении могилы, а не близ скелета. Только в трех ямах с прямыми стенками обнаружен сравнительно богатый набор инвентаря (погр. № 4, 6 верх, 13), их глубина составляет от 60 до 80 см. Обращают на себя внимание погребения с прямыми стенками № 11 и № 25. В первом случае глубина могильной ямы была только 20 см и инвентарь отсутствовал, во втором случае глубина погребения достигала 107 см и инвентарь состоял всего лишь из 10 предметов, найденных в заполнении могилы.

Особый интерес вызывает единственное подбойное погребение. Подбой, как и погребения с уступом, возможно, предназначался для легкого доступа к телу умершего после положения в могилу. Однако его инвентарь состоял всего из трех предметов, что сравнимо с малоинвентарными могилами с прямыми стенками, предполагая принадлежность погребения № 12 к их разновидности. Часть могил с прямыми стенками имела несколько наклонную внутрь плоскость одной из стен, создавая тем самым впечатление о подбойном характере могильной конструкции. Однако фун-

кциональное назначение таких сооружений равнозначно могилам с ровной линией стен.

Структурный анализ погребального обряда могильника Тумек-Кичиджик показывает, как в рамках одной культурной традиции могли видоизменяться конструктивные особенности могил в зависимости от ритуальных действий над умершим, которые, в основном, выражались в характере использования инвентаря при совершении захоронения.

Отличия в погребальном обряде носителей кельтеминарской и заманбабинской культур очевидны. Конструкция погребального сооружения и положение умершего в могиле у кельтеминарцев и заманбабинцев не имеют общих черт. Схожие признаки – северо-восточная ориентировка умерших и использование охры присущи большинству культур эпох энеолита и ранней бронзы степной зоны Евразии и их нельзя рассматривать как самостоятельные признаки вне общего контекста погребального обряда.

Отсутствуют близкие связи и в составе инвентаря – керамике и каменных изделиях. Наиболее массовый материал в заманбабинских погребениях – каменные наконечники стрел листовидной формы. Аналогичные изделия были широко распространены на земледель-

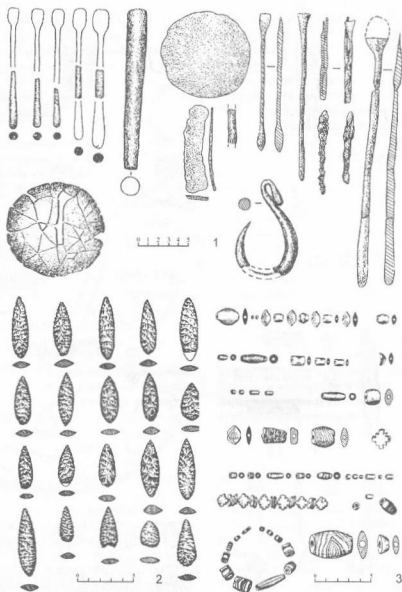

Рис. 4. Погребальный инвентарь могильника Заманбаба (по Я. Г. Гулямову и др.).

Fig. 4. Grave goods from the cemetery of Zamanbaba (according to Ya. G. Gulyamov et al).

ческих памятниках эпохи бронзы юга Средней Азии и Ирана. В кельтеминарских комплексах они встречаются очень редко, не типичны для кельтеминарской неолитической культуры и хронологически могут относиться уже к эпохе бронзы (Виноградов 1968: 43; Виноградов 1981: 99, 100). В то же время характерные для всего периода существования культуры каменные наконечники стрел так называемого «кельтеминарского типа» – пластинчатые, асимметричной формы, с боковой выемкой – не известны в заманбабинской культуре, хотя территория их распространения охватывала большую часть Средней Азии и Волго-Уральского междуречья (Виноградов 1979: 4, 5, рис. 1).

2. Погребальные комплексы степных культур эпохи бронзы.

В эпоху ранней бронзы основную часть степной зоны Евразии от Днепра до Урала занимали племена

ямной культурной общности, в рамках которой в настоящее время выделяется более десяти локальных вариантов. В процессе широкомасштабных миграций отдельные группы ямного населения проникали в весьма отдаленные районы: двигаясь в западном направлении, ямники достигли территории современной Венгрии; продвижение ямных племен на восток от основной территории обитания привело к возникновению афанасьевской культуры в Южной Сибири.

В географическом плане ближайшей к Средней Азии территорией расселения ямных племен в эпоху бронзы являлся регион волго-уральского междуречья. В его границах в настоящее время выделяются три локальных варианта ямной культуры – нижневолжский, средневолжский и приуральский, демонстрирующие некоторое своеобразие культурных признаков. Однако отличия в обряде и облике всех трех вариан-

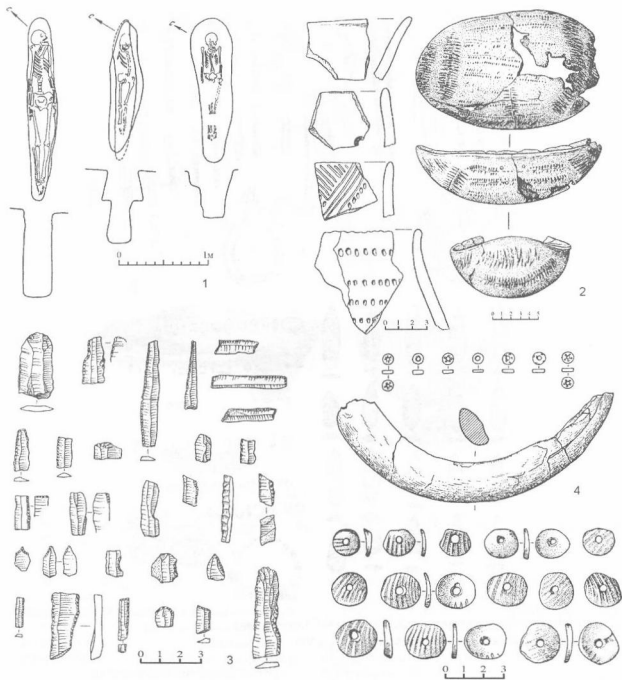

Рис. 5. Погребальные комплексы могильника Тумек-Кичиджик (по А. В. Виноградову и др.).

Fig. 5. Burial complexes of the Tumek-Kichidjik burial ground (according to A. V. Vinogradov et al.).

тов культуры столь несущественны, что позволяют объединять их в «волго-уральский вариант древнеямной культурно-исторической общности» (Мерперт 1974).

Погребальные комплексы волжско-уральского варианта ямной культуры характеризуются подкурганными захоронениями в могилах прямоугольной или овальной в плане формы. При сооружении могил применялись деревянные конструкции (столбы, настилы). Стены и полы ям укрывались растительными циновками и подстилками. Умершие лежат в могилах на спине с завалом на бок или скорченно, на правом

боку. В большинстве случаев преобладает северная, восточная или же северо-восточная ориентировка умерших. При захоронении интенсивно использовалась подсыпка из охры, угля и мела (Моргунова, Кравцов 1991; Турецкий 1992; Моргунова, Кравцов 1994; Моргунова 2002).

В эпоху средней бронзы ямная культурная общность постепенно сменяется катакомбной. Также как и в ямной культуре, в рамках катакомбной культурной общности выделяется несколько локальных вариантов. Первоначальной территорией формирования катакомбной культурной традиции, по всей видимос-

ти, являясь Нижнее Подонье. В дальнейшем круг культур с катакомбным обрядом погребения расширяется от Дуная до Волги, включая Северо-Западное Причерноморье, степное Поднепровье, Крым, Северо-Восточное Приазовье, Подонье, Прикубанье и Калмыкию. Всю степную зону Волго-Уральского междуречья в это время занимают племена полтавко-киевской культурной общности.

На развитых этапах существования катакомбной культуры погребальная площадка в большинстве случаев имела радиальную планировку, могилы располагались под курганом по окружности, с соблюдением определенного интервала, вследствие чего ориентировка умершего зависела от расположения сооружения в кургане (Братченко 1976: 16-19; Кияшко 1999: 16; Кияшко 2002: 67, 68). На ранних этапах катакомбной культуры планиграфическое размещение погребений в кургане и их ориентировка были не столь устойчивы (Фисенко 1970: 61; Погорелов 1989: 118), однако основные правила сочетания таких элементов обряда, как направление могильного сооружения, поза и ориентировка умерших в системе курганного захоронения в большинстве случаев всё же соблюдались (Кияшко 1999: 16, 17).

Одним из главных признаков, отличающим обряд могильника Заманбаба от погребальной практики ямной и катакомбной культур, является полное несоответствие планировочных систем захоронений. В могильнике Заманбаба погребения разбросаны по площади без какой-либо системы, при этом ориентировка погребений достаточно устойчивая: на восток, либо северо-восток – признак, характерный для погребений ямных племен волго-уральского региона (Фисенко 1970: 61; Моргунова, Кравцов 1991: 44). Хаотичное расположение погребений могильника Заманбаба можно рассматривать как признак отсутствия наземных сооружений – курганов, что также отличает комплексы могильника Заманбаба от погребений степных культур, где курган являлся обязательным элементом погребального обряда⁸.

По стратиграфическим наблюдениям в ямно-катакомбных курганных комплексах степной зоны Юго-Восточной Европы была составлена хронологическая цепочка развития типов погребений: а) обычная яма; б) яма с захлечиками; в) подбой; г) Т-образная катакомба; д) Н-образная катакомба (Братченко 1976: 20; Кияшко 1999: 17-37; Стёганцева 1999: 101, 102; Кияшко 2002: 71). Первый тип – обычная яма является наиболее распространенной формой погребального сооружения ямной культуры; второй тип – яма с захлечиками появляется на поздних этапах развития ямной общности и представляет собой уже синкретическую форму могильного сооружения; подбойное захоронение появляется впервые в ямной культуре и продолжает существовать позднее; Т-образная и Н-образная катакомбы отражают появление уже не-

посредственно катакомбного обряда погребения, при этом наиболее ранней является Т-образная катакомба (Кияшко 1999: 37). Точное определение конструкции катакомбных погребений могильника Заманбаба затруднительно, однако, судя по опубликованным иллюстрациям (Гулямов и др. 1966: табл. IV), погребение № 12 при желании можно характеризовать как Т-образную катакомбу, но погребения № 22 и № 24 более напоминают подбой с округлой камерой, нежели катакомбу (рис. 1: 1, 4, 5).

Противопоставление мужского и женского трупоположения в заманбабинских могилах – мужчина лежит на правом боку, а женщина на левом – очень редко встречается в степных культурах эпохи бронзы Евразии, в которых, в основном, отмечаются односторонние захоронения (на правом, либо левом боку), в том числе и в коллективных погребениях (Мельник 1991: 55-68). Этот признак более характерен для земледельческих культур эпохи бронзы юга Средней Азии и появление его в могильнике Заманбаба следует рассматривать как культурное влияние со стороны последних.

В числе немногочисленных костей животных, найденных в погребениях могильника Заманбаба, имеются челюсть барана и несколько астрагалов. Традиция положения в могилу отдельной челюсти барана (или овцы) довольно часто встречается в погребальном обряде ямной культуры (Моргунова, Кравцов 1991: 44).

Керамический комплекс могильника Заманбаба специально рассматривался в двух работах Е. Е. Кузьминой (Кузьмина 1958: 25-28; Кузьмина 1968: 304), в сводной монографии авторов раскопок (Гулямов и др. 1966: 141-150) и в более поздней статье А. А. Аскарова (Аскаров 1981: 105, 106). Статистические данные о керамике могильника, используемые в данной работе, взяты из указанных публикаций. С учетом того, что ямные и катакомбные погребения Заманбабы относятся к одной обрядовой группе, при сравнительном анализе будет рассматриваться весь комплекс керамики могильника.

Керамический комплекс могильника насчитывает 44 сосуда, из которых 42 составляют основной, так сказать, заманбабинский тип керамики, и 2 фрагмента сосудов земледельческого происхождения. Большая часть сосудов целиком не сохранилась. Вся керамика изготовлена способом ручной лепки и только два сосуда сделаны на ручном круге⁹.

Большинство сосудов имеют равномерный обжиг, в изломе черепки розового или желтого цвета, поверхность зеленоватого или желтоватого оттенка. Часть яйцевидных и круглодонных сосудов характеризуется более грубой фактурой и неравномерным обжигом. На внешней и внутренней поверхностях некоторых сосудов видны следы горизонтального заглаживания в виде «гребенки».

⁸ В данном случае следует учитывать полную развешенность верхних слоев могильника.

⁹ Предположение о гончарном изготовлении некоторых сосудов основного комплекса керамики могильника Заманбаба было сделано, по словам Е. Е. Кузьминой «лишь на основании визуального анализа», и требует лабораторного подтверждения (Кузьмина 1968: 303).

В основном комплексе керамики могильника Заманбаба можно выделить три группы посуды: 1) кухонную (для приготовления пищи); 2) столовую (для приема пищи или её хранения); 3) культового назначения, куда входят прямоугольные курильницы или светильники, представляющие собой ёмкость для возжигания огня в ритуальных или практических целях. Четвертую группу составляют 2 фрагмента гончарных сосудов земледельческого типа. Первый фрагмент представляет нижней половиной биконического сосуда, изготовленного из хорошо промытого, без примесей теста белого цвета. На наружной его поверхности тёмно-коричневой краской нанесены три горизонтальные полосы под линией разлома и одна — у дна. На дощечке присутствует знак V (рис. 3: 7). Второй фрагмент — нижняя часть сероглиняного, лощеного до блеска сосуда с поддоном (рис. 3: 8). Отдельно от посуды бытового назначения рассматривается группа плоскостенных прямоугольных сосудов с полукруглым или квадратным отсеком в одном из углов. Е. Е. Кузьмина и Б. Н. Латынин относят их к курильницам (Кузьмина 1958: 28; Латынин 1958: 50), а авторы раскопок называют «кормушками» (Гулямов и др. 1966: 122, 124). В керамике всех групп выделено 11 типов сосудов¹⁰. Вследствие того, что она не орнаментирована, для сравнительного анализа будет использоваться в основном форма сосудов¹¹.

Группа 1. Яйцевидная и круглодонная посуда бытового использования.

К этой группе керамики относятся четыре типа, составляющие категорию кухонной посуды для приготовления пищи, характеризующейся наличием нагара на стенках сосудов.

Тип 1. Яйцевидные сосуды с вытянутой шейкой, небольшой горловиной и отогнутым венчиком — 3 экз. (рис. 2: 1, 2, 3). Два сосуда найдены в катакомбных могилах, один — в ямной.

а) не учтен;

б) оба этапа кельтеминарской культуры (Гулямов и др. 1966: 144).

Тип 2. Яйцевидные сосуды с невысокой шейкой, широкой горловиной и немного отогнутым наружу венчиком — 3 экз. (рис. 2: 4, 5), край которого округлый или горизонтально срезан. Один сосуд найден в катакомбной могиле, два — в ямных погребениях.

а) 4, 3 и 2 слой пещеры Джебел; второй этап кельтеминарской культуры; ямная культура; полтавкинская культура; афанасьевская культура (Кузьмина 1958: 25);

б) 4, 3 и 2 слой пещеры Джебел; поздний этап кельтеминарской культуры; ямная культура; афанасьевская культура (Гулямов и др. 1966: 144).

Тип 3. Круглодонные сосуды с небольшой шейкой, отогнутым венчиком и шаровидным туловом —

4 экз. (рис. 2: 6, 7). Три сосуда найдены в катакомбных могилах, один — в ямной.

а) культуры бронзового века Юго-Восточной Европы; катакомбная культура (Кузьмина 1958: 26);

б) культуры бронзового века Юго-Восточной Европы; поздний этап кельтеминарской культуры; северный холм Анау (Гулямов и др. 1966: 145).

Тип 4. Круглодонные полусферические сосуды с прямым горлом — 2 экз. (рис. 2: 8, 9). Один сосуд найден в катакомбной могиле, второй — в ямной.

а) 4, 3 и 2 слой пещеры Джебел; второй этап кельтеминарской культуры; ямная культура; полтавкинская культура; афанасьевская культура (Кузьмина 1958: 25);

б) поселение Намазга-дене; поселение Кара-дене; поселение Шах-тепе; поздний этап кельтеминарской культуры (Гулямов и др. 1966: 144).

Яйцевидная и круглодонная форма сосудов была широко распространена в степной зоне в эпоху неолита и раннего бронзового века. Керамика такого типа очень часто встречается в погребениях ямно-катакомбного времени, обряд которых сочетает в себе ямные и катакомбные традиции захоронения (Погорелов 1989: рис. 4: 5; рис. 7: 1; Кияшко 1999: 65-67). Это связано с керамической традицией ямной культуры, в которой яйцевидная и круглодонная посуда занимает основное место. На развитых и, особенно, на поздних этапах существования катакомбной общности, данные формы сосудов почти не встречаются.

В керамике ямной культуры обнаруживается практически полное сходство трём, из четырех представленных, типам посуды могильника Заманбаба — это сосуды 2 типа (рис. 6: 1), 3 типа (рис. 6: 2), и 4 типа (рис. 6: 3). Следует отметить, что близкое сходство сосудов данных типов с керамикой ямной культуры прослеживается не только по формам, но и по наличию следов заглаживания в виде «требенки» внешней и внутренней их сторон. Отсутствие орнаментации на заманбабинской керамике также сближает её с ямной, где процент неорнаментированной посуды был достаточно высок (Турецкий 1988: 82). Сосуды 1 типа из могильника Заманбаба не имеют очень близких аналогов ни в ямной керамике, ни, тем более, в керамике катакомбной культуры.

Составляющие группы кухонной посуды круглодонные и яйцевидные сосуды могильника Заманбаба имели следы нагара на внешней поверхности стенок. На плоскостенной посуде видимых следов нагара не обнаружено, что неслучайно. Приготовление пищи в яйцевидной посуде производилось на специально устроенных очагах, вырытых в земле, чтобы сосуд располагался в устойчивом положении. Следовательно, форма сосуда обуславливает тип очага. На поселении Заманбаба обнаружен один из таких очагов,

¹⁰ В работе Е. Е. Кузьминой (Кузьмина 1958: 25) учитываются всего шесть типов керамики, что связано с неполной изученностью памятника на тот момент времени. В монографии авторов раскопок выделены уже двенадцать типов керамики плюс две неопределённые формы (всего 42 сосуда) (Гулямов, Исламов, Аскарор 1966: 143). Однако некоторые сосуды керамического комплекса столь сильно фрагментированы, что нет никакой возможности достоверно определить их форму, то есть в данном случае выделить их в отдельный тип или отнести к конкретному выделенному типу. Поэтому в работе учитываются одиннадцать типов сосудов основного комплекса керамики могильника Заманбаба (всего 37 сосудов).

¹¹ Литерами а) и б) маркируются аналогии типам керамики, указанным в работе Е. Е. Кузьминой 1958 года (а) и в своей монографии авторов раскопок 1966 года (б).

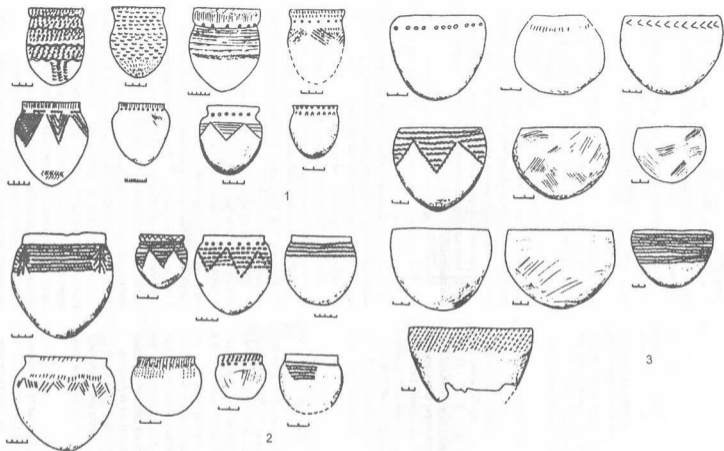

Рис. 6. Основные типы керамики ямной культуры Волго-Уральского междуречья (по М. А. Турецкому).

Fig. 6. The major types of pottery of the Yamnaya culture from the Volga-Ural region (according to M. A. Turetskij).

диаметром 52 см и глубиной 22 см, со стенками, обмазанными изнутри глиной (Гулямов и др. 1966: 139). Подобный тип костровых очагов имеет весьма архаичное (неолитическое) происхождение. Они не известны на поселениях Средней Азии эпохи бронзы. Аналогии им представлены на стоянках степных культур, в первую очередь ямной и афанасьевской культуры Южной Сибири (Комплекс археологических памятников ... : 25, 26, рис. 15: 1, 2). В степной зоне использование подобных очагов заканчивается вместе с исчезновением круглодонной керамики, угасанием ямных и формированием катакомбных традиций. Таким образом, посуда яйцевидной и круглодонной формы могильника Заманбаба позволяет синхронизировать данный памятник с ямной культурной традицией, при этом верхняя дата могильника, по всей видимости, не должна превышать границ конца ямного — начала катакомбного времени.

Группа II. Плоскодонная посуда бытового использования.

В этой группе выделено пять типов керамики, отнесенной к столовой посуде.

Тип 5. Плоскодонные горшки с небольшой шейкой, отогнутым венчиком и раздутыми боками, один из них сделан на круге — 5 экз. (рис. 2: 10–14). Все пять сосудов найдены в катакомбных могилах.

а) древнеземледельческие культуры юга Средней Азии (типа Намазга IV, Анау III) (Кузьмина 1958: 26);

б) катакомбная культура; поздний слой Намазга IV; чистая культура (Гулямов и др. 1966: 146).

Тип 6. Плоскодонные сосуды-зашки — 2 экз. (рис. 2: 15, 16). Один сосуд найден в катакомбной могиле, второй — в ямной.

а) не учтен;

б) посуда времени Намазга VI (Гулямов и др. 1966: 145).

Сосуды данных типов имеют весьма широкий круг аналогий в различных археологических культурах и степной зоны, и Средней Азии, поэтому их нельзя использовать как культурный признак и рассматривать в качестве хронологического индикатора, особенно при полном отсутствии орнамента. Следует все же отметить, что сосуды 5 типа в могильнике Заманбаба найдены пока только в катакомбных потребниках. Изготовление одного из сосудов с помощью ручного круга указывает на местное среднеазиатское происхождение данного типа керамики.

Тип 7. Плоскодонные узкие небольшие цилиндрические сосуды (стаканы) с немного расширенной верхней частью — 3 экз. (рис. 2: 17, 18). Все три сосуда найдены в ямных могилах.

а) не учтен;

б) поселение Шах-тепе IIA; Гиссар IIIС; южный холм Анау III (Гулямов и др. 1966: 147).

В качестве степной аналогии данному типу можно указать сосуд из кургана № 13 группы Эжи-Таш ямной культуры (Башкирия) (Мерперт 1974: 97, рис. 18: 2). В керамике катакомбной общности подобные сосуды-«стаканы» не встречаются.

Тип 8. Плоскодонные цилиндрические сосуды со слабо изогнутым профилем стенок, слегка расширя-

ющиеся в верхней части. Два сосуда летние, со сквозными отверстиями под венчиком. Один сосуд сделан на ручном круге, без отверстий — 2 экз. (рис. 3: 1). Первый сосуд найден в ямной могиле, второй — в катакомбной.

а) XI ярус Намазга-депе; керамика Анау III; комплекс Шах-тепе II и III; Гиссар IIIВ и IIIС (Кузьмина 1958: 27);

б) XI ярус Намазга-депе; керамика Анау III; комплекс Шах-тепе IIA; Гиссар IIIВ и IIIС; Тахирбай 3 (Гулямов и др. 1966: 143).

Тип 9. Плоскодонный сосуд с прямым узким горлом, сильно раздутым туловом и выделенной линией дна — 1 экз. (рис. 3: 2). Найден в ямной могиле.

а) не учтен;

б) южный холм Анау; комплекс Гиссар IIIА (Гулямов и др. 1966: 148).

В керамике степных культур эпохи бронзы аналогичные типы сосудов неизвестны. Безусловно, что эти керамические формы местного происхождения и аналогии им следует искать в керамике земледельческих культур Средней Азии. На это указывает, в частности, гончарное изготовление одного из сосудов.

Группа III. Керамика культового назначения.

К этой категории относятся два типа керамических изделий.

Тип 10. Плоскодонный, почти квадратный сосуд со слегка округленными углами. В верхней части углов расположены по два небольших круглых отверстия для подвешивания. Дно сосуда несколько шире горловой части. Внутренние стенки содержат следы нагара, внешняя сторона без нагара — 1 экз. (рис. 3: 3). Найден в катакомбной могиле.

Тип 11. Плоскодонные прямоугольные сосуды с полукруглым или квадратным отсеком в одном из углов. Верхняя часть сосудов несколько шире дна — 11 экз. (рис. 3: 4, 5, 6). Пять сосудов найдены в катакомбных могилах, шесть — в ямных.

Данные типы керамических изделий представляют наибольший интерес. Е. Е. Кузьмина, Б. Н. Латынин и авторы раскопок не находят им прямых аналогий, сопоставляя эти изделия с широко распространенными в степной зоне курильницами афанасьевской и катакомбной культур. Е. Е. Кузьмина не разделяет функциональное назначение рассматриваемых типов, предполагая, что данные сосуды представляют собой светильники или курильницы с отделениями для благовоний. Присутствие их в могильнике Заманбаба свидетельствует о существовании у заманбабинцев культа огня (Кузьмина 1958: 28). Авторы раскопок определяют сосуды 10 типа как курильницы, а сосуда 11 типа называют «кормушками для птиц», предположив, что заманбабинцы представляли душу покойника в облике птицы, периодически прилетающей на могилу отведать пищи. Этим объясняется присутствие данных сосудов в потребниках могильника Заманбаба (Гулямов и др. 1966: 148, 142; Аскаров 1981: 105). В степной зоне прямых аналогий подобным формам нет, однако в работах исследователей ясно выражено их функциональное отождествление с курильницами катакомбной общности.

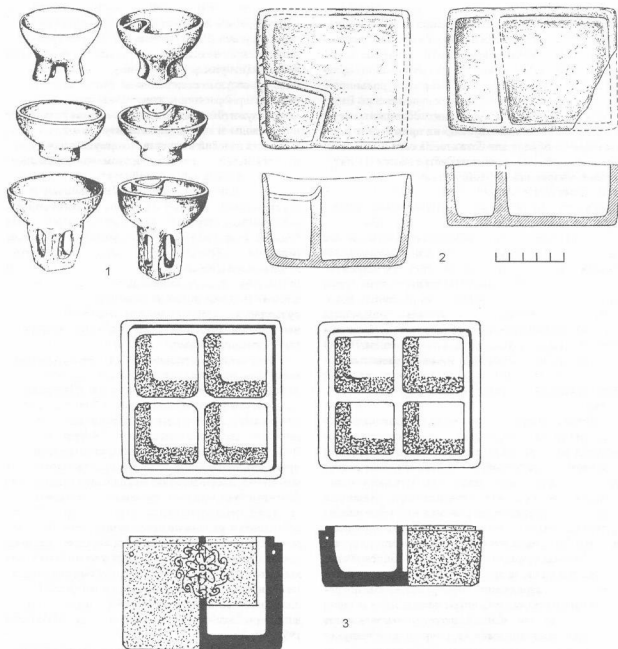

Рис. 7. Предполагаемые аналогии сосудам 11 типа могильника Заманбаба. 1 – курильницы катакомбной культуры (по В. Г. Егорову), 2 – «кормушки» из Северного Афганистана (по В. И. Сарияниди), 3 – «шкатулки» из Восточного Ирана (по А. Хакеми).

Fig. 7. Supposed parallels to vessels of type 11 from the cemetery of Zamanbaba. 1 – censers of the Catacomb culture type (according to V. G. Egorov), 2 – «mangers» from northern Afghanistan (according to V. I. Sarianidy), 3 – «caskets» from Eastern Iran (according to A. Hakemi).

Курильницы катакомбной культуры на протяжении многих лет привлекают пристальное внимание археологов (Попова 1957; Иерусалимская 1957; Клейн 1962; Клейн 1968; Егоров 1970). Наиболее аргументировано их происхождение доказывает Л. С. Клейн, привлекая большое количество материалов, главным образом с территории Подунавья и Балкан. Сложная цепочка типологического развития сосудов с перегородкой, сосудов на ножках, алтарей и пр. заканчивается катакомбными курильницами (Клейн 1968).

В настоящее время насчитывается более десятка их различных видов, однако данный тип керамических изделий имеет однообразную форму – полусферическая чаша на подставке. Различия заключаются только в частных деталях – форма подставки (ножка или поддон), наличие или отсутствие отделения и пр. (рис. 7: 1).

Проблема происхождения катакомбных курильниц выходит за рамки данной работы. Важно, однако, обратить внимание на специфику их функциональ-

ного применения в культурной среде катакомбного населения. Во-первых, курильница в катакомбных культурах – неперемнная принадлежность погребального обряда, присутствие которой в могиле обязательно. На поселенческих комплексах курильницы практически не встречаются¹². Во-вторых, курильница – ритуальный предмет, связанный с культом огня. Внутренняя поверхность курильниц содержит следы нагара, что свидетельствует об их применении в погребальном обряде для возжигания огня. Очень часто в катакомбных погребениях встречаются так называемые «жаровни» – обломки керамических сосудов со следами горения на внутренних стенках, вероятно, функционально заменявшие собой курильницы. Следовательно, погребальный обряд катакомбного населения степной зоны включал в себя обязательное присутствие в могиле керамической ёмкости, предназначенной для ритуального действия, выраженного либо в возжигании огня (культ огня), либо в сжигании неизвестных нам веществ (окуривания). Взаимозаменяемость курильниц и жаровен в катакомбных погребениях подтверждает предположение об использовании их для ритуальных действий с огнём. В-третьих, курильница появляется только на развитых этапах катакомбных культур и полностью отсутствует в самой ранней из них – донецкой (Клейн 1962: 132; Клейн 1968: 14).

Исходя из этого, можно выявить различия в использовании рассматриваемых типов сосудов в погребальном обряде могильника Заманбаба. «Курильницы» могильника Заманбаба (тип 11) не имеют следов нагара на внутренних стенках, свидетельствующих о том, что их использовали в ритуалах, связанных с огнём. Более того, в погребении № 24 Заманбабы такая «курильница» обнаружена вместе с курильницей (тип 10), имевшей все признаки возжигания огня¹³. Погребальная принадлежность заманбабинской «курильницы» не столь ярко выражена, так как, помимо двенадцати «курильниц», обнаруженных в погребениях могильника, семь «курильниц» было найдено на поселении Заманбаба. Следует учитывать и тот факт, что заманбабинские «курильницы» обнаружены в одном комплексе с яйцевидной и крулодонной керамикой, время бытования которой приходится на раннее, а не классическое время развития катакомбной культурной общности.

Таким образом, у нас нет убедительных данных для определения керамических изделий 11 типа могильника Заманбаба в качестве возможной производной формы курильниц катакомбной культурной общности. Типологически их сближает только одинаковое устройство – выделение с помощью перегородки маленького отделения во внутреннем пространстве сосуда. У курильниц катакомбной общности форма этого отделения всегда круглая, обустроенная сферической формой чаши. У заман-

бабинских прямоугольных сосудов полукруглое или квадратной формы отделение прикреплялось к одному из углов. В катакомбных курильницах эти отделения предназначены для возжигания каких-то веществ (например, благовоний), тогда как заманбабинские сосуды совершенно не имеют следов горения. Авторы раскопок, считая, что данные сосуды могли служить ёмкостью для размещения ритуальной пищи (воды и пр.) и характеризуя эти типы керамических изделий в качестве «кормушек для души – птицы», исходят, главным образом, из современных этнографических наблюдений.

Ближайшие аналоги (рис. 7: 2) данным типам керамических изделий известны из катакомбных могильников, открытых В. И. Сариниди в Фарукабадском и других оазисах Северного Афганистана (Сариниди 1979: 26, 27). Они происходят из ограбленных могил, не изучавшихся археологами, что затрудняет их использование как надёжного датировочного источника, позволяя лишь наметить линию культурных связей между практически неизвестной нам группой древнего населения северного Афганистана и заманбабинцами.

За пределами Средней Азии более далёкие аналоги данным типам керамических сосудов можно найти в Восточном Иране в могильнике Шахлад, расположенном в Керманском оазисе, в 5 км к востоку от города Шахлад. Могильник датируется в пределах конца IV – середины II тыс. до н. э. (Hakemi 1997: 75). В числе изделий из камня, составлявших значительную часть погребального инвентаря, имеются очень похожие на заманбабинские «курильницы-кормушки» каменные (хлоритовые) ящички квадратной и прямоугольной формы с внутренними отделениями и крышечкой, иногда украшенные сложной резной гравировкой (рис. 7: 3). К сожалению, характер раскопок могильника Шахлад не позволяет уточнить из каких захоронений – мужских или женских они происходят. По хронологической шкале памятника данные изделия относятся к периоду Такаб IV₁ (2700–2450 гг. до н. э.) и Такаб III₂ (2450–2200 гг. до н. э.) (Hakemi 1997: 77–79).

Судя по внешнему виду, данные изделия могли использоваться в качестве одной из принадлежностей женского туалета, либо кухонной утвари (например, сосуды для хранения различных видов специй). В могильнике Шахлад некоторые «шкатулки» представляют собой высокохудожественные произведения, однако большая их часть достаточно просто обработана. Характерно, что среди этого комплекса изделий присутствуют несколько сделанных вручную глиняных сосудов, что свидетельствует о подражании каменным формам. Аналогичные керамические подражания известны также в Пакистане, в комплексах, датированных второй половиной III тыс. до н. э. (Duttani 1988: 120, 165, рис. 17: 1).

¹² Необходимо, однако, учитывать, что поселенческих комплексов катакомбной общности исследовано очень мало.

¹³ Вполне возможно, что данный сосуд также нельзя определять в качестве курильницы, аналогичной по своей функциональному назначению катакомбной курильнице. Найдена она была в единственном числе, маленькое отверстие в её углах для подвешивания говорит об утилитарном (бытовом) использовании этого керамического изделия (например, в качестве светильника).

Вполне вероятно, что каменные «шкатулки», являвшиеся предметами роскоши у племен Восточного Ирана эпохи бронзы, могли быть прототипами глиняных «курильниц-кормушек» для населения Северного Афганистана, откуда они попали к заманбабцам.

Сравнительный анализ керамики могильника Заманбаба с керамикой ямной и катакомбной культур бронзового века показывает весьма слабую связь между ними. Достаточно близкие аналогии с катакомбной керамикой имеют только сосуды 5 и 6 типа, однако данные формы не атрибутивны, их культурная и хронологическая принадлежность слишком широка. Сосуды 7, 8, и 9 типов не находят каких-либо аналогий в керамике катакомбной общности и, видимо, имеют иное происхождение. Сосуды 1, 2, 3 и 4 типа представляют собой наиболее архаичные формы керамики. Наибольшее число близких аналогий они находят в керамике ямной культуры. Сосуды 11 типа, вероятно, местного происхождения и их нельзя связывать функционально с курильницами катакомбной культурной общности, так как их использование в погребальном обряде различно.

Группа IV. Керамика земледельческого типа.

В эту группу включены два вышеупомянутых фрагмента гончарных импортных сосудов, происхождение которых связано с земледельческими культурами юга Средней Азии.

Аналогии первому сосуду (рис. 3: 7) исследователи находили в керамике южных земледельческих культур эпохи Намазга IV. Е. Е. Кузьмина считает, что «этот сосуд был привезен из какого-то пункта Южного Туркменистана, где в конце стадии Намазга IV получила распространение роспись тёмно-коричневой краской по светлому фону» (Кузьмина 1958: 27).

Фрагмент сероглиняного сосуда с поддоном (рис. 3: 8), по заключению Е. Е. Кузьминой, аналогичен сосудам такого типа, представленным как в комплексах времени Намазга IV, так и в комплексах Намазга VI, а также во II и III слоях Тепе-Гиссар и Шах-Тепе (Кузьмина 1958: 27).

Авторы публикации раскопок полностью повторяют выводы Е. Е. Кузьминой (Гулямов и др. 1966: 142). Однако позднее А. А. Аскаров пришел к заключению, что фрагмент нижней половины биконического сосуда с росписью «относится не ко времени Намазга IV, а, скорее всего, происходил из неизвестного нам памятника типа Сараз, где был найден точно такой же биконический сосуд с росписью». Этот сосуд «по рассказу А. Исхакова, найден в культурном слое поселения Сараз, который датируется периодом не ранее юнца II тыс. до н. э.». Второй сосуд характеризуется как «миниатюрный сероглиняный бокал на высокой ножке», близкие аналогии которому имеются в керамике культуры Сапалли (Аскаров 1981: 105).

Принадлежность этих сосудов к древнеземледельческому керамическому традициям беспорна при разных возможностях их атрибуции. Поиск аналогий сероглиняному сосуду на поддоне вызывает некото-

рые трудности. Точных аналогий данной керамической форме в Средней Азии и смежных с ней регионах нам пока неизвестно.

Второй сосуд — один из наиболее информативных предметов погребального инвентаря могильника Заманбаба. По форме, фактуре и орнаментации он находит близкие аналогии среди достаточно многочисленных остроберберных биконических сосудов зеленоватого-белого фона с красной росписью в памятниках времени Намазга IV на юге Туркменистана (Щетенко 1964: 57, рис. 14: 6, 7; Сарияниди 1976: 89, рис. 2: 14, 16, рис. 3: 4-7, 9, 10, рис. 4: 1, 2, 15; Станкевич 1978: 23, рис. 20: 76А, 77В, 77С). По заключению специалистов, такая керамика более характерна для южных и юго-западных районов обитания земледельческих племен эпохи Намазга IV (Намазга-депе, Анау), нежели для юго-восточных (Улуг-депе, Халуз-депе, Алтын-депе). В южных районах Туркменистана изготовление керамики из теста зеленоватого-белого цвета начинается в начале эпохи Намазга IV и преобладает во второй половине этого периода. В юго-восточном ареале древнеземледельческой культуры более распространена посуда из теста красно-коричневых тонов, а зеленоватое тесто появилось только в середине периода Намазга IV и не столь широко применялось, как в южных районах (Сарияниди 1976: 89, 90; Станкевич 1978: 23). К сожалению, недостаточная степень изученности керамики эпохи Намазга IV из памятников подгорной полосы Копетдага (Намазга-депе, Анау) и отсутствие детальных публикаций результатов раскопок затрудняют определение стратиграфического места данного типа в слоях времени Намазга IV. Есть наблюдения, что на древнеземледельческом поселении Алтын-депе данный тип керамических посуды встречается редко и стратиграфически тяготеет к верхним слоям эпохи Намазга IV (Кирчо А-1980: 51)¹⁴.

Общие выводы.

Проведенный анализ позволяет выявить в материалах могильника Заманбаба набор признаков, которые могут служить основой для корректировки существующих представлений о происхождении, культурных связях и датировке данного археологического комплекса.

В погребальном обряде могильника Заманбаба в значительной степени преобладают традиции ямной культурной общности эпохи ранней бронзы Евразии. Такие элементы, как восточная и северо-восточная ориентировка умерших, подсыпка из охры и мела, яйцевидные и круглодонные формы керамики, расположение инвентаря у головы умершего имеют степное происхождение и генетически связывают этот памятник с ямной культурной традицией Юго-Восточной Европы, в частности с культурами ямного типа Волго-Уральского междуречья. Присутствие в комплексах заманбабинской культуры каких-либо элементов степной катакомбной культурной традиции не находит подтверждений в материалах могильника Заманбаба. По сути дела, единственный признак —

¹⁴ Выражаю искреннюю признательность к. и. н. Л. Е. Кирчо за консультацию по данному вопросу.

сам факт совершения некоторых захоронений в могилах катакомбной конструкции. Однако отсутствие других явных признаков в погребальной обрядности не позволяет однозначно рассматривать катакомбные захоронения могильника Заманбаба в одном русле с погребальными традициями катакомбной культурной общности степной зоны. В связи с этим, заключение о том, что в сложении культуры Заманбаба приняли участия племена катакомбной культуры требует дополнительных доказательств, хотя нельзя и полностью исключить этот факт, учитывая очень слабую изученность вопроса о происхождении катакомбного обряда погребения в Средней Азии. Данный вопрос неразрывно связан с целым рядом наиболее актуальных и наименее решенных проблем археологии бронзового века Евразии – проблемой генетических истоков катакомбного обряда погребения и формирования в степной зоне Евразии блока культур с катакомбным обрядом погребения, их культурного и хронологического соотношения с населением ямной культурной общности.

Существенные различия в погребальном обряде кельтеминарцев и заманбабинцев показывают, что, если и были какие-то включения кельтеминарского населения в культуру Заманбаба, то этот процесс никак не отразился в погребальном обряде последних.

Формирование культуры Заманбаба происходило на синкретической основе двух культурных традиций: пришедшей – степной, носившей ямный облик, и местной среднеазиатской. Конкретное отождествление среднеазиатской традиции с какой-либо из земледельческих культур крайне затруднительно из-за недостатка фактического материала. Связь заманбабинцев с земледельческими культурами очевидна, так как в погребениях могильника Заманбаба присутствуют вещи, характерные для земледельческих культур: каменные бусы, подвески, медные зеркала и лопаточки, терракотовая статуэтка, а также два фрагмента от гончарных сосудов, один из которых имеет полнейшие аналоги в керамике древнеземледельческих памятников южной Туркмении эпохи Намазга IV. Большое число так называемых «жормушек» в керамическом комплексе могильника Заманбаба позволяет провести линию культурных связей между носителями культуры Заманбаба и одной из групп древнего населения Северного Афганистана, памятники которой археологи еще не изучены. В Средней Азии и степной зоне Евразии подобные типы керамических изделий неизвестны. Отождествление их с курильницами катакомбной культуры по ряду признаков едва ли допустимо.

Хронология.

Основанием для датировки культуры Заманбаба могут служить как вещи степного типа, так и отдельные предметы земледельческого облика. Состав инвентаря, типы керамики, ориентировка погребенных и другие особенности погребального обряда могильника Заманбаба генетически связывают данный комплекс с ямной культурной традицией эпохи ранней бронзы степной зоны Евразии. Наличие в могильнике погребений катакомбного типа позволяет хронологически отнести этот памятник к позднеямному-

раннекатакомбному времени. Основным источником для синхронизации комплексов могильника Заманбаба с земледельческой шкалой хронологии является находка фрагмента гончарного сосуда, относящегося к эпохе позднего Намазга IV и найденного вместе с яйцевидным сосудом в одном из погребений.

Хронологическая шкала ямной и катакомбной культур эпохи бронзы в настоящее время разработана еще недостаточно полно, что обусловлено огромной территорией расселения степных племен и многочисленностью локальных культурных вариантов.

Общий период финала ямной и начала сменяющей её катакомбной культуры начитывается примерно 500 лет. Наиболее спорным является вопрос о времени исчезновения ямной культуры и появления культуры с катакомбным обрядом погребения. В последнее время утвердилась точка зрения, что данный процесс носил диахронный характер на различных территориях, обусловленный региональной спецификой развития ямных и катакомбных культурных традиций.

По традиционной хронологии и шкале некалиброванных дат поздней ямной – раннекатакомбный период на широкой территории от Калмыкии до Северо-Западного Причерноморья датируется концом III – началом II тыс. до н. э. (Фисенко 1970: 65; Погорелов 1989: 123; Берестев 2001: 42–48) или в пределах третьей четверти III тыс. до н. э. (Шишлина 1992: 73, 75; Субботин 2000: 364, 375). А. В. Княшко на основе анализа погребального обряда датировал появление смешанных ямно-катакомбных комплексов на территории Нижнего Подонья финалом третьей четверти III тыс. до н. э. – началом последней четверти III тыс. до н. э. (Княшко 1999: 176).

Исходя из результатов радиоуглеродных анализов, полученных за последнее десятилетие, одни исследователи относят конец ямного и начало катакомбного времени к середине III тыс. до н. э. (Телегин 1993: 72; Кузнецов 1996: 56, 58), другие определяют этот хронологический рубеж в рамках первой половины III тыс. до н. э. (Шишлина, Александровский, Плихт, Чичагова 1999: 15, 16). Группа исследователей во главе с Е. Н. Черных датирует время существования ямной общности в пределах 2950–2200 гг. до н. э. (Черных, Орловская 2004а; 93), а катакомбной 2600–1950 гг. до н. э. (Черных, Орловская 2004б: 18), предлагая отнести переход от раннего бронзового века к среднему к XXVII–XXVI вв. до н. э. (Черных, Авилова, Орловская 2000: 21). Близкой точки зрения придерживается и В. А. Трифонов, пришедший к выводу, что период сосуществования позднеямных и раннекатакомбных культурных традиций в степной зоне приходится на 2700–2500 гг. до н. э. (Трифонов 2001: 79). Таким образом, исходя из калиброванных радиоуглеродных датировок, хронологические рамки существования ямной культурной общности укладываются в пределах первой половины III тыс. до н. э., а катакомбной культуры – второй половины III тыс. до н. э. Однако указанные датировки справедливы только для одной из наиболее ранних ямно-катакомбных контактных зон (Нижнее и Среднее Подонье, Прикубанье). На периферийных по отношению к этому региону террито-

риях Нижнего и Среднего Поволжья, а также Южного Приуралья развитие племен ямной культуры продолжалось и позднее. Например, в ряде районов степной зоны (Северо-Западный Прикаспий) ямные культурные традиции по данным калиброванных радиоуглеродных датировок сохраняются до последней четверти III тыс. до н. э. (Шишлина, Александровский, Чигагова, Плехт 2001: 121). Возможный период существования ямной и катакомбной общностей мог продолжаться от 550 лет в восточных ареалах до 200 лет в западных (Черных, Орловская 2004б: 22).

Сумма всех признаков могильника Заманбаба позволяет синхронизировать данный археологический комплекс, с одной стороны, с позднейшим периодом культур степной бронзы, а с другой, как минимум, со второй половиной периода Намазга IV. Хронологические рамки комплексов Намазга IV по традиционной шкале относятся к 2900–2300 гг. до н. э. (Кирчо 1980: 12; Массон 1981: табл. V), а радиоуглеродные калиброванные даты определяют рамки их существования в пределах первой половины – середины III тыс. до н. э. (Кирчо, Попов 1999: 350).

В данном случае традиционные и радиоуглеродные датировки в целом не противоречат друг другу: позднейшее время в степной зоне и вторая половина эпохи Намазга IV в Средней Азии по традиционной шкале укладывается примерно в третью четверть III тыс. до н. э., а по калиброванным радиоуглеродным датам – в конец первой половины III тыс. до н. э. Современные хронологические данные позволяют датировать могильник Заманбаба серединой III тыс. до н. э.

Исследование культуры Заманбаба включает в себя широкий круг вопросов: происхождение катакомбного обряда погребения в Средней Азии, проникновение на ее территорию племен степной бронзы, культурные контакты местного земледельческого и степного населения в эпоху бронзы и пр. Эти вопросы требуют детального исследования, а окончательное их решение возможно только при глубоком и всестороннем анализе накопленного обширного степного ямно-катакомбного и среднеазийского земледельческого археологического материала с привлечением всех возможных методов его изучения.

- Алехин 1980 – Алехин В. А. К проблеме генетической связи южнотуркменских комплексов эпохи бронзы (по материалу захоронений) // КСИА. № 161. 1980. С. 24–31.
- Алехин 1986 – Алехин В. А. Проблема происхождения археологических культур неолита – бронзы Средней Азии (по данным погребальных обрядов) // Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. № 11. М., 1986. С. 96–103.
- Алехин 1989 – Алехин В. А. Культурные контакты древних племен Средней Азии (неолит – эпоха бронзы) // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989. С. 150–157.
- Аскаров 1962 – Аскаров А. А. Низовья Зеравшана в эпоху бронзы. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1962.
- Аскаров 1977 – Аскаров А. А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977.
- Аскаров 1981 Аскаров А. А. К пердаторике культуры Заманбаба // Культурная и искусство Древнего Хорезма. М., 1981. С. 99–110.
- Берестев 2010 – Берестев С. И. Восточноукраинская лесостепь в эпоху средней и поздней бронзы (II тыс. до н. э.). Харьков, 2010.
- Братченко 1976 – Братченко С. Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев, 1976.
- Виноградов 1968 – Виноградов А. В. Неолитические памятники Хорезма // Материалы Хорезмской экспедиции. № 8. М., 1968.
- Виноградов 1979 – Виноградов А. В. О распространении наконечников стрел кельтеминарского типа // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979. С. 3–10.
- Виноградов 1981 – Виноградов А. В. Древние охотники и рыболовы среднеазийского междуречья // Труды ХАЭЭ. № XIII. М., 1981.
- Виноградов и др. 1986 – Виноградов А. В., Итина М. А., Яблоцкий Л. Т. Древнейшее население низовой Амударьи // Труды ХАЭЭ. № XV. М., 1986.
- Гулямов и др. 1966 – Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскаров А. Первобитная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана. Ташкент, 1966.
- Егоров 1970 – Егоров В. Г. Классификация курьелинских катакомбной культуры // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970. С. 156–164.
- Иерусалимская 1957 – Иерусалимская А. А. Курьелинцы бронзового века из предкавказских степей в собрании Эрмитажа // СГЭ. № XII. Л., 1957. С. 45–47.
- Кирчо 1980 – Кирчо Л. Б. Культура ранней бронзы Южной Туркмении (Вопросы происхождения по материалам керамических комплексов). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1980.
- Кирчо, Попов 1999 – Кирчо Л. Б., Попов С. Г. К вопросу радиоуглеродной хронологии древнейших цивилизаций Средней Азии // Stratum Plus. № 2. СПб. – Кишинев – Одесса, 1999. С. 350–361.
- Кияшко 1999 – Кияшко А. В. Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. Волгоград, 1999.
- Кияшко 2002 – Кияшко А. В. Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград, 2002.
- Клейн 1962 – Клейн Л. С. К определению места курьелинцы в катакомбной культуре // Археологические раскопки на Дону. Ростов-на-Дону, 1962. С. 128–132.
- Клейн 1968 – Клейн Л. С. Прототипы катакомбных курьелинцы и проблема происхождения катакомбной культуры // АСГЭ. № 8. Л.-М., 1968. С. 5–17.
- Комплекс археологических памятников... 1979 – Комплекс археологических памятников у горы Тейсей на Енисее. Под редакцией М. П. Грязнова. Новосибирск, 1979.
- Кузнецов 1996 – Кузнецов П. Ф. Новые радиоуглеродные даты для хронологии культур неолита-бронзового века юга лесостепного Поволжья // Радиоуглерод и археология. № 1. СПб., 1996. С. 56–59.
- Кузьмина 1958 – Кузьмина Е. Е. Могильник Заманбаба // СЭ. № 2. М., 1958. С. 24–33.
- Кузьмина 1968 – Кузьмина Е. Е. Некоторые спорные вопросы истории первобытной культуры в низовьях Зеравшана // СА. № 2. М., 1968. С. 302–309.
- Кузьмина 1999 – Кузьмина Е. Е. Предистория Великого Шелкового пути: Контакты населения евразийских степей и Сивильяна в эпоху бронзы // ВДИ. № 1. М., 1999. С. 163–177.
- Латынин 1958 – Латынин Б. А. О южных границах ойкумены степной культуры эпохи бронзы // СА. № 3. М., 1958. С. 46–53.
- Мандельштам 1968 – Мандельштам А. М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане // МИА. № 145. М.-Л., 1968.
- Мандельштам 1972 – Мандельштам А. М. История скотоводческих племен и ранних кочевников на юге Средней Азии. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М.-Л., 1972.
- Массон 1959 – Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргяны // МИА. № 73. М.-Л., 1959.
- Массон 1966 – Массон В. М. Культура Заманбаба // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.-Л., 1966. С. 208–212.
- Массон 1981 – Массон В. М. Алтын-Дене // Труды ЮТАКЭ. № XVIII. Л., 1981.

- Мельник 1991 – Мельник В. И. Особые виды погребений катакомбной общины. М., 1991.
- Мерперт 1974 – Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волго-Уральского междуречья. М., 1974.
- Моргунова 2002 – Моргунова Н. Я. Проблемы изучения ямной культуры Южного Приуралья // Проблемы археологии Евразии. М., 2002. С. 104–116.
- Моргунова, Крацов 1991 – Моргунова Н. Я., Крацов А. Ю. Древняя культура Приуралья (по материалам Оренбургской области) // СА. № 2. М., 1991. С. 35–50.
- Моргунова, Крацов 1994 – Моргунова Н. Я., Крацов А. Ю. Памятники древней культуры на Илексе. Екатеринбург, 1994.
- Погорелов 1989 – Погорелов В. И. Ямно-катакомбные погребения Среднего Дона // СА. № 2. М., 1989. С. 108–126.
- Попова 1957 – Попова Т. Б. К вопросу о курганных северокавказского типа // СА. № 1. М., 1957. С. 161–177.
- Пьянкова 1989 – Пьянкова Л. Т. Древние скотоводы Южного Таджикистана (по материалам могильника Титрова Балка). Душанбе, 1989.
- Сарнианиди 1976 – Сарнианиди В. И. Южный Туркменистан в эпоху бронзы // Первобытлый Туркменистан, Ашхабад, 1976. С. 82–111.
- Сарнианиди 1979 – Сарнианиди В. И. К вопросу о культуре Заманбаба // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979. С. 23–28.
- Станкевич 1978 – Станкевич И. Л. Керамика южной Туркмении и Ирана в бронзовом веке // Древность и средневековье народов Средней Азии. М., 1978. С. 17–31.
- Степанцева 1999 – Степанцева В. Я. Относительная хронология погребений катакомбной культуры в междуречье Маньча и Сала // АВ. № 6. СПб., 1999. С. 101–113.
- Субботин 2000 – Субботин Л. В. Северо-Западное Причерноморье в эпоху ранней и средней бронзы // Stratum Plus. № 2. СПб. – Кишинёв – Одесса – Бухарест, 2000. С. 350–387.
- Телегин 1993 – Телегин Д. Я. Об абсолютном возрасте катакомбной культуры по радиоуглеродным определениям // Новые открытия и методические основы археологической хронологии. СПб., 1993. С. 68–73.
- Трифонов 2001 – Трифонов В. А. Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи неолита – средней бронзы Кавказа, степной и лесостепной зон Восточной Европы (по данным радиоуглеродного датирования) // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара, 2001. С. 71–82.
- Турецкий 1988 – Турецкий М. А. Керамика погребений ямной культуры Волго-Уральского междуречья // Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев, 1988. С. 78–91.
- Турецкий 1992 – Турецкий М. А. Ямная культура Волго-Уральского региона. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992.
- Фисенко 1970 – Фисенко В. А. Погребения ямно-катакомбной типа Калмыкии и их место среди памятников бронзовой эпохи северо-западного Прикаспия // СА. № 1. М., 1970. С. 58–66.
- Хлопкин 1983 – Хлопкин И. Н. Юго-западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. Л., 1983.
- Черных, Аншлова, Орловская 2000 – Черных Е. Н., Аншлова Л. И., Орловская Л. Б. Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология. М., 2000.
- Черных, Орловская. 2004а – Черных Е. Н., Орловская Л. Б. Радиоуглеродная хронология древней общины и истоки курганных культур // РА. № 1. М., 2004. С. 84–99.
- Черных, Орловская 2004б – Черных Е. Н., Орловская Л. Б. Радиоуглеродная хронология катакомбной культурно-исторической общины (средней бронзовый век) // РА. № 2. М., 2004. С. 15–29.
- Шишлина 1992 – Шишлина Н. И. Хронология и периодизация раннего этапа средней бронзы Калмыкии // Северная Евразия от древности до средневековья. СПб., 1992. С. 72–75.
- Шишлина, Александровский, Плихт, ван дер, Чичагова 1999 – Шишлина Н. И., Александровский А. Л., Плихт Й. ван дер, Чичагова О. А. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы // Научное наследие А. П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. М., 1999. С. 14–16.
- Шишлина, Александровский, Чичагова, Плихт, ван дер 2001 – Шишлина Н. И., Александровский А. Л., Чичагова О. А., Плихт Й. ван дер. Хронологическая позиция ямной культуры Северо-Западного Прикаспия // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара, 2001. С. 117–123.
- Щетенок 1964 – Щетенок А. Я. Расписная керамика эпохи бронзы из Намалга-дере // КСИА. № 98. М., 1964. С. 51–59.
- Durrani 1988 – Durrani A. Excavation in the Gomal Valley // Ancient Pakistan, № VI. Peshawar, 1988.
- Hakemi 1997 – Hakemi A. Shahdad. Archaeological Excavations of a Bronze Age Center in Iran. Rome // *IsMEO. Reports and memoirs*. Vol. XXVII. Rome, 1997.
- Kuzmina 1998 – Kuzmina E. Cultural Connections of the Tarim Basin People and the Shepherds of the Asian Steppes in the Bronze Age // *The Bronze Age and Early Iron Age Peoples of Eastern Central Asia*. № 1. Chicago, 1998. P. 63–93.

Архивные материалы

- Кирчо А.-1980 – Кирчо Л. Б. Культура ранней бронзы Южной Туркмении (Вопросы происхождения по материалам

керамических комплексов) // Рукопись дис. ... канд. ист. наук. НА ИИМК РАН, РА. Ф. 35, оп. 2, д. 271.

STEPPE ELEMENTS IN THE FUNERARY RITES AT THE CEMETERY OF ZAMANBABA (the Problem of the Origins and Chronology of the Bronze Age Zamanbaba Culture in Central Asia)

YU. G. KUTIMOV

The archaeological culture of the Bronze Age in Central Asia, known as the «Zamanbaba culture», is represented by three archaeological complexes: one cemetery and two settlement-sites situated in the lower reaches of the Zaravshan River, in the Bukhara province of Uzbekistan.

These sites were investigated in 1950–1964 by archaeologists from the Institute of History and Archaeology, Academy of Sciences of Uzbekistan (Гулямов и др. 1966).

The cemetery of Zamanbaba is the key site for studies of the Zamanbaba culture. Of the settlement-sites only

one may be considered as a settlement proper, the other having been just a temporary camp with its cultural layer now eroded by winds. The total informative capability of the latter two sites is extremely low; therefore studies of the Zamanbaba culture involve predominantly materials yielded by excavations of the cemetery.

Practically all of the researchers who studied archaeological complexes of the Zamanbaba culture have noted the unique combination of agriculturalist and steppe-type features in the funerary rites of the cemetery of Zamanbaba. Considerable part of accompanying goods, including beads of various kinds of stone, stone pendants, baton tops, round bronze mirrors without handles, small shovels, a terracotta figurine, and two fragments of wheel-made vessels, have parallels in agricultural complexes of southern Turkmenia of the Namazga IV – Namazga VI periods and at synchronous sites in the adjoining territories (Iran and Afghanistan). On the other hand, burials of the cemetery of Zamanbaba show a number of features which suggest their ties with funerary traditions of the Bronze Age tribes of the steppe zone of Eurasia; the presence of red dye, chalk and charcoal in the graves, egg-shaped and round-bottomed pottery, etc. One of the most remarkable peculiarities of the funerary rites at the cemetery of Zamanbaba is the tradition to bury dead in graves of a catacomb type absolutely uncharacteristic of the local Central Asian population during the early and middle Bronze Age.

At present, there are quite a number of hypotheses on the origins of the cemetery of Zamanbaba, each differing in its explanation of the problems of the cultural and ethnic attribution of the site. By now, several differing dates have been proposed for the Zamanbaba culture in general: the second half of the 3rd – beginning of the 2nd mil. BC (Мацсон 1959: 113); the end of the 3rd – beginning of the 2nd mil. BC (Латынин 1958: 52; Кузьмина 1958: 33; Кузьмина 1968: 306; Алёшкин 1986: 99; Виноградов и др. 1986: 72); the end of the 3rd – first half of the 2nd mil. BC (Массон 1966: 208; Манделъштат 1972: 8); the first half of the 2nd mil. BC (Аскаров 1962: 10; Гулямов и др. 1966: 166); the second quarter of the 2nd mil. BC (Аскаров 1981: 109); the middle of the 2nd mil. BC (Хлопин 1983: 70); the last quarter of the 2nd mil. BC (Пьянкова 1989: 61); the turn of the 2nd and 1st mil. BC (Сарианиди 1979: 24).

Along with these hypotheses, six views on the genetic origins of the Zamanbaba culture have been proposed regarding its bearers as: descendants of the local Neolithic Keltiminarians (Массон 1966: 208); natives of the early agricultural Sapalli culture in southern Uzbekistan (Аскаров 1981: 109); the early agriculturalist tribes which came to the Lower Zaravshan River from the territory of northern Afghanistan (Сарианиди 1979: 27); a population genetically linked with the catacomb cultural unity of the steppe zone of Eurasia (Алёшкин 1986: 98); local population making part of the circle of cultures of the steppe type which had been strongly influenced by the southern agrarian cultures (Кузьмина 1958: 33; Аскаров 1962: 10, 11; Гулямов и др. 1966: 170; Виноградов 1968: 151); steppe tribes which combined in the appearance of their material cul-

ture simultaneously some features of three steppe cultures at once – the Yamnaya (Pit culture), Catacomb and Afanasyevo (Латынин 1958: 52).

The reason of serious contradictions in the problem of the origins and chronology of the Zamanbaba culture is the poor expressiveness of the latter's material complexes and the almost complete absence of the type features leading to multivariate and conflicting treatments of the same archaeological evidence. The objects found among the funerary offerings at the cemetery are characterized either by very broad chronological frames of their use (e.g. stone beads, round copper mirrors without handles and small shovels are dated in general to the period from the 3rd to the 1st millennia BC) or by such extraordinary peculiarities that make it difficult to find any close parallels.

The present paper aims to define the possibility of genetic ties of the population which left the cemetery of Zamanbaba with the Neolithic Keltiminar culture, as well as with Bronze Age cultures of the steppe zone of Eurasia, mainly those in the region between the Volga and Ural rivers. Problems of the cultural and chronological attribution of the site are discussed here on the basis of a comparative analysis of the funerary rites at the Zamanbaba cemetery.

The analysis conducted allows us to distinguish a certain set of features in the funerary rites of the cemetery of Zamanbaba which give a basis for correction of the present-day notions about the origins, cultural ties and dating of the archaeological complex under consideration.

Dominating in the burial rites of the Zamanbaba cemetery were the traditions of the early Bronze Age Yamnaya cultural unity from the steppe zone of Eurasia. Such elements of the ritual as the eastern and north-eastern orientation of the buried, staining with ochre and chalk, egg-shaped and round-bottomed forms of pottery, and the offerings put near the head of the buried are of the steppe provenance, linking this site genetically with the Yamnaya cultural traditions of South-Eastern Europe, in particular with Yamnaya type cultures from the region between the Volga and Ural rivers.

A comparison of the pottery from the cemetery of Zamanbaba with that of steppe cultures (Yamnaya and Catacomb) of the Bronze Age leads us to the conclusion that the ceramic complex of Zamanbaba has very weak (practically zero-level) ties with pottery of the developed stages of the catacomb cultures of the steppe zones of Eurasia. The most numerous parallels to certain types of Zamanbaba vessels are found in the pottery of the Yamnaya culture.

No elements of the steppe catacomb tradition still have been found among the materials from the Zamanbaba cemetery. Actually, the only indication of this tradition is the fact of occasional interment of the dead in graves of a catacomb construction.

Neither any ties of the Zamanbaba population with bearers of the Keltiminar culture have been established for certain. Differences between the two funerary rites are considerable. If even there were any inclusions of some Keltiminar population into the Zamanbaba culture, the process had no reflection in the funerary rites of the latter.

The formation of the Zamanbaba culture occurred on the basis of the syncretization of two cultural traditions – the newly arrived steppe culture of the Yamnaya appearance and the local Central Asian one. A reliable identification of the latter with any of the local agricultural cultures is very difficult due to the lack of any factual evidence. Ties of Zamanbaba population with agricultural cultures are obvious since burials of the Zamanbaba cemetery contain objects peculiar to agriculturalists (stone beads, pendants, copper mirrors and shovels, a terracotta figurine). These objects include also two fragments of wheel-made vessels, one of which has quite exact parallels among the pottery of early agriculturalist sites in southern Turkmenia of the Namazga IV period. Numerous finds of so-called ceramic «mangers» among the complex from the cemetery of Zamanbaba afford us to trace a line of cultural connections between bearers of the Zamanbaba culture and one

of the groups of ancient population of northern Afghanistan, no sites of which have as yet been studied archaeologically.

The aggregate of characteristics of the cemetery of Zamanbaba allows us to regard this archaeological site as synchronous on the one hand with the late Yamnaya period of the development of steppe cultures of the Bronze Age, and on the other hand, with the second half of the Namazga IV period. A traditional and a radiocarbon dating do not contradict each other in general: the late Yamnaya period in the steppe zone and the second half of the Namazga IV period in Central Asia according to the traditional chronological scale occupy approximately the third quarter of the 3rd millennium BC, whereas the scale of calibrated radiocarbon dates gives the end of the first half of the 3rd millennium BC. Taking into account the modern chronological data, the cemetery of Zamanbaba may be dated to the mid-3rd millennium BC.

ЧТО СКИФСКОГО БЫЛО В «СКИФСКОЙ ДИАНЕ» ИЗ НЕМИ?¹

ПИА ГУЛДАГЕР БИЛДЕ²

Главной целью данной статьи является вопрос: когда и почему Диана Неморенсис (Diana Nemorensis) в ее святилище у озера Неми в Центральной Италии представлялась как Артемида/Диана «Скифская» (Ov. Met. XIV.331; Strab. V.3.12; Luc. Bell. Civ. III.86; Solin. II.10–11; Pseudoacron Hor. Carm. I.7.10.) и почему считалось, что ее культ происходит из Таврики? (Serv. Verg. Aen., VI.136; VII.764; Solin. II.10–11; Pseudoacron Hor. Carm. I.7.10.).

Введение. Святилище Дианы Неморенсис или «Дианы Священной Роши» расположено у озера Неми среди Албанских холмов, всего в 25 км от Рима. Это было одно из главнейших, и, безусловно, одно из самых крупных и богатых святилищ в Италии. Наиболее подробное и точное из описаний его, дошедших до нас из древности, принадлежит Страбону (V.3.12):

«... налево от дороги, если идти из Арикки, находится святилище Артемиды, которое называют «Рошей Артемиды». Святилище Ариккийской [Артемиды], как говорят, точно воспроизведение (ἀφ'ὀμοίας) храма Артемиды Таврополос, и, действительно, в ее священных обрядах преобладают начала варварское и скифское. Так, например, жрецом ее выбирают только беглого раба, своей рукой убившего прежнего жреца. Поэтому жрец всегда опасаясь меча, ожидая нападения и готовый защищаться» (Страбон. География. Л.: Наука, 1964. Перевод Г. А. Страгановского).

Чуть позже мы вернемся к святилищу у озера Неми и его обрядам. Но сначала: кто такая Таврополос (Taurópolis) Страбона, и почему он считал, что обряды, совершавшиеся в святилище Дианы у оз. Неми, содержали «варварский и скифский элементы»?

От Партенос к Таврополос. Не вызывает сомнений, что Страбон, соединяя такие выражения, как «варварский», «скифский», «Таврополос», «человеческие жертвоприношения» и Диана (Артемиды), основывался на пьесе Еврипида *Ифигения в Тавриде* (IT), написанной в 412 г. до н. э. или чуть ранее. Как известно, в пьесе описывается служение Ифигении злошему культу таврской богини на южных берегах Крыма. Описание Еврипида, в свою очередь, заимствовано из геродотовского рассказа (либо из какого-то общего для обоих авторов источника) о таврской Партенос (Деве) (IV.103), появившегося за несколько десятилетий до того – в третьей четверти V в. до н.э.

Еврипид переработал рассказ Геродота (или его оригинал), придав ему новые грани, прежде всего греческую интерпретацию богини, которая теперь получила греческое имя (Артемиды), хотя и упоминается, что ее, как и у Геродота, называли также Партенос (Eur. IT 1230). Кроме того, описанное им человеческое жертвоприношение соответствует греческим обрядам больше, чем в рассказе Геродота. В IT жертву сначала окропляют водой, а затем закалывают мечом, тогда как у Геродота ее убивают ударом дубинки по голове. Но что особенно важно для нашей дискуссии о более позднем восприятии этого божества, это появление двух новых его эпитетов *Taurópolis* и *Elaphochthonos*, которые отсутствуют у Геродота.

Заключительные строки IT раскрывают главную цель, которую преследовал Еврипид в этой пьесе: объяснить сущность обрядов в святилище Артемиды в Галах Арафенидских (см. также Rives 1995), которые включали символическое человеческое жертвоприношение. Этимологический миф присутствует в концовке многих пьес Еврипида. В Галах Арафенидских (по-видимому, современная Луца в Аттике) существовал знаменитый храм, посвященный Таврополос (Артемиде), известный в частности по надписям (Kotzias 1925–1926: 168–177; Stauroupolous 1932: 30–32; Papadimitriou 1956: 87–89; 1957: 45–47; Knell 1983: 39–43; надписи: см. также SEG XXXIV, 103). Приведенное Геродотом (или его источником) описание чужеземной таврской богини по имени Партенос, по-видимому, вдохновило Еврипида, позволив ему перенести происхождение обряда человеческого (символического) жертвоприношения в Галах в маргинальный ареал греческой цивилизации – варварскую среду на далеких северных берегах Черного моря – и одновременно найти объяснение эпиклезы *Taurópolis* у Артемиды из Гал. Точки зрения двух данных авторов явно различаются: Геродот рассуждает с позиций общегреческих представлений, в то время как Еврипид описывает нечто совершенно чужестранное. Сам он никогда не бывал в Причерноморье, и, что еще важнее, его представления не выходят за пределы специфически афинских.

Выводя свою этимологию из *Taurópolis*, то есть «почитаемая таврами», Еврипид ошибочно предполагает, что корень *-pólos* дает страдательное значение. На самом же деле, слово имеет действительное значение – *tauro-pólos*, что означает человека, правящего быками или укрощающего их либо в реальном, например сельскохозяйственном, контексте, либо

¹ Настоящая статья и статья Guldager Bilde 2003 представляют собой единое целое. Обе работы являются результатом доклада, прочитанного в 2002 г. в Санкт-Петербурге на конференции «Боспорский феномен». Русский перевод текста выполнен А. В. Гилевичем, за что и приношу ему свою благодарность. Я хочу также выразить свою признательность моим коллегам по Центру исследования Причерноморья Джорджу Хинге, Якобу Мунку Хойте и Владимиру Столбе за их помощь в работе над статьей.

² Pia Guldager Bilde. Centre of the Black Sea Studies Building 328, University of Aarhus DK-800 Århus C, Denmark.

в символическом, например в обрядовом или ритуальном.³ Такое «управление» быком, должно быть, играло определенную роль в структуре ритуала в святилище в Галах. Хотя, к сожалению, никаких свидетельств тому до нас не дошло, тем не менее показательно, что в двух других святилищах Таврополос, тесно связанных с Галами – Бравроне⁴ и Амфиполе⁵ – Таврополос определенно изображается как правая быком. Она сидит на нем боком, нередко с факелом в руке.

Куль Таврополос (чаще всего это эпитет Артемиды, но в одном случае и Гекаты) известен также из других источников – надписей и литературных текстов.⁶ За исключением Еврипида, упоминающего таврскую богиню Таврополос, в самом Крыму нет никаких свидетельств того, что какое-либо таврское божество, или, позднее, греческая Партенос, когда-либо почитались как Таврополос, как нет и изображений божества, правящего быками. Поэтому связь между различными представлениями о Таврополос еще требует изучения. Скорее всего, мы имеем дело с двумя разными феноменами:

(а) реальный культ женского божества, «правящего быками» (*Tauro-pólos*), происходящий из Гал и, возможно, распространившийся с македонскими через Амфиполь по эллинизированному Востоку до самого Икароса у Персидского залива. Сведения об этом культе основаны, главным образом, на эпиграфических источниках, большинство из которых датируются IV–II вв. до н. э. (Guldager Bilde 2003: fig. 2). Несмотря на весь интерес, который представляет это божество, здесь нет необходимости его рассматривать.

(б) культ (?) «почитаемого таврамии» (*Tauro-pólos*) женского божества, основанный на ложной этимологии Еврипида. Представления, связанные с этим культом, были распространены по всему античному миру в качестве неизменно популярного литературного сюжета, чему немало способствовали труды Страбона (Guldager Bilde 2003: fig. 1). Места отправления этого культа упоминаются исключительно в литера-

турных источниках, в основном римских, и главным образом в связи с этимологическими объяснениями местных кровавых обрядов. Проявлением его является присутствие культового изображения, похищенного Орестом из таврского святилища.

За исключением, вероятно, самого древнего места почитания Таврополос (Галы Арафендские), два вышеуказанных культа никак между собой не пересекаются.

Партенос как Элафхотнос. Вторым нововведением в свирциодской Ифисени в Тавриде является эпитет *elaphochthonos* – убивающая оленей. Данный эпитет весьма необычен. Его можно встретить только в *IT* и еще в одном более позднем источнике II в до н. э. – у Аполлония Дискало Грамматика (*De adverbis* часть II 1.1, 189, l. 8). Сочетания терминов, означающих олень/лянь, например *elaphos*, или молодой олень – *ellos*, с «убивающей» – либо *-phonos*, *-chthonos*, либо *bolos* – вообще крайне редки и встречаются исключительно в качестве эпитетов Артемиды (*Elaphochthonos*: Eur., *IT* 1113; Apollonius Dyscolus Grammaticus, *De Adverbis* часть II 1.1, 189, l. 8).⁷ *Nebrochthonos=ellophonos*: Schol. Kallimachos, *Гимн Артемиде* 190. Главнейшим из таких эпитетов, по видимому является *Elaphebolos*, упоминающийся еще в гомеровском *Гимне Артемиде* и у Анакреонта (см. предыдущее примечание).

Необычность термина «убийца оленей» в античной литературе сопровождается такой же редкостью изображений божества, разящего лань. Несколько изображений женщины, разящей лань, приведены Л. Кагил в ее статье 1984 г. (Kahil 1984), посвященной Артемиде, в *Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae*; к этим примерам можно добавить еще несколько (дополнительные примеры рассматриваются в Guldager Bilde 2003).

При всей редкости вышеуказанных эпитетов пораждает, что помимо таврической богини, упоминаемой как *Elaphochthonos*, также более поздняя богиня Западного Крыма – херсонесская Дева (Партенос)⁸ –

³ Я благодарна Г. Хинге (G. Hinge) за объяснение слова Таврополос. Х. Оптерманн (Opfermann 1934: 35) пришел к тому же выводу на основании других аргументов. Неландо Д. Браунд сблизил два полуса, предположив, что Таврополос означает «Повелительница тавров» (Braund, в печати). Хотя это предположение не лишено интереса, мы не имеем никаких свидетельств того, что херсонесское божество когда-либо почиталось в этом городе под именем Таврополос. Этот эпитет оно приобрело где-то в другом месте, и для данного культа он остался чужеродным.

⁴ Терракотные рельефы ок. 500 г. до н. э.; см. Kahil 1984: 674, №№ 700–701.

⁵ Kahil 1984, 674, № 703. Это запечатлено в доминирующем типе реверса городских бронзовых монет, чеканящихся между Августом и Коммодом (Lorber 1990: 13); cf. *ANS VNG 7* (Macedonia I) 1987: №№ 150–154, 195 и многие монеты между этими номерами. Идентификация подтверждается также встречающимися на этих монетах легендами, в которых богиня обозначена как Таврополос.

⁶ Единственным исследованием общего плана, посвященным Таврополос, является короткая статья Ханса Оптерманна в *RE*, изданная в 1934 (Opfermann 1934: 33–38). Таврополос до сих пор не включена в *LIMC*. Следует отметить, что местом поклонения Таврополос Оптерманн ошибочно называет Арикино. На самом же деле культовым центром было святилище у озера Немли, которое административно принадлежало к Арикино, но находилось за ее пределами. С момента выхода в свет статьи Оптерманна в 1934 г. появилась масса нового материала, особенно надписей. Поэтому исследования, посвященные Таврополос, желательно продолжить. См. Guldager Bilde 2003: 166–168.

⁷ *Elaphebolos*: гомеровский *Гимн Артемиде* 27.2; Анакреон fragm. 3.1; Soph. *Trach.* 1. 214; Nonnos, *Dionysiaca* 44.198; Apollonius Dyscolus Grammaticus *De Adverbis* часть II 1.1, 189, l. 8. Артемиде также был посвящен праздник Элафеболы в городе Гиматолея в Фокиде. Об этом празднике ничего не известно, за исключением того, что богине приносились в дар пироги особого приготовления – *elaphoi*, вероятно в форме оленя (Ath. 15, стр. 646e). *Ellophonos*: *Гимн Артемиде* Каллимаха 190 (Британский) и комментарий в *Etymologicum genainum*: Papyri magica Preisendanz 4, 2722 (Артемиды Гекаты); *Etymologicum magnum*, Kallierges 331, 55 (Артемиды).

⁸ Слово *Nebros*, тоже означающее оленя, в сочетании с «убивание» использовалось преимущественно в отношении мужчин: *Nebrophanos*: Antoninus Liberalis *Myth., Metamorphoseon synagoge* 20.6 (Аполлоны); Nonnos, *Dionysiaca* 13.115 (Одиссей); 25.225 (Геркул); 44.198 (Дионисий).

⁹ Основной литературой о херсонесской Партенос является статья Э. Дила (Diehl 1949) в *RE* и недавно опубликованная монография А. Русевой и М. Русевой (1999). Партенос также бегло упоминается в Koukouli-Chrysanthaki 1997.

Рис. 1. Монета Херсонеса с изображением Партенос (по отisku, выполненному В. Ф. Столбой). Голова Партенос/Партенос, убивающая лань. Конец IV в. до н. э. Серебро, 5,8 г (из коллекции В. Нитгера).

Fig. 1. Chersonesean coin (after a cast made by V. F. Stolba). Head of Parthenos/Deer-killing Parthenos. Late 4th century BC. Silver, 5.8 g. Previously in W. Niggler's collection.

неоднократно изображалась на монетах этого города убивающей лань (рис. 1). Начиная с конца IV в. до н. э. и с небольшими интервалами вплоть до последних городских выпусков середины III в. н.э. мы встречаем на монетах практически неизменное воспроизведение Партенос, прижимающей слину лави правым коленом и одновременно пронзающей ее шею копьем (Столба 1989: 62–63)⁹. Та же сцена повторяется на великоленном, хотя и фрагментарном мраморном рельефе, найденном в 1911 г. в Херсонесе (сейчас в коллекции Херсонесского Археологического музея в Севастополе). Последний датируется по-видимому позднеклассическим или эллинистическим временем¹⁰.

Связь между таврской богиней Геродота и Еврипида с одной стороны и херсонесской Партенос с другой обсуждается уже давно¹¹. Вряд ли можно сомневаться, что херсонеситы, как это явствует из местных надписей и монет, считали Деву полноправной богиней. Типы херсонесских монет, будучи выражением государственных культовых институтов, являются наиболее достоверным материалом по иконографии Партенос (Anochin 1980; Stolba 1996). По монетным изображениям нетрудно догадаться, почему Еврипид реинтерпретировал Партенос как Артемиду, так как иконография Девы, во всяком случае начиная с IV в. до н. э., полностью соответствует иконографии гре-

ческой богини. Трудно себе представить, что греческие переселенцы в Херсонесе не интегрировали бы в свой государственный культ элементы, связанные с могучим исконным божеством только что освоенной местности, как это было, например, в Эфесе, Перге или Афродисии¹². Однако и с феноменологической точки зрения Партенос обладала многими присущими Артемиде характеристиками, приведшими к тому, что сторонние наблюдатели (Еврипид, более поздние авторы, а также современные исследователи) тоже легко отождествляли Партенос с Артемидой.

То что редкий эпитет *Elaphochthonos*, упомянутый Еврипидом, так хорошо соответствует повторяющемуся воспроизведению разящей лань богини на херсонесских монетах, не может быть простым совпадением. Было ли убийство лани составной частью культа таврского божества, вдохновившей впоследствии Еврипида, или наоборот, херсонеситы переняли этот элемент именно по той причине, что он был представлен Еврипидом, как часть более древнего (местного) культа, остается неясным. Однако тот факт, что монеты с разящей лань богиней появляются не ранее IV в. до н. э., делает вторую интерпретацию вполне вероятной.

Диана Неморенсис и «скифский культ» в ее святилище. Но какое отношение все сказанное выше имеет к Немиде? Римские авторы единодушно описы-

⁹ Данная датировка теперь получила подтверждение на основе стратиграфии здания U6 на поселении Панское I, см. Găvășcă 2002: 248–249.

¹⁰ Ивв. № 22226 (Иванова, Чубова, Колесникова 1976: № 94, рис. 55). Рельеф ошибочно был интерпретирован как Митра, убивающий быка, и соответственно датирован римским периодом. Фигура, прижимающая коленом слину животного, слишком тонка, чтобы справиться с быком, и кроме того у нее оголенные ноги, тогда как Митра неизменно изображался в штанах. Поэтому практически нет сомнений, что здесь подразумевалась Партенос в ипостаси *Elaphochthonos*.

¹¹ Зограф 1922 и Diehl 1949, 1965–1967 вместе с предшествующей литературой; см. также D. Braund, в печати.

¹² Не следует забывать, что самый ранний письменный источник о культе Партенос – Геродот – предположил, что к его времени греческое влияние могло уже настолько распространиться у тавров, что они переосмыслили собственное божество как греческую Ифигению! Об эллинизации тавров и взаимном культурном обогащении херсонеситов и тавров см. Щеглов 1988; Braund, в печати.

Рис. 2. Неми. Приношения, найденные в святилище в 1885 г. лордом Севайлом (со стеклянного негатива). И вещи, и негатив хранятся в Castle Museum в Ноттингеме.

Fig. 2. Nemi, votives found in the Sanctuary by Lord Savile in 1885 (contemporary glass negative). The objects as well as the negative are in the possession of the Castle Museum, Nottingham.

вают культ Дианы на берегах озера Неми как «жестокий» (*immitis* – Sil. *Pun.* VIII.367 или *non mitis* – Valerius Flaccus *Argonautica* II.305), а ее алтарь обозначался эвфемистическим выражением «алтарь милосердный» (*placabilis ara Dianae*), подразумевающим «алтарь, который необходимо умиротворять» (Verg. *Aen.* VII.764). Как отмечено выше, эту жестокость часто объясняли мифом, переносящим происхождение культа в страну тавров¹³. Страбон был единственным из авторов, который упоминает для Артемиды из Неми ту же эпитезу, что и Еврипид по отношению к таврской богине, а именно – Таврополос (Strab. V.3.13).

Согласно *IT* Еврипида изображение из Таврского Святилища стало странствовать по всему восточному Средиземноморью (Graf 1979; Guldager Bilde 2003). На Западе же святилище у озера Неми – единственное место, куда дошел этот образ¹⁴.

Диана Неморенсис была многоликой богиней (рис. 2). Главной ее эпитезой была *Тривия*¹⁵, (дословно «[богиня] перекрестков дорог»), часто использовавшаяся и в отношении Гекаты, напоминая об одной из наиболее зловещих ипостасей последней как богини подземного царства. Диана изображалась в виде охотницы в длинном или коротком одеянии с луком, копьем или факелом, но никогда не показывалась убивающей на деле (Guldager Bilde 2000: 102–104; Guldager Bilde & Moltesen 2002). Она выступала также как богиня целительных сил, и, возможно, как прорицательница. Соответственно, с точки зрения феноменологии ее сходство с таврской богиней носило лишь самые общие черты. Так что же тут было «скифского»?

Два наиболее ранних источника, засвидетельствовавших представления о скифском происхождении Дианы Неморенсис, более или менее синхронны.

¹³ Альтернативное объяснение «жестокости» культа предложено Луканием (*Bell. Civ.*, VI.74–75), который называет богиню «Микенская», то есть до-историческая.

¹⁴ Возможно также существовало мнение, что эти образы попали и в Ретгию как изображение Артемиды Факелитис (Phakelitis), *RE* XIX, 1937, 1609; Graf 1979, прим. 4 с литературой, однако данные источники являются поздними и неубедительными.

¹⁵ Стоит, пожалуй, отметить, что Овидий в *Ex Ponto* III.2.71 описывает таврскую богиню в тех же терминах, что и Диану Неморенсис: *immitis Trivia* (см. также 21–22 о Диане Неморенсис как *immitis/non mitis*).

Овидий в *Метаморфозах* XIV.331 называет ее «Скифская Диана в своем лесном царстве» (... *quaeque colunt Scythiae regnum nemorale Dianae*)¹⁶. Страбон, как цитировалось выше, дает гораздо более развернутое описание. Он подробно объясняет, что причиной, по которой святилище Дианы называется «варварским и скифским», была практика ритуализированного человеческого жертвоприношения, а именно поединков между правящим жрецом (Rex Nemorensis) и его соперником. Насколько же Страбон был действительно осведомлен о святилище у озера Неми и был ли он первоначальным автором *этиологии*, объясняющей поединки Rex Nemorensis и его соперника таврским происхождением святилища?

Страбон прожил в Риме несколько лет при Цезаре и Августе и был хорошо знаком с придворными кругами. Озеро Неми со святилищем Дианы и виллой Цезаря значило много для римской элиты тех лет (Guldager Bilde, в печати), так что трудно себе представить, что Страбон не посещал это место. Кроме того, его подробное описание содержит топографические детали (рис. 3), которые могли быть основаны только на личных наблюдениях (V. 3. 12):

«Святилище стоит в священной роще, перед ним — озеро, похожее на море, а вокруг возвышается сплошной, чрезвычайно высокий гребень гор, охватывающий святилище и водоем в долине и глубокой котловине. Можно видеть самые источники, из которых наполняется озеро (один из них — Эгерия — назван по имени какого-то божества), но выходы [источников] в самом озере незаметны, хотя они показываются дальше вне котловины, где и выходят на поверхность».

«Поблизости от этих мест находится Албанская гора, далеко превосходящая высотой святилище Артемиды и окружающие гребни гор, хотя они также достаточно высокие и крутые» (Перевод Г. А. Стратовского)¹⁷.

Святилище принадлежало расположенному поблизости городу Арикия. После раскопок в конце XIX столетия стало ясно, что так называемое Арикийское святилище Дианы было расположено у озера Неми (Резюме в Guldager Bilde 2000: 94–96). Арикия была родным городом матери Августа Атии и ее семьи; Атия а затем и сам Август были тесно связаны со святилищем (Guldager Bilde, в печати). Поэтому маловероятно, что представления о культе святилища как «варварском и скифском» могли бы утвердиться в век Августа. Хотя мы и не располагаем источниками, более ранними чем Овидий и Страбон, данный миф должен быть древнее. Но вопрос в том, насколько древнее?

Рис. 3. Озеро Неми. Вид с того места, откуда смотрел Страбон, составляя описание.

Fig. 3. Lake Nemi, overview taken from the point, where Strabo's description was made.

Цезарь, которому в священной роще у озера Неми принадлежала роскошная вилла (рис. 4)¹⁸, был настроен благожелательно к местному культу, а, кроме того, он благоволил Херсонесу: в 46 г. до н. э. он признал Херсонес свободным городом (Plin. NH IV.85). В его правление отношение к культу в Неми как к «варварскому» и «скифскому» также вряд ли могло иметь место. Поэтому я предлагаю бы, по крайней мере, доцезаревскую датировку.

Святилище Дианы у озера Неми¹⁹ и в самом деле могло быть весьма древним — во всяком случае, ритуальное человеческое жертвоприношение, отразившееся в поединках между правящими жрецами и их соперниками, вполне могло иметь очень древние корни. Однако, самые древние из дошедших до нас литературных и археологических свидетельств о культовых действиях в святилище не старше приблизительно 500 г. до н. э. Святилище было основано на открытом воздухе: священную площадку (*lucus*) очистили от леса. Лишь около 300 г. до н. э. был построен самый ранний храм. Но основной период процветания святилища приходится на позднереспубликанский период в конце II в. до н. э., когда оно было полностью и с большим размахом перестроено в эллинистическом стиле с обширными искусственными террасами и гигантскими портиками. Вероятно, был также выстроен новый храм. Святилище оставалось местом поклонения вплоть до своего разрушения вследствие природной катастрофы во второй половине II в. н. э.

Как мне представляется, наиболее вероятным временем утверждения *этиологии* ритуального убийства Rex Nemorensis должен был быть период поздней Рее-

¹⁶ Подпись, во время своей ссылки в Томы, Овидий снова обращается к мифу об Ифигении и о таврской богине: *Tristia* IV.61–85 и *Ex Ponto* III.2.43–96.

¹⁷ Описание должно быть составлено автором, стоявшим у южного края кратера с озером, откуда он мог наблюдать все перечисленные детали пейзажа. Упомянутые источники вытекают из озера Неми. Согласно последним исследованиям Датского, Шведского, Норвежского и Финского институтов в Риме, они были созданы искусственно ок. 300 г. до н. э. с целью поддержания постоянного уровня воды в озере (Uccelli 1950: 45–56).

¹⁸ *Cic. Att.* VI.1.25; *Suet. Jul.* 46. Именно этой виллой, вероятно, являлось дворцовое сооружение, недавно раскопанное в местечке Санта-Мария у юго-западного берега озера (1998–2002) (Guldager Bilde, в печати).

¹⁹ Обзор архитектуры и культа святилища: *Sacred Grove* 1997.

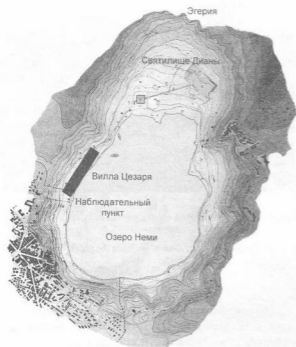

Рис. 4. Озеро Неми, план античных руин (SAL Roma).

Fig. 4. Lake Nemi, plan of the ancient remains near the lake (SAL Roma).

публики, когда святилище достигло своего расцвета, а архитектура и скульптура испытывали отчетливое эллинистическое влияние. Однако, насколько хорошо миф о таврской богине и ее греческой преемнице херсонесской Парthenос был известен к этому времени в Италии? И нельзя ли более узко датировать появление здесь этого мифа?

Позднеллинистические изображения божины, разящей лань. В противоположность континентальной Греции, в Италии миф об Ифигении в Тавриде пользовался определенной популярностью (Kahil 1990). Он отобразен на вазах из Южной Италии IV в. до н.э. и на этрусских урнах III и II вв. до н.э. (Kahil 1990; Klauskopf 1990). Эти памятники не демонстрируют сколько-либо устоявшейся иконографии таврской богини. Во II в. до н.э. римский драматург Пакувий с большим успехом поставил в Риме свою собственную версию пьесы Еврипида (Cic. *Amic.* 24). Так что, нет никаких сомнений, что в Италии комплекс мифов об Оресте и Ифигении в Тавриде был хорошо известен по крайней мере начиная с IV в. до н.э.

Около 100 г. до н.э. были созданы три-четыре иконографически идентичные скульптурные группы с женским божеством, убивающим оленя. Из них две были найдены на Делосе²⁰ и одна в Риме²¹. Остатками еще одного изображения, возможно, является малоизвестный и редко упоминаемый скульптурный

фрагмент, хранящийся в Толидском Музее Искусств (США, штат Огайо) (Inv. 1937.5. *Guldager Bilde* 2003: 172–173, fig. 6, прим. 49 с литературой). Этот обломок был куплен Генри Голдманом в 1914 г. в Риме у местного торговца произведениями искусства по имени Альфредо Барсанти. В 1900-х годах в Риме редко появлялись в продаже произведения искусства эпохи позднего эллинизма. В святилище Дианы у озера Неми было найдено необычайно большое количество позднеллинистической скульптуры (*Guldager Bilde & Moltesen* 2002). В конце XIX и, возможно, в начале XX столетий Барсанти продал несколько предметов из этого святилища Университетскому музею в Филадельфии (*Guldager Bilde & Moltesen* 2002: 10). Нельзя исключать, что статуя, проданная Барсанти, также происходила из Неми, хотя доказать это невозможно. Впрочем, если это и не так, она, скорее всего, подобно скульптуре из *Horti Tauriani* была найдена в самом Риме.

Изображения Таврополос как Элафохтонос: роль Митридата VI? Сцена убийства оленя встречается и на некоторых монетах из Восточного Средиземноморья (*Guldager Bilde* 2003: 173–175). Ни одна из них не была выпущена ранее позднеллинистического времени, то есть они современны вышеупомянутым мраморным скульптурам или несколько моложе их. Как мы выяснили выше, термин *elaphochthonos*, также как изображения убивающего оленя женского божества, настолько редок, что трудно не усмотреть взаимосвязи между этими скульптурными группами и херсонесскими монетами. Сама экцентричность иконографии, показывающей собственно акт убийства, могла бы свидетельствовать о связи с Таврополос, даже если не учитывать крымского происхождения как мифа, так и изображений. Соответственно, вполне вероятно, что в позднеллинистический и римский периоды иконография странствующего образа таврской богини, или *Taurópolos* в понимании Еврипида, могла ассоциироваться с убивающим оленя божеством, известным из Херсонеса Таврического.

Где же возникла эта новая интерпретация? Одним из возможных мест является Делос – плавильня идей ойкумены, где были найдены две статуи разящего лань божества. Однако, наиболее ранняя монета с подобным изображением, выпущенная вне Херсонеса, возможно указывает на другую локализацию этого переосмысления. В лидийской Гиеракоме, позднее называвшейся Гиерокесария, были выпущены два монетных тигя с таким изображением:

(а) Л. С.: Бородастая голова в перидском шлеме вправо.

О. С.: Фигура убивающей оленя женщины в коротком одеянии вправо. Монограмма IEP.

SNG Cop. (Lydia) 1947: № 172; Imhoof-Blumer 1883: 354, № 23a, pl. H. 7; 1897: 6–7, pl. I.3; 1901–1902: 447).

²⁰ Quartiere du théâtre, House III S: *Exploration archéologique ? Délos* VIII. Paris 1922: 222, fig. 98; Kahil 1984 no. 402; Sanctuary complex on the Mount Kynthos: *Exploration archéologique ? Délos* XI. Paris 1928: 127, fig. 28; Kahil 1984 no. 403.

²¹ Виа дел Принчипе Умберто на Эсквилинском холме, где были расположены Таврианские Сады (*Horti Tauriani*), принадлежавшие Статилию Тавру (!): Museo Capitolino, Palazzo dei conservatori, inv. 320: Stuart Jones 1926: 95–96, pl. 34.12; Mustilli 1939: 136, pl. 85.

Датировка: (начало) I в. до н. э.²²

(b) Л. С.: Бюст Артемиды вправо с луком и колчаном за спиной.

О. С.: Фигура убивающей оленя женщины в коротком одеянии вправо. Надпись HEROKAISAREON. Imhoof-Blumer 1897: 13, pl. 19; Catalogue of Greek Coins in the British Museum (Lydia), 1901: 102, № 3.

В то время как тип (b) надежно атрибутирован как гиерокесарийский благодаря легенде на реверсе, тип (a) приписывался разным центрам, названия которых начинались со слога «Hier-» (Imhoof-Blumer 1883: 354; Imhoof-Blumer 1901–1902: 447)²³. Известен лишь один монетный тип с той же монограммой кроме описанного выше, а именно, монеты с бюстом Артемиды на аверсе, иногда включающие легенду с именем Persike, а на реверсе изображающие переднюю часть коленапреклоненного оленя-самца²⁴.

Мужская голова в персидском шлеме на типе (a) напоминает изображения на анонимных понтийских оболах, относящихся ко времени Митридата VI (Голенко 1969: 130–154). Однако, в отличие от гладко выбритого юноши на последних, монета из Гиеракомы/Гиерокесарии показывает бородатого мужчину. В обоих случаях, однако, мужское изображение в персидском шлеме может относиться к культуре, почитавшемуся персидским жречеством. Возможно, что монету из Гиеракомы/Гиерокесарии можно датировать временем Митридата VI.

Легенды на монетах из Гиеракомы/Гиерокесарии позволяют идентифицировать разную лань богиню как персидскую Артемиду, или *Thea Persike*. Из надписей на камне известно, что Артемид Персидская действительно почиталась в Гиеракомы/Гиерокесарии²⁵, где преобладал персидский или персианизированный культ, так ярко описанный Павсанием (V.27.5). Было бы заманчиво согласиться с Имхооф-Блумером, идентифицировавшим вышеупомянутого мужчину в персидском шлеме на аверсе монетного типа (a) из Гиеракомы как персидского жреца (Imhoof-Blumer 1887: 10–11; Imhoof-Blumer 1901–1902: 447).

В связи с идентификацией разящей лань богини на монетах из Гиеракомы/Гиерокесарии как Артемиды Персидской следует кратко упомянуть отрывок из Павсания, относящийся к соперничавшим мифам о владении изображением из Тавриды:

«А ведь еще и донные так широко распространены и имя и почитание этой Таврической богини, что

каппадокийцы, живущие у Черного моря, утверждают, что эта статуя находится у них; претендуют на обладание ею и те мидийцы, у которых есть храм Артемиды-Анаитиды» (III.16.8. Перевод С. П. Кондратьева).

Под Артемидой Анаитой и Артемидой Персидской подразумевается одно и то же божество – персианизированная ипостась Артемиды²⁶. Более чем вероятно, что Гиеракомы/Гиерокесарии – главное святилище Артемиды Персидской – следует идентифицировать как лидийскую местность, которая согласно упоминанию Павсания дага пристанище изображению таврской богини, в то время как первое из упомянутых им мест должно относиться к Комане Понтийской. В обоих случаях богиня по-видимому отождествлялась с Таврополос, поскольку утверждалось, что ее изображение почиталось в обеих местностях. Идея приписать странствующему таврскому изображению форму, соответствующую херсонесской Партенос, убивающей оленя, могла возникнуть в персидской среде Понтийского царства. Комана Понтийская являлась важным религиозным центром этого государства (Сапрыкин 1996: 248–266). Основным божеством, почитавшимся в Комане, была Ма. Последняя иногда отождествлялась с Артемидой Анаитой. Вполне возможно, что персидские элементы этого культа были привнесены в царствование Митридата VI, но, к сожалению, об этом мало что известно. Не следует забывать однако, что в период создания скульптурных групп и, возможно, выпуска самых ранних из рассматриваемых монет, Херсонес прочно входил в орбиту влияния Понтийского царства Митридата (например IOSPE 1² 352). Связь между Ма и Партенос засвидетельствована в Причерноморье и в более позднее время, так как обе богини упоминаются как божественные надзирательницы акта отпуски раба на волю (CIRB 74; место и время находки неизвестны, хранилась одно время в Керченском музее, сейчас находится в Британском Музее; вторая половина II в. н. э.).

Чествование побед в Митридатовых войнах в святилище Дианы Неморенсис. Связь с Митридатом небезынтересно обсудить и в отношении к святилищу Дианы Неморенсис. В честь побед Рима над Митридатом VI в 3–й Митридатской войне римскими военачальниками были воздвигнуты в святилище несколько внушительных памятников. Один из них представлял собой бронзовую статую, установленную на высокой, хорошо обработанной колонне²⁷. Надпись

²² Имхооф-Блумер (Imhoof-Blumer 1897: 6) относит ее к I в. до н. э. илц (Imhoof-Blumer 1897: 10–11) ко времени «Августа или раннес».

²³ Вопрос был окончательно прояснен самим автором (Imhoof-Blumer 1897: 5–11). Тем не менее значительная путаница сохранилась в научной литературе и до сих пор; продолжение дискуссии см. в Robert 1964: 47–51.

²⁴ Imhoof-Blumer 1883: 353–354, № 23; Imhoof-Blumer 1887: 5–6, pl. 12 (с надписью PERSIKE); Imhoof-Blumer 1901–1902: 447 (с правильной атрибуцией). SNG Cop. (Lydia), 1947: № 170–171; SNG v. *Auloos* (Lydian), 1963: № 2951 (надпись PERSIKE). Такую же монограмму имеет единственная анонимная бронзовая монета с головой Аполлона. Она также атрибутирована как гиеракомская (Imhoof-Blumer 1897: 11).

²⁵ TAM V, Малая Азия, №№ 1244–1245 и 1396. Место находки 1936 г. неясно, но вероятнее всего это одна из деревень близости от Гиеракомы; см. Welles 1966, 2, 273–276. Надпись датируется подлинноллинистическим периодом – 138 до н. э. илц еще позднее. См. также Тас. *Авг.* III.62. 1 (Diana Persica).

²⁶ Бросиус (Brosius 1998) подробно рассматривает взаимосвязь между персидскими Артемидами и именно персидской Анахитой и приходит к выводу, что Анахита не была эллинизированной персидской богиней, а скорее наоборот, персидские Артемиды указывают на персианизацию греческого божества.

²⁷ Найдена в 1866, в Кастелло Русполи, Неми. Колонна с основанием и капителем имеет высоту 1,86 м. *CIL* XIV, 2218; *Magic* 1975 2.1208, № 15; Broughton 1952: 105, 106–107, 113; *ILLRP* № 372; Tüchelt 1979: 49–51, 194; pl. 10–11.

на ней, выполненная параллельно на греческом и латинском языках, сообщает нам, что она была дарована мизийцами, жившими в районе Аббатиса, и Эпиктету Фригийским римскому легату и пропретору Гаю Салльвио сыну Назона (С. Sallivius C. f. Naso) в благодарность за то, что он спас их во время войны с Митридатом. Sallivius Naso не известен больше ни по каким другим источникам. Указанное событие, вероятно, имело место в самой начальной фазе войны – в 74 или 73 гг. до н. э. (Broughton 1952: 105–107, 113; Tuchelt 1979: 49, 194), когда римляне выиграли решающее сражение при Аполлонии на Риндаке, то есть как раз на землях дарителей.

Второй памятник представлял собой эпитафию из травертинского известняка²⁸. В посвяtitельной надписи сообщалось, что здание возвели [...] *Licinius L. f.* и *C. Voconius C. f.* К сожалению, эта надпись утеряна, однако, и использование травертина в строительстве, и написание имени *Licinius*, указывают на позднереспубликанский период.

Воконии принадлежали к происходящему из Арики местному роду. Нам известно лишь одно историческое событие, связывающее вместе имена Луция Лициния и одного из Вокониев, а именно – начало 3-й Митридатовой войны, когда Воконий (первое имя которого, к сожалению, неизвестно) был военачальником под командованием Луция Лициния Лукулла в Малой Азии²⁹.

Участие Вокония в 3-й Митридатовой войне имело место непосредственно после вышеупомянутой битвы при Аполлонии. После того, как часть армии Митридата потерпела поражение от римлян при Аполлонии, оставшаяся часть укрылась в Кизике, но вскоре и она была разбита (Plut. *Luc.* XI.6). После этого Лукулл послал некоего Вокония преследовать Митридата, чтобы тот не смог бежать дальше Никомедии в Вифинии (Plut. *Luc.* XIII.1). Однако, Воконий, занявший в это время собственных посвящением в Самофракийские мистерии, упустил Митридата, который благополучно миновал римскую армию (Plut. *Luc.* XIII.2). Тем не менее, благодаря помощи Артемиды Приапской митридатский флот был уничтожен штормом, от которого, согласно Плутарху, удалось спастись лишь самому Митридату (Plut. *Luc.* XIII.4).

Поэтому у возвратившихся с победой в Италию офицеров было достаточно причин почитать Артемиду-Диану прекрасными дарами в одном из ее главных святилищ. Позднее Артемиде опять сыграла решающую роль в 3-й Митридатовой войне: в 69 г. до н. э. Лукулл выступил в Армению, где укрывался Митридат. При переправе через Евфрат, разлившийся от зимних дождей, река расступилась перед римскими войсками как Красное море перед Моисеем (Plut. *Luc.* XXIV.4–5). На противоположной стороне реки Лукулл получил добрый знак (Plut. *Luc.* XXIV.6). Там паслись волы, посвященные Артемиде Персидской – божеству, «которого варвары по ту сторону реки почитают бо-

лее всего» (Plut. *Luc.* XXIV.6). Один из волов по собственной воле согласился быть принесенным в жертву (Plut. *Luc.* XXIV.6–7). Это событие явилось предзнаменованием великой победы Лукулла при Тигракертте (Plut. *Luc.* XXIX.2–3).

Таким образом, существует вероятность того, что представления о Таврополос, объясняющие сохранение диких обрядов в Святилище Дианы Роши, возникли на волне 3-й Митридатовой войны, хотя такая реконструкция и может показаться малообоснованной. Это не только указывало бы на более раннюю, чем времена Страбона и Цезаря, дату возникновения данной этиологии, но и объяснило бы ее как результат встречи римских войск со странной Артемидой, воспринимавшейся как Таврополос и Персидская в понтийской среде – божеством, которое, в свою очередь, во времена Митридата VI, возможно, было иконографически переосмыслено как первоначальная *Tauró-polos* – херсонесская убийца оленей – Партенос.

Подведение итогов.

а) Как отметил еще Страбон, святилище Дианы Неморенсис называлось «скифским» из-за практики ритуализированных человеческих жертвоприношений.

б) Страбон, скорее всего, знал святилище Дианы Неморенсис по личным наблюдениям. Маловероятно, что он сам был создателем этимологии этого культа как колнии культа Таврополос, хотя он первый (вместе со своим современником Овидием) ее зафиксировал.

в) Создание визуального воспроизведения странствующего таврского образа, *Tauró-polos* в еврипидовском смысле, относится, по-видимому, приблизительно к 100 г. до н. э. и было основано на образе поздней «таврской» богини – херсонесской Партенос. Связь между еврипидовским описанием Таврополос как *Elarhochthonos* и появившимися в Херсонесе на протяжении трех четвертей тысячелетия изображениями божества, убивающего оленей – изображениями крайне редко встречающимися в других местах, – представляет первоисточенное значение.

г) Возможно, что данное иконографическое (пере)осмысление возникло в Понтийском царстве Митридата VI.

д) Римляне могли столкнуться с изображениями божества разящего лань либо в Херсонесе, либо на Делосе, либо в Понтийском царстве.

е) Учитывая роль Артемиды (Персидской) в 3-й Митридатовой войне и тот факт, что по крайней мере один, а скорее всего два крупных монумента были воздвигнуты в Святилище одним или двумя римскими военачальниками, вернувшимися с победой с этой войны, имеется вероятность того, что именно это событие подстегнуло переосмысление культа Дианы Неморенсис как Дианы Таврополос.

²⁸ Эпитафия из травертина, найден между 1866 и 1885 гг., современное местонахождение неизвестно; *CIL* I, 1434 = *CIL* XIV, 2222.

²⁹ Plut. *Luc.* XIII.1. К такому же выводу пришел Ф. Коарелли (Coarelli 1987: 178–179).

- Голенко 1969 – *Голенко К. В.* Понтийская анонимная медь // ВДИ. № 1. 1969. С. 130–154.
- Зораф 1922 – *Зораф А. Н.* Статуарные изображения Девы в Херсонесе по данным нумизматики // Известия РАИМК. № 2. 1922. С. 337–360.
- Иванова, Чубова, Колесникова 1976 – *Иванова А. П., Чубова А. Л., Колесникова Л. Г.* Античная скульптура Херсонеса. Киев, 1976.
- Русьева А., Русьева М. 1999 – *Русьева А., Русьева М.* Верхняя богиня античной Таврики. Киев, 1999.
- Сапрыкин 1996 – *Сапрыкин С. Ю.* Понтийское царство. М., 1996.
- Столба 1989 – *Столба В. Ф.* Новое посвящение из Северо-Западного Крыма и аспекты культа Геракла в Херсонесском государстве // ВДИ. № 4. 1989. С. 55–70.
- Щеглов 1988 – *Щеглов А. Н.* Тавры в VII – первой половине IV вв. до н. э. и греко-таврские взаимоотношения // Местные этно-политические объединения Причерноморья в VII–IV вв. до н. э. Тбилиси, 1988. С. 53–81.
- Anochin 1980 – *Anochin V. A.* The Coinage of Chersonesos. BAR 69. Oxford, 1980.
- Braund (в печати) – Braund D.* Parthenos and the Nymphs at Crimean Chersonesus: colonial appropriation and native integration. to be printed in the conference volume: *Cités grecques, sociétés indigènes et empires mondiaux dans la région nord-pontique: origines et développement d'une koine politique, économique et culturelle* (VIIe s. a. C. – IIIe s. p. C.). Bordeaux, in press.
- Brosius 1998 – *Brosius M.* Artemis Persike and Artemis Anaitis // *Achaemenid History 11. Essays in Memory of David M. Lewis.* Leiden, 1998. S. 227–238.
- Broughton 1952 – *Broughton T. R. S.* The Magistrates of the Roman Republic II (Philological Monographs published by the American Philological Association XV). New York, 1952.
- Coarelli 1987 – *Coarelli F.* I santuari del Lazio in età repubblicana (Studi NIS Archeologia 7). Roma, 1987.
- Diehl 1949 – *Diehl E.* Parthenos (2), Pauly Wissowa, Real Encyclopädie 18.4, 1957–1967. 1949.
- Gilević 2002 – *Gilević, A. M.* Coins // *L. Hannestad, V. F. Stolba & A. N. Ščeglov* (eds.), *Panskoje I.* Vol. I. The Monumental Building U6. Aarhus, 2002.
- Graf 1979 – *Graf F.* Das Götterbild aus dem Tauerland // *Antike Welt* N 10.4. 1979. S. 33–41.
- Gulfdager Bilde 2000 – *Gulfdager Bilde P.* The Sculptures from the Sanctuary of Diana Nemorensis, Types and Contextualisation: *An Overview // Nemi – Status Quo.* Rome, 2000. S. 93–109.
- Gulfdager Bilde 2003 – *Gulfdager Bilde P.* Wandering Images: From Taurian (and Chersonesean) Parthenos to (Artemis) Tauropolos and (Artemis) Persike // *P. Gulfdager Bilde, J. M. Højte & V. F. Stolba,* The Cauldron of Ariantans. Studies presented to A. N. Ščeglov on the occasion of his 70th birthday. Aarhus, 2003. P. 165–183.
- Gulfdager Bilde (в печати) – *Gulfdager Bilde P.* Caesar's villa? Nordic excavations of a Roman villa by Lake Nemi, loc. S. Maria, *Analecta Romana Instituti Danici*, in press.
- Gulfdager Bilde, Moltesen 2002 – *Gulfdager Bilde P., Moltesen M.* A Catalogue of Sculptures from the Sanctuary of Diana Nemorensis in the University of Pennsylvania Museum // *Analecta Romana Instituti Danici*, № 29. Philadelphia, 2002.
- Imhoof-Blumer 1883 – *Imhoof-Blumer F.* Monnaies grecques. Paris & Leipzig, 1883.
- Imhoof-Blumer 1897 – *Imhoof-Blumer F.* Lydische Stadt Münzen. Genf & Leipzig, 1897.
- Imhoof-Blumer 1901–1902 – *Imhoof-Blumer F.* Kleinasiatische Münzen I–II. Wien, 1901–1902.
- Kahl 1984 – *Kahl L.* Artemis, LIMC II. Zürich & München, 1984. P. 618–753.
- Kahl 1990 – *Kahl L.* Iphigenia, LIMC V. Zürich & München, 1990. P. 706–729.
- Knell 1983 – *Knell H.* Der Tempel der Artemis Tauropolos in Lutsia. *Archäologischer Anzeiger*, 1983. P. 39–43.
- Kotzias 1925–1926 – *Kotzias N.* Démotikon pséphisma Halon ton Raphnidon, *Archaiologike Ephemeris*, 1925–1926. P. 168–177.
- Koukouli-Chrysanthaki 1997 – *Koukouli-Chrysanthaki H.* Parthenos, LIMC VIII. Zürich & Düsseldorf, 1997. P. 944–948.
- Krauskopf 1990 – *Krauskopf I.* Iphigenia in Etruria, LIMC V. Zürich & München, 1990. P. 729–734.
- Lorber 1990 – *Lorber C. C.* Amphipolis. The Civic Coinage in Silver and Gold. Los Angeles, 1990.
- Magie 1975 – *Magie D.* Roman Rule in Asia Minor. New York, 1975.
- Mustili 1939 – *Mustili D.* II Museo Mussolini. Roma, 1939.
- Oppermann 1934 – *Oppermann H.* Tauropolos, Pauly Wissowa, Real Encyclopädie 2.5, 1934. P. 34–38.
- Papadimitriou 1956 – *Papadimitriou J.* Anaskaphai en Brauróni, *Praktiká*, 1956. P. 87–89.
- Papadimitriou 1957 – *Papadimitriou J.* Anaskaphai en Brauróni, *Praktiká*, 1957. P. 45–47.
- Rives 1995 – *Rives J.* Human sacrifice among pagans and Christians, *Journal of Roman Studies*, № 85, 1995. P. 65–85.
- Robert 1964 – *Robert L.* La déesse de Hiéropolis Castabala (Cilicie), Paris, 1964.
- Sacred Grove 1997 – *Sacred Grove. I.* Dianas hellige lund. Fund fra en helligdom i Nemi (In the Sacred Grove of Diana, Finds from a Sanctuary at Nemi). Copenhagen, 1997.
- Schmidt 1937 – *Schmidt J.* Phakelitis, Pauly Wissowa, Real Encyclopädie 19, 1609. 1937.
- Stauroupollos 1932 – *Stauroupollos Ph.* Timétkon pséphisma Halon ton Araphnidon, *Archaiologike Ephemeris, Archaiologika chronika*, 1932. P. 30–32.
- Stolba 1996 – *Stolba V. F.* La couronne de la déesse Parthénos: À propos d'un aspect du monnayage de Chersonèse au IVe siècle av. J.C. *Bulletin de l'Association des amis du Cabinet des médailles.* Lausanne, 1996. P. 11–20.
- Stuart Jones 1926 – *Stuart Jones H. A.* Catalogue of the Ancient Sculptures Preserved in the Municipia Collections of Rome. *The Sculptures of the Palazzo dei Conservatori.* Oxford, 1926.
- Tuchelt 1979 – *Tuchelt K.* Frühe Denkmäler Roms in Kleinasien (Istanbul Mitteilungen Suppl. 23). Tübingen, 1979.
- Ucelli 1950 – *Ucelli G.* Le navi di Nemi. Roma, 1950.
- Welles 1966 – *Welles C. B.* Royal Correspondence of the Hellenistic Period. Roma, 1966.

WHAT WAS SCYTHIAN ABOUT THE «SCYTHIAN DIANA» IN NEMUS ARICINUM?

PIA GULDAGER BILDE

This article aims to show that

(a) As already noted by Strabo, the Sanctuary of Diana Nemorensis by Lake Nemi in Central Italia was called «Scythian» because of the custom of ritualised human sacrifices practised there.

(b) Strabo probably knew the Sanctuary of Diana Nemorensis at first hand. It seems unlikely that he was the creator of the *aition* of the cult as a copy of that of Tauropolos, though it is Strabo (and his contemporary Ovid) who were the first to formulate this view.

(c) The creation of the visual representation of the travelling Taurian image, the Tauró-polos in the Euripidean sense, probably took place around 100 BC modelled upon the image of a later «Taurian» goddess — Chersonesean Parthenos. Of decisive importance is here the link between Euripides's description of Tauropolos

as *elaphochthonos* (deer-killing) and the representations of a deer-killing deity reproduced in Chersonesos throughout three quarters of a millennium but extremely rare elsewhere.

(d) This iconographical (re)interpretation may have been created in the Pontic Kingdom of Mithridates VI.

(e) The Romans could have encountered the representations of a deer-killing deity either in Chersonesos, in Delos, or in the Pontic Kingdom.

(f) Taking into account the legendary role of Artemis (Persike) in the 3rd Mithridatic War and considering the fact that at least one, more likely two, important monuments were erected in the Sanctuary by some victorious Roman officers of that war, it is possible that exactly these events prompted the reinterpretation of the cult of Diana Nemorensis as that of Tauropolos.

О СЕМАНТИКЕ ИЗОБРАЖЕНИЙ НА ЗОЛОТЫХ СТАТЕРАХ ПАНТИКАПЕЯ

Ю. А. ВИНОГРАДОВ, И. Ю. ШАУБ¹

Золотые статеры, которые чеканились в Пантикапее при Левконе I начиная с 70-х гг. IV в. до н. э. (Зограф 1951: 171 сл., 245, табл. 40, 7–11; Анохин 1986: 140, №№ 91, 97; Фролова 2002), очень хорошо известны как в научной, так и в популярной литературе, и эта известность вполне оправдана. Монеты отчеканены из прекрасного металла, содержание золота в котором не опускается ниже 95% (Смекалова, Дюков 2001: 46), и содержание при этом полностью соответствует форме – статеры являются замечательными произведениями древнегреческого прикладного искусства. На наш взгляд, их вполне можно отнести к разряду нумизматических шедевров. Конечно, выпуск в обращение такой монеты был связан с ростом экономического и политического могущества Боспорского государства при ранних Спартокидах, эту акцию можно рассматривать как своего рода демонстрацию, цель которой сводилась к тому, чтобы громко заявить о собственном существовании, упрочить положение нового государства в системе античной цивилизации того времени. Задачей нашей работы, однако, являются совсем не эти социально-экономические детерминанты, *безусловно, важные сами по себе*, а семантика изображений на золотых статерах. Иными словами, мы хотели бы показать, что новое государство пыталось продемонстрировать всему миру своими монетами, или, что могли понять о Боспоре греки метрополии, когда держали в руках боспорские статеры.

На аверсе золотых монет, как хорошо известно, изображена мужская бородатая голова в профиль или в три четверти, на реверсе – грифон, идущий по колоде влево, со стрелой (коротким копьём?) в пасти, а также буквы ΠΑΝ (см. рис. 1). На первый взгляд, все эти изображения кажутся случайным набором образов и предметов, *лишним какой-либо внутренней связи*. Однако к ним стоит приглядеться повнимательней. Вопреки бытующим представлениям, есть все основания утверждать, что изображения на аверсе и реверсе пантикапейских золотых статеров IV в. до н. э. семантически связаны между собой и имеют *глубокую символику*, в которой фокусируется специфика религиозно-мифологических представлений греко-варварского населения Боспора.

На лицевой стороне статеров, как говорилось, изображена голова бородатого мужчины, которую порой трактуют как голову Пана (Franke, Hirmer 1964: Taf. 142; Кгау 1976: 252), а, значит, как «говорящую эмблему» Пантикапея. Между тем, здесь нет характерных для этого божества козлиных рогов и каких-либо иных намеков на его «козлоподобность» (см. Vorgeaud 1988). А. Н. Зограф, справедливо критикуя

эту концепцию, считал, что на статерах изображен сатиры, и, действительно, вздохмаченная прическа и заостренные уши, схожие с козлиными, указывают на правильность такого понимания. Развивая эту идею, А. Н. Зограф высказал предположение, что голова сатира на этих монетах, возможно, является «говорящей эмблемой» не города, а знаменитого в боспорской истории правителя – Сатира I, поскольку появление подобных голов на монетах по времени совпадает с концом его долгого правления (Зограф 1951: 171–172).

На наш взгляд, нет особых сомнений в том, что на статерах было отчеканено изображение именно сатира или *силена* (о них см. Brommer 1937; 1959; Carpenter 1986: 76–79). Надо признать, что уже в VI в. до н. э. греческие поэты не проводили четких различий между сатирами и силенами, а к IV в. до н. э. эти слова стали почти синонимами (Carpenter 1986: 78–79). Любопытно, что Алкивиад, как об этом сообщает Платон, называл Сократа «силеноподобным» (Symp. 216d), но сравнивал его не только с силеном, но и с сатиром (Symp. 215a–b). В такой ситуации исследователям остается полагаться на свидетельство Павсания, который заметил, что силенами называют старых сатиров (Paus. 1. 23.5), и по этой причине на пантикапейских золотых монетах, скорее всего, следует видеть *силенов, нежели сатиров*, но этот вопрос вряд ли имеет принципиальное значение для понимания семантики их образов.

Происхождение сатиров и силенов в мифологическом сознании древних греков, возможно, было связано с миром горных нимф и Гермеса (Carpenter 1986: 79), но позднее, судя по изображениям на чернотифурных вазах, они стали прочно ассоциироваться с Дионисом. Семантика их образов в древнегреческом искусстве совсем не проста и не однозначна. С одной стороны, появление сатиров в театральных представлениях или на произведениях изобразительного искусства, конечно, должно демонстрировать зрителю мир Диониса, служить намеком на близкое присутствие самого божества (Lassarague 1990: 236; Hoffman 1994a: 79; 1994b: 43; 1997: 29, 97ff.; Bremmer 1994: 19). С другой стороны, их своеобразное поведение, явно неукладывающееся в рамки приличий обычного общества, свидетельствует о том, что сатиры являются существами, которые самым тесным образом связаны с «миром, вывернутым наизнанку» (Hoffman 1994b: 44), то есть, вне всякого сомнения, со страной мертвых (см. Kenner 1970).

Лицевая сторона пантикапейских статеров, как видим, должна была показать всему миру, что Боспорское государство имеет отношение к миру

¹ Россия. 191186. Санкт-Петербург: Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры. Отдел античной археологии.

Рис. 1.

Fig. 1.

Диониса, и может быть, весьма тесно с ним связано. В научной литературе, однако, этот аспект нашел самое разнообразное понимание. По мнению М. И. Ростовцева, на аверсе представлены изображения «местного, возможно, фракийского, божества, великого бога растительности, который стал греческим Дионисом и который иногда фигурирует в виде бородастого сидена на монетах греко-фракийских городов» (Rostovtzeff 1922: 80). Гипотеза М. И. Ростовцева вызвала возражение Д. Б. Щелова, который связывал головы пантикапейских монет «с другими местными культами, происхождение и распространение которых еще недостаточно выяснено» (Шелов 1950: 64).

Вместе с тем, параллелизм двух аспектов божества, представленного на монетах Пантикаея, бородастого пожилого и юного безбородого, — черта, свойственная не только нашедшему распространение во всем Причерноморье, в том числе и на Боспоре, культу кабиров (Fritze 1904: 105ff; Зограф 1951: 170), но и культу диморфного бога Диониса. Этот параллелизм является, на наш взгляд, достаточным аргументом в пользу идеи М. И. Ростовцева. Д. Б. Щелов поддержал мнение А. Н. Зографа, считавшего, что приобщение сатиropодобного божества к дионисийскому кругу произошло только с появлением у него плющевого венка, то есть на рубеже 40–30-х гг. IV в. до н. э. (Шелов 1950: 64) Однако сосуществование ещё и в III в. до н. э. в типологии пантикапейских монет бородастых и безбородых сатиropодобных божеств в венках с аналогичными персонажами без венков, делает точку зрения обоих почтенных нумизматов неубедительной.

О хтоническом характере этого сатиropодобного божества свидетельствуют два факта. Во-первых, популярность его изображений на бляшках от погребальных одежд жителей как Боспора, так и скифов Приднепровья (Rostowzew 1931: 393–394). Во-вторых, связь этого божества со змееногой богиней — местным великим женским божеством в его хтоническом аспекте (см. Шауб 1999: 210 сл.). Эта связь фиксируется не только бляшками из Куль-Обы и с Тамани, где змееногая богиня держит в руках голову сатиropодобного божества (см. Артамонов 1966: 65, табл. 230; Анфинов 1987: 127), но и совместными находками бляшек с изображением этих персонажей в погребениях 3 и 4 Большой Близицы (в погребении 4 голова, совершенно аналогичная изображению на бляшках, представлена на ожерелье; см. ОАК 1866: табл. II; ОАК 1869: табл. I, 15). Вообще почитание хтонического Диониса на Боспоре является одной из характерных

особенностей религиозных представлений местного населения (см. Шауб 1999а: 134–136).

Но оставим на время рассуждения о «хтоничности» образа Диониса и связанного с ним круга персонажей и рассмотрим изображения на реверсе пантикапейских статов. Общая композиция здесь кажется несколько перегруженной — колос, грифон, стрела. Главным персонажем, безусловно, является грифон, но что его может связывать с предметами, которые, на первый взгляд, относятся к земледельческой (колос) или военной/охотничьей (стрела) сферам? Вообще, вся эта совокупность напоминает скифскую загадку, которая, по сообщению Геродота, была предложена персидскому царю Дарию в виде даров — птица, мышь, лягушка и пять стрел. Для ее разрешения был собран совет, который совсем не сразу нашел ту связь между предметами, которую придавали им скифы (Hdt. IV. 131–132). Думается, что подобного рода загадки были очень популярны в Скифии, и Левкон I на золотых статорах, скорей, непреднамеренно предложил нам такой образчик. Но что же может связывать все изображения на реверсе монеты?

Львиноголовой грифон, идущий со стрелой в зубах по пшеничному колосу (который сам очень напоминает стрелу), на пантикапейских золотых статорах IV в. до н. э., скорее всего, был символом Аполлона Гиперборейского (подробнее см. Шауб 1998). Грифон — самый популярный персонаж боспорского искусства, был у греков издавна связан с загробным миром. По-видимому, мифотворческая фантазия греков связала грифонов с Аполлоном потому, что эти чудовища обитали в области гипербореев, которая считалась священной страной Аполлона. Кроме того, этой ассоциации могло способствовать сопоставление греками грифонов, образ которых некогда был заимствован ими с Востока, с драконоподобными стражами золотоносных гор фольклора центрально-азиатских народов (ссылки на соответствующую литературу см. Шауб 1998: 72, прим. 54, 55). В том же фольклоре с этими персонажами связаны злые и мрачные одноглазые демоны, находящиеся на службе владыки подземного мира (см. Bolton 1962: 85 ff.). Важно, что древнейшим изображением Аполлона с геральдическими грифонами была его архаическая статуя на острове Делос (Furtwängler 1882: 332), который считался не только конечным пунктом гиперборейских даров, но и был одним из тех мест, где легенда о гипербореевях получила свое оформление (Daebritz 1914: 264).

По словам делосцев, «гипербореев посылают скифам жертвенные дары, завернутые в пшеничную

солону» (Hdt. IV. 33). По Каллимаху (H. Del. 283 sq), гиперборейские дары – это «солонка и священные охляки колосьев». Именно потому, что главным предметом в гиперборейском ритуале была пшеница (колосья или солома), можно предполагать связь с ним пшеничного колоса на пантикапейских монетах, поскольку колос здесь не просто добавочная эмблема, но и органическая часть композиции, так как грифон явно шествует по нему. Колос на монетах Пантикапея, который находился на территории, примыкавшей к областям, где миф помещал грифонов и гипербореев, возможно, являлся символом гиперборейского ритуала, в котором, по свидетельству Геродота, принимали активное участие скифы.

О колосе, изображенном на монетах, необходимо сказать еще несколько слов. В научной литературе иногда можно встретить суждение, что он символизирует хлебное богатство Боспора (Зограф 1951: 176; Крутлик 1967: 126), в действительности же все обстоит не столь просто. Специалисты, проанализировавшие изображения на монетах (см. Крутлик 1967: 134; 1975: 187), признают, что отчеканенные на них колосья могут принадлежать либо карликовой пшенице (*Triticum coccinatum*), либо пшенице двузерняк (*Triticum dicoccum*). Чрезвычайно любопытно, что на Боспоре эти сорта пшеницы специально вообще не высевались. С самого раннего времени греки-колонисты выращивали здесь голозерную пшеницу (*Triticum aestivum* s.l.), что было характерно и для других греческих государств Северного Причерноморья (Янушевич 1986: 46 сл.; Щеглов 1990: 113 сл.; Пашкевич 1990: 116 сл.; 1995: 98; Крижичкий, Щеглов 1991: 51; Виноградов 1996: 84 сл.). Пленчатая пшеница-двузерняк была основной пищевой культурой у земледельческих племен лесостепной Скифии (Янушевич 1976: 102; 1986: 35; Шрамко, Янушевич 1985: 61), но почему-то именно ее колос изображен на пантикапейских монетах. Объяснение этому парадоксальному факту, по нашему мнению, может быть одним, – на монете необходимо было изобразить знак северных варваров, который больше всего подходил для даров гипербореев или, возможно, был таковым.

По мнению И. Визнера, весьма вероятно, что внимание скифов к гиперборейскому культовому ритуалу было связано с почитанием скифского Аполлона Гойтосира. Стрела (ее оперение, вероятно, не передано из эстетических соображений), которую грифон держит в пасти – это, как предположил еще К. О. Мюллер, скорее всего, являющаяся стрела Аполлона, которой владел его сын гиперборей (или скиф) Абарис (см. Шауб 1998: 73, прим. 65–67). Н. И. Судрев обратил внимание на существование среди боспорских греков обычая помещать в могилу именно стрелы (в символическом количестве 1–3). Этот обычай он связывает с почитанием Аполлона Врача, связь которого с загробным миром, идея возрождения к новой жизни представляется неоспоримой (Судрев 1999: 220 сл.).

Итак, имеются веские основания полагать, что реверс пантикапейских статов не несет символику, характерную прежде всего для Аполлона Гипербо-

рейского, а вся монета в целом (изображения аверса и реверса) должна ассоциироваться с двумя божествами – Дионисом и Аполлоном. Такое соседство представляется несколько странным, поскольку в сознании современного человека прочно утвердилось представление об их противоположности, глубочайшем различии «рационального» мира Аполлона и «иррационального» мира Диониса. Надо признать, однако, что это представление, базирующееся на идеях Ф. Ницше, к греческой религии не имеет особого отношения (Доддс 2000: 106; Burkert 1985: 224 ff.; Hoffmann 1997: 68). В сознании же греков эти два божества были связаны между собой теснейшим образом.

Ограничимся лишь несколькими показательными примерами. В Фивах существовал обычай приносить жертвы одновременно Аполлону и Дионису (Paus. IV. 27.6). В Аттике Аполлон почитался как Дионисодот (то есть «Данный Дионисом», см. Paus. I. 31.4). Знаменитое святилище Аполлона в Дельфах принадлежало не только этому богу, но и Дионису. Вакханки даже проводили оргии в честь Диониса на Парнасе (Paus. X. 4.3). Аполлон и Дионис, как видим, находятся, скорее, в положении комплементарной оппозиции, нежели взаимной исключительности, они как бы представляют собой две стороны одной действительности (Hoffmann 1997: 68). Совсем не удивительно по этой причине, что на некоторых аттических чернофигурных вазах изображение Аполлона присутствует на одной стороне сосуда, а изображение Диониса – на другой (Beazley 1956: 331, № 12; 401, № 3). Еще более показательный пример дает музеевтика, – в сицилийском городе Наксосе изображения голов этих богов чеканились на аверсах монет 420–403 гг. до н. э., при этом на реверсах в обоих случаях был представлен сатир (Franke, Hirmer 1964: Taf. 4, 11, 12). Монета с изображением головы Аполлона на аверсе и сатира на реверсе (Franke, Hirmer 1964: Taf. 4, 11), безусловно, является идеальной аналогией к золотым статавам Пантикапея в плане их семантической нагрузки. В изображениях голов сатиров в три четверти на обеих монетах даже можно усмотреть определенное стилистическое сходство.

В единстве двух богов Дионис, скорее всего, вступал как хтонический партнер Аполлона (Burkert 1985: 224). Его хтонизм, на наш взгляд, лучше всего выражен в празднике Аифестерий, характерном для афинян и вообще для всех ионийцев, то есть очень древнем, возникшем еще до эпохи миграций (Burkert 1985: 237; Bremmer 1994: 50; Hoffman 1994b: 44 ff.). В высшей степени показательным, что этот весенний праздник, связанный с созреванием вина прошлогоднего урожая, одновременно был и главным праздником в честь душ усопших предков, кормлению которых специально был посвящен третий (заключительный) день торжеств. Дионис вступал в город словно в сопровождении сонма душ умерших, Х. Кеннер, на наш взгляд, убедительно показала, что его корабль-повозка явно указывает, так сказать, на пункт отправления – загробный мир (Kenner 1970: 79–81). Связь Диониса с владыкой подземного мира Гадесом в этом

отношению вполне очевидна, но очевидно и отличие, — Дионис выступает здесь как освободитель душ (Hoffmann 1997: 42–43).

В боспорском искусстве многочисленны дионисийские сюжеты (многие из которых связаны с представлениями о Дионисе как боте загробного мира), появляются с начала IV в. до н. э. Вероятно, они слились с господствовавшими здесь ранее верованиями, связанными с Аполлоном Гиперборейским, свидетельством чего можно считать сосуществование изображений персонажей круга Диониса с аполлинистским грифоном на золотых статерах Пантикалея. О синкретизме Аполлона и Диониса на Боспоре может говорить также ряд сюжетов на вазах «керненского стиля» (в том числе на «боспорских пеликах») из погребений боспорских некрополей, в частности, персонаж на грифоне, соединяющий в себе черты обоих богов, Аполлон в окружении дионисийского фнаса и т. п. (подробнее см. Шауб 1983; 1989: 128–129).

Попытаемся подвести некоторые итоги. Вполне очевидно, что золотые статеры Пантикалея демонстрируют идею единства Диониса и Аполлона, в данном случае выступающую как единство Диониса хтонического и Аполлона Гиперборейского. Такая символика однозначно указывает на то, что Боспорское государство по представлениям древних греков находилось на краю ойкумены, близости от страны гипербореев, с одной стороны, а с другой, — около входа в царство мертвых. В подобном ключе, как представляется, следует трактовать само название Боспора Киммерийский и обилие киммерийской топонимики в районе пролива (см. Иванчик 1986: 14–15; Виноградов 2000: 121–122). Если понимать проблему шире, под этим углом зрения можно трактовать одно из направлений осмысления греческими колонистами Боспора своего места в мире, при этом, разумеется, не только в мире живых, но и в его соотношении с миром богов и царством мертвых.

- Анохин 1986 — Анохин В. А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986.
- Анфимов 1987 — Анфимов Н. В. Древнее золото Кубани. Краснодар, 1987.
- Артамонов 1966 — Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага-Л., 1966.
- Виноградов 1996 — Виноградов Ю. А. Природный фактор в развитии Боспора в скифскую эпоху (VI–IV вв. до н. э.) // ВДИ № 3. 1996. С. 77–88.
- Виноградов 2000 — Виноградов Ю. А. Феномен Боспорского государства в отечественной литературе // Stratum plus № 3. СПб, Кишинев, Одесса, Бухарест, 2000. С. 98–128. Доддс 2000 — Доддс Э. Р. Греки и иррациональное (пер. с англ.). СПб, 2000.
- Зограф 1951 — Зограф А. Н. Античные монеты // МИА. № 16. М., 1951.
- Иванчик 1986 — Иванчик А. И. О происхождении «киммерийской» топонимики Боспора // Международный симпозиум «Литания Балканистика — би. Этногенез народов Юго-Восточной Европы. Этнолингвистические и культурно-исторические взаимодействия Балкан и Циркумпонтийской зоны. М., 1986. С. 14–15.
- Кругликова 1967 — Кругликова И. Т. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья // Возникновение и развитие земледелия. М., 1967. С. 123–144.
- Кругликова 1975 — Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975.
- Крыжичский, Щеглов 1991 — Крыжичский С. Д., Щеглов О. И. Про зерновой потенциал античных деревьев Північного Причорномор'я // Археологія. № 1. Київ, 1991. С. 46–65.
- Пашкевич 1990 — Пашкевич Г. А. Состав культурных и сорных растений из раскопок поселений сельской округи Ольвия // Крыжичский С. Д., Буйских С. Б., Отренко В. М. Античные поселения Нижнего Побужья (археологическая карта). Киев, 1990. С. 114–119.
- Пашкевич 1995 — Пашкевич Г. А. Палеоботаничні матеріали з розкопок Ольвії // Археологія. № 3. Київ, 1995. С. 97–108.
- Смекалова, Дюков 2001 — Смекалова Т. Н., Дюков Ю. Л. Монетные слывы государств Причерноморья. Боспор, Ольвия, Тира. СПб, 2001.
- Сударев 1999 — Сударев Н. И. Культ Аполлона Врача на Боспоре и некоторые вопросы греческой колонизации // Древность Боспора. Вып. 2. М., 1999. С. 213–231.
- Фролова 2002 — Фролова Н. А. Каталог золотых статеров Пантикалея IV в. до н. э. // Древность Боспора. Вып. 5. М., 2002. С. 286–293.
- Шауб 1983 — Шауб И. Ю. Религиозно-мифологические представления жителей Боспорского царства (некоторые сюжеты «боспорских пелико») // Concilium Eirene. XVI, t. 2. Prague, 1983. S. 72–75.
- Шауб 1987 — Шауб И. Ю. Культы и религиозные представления населения Боспора VI–IV вв. до н. э. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1987.
- Шауб 1989 — Шауб И. Ю. О синкретизме Аполлона и Диониса на Боспоре в IV в. до н. э. // Проблемы исследования античных городов. Тезисы докладов. М., 1989. С. 128–129.
- Шауб 1998 — Шауб И. Ю. Варварские элементы в культуре Аполлона на Боспоре // Кlio. № 1 (4). СПб., 1998. С. 67–74.
- Шауб 1999а — Шауб И. Ю. Культ Великой богини у местного населения Северного Причерноморья // Stratum plus. № 3. СПб., Кишинев, Одесса, 1999. С. 207–223.
- Шауб 1999б — Шауб И. Ю. Некоторые аспекты культуры Диониса на Боспоре в IV в. до н. э. // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. СПб., 1999. С. 133–136.
- Шелов 1950 — Шелов Д. Б. К вопросу о взаимодействии греческих и местных культов в Сев. Причерноморье // КСИА. Вып. 34. М., 1950. С. 62–69.
- Шрамко, Янушевич 1985 — Шрамко Б. А., Янушевич З. В. Культурные растения Скифии // СА. № 2. М., 1985. С. 47–64.
- Щеглов 1990 — Щеглов А. Н. Северопонтийская торговля хлебом во второй половине VII–V вв. до н. э.: письменные источники и археология // Причерноморье в VII–V вв. до н. э. Тбилиси, 1990. С. 99–121.
- Янушевич 1976 — Янушевич З. В. Культурные растения юго-запада СССР по палеоботаническим исследованиям. Кишинев, 1976.
- Янушевич 1986 — Янушевич З. В. Культурные растения Северного Причерноморья. Палеоботанические исследования. Кишинев, 1986.
- Beazley 1956 — Beazley J. D. Attic Black-Figure Vase-Painters. Oxford, 1956.
- Bolton 1962 — Bolton J. D. P. Aristaeas of Proconnesus. Oxford, 1962.
- Borgeaud 1988 — Borgeaud Ph. The Cult of Pan in Ancient Greece. Chicago and London, 1988.
- Bremmer 1994 — Bremmer J. N. Greek Religion. Oxford University Press, 1994.
- Brommer 1937 — Brommer F. Satyroi. Würzburg, 1937.
- Brommer 1959 — Brommer F. Satyrspiele. Berlin, 1959.
- Burkert 1985 — Burkert W. Greek Religion. Archaic and Classical. Harvard, 1985.
- Carpenter 1986 — Dionysian Imagery in Archaic Greek Art. Oxford, 1986.
- Daebritz 1914 — Daebritz R. Hyperboreer // Pauly-Wissowa-Kroll. Realenclapödie der classischen Altertumswissenschaft, neue Bearbeitung. N 9. Stuttgart, 1914. S. 256–278.

- Franke, Hirmer 1964 – *Franke, P. R., M. Hirmer*. Der Griechische Münzen. München, 1964.
- Fritze 1904 – *Fritze H.*, von. Birytis und die Kabiren auf Münzen // *Zeitschrift für Numismatik*. N 24. Berlin, 1904. S. 103–129.
- Furtwängler 1882 – *Furtwängler A.*, von. Delos // *Archaeologische Zeitung*. 1882. S. 328–333.
- Hoffman 1994a – *Hoffman H.* The riddle of Sphinx: a case study in Athenian immortality symbolism // *Classical Greece. Ancient histories and modern archaeologies*. Cambridge, 1994a. S. 71–80.
- Hoffman 1994b – *Hoffman H.* Dulce et decorum est pro patria mori: the imagery of heroic immortality on Athenian painted vases // *Art and text in ancient Greek culture*. Cambridge, 1994b. S. 28–51.

- Hoffman 1997 – *Hoffman H.* *Sotades. Symbols of Immortality on Greek Vases*. Oxford, 1997.
- Kenner 1970 – *Kenner H.* *Das Phänomen der verkehrten Welt in der griechischen-römischen Antike*. Klagenfurt, 1970.
- Kraay 1976 – *Kraay M.* *Archaic and Classical Greek Coins*. London, 1976.
- Lissarrague 1990 – *Lissarrague F.* *Why Satyrs Are Good to Represent? // Nothing to do with Dionysos? Athenian Drama in its Social Context*. Princeton, New Jersey, 1990. S. 228–236.
- Rostovtzeff 1922 – *Rostovtzeff M.* *Iranians and Greeks in South Russia*. Oxford, 1922.
- Rostowzew 1931 – *Rostowzew M.* *Scythien und der Bosphorus*. Berlin, 1931.

THE SEMANTICS OF REPRESENTATIONS ON GOLD STATERS OF PANTICAPAEUM

YU. A. VINOGRADOV, I. YU. SHAUB

Gold staters (Fig.) which were minted in Panticapaeum under Leucon I since the 370s BC are widely known both from scientific and popular literature. The renown of these coins is quite justified because they are undoubtedly masterpieces of the ancient Greek applied art. By their issues, the united Graeco-Barbarian state created by Satyr and Leucon I manifestly attempted to declare its existence, so to speak, in a loud voice.

Minted on their obverse is a representation of a head with tousled hair which is generally believed to be that of a satyr. On the reverse, quite a series of images are represented: a griffin walking upon an ear of corn, left, with an arrow (or short spear?) in the mouth and, in addition, the letters ΪΑΝ. At first glance, all these representations look like a chance combination of images and objects devoid of any inner ties. Meanwhile, it is still possible to descry these ties. Despite the accepted views, there is every reason to suppose that the representations on Panticapaeum gold staters of the 4th century BC were semantically interconnected and possessed a deep symbolism in which the peculiarities of religious and mythological concepts of the Graeco-Barbarian Bosphorus were focused.

The representation of a satyr's head may have been an allusion to the close presence of Dionysus who was commonly believed to be accompanied by satyrs. On the other hand, satyrs undoubtedly were related with the land of dead, so that in these terms Dionysus may be considered as a chthonic deity.

The general composition on the coin reverse seems to be rather overstrained – ear of corn, griffin and arrow. The major character here undoubtedly is the griffin, but what may have connected it with corn and an arrow? Most probably, the griffin on this coin is a symbol of Apollo Hyperboreas. Botanists suppose that the ear represented on the coin may belong to either of two sorts of wheat:

Triticum compactum Hast. or *Triticum dicoccum*. It is noteworthy that in the Bosphorus, as well as in any other Greek states of the region, these cereals were never sown specially, but they were quite typical to agricultural tribes of the forest-steppes of the northern Black Sea area. There are grounds to connect the representation of an ear of corn on Bosphoran coins with the concepts of the gifts of Hyperboreans which included wheat (ears or straw) as the main item. A sacred arrow also is very closely related to Apollo's world.

As a whole, the coin type under consideration must have been associated with two deities – Dionysus and Apollo. Such a neighbourhood seems strange at first glance since the ideas about the exact antithesis of the two gods and deep differences between the «rational» world of Apollo and the «irrational» one of Dionysus have been firmly enrooted in the minds of modern humans. We must recognize, however, that these concepts, based on Nietzsche's ideas, actually have little in common with the Greek religion. In fact, the two deities mentioned above were very closely interrelated.

It is quite obvious that the gold staters of Panticapaeum demonstrate the idea of a unity of Dionysus and Apollo – in our case, it is the unity of Chthonic Dionysus and Hyperborean Apollo. Symbolism of this kind indicates unambiguously that, in the minds of ancient Greeks, the Bosphoran state was situated at the edge of the *oikoumene* – not far from the land of Hyperboreans on the one hand, and close to the entrance to the kingdom of dead on the other. From this point of view, we may treat the problem wider as a line in which Greek colonists of the Bosphorus conceptualized their place in the world and, needless to say, not only in the world of the living, but also in its relation to the world of gods and the kingdom of dead.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

ДРЕВНЕЙШИЕ ПРЕДКИ ИНДЕЙЦЕВ В ЗАПОЛЯРЬЕ

M. Kunz, M. Bever, C. Adkins. The Mesa Site: Paleoindians above the Arctic Circle. BLM-Alaska Open File Report, № 86. VI + 81 pages, 39 figures. 2003. Anchorage: US Department of Interior.

Со времени открытия следов раннего человека в Новом Свете исследователи обращали пристальное внимание на территорию Аляски, Американскую часть Берингии. Естественно было предположить, что первые следы проникновения из Азии предков коренного населения Америки будут найдены здесь. Десятилетия целеустремленных изысканий привели к открытию серии четко стратифицированных и надежно датированных памятников. При этом реальная картина доисторических культур Аляски оказалась крайне сложной, а вопросы определения времени и путей древнейших миграций стали предметом длительной дискуссии.

Одним из заметных событий в археологии Аляски стало открытие в 1978 г. М. Кунцем и Д. Слотером в северной части полуострова стоянки Мейза. Обнаружение здесь метательных наконечников, сходных по облику с формами, известными в палеоиндейских культурах Великих Равнин, стало сенсацией. В 1979–1980 и 1989–1999 гг. в рамках комплексного проекта, призванного реконструировать образ жизни древнейших обитателей региона в связи с изменениями природной среды конца плейстоцена, на стоянке были проведены раскопочные работы.

Объем полученной в ходе многолетних изысканий информации оказалась столь огромной, что задача полной монографической публикации материалов памятника откладывается на неопределенный срок. Поэтому авторы рецензируемого труда пошли по пути издания предварительного отчета, ориентированного, судя по стилю текста и иллюстративного материала, а также по наличию словаря специальных терминов в конце книги, на более широкую аудиторию, чем обычные археологические работы.

Сама организация раскопок в столь безлюдной местности как заполярная часть Аляски потребовала значительных усилий и изобретательности, о чем авторы повествуют во вступительной части книги. Вслед за кратким очерком последовательности древних культур севера полуострова следует описание характера стоянки. Памятник расположен на северном склоне хребта Брукса вблизи долины р. Итериак Крик. Культурные остатки связаны с тонкими золовыми отложениями, перекрывающимися верхушкой эрозионного скального останца, возвышающегося на 60 м над окружающей тундрой. Часть находок собрана

на поверхности и в травяной подстилке, но абсолютное большинство артефактов происходит из подпочвенного слоя.

Вдоль гребня останца выделено четыре зоны концентрации каменных изделий, обозначенные с юго-запада на северо-восток как пункты А, Перевал, В и Восточный Гребень. В ходе раскопок, проведенных на общей площади более 300 кв. м, расчищены остатки 40 небольших очажков, в одном случае сопровождавшихся известняковыми плитками. В качестве топлива служили ветки ивы, тополя и ольхи.

Получена 51 радиоуглеродная датировка по образцам, происходящим из 28 очагов. Большая часть дат ложится в интервале от 10,3 до 9,7 тыс. лет. Исключение составляют две более древние даты со значениями 11,6 и 11,2 тыс. лет. При этом авторы упоминают об известном искажении значений датировок, связанном с колебаниями содержания ^{14}C в атмосфере в молодом дриасе. Таким эффектом объясняется большой разброс дат, даже происходящих из заполнения одного очажка (до 400 лет).

Каменный инвентарь памятника, включающий 442 орудия и более 120 тыс. отщепов и чешуек, описан бегло и суммарно. Выделено 154 листовидных метательных наконечника и их фрагментов. Авторы говорят о сходстве морфологии наконечников Мейзы с изделиями типа эгейт бейсин, распространенными на Великих Равнинах. Вместе с тем, стоит заметить, что для наконечников эгейт бейсин свойственна прямая и выпуклая, а не вогнутая, как на орудиях из Мейзы, форма основания. (212 экз.) подразделены на законченные бифасы типов А (узкие приотстренные формы) и В (широкие листовидные двуконечные), а также многочисленные не завершённые обработкой вещи и обломки. Среди прочих орудий преобладают одно- и многолезвийные проколки (70 экз.); имеются 13 скребел, 6 резевидных изделий, 6 скребков и 237 отщепов со следами ретуши или использования. Во всей огромной коллекции насчитывается всего два ядрища для снятия отщепов. Среди прочих находок упоминаются манупорты – принесенные человеком речные гальки, кристаллы кварца и куски гематита.

В особую группу авторы выделили микропластинчатый компонент. Под ним имеются в виду находки

микропластинок, целого микронуклеуса и фрагмента подобного ядрища, а также крупного бифаса со следами желобчатых снятий. Эти вещи по большей части изготовлены из полупрозрачного серого и каштанового кремня. Последний специфический вид сырья, в отличие от большинства разновидностей кремня, добывавшихся в непосредственной близости от места расположения памятника, происходит из источника, обнаруженного почти в 100 км от Мейзы. Что касается планиграфического распределения находок микропластинчатого компонента, то они в основном локализованы на определенном участке местонахождения А.

По мнению авторов, данный комплекс находок представляет собой следы более позднего посещения места стоянки группой, не связанной с палеоиндейцами. Известно, что на Аляске микропластинчатые индустрии существуют без больших изменений с финала плейстоцена вплоть до позднего голоцена. В частности, подобный комплекс открыт на изученной недалеко от Мейзы стоянке Лисбури, датированной временем 3,5 тыс. лет назад.

Другой любопытный факт – наличие в коллекции проколки и отщепов из обсидиана, происходящего с местонахождения Батца Тена, расположенного более чем в 300 км от памятника.

Помимо морфологического описания, авторы прибегли к микроскопическому исследованию остатков растительного и животного происхождения и следов сработанности на каменных орудиях. Последние подразделены на следы резания и закрепления изделий в рукоятки.

Особый раздел отчета посвящен палеогеографии региона в финале плейстоцена, 12–10 тыс. лет. Поскольку сам памятник не может быть источником информации для такой реконструкции (здесь открыто всего несколько фрагментов неопределимых костей), исследователи провели сбор остатков плейстоценовой фауны в районе дислокации стоянки и комплексное изучение колонки отложений расположенного неподалеку высохшего древнего озера. Во время обитания человека на Мейзе холодные условия молодого дриаса несколько смягчились и, начиная с 10 тыс. лет, тундростепь постепенно сменяется травянистой тундрой.

Датирование костных остатков показало, что к моменту обитания стоянки мамонт и лошадь уже практически исчезли в регионе, в то время как доля северного оленя в фауне была еще незначительна. Доминирующими видами были бизон и овцебык, причем бизон количественно преобладал.

В заключительной части книги рассматривается место памятника среди ранних культур и его значение для реконструкции расселения человека в фина-

ле плейстоцена. Помимо Мейзы, остатки культуры палеоиндейцев открыты на ряде других пунктов севера и запада Аляски, таких как Хиллтоп, Тулуак Хилл, Путь-Бедвелл, Спейн Маунтин и Куна Блафф. Интересно, что на Аляске известно значительное число желобчатых наконечников (в материалах перечисленных выше стоянок желобчатые формы практически отсутствуют), особенно обильных в районе месторождения обсидиана Батца Тена. Однако, все эти находки лишены стратифицированного контекста и возраст наконечников остается предметом догадок.

Авторы проводят четкое разграничение между палеоиндейской культурой и распространённой в то же время во внутренней части Аляски культурой ненана. По их мнению, ненана и ее предполагаемое производное – культура денали, демонстрируют признаки сибирского происхождения.

Исследователи склоняются к выводу о том, что, как северные палеоиндейцы, так и носители культуры кловис происходят из единого корня, причем основы палеоиндейской культуры сформировались на территории Берингии. Что касается путей миграции палеоиндейцев из Берингии на основную часть территории Северной Америки, отрезанную от нее ледниковыми щитами, то авторы считают более вероятным продвижение человека вдоль тихоокеанского побережья во время порядка 14 тыс. лет. Позднее, около 12–11 тыс. лет, оставшиеся в Берингии палеоиндейцы расселились в северной части региона, и именно их следы найдены на Мейзе и аналогичных памятниках. Остается только повторить, что, ввиду поднятия уровня океана и затопления мест потенциального расположения древнейших стоянок, береговой путь расселения остается лишь умозрительным предположением, не связанным с фактами.

В заключение авторы возвращаются к вопросу о реконструкции облика Мейзы как памятника. Они приходят к выводу, что бизон мог быть основной охотничьей добычей палеоиндейцев и даже связывают факт исчезновения следов данной культуры в регионе после 9,7 тыс. лет с раннеголоценовым вымиранием бизона. Сама Мейза интерпретируется как стоянка, служившая в качестве наблюдательного пункта для древних охотников в теплое время года, вероятно с мая по сентябрь. Судя по выборочному характеру находок, основная жизнедеятельность группы протекала где-то поблизости, в базовом лагере, скорее всего расположенном в долине реки.

Прекрасно изданный, снабженный массой цветных иллюстраций, отчет несомненно привлечет внимание не только профессиональных археологов, но и всех, интересующихся проблемами первоначального заселения человеком Америки.

С. А. Васильев

Россия, Санкт-Петербург.

Институт истории материальной культуры РАН.

Отдел палеолита.

НАЧАЛО ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА: ЕВРАЗИЙСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

The Early Upper Paleolithic beyond Western Europe.
P. J. Brantingham, S. L. Kuhn, K. W. Kerry (Eds.). 295 pages. 2004.
Berkeley: California University Press.

Проблема перехода от среднего к верхнему палеолиту продолжает оставаться одной из основных тем дискуссий в современном палеолитоведении, порождая нескончаемый поток печатных трудов. Как справедливо указывают составители рецензируемой книги, озаглавленной «Ранний верхний палеолит за пределами Западной Европы», в прошлом большая часть исследователей сосредоточивалась на анализе материалов крайней западной оконечности Европы и Ближнего Востока, оставляя в стороне данные по другим регионам Евразии. Еще не так давно подобный подход в какой-то мере был оправдан, поскольку совокупность сведений по раннему верхнему палеолиту этих районов была несоизмеримо мала по сравнению с Западной Европой, а имеющийся фактический материал рассматривался исключительно под типологическим углом зрения в рамках традиционной культурно-исторической археологии.

В настоящее время благодаря интенсивному международному научному сотрудничеству эти данные становятся известными в мире, а активное вовлечение иностранных, в первую очередь, американских и французских, археологов в совместные полевые проекты стимулирует анализ проблемы перехода к верхнему палеолиту с точки зрения прогресса в технологии обработки камня, стратегиях добывания сырья, расположении поселений на местности, охотничьей экономики и т.д. К сожалению, как пишут авторы вступительной статьи, даже теперь масса новой информации по мало или вовсе не изученным ранее районам Евразии не задействована в большинстве обобщающих трудов по палеолиту. Рецензируемая книга, по мысли составителей, должна в какой-то мере компенсировать этот пробел.

В основу сборника положены доклады, представленные на одной из секций ежегодного собрания Американского археологического общества в 1999 г., дополненные статьями приглашенных авторов, среди которых отродно встретить имена отечественных специалистов. Статьи располагаются в географическом порядке, с запада на восток, как ряд региональных обзоров или очерков, посвященных итогам исследования отдельных памятников.

Европейская часть книги открывается статьей Я. Козловского, рассмотревшего серию достаточно разнородных ранних верхнепалеолитических памятников Европы, объединенных им под названием «индустрии с пластинами с изогнутым краем». В эту группу оказались включенными культуры шательперрон, улуцо, памятники типа Краков-Звержинiec в Польше,

Влковице (Словакия), Корпач I (Молдавия) и Рипичени-Извор (Румыния). Основная проблема с упомянутыми среднеевропейскими индустриями (обозначаемыми суммарно как «звержинецьен»), заключается в выяснении их соотношения с селетскими листовидными бифасами, часто встречающимися в одних комплексах с пластинами с обшуком. В целом данная группа памятников датируется от 36–40 до 26–28 тыс. лет, то есть возникает одновременно с селетом. По мнению Я. Козловского, генезис всех индустрий с пластинами с изогнутым краем связан с местным средним палеолитом.

И. Свобода предлагает новый термин «леваллулептит» для обозначения ранних верхнепалеолитических листовидных индустрий (от богунисьена в Европе и переходных памятников типа Бокер Тачит в Леванте до сибирского Кара-Бомы и китайского Шуйдунгоу), сочетающих характеристики леваллуазской и призматической технологий. Остатки лежалые на раннем верхнем палеолите в среднем течении Дуная, он выделяет три фазы культурных изменений. Первая связана с появлением богунисьена, а позднее селета, в районе 41–43 тыс. лет. Около 38 тыс. лет в регионе появляются ориньякские индустрии, а позднее 33 тыс. лет ориньяк начинает доминировать.

Л. Меньян, Ж.-М. Женест, Л. В. Кулаковская и А. С. Сытник представляют предварительные сведения о совместных работах на Западной Украине. Индустрия нижнего слоя стоянки Куличивка на Волыни демонстрирует сочетание леваллуазской и верхнепалеолитической техник расщепления при преобладании верхнепалеолитических типов в немногочисленном орудийном наборе. Памятник находит аналогии в богунисьене, однако датировку стоянки еще предстоит уточнить.

Э. Маркс и К. Монигал излагают неожиданные итоги работ в навесе Буран-Кая III в Крыму. Из слоя С, датированного в пределах 32–36 тыс. лет, происходит индустрия с листовидными бифасами, долотовидными орудиями и скребками. Здесь же встречена серия трапешей и экземпляры обработанной кости. Подобная явно верхнепалеолитическая по облику, но не имеющая ничего общего с ориньяком, индустрия связывается авторами раскопок с костенковско-стрелецкой культурой, хотя данное мнение не обосновывается типологически.

Более широкой тематике посвящен обзор Л. Б. Вишняцкого и П. Е. Нехорошева. Ими представлена сводка сведений о ранних верхнепалеолитических индустриях Русской Равнины (стрелецкая, спицкая,

городовская культуры, ориньякоидные и граветтоидные комплексы и т. д.). Пока переходный от среднего к верхнему палеолиту характер индустрии можно проследить лишь в одном конкретном случае (стоянка Шлях), причем речь идет о памятнике, не связанном ни с одной из известных ранних верхнепалеолитических культур.

Далее следуют статьи, излагающие новые данные по гораздо более изученному Леванту. Д. Фокс и Н. Койман останавливаются на проблеме генезиса верхнего палеолита региона на базе местного леваллуза-мустье. В этой связи они излагают результаты недавних раскопок в скальном навесе Тор Садаф (Иордания), где ниже верхнепалеолитических комплексов прослежена пластинчатая переходная индустрия, позволяющая, по мнению авторов, связать переходные индустрии типа слоя 4 в Бокер Тачит с раннеахмарскими комплексами.

С. Кун, М. Стайнер и Э. Гюлеч рассказывают о расположенной в крайней юго-восточной части Турции, по сути, в северном Леванте, пещере Ушакыш. В результате проведенных здесь в последние годы раскопок вскрыты слои, относящиеся к началу верхнему палеолиту с серией датировок от 34–35 до 39–41 тыс. лет. Наиболее примечательным открытием стала большая серия украшений (просверленных раковин), впервые обнаруженных в столь древнем памятнике.

Естественным продолжением ближневосточной тематики в северном направлении является обзор новых сведений по палеолиту западной Грузии, представленный Т. Мешвелиани, О. Бар-Йозефом и А. Бельфер-Кози. Результаты новых раскопок в пещере Дзудзуана указывают на достаточно позднее, по сравнению с Ближним Востоком, начало верхнего палеолита в регионе. Радиоуглеродный возраст комплексов лежит в пределах 27–30 тыс. лет. По мнению авторов, в западной Грузии отсутствуют чисто ориньякские памятники. Уместно здесь поставить вопрос о различиях в подходе археологов к тому, что же такое ориньяк и какие признаки следует считать определяющими для причисления того или иного конкретного памятника к ориньяку.

В этой связи нельзя не отметить странное впечатление, которое производит краткая (примерно 2,5 страницы печатного текста, не считая иллюстраций) заметка М. Отта под многообещающим названием «ориньяк в Азии». Автор рассматривает в качестве ориньякских ряд памятников Южной Сибири (Ануй II, Усть-Каракол I) и даже упоминает не имеющую никакого отношения к теме позднюю в пределах верхнего палеолита Самаркандскую стоянку. Он смело предлагает гипотезу транс-евразийской миграции ориньяка из Азии в Европу. Представляется, что подобные грандиозные построения основаны на беглом и поверхностном знакомстве с материалами. Конечно, отдельные ориньякские элементы присутствуют в разновременных памятниках Сибири, но нигде они не образуют того сочетания, которое свойственно европейскому и ближневосточному ориньяку. Вообще поиск выхваченных из контекста единичных «ориньякских» аналогий в палеолите различных частей света мне представляется мало перспективным, учитывая ограниченность технических решений, доступных людям верхнего палеолита при изготовлении каменных орудий.

Далее следует обзор Л. Б. Вишняцкого, посвященный памятникам Средней Азии. По мнению автора, относимые к периоду перехода от среднего к верхнему палеолиту материалы из Оби-Рахмата имеют целиком среднепалеолитический характер. Подобным же образом он трактует находки из стоянки Худжи и нижних слоев стоянки Шугноу. Что касается собственно верхнего палеолита, то его следы в регионе немногочисленны и плохо датированы. В инвентаре таких памятников как Самаркандская стоянка, верхние слои Кульбулака, стоянка Валиханова и др. среднепалеолитические элементы читаются достаточно четко, что может указывать на местное развитие от среднего к верхнему палеолиту.

Сибирские материалы стали темой статей Т. Гебла и Ю. В. Кузьмина. Если второй автор ограничился публикацией обновленного списка радиоуглеродных датировок, относящихся к переходу от среднего к верхнему палеолиту в Сибири, то Т. Гебл представил развернутую характеристику основных памятников Северной Азии. Сравнивая комплексы среднего и раннего верхнего палеолита, он отмечает сохранение на данном этапе таких среднепалеолитических черт как отсутствие специализации охотничьей деятельности и преобладание использования местного сырья. В то же время прослеживаются элементы функциональной дифференциации стоянок, возникает костяная индустрия, появляются украшения. В плане технологии ранние верхнепалеолитические индустрии Сибири демонстрируют сходство с широким кругом памятников Ближнего и Среднего Востока и отличаются от ориньяка.

А. П. Деревяно, Д. Брайтингем, Д. Ольсен и Д. Цвендорж представляют материалы из пещерных комплексов Гобийского Алтая (Монголия). Слой 3 стоянки Цаган-Агуй, относимый ко времени около 33 тыс. лет, доставил леваллузскую пластинчатую индустрию. Сходны с ним материалы из гораздо более молодого комплекса слоя 3 пещеры Чихэн. Авторы раскопок проводят аналогии между гобийскими памятниками и богунисьеном, определяя первые как «переходные», однако для подобных выводов требуется дополнительное обоснование, в первую очередь комплексное сравнение техники и типологии данных комплексов с местным средним и верхним палеолитом.

Наконец, интерес представляют сведения по крайне мало исследованной территории Китая. Д. Брайтингем, К. Гао, Д. Мадсен, Р. Беттингер и Р. Элстон приводят новые данные по давно известным стоянкам Шуйдунгоу в Ордосе. Как выяснилось, большинство пластинчатых комплексов, открытых на разных пунктах памятника, относятся ко времени 25–27 тыс. лет и вряд ли имеют отношение к проблеме перехода от среднего к верхнему палеолиту.

В заключительной статье сборника Д. Брайтингем, С. Кун и К. Керри говорят о сложности и много-

образии путей перехода к верхнему палеолиту. Они предлагают следующее разграничение ранних верхнепалеолитических индустрий. С одной стороны, в большинстве рассматриваемых районов существуют культуры, демонстрирующие явную генетическую преемственность по отношению к местному среднему палеолиту. Это селет, стрелецкая культура и в целом так называемые «лепто-левалдуазские индустрии», протягивающиеся от Ближнего Востока до Сибири. В то же время индустрии иного типа, несмотря на все их различия, не имеют локальных предшественников (ориньяк, спицунская культура и др.). Время широкого распространения ориньяка, вероятно, было

более поздним по сравнению с появлением первых верхнепалеолитических комплексов, таким образом, начало верхнего палеолита нельзя однозначно связывать с ориньяком.

В целом та разногласия мнений и оценок материалов начальной поры верхнего палеолита, которая видна на страницах сборника, происходит, как мне кажется, не только по причине крайней пестроты и неоднородности индустрий, но скорее вследствие различия в подходе к фактическим данным и даже терминологической путанице. Надеемся, что эти темы, обсуждение которых давно назрело, станут предметом следующих сборников.

С. А. Васильев

Россия, Санкт-Петербург.

Институт истории материальной культуры РАН.

Отдел палеолита.

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЭСТОНИЯ В ЭПОХУ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Silvia Laul. *Rauaaja kultuuri kujunemine Eesti kaguosas (500 e. Kr. – 500 p. Kr.). 278 lk., 77 joon. Muinasaja teadus 9. Xpetatud Eesti Seltsi Kirjad 7. 2001. Tallinn.*

Территория расселения древних эстонских племен отчетливо выделяется на археологической карте Восточной Европы по распространению своеобразных погребальных памятников – каменных могильников. Первым крупным обобщающим трудом об этих сооружениях на Северо-Востоке Эстонии стала книга М. Х. Шмидехельм «Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии (V в. до н. э. – V в. н. э.)».

Рецензируемая монография известного эстонского археолога С. Лаул «Формирование культуры эпохи железа на Юго-Востоке Эстонии», по сути, является вторым фундаментальным исследованием, посвященным памятникам того же времени, то есть датируемых от 500 г. до н. э. до 500 г. н. э. на территории материковой Эстонии.

Работа С. Лаул является итогом многолетних исследований, прежде всего, полевых изысканий с конца 50-ых до начала 70-ых годов XX века. Автором обобщены имеющиеся данные обо всех археологических памятниках юго-восточной части Эстонии, датируемых доримской и римской эпохами железного века (по принятой в европейской археологии классификации). Следует отметить, что материалы с поселения этого времени немногочисленны и, несмотря на их привлечение, основу работы, прежде всего, составляет рассмотрение каменных могильников. Всего в данном регионе учтено 106 таких сооружений. Учитывая трудоемкость археологического исследования подобных каменных сооружений, можно позавидовать

упорству, с которым автор в течение нескольких десятилетий, последовательно шла к поставленной цели. Результатом стала данная монография, вводящая в научный оборот новый пласт археологического материала, который рассматривается С. Лаул на широком историческом фоне. Рецензируемая работа, несомненно, войдет в основной фонд эстонской археологической литературы конца XX – начала XXI века, к которой будут обращаться исследователи древнейшего прошлого как собственно территории Эстонии, так и всего региона Балтики.

После короткого введения, историографического обзора и описания природных условий изучаемого региона С. Лаул переходит к подробному рассмотрению археологического материала. Все памятники она рассматривает в пределах исторических административных земель – кихелькондов. Эти территориальные подразделения, на которые была поделена вся Эстония, известны из письменного источника XIII в. – «Датской поземельной книги». Еще М. Шмидехельм пришла к выводу, что границы кихелькондов совпадают с отдельными группами памятников и границами распространения «определенных диалектов и говоров Эстонского языка», то есть отражают границы древних эстонских племенных объединений (Шмидехельм 1955: 235). Таким образом, подача материала в историческом контексте вполне обоснована. Внутри административных земельных единиц археологические памятники характеризуются С. Лаул в алфавитном порядке.

В настоящее время на территории Юго-Восточной Эстонии известно 27 поселений (раздел 2. 1), которые можно отнести в целом к периоду железного века, поскольку более дробной датировки на основании имеющихся материалов дать невозможно. Отдельные находки этого времени происходят с четырех городищ (Унипиха, Пезду, Отепя и Рьуге), однако, слоя железного века на них не выявлено. Основным материалом, характеризующим материальную культуру этого населения, является текстильная и штрихованная керамика. Таким образом, немногочисленные находки с поселений лишь дополняют общую картину освоения территории Юго-Восточной Эстонии, которая прослеживается по погребальным памятникам (раздел 2. 2).

Плодотворные исследования эстонских археологов каменных могильников в различных регионах страны с детальным анализом их конструкций позволили установить общую линию развития этих своеобразных погребальных памятников. К наиболее ранней группе относятся могильники с каменными ящиками, которые сменяются могильниками с оградками, а те, в свою очередь, – бессистемными каменными насыпями.

В целом традиция сооружения каменных могильников с ящиками была характерна для зоны вдоль морского побережья, и практически отсутствует в глубине Эстонии. М. Шмидехельм отмечала, что в Юго-Восточной Эстонии внешнее сходство с каменными курганами, внутри которых находились погребения в ящиках, имела только группа небольших могильников около д. Вехенди, вытянутая вдоль восточного побережья озера Вьртсъярв (Шмидехельм 1955: 203). Проведенные С. Лаул раскопки самого южного могильника в этой группе (Вехенди XI) подтвердили наблюдения М. Шмидехельм. В насыпи было встречено три погребенных по обряду труположения головой на северо-восток. Центральное погребение ребенка находилось в сооружении из более крупных камней. По своей конструкции данный могильник может быть отнесен к последнему периоду сооружения каменных насыпей с ящиками и датируется по радиоуглероду третьей четвертью I тыс. до н. э. Материалы могильника Вехенди, как и могильника Тамса, относящегося к первым векам нашей эры, имеют большое значение для решения вопроса о характере и путях заселения территории Юго-Восточной Эстонии. Дело в том, что в данном регионе Эстонии не фиксируется памятников переходного типа от могильников с ящиками к погребениям в оградках. Захоронения по обряду труположения в оградках появляются здесь во второй половине II в. н. э. сразу в сложившемся виде, в отличие от территорий северной и западной Эстонии, южной Финляндии и северной Латвии, где на отдельных памятниках рубежа I тыс. до н. э. и I тыс. н. э. сочетаются захоронения в ящиках и в первоначальных оградках.

Анализируя материалы различных территорий, С. Лаул приходит к выводу, что заселение Юго-Восточной Эстонии носителями каменных могильников происходит с территории северной Латвии. Связь на-

селения северной Латвии с населением Юго-Восточной Эстонии прослеживается еще в предшествующий период, так как по конструктивным особенностям, а именно по характеру использования валунов, каменный курган с ящиком в Вехенди наибольшим образом напоминает аналогичные могильники северной Латвии. Важными являются территориально-хронологические наблюдения С. Лаул. В северной и западной Эстонии система оградок в каменных могильниках возникает уже в I в. н. э. и, тем не менее, никаких импульсов в юго-восточном направлении не наблюдается во II в. н. э. К этому времени относятся такие крупные могильники как Славека, Каугури и Странте. Вслед за латышскими памятниками во второй половине II в. н. э. каменные могильники с оградками появляются и в Юго-Восточной Эстонии. Наиболее ранние из них выявлены именно в самой южной части Юго-Восточной Эстонии, реально южной ареала памятников на территории Латвии (Вирунука II, IV; Ханнусте, Садраметса I). В Северных и восточных районах Юго-Восточной Эстонии подобные погребальные сооружения фиксируются на полвека позже – в III в. н. э. Расцвет культуры каменных могильников с оградками приходится на период с III в. по IV в. Именно в это время возводятся основные крупные могильники на рассматриваемой территории.

В работе автор дает исчерпывающую характеристику всем известным в регионе каменным могильникам. Естественно особое внимание уделяется раскопанным памятникам. С. Лаул скрупулезно анализирует отдельные погребальные сооружения, рассматривая их структурные и конструктивные особенности. Следует подчеркнуть, что эти монументальные памятники достаточно сложны для интерпретации. Многие из них просуществовали в течение двух и более столетий, постоянно достраивались новыми оградками, как правило, забутовывались мелкими камнями, обносились двойными наружными стенами. Автор в каждом случае, рассматривая в едином контексте конструкцию и внутреннее содержание отдельных оградок, представляет нам общую картину динамики развития конкретных исследованных ею сооружений. Все описания хорошо документированы иллюстрациями. Уникальные материалы были получены при раскопках группы могильников Вирунука, которые позволяют проследить последовательные изменения в конструкции каменных могильников на протяжении 400 лет.

В результате проведенной С. Лаул работы в настоящее время развитие могильников с оградками на территории Юго-Восточной Эстонии представляется следующим образом. Ранние четырехугольные оградки складывались из мелких валунов, линии камней не всегда были выровнены (Вирунука IV, Яагути, Ханнусте), в некоторых случаях они напоминали ящики (Пылгасте). В период расцвета данной погребальной традиции могильники выкладывались из крупных валунов, которые плотно подгонялись друг к другу, образуя достаточно ровные стенки, иногда могильники обносились двойной стеной (Вирунука I, Садраметса). Интересно наблюдение автора, что если меж-

ду крупными забутовочными камнями отсутствовали мелкие, то часто отсутствовали и сами захоронения. В конце IV в. оградки постепенно перестают сооружаться. Население хоронит в старых оградках или в крайних кладках. А затем, в середине I тыс. н. э. появляются могильники без определенной внутренней структуры (Ляэтса, Кьола и др).

Рассматривая материалы могильников Лоози и Пылгасте, С. Лаул обращает внимание на найденные здесь вне пределов каменных кладок безымянные захоронения. Эти погребения С. Лаул тесно связывает с традициями древнего финского населения, жившего в раннем железном веке на обширных пространствах к востоку и юго-востоку от ареала каменных могильников с оградками, до появления на этой территории курганов.

Третья глава книги посвящена подробному анализу и классификации погребального инвентаря. Спецификой материала, полученного при исследовании каменных могильников, является тот факт, что среди общей массы костей и вещей нельзя выделить индивидуальные захоронения. Кроме того, могильники, относящиеся к началу железного века безымянные. Самые ранние находки – посоховидные булавки и серповидные ножи – найдены в могильниках Тамса и Мюгра. Они относятся к первым векам нашей эры. Основной материал, рассматриваемый в данной главе, относится к позднему железному веку, то есть ко II–V вв. н. э. Большую часть погребального инвентаря представляют украшения: различного типа булавы, фибулы, подвески, гривны, перстни, браслеты и т. д. Незначительную группу металлических вещей составляют ножи, бытовой и сельскохозяйственный инвентарь и оружие. Вещевой материал анализируется автором с привлечением широких аналогий с территориями Восточной, Западной и Северной Европы, выделяются изделия местных мастеров, продукция римских провинций и импорт с соседних территорий.

Мне как исследователю, занимающемуся более поздними древностями, важно то, что в данной главе намечен тот круг вещевого комплекса, на базе которого развивается собственно средневековая культура эстов. Особенности эстонской национальной материальной культуры отличной от других финских и прибалтийских культур, на мой взгляд, складываются в эпоху позднего железного века и уже в законченном виде предстают перед нами в конце I тыс. н. э.

В последующих главах работы, обобщая изложенные археологические факты, С. Лаул рассматривает этапы и пути заселения как территории Юго-Восточной Эстонии, так и сопредельных районов с учетом их природных особенностей. Убедительно показано, что в первые столетия нашей эры были заселены только два региона Юго-Восточной Эстонии – северо-западный и южный. Затем население по р. Ахья распространяется на северо-восток. Восточные же земли оставались малозаселенными, и в середине I тыс. н. э. здесь появляются курганы.

Учитывая данные палеоботанического анализа, сделан вывод, что «расширение колонизации связано с ростом интенсивности земледелия» (раздел 5. 2).

Автор отмечает, что у населения севера Эстонии были более благоприятные условия для развития сельского хозяйства. Трудно не согласиться с тем, что кислые дерново-подзолистые почвы были более пригодны к подсечному земледелию, чем к пахоте и занятию скотоводством. Судя по материалам микрорегионов Северо-Запада России, которые имели сходные с Юго-Восточной Эстонией природные условия, подсечка как основная форма хозяйства господствовала почти до конца I тыс. н. э.

В следующем разделе (5. 3) собраны и обобщены все материалы, касающиеся ремесленного производства. В период железного века у населения Юго-Восточной Эстонии развивалось железоделательное производство. Интересно отметить, что уже в первой половине I тыс. н. э. местные кузнецы знали искусство пакетировки. С III в. появляются ювелирные украшения, изготовленные местными мастерами, развивается домашнее производство керамики и тканей.

В последней главе монографии рассматриваются этнокультурные особенности населения Юго-Восточной Эстонии в рамках этногенеза прибалтийско-финских народов. В результате автор приходит к выводу, что, если культура северной части Эстонии сформировалась под влиянием населения прибрежных районов Скандинавии и Финляндии, то культура южной части Эстонии сложилась на основе культуры текстильной керамики при контактах с южными соседями. Действительно существуют достаточно определенные археологические факты: об ареале культуры текстильной керамики, о распространении каменных могильников с ящиками, с которыми многие исследователи связывают индоевропейские импульсы и т. д. Тем не менее, как правило, при решении вопросов этногенеза исследователи чаще всего базируются на выводах языковедов, выделяющих диалектные группы, определенные лексические и фонетические заимствования. Однако не всегда ясно как лингвистические данные соприкасаются с археологическими, и можно ли буквально переносить выводы одной науки на другую.

Кроме того, появление новых памятников всегда ли связано с переселением населения? В некоторых случаях это могло быть распространением культурных традиций. Тогда возможны разные варианты объяснения формирования этнических групп населения, тем более что автор подчас рассматривает археологические культуры на огромных территориях. Говоря о памятниках первой половины I тыс. н. э. С. Лаул, ссылаясь на Г. С. Лебедева, неоднократно пишет о «докурганной» культуре, которая представляла некое единое образование от верховьев Волги до Псковского озера. Однако не следует забывать, что «докурганная» культура не более чем умозаключение Г. С. Лебедева. Собственно такой археологической культуры еще не выявлено. К сожалению, памятники этого периода практически не известны, а имеющиеся редкие материалы, в основном сборы керамики, не могут служить для доказательства чего-либо.

Несомненно, памятники железного века на обширных пространствах лесной зоны Восточной Европы отражали культуру древнего финского насе-

ния, но насколько этот пласт древностей был един, мы просто не знаем. Например, в бассейне реки Мологи в последние десятилетия открыты весьма своеобразные финские памятники, в частности грунтовые могильники, с ярко выраженным восточнофинским инвентарем. Для доказательства культурной вариативности может служить та же дьяковская культура. Так, на территории Волго-Окского междуречья в ней явно преобладает балтский компонент. Одним словом только после выявления и изучения памятников железного века, пока объединенных под термином «культура текстильной керамики», мы сможем провести реальное сравнение различных территорий.

Шмидехельм 1955 – Шмидехельм М. К. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии (V в. до н. э. – V в. н. э.). Таллин, 1955.

Наши незначительные замечания, прежде всего, касаются состояния самого археологического источника, который позволяет возможность разных решений, и не в коем случае не умаляют значимость рецензируемой монографии. Работа С. Лауд выполнена в лучших традициях эстонской науки, которая восходит к североамериканской археологической школе. Ее отличает четкость и последовательность построений, аккуратность и обоснованность выводов, исчерпывающая публикация впервые вводимых в науку материалов, включая богатый иллюстративный материал. Данная книга является заметным вкладом в археологическую науку Балтийского региона.

Н. В. Хвоцинская

Россия, Санкт-Петербург

Институт истории материальной культуры РАН
Отдел славяно-финской археологии

ИСТОРИЯ ОБУВНОЙ МОДЫ В СКАНДИНАВИИ И ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ¹

June Swann. History of Footwear in Norway, Sweden and Finland. Prehistory to 1950. Stockholm. 2001. 357 p., 443 ill.

Квинтэссенцией технических достижений и эстетических требований в кожевенном ремесле надо считать самую массовую продукцию – обувь. Повседневное ношение обуви, требования максимальной защиты стопы в разных климатических зонах и погодных условиях, ее удобство в различных обстоятельствах, соответствие эстетическим требованиям моды – все это налагает особые требования к качеству выделки сырья, технике пошива и декору изделий.

Монография Юне Сванн – это первое, после Э. Йефверта (E. Jafvert, 1938), обобщающее исследование по истории обуви Норвегии, Швеции и Финляндии, показанное с учетом последних археологических находок, «народного костюма» и развития специфической саамской одежды. В работе привлечен сравнительный материал из многих регионов Европы. К сожалению, изделия из России упоминаются только эпизодически, что дает повод для сравнительной оценки развития средневековой обуви Скандинавии и России, учитывая, что историки и археологи отмечают синхронность и стереотипность исторических процессов в этих соседних регионах.

Ю. Сванн не отделяет изменения стилей обуви от истории костюма, но считает, что обувь отражает дух эпохи в большей степени, чем ткань одежды. По ее

мнению, в Скандинавии с римского времени ощутимо южное влияние на стили обуви и этот принцип – следования за лидером – сохраняется в последующие века. Здесь можно упомянуть германскую Римскую империю при Шарлемане/Карле Великом в VIII–IX вв., норманов XI в., богатство средневековой Фландрии, подъем Бургундии и Франции в XV в., а Германии и Испании в XVI в., сопровождаемый культурным взрывом Нидерландов и созданием мировых империй Европы в XVII в., а также усиление Швеции в Центральной Европе в XVII в. В конце XVII в. возрастает влияние Франции, пережившее эпоху наполеоновских войн и сохранившееся до середины XX в. Но, благодаря контактам викингов, в Скандинавии стали использовать и восточные ткани – шелк и золотую вышивку, которая дольше всего сохраняется в Бергене и Трондхейме.

«Доисторическая обувь» была в основе однодетальная, где кусок кожи сгибался по ноге и его края сшивались или стягивались ремешками. Но и в ней видно региональное многообразие форм и вариантов сборки. Широко распространенная и за пределами Скандинавии, она отражает стабильность развития костюма в догосударственных обществах. Многие элементы таких башмаков существовали в Европе

¹ Сербочно благодарю сотрудницу ИГОМЗ Т. С. Матехину (Варфоломееву) за помощь при переводе с английского языка книги Ю. Сванн.

до раннего средневековья (см. Hald 1972). Древнейшие находки датируются ранним бронзовым веком, это – мужская «туфля» из Йелла (Jels) и женская пара из Скридструпа (Skrydstrup). Они шиты из скобленой оленьей шкуры, где шов на пятке станет ремешком. Обувь стягивается на подъеме ремнем, обернутым затем 3 раза вокруг стопы, под ее сводом. По мнению Ю. Свани, такая обувь удобна при хождении по снегу, поскольку поперечные ремни предотвращают скольжение. В наскальных рисунках Норвегии и Швеции – в Альта (Alta), Хегра (Hegra) и других местах, стопы показаны контуром с 1–3-мя полосами поперек свода стопы. Древнейшее изображение из Альта (4200–3600 BC) имеет одну поперечную линию под пальцами, что нельзя считать описанной выше туфлей. Но в поздней группе из Альта (по ^{14}C – 1100±50 BC), пара отпечатков имеет еще одну поперечную линию под «сводом». Они сходны со «следами» из Апапа Гард (Apana Gard) в Северном Тронделаге, на валуне из Селбустранд (Selbustrand) в Южном Тронделаге (1500–500 BC) и другими, где на многих «стопах» есть две поперечные линии.

Два валуна с такими рисунками известны и в России. На камне Щеглец, с р. Вишеры в Новгородской области, высечена пара контурных «следов» с пересекающимися линиями в области свода стопы (Формозов 1965: 130–138). Второй камень, недавно открыт в г. Твери. На нем изображена контурная стопа с одной проработанной поперечной линией в области пальцев, что сравнимо с древнейшей «стопой» из Альта (Курбатов 1996: 347–350).

Можно согласиться с Ю. Свани, что эти знаки отражают реально существовавшую однодетальную обувь с обмоткой ремня вокруг стопы. В наскальных изображениях Скандинавии формы с поперечными линиями, по М. Мальмеру, являются наиболее ранними среди подобных. Они появились, в массе, на рубеже II–III периодов эпохи бронзы (1200–1000 BC) и выбивались примерно до 750 BC. Отдельные «стопы» в Скандинавии высекали и значительно позднее – между 400 BC и первыми веками н. э. (Malmer 1981: 62; Kühn 1966: 173–175). Сходная обувь археологически фиксируется в разных подделках, это глиняные сосуды в форме башмака с намеченными поперечными линиями (завязками?) из погребений луужицкой культуры в Чехословакии (Filip 1939: 46–47, obr. 30) и модели обувной ноги в погребениях Гальштадта под Булапештом, а также миниатюрные бронзовые подвески с проработкой обуви в разных местах Европы и Малой Азии (Marstrand 1963, fig. 56; Les Scandinaves, 1992, cat. N. 189; von Kalicz-Schreiber 1991, Abb. 10: 3, 4; Lage 1999).

Обувь римского времени до сего дня в Скандинавии не найдена. Но именно с ней Ю. Свани связывает конструкции с отдельными подошвой и верхом, которые прежде всего появились в регионах, подверженных римскому влиянию. Она придерживается типологического деления обувных форм, предложенного К. ван Дриэль-Муррау (Driël-Murtau 1987). Идея отделения подошвы, видимо, идет от сандалий – просто подошвы, державшейся на стопе ремнями.

Римляне дополнили однодетальную туфлю несколькими слоями подошвы внутри и снаружи, шпшитыми узким кожаным ремнем в центре и по краю подошвы. Для большей прочности армейскую обувь обивали по краю гвоздями с широкой шляпкой. Верх туфли имел вертикальный задний шов, а иногда – фронтальные швы и шнуровку. До II в. н. э. и позднее сохраняются отдельные формы с боковым швом от Британии до Египта, вероятно происходящие от однодетальной обуви с почти отделенной подошвой.

Развитие римской обуви неизбежно влияло на скандинавские изделия, что видно в имитациях сандалий из Стуре Борремозе (Store Borremose), Арнитлунд (Arnitlund), Рисйаруп (Rishjårup) и Эггштеммуре (Aegyrtemmure), которые в северных регионах могли носить преимущественно летом. Туфля из Торсбьёрг (Tørsbjørg) (III в. н. э.) имела и гвозди по краю подошвы. На котле II в. из Гундеструпа, треугольные вырезы, подобные сандалиям, есть на обуви мужских фигур. Пара туфель из Дамдорфа имела ряды прорезей для протягивания ремня, при стягивании которого образуются вырезы многогранной формы, и треугольные вырезы на противоположной стороне для шнуровки. Ремешок был скроен в одну деталь с головкой и продернут от носка, что также является чертой III в. н. э. Туфля из Дамдорфа, кроме того, имела отдельный высокий задник, подобный более поздним моделям с острова Айона (Iona) (540-е гг.) и другим. Все однодетальные туфли I–IV вв. в материковой Европе и Британии обычно имели перевернутый Т-образный шов на заднике.

Римская обувь имела и региональные варианты, обусловленные климатом и изменением фасонов. Стандартная армейская форма сохраняется до 100 г. н. э. Легкие сандалии с широкими носками в Северной Европе вначале носили женщины и дети, но к 175 г. н. э. их приняли и мужчины. Затем носки женской обуви стали более узкими и заостренными (были в моде весь III век). В это время носки мужской обуви расширяются до почти прямоугольных. В III в. н. э. возросла популярность однодетальной обуви на периферийных римских поселениях, где ее могли носить наряду с обувью, подобной находкам в болотах Дании и Северной Германии. Однодетальные башмаки с фронтальной шнуровкой и цельнокроеным ремнем носили в Империи до 230–275 гг. Многие из них асимметрично кроены, с почти отделенной боковой секцией подошвы. В отличие от «исторических» однодетальные туфли III в. имели короткий ремешок, уже не обертываемый вокруг стопы.

Среди глиняных изделий есть возможное подражание римской сандали с вырезным верхом, это – глиняный кубок в форме «сапожка» из погребения IV в. черняховской культуры в мотыльнике Каборга (Магомедов 1979: 35, табл. VIII, 12). На носке сапожка прочерчены линии, идущие к центральному «шву», обозначенному пунктиром.

От эпохи Переселения народов (350–800 гг.) в Скандинавии сохранилось мало обуви. Анализ ее основывается на территориально близких находках из Западной Европы – преимущественно из Англии,

Ирландии и Шотландии, и дополняется описаниями Беды Достопочтенного в «Истории св. Губерта», мозаиками Равенны и находками коптской обуви V–VII вв. В Скандинавии обувь обнаружена только на поселениях Лексвик (Leksvik) в северной Норвегии. Это туфли из одного куска кожи, неровно раскроенная, неаккуратно стянутая по краю кожаным ремнем.

Обувь эпохи викингов (800–1030 гг.) также мало численна в Скандинавии, и этот элемент культуры лучше изучать по находкам в других странах. Но там трудно отделить элементы местные от заимствованных у викингов. Ю. Сванн выводит из Скандинавии только одну черту – заостренную и загнутую вверх пятку подошвы, видимо, заменявшую усилитель задника, известный в римской обуви. Такая подошва встречена на однодетальных туфлях из Вельдеспана, но как постоянная черта она присуща обуви с раздельным верхом и подошвой, встреченной в Осеберге, Риббе (720–825 гг.), Елисеихофе (вг. пол. IX в.), Хелебю (850–980 гг.), на поселении викингов в Дублине (X в.). В Англии она найдена в Лондоне, Дурхеме, Йорке (с 876 г. по XI в.), Винчестере (конец IX – конец X вв.). В Скандинавии туфли с загнутой пяткой подошвы найдены в раннегородских слоях Лунда (1020–1100 гг.), Осло (XI–1100 г.), на поселениях Миндеттомт (Mindets tom) (XI в. – 1137 г.) и Сондрельфель (Sondrefelt), а также в Бергене (XI в. – 1170 г.), Боргунде (950–1200 гг.) и Трондхейме (XI в.). Ю. Сванн относит сюда и башмаки с боковой шнуровкой VIII–IX в. из Старой Ладogi, декорированные двойной спиралью, аналогично туфлям из Хелебю и Кельна.

Однако нельзя безусловно приписывать этот стиль викингам. Он прослеживается на многих протогородских поселениях в ареале Балтики и Северного моря, связанных активной торговлей, что в значительной степени сивелировало различия в каждом регионе, смешивая все культурные элементы этой части Европы. На отмеченных поселениях найдена обувь различных форм и стилей. В представительной коллекции из Старой Ладogi выделено 8 типов и их вариации, а в Хелебю – 10 типов. Тенденция развития стилей обуви и техники кожаного ремесла в VIII–X вв. в Северной Европе, видимо, отражает специфику культурных процессов в регионе, где поздне римское влияние было минимальным. Можно считать, что обувное моделирование здесь в I тыс. н. э. проходит самостоятельный путь развития от простейших форм, грубо вырезанных из кусков кожи, до стандартизованных многочастных моделей развитого средневекового (Курбатов 1997: 117–128). Отметим, что организация обувного ремесла в Старой Ладогe, судя по составу изделий и малочисленности отходов от раскройки, вероятно, была иной, нежели в крупных торговых центрах VIII–X вв. на Балтике. Например, в Волине и Риббе найдены огромные скопления стандартизованных обрезков от раскройки, показывающие товарное обеспечение обувной продукцией большой массы людей в течение длительного времени (Jensen 1991: 28). Но находки в Поволжье помогают определить время сложения кожанно-обувного

ремесла, сходного со средневековым городским, на «протогородских» поселениях Северной Руси. Стандартизация и своеобразие в изделиях здесь становятся заметными к середине X в.

В Скандинавии общими для IX в. были разные формы обуви – и низкие «глухие» туфли с задним швом для летнего ношения, и туфли высотой до лодыжки, и низкие башмаки с асимметричной раскройкой, сшитой сбоку. Две последние формы сравнимы с низкими и высокими туфлями Саг. Вся обувь имела выворотный основной шов. Для этого времени можно выделить три основных типа кроя верха – асимметричный, продольно симметричный и нерегулярный, известные и в Скандинавии, и на континенте. Варианты асимметричного кроя обуви есть в Осеберге, Мидельбурге, Старой Ладогe, на Рюриковом городище. Однодетальная симметричная раскройка с прорезями для обора по верхнему краю и намеченными обрезами носка и пятки известна на поселениях Вельдеспан, Лембексбург, Лунден Мозе, Елисеихоф, Гросс Раден и в ранних слоях городов – Старой Ладogi, Волина и Гнезно. Она сопоставима с моделями, имевшими раздельные подошву и верх из двух половин, сшитых по продольной оси в носке и пятке (Wojtasik 1960: rys. 1a, b, Tabl. XI; Keiling 1988: 25–28, Abb. 30). Третья, нерегулярная, моделировка обуви в конце I тыс. н. э. с однодетальной раскройкой неправильной формы и неравномерным расположением прорезей для обора, развивает простейшую конструкцию, отвечающую исключительно утилитарным целям. В эпоху викингов такая обувь была, видимо, изделием домашней, непрофессиональной выделки или странствующих ремесленников – кожевников (Schia 1977: 149).

Характерный стиль этого периода – крепление обуви на ногу ремнями – начинается с однодетальной обуви. Ремни протягивали сквозь прорези у верхнего края туфеля, а у башмаков – на уровне лодыжки. Вариации в расположении прорезей были своего рода декором. Некоторые туфли первой половины XI в. из Лунда имели на внешней стороне прорези равномерные, а на внутренней стороне голени – прерывистые. Обычным с конца IX в. стал рант, делавший шов более плотным и водонепроницаемым. Некоторые туфли из Винчестера X в. имеют сложенный рант из тонкой кожи.

В X в. бытовали низкие глухие туфли, сохранившиеся до XII в., а также туфли до лодыжки, ставшие общим стилем в Швеции, и низкие башмаки с завязками. В туфлях из Винчестера около 950–1000 г. возрождается высокий задник, известный на обуви VI в. с о. Айона. Он есть и на Отгонской резной кости (около 980 г.) и на кости из Эктернаха (Echternach) (983–991 гг.). Прорези для обора теперь, как правило, располагали группами, с проблемами между ними. Новая черта в обуви – это широкая обинка верхнего края – до 2–2,5 см. Она встречена на туфлях X в. из Йорка и сохраняется в XI в. в Трондхейме, а в Лунде – в XII в.

К XI в. в Скандинавии сложились основные формы обуви, характерные для последующих столетий, и приемы ее крепления на ногу. Декор этой обуви был

внешне пышный и выразительный. Низкие башмаки имели фронтальную или боковую шнуровку и усиливающие треугольные детали на заднике. В моделях преобладают гачной основной шов, обычный для средних веков. Появляются башмаки с 2-мя и более рядами прорезей для шнуровки. Так, монах в псалтири «Eadui Psalter» (1012–1023 гг.) изображен в обуви с тремя рядами прорезей для ремней. Такая форма крепления на ноге стала популярной после 1066 г. Среди других форм обуви в Трондхейме известны башмаки с обшивкой шириной 5 см, без прорезей для завязок.

Частью эстетических новшеств, видимо, с конца X в., был заостренный и вытянутый носок, иногда изысканно тонкий. По мнению Ю. Сваци, такая мода на заостренные носки возникла до Крестовых походов и могла быть следствием меховой торговли с Халифатом, где огромный спрос на меха возник после Аббасидской революции 747–750 гг. и переноса столицы в Багдал. К 970 г. торговля мехами достигла пика, если судить по монетным находкам X в. в Скандинавии и Балтийском ареале.

Декоративной чертой обуви X в. был выпуклый *ложный шов по продольной оси головки*, часто встречаемый на изображениях обуви. После 950 г. декор начинает охватывать и головку, и горловину, предопределяя расшивку дорогой обуви шелком и золотом, разнообразную в дальнейшей.

В раннесредневековый период (1030–1300 гг.) в Скандинавии снижается интерес к востоку. К концу XI в. основные влияния идут с юга и запада, с миссионерскими из Англии и Северной Германии. Так, к XIII в. Берген и Висбю были связаны торговлей с Ганзейским союзом, доминировавшим на Балтике, а к 1350 г. – также и в Северном море, от Лондона до Новгорода. От предшествующего этот период отличается резким увеличением объема археологической обуви, что обусловлено танидным дублением кожи, лучше в силу этого сохраняющейся в слое. Многие детали городской обуви имеют следы ремонта. Некоторую обувь делали сапожники-«слобители», сами и носившие ее. Археологически цветная кожа не встречена, но другие источники отмечали красные, зеленые, голубые, а также рыжеватые, коричневые, черные и белые кожи. В начале периода еще преобладали козьи кожи, но к концу его доминировали коровьи. В северных регионах были предпочтительнее шкуры северного оленя, дося, лошади, собаки, свиньи и тонкие овечьи.

В это время ошутим и качественный «скачок» в организации кожевенного ремесла Новгородской земли, отмечающий расцвет городского ремесла в конце XI – первой половине XII в. Он прослеживается по находкам 2000–2003 гг. на Рюриковом городище, где найдены различные формы края мягкой низкой обуви (Курбатов 2004б: 218–225). Для характеристики кожевенного ремесла здесь значимы мелкие признаки раскроя и шивания – точные линии раскроя деталей, короткие стежки, аккуратные шивные отверстия и состав обрезков от раскроя. Показательно и тиснение поверхности в «сеточку». В коллекции преобладает асимметричный край полной модели и стандартизованная форма раскроек. Подобный

раскрой характерен для древнерусских и западных моделей с XI в. и сочетается здесь со стилем исполнения прорезей для обор и обшивкой края. Из западных коллекций с находками на Рюриковом городище сопоставимы изделия XI – начала XII в. из Лунда (Blomqvist 1937; 1939) и Трондхейма (Marstein 1989; fig. 3b). Обувь на Городище шита из тонкой кожи с использованием очень тонкой нити и коротких стежков. Подобная манера пошива говорит о высокой технической квалификации профессиональных мастеров кожевно-обувного ремесла. Эти же признаки обособляют находки с Рюрикова городища от изделий XII–XIII вв. из Новгорода, Пскова и других древнерусских городов. Их можно соотносить с активизацией жизни на городище в последней четверти XI в. (Носов 1990: 150–151) и началом коренных изменений в организации новгородского ремесла в первой половине XII в. (Янин, Колчин 1978: 25, 27–28).

К концу XII в. в Скандинавии проявляется многообразие стилей обуви. По сагам Снорри Стурлуссона король Олаф (Olaf Kytte – 1067–1093 гг.) ввел новую моду: «обувь кроили высокой и края обшивал шелком, и даже с золотом». Повсеместными были туфли с заостренной и загнутой вверх пяточной подошвы. Ее имеют 90% обуви в Боргунде (с 1050 г. до начала XIII в.), хотя на поселении начала XII в. Сондрфельт (Sondrefelt) в Осло их не более 14%. С 1150 г. пятка становится круглой, что видно по находкам в Осло и Лунде. В XII в. появляется модельное сужение носка подошвы. Но в XIII в. формы с округлым носком вновь стали доминировать, например в Норвегии. Существовали и однодетальные туфли, носимые зимой шерстью наружу. С XIII в. уже известны многослойные подошвы в Шлезвиге и на башмаках для горного дела 1250-х гг. из Альтенбурга (Германия). Видимо, в XIII в. появились портянки – длинные куски ткани, носимые внутри обуви.

По регионам стилистически различаются ремешные башмаки, туфли и низкие «глухие» туфли. Также шли туфли с ремнями и башмаки без ремней выше лодыжки, популярные до 1150 гг. Башмаки преимущественно имели три ряда завязок, охватывавшие ногу плотнее, чем ранние модели. Некоторые низкие башмаки и туфли, особенно в Трондхейме, демонстрируют усиление горловины широкой обшивкой, сложенной вдвое, имевшей декоративное значение. С 1170-х до 1250-х гг. были популярны туфли с боковой шнуровкой, и особенно, с двумя рядами фронтальных шнуровых отверстий. После 1150-х гг. в Трондхейме наиболее массовыми и повседневными (?) были высокие и практичные модели с боковой шнуровкой, где разрезы укрепляли изнутри. Туфли со шнуровкой в Бергене составляли 50% находок первой половины XIII в. и 30% – второй. Новым популярным стилем с 1170-х гг. была обувь с кожаными завязками на подъеме – двумя короткими, или длинной и короткой, проходившими через особые отверстия. В Бергене такая обувь стала доминировать к 1250-м гг., достигая 66% после 1300 г. В XIII в. иногда применяли и маленькие пряжки: в Осло, на поселении Миндетомт найдены две туфли с пряжками.

Для XII – первой половины XIII в. характерна многоцветная пыльная расшивка обуви, покрывающая голочку, горловину или весь верх. Ее основа – дорожка по оси носка, с 2-мя – 6-ю рядами стежков различных цветов. Иногда по оси головки делали вырезы, расшитые вокруг. Норвежские туфли имели и другой декор – это короткие косые нарезы от горловины к наружной стороне пальцев, или вырезной растительный орнамент, или сложные геометрические сюжеты, как в Бергене. Здесь найдена свадебная туфля для левой ноги с изысканным декором – вырезанными рунами, передающими Еклогию 10 Вергилия «*Omnia vincit Amor*» (любовь завоевывает все). Конец цитаты – «*nos sedamur Amori*» (позволяя вам приносить себя для любви) – видимо, был на правой туфле. В Осло есть и комплексы XII в. с вырезным декором на головке, подобно шведской обуви этого времени. Отдельные туфли в Осло (в 1100–1150 гг.) и Трондхейме (в 1150–1225 гг.) имели на подошме вырезы в готическом стиле или широкую открытую полосу, подобно английской обуви. В Эребру (Örebro) встречены головки с рядами параллельных надрезов, но малое число выразительных находок предполагает их неместное производство. Для Трондхейма период XII – первой половины XIII вв. Ю. Сванн назвала «элегантным». Здесь встречена обувь с завязками, контрастная цвету чулок, с популярным заузненным и вытянутым носком.

Обувные конструкции на Руси второй половины XII – первой половины XIII вв. встречены в Новгороде, Пскове, Старой Руссе, Белоозере. Показательной является коллекция Полоцка из раскопок М. К. Каргера (Курбатов 1999) и хронологически близкого к ней Белозерска (Оятева 1973). В Полоцке встречено несколько видов мягкой обуви: сапоги, туфли, поршни и «домашние тапки». Преобладают конструкции туфель, сочетающие однослойную подошву и одно/двухдетальный верх, без дополнительных внутренних элементов. Первый вариант включает одностельную асимметричную раскройку верха, «обертываемую» вокруг стопы, со швом на внутренней стороне стопы. Боковые верха высотой 5–5,5 см, стягивающие или оттопленные, закрывали лодыжку и низ голени. Обувь крепилась на ноге кожаными оборам, продетыми сквозь серию прорезов на уровне лодыжки. Второй вариант имеет двухдетальную раскройку верха, симметричную по продольной оси, со швом на пятке. Преобладают туфли средних и малых размеров. Третий вариант представлен 2-мя моделями с двухдетальным верхом асимметричного края.

Сапоги имели два варианта раскройки. Первый имеет *выворотный основной шов и вытянутый язычок* на пятке подошвы. Сапоги с вертикальным сквозным основным швом в коллекции малочисленны, также как и фрагменты другого вида обуви – поршней. «Домашние туфли» можно реконструировать как обувь из двух основных деталей – головки и задника, со швом на подошве по оси стопы, водонепроницаемость которого усиливала прокладка из сложенной вдвое полосы кожи.

Существенный шаг в выделке кож в Новгородской земле был сделан во второй половине XIII в., когда

в технологию выделки начали внедрять кислоты. Стadia киселевания служила для размягчения шкур перед дублением и качественного их обезжелезения. Вместе с дифференцированным подходом к дублению разных сортов кож, вариативностью режимов каждой стадии выделки, ремесленники могли производить более широкий сортимент кож разного качества и назначения. Стали использовать толстые шкуры взрослых особей крупного рогатого скота – яловку и бычину. Кожевенный товар разделяли на подошвенный, для верха обуви, для фурнитуры и кожгалантереи. Эти инновации Г. Поварнин связывает с влиянием стран Востока.

На Руси XIII век был периодом расцвета расшивных низких туфель. Различная по стилю расшивка охватывает не только носок, но и боковые части верха обуви. Вероятно, именно в это время стали модными т. н. «ажурные» поршни. В представительной коллекции кожаных изделий из Берестя отмечено 43 поршня, из них – 8 ажурных, происходящих из слоев XIII – начала XIV вв. (Лысенко 1985: 288). Отмечая тенденцию развития поршней в Новгороде, С. А. Изюмова датировала ажурные поршни только XIII в. (Изюмова 1959: 210–214, табл.). С конца XIII в. в русских городах среди видов обуви начинают преобладать сапоги, ставшие позднее общеупотребительными. Эта тенденция, как и возрастание популярности высокой обуви в некоторых странах Европы, видимо, связана с активной политикой кочевников в XIII в. (Курбатов 2001а: 205–206).

В позднее средневековье (1300–1500 гг.) в Скандинавии отмечены изменения в организации кожевенного дела. Дубильщики, видимо, стали особой специальностью из-за вынесения мест дубления из зоны жилой застройки. Снять эту проблему должно было широкое внедрение квасцевого дубления. Скандинавские города стали центрами немецкой колонизации, основанной на усилении Ганзейской Лиги. В ней участвовали большие группы ремесленников и торговцев. В XIII в. немецкие колонии были созданы в главных городах Швеции, Дании и Норвегии (Сванидзе 1999: 135). Немцы покупали в собственности участки в Бергене, где к 1330 г. были распределены места для немецких сапожников. Эту колонизацию ускорила «черная смерть» 1348–1350 гг., неожиданно сильная в сравнительно малонаселенной Скандинавии: смертность в Швеции достигала 42–50% (Рейнина 1999: 196). В 1350 г. сапожники Висбю образовали первую в Швеции гильдию, а в Трондхейме в 1377 г. издан «прайс-лист» для сапожников-немцев. Для сравнения, первые гильдии в Англии появились в XII в., но гильдии обувщиков ранее всего основаны только в крупных городах – Лондоне и Оксфорде. К началу XIII в. сложились и цеха сапожников. Они ограничивали объем производства. По данным 1272 г., мастера Лондона не могли иметь более 8-и работников. Гильдии были созданы, в основном, для защиты ремесленников от разных злоупотреблений, и многие мелкие города в них не нуждались до конца XV в.

В XIV в. появляется оригинальная обувь, отраженная в рисунках: это – высокие сапоги до колен

и даже до бедра, а также гладко сшитые башмаки с пуговицами по колено, часто с мешковатыми голенищами, а также с носами на подошве. Вновь вошел в моду во многих странах Европы вытянутый заостренный носок, еще умеренный в первой половине XIV в., но после 1350 г. ставший сильно удлиненным и заостренным. Этот стиль в Англии и Франции называли «пулены» и «краковки», предполагая *появление его из Польши, Богемия и Польша в то время действительно процветали, и картины с видами Кракова* показывают красочный город со множеством высоких шпилей. Мода на «пулены» была столь выразительной, что в Англии закон «о роскоши» 1368 г. ограничил длину носков 2-мя дюймами длиннее стопы. Закон был повторно принят в 1463 г., но в 1482 г. отменен, как потерявший силу. В Скандинавии самые длинные «пулены» известны в первой половине XIV в. в Стокгольме и Лунде. Они были обычными в Кальмаре для 1378 г. и сохранились до конца столетия в Норвегии и Турку. *Округлые носки вернулись в начале XV в., но в 1440-х гг. длинные носки вновь* возродились в Англии в экстраемальных формах и бытовали до конца средних веков, т.е. до гибели Ричарда III в битве 1485 г. и победы династии Тюдоров. В других странах, например в Нидерландах, длинный носок *сохранялся и в начале XVI в. В немецкой саге об Эливорге (Älviuborg) 1502 г. описан шведский стиль* туфлей с вытянутыми носками, тогда как немцы носили уже широкие туфли.

В начале XIV в. возник *велуний стиль эпохи* – туфли с завязками. В основном, это элегантные низкие туфли с вырезами на головках, но пригодные для зимней погоды. Они есть в большинстве комплексов XV в. в Бергене, а также найдены в Боргунде и Трондхейме. В конце XIV в. появились разные пряжки с ремнями, сохраняющиеся и в XV в. Тарифы Трондхейма 1377 г. отмечают их для низкой обуви как местные изделия немецких обувщиков. Сохраняются и башмаки с 3-мя рядами ремней-завязок. *Но появились и новые стили: для зимы – это лодыжные* туфли с передней шнуровкой (по тарифам Трондхейма 1377 г. высокие туфли) и полувысокие башмаки. В XIV в. в Турку низкие женские башмаки в основном имели три пары шнуровых отверстий, а мужские – пять, но были и другие модификации. Для крепления обуви на ноге широко использовали шнуровку, особенно для высоких туфель. Фронтальная шнуровка, с двумя парами шнуровых отверстий, бывала и позднее. В Бергене в 1413–1476 гг. она была вторым по массовости стилем и сохранялась до конца столетия. Обувь со шнуровкой преобладала в Стокгольме в *Helgeandsholmen*, в Лунде, Трондхейме и Осло. Туфли до лодыжки имели и боковую шнуровку, а низкие башмаки – фронтальный разрез для легкого одевания.

Кроме высоких башмаков со шнуровкой известны и башмаки с «глухими» голенищами, имевшими боковой шов, которые для экономии кроили из нескольких кусков кожи. Они впервые названы как «стояла» (stowlae) в описи имущества Магнуса Эрикссона 1340-х гг. и в тарифах Трондхейма 1377 г. Е. Йефверт

считал, что этот стиль пришел с востока. Башмаки с голенищами требовали разделения верха на головку и голенище, сзади вытянутое до подошвы и подшитое к головке по бокам. Такая модель успешно соперничала в XVI в. с туфлями и башмаками.

С конца XIII в. в Европе начинают распространяться разные формы «внешней обуви» (overshoes), но для этого времени в Скандинавии они плохо фиксируются. В позднесредневековой Англии есть записи о «ratteps», «clogs» и «galofshoes». «Clogs», видимо, имели деревянную подошву и кожаный носок, а крепилась на ноге одним или парой ремней поверх стопы. Двухподульные деревянные «overshoes» появились на картинах второй пол. XIV в., но стали широко использоваться только с середины XV в. В это время обшита пробковая подошва-платформа повышается к заднику, образуя каблук. Впервые ее отразила скульптура 1406 г. в Коварубиас (Covarrubias, Испания), а в Северной Европе – портрет 1434 г. Арнольфины и его Жены кисти Я. ван Эйка.

На Руси во второй половине XIII в. происходит своеобразное изменение основных бубновых конструкций, прослеживаемое по находкам в Тверском кремле (Курбатов 2004а). Коллекция делится на две хронологические группы: большая датируется с 80-х гг. XIII в. по 1327 год, а меньшая охватывает период с 1327 г. до середины XV в. Внутри групп состав кожаных предметов унифицирован и не делится на более короткие хронологические отрезки. В ранний период преобладают формы низкой обуви: туфли – в основном с расшивкой, «домашние туфли» и поршни. Присутствуют также различные по крою низкие сапоги, или «полусапожки». Во второй период процент этих форм мягкой обуви резко сокращаются. Преобладающей обувью становятся сапоги ниже колена, с сандалиями или подобными основными швами. Расшивки обуви встречается редко.

В последней четверти XV в. в Руссии возникает кратковременная мода на обувь с вытянутым вперед и заостренным носком. Ее малочисленность в русских городах предполагает кратковременность бытования подобной моды на сапоги европейского фасона. В первую очередь, эту моду восприняли представители высших слоев общества и военные. Данная обувь как репрезентативная и престижная могла появиться в первую очередь в Москве, где в последней четверти XV в. проживало много иностранцев. Среди приезжих мастеров итальянцы составляли большинство до начала XVI в., в частности, они руководили постройкой крепостей в 1480–1530-х гг. Появление сапог с «клововидным носком» в городах России объясняется приездами туда представителей московской знати и служивых людей. В Твери – это переезд «испомещенцев», а в Яме – присутствие бояр, руководивших перестройкой крепости в конце XV в. (Курбатов 2004а: 112–113).

В русских городах обувь имеет короткий, длиной 3–5 см, прямой носок. На головке носок обрезают, свернут в трубочку и снизу подшит в подошве. Такие сапоги встречены в комплексах и слоях второй половины XV в. в Глове, Чернигове, на Кировском и Тро-

ником раскопок Новгорода, на посаде крепости Ям. Они были единственной моделью сапог в комплексе из постройки на Зятьмацком посаде г. Твери. Здесь подошвы показывают уже достаточно сложившуюся форму края в конструкции со швом «в подтай». Разную стандартную форму имеют и задники, с карманом и набором кожаных вкладывшей. Головки и голенища в большей степени соответствуют формам края XIV в. У головок отсутствуют крылья, а поднаряд скроен в виде узких полос. У голенищ еще нет следов обшивки верхнего края.

1500–1600. Новый век разрушил остатки Кальмарской унии, и Густава Ваза, с 1523 г. правящий в Швеции и Финляндии, к 1544 г. завершил создание централизованного государства и установил наследственную монархию. В Скандинавии уже стали ощущать плоды Реформации, выраженные в требованиях покончить с господством там немцев.

Стили и декор обуви в первой половине XVI в. развилась под влиянием военных успехов Германской Империи. На картине «Триумф императора Максимилиана в 1512 г.» преобладают строгие цвета – черный, красный и белый. Основным материалом обуви были шкуры коров, но ткань, особенно шелковый вельвет и сатин, вновь стала популярной для верха обуви и одежды. Подошвы делали из кожи, иногда с тканой стелькой, а верх мог быть из легкой кожи или ткани. Обувь имела однодетальные головки и пару берцов для задника (термин «quarters» известен в Англии с 1532 г.). Подошва обычно имела два слоя: сверху рант крепился к внутренней подошве, а вторым рядом шов через рант ее пришивали к внешней.

Носок обуви в Европе становится широким и округлым. В эпоху Тюдоров он иногда расширялся до 16 см и в палец набивали мох и сено. В 1520–1540-е гг. носок становится квадратным, максимально широким, иногда с маленькими «глазами» по бокам. Для сохранения формы в него вставляли усилители, а очень короткие головки полностью обшивали изнутри. Этот стиль, не подходящий для Скандинавии, тем не менее, в материалах предстает едва ли не самым популярным. Широкий квадратный носок в Трондхейме 1530-х гг. имела туфля с высокой, слегка выгнутой головкой, а в Уппсале – очень низкие туфли. Детали такой туфли были найдены и в Выборге (Курбатов 2003а: 131–132). Эта обувь кажется непрактичной для военных, но именно она изображена на картине Триумфа Максимилиана 1512 г. В процессии показан мужчина, несущий на плечах длинные шесты, на которых висят 2 пары башмаков и около 40 пар очень низких туфель. Экстремальную форму такой моды показывает портрет Густава Вазы 1542 г. кисти Бинка из Грисхольма. Ноги покрывают длинные белые чулки и черные туфли с очень короткими головками и боковинами, которые едва могли удерживать обувь на ноге.

Прайс-лист Стокгольма 1545 г. включает две пары «тофлер» (toffler) на пробковой подошве. Подобно башмакам на деревянной подошве и патинам XV в., их могли носить поверх туфель, чулок и как домашние тапочки. Сохраняется и одинарная средневековая

подошва. Прайс-лист 1546 г. описывает 24 модели обуви, из которых 4 имели однослойную подошву и только одна «двойная туфля», вероятно, с двойной подошвой.

Декор первой половины столетия соответствовал стилям обуви. Очень эффектные были длинные разрезы на широком носке, показывающие контраст с чулками. Такие туфли в Лондоне, судя по находкам, носили представители разных классов. На головке с квадратным или «глазатым» носком разрез обычно заполняли вышивные бусины из сложенной полоски кожи. Встречаются и короткие разрезы, идущие углом, иногда имитируя разделение пальцев. К 1540-м гг. стали популярны короткие геометрические вырезы, например, ряды квадратов по бокам носка с косыми разрезами в них.

Во второй половине XVI в. мода шла из Испании, влияние которой пересекает Атлантику, обеспечивая богатство и власть. Это время отмечено ростом благосостояния и культуры на фоне почти постоянных войн. Закономерны и коренные изменения в обуви: верха тяжелеют, уменьшается гибкость кожи, что требует новой конструкции и соответствующей подошвы. Носки туфель стали более элегантными – тупыми и зауженными, и в сочетании с узким подъемом обувь кажется изящной и легкой. Для верха вновь используют тонкую дубленую кожу наподобие кордуана, называемую в Англии «испанской». Известно, что туфли из такой кожи в 1575 г. покупала английская королева Елизавета (1558–1603 гг.), ранее предпочитавшая вельвет. Среди разнообразия цветов особенно популярны были желтый, оранжевый и «рыжевато-коричневый», включая пастельные оттенки. В описи имущества принца Джона в Турку в 1563 г. отмечены 6 пар башмаков – 4 из кордуана, 1 из «саамской» кожи (samsk), возможно, из новомодной замши, делавшейся в Швеции, в основном, из оленьей шкуры и более жесткой, чем поздняя «шамоус» (chamois). Самой популярной обувью тогда были туфли с вырезом спереди от подъема и прорезным декором по носку. Иногда головка имела короткий разрез у верха для легкого одевания, так как обувь не имела крепления и должна была быть закрытой. Эта форма обнаружена на затонувшем в 1545 г. судне «Mary Rose»: с кордом по верхнему краю для предотвращения растягивания. Прорезы здесь – это параллельные надрезы на головке. Одноподошвенная туфля становится комнатной, домашней обувью, сохраняя выворотную конструкцию до XIX в. К 1580-м гг. люди стали шить обувь так, чтобы избежать точного раскроя верха. Велись эксперименты с боковым швом, а короткий язычок удлинялся на четверть выше головки, где концы не сшивали, а завязывали.

Сапоги стали популярны в период Семилетней войны 1560-х гг. Так, в гардеробе герцога Финляндии Юхана в Турку в 1563 г. записаны 4 пары сапог из кордуана (3 белых и 1 желтые) и пара башмаков черной замши, обшитых широкой полосой ткани. Но в целом, число сапог очень мало относительно всей носимой обуви. К 1580 г. сапоги стали модными и общедоступными для мужчин, хотя и женщины

носили их на верховых прогулках. Есть документы, что в 1588 г. 30 пар сапог закупили в России, видимо как обувь специализированную и, очевидно, дорогую. Сапоги, описанные С. Герберштейном в «Записках о Московии», сопоставимы с роскошным татарским сапогом в ливонско-русском кабинете Стокгольмского музея, попавшем как подарок крымского Хана во время визита в 1582 г. Это оригинальная обувь из красной сафьяновой кожи, с высоко поднятым спереди краем голенища, с элегантным волнообразным декоративным швом по бокам. Пара отверстий на голенище, диаметром 25 мм, служила для его легкого натягивания. Причудливая рельефная вышивка из завитков покрывает сапог до половины высоты, кроме участка на подъеме, где сделаны складки.

В связи с введением высокого каблука изменяется конструкция низа, и проблема соединения подошвы и верха, с этого времени, стала всеобщей. В ранних формах покрытый кожей клин каблука разбивается из платформенной подошвы. Позднее появились каблуки, набранный из мелких обрезков кожи, крепившийся к подошве снизу. Такие каблуки в Англии с 1611 г. называли «польскими». В них видно стремление расширить площадь под пяткой, что изменяет положение и походку человека.

Среди лучших образцов обуви этого периода «overshoes», особенно на высокой платформе, переживает пик популярности. Частое упоминание в одном контексте комнатных туфель (slippers) или пантофлей предполагает, что туфли имели в пару «overshoe». Для них был особенно популярен велвет, ставший причиной насмешек Т. Хейвуда и Дж. Стаббса.

В Скандинавии имеется мало обуви из хорошей испанской кожи, модной в 1580-х – 1620-х гг. Это низкие модели, удобные для материала и для вырезного декора, сохранившиеся в музеях Нюрнберга и Дрездена. Некомплектные детали, датированные около 1615 г., с открытыми боковинами найдены при раскопках Осло. Они демонстрируют высокие требования к обувным мастерам, предьявлявшиеся с конца 1580-х гг., что объясняет рост их богатства к 1650-м гг. и причины массового вступления в обувные мастера представителей нижних социальных классов.

О наличии городской моды в России в XVI в. свидетельствуют обличения бюстостетеля старины митрополита Даниила, ополчавшегося против тех, кто «... на небо не взираши, яко свинья, пребывая долу ничиши о красоте сапожной весь свой ум имея». Владыка бранит чрезмерно узкую обувь, видимо, распространенную среди городских шеголей (Чтения 1881: 570). Но в начале XVI в. мода на сапоги с «клоновидным» носком в России быстро сменяется другой, где носки подошвы, заостренные и сильно вытянутые, загнуты вверх и подшиты к вырезу головки. Сапоги не доходили до колена. В них уже был полный поднаряд и наборный задник с берестяным вкладышем. Вместо каблука использовали серию из 3–4-х подпяточных подкладок. Снизу пятка подбивалась железными гвоздями с широкой шляпкой. Голенища обычно обшивали по верхнему краю цветной тканью.

В моделях первой половины столетия встречаются круглые вырезы диаметром около 3,5 см в верхней части голенища, а на некоторых также была расшивка цветной нитью по головке и передней половине голенища. Эта модель была устойчивой в русских городах до середины XVI в. и даже позднее. Другой формой обуви этого времени были низкие мягкие поршни, скроенные из одного куска кожи. Более малочисленные, чем сапоги, они вероятно были домашней и рабочей обувью (Курбатов 1991: 71–77).

С последней четверти XVI в. в русское обувное дело внедряются западные технические приемы и обувь модных европейских фасонов. Эта тенденция хорошо датируется по комплексам шведского времени в Ивангороде. В раскопе 1988 г. у проезда в Набатной башне со стороны Большого Боярского города, в слоях конца XVI – начала XVII вв. и заполнении материковой ямы, найдено свыше 900 кожаных предметов. Большинство из них – это детали обуви (сапоги, туфли, поршни), но также выделены рукавицы-голицы, чехол для топора (?), фрагменты сумки, кошелек. Туфли представлены отдельными фрагментами подошв и головок с характерными деталями обшивки края и фигурными аставками. Поршни не отличаются по конструктивным и декоративным признакам от изделий конца XV – первой половины XVI в. из Ивангорода и других городов (Курбатов 1995: 198 и сл.). Но в конструкции сапог видны элементы предшествующего времени: поперечное линование поверхности головки и ее продольная стяжка со стороны бахтармы, узкий язычок на пятке подошвы, декоративные круглые вырезы в верхней части голенища. Вместе с тем можно выделить и серию новых признаков. Подошвы делали жесткими, толщиной 3–5 мм, широкими в пучках и резко суженными в перееме, со слегка вытнутым или округлым носком. Встречается наборный каблук высотой около 3 см, крепившийся на «подошве с кроулем» и подбитый гвоздями с широкой шляпкой. Имеются также мелкие технические особенности других деталей и способы их соединений. В декоре применяли набойку мелких гвоздей на задник, обшивку верхнего края голенища тканью, линование по головке и заднику, а также нитяную ослетку и проволочную спираль из свинцово-оловянистого сплава на пяточном ранте. Важным признаком обуви конца XVI – начала XVII вв. является появление обувных подковок.

В XVII в. шведское влияние в Скандинавии охватывает все слои общества, и роскошь одежды стали стремиться ограничить законами. В 1644 г. был введен запрет на импорт нарядных кружев и роскошных одежды иностранных фасонов, подтверждаемый законами 1664 и 1668–1669 гг. Но все более широкие слои общества заражались модой, и различия в одежде касались только качества материала и мастерства ремесленников. Поэтому сильные изменения стилей в 1650-е гг. не были неожиданными. В первой половине столетия преобладали консервативный коричневый цвет и мода делать поверхность обуви подобной велвету или замше – «suede». Это название в Швеции использовали, по крайней мере, до 1859 г. Для туфель

и башмаков использовали и внешнюю и внутреннюю поверхности кожи, как видно по находкам с «Вазы», затонувшего в 1628 г.

Новый фасон имеет удвоенную подошву и выскок каблук, обтянутый кожей красного цвета. Он впервые изображен на портрете английского короля 1610 г., а в Швеции – на портретах Карла IX начала XVII в., и 79-летнего Класа Бильке кисти Дж. Х. Эльбфаса (J. H. Elbfas) 1623 г. Красный каблук в Швеции применяли в первой половине XVII в., до расцвета моды при французском дворе в правление Луи XIV. Становится модным верх из кордуана, который может быть замшевой кожей. Прайс-лист Мальме 1615 г. отметил кордуановые башмаки, стоимость которых изменялась по размерам, а прайс-лист Стокгольма 1654 г. различает простых и кордуановых обувщиков. Для верха обуви также использовали зеленый, пурпурный и красный велвет, часто вышитый металлической нитью. Вельвет популярен на «overshoes» и комнатных туфлях. Русская кожа стала общепотребительной. Лошущую кожу танидного дубления использовали для башмаков («польского стиля» и «галощ»). Сапоги шили из эластичной легкой кожи, со складками (морщинами) на голенищах выше лодыжки. Верх голенищ делали жестким для удержания формы и иногда обшивали материалом контрастного цвета.

В 1590-е гг. в Англии появились новые формы носков – квадратные, ставшие доминирующими к 1620-м гг. В Швеции в начале века сохраняются овальные и округлые носки: на затонувшем корабле «Ваза» они преобладают над квадратными и имеют большую округлость и жесткость. Элементы разных стилей в обуви постоянно чередовались. Носки делали умеренными в долгие годы войны, но они стали заметны квадратными к 1630-м гг. Длинный узкий квадратный носок стал общераспространенным к 1650-м гг. К 1680-м носки снова стали кулолообразными, а с увеличением ширины – похожими на классический фронтон над дверью и окном.

Введение каблука означало новый способ ходьбы, причало к хождению на носках. Общепринятым стал относительно низкий набортный каблук, высотой около 5 см. Прайс-лист Стокгольма 1636 г. различает «высококаблучные, низкокаблучные и туфли с ординарными каблучками». Деревянный каблук был обычным в XVI в., когда сохранялась подошва, проходящая под сводом туфли и опускающаяся по передней грани каблука. Теперь подошва остается прямой до задника каблука, но иногда обувщики делали отдельную верхнюю деталь, более экономичную и легкую для замены. Обувь начала XVII в. была прочнее, чем ранее, с толстыми подошвами. Английский Акт о Коже 1604 г. упоминает 2–3 слоя подошвы у туфлей. Туфли с тремя слоями отмечены в прайс-листе Мальме 1615 г., а в четыре слоя – в Стокгольмском листе 1636 г.

Конструкция с жесткими подошвами обычно имела рант, но в Скандинавии подошвы иногда сшивали с верхом выворотным швом с двумя рядами стежков, названным в Англии «норвежским». Он преобладает

на обуви с «Вазы», возможно, отмечая начало своего широкого использования в Скандинавии, где домашние туфли с выворотным швом сохранились до XX в. Рант остается популярным, иногда с видимыми стежками по краю. На левой стороне туфлей с «Вазы» рант проложен внутри верха как боковая подкладка и сшивался внизу нитью до внешней подошвы. Отдельные подошвы включали обштую кожей пробку или березовую кору. Другая тенденция в подошвах – это сильное сужение перемычки, доходящее до 2 см на отдельных мужских туфлях с «Вазы». Его находят и на «модельных» туфлях Кристины Гольштейн 1625 г. и на рабочей обуви начала XVII в. из Упсалы. Позднее экстремальная форма исчезает.

Стили туфель отличаются не только разнообразием форм носков, каблук и подошв. К 1600 г. уменьшается открытость с боков, и концы берцов стало удобно связывать над клапаном головки. Но затем боковые вырезы становятся модными и непрактично большими, как например, 7,5 см на туфле с «Вазы» и 10 см на модели (около 1620 г.) с золотой вышивкой из Музея Севера (Nordisk Museet), подобной расширенной туфле из свадбеном наряда Густава II Адольфа 1620 г. Самый большой вырез встречен на женских туфлях из Лунда 1620-х гг. и из Nordisk Museet (Стокгольм). Очень широкие боковые вырезы показаны на голландских картинах 1660-х. В Финляндии такие туфли уже ранее 1617 г. рекомендовали не носить священникам, а в школах Вестераса (Västerås) и Эребру (Örebro) они были запрещены.

Туфли с широкими вырезами не подходили для военных, и основной мужской фасон к 1630 г. – это поколенные сапоги. Голенища часто могли закрывали бедра, но сделанные из мягкой кожи они загибалась вниз, а затем опять вверху, давая три слоя кожи под коленом. На конном портрете 1632 г. Густава II Адольфа в Нюрнберге он изображен в бедренных сапогах с морщинами выше лодыжки, верх слегка заострен спереди. Обе последние черты были распространены в Скандинавии: все сапоги с «Вазы» слегка заострены спереди, что могло быть польским влиянием. Морщение над лодыжкой изображается, по крайней мере, до 1654 г. Сапоги с широким верхом известны в Германии как «шведские». Большинство ремесленников, из экономии, кроили их со швом на колене.

В Турку «шедевром» на звание мастера в 1639 г. включали низкие сапоги, бывшие в Финляндии популярными всегда. Их головки имеют клапан и выступ по бокам, чтобы дать прочный шов, обычно скрытый широкой бабочковидной кожаной деталью для крепления шпору. Эти детали можно видеть на внушительных картинах Андреаса Магерстада (A. Magerstad) из Гринсхольма, изображающих пары – Густава II Адольфа с Иоханом I Георгом Саксонским 1632 г. и Иохана II Казимира с Христианом IV 1630 г. Прайс-лист Стокгольма 1636 г. отмечал два вида сапог – с большой «бабочкой», высокими каблучком и голенищем, а также с малой «бабочкой» и низким каблучком и голенищем. К 1650-м гг. «бабочки» стали более практичными, как например на портрете Магнуса Габри-

эля де ла Гарди работы Г. Маннихофена (H. Munnihofen) и на верховом портрете Карла Густава Врангеля 1652 г. работы Д. К. Эренстрала (D. K. Ehrenstrahl).

Кроме сапог военные носили также башмаки до лодыжки или полувысокие, например, гарнизон в замке Виборг (Финляндия) в 1612–1613 гг. В 1625 г. финские солдаты шли себе практичные меховые сапоги, вероятно, подражавшие лопарской обуви. Лапландия в XVII–XVIII вв. продавала свои «лапика» (lapikas) и «пиекут» (pieksut). «Lapikas» имели высокий одночастный низ со швом на пятке. Высокие бедренные «pieksut», по словам Уно Сирелиуса (Uno T. Sirelius), носили с Тридцатилетней войны. Они также имеют одночастный низ, но с заостренным загнутым вверх носком и перевернутым Т-образным швом на пятке. Северная обувь стала популярной, она детально показана в работе Иогана Шеффера (Johannes Schefferus) по «Лалонике» 1673 г. В его рисунках есть сапоги до колен и до лодыжки, где основным элементом был заостренный загнутый вверх носок. На рисунках показан и декор из треугольников, образующий зигзаг на шве вокруг лодыжки и в верхней части перед, сделанный из цветной ткани.

Возможно, с XVII в. в Скандинавии начали входить в моду и деревянные туфли, близкие общеизвестным в то время голландским деревянным башмакам. Но это предположение не отражено в источниках. По крайней мере, в 1634 г. один француз был удивлен тем, что шведские крестьяне носят кожаные туфли, а не деревянные, как в его стране. Туфли и башмаки с жесткой подошвой еще требовали «overshoes», но основной проблемой уже стали каблуки, утопавшие в грязь улиц. Переход на каблучную обувь около 1615 г. возродил в Англии «галюши». В Скандинавии они впервые отмечены в прайс-листе Стокгольма 1636 г. В 1625 г. в Англии упоминаются «rattens» с металлическими набойками, очень популярные у женщин с 1660-х гг. Но подобные изделия в Скандинавии не встречены. Е. Йефверт (Ernfrid Järfvert) считает, что их заменяли «mules» с толстой подошвой.

И башмаки и кожа в этот период были великолепными, с выразительным декором. Пуансонные вырезы сохранялись до 1620-х гг. в виде рядов, кругов или розеток. Но все более частыми становятся «розы», закрывавшие функциональные завязки. К середине столетия вернулись крупные банты. Известны и туфли, вышитые металлической нитью или шелком. Подошвы могли иметь декор не только сбоку, но и снизу. На многих подошвах сохраняются тисненые, вырезанные и штампованные линии, чередующиеся овалы и многоугольники с точками по краю, двойными линиями и крестом на переходе, а также овалы, звезды и точки. Исследователи пытаются разделять обувь по штампам, в каждой определить производителя. Но штампы не всегда выглядят одинаково, и различия могут соответствовать обуви разных видов, что делает сомнительными любые выводы. Штампы делали не только обувные мастера, но и снабженцы для продажи.

Серьезные изменения произошли в 1660-х гг. Черный цвет вновь стал модным для мужских сапог, а

голеница к 1680 г. превратилась в жесткую трубу. С высоким каблуком и большим голенищем, завернутым книзу, сапоги соответствуют элегантным высоким парикам; в абсолютистских монархических обществах Франции и Швеции они были частью королевского наряда. Для удержания формы голенища использовали китовый ус. Жесткие голенища предписывались и для конных почталов, но были предпочтительны и для езды в санях. Для удобства при длинных переездах в голенища иногда вставляли кожаные подушечки, набитые шерстью или конским волосом.

В это время изменяется взгляд на общественное положение женщин. В 1660 г. гильдия обувщиков Хельсинки впервые ввела различия мужской и женской обуви. Последняя выделяется по цвету, материалу и форме носков – к 1670 г. они становятся тупыми, но более узкими. Мужская обувь, отчасти, принимает стиль лопарской обуви и туфель со скругленным носком. В армии к 1687 г. были приняты сводчатые носки. Каблуки женских туфель утончаются, а у мужских становятся похожи на сапожные – набортные, высокие и массивные. С другой стороны, некоторые модники в Европе делали очень тонкие каблуки – «не шире чем пфенинг». D-образный профиль каблуков, обманчиво тонкий, но с широким основанием, видимо, был широко распространен для туфель в Скандинавии.

Застежки на обуви также изменяются в 1660-х гг. С пуговицей или крошечным разрезом ажурной формы они присоединяются на завязке к одной стороне туфли и застегиваются длинным ремнем на другой стороне. Туфли из затонувшего в 1676 г. судна «Корона» (Клопан) имеют узкие ремешки к пряжке, сдвинутые на центр подъема. Совсем маленькие и вытянутые вдоль ремешка пряжки, видимо, становятся декоративными. Позднее пряжки сохраняются только для мужской обуви. Способ крепления пряжек хорошо виден на картине 1690 г. из Трондхеймского музея, где три старших мальчика обуты в сходные туфли с пряжками. К концу XVII в., наоборот, становятся популярны крупные пряжки, для их поддержки необходимыми были двойные перекрывающиеся ремни. Этот тип крепления обуви сохраняется в XVIII в.

Для 1660-х гг. известен и редкий тип женской туфли – с хлопчатой подошвой. Максимально сложные в изготовлении, они имели высокий, обтянутый кожей каблук с обычной подошвой и деталями верха. Как правило, каблук не присоединялся к нижней подошве и при движении издавал хлопок. Некоторые такие туфли имели ложные галоши, хотя они определено были комнатными. Такие туфли часто имели и войлочные подошвы, не издающие шума на полированной поверхности.

Сапоги делаются более жесткими и выразительными. Большинство их имеет туннельный и другие виды декоративных и функциональных швов по верхнему краю. Возникли подражания кожаным голенищам из более дешевого заменителя – ткани. Особое направление – это телячьи высокие сапоги в классическом «римском» стиле, подобные коллекционным экземплярам из Стокгольма (Stokloster), датированным

около 1654 г. Они отражали склонности и увлечения Карла Густава Врангеля, устраивавшего костюмированные карнавалы, где выделялись костюмы римлян, «турок», «поляков» и других «европейцев», с башмаками на высоких каблуках». На портретах Д. К. Эренстала появляется и обиходная обувь классических стилей, но она не имела влияния на основную линию развития, хотя телячьи высокие сапоги копировали и в XVIII в.

Декор в этот период очень пышный. Новым с 1660-х гг. была широкая серебряная тесьма на женских туфлях, которая шла от носка вверх по центру переда, часто – с простой тесьмой поверх каблука и пяточного шва. На мужских сапогах туфельный шов становится декоративным и делается белой нитью. Жесткий бант сменяется в 1660-х мягкой широкой тесьмой и не завязывается на язычке головки. Пряжки постепенно уменьшаются в размерах. Их функциональность поддерживают якоробразной формы крючки, появившиеся на удлиненных пряжках. На портрете 1680-х гг. работы Д. К. Эренстала Карл X показан на лошади, в сапогах с жестким высоким голенищем и кожаным бантом, закрепленным округлой пряжкой, подобной пряжкам туфель.

В России XVII в. обувь продолжает развитие традиционных русских моделей предшествующего столетия. Основными видами обуви, по-видимому, для всех слоев общества, были сапоги и поршни. Сапоги «жесткой конструкции» с основным швом («подтай»), имели короткое голенище (не доходило до колена) и комплект внутренних деталей – поднаряд, серию подпяточных подкладок и прокладок в задник. Низкие поршни «гнулись» из одного куска кожи и крепились на ноге кожаными завязками, продетыми сквозряд прорезей по верхнему краю. Распространяются специализированные виды обуви, например, специальные рыболовные сапоги – «баламутные», долгари и ловещие, а также бахилы – грубые солдатские сапоги (СлРЯ XI–XVII вв., 1: 67, 81; 4: 296; 8: 265).

Для постоянного ношения, видимо со второй половины XVI в., стали общепотребительными плетеные из лыка и бересты лапти, постолы, ходаки, различавшиеся в отдельных областях по названию, высоте и способам плетения. Такая обувь становится обиходной в Московском государстве в связи с постепенным объединением основной массы населения и с удорожанием кожаной обуви. В течение XVI в. и позднее цены на кожу и кожаные обувные изделия постоянно возрастали, что сделало нерентабельным посылку пошитой кожаной обуви. Например, уже в XVI в. монастыри старались закупать не готовую обувь, а кожи и полуфабрикаты, особенно для сапог – самой дорогой продукции кожевников. Понятно и стремление населения к получению более дешевой обуви. И. А. Вахрос полагал, что для второй половины XVI–XVII вв. более рентабельным было употребление лаптей, которых можно было купить до 48 пар вместо одной пары сапог (Курбатов 2001б: 225–233). Быстрый переход плетеной обуви из разряда функциональной крестьянской обуви в повседневную и общепотребительную можно видеть в развитии товарного

производства лаптей к концу XVI в. Известны ремесленные специальности лапотников в городах и упоминание лаптей среди товаров. В то же время, плетение изделий из лыка и бересты, как и выделка простых тканей и кож оставались обычным домашним занятием крестьян в зимний период, или домашним ремеслом посадского человека. В XVII в. лапти плели из различных материалов, в том числе из конского волоса (волоснянки): «Являл ярославец посадской человек Андреи Матфеев ... 10 обуев сапоговъ и башмаковъ ... да сверхъ выписи 40 обуев волосняниковъ», 1624 г. (Вахрос 1959: 74). К 1631 г. относится первое упоминание «войлочных сапог» – валенок: «сапоги войлочные да другие дубленные» (СлРЯ XI–XVII вв., 2: 310).

Контакты с соседними народами проявились в появлении новых форм обуви. Повсеместно появляется обувь западных фасонов – различного покрова башмаки и туфли. Это хорошо прослеживается по археологическим комплексам Ивангорода, Мангазеи, Пустозерска (Курбатов 2003б; Курбатов, Овсянников 1999). Освоение Сибири и Русского Севера также принесло в быт русского населения много элементов культуры аборигенных народов, в том числе специфические сибирские виды обуви и их местные наименования – кисы, коты, пимы, люпты, унты, упки, чарки.

Моду XVIII в. в Скандинавии Ю. Сванн делит на два периода. Время с 1720 г. до конца правления Адольфа Фридриха – 1771 г., было эрой свободы, открывшей возможности для лаптей и уличившей уровень жизни в Финляндии. «Признание Саамов» в 1714 г., поездки Кнуда Лема в 1728–1735 гг. и К. Линнея в 1730-е гг. поддерживают интерес к северным регионам. В то же время в Скандинавии сохранялся культурное влияние Франции вместе с модой рококо, а в конце столетия и соперничавшей с ней Англии. Лондонский Акт 1761 г. дал стандарты моды для многих городов. Кроме того, экзотичное влияние идет из Турции, отмечая романтизм туркомании во всей Европе и интерес к вещам Китая. Вместе с тем, Ирена Турнау приводит коллекции одежды из датских монастырей в качестве доказательства влияния польской и русской моды в Скандинавии как в XVII, так и в XVIII в. (Титлау 2002: 53–60).

Правление Густава III (1771–1792 гг.) отмечено попыткой ввести шведскую национальную одежду в 1778 г., но его стремление к пышным стилям было забыто после Французской революции 1789 г., чьи идеалы свободы и равенства привели к упрощению одежды. Отчетливым стало деление обуви на мужскую и женскую. Женщины стремились подчеркнуть маленькие и стройные ноги более изящной формой обуви и высокими каблуками.

В это время предпочтение отдавалось красному цвету, и обувь с красными каблуками к концу XVIII в. носили все слои общества. Женские каблуки были контрастными и часто покрывались кожей непрактичного белого цвета. Каблуки также контрастировали с желтой парчой или бледно-коричневой кожей до периода английской моды 1770–1780-х, в которой

преобладал цвет слоновой кости, сочетавшийся с элементами парчи – кушаком или шляпной лентой, создавая грамоничный ансамбль. Красный велвет и шелк проходят через большую часть столетия. В середине века они сочетаются с серебром и ярким желтым цветом. Уникальная черта для Швеции – это черные союзки на белых туфлях, что, вероятно, идет от галоц XVII в.

Одним из изысков XVIII в. была расшивка верха обуви цветами и листьями разного цвета. Материалом для туфель высокого барокко служила парча, но в Скандинавии привычными оставались шерстяной дамак и гладкая шерстяная одежда. Шведские законы о роскоши 1720–1746 и 1766 гг. запрещали использовать иностранные материалы, ограничивая использование парчи. В начале столетия остается популярным велвет с использованием вышивки. Много туфель из велвета сохранилось в Норвегии (в Бергене, Трондхейме, Осло), а также в Швеции и Финляндии. В последней они часто упоминаются в описях имущества 1720–1745 гг. как старая, изношенная одежда.

Другим материалом женских туфель была простая или цветная кожа – коричневая, красная или зеленая. Часто упоминается сафьяновая кожа, например кордуан, частично сделанная как замша. Замша была распространена в Скандинавии задолго до ее возрождения в Англии в 1785–1790-х гг. Существовал контраст цвета верха между мужской и женской обувью: для мужской – кожа более прочная и обычно черная. Туфли могли быть сделаны лицевой стороной наружу, но большинство их вывернутые и кожаные, *телячьи*. Также во многих рантовых конструкциях рант делали из коричневой замши или кожи. Женские легкие туфли обычно имели конструкцию с белым рантом, иногда с видимым швом по краю или без него. Рантовая конструкция была более предпочтительна в Скандинавии, что демонстрирует сохранившаяся обувь. Некоторые из женских туфель имели обманчиво жесткие подошвы, необходимые для климата и местности.

В Англии с начала XVIII в. массовый пошив обуви позволяет выпускать «готовые туфли» в больших мастерских. Каблуки стали отдельной статьей торговли в Англии к 1640-м. В Скандинавии такую обувь также заранее заказывали мастерам, которые хранили ее в больших количествах. В описи имущества обувщика Антония Юлиуса (Anthonius Julius) 1736 г. указан большой запас *деревянных каблуков, башмаков и туфель*. Стандарты производства обуви долго сохранялись благодаря системе гильдий и мастерству обувщиков.

Для армии была характерна жесткая кожаная обувь с малой пружкой. В начале XVIII в. преобладали жесткие 3-х слойные подошвы, но к 1727 г. они сменяются 2-х слойными из шведской кожи, с прокладкой из бересты. В кавалерии в 1688 г. красные башмаки были предписаны Гусарскому полку, хотя обычно гусарские сапоги шили из телячьей кожи до колена. Известны и безденные сапоги, они например, показаны на портрете Карла XII в битве при

Нарве 1700 г. работы Давида фон Краффа (David von Kraff). Но известно, что уже в 1701 г. кавалерия была обута в удобные сапоги без безденного верха. Прайслист Ландскроны (1718 г.) указывает башмаки и туфли из кожи домашней выделки, а Порво (1724 г.) – сапоги из кожи русского производства, или – более дешевые – из английской.

Выворотная конструкция снова появляется в мужских туфлях, а в 1760 г. и в женских, например, в коллекции К. Линнея. Е. Йефверт нашел первое употребление слова «бексом» (becksom) в 1726 г., хотя конструкция определено существовала и ранее. Видимо, выворотные модели были редкими в южной Швеции, но, по мнению ряда исследователей, они были обязательны для тяжелой обуви горных местностей (в Англии выворотную обувь шили и легкой).

Формы носков различаются для мужской и женской обуви. Грубый квадратный и высокий носок сохраняется в мужской обуви – и на сапогах всадника, и на военных башмаках, вплоть до появления новой моды на тугой заузненный носок в 1762 г. Сапоги Карла XII 1718 г. и Эрика Брахе 1756 г. имеют высокий носок, подобный находкам изношенных мужских туфель в Турку. Женская обувь на протяжении столетия не раз изменяет форму носка – от тупого заузненного до общеевропейского вытянутого заузненного или овального. Возникают и локальные особенности. Так, конец носка норвежских туфель загибался выше, чем в шведских и финских. Он отражает округлые линии рококо, как на английских туфлях, и стремление имитировать турецкий и китайский стили.

Большинство женских каблуков делали тонкими и покрывали кожей (так называемая форма «ломпа-дур»). Для матерчатых туфель сохраняются высокие вытянутые каблуки. Но часто каблук имел широкие основание и D-образную форму, иногда с острокопечным задником. Многие норвежские каблуки были низкими. В Швеции некоторые туфли из регионов Вестерготланд, Остерготланд, Вастерас, Сконе, Оребро и Даларна имеют более толстые каблуки – это местные вариации или индивидуальные изделия. От 1736 г. известны низкие набортные каблуки в Дельбо (Delsbo), лежащие у свода стопы, что отмечает новую традицию, возникшую во второй половине XVIII в., когда каблук делали со многими слоями бересты и сдвигали к середине стопы. Каблуки для мужчин остаются высокими на башмаках и туфлях до 1740-х гг., хотя отдельные экземпляры имели высоту около 4 см, как более практичную для хождения (например, на армейских туфлях). Набивание железных гвоздей или подковок на каблуки для их защиты – это черта Восточной Европы с позднего средневековья.

Прыжки из серебра, бронзы и свинцово-оловянистых сплавов были и функциональными, и декоративными. Они остаются маленькими до 1730-х, обычно продолговатыми, со скругленными углами и с одним шипом. Затем прыжки становятся большими, уже с двумя остриями. Многие из них были приспособлены позднее для народного костюма.

Сапоги стали менее популярны для мужчин, чем туфли, среди которых особенно дорогие иногда указывались в завещаниях в качестве наследства. К этому времени высокие голенища заворачивались вниз ниже колена, как на сапогах Карла XII 1718 г. В 1730-х гг. армейские высокие сапоги делали из более мягкой кожи, а голенища вырезали из одного куска, без складок на подошжке. Для многих солдат гамачи были более дешевой заменой сапог: В Сконе в 1732 г. их делали из льняной или шерстяной ткани.

«Stippers» регулярно упоминаются в прайс-листах как высококлассная работа для обоих полов. Некоторые *сшиты из стеганого вельвета или шерсти*, с удобным тупым носком на женских, и квадратным сводчатым – на мужских. Еще сохраняется необходимость в «owershoes», галошах и «rattens». Нормой для женщин высших классов стало носить деревянные башмаки с прямой кожаной подошвой и стелькой, с широким деревянным клином и кожаными щитками с боков пятки. Имелись и более закрытые галоши, с кожаным покрытием носка и пятки, а также «rattens», обитые железом, которые носили работающие женщины в городе и деревне.

Описания поездок Кнута Лема на север в 1725–1735 гг. снабжены множеством изображений саамов. Он писал, что горные лопари носили обувь из шкуры с головы или голени северного оленя, а морские лопари делали чиз из шкуры тюленя, а голенище из дубленой кожи. Женскую обувь шили только из шкуры с голени северного оленя. Для морских путешественников саамы шили сапоги полностью из дубленой шкуры, а для передвижения по суше – из сырой шкуры, с дубленным голенищем. Белый мех женщины выбирали для специальных случаев. Обувь носили без чулок, вкла-

дывая внутрь солому, просушивая ее за ночь над огнем. Лопарские женщины делали сапоги для продажи дворянам с низом из шкуры северного оленя шерстью наружу, с телячьим верхом, вышитые оловянной нитью. Немец Д. Шребер (D. G. Schreber) писал в 1769 г., что лопарская обувь особенно популярна в Санкт-Петербурге. Это водонепроницаемые норвежские зимние башмаки из шкуры северного оленя мехом наружу, обитые мехом ягнят, или из кожи тюленя с мехом внутри и наружу; и другие – с голенищем, имеющим боковой разрез и пуговицы, спрятанные в мех. Имеются свидетельства и о лопарских башмаках (rjаха) из северного оленя.

Линнхейм описывает и другие региональные стили 1730-х гг., в том числе деревянные туфли в Сконе, носимые с соломой внутри и удобные для холодного земляного пола амбаров и дома. По Сирелиусу, деревянные туфли носили в южной Финляндии с XVII в. В обоих регионах они, вероятно, были адаптивной башмаком на деревянной колодке (clogs) с континента. Сконе была частью Дании до 1658 г., и здесь носили «clogs» датского стиля, сходные с голландскими. Туфли для крепостных отмечены в листе Ландскроны за 1718 г.

Региональная обувь. С развалом абсолютизма после 1789 г. связано развитие различных стилей, но народную обувь очень сложно точно продублировать. Правда многие детали народной обуви копируют фасоны модной обуви, тогда как обратное влияние не прослеживается. Среди народной обуви Ю. Сванн описала деревянную и берестяную, широкое распространение в Европе именно в XVIII–XIX вв. Но если деревянная обувь – колодка с ремнями – в Скандинавии была и ранее, то берестяная обувь здесь до XVIII в. неизвестна.

- Вахрос 1959 – Вахрос И. С. Наименования обуви в русском языке. 1. Древнейшие наименования до петровской эпохи. *Хельсинки*, 1959.
- Изомова 1959 – Изомова С. А. К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого // МИА. Вып. 65. М., 1959. С. 192–222.
- Курбатов 1991 – Курбатов А. В. Коллекция кожаных предметов из Ивангорода (по раскопкам 1980–1986 гг.) // КСИА. Вып. 205. 1991. С. 71–77.
- Курбатов 1995 – Курбатов А. В. Кожаные изделия шведского периода из раскопок Ивангородской крепости // РА. № 2. 1995. С. 198–208.
- Курбатов 1996 – Курбатов А. В. Камень с петроглифами из г. Твери в контексте проблематики наскальных изображений Европы // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996. С. 347–351.
- Курбатов 1997 – Курбатов А. В. Раннесредневековая обувь. Поголовья и вопросы сложения городского ремесла // Древности Поволжья. СПб., 1997. С. 117–128.
- Курбатов 1999 – Курбатов А. В. Наследие М. К. Каргера: коллекция кожаных предметов из раскопок 1957 г. на Верхнем замке Полоцка // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседней. СПб., 1999. С. 100–117.
- Курбатов 2001а – Курбатов А. В. Культурные влияния Востока в кожевенном производстве средневековой Руси // Культура славянских степей второй половины I тыс. н. э. (из истории костюма). Т. 2. Самара, 2001. С. 197–210.
- Курбатов 2001б – Курбатов А. В. К истории лопаря на Руси (жизнь, историографические мифы XVIII в.) // Тверской археологический сборник. Вып. 4, т. II. Тверь, 2001. С. 225–233.
- Курбатов 2003а – Курбатов А. В. Кожаные изделия средневекового Выборга по раскопкам 2000–2001 гг. // Староладожский сборник. Вып. 6. СПб.–Старая Ладога, 2003. С. 122–158.
- Курбатов 2003б – Курбатов А. В. Кожаные предметы из Пустозерска // Ясинки М. Э., Овсянников О. В. Пустозерск. Русский город в Арктике. СПб., 2003. С. 225–243.
- Курбатов 2004а – Курбатов А. В. Кожевенное производство Твери XIII – п. п. XV вв. (по материалам раскопок Тверского кремля 1993–1997 гг.). СПб., 2004.
- Курбатов 2004б – Курбатов А. В. Кожаные предметы из раскопок на Рюриковом Городище в 2001–2002 гг. // АВ. № 11. СПб., 2004. С. 218–225.
- Курбатов 2004в – Курбатов А. В. Обувная мода в средневековой Руси (по находкам из раскопок в Твери) // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. СПб., 2004. С. 102–115.
- Курбатов, Овсянников 1999 – Курбатов А. В., Овсянников О. В. Изделия кожевенного производства в городах русского Заполярья (Мангазея) // АВ. № 6. СПб., 1999. С. 245–271.
- Лысенко 1985 – Лысенко П. Ф. Бересте. Минск, 1985.
- Магомедов 1979 – Магомедов Б. В. Каборга (раскопки 1973–1974 гг.) // Могильники черняховской культуры. М., 1979. С. 24–62.
- Носов 1990 – Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990.
- Оятева 1973 – Оятева Е. И. Белозерская кожаная обувь // Голубева Л. А. *Весь и славяне на Белом озере X–XIII вв.* М., 1973. С. 199–205.
- Репина 1999 – Репина Л. П. «Черная смерть» и демографический кризис XIV–XV вв. // Город в средневековой

- цивилизации Западной Европы. Т. 1. М., 1999. С. 195–198.
- Сванидзе 1999 – Сванидзе А. А. Средневековые города Северной Европы // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 1. М., 1999. С. 133–139.
- СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1. М., 1975. Вып. 2. М., 1975. Вып. 4. М., 1977. Вып. 8. М., 1981.
- Формозов 1965 – Формозов А. А. Камень «Щетлеп» близ Новгорода и камни-аселдовики // СЭ. № 5. С. 130–138.
- Чтения 1881 – Чтения Общества любителей истории и древностей Российских. Т. 2. М. 1881.
- Янин, Колчин 1978 – Янин В. Л., Колчин Б. А. Итоги и перспективы новгородской археологии // Археологическое изучение Новгорода. М., 1978. С. 5–56.
- Blomqvist 1937 – Blomqvist Ragnar. Medeltida svard, dolkar och sador funna i Lund // Kulturen. Lund, 1937.
- Blomqvist 1939 – Blomqvist R. Medeltida skor i Lund // Kulturen. En Arsbok 1938. Lund, 1939.
- Driel-Murray 1987 – Driel-Murray, Carol van. Roman Footwear: a mirror of fashion and society // Recent research in archaeological footware. Association of archaeological illustrators & Surveyors-Technical paper N. 8 (I. P. Publ. 433)
- Filip 1939 – Filip Jan. Lužická kultura v Československu // Památky Arhaeologické. Nove rady ročník. VI–VIII. Za rok 1936–1937. Praha, 1939. S. 14–51.
- Hald 1972 – Hald M. Primitive Shoes. Kopenhagen, 1972.
- Jafvert 1938 – Jafvert E. Skomod och Skotillverkning fran medeltiden till vara dagar. Stockholm, 1938.
- Jensen, Stig. 1991 – Jensen S. The Vikings of Ribe. Ribe, 1991.
- Kalicz-Schreiber 1991 – Kalicz-Schreiber R., von. Das spätbronzezeitliche Gräberfeld von Budapest // Prachistorische Zeitschrift. Bd. 66. H. 2. Frankfurt-am-Main, 1991. S. 161–196.
- Keiling 1988 – Keiling H. Archaeologisches Freilichtmuseum Gross Raden. Schwern, 1988.
- Kuhn 1966 – Kuhn H. The Rock Pictures of Europe. London, 1966.
- Lage 1999 – Lage M., von. Schuhbesatzfunde von Bescheid, «Bei den Hubeln», Kreis Trier-Saarburg // Trierer Zeitschrift. N 62. 1999. S. 37–82.
- Les Scandinaves et l'Europe 800–1200. 22-e exposition d'art du Conseil du l'Europe. Paris, 1992.
- Malmer 1981 – Malmer M. P. A Chronological Study of North European Rock Art. Stockholm, 1981.
- Marstrander 1963 – Marstrander S. Ostfolds Jærbruksristninger. Oslo, 1963.
- Marstein 1989 – Marstein O. Sko og andre gjenstander i laer // Meddelelser, N. 23. Trondheim, 1989.
- Schia 1977 – Schia E. Skomoter og handverk pa lands bygda i middelalder, belyst ved funn i og stavkirker og en gravhaug // Universitetets Oldsaksamling. Arbok 1975/1976. Oslo, 1977. S. 137–149.
- Turnau 2002 – Turnau I. Wplyw ubiorow narodowych srodkowej i wschodniej Europy na stroje dworskie w krajach skandynawskich w XVII i XVIII wieku // Kwartalnik historii kulturej materialnej. R. L. N. 1. Warszawa, 2002. S. 53–60.
- Wojtasik 1960 – Wojtasik J. Wczesnosredniowieczne wyroby ze skory znalezione na stanowisku 4 w Wolinie // Materiały Zachodnio-Pomorskie. T. VI. Szczecin, 1960. S. 159–208.

А. В. Курбатова

Россия. Санкт-Петербург.

Институт истории материальной культуры РАН.

Отдел славяно-финской археологии

ВИЗАНТИЙСКАЯ ПРОВИНЦИЯ, ТРАНСПЛАНТАЦИЯ ИЛИ РЕЦЕПЦИЯ? НОВАЯ КНИГА О ДРЕВНЕРУССКИХ ЭНКОЛПИОНАХ

Корзухина Г. Ф., Пескова А. А. Древнерусские энколпионы.

Нагрудные кресты-реликварии XI–XIII вв.

432 с. 159 таб. 2003. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение

Книга, составляющая предмет настоящей рецензии, не просто соответствует таким академическим категориям как актуальность и новизна. Ее значение не объясняется механическим сочетанием этих качеств. Появившись эта книга в Российской империи, она бы по праву стала одним из томов «Материалов по археологии России», в недавнем прошлом ей было бы уготовано место в ряду изданий «Сводов археологических источников». Но значение книги определяется не только публикацией археологического в широком смысле материала, но и удивительной коррек-

тностью, а с учетом специфики публикации – даже тактичностью его осмысления.

Содержание каталога – древнерусские энколпионы. Эти миниатюрные реликварии представляют собой двусторчатый крест на шарнире, внутренние полости которого служили для хранения частиц мощей, «контактных реликвий» – предметов, освященных на мошах, и прочих микросвятынь. Присущие крестам изображения, несмотря на многочисленные иконографические варианты, достаточно стандартны: здесь традиционно представлены Распятие, Божья

Матерь и избранные святые, иногда – различные варианты креста. Сами кресты-реликвари, которые еще недавно считались элитарным явлением, сегодня, во многом благодаря опубликованному труду, предстают как часть «структур повседневности» русского средневековья. Это придает изданию фундаментальный характер в деле последующего изучения разновременных феноменов древнерусской культуры, их истоков и существовавших в истории межрегиональных связей. Однако очевидно и практическое, прикладное значение издания, иллюстративные особенности которого позволяют легко систематизировать музейные и археологические коллекции и идентифицировать новые находки крестов-реликвариев в соответствии с типологическими и хронологическими, а, следовательно, и культурными, признаками.

Первая часть книги впервые знакомит читателя с исследованием с. н. с. ЛОИА АН СССР к. и. н. Г. Ф. Корзухиной (1906–1974), которое было озаглавлено самим автором как «Памятник домонгольского медного литья» (с. 10–39). Работа была написана в 1949 г. и ранее никогда не публиковалась, за исключением самых общих положений, которые были изложены в тезисной форме (Корзухина 1958: 129–137). Рукопись и иллюстрации хранились в архиве ИИМК РАН, в фонде персональных материалов, который был тщательно подготовлен к передаче в рукописное собрание самой Г. Ф. Корзухиной (ИА ИИМК РАН, РА: ф. 77, дд. 14–17). Очевидно, что не столько цензура, сколько своеобразная «самоцензура», вынуждавшая исследователя согласиться с мыслью, что в тогдашних идеологических условиях эта работа не была «актуальной», воспрепятствовала ее публикации.

Представленный в работе каталог насчитывал до 400 экземпляров энколпионов с территории Древней Руси, подразделенных в соответствии с впервые созданной классификацией, первой по тем временам. Этой категорией древностей Г. Ф. Корзухина заинтересовалась еще во время работы хранителем фонда прикладного искусства Русского Музея (1935–1938), где находилось значительное количество депортированных экземпляров. Впоследствии она познакомилась и с киевскими коллекциями, что в совокупности и составило основу работы. Впрочем, Г. Ф. Корзухина собирала воедино сведения о находках энколпионов и после завершения рукописи – фактически ее представления об этом феномене не ограничивались 400 экземплярами. Выделив в качестве отдельной группы византийских импортов т. н. «сирийские» энколпионы, украшенные преимущественно гравированными изображениями, исследовательница разделила имеющийся материал на семь групп (I–VII), соответственно датировав их и включив в эволюционный ряд. У его истоков оказались прямоконечные кресты с изображениями, «выполненными врезанными литыми линиями» (XI в.). С рубежа XI–XII вв. в Древней Руси начинают бытовать кресты

с закругленными концами («с высоким рельефом» (II), представленные пятью типами, различающимися своей иконографией). Кресты «рельефно-черневые» (III) (четыре иконографических типа) и «черневые» (IV) энколпионы (три типа, различный по иконографии) появляются в Среднем Поднепровье в результате активности выделенной Г. Ф. Корзухиной «Большой мастерской». Время их появления – соответственно вторая четверть и вторая половина XII в. На смену им в начале XIII в. приходят кресты «с мелкими рельефными изображениями» (VII) (четыре типа). Кресты с «выемчатой эмалью» (VI) датируются «в целом XIII в.». Морфологическая эволюция ветвей креста развивалась в направлении от прямоконечных к закругленным с парными выступами на концах, а в конце домонгольского периода их форма усложняется за счет большей изысканности самих ветвей и увеличения количества декоративных выступов. Тогда же возникает прямоконечная форма крестов и появляется квадрифольный.

Таким образом, если основой группировки крестов являлись технико-технологические особенности изготовления, то их типология строилась по иконографическому принципу. Хронологические наблюдения целиком и полностью соответствовали тогдашнему уровню развития археологической науки. Относительная датировка строилась на субъективных представлениях об эволюции артефактов, а абсолютные даты получались на основе общих представлений о периодах развития древнерусской культуры и наличия аналогий с произведениями прикладного искусства. В исследовании содержатся и некоторые соображения о социально-имущественном контексте бытования подобных крестов, который представляется репрезентативным. Присутствуют здесь и наблюдения о географическом распространении крестов и центрах их распространения, которые концентрируются в Среднем Поднепровье: в Новгородской земле энколпионы редки и представлены малохудожественными экземплярами. Все эти взгляды вполне соответствовали уровню развития археологической науки и наличному состоянию материала в середине XX в.

Прошло 50 лет, прежде чем у исследования появилась реальная возможность быть изданным. Сама же рукопись, будучи первой серьезной попыткой осмысления этих археологических материалов, все это время не переставала быть востребованной¹. Однако уже с 1960-х гг., по мере взрывообразного накопления новых археологических материалов, в том числе – хорошо датированных энколпионов из раскопок в Великом Новгороде, стала очевидна схематичность предложенной классификации и условность соответствующей хронологии (Седова 1981: 61; Медынцева 1961: 65–68). Произошло удревление некоторых категорий находок. Так выяснилось, что рельефно-чер-

¹ М. В. Седова писала в свое время: «Приходится сожалеть, что подготовленная к печати Г. Ф. Корзухиной работа о датировке медного литья домонгольской Руси до сих пор не вышла в свет» (Седова 1981: 72). С материалами Г. Ф. Корзухиной, несомненно, был знаком и В. Г. Пущо (Пущо 1993: 21–33).

специфика памятников древнерусской христианской культуры раскрывается с помощью их корректного и развернутого описания, а отнюдь не путем создания жесткой типологической схемы.

Введение А. А. Песковой более дробной иконографической классификации, как и новая последовательность в перечне иконографических типов, соответствующая научным представлениям об их эволюции, привели к тому, что внутренняя нумерация в группах отличается от принятой у Г. Ф. Корзухиной (с. 241). Дополнительно выделены VIII и IX группы, составленные соответственно из крестов с изображениями в низком уплощенном рельефе и индивидуальных типов конца XII—XIII вв. Прямоконечные энколпионы с изображениями, переданными «врезанными литыми линиями», которые были выделены Г. Ф. Корзухиной в I группу, в свете новейших исследований оказались связаны с болгарско-подунавским регионом. В силу этого они стали частью I группы (I. 2), а их место в общей нумерации заняли византийские кресты, стоящие у истоков всего феномена. Впрочем, наличие в этой группе крестов, иконография которых также связана своими истоками с балкано-дунайским регионом (I. 1, 2; I. 1, 3), способно вместе с «исключенными» крестами повлиять на наши представления о церковно-политических связях Древней Руси с Первым Болгарским царством и Охридской архиепископией, в существовании которых так был уверен М. Д. Приселков (Приселков 1913).

Согласно проведенному исследованию, в основе всей эволюции древнерусских энколпионов лежат черневые кресты с Распятием и Богоматерью (IV. 1, 1 и IV. 3, 1), связанные с византийской традицией. Эволюция иконографии, размеров и формы створок привела к появлению типов с развитыми сюжетами (IV. 2, 1–2), характерных для Южной Руси. На их основе появляются серийные типы с большим ареалом распространения уже и в Северной Руси (IV. 4, 1–5, IV. 5, 1–8, IV. 6, 1–5). Эта эволюция происходит в течение второй половины XI в., а их производство и бытование выходят за пределы XII в.

Было бы логичным предположить, что рельефно-черневые кресты III группы происходят непосредственно от черневых изделий. Но как кажется А. А. Песковой, факт сознательного спливания рельефных медальонов и чернения их изображений определенно делает рельефные энколпионы своеобразной серединой этого эволюционного ряда (с. 240). На наш взгляд, это наблюдение свидетельствует скорее о последовательности технологических действий в пределах производственного комплекса, а не о хронологической зависимости в смысле эволюции типов.

Здесь принципиально важен факт возможного *синхронного происхождения рельефных и рельефно-черневых крестов* из одной мастерской уже в конце XI в. На такую дату указывает и предположительно раннее появление специфически русских энколпионов «Борисоглебского» культа. Отметим и немаловажное наблюдение А. А. Песковой, что сенсационное в свое время заявление М. Х. Алешковского о преобладании почитания младшего из братьев Глеба на ран-

нем этапе культа святых князей (Алешковский 1972), представляется на материалах энколпионов «недостаточно обоснованным» — на лицевых створках традиционно изображался св. Борис (с. 88).

На фоне такой синхронности нельзя обойти вниманием тот факт, что черневые энколпионы уже на ранних этапах могли изготавливаться не позднее рубежа XI—XII вв. в одних рамках с эмальерным производством. На это указывает заполнение рисунка эмалью вместо черни в некоторых экземплярах (Новгород, Киев, Градижска). Получается, что практически все (!) технико-технологические группы энколпионов с их иконографическим разнообразием могли сформироваться «взрывообразно» на протяжении второй половины XI в. Сама А. А. Пескова называет этот феномен «култоплетением» процесса сложения основных групп древнерусских энколпионов, которые продолжали изготавливаться и позднее. Сам автор считает, что подобная гипотеза «выглядит пока еще не очень убедительно». Однако здесь же приводятся и сопоставления гипотезы с историческим фактом становления древнерусского ремесла во второй половине XI в., композиционно-иконографическим единством крестов, стандартизацией форм и размеров створок и т. д.

Все это подтверждает, что гипотеза скорее работающая, чем просто рабочая. Надежда автора на то, что публикация придаст новый импульс исследованиям (с. 240) целиком оправдана, как мы пытались показать в начале рецензии. Однако вопросы, которые стоит отнести к «неразрешенным», могут быть сведены к изучению спорных моментов иконографии избранных святых, палеографии надписей на энколпионах, региональному производству, хронологическому соотношению и взаимной инфильтрации различных технологических групп — прежде всего черневых и эмальерных крестов. Возможны и другие частные проблемы. В целом же схема развития энколпионов, увиденная А. А. Песковой, представляется историчной и обоснованной источниками. Желая внести в нее коррективы придется вновь преодолеть уже проделанный исследовательницей путь.

Однако публикацией уникального каталога, новой оригинальной классификацией представленных в нем предметов средневековой культуры и уточнением их хронологии и эволюции значение труда отнюдь не исчерпывается. Издание свода древнерусских крестов-реликвариев и их *аналитика появились в российской науке* как раз вовремя, чтобы занять свое место в смене исследовательских подходов, разрешающих вопрос о взаимоотношении древнерусской и византийской культур. На наш взгляд, такая исследовательская эволюция характеризуется удивительной стабильностью в развитии изучения памятников книжности и литературы — культуры духовной и памятников прикладного искусства — культуры материальной или «материализации» культуры.

Впервые на энколпионы, в том числе и древнерусские, как на источник иконологических сюжетов обратил внимание Н. П. Кондаков, изучая иконографию Богоматери как устойчивый феномен восточно-христианской культуры (Кондаков 1914; 1915). Не-

смотря на то, что автор рассматривает «иконографию как историю» в различных исторических, местных и народных типах иконы (Кондаков 1914: 4), в книге, несомненно, прослеживается тенденция видеть Византию и примыкающие к ней «культурные провинции» как единое иконографическое пространство. И Древняя Русь здесь – лишь один из многочисленных провинциальных вариантов византийской культуры, даже специально не выделенный с точки зрения своеобразия бытовавших здесь иконографических типов и их географии. Несмотря на недостоверно широкую дату бытования энколпионов (VI–XIV вв.) Н. П. Кондаков субъективно наметил технологическую и иконографическую их периодизацию. Если ранние кресты несут на себе гравированные изображения, то уже в IX в. появляются инкрустированные экземпляры, в XI в. – рельефные кресты, а в XII–XIII вв. характерной является эмальерная техника. Иконографическая эволюция связана с переходом от изображения Оранты к Кипрскому образу Божией Матери и далее – к Одигитрии, Никопее и Ассунте. Кресты («древнехристианские кресты греко-восточного происхождения») представляются в его исследовании, безусловно, византийским («средиземноморским») явлением (Кондаков 1914: 258–266). Любопытно, кстати, что в творческих судьбах как Н. П. Кондакова, так и Г. Ф. Корзухиной, воплотилась единая логика развития исследования, ориентированная на изучение прикладного искусства Древней Руси: интерес к изучению энколпионов сопутствовал в их творчестве фундаментальным трудам по истории и составу русских кладов (Кондаков 1986; Корзухина 1954).

Однако такие представления о развитии древнерусской художественной культуры целиком развивались в русле соответствующего изучения древнерусской книжности и культуры в целом, системы взаимоотношения Древней Руси и Византии вообще, откуда они и проецировались на восприятие древнерусского прикладного искусства. Старший современник Н. П. Кондакова Ф. И. Буслав достаточен пессимистично оценивал художественное развитие русского средневековья: «Русские подражатели чужим мастерам и самоучки, ограничиваясь немногими византийскими образцами, за недостатком образовательных средств и технического умения только искажали и безобразили наследованный ими из Византии стиль» (Буслав 2001: 38).

В середине XX в. в России представления о характере взаимоотношения византийской и русской культур меняются под воздействием социально-политических и методологических факторов. Идея «трансплантации» византийской культуры, разрабатываемая в трудах Д. С. Лихачева, предусматривает первичное перенесение на русскую почву базовых элементов и их последующее самостоятельное развитие в уникальный культурный феномен, характеризующийся ярко выраженной самобытностью (Лихачев 1973). Таким представлениям о книжной культуре хорошо соответствуют исследовательские настроения Г. Ф. Корзухиной, направленные на «освобождение» отечественной науки от «корсуниского миража», «оков Кор-

сунской зависимости» и даже на ее излечение от «корсунской болезни» (с. 10–11). Придя к выводу, что «не следует искать слишком глубоких следов влияния Херсонеса на культуру Киевской Руси», исследовательница утверждала местное происхождение большинства крестов, эволюция «форм, тематики и оформления которых находит себе объяснение и подтверждение в общем ходе развития древнерусского прикладного и монументального искусства домонгольского времени» (с. 35–36).

Естественно, что такой глубокий исследователь как Г. Ф. Корзухина не отрицает византийского влияния на древнерусскую культуру вообще. Поэтому мы считаем методологически важным отметить, что анализ этого влияния делается на основе культурных связей Руси с лишь одним, пусть и крупным византийским городским центром в Причерноморье – Херсонесом. Тем самым оставляется открытым вопрос о возможном влиянии других ремесленных центров. Однако мысль о преобладающей самобытности средневековых энколпионов как культурного явления отчетливо прослеживается в опубликованной работе.

Сегодня представления академической науки о характере «византизации» Древней Руси, основанные на изучении литературных памятников и феномена книжности, изменились. Это связано не только со сменой исследовательских подходов, но и с духовным раскрепощением гуманитарного сообщества, получившего уникальный доступ к широкому кругу мировой литературы, представленной как аналитичной, так и публицистичной источниками. Это позволило существенно изменить контекст изучения древнерусской культуры, по-новому взглянуть на ее особенности. Проникновение византийской культуры на Русь оценивается ныне как «сложный процесс отбора и трансформации, преобразования элементов византийского происхождения в новую систему», указывается на «фундаментальное несходство» двух культур, предполагающее невозможность описания культуры Древней Руси с помощью моделей и категорий византийской культуры (Живов 2002: 73, 93). Одновременно особенности древнерусской литературы представляются возможным выявить лишь при сличении не столько смысла, сколько именно структуры книжного корпуса Византии и Древней Руси, специфика которой возникла при перенесении идентичного содержания из одной культурной среды в другую (Подскальская 1996: 434).

Именно это мы и находим в рецензируемой книге. Описывая один из типов энколпионов, автор констатирует, что здесь «с одной стороны, проступает глубокая многовековая византийская традиция... с другой стороны, видно как она перерабатывалась, как создавались новые устойчивые «модули» (композиционно-иконографические и стилистические – А. М.), повторявшиеся в различных сочетаниях» (с. 235). Это утверждение применимо ко всему феномену древнерусского энколпиона в целом, как и ко взаимоотношению византийской и древнерусской культур вообще. А это, в свою очередь, и есть не простое заимствование, а сложная по характеру рецеп-

ция, реконструкция которой является определяющей для оценки византийского влияния в Восточной Европе. Такая стадиальность в развитии различных направлений исследования в области истории и культуры Древней Руси представляется значительной и должна расцениваться как возможное подтверждение объективности и историчности современного научного знания.

Издание, как и исследование, также осуществлено при финансовой поддержке РГНФ (проект №01-01-16196д). Нет ничего удивительного в том, что публикация книги затянута более чем на 2 года. Колоссальное увеличение объема каталогизированного материала по сравнению с первоначальным сводом Г. Ф. Корзухиной (в четыре раза!) отражает естественное желание исследователя учесть как можно большее количество находок к реальному моменту сдачи рукописи в печать. Коллеги А. А. Песковой по отделу славяно-финской археологии были свидетелями того, как уже в процессе создания оригинал-макета из разных мест присылались и передавались письма и издания с фотографиями и описаниями новых находок: от музейщиков, археологов, частных собирателей. И Анна Анисимовна смиренно упрощала тех, от кого это зависело, найти возможность вставить новую вещь в каталог и иллюстрацию. Они вздыхали. . . , но вносили дополнения. Как-то раз, шутя, мы даже договорились не показывать автору новые энколпионы, чтобы книга все-таки приблизилась к своему завершению. . .

Жаль, что в издание не вошел географический указатель находок крестов-энколпионов. Несомненно, его подготовка потребовала бы дополнительных усилий, но такой индекс в той же степени облегчил бы работу с самой книгой. Однако заинтересованных исследователей стоит обрадовать известием о том, что большая статья А. А. Песковой, посвященная картированию находок древнерусских энколпионов и географическим закономерностям их распространения, будет опубликована в одном из ближайших номеров журнала «Археологические вести» – издании ИИМК РАН (Санкт-Петербург). В издание не вошли также и иллюстрации упомянутых на страницах книги, но практически неизвестного отечественному читателю, произведений прикладного искусства эталонного характера, которые хранятся в зарубежных собраниях, например, древнейшего креста – реликвария конца X – начала XI вв. с парным выступами на закругленных концах из собора в Газте (Италия) (с. 117, 235). Их наглядное изображение позволило бы зримо представить намеренную автором эволюцию формы створок и иконографии.

В то же время, включенная в издание композиционно-иконографическая схема энколпионов Древней Руси XI–XIII вв. (с. 238–239, 240), составленная на основе соответствия выделенных технику-техно-

логических типов (I–IX) морфологическому оформлению ветвей креста и идентифицирующим иконографическим сюжетам (57 позиций – !), не представляется безусловно необходимой как не несущая избыточной информации, несмотря на высокую степень обобщения и возможность иллюстрации выделенных типов. Цель схемы – проследить применение любого иконографического сюжета, как в рамках группы, так и при сопоставлении этих групп между собой (с. 7). Однако прослеживаются ли здесь какие-либо жесткие и культурно-значимые закономерности между техникой и иконографией? Как разнообразие, так и своеобразная «стандартизация» представленных на крестах-реликвариях иконографических сюжетов становятся совершенно очевидными при непосредственном знакомстве с самим каталогом и описанием. Возможно, схему стоило построить по иному принципу, отобразив в горизонтальных рядах идентичные иконографические композиции, что позволило бы наглядно представить их совстречаемость в различных технологических группах. Но такая перегруппировка таблицы обернулась бы колоссальным увеличением ее размеров за счет появления «пустых клеток», отражающих изобразительные различия между группами. В таком формате публикация таблицы оказалась бы нереальной.

В любом случае, качество вложенного в издание труда предопределило его судьбу как археологического «бестселлера» («стоимость – овестьвленный труд»). Отпускная цена книги в издательстве была 150 рублей. Рынок, скупивший большую часть тиража на потребу частному собирательству и «черной» археологии, оценил ее в 150\$, выставив на полках антикварных салонов. Стоит действительно пожалеть, что это и без того раритетное издание (500 экз.) окажется практически недоступным специалистам в области древнерусской культуры и археологии. Однако не искусственно заниженные цены на научное издание или же его принудительная продажа через академические «специраспределители» (вспомним недавнее прошлое – «один экземпляр – в одни руки!») могли бы исправить положение. Единственный шивидизованный способ – это достойное материальное обеспечение обществом и государством фундаментальной науки и ее подвижников, что позволило бы исследователям не только приобретать необходимые для работы книги, но своевременно издавать их, не ожидая счастливой охапки по прошествии полувека. Тем более что, зная увлеченность и тщательность, присущую автору, можно догадываться, что начатая ею работа по собиранию воедино сведений о новых находках, поток которых не сокращается и не прекращается, точно так же не прекратится. Значит, есть все основания ждать второго издания, не столько исправленного, сколько дополненного. . .

Алешковский 1972 – Алешковский М. Х. Русские глеборитовские энколпионы 1072–1160 гг. // Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. М., 1972. С. 104–125

Буслаев 2001 – Буслаев Ф. И. Общие понятия о русской иконописи // Буслаев Ф. И. Древнерусская литература и православное искусство. СПб., 2001. С. 36–186.

Живов 2002 – Живов В. М. Размышления в области истории и преемственности русской культуры. М., 2002.

- Кондаков 1896 – *Кондаков Н. П.* Русские клады. Исследование древностей великокняжеского периода. Т. I. СПб., 1896.
- Кондаков 1914 – *Кондаков Н. П.* Иконография Богоматери. Т. I. СПб., 1914.
- Кондаков 1915 – *Кондаков Н. П.* Иконография Богоматери. Т. II. СПб., 1915.
- Корзухина 1954 – *Корзухина Г. Ф.* Русские клады IX–XIII вв. М., Л., 1954.
- Корзухина 1958 – *Корзухина Г. Ф.* О памятниках «курсунского дела» на Руси. По материалам медного литья // ВВ. № XIV. 1958. С. 129–137.
- Лихачев 1973 – *Лихачев Д. С.* Развитие русской литературы в X–XVII вв. М., 1973.
- Медынцева 1961 – *Медынцева А. А.* О датировке некоторых типов энколпионов // Археологический сборник МГУ. М., 1961. С. 65–68.
- Мусин 2002 – *Мусин А. Е.* Христианизация Новгородской земли в IX–XIV вв. Погребальный обряд и христианские древности. СПб., 2002.
- Пескова 1988 – *Пескова А. А.* Древнерусский город Изяславль XII–XIII вв. (по материалам у с. Городище близ Шепетовки). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1988.
- Пескова, Белецкий 1997 – *Пескова А. А., Белецкий С. В.* Древнерусские печати Шепетовского городища и поиск его летописного имени // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Памяти В. Д. Белецкого 1919–1997. Т. II. СПб., Псков. 1997. С. 129–138.
- Подскальски 1996 – *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1327 гг.) // Subsidia Byzantinorossica I. СПб., 1996. С. 435.
- Приселков 1913 – *Приселков М. Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 1913.
- Пуцко 1993 – *Пуцко В. Г.* О системном изучении русского художественного литья малых форм // Русское медное литье. № 1. М., 1993. С. 21–33.
- Седова 1981 – *Седова М. В.* Ювелирные изделия Великого Новгорода (X–XV вв.). М., 1981.

А. Е. Мусин

Россия. Санкт-Петербург.

Институт истории материальной культуры РАН.

Отдел славяно-финской археологии.

60 ЛЕТ ОТДЕЛУ СКИФО-САРМАТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ НАН УКРАИНЫ: ИСТОРИЯ, ИТОГИ, ПЕРСПЕКТИВЫ¹

С. А. СКОРЫЙ²

Жизнь научного подразделения в определенной степени подобна жизни человека. Здесь также есть момент рождения и все последующие фазы развития, с подъемами и спадами, яркими событиями и достаточно рядовыми буднями. Как правило, 60 лет для человека – это не просто важный юбилей, но и некое *знаковое событие*, когда принято осмысливать прожитое, оценивать свершения и жизненные неудачи, с позиций приобретённого опыта рационально намечать наиболее важные цели и задачи. Мне представляется, что подобным образом мы можем воспринимать и юбилей нашего Отдела скифо-сарматской археологии, видя в нём некую *осознанную необходимость*. Симптоматично: ни 10, ни 20 лет назад у сотрудников Отдела не возникала идея говорить о нашем возрасте. По-видимому, тогда мы ещё не были достаточно зрелы для подведения итогов.

Для понимания тех позиций, которые ныне занимает Отдел скифо-сарматской археологии как научное подразделение в рамках нашего Института, как школа или научное направление по изучению археологии раннего железного века Восточной Европы в пределах постсоветского пространства и в более широком плане, для осознания наших перспектив, разумеется, необходимо знать и помнить свою историю. Она же у нас интересна, безусловно, поучительна, в определённой степени отмечена элементами драматизма.

Прежде чем остановиться на некоторых её событиях, на мой взгляд, *наименее известных или наиболее заслуживающих внимания*, приведу некоторые данные.

День рождения Отдела: *14 июля 1944 г.* На заседании Президиума АН УССР была утверждена структура Института археологии; в числе четырёх Отделов был и наш (были также созданы Отделы первобытной, славянской археологии и Львовский Отдел археологии) (А-1944: оп. 1, д. 164, л. 108).

Наименования и статус: за 60-летний период наименование нашего научного подразделения и его статус пережили ряд метаморфоз. 1944–1945 гг. – От-

дел скифской и античной археологии, 1945–1947 гг. – Отдел археологии скифо-сарматских племён и античных городов, 1947–1961 – Отдел скифо-античной археологии (то есть специалисты по археологии раннего железного века работали с археологами-античниками в рамках одного научного подразделения). 10 февраля 1961 г. из Отдела скифо-античной археологии выделены независимый Отдел скифо-сарматской археологии; в 1964 г. он вновь был объединён с Отделом античной археологии; данное объединение получило наименование «Отдел скифо-античной археологии»; К нему относился и группа в г. Симферополь, и заповедник «Ольвия». В сентябре 1968 г. наше научное подразделение размежевалось с коллегами-античниками и стало называться «Отдел археологии раннего железного века». Под этим названием Отдел просуществовал до 1986 г. В 1986–1993 гг. Отдел потерял свой независимый статус и стал Сектором скифо-сарматской археологии в рамках Отдела скифо-античной археологии (отделом руководил С. Д. Крыжицкий). Наконец в 1993 г. Сектор был преобразован в *Отдел скифо-сарматской археологии*. Это название сохранено и поныне.

Таким образом, с точки зрения продолжительности наименования Отдела безусловные приоритеты принадлежат двум: «Отдел археологии раннего железного века» (19 лет) и «Отдел скифо-сарматской археологии» (15 лет).

Заведующие Отделом: 1944–1949 гг. – к. и. н. И. В. Фабрициус (1882–1966 гг.), 1949–1981 гг. – д. и. н. А. И. Тереножкин (1907–1981 гг.), 1981–1986 гг. – к. и. н. Е. В. Черненко, 1986–1993 гг. – к. и. н. Б. Н. Молевский (1936–1993 гг.), 1993–2002 гг. – д. и. н. В. Ю. Мурзин, с 2002 г. – д. и. н. С. А. Скорый

Разумеется, *научное подразделение с названием «Отдел археологии скифо-сарматских племён...»* летом 1944 г. появилось в рамках Института археологии АН УССР не случайно. В довоенные годы в Институте, созданном в 1938 г. на основе реорганизации Института истории материальной культуры

¹ Доклад, прочитанный на конференции, посвящённой 60-летию Отдела скифо-сарматской археологии ИА НАНУ (Чигирин, 28-го апреля – 2-го мая 2004 г.).

² Украина. 04210. Киев. Пр. Героев Сталинграда, 19. Институт археологии НАНУ. Отдел скифо-сарматской археологии.

(50 лет Институту ... 1984: 6), работала группа специалистов, занимающаяся проблематикой раннего железного века – И. В. Фабрициус, Е. Ф. Покровская, Л. Д. Дмитров. Основные усилия исследователей были направлены в первую очередь на *полевое изучение* памятников лесостепной области Украины, в меньшей степени – степной. И. В. Фабрициус и Е. Ф. Покровская (рис. 1, 2) обследовали городища скифской эпохи Правобережной Лесостепи – Пастырское, Мотронинское, Шарповское в бассейне р. Тясмин, Немировское – в Побужье (1938 г.). На Шарповском городище в 1938–40 гг. И. В. Фабрициус начала раскопки, давшие впоследствии чрезвычайно важный материал (подчеркну, что это были *первые* исследования городищ, в частности, лесостепных, осуществленные на должном научном уровне). В степной части работы производились небольшие: в 1938 г. И. В. Фабрициус, Е. Ф. Покровской – на Гавриловском городище в Нижнем Поднепровье, несколько ранее – в 1935 г., Л. Д. Дмитров принимал участие в раскопках скифских курганов Никопольского курганного поля (50 лет Институту... 1984: 44).

В послевоенный период общий уровень развития археологии раннего железного века, осуществлённые полевые исследования позволили зав. отдела И. В. Фабрициус предложить ряд направлений или тем, которые, по её мнению, должны были стать сферой научных интересов сотрудников Отдела. Среди них – «Киммерийцы и скифские проблемы», «Скифы и Кавказ», «Скифы и Средняя Европа», «Скифы и Урал», «Скифы и Сибирь». Я не случайно обращаю внимание на этот факт: в последующие годы и десятилетия часть из этих тем стали магистральными в исследованиях сотрудников нашего Отдела и, по сути, остаются ими и по сей день. В связи с этим, мне думается, роль И. В. Фабрициус в формировании исследовательских интересов Отдела осталась *недооценённой*.

Полевые исследования Отдела до конца 40-х гг. в основном касались лесостепных памятников, прежде всего – городищ (работы на Шарповском, Макеевском, Хотовском городищах на Правобережье – И. В. Фабрициус, Е. Ф. Покровская; начало раскопок на Басовском городище на Левобережье – В. А. Ильинская) (Фабрициус 1949: 80–11; 1952: 21–33; Покровская 1952: 12–20; Ильинская 1952: 34–42; 1965: 48–76), хотя ряд сотрудников участвовал в раскопках степных памятников, в частности – Каменского городища, осуществляемых Никопольской экспедицией под руководством проф. МГУ Б. Н. Гракова (Е. Ф. Покровская, В. А. Ильинская).

В конце 40-х гг. Институт археологии приступил к работе над фундаментальной темой «*Итоги изучения древней истории и археологии Украинской ССР*». Задачей Отдела была подготовка большого раздела по скифо-сарматской эпохе. Мне пришлось ознакомиться со многими архивными документами этого времени (в частности, с протоколами заседаний Отдела, где рассматривался ход работы над темой). Могу совершенно определённо сказать: эта работа была чрезвычайно напряжённой и тяжёлой, опыта

Рис. 1. И. В. Фабрициус.

Fig. 1. I. V. Fabricius.

Рис. 2. Е. Ф. Покровская.

Fig. 2. E. F. Pokrovskaya.

писать подобные труды у сотрудников не было. Структура плана-проспекта раздела темы, предложенная И. В. Фабрициус, неоднократно корректировалась, а зачастую и менялась. Забегая вперёд, отмечу, что работа над «Итогами...» была закончена в 1953 г., по ходу работы они были переименованы в «Очерки...» и изданы в 1957 г. под этим названием на украинском языке – «Нариси стародавньої історії Української РСР». По большому счёту, эта работа стала основополагающей для многих последующих наиболее крупных обобщающих исследований в области археологии раннего железного века, созданных сотрудниками Отдела (например, разделов в фундаментальных трудах «Археология Украинской ССР», украинское и русское издание, 1971 и 1986 гг. и пр.).

В период упомянутой напряжённой работы над «Итогами...» в 1948 г. на должность старшего научного сотрудника в Отдел поступил к. и. н. А. И. Тереножкин. За его плечами был большой опыт работ в Средней Азии и несомненные признанные достижения в изучении памятников указанного региона, в частности древнего Самарканда. Разумеется, скифская тематика, которая была центральной в исследованиях Отдела, для Алексея Ивановича была *новой*³. И здесь я бы хотел коснуться одного вопроса, на который обычно не обращают внимания, говоря о биографии самого А. И. Тереножкина или истории создания киевской школы исследователей раннего железного века (Лесков 1967: 190–193; Мозоловский, Черненко 1978: 112–113; СА 1982: 297–298; Мозоловский, Мурзин, Черненко 1987: 3–5; Мурзин 1996: 4–9; 1998: 5–8). Несомненно, многие знания по скифской истории и археологии (в особенности это касается степного региона Северного Причерноморья) Алексей Иванович получил самостоятельно в ходе большой напряжённой работы над имеющимися к его времени материалами раскопок, письменными источниками, наконец – результатами своих полевых исследований. Но несомненно и другое: он взял на вооружение тот опыт и те знания в изучении и понимании лесостепных памятников раннего железного века, которые накопили до него И. В. Фабрициус и Е. Ф. Покровская. А. И. Тереножкин, как крупный исследователь, умел не только генерировать свежие идеи, но и синтезировать те знания, которыми обладали его коллеги.

Весной 1949 г., выступив с резкой и во многом справедливой критикой план-проспекта скифского раздела «Итогов» И. В. Фабрициус, А. И. Тереножкин в качестве альтернативы предложил свой вариант его структуры (А-1949: оп. 1, д. 86, протокол № 10, лл. 1–4). По сути, речь шла о принципиальных разногласиях в понимании истории скифо-сарматского периода, и в конечном итоге – лидерстве в Отделе скифо-сарматской археологии. Любопытно, что, критикуя И. В. Фабрициус за региональный подход в изучении Скифии, восходящий к М. И. Ростовцеву,

Рис. 3. А. И. Тереножкин.

Fig. 3. A. I. Terenozhkin.

А. И. Тереножкин впоследствии широко пользовался им сам в исследованиях по скифской проблематике. Кстати, эту критику поддержали далеко не все сотрудники Отдела. Так, Е. Ф. Покровская прямо заявила: «...от регионов мы откажемся тогда, когда изучим всю Скифию. Регионы – есть метод изучения Скифии» (А-1949: оп. 1, д. 86, протокол № 10, л. 5). Как известно, по этому принципу были впоследствии построены исследования многих сотрудников Отдела, широко данный подход используется и сейчас.

Летом 1949 г. А. И. Тереножкин возглавил Отдел археологии скифо-сарматских племён и античных городов Северного Причерноморья. Руководство его продолжалось в течение 33 лет. Применительно к истории Отдела – это целая эпоха, которую по праву следует назвать «эпохой А. И. Тереножкина» (рис. 3).

Предельно кратко основное её достижение можно сформулировать так: за годы руководства Отделом Алексей Иванович не только разработал стройную систему взглядов на основные проблемы предскифского и скифского периодов в Восточной Европе, но и осуществил, очевидно, главную цель своей жизни – создал и воспитал в рамках упомянутых взглядов киевскую школу специалистов по археологии раннего железного века, в которую вошли его единомышленники и ученики. К слову, и сейчас почти половина сотрудников нашего Отдела – это, по большому счёту, воспитанники А. И. Тереножкина, хотя в Отделе уже есть

³ Впрочем, нужно отметить, что А. И. Тереножкин впервые соприкоснулся со скифскими древностями ещё до войны, в 1938 г., поработав один полевой сезон в экспедиции, руководимой Б. Н. Граковым, в Нижнем Поднепровье (Кривонова-Гракова 1962: 5). Примечательно, что А. И. Тереножкин об этом факте своей биографии никогда не упоминал.

и ученики учеников Алексея Ивановича (Мурзин 1996: 5; 1998: 8; Институт археологии... 1999: 10).

С самого начала своей деятельности А. И. Тереножкин рассматривал скифоведение как отрасль историко-археологической науки. Иными словами, при изучении проблем раннего железного века первоисточниками для него всегда являлись именно *археологические материалы*. При этом, разумеется, предполагалось и использование письменных *свидетельств*, данных *языкознания*, *антропологии*, *этнографии* и пр.

О роли самого Алексея Ивановича в изучении предскифского и скифского периодов Восточной Европы сказано и написано немало (Лесков 1967: 190–193; Мозолевский, Черненко 1978: 112–113; СА 1982: 297–298; Мозолевский, Мурзин, Черненко 1987: 3–5; Березанская 1987: 5–7; Мурзин 1996: 4–9; 1998: 5–8; Черняков 1998: 9–13) и мне не хотелось бы повторяться. Отмечу лишь несколько ключевых моментов. А. И. Тереножкину удалось разработать важнейшие проблемы культурогенеза и этногенеза племен степной и лесостепной зон Северного Причерноморья эпохи поздней бронзы – раннего железа, что нашло воплощение в его фундаментальных трудах «Предскифский период на Днепровском Правобережье» (1961)⁴, «Киммерийцы» (1976), а также упоминавшейся уже итоговой монографии, написанной им в соавторстве с женой и единомышленником В. А. Ильинской «Скифия VII–IV вв. до н. э.». Эти труды, по-видимому, *навсегда останутся настольными книгами* исследователей раннего железного века. Чрезвычайно много ценного внёс А. И. Тереножкин в методику полевых исследований памятников доскифского и скифского периодов. И то, что потом стало обычным, *им делалось впервые*. Любому *скифологу* ныне понятно: не было бы опыта раскопок, полученного Алексеем Ивановичем в 1954 г. при исследовании скифского «царского» кургана в г. Мелитополе (Тереножкин 1955: 23–34; 1955а: 59–61; Тереножкин, Мозолевский 1988; Покровская 1955: 191–199), не было бы впоследствии и раскопок целой череды замечательных курганов скифской аристократии – Гаймановой, Толстой Могила, Бердянского кургана, донесследований Огуза, Чертомлыка и пр. (Алексей Иванович Тереножкин 1982: 298). Именно при исследовании Мелитопольского кургана впервые была успешно применена методика исследования глубоких подземных сооружений с использованием специальных крепёжных материалов и привлечением квалифицированных горняков. В равной степени сказанное относится и к большим курганам Лесостепи: без учёта опыта раскопок А. И. Тереножкиным 9-метрового кургана эпохи скифской архаики у с. Глеваха на Киевщине (Тереножкин 1954: 80–97), исследование крупных лесостепных курганов вряд ли было бы успешным. Говоря о полевой методике, стоит вспомнить и предложенное Алексеем Ивановичем использование ручного геологического бура для определения курганов скифского вре-

мени, впервые апробированного им в 1963 г. в ходе археологических раскопок вблизи Борисполя.

Хочу остановиться на том времени в жизни Отдела, когда шло его становление как научного подразделения, когда, собственно говоря, начала формироваться и сформировалась киевская научная школа исследователей раннего железного века – 50–60-х гг. прошлого уже столетия. Иногда полагают, что сотрудники Отдела скифо-сарматской археологии получили большой опыт раскопок курганов древностей в период крупных новостроечных работ, начавшихся в степных районах Украины примерно с середины 60-х гг. Это не совсем так. *Первой масштабной новостроечной экспедицией*, которую возглавил А. И. Тереножкин и в которой приняли участие практически все сотрудники Отдела, была экспедиция 1951–52 гг. по исследованию курганных могильников в зоне сооружения Молочанского водохранилища (как тогда называли – одной из «великих строек коммунизма»). Именно в период этой экспедиции и сам А. И. Тереножкин, и Е. Ф. Покровская, В. А. Ильинская, М. И. Вязьмитина, Г. Т. Ковпаненко получили первый и чрезвычайно важный опыт раскопок курганов, хотя в эти годы землеройная техника ещё не применялась. *В итоге было исследовано более 500 подкурганных погребений различных эпох* (Тереножкин 1952: 15–20; 1953: 88; Тереножкин 1960: 3–16; Вязьмитина, Ильинская, Покровская, Тереножкин, Ковпаненко 1960: 22–135). К слову, в ходе раскопок курганов на р. Молочной были исследованы сарматские могильники, что имело чрезвычайно важное значение для изучения сарматской проблематики на Украине (с этого времени она стала основной областью научных интересов М. И. Вязьмитиной, хотя определённые работы в этом направлении велись и ранее – Т. А. Оболдуевой, но имевшиеся в её распоряжении источники были крайне скудны) (Вязьмитина 1960: 17–21).

И всё же для Отдела исследования в Степи в 50-х – первой половине 60-х гг. скорее были *исключением*, чем *правилом*. Помимо работ на р. Молочной, к таким счастливым исключениям можно ещё отнести упоминавшиеся уже раскопки Мелитопольского кургана, а также исследования памятников позднескифской культуры на Нижнем Днепре: М. И. Вязьмитиной – поселения и могильника у с. Золотая Балка, Л. Д. Дмитриевым – Любимовского городища (Вязьмитина, Фурманская 1955: 41–45; Вязьмитина 1957: 115–126; 1962; 1972; Дмитриев, Зуц, Копылов 1961: 78–100). В этот период полевые работы Отдела в основном были сосредоточены в *лесостепной зоне*. Несомненно, в немалой степени это объяснялось тем, что с начала 50-х гг. (после сооружения Молочанского водохранилища) какие-либо крупные новостроечные работы с большим финансированием, использованным механизмов в степной зоне Северного Причерноморья не проводились. Раскопки же курганов, в том числе раннего железного века – дело дорогостоящее, требующее применения землеройной техники.

⁴ Основой монографии является докторская диссертация «Предскифский период в Днепровском лесостепном Правобережье», защищённая А. И. Тереножкиным в Москве (ИИМК) в 1958 г.

Рис. 4. Вблизи скифской катакомбы (курган у с. Кирова Николаевского р-на Днепропетровской обл., 1961 г.). Справа налево: А. И. Тереножкин, Э. В. Яковенко, В. А. Ильинская, Б. Н. Граков, Е. В. Черненко, Г. Т. Ковпаненко.

Fig. 4. Near a Scythian catacomb (kurgan near v. Kirovo, Nikolaevsky region, Dnepropetrovsk oblast, 1961). From right to left: A. I. Terenozhkin, E. V. Yakovenko, V. A. Il'inskaya, B. N. Grakov, E. V. Chernenko, G. T. Koypanenko.

В истории доскифского и скифского периодов территории лесостепной Украины существовало чрезвычайно много «белых пятен». 50-е – начало 60-х гг. – это время не только больших археологических полевых работ в украинской Лесостепи, но и *чрезвычайно весомых результатов*: были выделены новые археологические культуры поздней бронзы-раннего железного века – белогрудовская, чернопольская (А. И. Тереножкин) (Тереножкин 1951: 173–182; Тереножкин 1954: 94–11; 1961), особый переходный период в культуре раннего железного века – жаботинский этап (Е. Ф. Покровская) (Покровская 1953), локальные варианты культуры скифского времени в Днепро-Правобережье и Левобережье (И. В. Фабрициус, В. А. Ильинская, Г. И. Смирнова, Г. Т. Ковпаненко, В. Г. Петренко, А. И. Тереножкин, и др.) (Фабрициус 1951: 50–80; Ильинская 1950: 184–191; Смирнова 1954; Петренко 1956; 1961: 53–102; 1967; Ковпаненко 1963; 1967; Тереножкин 1965: 22–35).

Одна из отличительных черт этого периода, которая, к сожалению, *потом была утрачена*, – тесное сотрудничество *киевских археологов с российскими*, в первую очередь – московскими коллегами. Так, например, в начале 50-х гг. в период руководства А. И. Тереножкиным Кременчугской экспедицией, начальником Новогеоргиевского отряда являлся проф. МГУ Б. Н. Граков, осуществивший совместно с Н. Г. Елагиной раскопки Московского городища чернопольской культуры (Тереножкин 1959: 3–12). В. Г. Петренко, много сделавший для исследований памятников скифской эпохи Правобережья Среднего Приднепровья, совместно с Е. Ф. Покровской и Г. Т. Ковпаненко

в 60-х гг. проводила раскопки на поселении раннего железного века у с. Хрещатик (Покровська, Петренко, Ковпаненко 1971: 94–109). Подобные примеры можно было бы продолжить (рис. 4).

В самом конце 50-х – начале 60-х гг. в Отдел, в основном через аспирантуру, пришла группа молодых энергичных исследователей – А. М. Лесков, Е. В. Черненко, Э. В. Яковенко, В. И. Бидзиля, Н. Н. Чередниченко, несколько позже, не через аспирантуру – Б. Н. Мозолевский. Примечательно, что объектом диссертационного исследования А. М. Лескова стали памятники кизил-кобинской (таврской) культуры Крыма, В. И. Бидзиля – история племён Закарпатья первых веков нашей эры, то есть темы не традиционно скифоведческие, что способствовало расширению проблематики Отдела в целом. Большинство из упомянутых исследователей довольно быстро подготовило диссертационные работы и успешно защитило их, опубликовал на их основе монографии (Лесков 1961; 1965; Черненко 1966; 1968; Бидзиля 1966; 1971; Яковенко 1969; 1974).

К середине 60-х гг. в Отделе сформировался коллектив специалистов с широким диапазоном знаний и научных интересов, прежде всего по предскифской и скифо-сарматской эпохам. Во главе его стояли признанные исследователи археологии раннего железного века – А. И. Тереножкин и В. А. Ильинская. По-видимому, именно эту дату можно расценивать в виде окончательной вехи создания киевской школы исследователей раннего железного века.

К сожалению, в это время на фоне безусловных достижений имелись и негативные моменты, сказав-

шился, на мой взгляд, впоследствии на развитии Отдела. Я имею в виду уход на пенсию в 1963 г. (скорее, это следует рассматривать как увольнение) в возрасте 59 лет старшего научного сотрудника, к. и. н. Е. Ф. Покровской, высоко эрудированного, прекрасного подготовленного исследователя Скифии. С именем Евгении Фёдоровны связаны открытие и исследование целой группы интереснейших поселенческих и погребальных памятников доскифского и скифского времени в украинской Лесостепи, в том числе поселения на Тарасовой горе у с. Жаботин, позволившее выделить особый этап или период в археологии раннего железного века – жаботинский. Очень жаль, что покинула она Отдел в активном научном возрасте (умерла же Е. Ф. в возрасте почти 90 лет).

Уже в начале 60-х гг. сотрудники Отдела и его руководство стали осознать, что в исследовании памятников раннего железного века, в частности скифской культуры намечались явный *дисбаланс*: памятники скифской эпохи Лесостепи оказались значительно лучше изученными, нежели степные скифские древности. Эту мысль достаточно чётко высказал в 1962 г. на одном из заседаний Отдела, посвящённом основным итогам и задачам, молодой исследователь А. М. Лесков: «Наш отдел... много сделал для изучения Лесостепи. В этом отношении он является главным центром. Но в области изучения Степи – работу необходимо усилить» (А-1962: оп. 1, д. 86, протокол № 3, л. 1). На этом же заседании В. А. Ильинская сформулировала и одну из конкретных задач для будущих степных экспедиций: «Нам надо готовиться к раскопкам больших скифских курганов» (А-1962: оп. 1, д. 86, протокол № 3, л. 3). Таким образом, одной из главных стратегических задач Отдела и украинского скифведения в целом стали масштабные полевые исследования скифских памятников в степной зоне Северного Причерноморья. Как известно, на сущие потребности науки удачно совпали с началом громадного по объёму сооружения мелиоративных систем в южных районах Украины. Новостроечный период в истории Института археологии НАНУ и Отдела в частности занимает почти четверть века. Я не буду особо останавливаться на этой теме: она достаточно хорошо известна. Отмечу лишь несколько моментов. Начало «новостроечного бума» в украинской археологии (так иногда называют этот период в научно-популярной археологической литературе), по сути, положили в 1964 г. две экспедиции нашего Отдела – Скифская (под руководством А. И. Тереножкина), осуществлявшая раскопки курганов близ г. Орджоникидзе Днепропетровской области, и Керченская (под руководством А. М. Лескова), проводившая исследования в Восточном Крыму, на Керченском полуострове, в зоне сооружения Северо-Крымского канала (Тереножкин, Ильинская, Черненко, Мозолевский 1973: 113; Лесков 1970: 5–6). В целом же, за годы работ новостроечных экспедиций (которыми сотрудниками нашего Отдела либо руководили, либо принимали в них самое активное участие) раскопаны сотни скифских степных курганов, получена колоссальная информация для изучения различных сторон скиф-

ского общества. Наряду с многочисленными захоронениями рядовых скифов, в эти годы были исследованы замечательные курганы скифской аристократии. Раскопки погребальных памятников скифской элиты – особая глава в истории нашего Отдела и в эту главу, несомненно, *заглавными буквами* вписано имя Б. Н. Мозолевого (курганы – Хомина, Толстая, Чабанцева, Западские могилы, Желтокаменка, Бабина, Водина, Соболева Могилы и др.) (Мозолевский. 1973: 208–234; Мозолевский 1979; Мозолевский 1980: 81–116; 1982: 179–222; Мозолевский, Поли 1987: 8–9; Мозолевский, Белозор, Василенко 1993: 71–72; Мозолевский, Белозор 1996: 34–36). Однако перечень *раскопанных курганов степной скифской аристократии* будет не полным, если не вспомнить Гайманову и Казенную Могилу (В. И. Бидзля) (рис. 5), Огуз и Ташенак (Ю. В. Болтрик, Бердянский курган (Н. Н. Чердинченко), Чертомляк (В. Ю. Мурзин, Р. Ролле), Братолобовский курган (А. И. Кубышев) (Бидзля 1971: 44–56; Бидзля, Мозолевский 1972: 118–122; Болтрик, Фялко 1991: 107–129; Фялко 1993; Болтрик, Фялко 1991: 7–9; Чердинченко, Фялко 1988: 149–166; Болтрик, Фялко, Чердинченко 1994: 140–156; Чердинченко, Мурзин 1996: 69–78; Алексеев, Мурзин, Ролле 1991; Кубышев 1991: 131–140; Кубышев 1993: 65–67; Кубышев, Ковалев 1994: 141–144). Блестящие результаты, полученные при исследовании погребальных памятников скифской аристократии, несомненно, способствовали авторитету нашего Отдела в самом широком смысле этого слова. Напомним также, что в ходе работ Южно-Бугской новостроечной экспедиции (начальник – Г. Т. Ковпаненко) в 1974 г. в кургане Соколова Могилы была открыта и неогрabenное, богатое захоронение знатной сарматки, вероятно жрицы (Ковпаненко 1986).

Нужно отметить, что, несмотря на многократное наращивание источника по степным скифским памятникам, специалисты Отдела в эти годы не забывали и о памятниках раннего железного века Лесостепи, хотя, разумеется, масштабы проводимых здесь работ значительно уступали степному размаху. В 60-х гг. были произведены раскопки на некоторых городищах Правобережья – Хотовском вблизи Киева (Е. А. Петровская, 1965–67 гг.), огромном Трахтемировском городище в Поросье (Г. Т. Ковпаненко, 1964–68 гг.), исследованы курганные группы вблизи Борисполя (А. И. Тереножкин, В. А. Ильинская, 1963 г.) и разрушающиеся интереснейшие курганы у сс. Малая Офирна на Киевщине и Медерово на Кировоградщине (Е. А. Петровская, Н. М. Бокий, 1964 г.) (Петровская 1970: 129–138; Ковпаненко 1967: 103–105; 1968: 103–106; 1971: 138–140; Ковпаненко 1972: 187–189; Яковенко 1965: 150–160; Ильинская 1966: 152–171; Петровская 1968: 164–175; Бокий 1974: 262–271). В начале 70-х гг. были осуществлены раскопки скифских курганов у г. Цигириин (А. И. Тереножкин, В. А. Ильинская, 1970 г.), близ с. Матусов (А. И. Тереножкин, В. А. Ильинская, Б. Н. Мозолевский, 1974 г.), курганной группы у с. Медвин (Г. Т. Ковпаненко, 1974 г.) (Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989: 160; Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980:

Рис. 5. С чашей из Гаймановой Могилы, 1969 г. Справа налево: В. И. Бидзиля, Ю. Н. Захарук, А. И. Тереножкин, Б. Н. Мозолевский, В. А. Ильинская.

Fig. 5. Holding a bowl from Gaymanova Mogila, 1969. From right to left: V. I. Bidzilya, Yu. N. Zakharuk, A. I. Terenozhkin, B. N. Mozolevskiy, V. A. Il'inskaya.

31–69; Ковпаненко 1977: 40–72). Особо следует отметить прекрасное исследованный курган Червона Могила у с. Флярковка близ Жаботина, который сохранил сожжённую деревянную конструкцию в виде шатра (Ковпаненко 1984: 107–113).

В начале 70-х гг. А. И. Тереножкиным были возобновлены и исследования некоторых предскифских поселенческих памятников – известных Субботовского городища чернолесской культуры (1971 г.) и Жаботинского поселения (1973 г.) (Ильинская, Тереножкин 1983: 258–260).

60-е – начало 80-х гг. в археологии раннего железного века украинской Лесостепи ознаменовались интереснейшими находками предскифского времени так называемой Новочеркасской группы памятников, которые, по мнению ряда исследователей, следует соотносить с историческими киммерийцами. Речь идёт о захоронениях в Бутенках, Носачёве, Квитках, Яснозоре, Ольшане. Их исследование в основном связано с именем Г. Т. Ковпаненко (Ковпаненко 1962: 66–72; 1966: 174–179; Ковпаненко, Гупало 1984: 39–58; Ковпаненко 1985: 248–249; Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1994: 60–62).

С начала 70-х гг. сотрудники Отдела стали издавать тематические сборники, посвящённые различным проблемам предскифского и скифо-сарматского периодов (опубликовано 10 сборников, последний, к сожалению, – 10 лет назад) (Древности... 1970; Скифские древности 1973; Скифский мир 1975; Скифы и сарматы 1977; Скифия и Кавказ 1980; Древности Степной Скифии 1982; Вооружение... 1984; Скифы... 1987; Курганы... 1991; Древности скифов 1994).

В конце 70-х – начале 80-х гг. несколько молодых исследователей, прошедших аспирантскую подготовку при Отделе (С. С. Бессонова, В. Ю. Мурзин, Н. А. Гаврилюк), успешно защитили кандидатские диссертации (С. С. Бессонова, 1979; В. Ю. Мурзин, 1979; Н. А. Гаврилюк, 1981) и пополнили ряды Отдела. Позже работы первых двух были изданы в качестве монографий (Бессонова, 1983; Мурзин, 1984).

К сожалению, в это же время в жизни Отдела произошли два драматических события. Я имею в виду смерть В. А. Ильинской (декабрь 1979 г.) и А. И. Тереножкина (май 1981 г.) (Памяти... 1981: 317; Алексей Иванович Тереножкин 1982: 297–298). Уход из жизни двух крупнейших скифологов, докторов наук, явился не только тяжёлой утратой для украинской науки и Отдела в частности; в конечном итоге это сказалось и на его статусе: поскольку докторов наук в это время в Отделе более не было, он был реорганизован в Сектор, который вошёл в состав Отдела скифо-античной археологии.

Однако, как говорится, жизнь берёт своё. В Отдел пришли новые молодые специалисты, был успешно защищён ряд кандидатских диссертаций по скифской и сарматской эпохам (С. А. Скорый, 1983; В. П. Белозор, А. В. Симоненко, 1986; С. В. Махортых, 1987; С. В. Полин, 1989; Е. Е. Филалко, 1993; Ю. В. Болтрик, 2002); часть из них впоследствии была издана в виде монографий (Махортых 1991; Полин 1992). Некоторые диссертационные темы способствовали расширению исследовательской проблематики Отдела (например, диссертации С. А. Скорого – «Вооружение скифского типа в Средней Европе», С. В. Махортых «Скифы на Северном Кавказе»).

Не лишним будет вспомнить, что эти темы вполне рекликались с теми, которые предлагала в 40-х гг. для сотрудников Отдела И. В. Фабрициус. Со временем были подготовлены и защищены 4 докторских диссертации: Е. В. Черненко «Военное дело скифов (вооружение, тактика, стратегия)» (1988 г.), В. Ю. Мурзин «Происхождение и ранняя история скифов» (1992 г.), С. А. Скормым «Кочевники предскифской и скифской поры в Днепровской Правобережной Лесостепи (вопросы этнокультурной истории)» (1997 г.), А. В. Симоненко «Сарматы Северного Причерноморья». Хронология, периодизация и этнополитическая история» (1999 г.).

В 1993 г. Сектор скифской археологии вновь обрёл статус Отдела скифо-сарматской археологии.

80–90-е гг. XX в. ознаменовались в жизни Отдела не только научным ростом кадров. Активно велись археологические исследования как в степной (Б. Н. Мозолевский, Ю. В. Болтрик, В. Ю. Мурзин, С. В. Полин, Е. Е. Фиалко, В. П. Белозор, Н. А. Гаврилюк), так и в лесостепной (Г. Т. Ковпаненко, С. С. Бессонова, С. А. Скормый) зонах Северного Причерноморья, причём вектор полевых работ с начала 80-х гг. уверенно стал перемещаться в сторону лесостепных древностей.

В эти годы, наряду с монографиями, посвящёнными конкретным археологическим памятникам (курганам скифской элиты или могильникам), был опубликован и ряд обобщающих работ: коллектив авторов во главе с Е. В. Черненко «Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья» (1986), Г. Т. Ковпаненко, С. С. Бессонова, С. А. Скормый «Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья» (1989), В. Ю. Мурзин «Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса» (1990), С. В. Махортых «Скифы на Северном Кавказе» (1991), С. В. Полин «От Скифии к Сарматии» (1992), А. В. Симоненко «Сарматы Таврии» (1993), С. А. Скормый «Киммерийцы в украинской Лесостепи» (1999). Значительная часть коллектива Отдела (С. С. Бессонова, В. Ю. Мурзин, А. В. Симоненко, С. А. Скормый, Е. В. Черненко) приняла участие в написании 2-го тома фундаментальной труда «Давня історія України» (опубликован в 1999 г.), получившего Государственную премию Украины 2002 г.

В 1993 г., то есть более 10 лет назад, наш Отдел понёс ещё одну тяжёлую утрату: в возрасте 57 лет умер заведующий Отделом к. и. н. Б. Н. Мозолевский, известный археолог, блистательный полевой исследователь, многогранный человек, пользовавшийся авторитетом в науке и уважением коллег (Слово скворчоту... 1993: 3–4; Буянтия, Скормый 1994: 252–253). В истории Отдела он, как и А. И. Тереножкин и В. А. Ильинская, занимает особое место.

К своему 60-летию Отдел пришёл, имея серьёзный научный потенциал. В настоящее время он представляет собой коллектив специалистов, способный решать многие научные проблемы. Численность Отдела – 14 человек. Из них – 11 научных сотрудников, 3 старших лаборанта. Среди научных сотрудников 9 человек имеют научные степени (3 доктора наук, среди них – 2 ведущих научных сотрудника, 6 канди-

датов наук, среди них – 5 старших научных сотрудников, 1 – научный). Один из старших научных сотрудников работает над докторской диссертацией, оба младших научных сотрудника готовят кандидатские диссертации. При Отделе проходят подготовку три очных аспиранта и четыре соискателя.

Сфера научных интересов сотрудников охватывает наиболее приоритетные направления в изучении истории населения Восточной Европы в раннем железном веке: «Киммерийцы», «Скифы», «Сарматы», «Племена Восточноевропейской Лесостепи предскифского и скифского времени». Научные труды сотрудников Отдела по упомянутым проблемам пользуются заслуженным признанием в Украине, ближнем и дальнем зарубежье.

К сожалению, из-за трудностей экономического характера наши полевые работы проводятся ныне не в тех масштабах, как бы нам этого хотелось. И всё же, в Отделе есть 3 многолетние экспедиции, которые работают на базовых памятниках скифской эпохи, в Степи и Лесостепи. Это Орджоникидзевская экспедиция, ведущая раскопки курганных могильников в Нижнем Поднепровье (включая её руководил А. И. Тереножкин, затем – Б. Н. Мозолевский, с 1994 г. – С. В. Полин) и 2 «лесостепные» экспедиции – правобережная и левобережная. Одна из них – экспедиция «Холодный Яр» проводит исследования Мотронинского городища и близлежащего могильника в бассейне р. Тясмин. В 1988–96 гг. – это экспедиция Института археологии НАНУ (руководитель – Бессонова С. С.), с 2001 г. – она преобразована в совместную Украинско-Польскую экспедицию (руководители С. А. Скормый, Я. Хохоровски). Другая экспедиция – совместная Украинско-Немецкая – осуществляет раскопки известного Бельского городища и близлежащих могильников в бассейне р. Ворскла (руководители экспедиции 1992–2002 гг. – В. Ю. Мурзин, с 2003 г. – Е. В. Черненко). В этих экспедициях работают практически все сотрудники Отдела.

Среди наиболее важных в историческом плане полевых открытий последнего времени, сделанных сотрудниками Отдела, следует упомянуть раскопки погребальных памятников скифской элиты – Большого Рыжановского кургана (междуречье Гнилого и Горного Тикича) и кургана Скифская Могила в могильнике вблизи Мотронинского городища (бассейн р. Тясмин) (работы 1995–1998, 2001–2003 гг.) (Chochorowski, Skoryj 1997a: 71–92; Chochorowski, Skoryj 1997b: 32–39; Скормый, Хохоровські, Григор'єв, Ридзевські 1999: 94–105; Skoryi, Chochorowski 2003: 23), а также исследование участков оборонительных сооружений двух лесостепных городищ – известного Трахтемировского городища в Поросье (работы Ю. В. Болтрика 2000 г.), содержащего ярые следы скифских набегов (Болтрик, Фиалко 2001a: 11–14; Болтрик, Фиалко 2001b: 146–148), и упомянутого Мотронинского городища (работы 2001–2003 гг. – Скормый, Хохоровські 2004: 76–78).

В ближайшей перспективе перед нами стоят разноплановые задачи. Так, в области полевой археологии необходимо (не прекращая исследований

в лесостепном регионе) активизировать работы в степной зоне Северного Причерноморья, осуществляя раскопки захоронений как скифского рядового населения, так и аристократии. У нас есть хорошо подготовленные специалисты, имеющие большой опыт работы в северо-причерноморской Степи, но, к сожалению, по объективным и субъективным причинам не работающие на степных памятниках. Весьма желательно при этом возобновить и исследование сарматских погребальных древностей. Что же касается Лесостепи, то здесь наименее изученным регионом является Правобережное Киевское Поднепровье, насыщенное курганами и городищами скифской поры, являющееся к тому же контактной зоной нескольких этнокультурных массивов. Этот регион, безусловно, ждёт своего исследователя. В кругу перспективных задач – обработка и публикация материалов целой группы замечательных памятников скифской элиты – Гайма-

новой, Казённой Могил, Бердянского, Братолюбовского, Большого Рыжановского курганов (работа в этом направлении ведётся и мы, несомненно, будем продолжать её). Полагаю, что решение большинства перспективных задач нашему Отделу по силам, сотрудники работают весьма активно. Одно из свидетельств тому – сданные в печать в прошлом году пять монографических исследований, посвящённых киммерийской, скифской степной и лесостепной тематикой, три из этих работ уже опубликованы (Скорый 2003; Махортых 2003; Фіалко, Болтрик 2003). Разумеется, решение некоторых из задач, особенно связанных с полевыми исследованиями, предполагает привлечение новых молодых сил. Думаю, старение коллектива (что ныне стало бичом науки) Отделу не грозит: молодые люди стремятся попасть в наше подразделение. А, следовательно, у нас есть основания смотреть в будущее с определённым оптимизмом.

- Алексеев, Мурзин, Родле 1991 – Алексеев А. Ю., Мурзин В. Ю., Родле Р. Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н. э. Киев, 1991.
- Белозор 1986 – Белозор В. П. Скифские каменные изваяния VII–IV вв. до н. э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1986.
- Бессонова 1979 – Бессонова С. С. Религиозные представления населения Степной Скифии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1979.
- Бессонова 1983 – Бессонова С. С. Религиозные представления скифов. Киев, 1983.
- Березанская 1987 – Березанская С. С. А. И. Тереножкин – исследователь бронзового века на Украине // Киммерийцы и скифы. Ч. 1. Кировоград, 1987. С. 5–7.
- Бидзия 1966 – Бидзия В. И. Латенская культура на территории Закарпатья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1966.
- Бидзия 1971а – Бидзия В. И. История культуры Закарпатья рубежа нашей эры. Киев, 1971.
- Бидзия 1971б – Бидзия В. И. Дослідження Гайманової Могили // Археологія. Вип. 1. Київ, 1971. С. 44–56.
- Бидзия, Мозольский 1972 – Бидзия В. И., Мозольский Б. М. Розкопки Гайманової Могили в 1969 р. // АДУ-1969. Київ, 1972. Вип. IV. С. 118–122.
- Бокій 1974 – Бокій Н. М. Скифский курган у с. Медеро // СА. 1974. № 4. С. 262–271.
- Болтрик 2002 – Болтрик Ю. В. Курганне будівництво скифів у V–IV ст. до н. е. (за матеріалами поховальних комплексів Дніпро-Молочанського межиріччя). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Київ, 2002.
- Болтрик, Фіалко 1991 – Болтрик Ю. В., Фіалко О. С. Дослідження скифського «царського» кургану Ташенка // АДУ-1990. Київ, 1991. С. 7–9.
- Болтрик, Фіалко 2001а – Болтрик Ю. В., Фіалко Е. Е. Слідя набега скифів на Трахтемировське городище в Середньому Поднепров'ї // Третя Кубанська археологічна конференція. Краснодар-Анапа, 2001. С. 11–14.
- Болтрик, Фіалко 2001б – Болтрик Ю. В., Фіалко Е. Е. Слідя скифського нападу на Трахтемирівське городище // Музейні читання. Київ, 2001. С. 146–148.
- Болтрик, Фіалко, Черединаченко 1994 – Болтрик Ю. В., Фіалко Е. Е., Черединаченко Н. Н. Бердянский курган // РА. № 3. 1994. С. 140–156.
- Буякян, Скорый 1994 – Буякян Е. П., Скорый С. А. Памяти Бориса Николаевича Мозольского // РА. № 2. 1994. С. 252–253.
- Вязьмитина 1957 – Вязьмитина М. И. Поселення біля с. Золота Балка // Археологія. Т. XI. Київ, 1957. С. 115–126.
- Вязьмитина 1960 – Вязьмитина М. И. Сарматські поховання в долині р. Молочної // АП УРСР. Т. VIII. Київ, 1960. С. 17–21.
- Вязьмитина 1962 – Вязьмитина М. И. Золота Балка. Київ, 1962.
- Вязьмитина 1972 – Вязьмитина М. И. Золото-Балковский могильник. Киев, 1972.
- Вязьмитина, Іллінська, Покровська, Тереножкин, Ковпаненко 1960 – Вязьмитина М. И., Іллінська В. А., Покровська С. Ф., Тереножкин А. І., Ковпаненко Г. Т. Кургани біля с. Ново-Пилипівки і радгоспу «Ахермен» // АП УРСР. Т. VIII. Київ, 1960. С. 22–135.
- Вязьмитина, Фурманська 1955 – Вязьмитина М. И., Фурманська А. И. Раскопки поселения у с. Золота Балка в 1953 т. 1954 гг. // КСИА АН УССР. Вып. 5. С. 41–45.
- Дмитров 1946 – Дмитров Л. Д. Археологические вывешки Николапольщины в 1935–1936 гг. // Наукові записки Інституту історії і археології. Кн. II. 1946.
- Дмитров, Зуц, Копілов 1961 – Дмитров Л. Д., Зуц В. Л., Копілов Ф. Е. Любимівське городище рубежу нашої ери // АП УРСР. Т. X. Київ, 1961. С. 78–100.
- Древности... 1970 – Древности Восточного Крыма. Киев, 1970.
- Древности Степной... 1982 – Древности Степной Скифии. Киев, 1982.
- Древности скифов 1994 – Древности скифов. Киев, 1994.
- Іллінська 1950 – Іллінська В. А. Памятники скифського часу на Посуллі // Археологія. Т. IV. Київ, 1950. С. 184–191.
- Іллінська 1952 – Іллінська В. А. Верхімоусульська експедиція 1947 р. // АП УРСР. Т. IV. Київ, 1952. С. 32–42.
- Іллінська 1965 – Іллінська В. А. Басівське городище // Археологія. Т. XVIII. Київ, 1965. С. 48–76.
- Іллінська 1966 – Іллінська В. А. Скифське кургани около г. Борисполь // СА. № 3. 1966. С. 152–171.
- Іллінська, Мозольський, Тереножкин 1980 – Іллінська В. А., Мозольський Б. М., Тереножкин А. И. Кургани VI в. до н. э. у с. Матусов // Скифия и Кавказ. Киев, 1980. С. 31–69.
- Іллінська, Тереножкин 1983 – Іллінська В. А., Тереножкин А. И. Скифия VII–IV вв. до н. э. Киев, 1983.
- Кричкова-Гракова 1962 – Кричкова-Гракова О. А. Погребення бронзового века и предскифского времени на Никопольском курганном поле // Памятники скифо-сарматской культуры. МИА. № 115. М., 1962. С. 5–55.
- Ковпаненко 1962 – Ковпаненко Г. Т. Погребення VIII–VII вв. до н. э. в бассейне р. Ворсклы // КСИА АН УССР. Вып. 12. 1962. С. 66–72.
- Ковпаненко 1963 – Ковпаненко Г. Т. Памятники скифского времени в бассейне р. Ворскла. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1963.
- Ковпаненко 1966 – Ковпаненко Г. Т. Носарівський курган VIII–VII вв. до н. э. // Археологія. Т. XX. Київ, 1966. С. 174–179.
- Ковпаненко 1967а – Ковпаненко Г. Т. Племена скифського часу на Ворсклі. Київ, 1967.
- Ковпаненко 1967б – Ковпаненко Г. Т. Раскопки Трахтемировского городища // АИУ-1965–1967. Киев, 1967. С. 103–105.
- Ковпаненко 1968 – Ковпаненко Г. Т. Раскопки Трахтемировского городища // АИУ-1967. Киев, 1968. С. 103–106.

- Ковпаненко 1971 – Ковпаненко Г. Т. Новые раскопки Трахтемировского городища // АИУ-1968. Киев, 1971. С. 138–140.
- Ковпаненко 1972 – Ковпаненко Г. Т. Трахтемировские городища на Кавказе // Материалы XIII конференции ИА АН УССР. Київ, 1972. С. 187–189.
- Ковпаненко 1977 – Курганы скифского времени у с. Медвин в Поросье // Скифы и сарматы. Киев, 1977. С. 40–72.
- Ковпаненко 1984 – Ковпаненко Г. Т. «Червона Могила» у с. Флярковка // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 107–113.
- Ковпаненко 1985 – Ковпаненко Г. Т. Погребение предскифского времени у с. Оляны Черкаской области // Всесоюзная археологическая конференция «Достижения советской археологии в XI пятилетке». Т. 2. Баку, 1985. С. 248–249.
- Ковпаненко 1986 – Ковпаненко Г. Т. Сарматское погребение I в. н. э. на Южном Буге. Киев, 1986.
- Ковпаненко, Гудало 1984 – Ковпаненко Г. Т., Гудало Н. Д. Погребение воина у с. Квитки в Поросье // Вооружение скифов и сарматов. Киев, 1984. С. 39–58.
- Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989 – Ковпаненко Г. Т., Бессонова С. С., Скорый С. А. Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья. Киев, 1989.
- Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1994 – Ковпаненко Г. Т., Бессонова С. С., Скорый С. А. Новые погребения раннего железного века в Поросье // Древности скифов. Киев, 1994. С. 41–63.
- Кубишев 1993 – Кубишев А. И. Скифский курган V в. до н. э. у села Братолобовка на Херсонщине // Първи международен симпозиум «Севтополис» «Надгробните могили в югоизточна Европа». Казанлик, 1993. С. 65–67.
- Кубишев, Ковальов 1994 – Кубишев А. И., Ковальов Н. В. Скифский Братолобовский курган V ст. до н. э. на Херсонщині // Археология. № 1. Київ, 1994. С. 141–144.
- Кургань... 1991 – Кургань Степной Скифии. Киев, 1991.
- Лесков 1961 – Лесков А. М. Таврская культура в горном Крыму (вторая половина IX–III вв. до н. э.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1961.
- Лесков 1965 – Лесков А. М. Горный Крым в первом тысячелетии до нашей эры. Киев, 1965.
- Лесков 1967 – Лесков А. М. К 60-летию А. И. Тереножкина // СА. 1967. № 4. С. 190–193.
- Лесков 1970 – Лесков А. М. Введение // Древности Восточного Крыма. Киев, 1970. С. 5–6.
- Махортых 1987 – Махортых С. В. Скифы на Кавказе в VIII–V вв. до н. э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1987.
- Махортых 1991 – Махортых С. В. Скифы на Северном Кавказе. Киев, 1991.
- Махортых 2003 – Махортых С. В. Культурные контакты населения Северного Причерноморья и Центральной Европы в киммерийскую эпоху. Киев, 2003.
- Мозолевский 1973 – Мозолевский Б. Н. Скифские погребения у с. Нагорное близ г. Орджионикдзе на Днепростетровщине // Скифские древности. Киев, 1973. С. 208–234.
- Мозолевский 1979 – Мозолевский Б. М. Товста Могила. Київ, 1979.
- Мозолевский 1980 – Мозолевский Б. Н. Скифские курганы в окрестностях г. Орджионикдзе на Днепростетровщине (раскопки 1972–1975 гг.) // Скифия и Кавказ. Киев, 1980. С. 70–154.
- Мозолевский 1982 – Мозолевский Б. Н. Скифский «царский» курган Желтокамка // Древности Степной Скифии. Киев, 1982. С. 179–222.
- Мозолевский, Белозор 1996 – Мозолевский Б. Н., Белозор В. П. Новый погребальный памятник скифской аристократии Соболева Могила // Първи международен симпозиум «Севтополис» «Надгробните могили в югоизточна Европа». Т. II. В. Търново, 1996. С. 34–36.
- Мозолевский, Білозор, Василенко 1993 – Мозолевский Б. М., Білозор В. П., Василенко В. А. Дослідження Соболевої Могили // Археологічні дослідження в Україні 1991 року. Луцьк, 1993. С. 71–72.
- Мозолевский, Мурзин, Черненко 1987 – Мозолевский Б. Н., Мурзин В. Ю., Черненко Е. В. А. И. Тереножкин как исследователь скифской проблемы // Киммерийцы и скифы. Т. 4. Ч. 1. Кировоград, 1987. С. 3–5.
- Мозолевский, Полин 1987 – Мозолевский Б. Н., Полин С. В. Скифский курган Бабина Могила // Задани советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Т. 2. Всесоюзной конференции. М., 1987. С. 8–9.
- Мозолевский, Черненко 1978 – Мозолевский Б. Н., Черненко Е. В. Олексій Іванович Тереножкін (до 70-річчя від дня народження) // Археологія. № 25. Київ, 1978. С. 112–113.
- Мурзин 1979 – Мурзин В. Ю. Степная Скифия VII–V вв. до н. э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1979.
- Мурзин 1984 – Мурзин В. Ю. Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев, 1984.
- Мурзин 1996 – Мурзин В. Ю. О. І. Тереножкін – видатний дослідник скифської культури // Археологія. 1996. № 3. С. 4–9.
- Мурзин 1998 – Мурзин В. Ю. Засновник київської школи скифознавства О. І. Тереножкін // Музейні читання. Київ, 1998. С. 5–8.
- Памяти... 1981 – Памяти Варвары Андреевны Ильинской // СА. № 2. 1981. С. 317.
- Петренко 1956 – Петренко В. Г. Культура племён Среднего Поднепровья в IV–III вв. до н. э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1956.
- Петренко 1961 – Петренко В. Г. Культура племён Правобережного Приднепровья в IV–III вв. до н. э. // МИА. № 96. М., 1961. С. 52–102.
- Петренко 1967 – Петренко В. Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V–III вв. до н. э. // САИ. Вып. Д. 1–4. М., 1967.
- Петровська 1968 – Петровська С. О. Курган VI ст. до н. е. біля с. Мала Офірна на Київщині // Археологія. Т. XXI. Київ, 1968. С. 164–174.
- Петровська 1970 – Петровська С. О. Ранньоскіфські пам'ятки на південній околиці Києва // Археологія. Т. XXIV. Київ, 1970. С. 129–138.
- Покровська 1952 – Покровська С. Ф. Хотієвські городища // АП УРСР. Т. IV. Київ, 1952. С. 12–20.
- Покровська 1953 – Покровська Е. Ф. К вопросу о сложении культуры земледельческих племён Правобережного Приднепровья (бассейн р. Тасмин) в VIII–VI вв. до н. э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1953.
- Покровская 1955 – Покровская Е. Ф. Мелитопольский скифский курган // ВДН. Т. 2. 1955. С. 191–199.
- Покровська, Петренко, Ковпаненко 1971 – Покровська С. Ф., Петренко В. Г., Ковпаненко Г. Т. Поселення VIII–VI ст. до н. е. біля с. Хрещатик на Київщині // Археологія. Вип. 2. Київ, 1971. С. 94–109.
- Полин 1989 – Полин С. В. Населення северопричерноморських степів в III–II вв. до н. э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1989.
- Полин 1992 – Полин С. В. От Скифии к Сарматии. Киев, 1992. 50 лет Институту... 1984 – 50 лет Институту археологии АН УССР. Киев, 1984.
- СА 1982 – Алексей Иванович Тереножкін (некролог) // СА. 1982. № 3. С. 297–298.
- Симоненко 1986 – Симоненко А. В. Военное дело населения степного Причерноморья в III в. до н. э. – III в. н. э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1986.
- Скифские древности 1973 – Скифские древности. Киев, 1973.
- Скифский мир 1975 – Скифский мир. Киев, 1975.
- Скифы и сарматы 1977 – Скифы и сарматы. Киев, 1977.
- Скифы... 1987 – Скифы Северного Причерноморья. Киев, 1987.
- Скифия и Кавказ 1980 – Скифия и Кавказ. Киев, 1980.
- Скорый 1983 – Скорый С. А. Вооружение скифского типа в Средней Европе (к вопросу о связях Скифии и населения Средней Европы). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1983.
- Скорый 2003 – Скорый С. А. Скифы в Днепровской Правобережной Лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента). Киев, 2003.
- Скорый, Хохоровски 2004 – Скорый С., Хохоровски Я. Мотронинский проект украинских и польских археологов // Від Кіммерії до Сарматії. Матеріали міжнародної наукової конференції «60 років Відділу скифо-сарматської археології ІА НАНУ». Київ, 2004. С. 75–79.
- Скорый, Хохоровский, Григор'єв, Ридзевський 1999 – Скорый С. А., Хохоровський Я., Григор'єв В. П., Ридзевський Я. Центральна могила Великого Крижанівського кургану // Археологія. № 1. 1999. С. 94–105.
- Слово скорботи... 1993 – Слово скорботи про Бориса Миколайовича Мозолевського // Археологія. № 4. 1993. С. 3–4.

- Смирнова 1954 – Смирнова Г. И. Археологические культуры Правобережной Украины и Молдавии в VII–V вв. до н. э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1954.
- Тереножкін 1951 – Тереножкін О. І. Поселення білогрудівського типу біля Умані // Археологія. Т. V. Київ, 1951. С. 173–182.
- Тереножкін 1952 – Тереножкін А. И. Археологические исследования в 1951 г. на территории строительства Молочанского водохранилища // КСИА АН УССР. Вып. 1. 1952. С. 15–20.
- Тереножкін 1953 – Тереножкін А. И. Курганы бронзового века на р. Молочной // КСИА АН УССР. 1953. Вып. 2. С. 88.
- Тереножкін 1954а – Тереножкін А. И. Культура предскифского времени в Среднем Поднепровье (чернолесский этап) // ВССА. М., 1954. С. 94–111.
- Тереножкін 1954б – Тереножкін О. І. Курган біля с. Глеваха // Археологія. Т. IX. Київ, 1954. С. 80–97.
- Тереножкін 1955а – Тереножкін А. И. Скифский курган в г. Мелитополье // КСИА АН УССР. Вып. 5. 1955. С. 23–34.
- Тереножкін 1955б – Тереножкін А. И. Скифский курган в г. Мелитополье // ТД на сессии отд. ист. наук на Пленуме ИИМК и сессии уч. совета Института этнограф. им. Миклуха-Маклая, посвящ. итогам археолог. и этнограф. иссл. 1954. М., 1955. С. 59–61.
- Тереножкін 1959 – Тереножкін А. И. Комплексная экспедиция на Кременчугской ГЭС и раскопки у Гово-Горбуньска в 1956 г. // КСИА АН УССР. Вып. 8. 1959. С. 3–12.
- Тереножкін 1960 – Тереножкін О. І. Кургани в долині р. Молочної // АП УРСР. Т. VIII. Київ, 1960. С. 3–16.
- Тереножкін 1961 – Тереножкін А. И. Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев, 1961.
- Тереножкін 1965 – Тереножкін О. І. Пам'ятки скифів-орачів в Південному Поліссі // Археологія. Т. XIX. Київ, 1965. С. 22–35.
- Тереножкін, Ильинская, Черненко, Мозолевский 1973 – Тереножкін А. И., Ильинская В. А., Черненко Е. В., Мозолевский Б. Н. Скифские курганы Никопольщины // Скифские древности. Киев, 1973. С. 113–186.
- Тереножкін, Мозолевский 1988 – Тереножкін А. И., Мозолевский Б. Н. Мелитопольский курган. Киев, 1988.
- Фабриціус 1949 – Фабриціус І. В. Тясминська експедиція // АП УРСР. Т. II. Київ, 1949. С. 80–111.
- Фабриціус 1951 – Фабриціус І. В. До питання про топографізацію племен Скифії // Археологія. Т. V. Київ, 1952. С. 50–80.
- Фабриціус 1952 – Фабриціус І. В. Тясминська експедиція 1947 р. // АП УРСР. Т. IV. Київ, 1952. С. 21–33.
- Фіалко 1993 – Фіалко О. Є. Скифський царський курган Огуз. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Київ, 1993.
- Фіалко, Болтрик 2003 – Фіалко О. С., Болтрик Ю. В. Напад скифів на Трахтемирівське городище. Київ, 2003.
- Череди́ченко, Мурзін 1996 – Череди́ченко М. М., Мурзін В. Ю. Основні дослідження Бердяньського кургану // Археологія. № 1. Київ, 1996. С. 69–78.
- Череди́ченко, Фіалко 1988 – Череди́ченко Н. Н., Фіалко Е. Е. Погребення жриці із Бердяньського кургану // СА. № 2. 1988. С. 146–166.
- Черненко 1966 – Черненко Е. В. История скифского оборонительного доспеха. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1966.
- Черненко 1968 – Черненко Е. В. Скифский доспех. Киев, 1968.
- Черняков 1998 – Черняков І. Т. О. І. Тереножкін на перехресті проблем киммерійської археології // Музейні читання. Київ, 1998. С. 9–13.
- Яковенко 1965 – Яковенко Е. В. Некрополь скифського часу біля м. Бориспіль // Археологія. Т. XXIV. Київ, 1965. С. 150–160.
- Яковенко 1969 – Яковенко Э. В. Скифы Восточного Крыма в V–III вв. до н. э. М., 1969.
- Яковенко 1974 – Яковенко Е. В. Скифы Східного Криму в V–III ст. до н. е. Київ, 1974.
- Boltrik, Fialko 1991 – Boltrik J., Fialko E. Der Oguz-Kurgan. Die Grabanlage eines «Skythenkönigs» der Zeit nach Ateas // Hamburger Beiträge zur Archäologie. 1991. Bd. 18. S. 107–129.
- Chochorowski, Skoryj 1997a – Chochorowski J., Skoryj S. The «collateral» (female) Burial at the Great Ryzhanovka Barrow // Studies in ancient art and civilization. № 8. 1997. P. 71–92.
- Chochorowski, Skoryj 1997b – Chochorowski J., Skoryj S. Prince of the Great Kurgan // Archeology. September/October. 1997. P. 32–39.
- Kubysev 1991 – Kubysev A. Der Bratoljubovka-Kurgan // Hamburger Beiträge zur Archäologie. Bd. 18. 1991. S. 131–140.
- Skoryi, Chochorowski 2003 – Skoryi S., Chochorowski J. The aristocratic Barrow Skifskaya Mogila in the Ukrainian Forest-Steppe of right-bank of Dnieper (excavations of 2001–2002 years) // The 5th International colloquium of funerary archeology «The grave as an expression of the dead social status (5th c. B. C. – 5th c. A. D.)». Brăila-Tulcea, 2003. P. 23.

Архивные материалы

- A-1944 – Архив Президиума НАНУ. Оп. 1, д. 164.
- A-1949 – Научный архив ИА НАНУ. Оп. 1, 1949, д. 86, протоколы №№ 10, 16.

- A-1962 – Научный архив ИА НАНУ. Оп. 1, 1962, д. 86, протокол № 3.

СОТРУДНИЧЕСТВО ВОСТОК-ЗАПАД

СВОЕВРЕМЕННАЯ АРХЕОЛОГИЯ (опыт европейского строительства науки)

С 5 по 9 октября 2004 г в Афинах прошел первый международный семинар для аспирантов (PhD-students) из предполагаемого цикла «Диалоги с прошлым», организованный Северной Археологической Школой для аспирантов (Орхус, Дания). В работе семинара приняли участие аспиранты из стран Северной Европы (Дания, Норвегия, Швеция, Финляндия) и из Санкт-Петербурга. Темой первого семинара были мудро выбраны «Визуальные, текстуральные и материальные выражения. Взаимоотношения между изображениями, текстом и материальной культурой». Очевидная широта темы и ее конкретность позволили всем участникам семинара подготовиться и представить на суд коллег очень интересные и серьезные статьи (презентации), напрямую связанные с их собственными интересами (с темой диссертации). Таким образом, на мой взгляд, были соблюдены два необходимых положения: с одной стороны, участники узнали и опробовали новые возможности и уровни исследования своего уже известного материала, а с другой стороны, организаторы апробировали успешно, как показала практика, работающую модель в определенной степени междисциплинарного семинара¹.

Следует упомянуть, что семинар был изначально спланирован как площадка для выступлений археологов из Северной Европы, обусловившая уклон тематики в северные древности. Но, по сути, это никак не ограничило круг затронутых тем, так как ряд докладов был посвящен проблемным материалам Восточной Европы, Евразии и даже Египта. Весь массив докладов можно разделить на три крупных блока по доминированию тематико-методологических признаков.

Первый блок составляли доклады теоретического плана (семантический, сравнительный контекстуальный анализ, исследование когнитивных и репрезентативных возможностей археологических памятников). К ним можно отнести большинство представленных докладов. Доклад Аннет Кьельбю (Университет Копенгагена, Дания) был посвящен роли и восприятию в культуре частных/рядовых храмовых статуй Нового царства Египта (вторая половина II тыс. до н. э.). Андерс Хегберг (Университет Лунда, Швеция) в докладе «Кремень-человек-про странство» исследовал трансформацию отношения

человека к кремню (к материалу и к орудиям из кремня) на протяжении раннего неолита – поздней бронзы (на примере нескольких памятников в Южной Скандинавии). Новая попытка прочтения семантически неоднозначных изображений лодок, людей и лесей в петроглифах Финляндии была предложена Анти Лахельма (Университет Хельсинки, Финляндия). Бьери Гот (Университет Осло, Норвегия) исследовал возможности археологов в написании истории на основе объединения данных материальной культуры и письменных источников. Уле-Магна Нётвейт (Университет Бергена, Норвегия) предложил вариант реконструкции социального диалога на уровне личность – группа – общество, основанный на анализе находок кожаных ножен кинжалов в Бергене. Доклад Асбьерна Энгвика (Университет Бергена, Норвегия) был посвящен исследованию орнаментации ведрокобразной керамики как знаковой системы. Доклады Лизбет Имер (Датский Национальный музей, Дания) о рунах и рунических надписях, Маттаса Бека (Университет Лунда, Швеция) о ряде категорий материальной культуры, Нануши Мирберг (Стокгольмский Нумизматический институт, Швеция) о нумизматическом материале объединяет трактовка рассматриваемого материала в свете коммуникационных и трансляционных (относительно информации) возможностей. Гуннар Нурланскуг и Мария Думей (Университет Лунда, Швеция) с противоположных позиций рассматривали следы языческого наследия в средневековом христианском скандинавском искусстве. Современные проблемы музеефицированных памятников археологии исследовались в докладе Аниты Синнестведт (Университет Гетеборга, Швеция).

Ко второму блоку можно отнести доклады, касающиеся хронологической и культурологической атрибуции материала (специфические возможности в свете тематики семинара). Среди них следует отметить доклад Серены Сабатини (Университет Гетеборга, Швеция) о символической и культурной принадлежности северных погребальных урн в виде домов. Многообещающие методы и результаты определения красящих веществ на скандинавских материалах, помогающие воссоздать первоначальный яркий красочный облик хорошо известных памятников, были представлены в докладе Сильвии Санделини (Универ-

¹ Именно междисциплинарного, потому что среди докладов были и исследования естественнонаучного характера, например, касающиеся анализа визуально неопределимых красящих веществ на древних предметах или состава и происхождения тканей.

ситет Стокгольма, Швеция)³. Анника Ларссон (Университет Упсалы, Швеция) предложила новую интерпретацию феномену использования восточных шелковых тканей в одежде погребенных эпохи викингов в Скандинавии. В докладе Висы Иммонен (Университет Турку, Финляндия) рассматривалось происхождение и значение перстней сарвакского типа и изображений на них.

Третий блок составляют доклады, направленные на анализ данных письменных источников в проекции на археологический материал⁴. Томас Грэн (Университет Копенгагена, Дания) сопоставил сведения римской традиции о Южной Скандинавии и археологические материалы, свидетельствующие о реальных контактах носителей римской культурной традиции и населения Скандинавии. Кристина Сеесоен (Университет Копенгагена, Дания) посвятила свой доклад методам и возможностям сопоставления письменных сведений с археологическим материалом (на примере «Гетик» Иордана). Н. Ю. Смирнов (НИМК РАН, Санкт-Петербург) предложил интерпретацию «северных народов» Геродота в свете исследований археологических памятников Южной Сибири.

Необходимо также отметить несколько ключевых моментов в работе семинара, обеспечивших его несомненный успех и показавших насущную необходимость подобных мероприятий.

1. В первую очередь это касается организации и методологии проведения семинара и заседаний. Все его участники должны были предварительно ознакомиться с рядом работ теоретического характера из предложенного списка, что, несомненно, повлияло на методы работы над докладами и способствовало созданию общей теоретической атмосферы. Для этого примерно за полгода до семинара был предоставлен список рекомендуемой литературы, кроме того, Школа взяла на себя труд обеспечить участников необходимой литературой (если такая не была доступна). Особенно важно то, что все участники семинара заранее смогли ознакомиться с докладами коллег, полный комплект которых высылался каждому участнику по электронной почте. В результате участники семинара вступали в дискуссию с внимательно изученным материалом на руках, а не только с впечатлением от впервые услышанного текста. Последнее, кстати, беда большинства конференций, где отведенного времени явно не хватает и на осознание доклада и на его обсуждение, отчего, такие обсуждения неизбежно переносятся «в кулуары», где есть возможность переговорить обо всем *vis-a-vis* (что хорошо), но результаты этих переговоров редко становятся достоянием широкого научного круга (что плохо)⁵.

После каждого доклада выступал официальный оппонент и открывал дискуссию. Таким образом, все участники побывали и в роли «истца», и в роли «ответчика». Участие ряда профессоров из Европы с собственными лекциями в рамках тематики Семинара задавало определенный уровень и направление всей работе. Каждое заседание открывалось лекцией-докладом одного из приглашенных профессоров по определенной тематике. Профессор Робин Осборн (Кембриджский университет) прочел лекцию об изменениях/развитии сцен военной тематики, основываясь на анализе сюжетов вазониси Афин классического периода, в которых нашли отражение изменения в технике ведения боя и вооружении. Проблемы анализа сходных изображений в Скандинавии на бритах бронзового века и в петроглифике, а также возможности семантической расшифровки отдельных образов были затронуты в лекции профессора Ричарда Бредли (Университет Рединга, Англия). В лекции профессора Андерса Андресна (Лундский университет, Швеция) на широком материале был представлен обзор иконографии византийских и романских церквей. Сюжетные образы и их расположение в пространстве (по материалам средневековой датской церковной настенной живописи) были темой лекции профессора Алекса Балвинга (Университет Копенгагена, Дания)

2. Высокий уровень подготовки участников, активное участие в ведении дискуссии, отличающие молодое поколение ученых, в большой степени были обусловлены возможностью научного общения на английском языке. Стремление не только к обсуждению материалов коллег, но и готовности выслушать и «дать бой» оппонентам или же, что не менее ценно, принять их аргументированную точку зрения. Налицо и напряженный поиск новых неординарных, но остающихся в рамках науки подходов к разрабатываемым проблемам.

3. Весьма удачным оказался выбор места проведения Семинара в одном из мировых центров археологических исследований, в Афинах – городе с уникальным историческим прошлым и богатейшей культурой. В каком-то смысле Семинар проходил («в полевых условиях»), так как каждый день, наряду с заседаниями, проводились экскурсии на античные памятники, расположенные в городской черте. В том числе были посещены: квартал Керамикос (экскурсию вели профессор Робин Осборн и Лиз Ханнестад), Национальный Музей (Эрик Халлагер), монастырь Кайзариани (Андерс Андресн), Акрополь (Лиз Ханнестад). Кроме того, прекрасная экскурсия на два античных памятника на Пелопоннесе – Мидея (Анна-Луиза Шаллин, Шведский институт в Афинах) и Те-

³ Следует отметить, что оживленную дискуссию инициировали доклады Сильвии Санделин и Аниты Синневствед. Всеобщий интерес вызвала проблема реконструкции и реставрации античных и средневековых памятников с учетом того, как они были раскрашены в древности.

⁴ Вероятно, это разделение, как и любая рабочая классификация, несколько искусственно, учитывая стремление всех докладчиков максимально приблизить материал к теме семинара.

⁵ Необходимо отметить, что обозначенное выше отношение к классическим научным конференциям отражает личную позицию автора и не претендует на объективность. К тому же, подготовленность всего круга участников к дискуссии более важна, вероятно, для обучающих семинаров, каковыми, в большой степени, был и данный семинар.

гея (Кнут Одегард, Норвежский институт в Афинах) позволила оценить методику и результаты полевых исследований Норвежского и Шведского институтов в Афинах. Все это явилось необходимым и органичным дополнением к теоретическим и практическим изысканиям участников семинара.

Необходимость и своевременность подобных Семинаров в рамках сотрудничества молодого поколения европейских ученых очевидна. Это открывает новые горизонты исследований, позволяет ближе узнать методику работы и стиль мышления коллег. Кроме того, это позволяет просто обменяться материалом или научными наблюдениями, самостоятельное изучение которых зачастую связано с рядом трудностей в освоении языков, например, русского, вследствие чего отечественные исследования просто недоступны для читателя или неизвестны вообще в Европе, и европейские коллеги вынуждены исключать из рассмотрения огромную и интересную для них территорию. Здесь возникает очевидная проблема в недостатке обзоров отечественной литературы на языке международного научного общения (а это все же английский язык, хотим мы этого или нет).

WELL-TIMED ARCHAEOLOGY⁶ (The experience of European science building)

In October 5-9, 2004 Athens was a host-city for the International Seminar for PhD-students, the first in the assumed cycle of seminars «Dialogues with the Past» organized by The Nordic Graduate School in Archaeology (Aarhus, Denmark). PhD-students from Nordic countries (Denmark, Norway, Sweden, and Finland) and from Russia (St-Petersburg) took part in it. The topic of the first Seminar was very wisely chosen – «Visual, textual and material expressions. The relationships between images, texts and material culture». Being broad on the one hand and exact on the other, the topic made it easy for all the participants to prepare and present extremely interesting and serious articles directly connected with their own scholarly interests and/or with the subject of their thesis. To my mind, in this way two very important goals were reached – the participants had a chance of learning and trying the new levels or ways of studying the material seemingly explored, while the organizers acquired practical experience in holding a successful interdisciplinary seminar⁷.

Кроме того, и это, возможно, самое важное – семинары подобного типа работают на формирование научных связей, прежде всего, на личном уровне. А отсюда вытекает столь необходимое формирование страты научного сообщества, не разделенного барьерами государственных границ и политическими условиями. Это ступенька на пути к созданию наднациональной науки, которая и по природе своей должна быть таковой, но, к сожалению, в особенности в археологии, таковой бывает нечасто⁸.

Отдельно следует выразить признательность организаторам конференции профессорам А. Андрану (Лунд) и Л. Ханнестаду (Орхус); Датскому Институту в Афинах и его директору Э. Халлагеру, предоставившему прекрасное помещение для проведения заседаний; секретарю и великолепному организатору, взявшему на себя трудную работу по координированию всего процесса функционирования Семинара Сине Йенсен; Северной Археологической Школе, взявшей на себя все расходы по проведению Семинара, оплате дороги, гостиницы и проч., что в наше время является очень большой заслугой и демонстрирует высокий уровень отношения к научному знанию в Европе.

It's necessary to mention that the seminar was initially designed to be a meeting/session of Nordic European archaeologists and it therefore shifted the subject matter towards the Nordic antiquities. However, it put in fact no limit to the questions touched upon because some of the papers were dedicated to materials from Eastern Europe, Eurasia and even Egypt, which fact in itself poses a problem. On the whole all the papers can be divided into three large groups according to their thematic and methodological features: the reports of theoretical type (semantic, comparative contextual analyses, research of cognitive and representative capability of archaeological monuments); the reports of general archaeological type (chronological and cultural attribution of the investigated material – research of specific possibilities in the light of the Seminar's topic); the reports of synthetic methods of inquiry or of textual type (analysis of literary data in what concerns archaeological materials)⁹. Most reports can be classified as the first group. The report by Annette Kjel-

⁵ Есть, правда, яркий пример-исключение – классическая или античная археология, в области которой международное сотрудничество имеет давнюю и яркую историю. Еще одним исключением можно считать исследования палеолитических памятников. Не так обстоит дело в других областях археологии, что особенно касается эпохи средневековья или периода формирования национальных государств.

⁶ Принято благодарность М. Д. Андреевой за редактирование английского текста.

⁷ It was an interdisciplinary seminar because among the papers there were investigations of natural science character based on the archaeological evidences (e. g., papers dedicated to analysis of visually not detectable dye-residues on ancient artifacts or to analysis of ingredients of fabrics).

⁸ This division like any tentative classification is probably artificial to some extent (if we take into account the intention of all the participants to make their materials closer to the subject matter of the seminar).

by was devoted to the purpose and cultural role of temple statues of the New Kingdom (Egypt, second part of the 2nd millennium BC). Anders Högberg (University of Lund) investigated the transformation of human's relation to flint during the Early Neolithic and Late Bronze Age in South Scandinavia in his report titled «Flint – Man – Space». Antti Lahelma (University of Helsinki) made a new attempt to decipher semantically controversial depictions of people, boats and elks in Finnish petroglyphs. Bjarne Gaut (University of Oslo) brought up the question of whether it is possible for archaeologists to write a history by the means of combining evidence of material culture and that of written sources. Ole Magne Nøttvied (University of Bergen) offered his version of reconstructing the social dialogue on the «person – group – society» level based on the analyses of leather dagger-sheathes found in Bergen. Asbjørne Engevik (University of Bergen) made a study of bucket-shaped ceramics patterns as a semiotic system. Three reports – by Lisbeth M. Imer (The National Museum of Denmark), by Mathias Bäck (University of Lund) and by Nanouschka Myrberg (Stockholm Numismatic Institute) – on the runes and runic inscriptions, on material culture categories and on numismatics respectively, interpret their data in the light of communication and translation possibilities. Gunnar Nordanskog and Maria Domeij (University of Lund) both explored the traces of pagan heritage in medieval Scandinavian Christian art, however their original standpoints were quite different. The problems experienced today by archaeological monuments that have been turned into museums were discussed by Anita Synnøstvedt (University of Göteborg)⁹.

The second group includes such reports as, for example, the one by Serena Sabatini (University of Göteborg) devoted to the Nordic «house urns», their cultural attribution and meaning. Sylvia Sandelin (University of Stockholm) made a presentation on very promising methods of identifying dye-residues on Scandinavian artifacts which as a result allow to restore the original colorful appearance of well-known ancient objects. Annika Larsson (University of Uppsala) gave a new perspective to the phenomenon of Oriental silk fabrics found in the Viking Age burials in Scandinavia. Visa Immonen (University of Turku) carried out a research on the origin and purpose of «Sarvas type» finger rings and patterns on them.

As for the third group of reports, Thomas Grane (University of Copenhagen) compared the information on Southern Scandinavia provided by the Roman tradition with archaeological evidence of actual contacts between Romans and Scandinavian population. Christina Rein Seehusen (University of Copenhagen) examined the methods and prospects of comparing archaeological and written evidence (on the basis of «Getica» of Jordanes). Nickolay Smirnov (The Institute for the History of Material Culture, St. Petersburg) suggested an attempt to solve the problem of geographical localization and ethnological and cultural interpretation of «Northern Peo-

ples» as they are named by Herodotus on the basis of Southern Siberian monuments.

Of note are also some key moments in the work of the Seminar, which made it unquestionably successful and showed an absolute necessity of activity of this type in general.

In the first place it is the technology and methodology of holding the seminar as such and the sittings as its parts. All the participants were to look through a number of theoretical works from the offered list and this without any doubt influenced the methods of preparing the papers and helped to create the atmosphere of academic community. The list of prescribed literature was distributed among the would-be participants about six months prior to the Seminar and the School took the burden to provide the participants with necessary books or their photocopies. No less important is the fact that all the participants were given the opportunity to look through the papers of their counterparts, as the complete set of papers was sent to each participant by e-mail. As a result, everyone took part in discussions with thoroughly examined materials/texts in his/her hands. Each report was followed by the speech of an official opponent and this marked the beginning of a discussion. So, all the participants acted both as «a claimant» and as «a defendant». Participation of a number of professors from Europe who had their own master-classes within the seminar put it on a higher level. Each sitting was opened by a lecture delivered by one of the professors and dedicated to the subject of his investigations. Professor Robin Osborne (Cambridge) gave a lecture on the evolution of battle scenes representation in classical Athens vase paintings in connection with the changes in military techniques and weapons that had actually taken place. Analyzing similar images on Bronze Age razors and in Scandinavian petroglyphs was touched upon in the discourse delivered by Professor Richard Bradley (Reading). The report of Anders Andrén (Lund) was based on a very wide range of material and dealt with the iconography of Byzantine and Roman churches. Religious and mythical images and their space orientation in medieval Danish church frescoes were the subject of Professor Alex Bolvig's lecture (Copenhagen).

Secondly, it is a very high level of preparation of the participants, the way they readily and actively got into discussions (which is typical of a younger generation of scientists) and this, in its turn, was largely due to the common language of scientific communication – English. Characteristic of the Seminar was not only the desire to develop a discussion but also interest to other participants' arguments and opinions along with the capacity to «give battle» to the opponents or to accept their point of view if it was well-reasoned. Moreover, the Seminar has demonstrated a very thorough search of new unorthodox (yet still within the framework of the science) approaches to the problems being explored.

And last but not least. It is certainly the choice of the venue for the Seminar – in one of the world archaeological centers, in the city with unparalleled historical past

⁹ It is worth mentioning that the reports by Sylvia Sandelin and Anita Synnøstvedt provoked a heated discussion. The problem of reconstructing ancient artifacts regarding their original color also aroused everybody's interest.

and gorgeous culture – in Athens. In a sense the Seminar was working «in the field» because every day the sittings were accompanied by the excursions to ancient monuments located within the city boundaries. We visited Kerameikos (guided by Professor R. Osborn and Professor Liz Hannestad), the National Museum (Erik Hallager), the monastery at Kaisariani (Anders Andrén) and the Acropolis. Furthermore, a very exciting excursion to two ancient towns – Midea (Ann Louise Schallin) and Tegea (Knut Ødegaard) in the Peloponnese allowed us to appreciate the methods and results of field work of Norwegian and Swedish Institutes at Athens. All this was a logical and fantastic addition to theoretical and practical investigations of the participants of the Seminar providing necessary cultural background.

It's obvious that such seminars, where young European scholars can collaborate, are necessary and timely. They first of all open new horizons of research and allow to get a closer look at the methods and thinking style of foreign counterparts. It gives a chance to exchange materials and share scientific observations, which can't be otherwise easily obtained.

Besides, and most importantly, seminars of this type help to establish connections between scientists, primarily at the personal level. As a consequence there takes place the formation of an integrated academic community, separated neither by state borders nor due to political situation. It is a step towards making science supranational, which it essentially should be, but unfortunately this is rarely the case in reality (this refers especially to archaeology, and therefore this aspect is of great importance for it)¹⁰.

I'd like to express my heartfelt gratitude to the organizers of the Seminar – to Professor Anders Andrén (University of Lund) and Associate Professor Lise Hannestad (University of Aarhus); to Danish Institute in Athens and its Director Erik Hallager who provided very comfortable scientific accommodation for sittings. I sincerely appreciate the help of Secretary Sine Jensen who assumed very hard work of coordinating the Seminar and of Nordic School in Archaeology for covering all expenses, which (in our hard times especially) is a great support and it demonstrates how cherished are science and knowledge in Europe.

Н. Ю. Смирнов

Россия, Санкт-Петербург.

Институт истории материальной культуры РАН.

Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа

КОНФЕРЕНЦИЯ «ВЛИЯНИЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ НА МИГРАЦИИ В ЕВРАЗИИ» (Impact of the Environment on Human Migration in Eurasia), Санкт-Петербург, 15–18 ноября 2003 г.

15–18 ноября 2003 года Государственным Эрмитажем и ИИМК РАН была проведена конференция: «Влияние окружающей среды на миграции в Евразии» (Impact of the Environment on Human Migration in Eurasia). Организация конференции, посвященной археологическим аспектам проблемы взаимоотношения человека и окружающей среды в древности, стала возможной благодаря полученному гранту НАТО (NATO Advanced Research Workshop 979859). Согласно правилам гранта, в заявке на проведение конференции необходимо было соблюсти определенный баланс количества участников из стран НАТО и стран-партнеров НАТО, включая Россию и страны СНГ, а также представить четкую программу, получив предварительное согласие около 70% будущих участников. В качестве руководителя проекта была приглашена профессор Университета Глазго Е. М. Скотт, которая давно и успешно сотрудничает с радиоуглеродной лабораторией ИИМК РАН. Кроме того, именно она является организатором всех межлабораторных про-

верок радиоуглеродных лабораторий мира, в которых лаборатория ИИМК РАН является постоянным участником. С российской стороны руководителями конференции были с. н. с. ИИМК РАН Г. И. Зайцева и заведующий Отделом археологии Восточной Европы и Сибири Эрмитажа А. Ю. Алексеев.

Выбор темы конференции был продиктован необходимостью провести широкое обсуждение результатов совместных исследований в рамках проекта ИНТАС, который осуществлялся в течение трех лет – с 1999 по 2001 г., объединив сотрудников ИИМК РАН, Государственного Эрмитажа, Физико-технического института РАН, ученых из Великобритании, Нидерландов, Швеции, и был посвящен вопросам радиоуглеродной и археологической хронологии памятников скифской эпохи Евразии. Сотрудничество оказалось чрезвычайно плодотворным и эффективным, проект был успешно выполнен. Именно эта тема и была предложена в качестве основной темы конференции, которая была принята, но с условием внесения

дополнений, касающихся анализа изменений окружающей среды, влиявших на развитие древних культур. Это дополнение показалось организаторам интересным и правомерным, так как культуры скифского типа существовали преимущественно в период VIII–IV вв. до н. э., когда наблюдались глобальные изменения климата, получившие отражение даже в характере калибровочной кривой. Таким образом, были определены три основные секции предстоящей конференции – (1) археология, (2) хронология и (3) изучение окружающей среды.

Всего в конференции приняли участие 40 ученых из 12 стран (Англия, Бельгия, Германия, Казахстан, Латвия, Литва, Нидерланды, Польша, Россия, Украина, Финляндия, Швейцария). Из России, кроме Санкт-Петербурга, участвовали ученые из Москвы, Новосибирска, Уфы и Петропавловска-Камчатского. Всего было заслушано 35 докладов. После каждого вечернего заседания проводилось часовое обсуждение прослушанных сообщений. До начала работы конференции были опубликованы тезисы докладов. Практически все доклады сопровождалось компьютерными презентациями, что позволило полностью уложиться в положенное время, не нарушая установленного регламента и программы.

Перечислим коротко основных докладчиков и затронутые ими темы. Конференция была открыта докладом Е. М. Скотт, в котором были обобщены трудности, связанные с хронологическими исследованиями скифских культур Евразии. В секции археологии всего было представлено 10 докладов. Доклад К. В. Чугунова (ГЭ, Санкт-Петербург), Г. Парцингера и А. Наглера (Германский археологический институт, Берлин) был посвящен недавно открытому ими уникальному раннескифскому кургану Аржан-2 в Туве и исследованиям его материалов. Были продемонстрированы материалы, которые в настоящее время позволяют взглянуть на историю развития кочевников скифского времени Центральной Азии с совершенно новой точки зрения. В докладе Н. А. Бокоченко (ИИМК РАН, Санкт-Петербург) рассматривались проблемы миграции кочевого населения скифского времени в связи с изменениями климатических условий. А. Ю. Алексеев (ГЭ, Санкт-Петербург) рассмотрел проблемы хронологии Европейской Скифии и соответствие археологических и радиоуглеродных датировок основных памятников, традиционно являющихся ключевыми во всех историко-археологических построениях. Помимо демонстрации результатов радиоуглеродного датирования, были выявлены определенные тенденции в практике перевода радиоуглеродных дат BP в календарные (calBC): так, если для памятников IX–V вв. до н. э. более достоверными оказываются поздние участки полученных калиброванных временных интервалов, то для древностей конца IV–III вв. до н. э. – ранние.

Отдельные сюжеты истории населения степей и лесостепной зон Украины в предскифскую и скифскую эпоху, а также материалы раскопок последних лет были проанализированы в докладах С. А. Скорого (Институт археологии НАН Украины) – о восточно-

европейской лесостепи в скифское время, С. В. Махортых (Институт археологии НАН Украины) – о степной зоне Северного Причерноморья в киммерийскую эпоху и Ю. В. Болтрына (Институт археологии НАН Украины) – о системе и закономерностях размещения скифских курганов. В докладе З. Самашева (Институт археологии ИАН Казахстана) были продемонстрированы археологические материалы, включая новейшие раскопки, из памятников скифского времени Казахстана, многие из которых были недостаточно известны до сих пор.

А. П. Бородовский, И. Ю. Слюсаренко (Институт археологии и этнографии СО РАН), Л. А. Орлова (Институт геологии СО РАН) и Ю. В. Кузьмин (Институт географии ДВО РАН) представили доклад, посвященный исследованиям культур кочевников бассейна Оби на основе археологических, радиоуглеродных и дендрохронологических данных. Новосибирские ученые проводят интересные исследования на основе дендрохронологических определений деревянных конструкций погребальных сооружений, имеющих хорошую сохранность. Следует отметить, что дендрохронологические исследования довольно редки в сравнении с радиоуглеродным анализом, и поэтому вызывают особый интерес. В докладе Н. С. Савельева (Ландшафтный заповедник РБ, Уфа) продемонстрирована возможная связь ландшафтно-климатических условий на Южном Урале и адаптации к открытым степным пространствам древних кочевников раннего железного века.

Заседания секции хронологии открылись докладом Й. Ван дер Плихта (Гронинген, Нидерланды). Он является одним из крупнейших специалистов в области радиоуглеродного датирования и одним из разработчиков калибровочных кривых для перевода радиоуглеродных дат в календарное время. В его докладе особое внимание было уделено характеру калибровочной кривой в пределах 2600–2400 BP лет т. н. и проблемам скифской хронологии. В докладе Г. И. Зайцевой (ИИМК РАН, Санкт-Петербург) были освещены методологические проблемы установления хронологии скифских культур Евразии и возможные пути их решения. Н. Н. Ковалюх, В. В. Скрипкин, С. А. Скорый (Киев, Украина) и Я. Хохоровский (Краков, Польша) продемонстрировали решение хронологических проблем на примере исследования скифского Рыжановского кургана с применением радиоуглеродного анализа и метода согласования радиоуглеродных данных по годичным кольцам с калибровочной кривой («wiggle matching» method). Уточненная дата сооружения кургана лежит в пределах 360–270 гг. до н. э. Следует заметить, что эти результаты корректируют ранее опубликованные данные о дате времени сооружения кургана вглубь III в. до н. э.

В докладе И. Гёрслорфа, Г. Парцингера и А. Наглера (Германский археологический институт, Берлин) для территории Южной Сибири представлена хронологическая колонка культур эпохи бронзы – скифского времени, построенная по радиоуглеродным данным. И. Хайдас и Дж. Бонани (Цюрих, Швейцария) применили «wiggle matching» method для установле-

ния хронологии Второго Пазырыкского кургана и кургана Уландрык-4. Здесь было использовано высокоточное радиоуглеродное датирование с коррекцией на изотопное фракционирование. По данным докладчиков Второй Пазырыкский курган был сооружен в период 325–272 гг. до н. э., а Уландрык-4 – в 325–291 гг. до н. э.

Проблемой разработки радиоуглеродной хронологии для периодов 900–300 caIBС (лет до н. э.) с использованием методов математической статистики был посвящен доклад А. Мычинского (Силезский Университет, Польша). А. Блюш (Силезский Университет, Польша) продемонстрировал возможности люминесцентного датирования в археологических исследованиях. Следует сказать, что этот метод в России в настоящее время используется в гораздо меньшей степени, чем раньше, когда этими исследованиями занимались ученые из Москвы, Киева и других центров. Сейчас он постепенно возрождается в России, но еще далеко от широкого применения.

В последнее время все шире применяются изотопные исследования, связанные со стабильными изотопами ^{13}C и ^{15}N . Определение их в коллаже костного материала позволяет определить характер диеты, а на этой основе и особенности окружающей среды и экономики древнего населения. Эта проблема была освещена в докладе М. Ван Стридонка с соавторами (Брюссель, Бельгия). Анализ *соотношения ^{13}C и ^{15}N* в костях животных и человека, можно определить, *использовалась ли пища растительного или животного происхождения*. В докладе продемонстрированы основные теоретические положения используемого метода стабильных изотопов. *Определение диеты древнего человека и животных* позволяет в определенной мере судить и о миграциях населения.

Н. И. Шишлина (ГИМ, Москва) рассмотрела вопросы заселения степи на северо-западе прикаспийской зоны, связанные с изменением окружающей среды в период около 3000 лет до н. э., и проблемы миграции древнего населения.

При обсуждении проблем хронологии скифских культур Евразии практически во всех докладах констатировалась неопределенность, связанная с переводом радиоуглеродного возраста в календарную временную шкалу. При этом, даже если статистическая ошибка мала и составляет $\pm 15\text{--}20$ лет, возможный интервал калиброванного календарного возраста может достигать 300–400 лет, что, естественно, не устраивает исследователей. Причина заключается в характере калибровочной кривой для интервала дат 2600–2300 BP. В данном случае радиоуглеродные даты попадают на так называемое плато «Hallstatt», протяженностью около 400 лет. Именно на этот период приходится развитие культуры скифского времени Евразии. Такой характер кривой обусловлен вариациями интенсивностей космических и солнечных лучей, влияющих на концентрацию радиоуглерода в атмосфере. Несомненно, что климатические условия также во многом зависят от солнечной и космической активности, что и было продемонстрировано во многих докладах на секции окружающей среды. Так, в док-

ладе В. А. Дергачева (ФТИ РАН, Санкт-Петербург) рассматривалось влияние и связь периодичности климатических изменений в голоцене с солнечной, космической активностью и напряженностью магнитного поля Земли. Приведены убедительные примеры такой взаимосвязи: изменения ледникового покрова в Альпах, состояния ледников Гренландии и другие эпизоды. Похолодание, происходящее примерно каждые 2400 лет, напрямую связано с изменением концентрации космогенных изотопов. В сообщении Б. Дерма (Университет Ньюкаста, Великобритания) рассмотрен вопрос о токсинах (включая галлюциногены), исследование места которых в культуре возможно проводить на материалах этнографических и археологических музейных коллекций.

В докладе Б. ван Гила (Амстердам, Нидерланды) представлена гипотеза о прямой связи изменений в солнечной активности и внезапной широкой экспансии скифских культур степной зоны Евразии. Степь быстрее откликается на различные климатические изменения, чем лесная зона. На основании климатических исследований для суббореального периода, проведенных на территории Монголии, Южной Сибири и др., автор устанавливает непосредственную зависимость между солнечной активностью и развитием и направлением миграций культур кочевников в степной зоне около 850 г. до н. э.

С. Кроненберг с соавторами (Дельфт, Нидерланды) представили результаты исследований колебаний уровня Каспийского моря в связи с изменением солнечной активности, где также зафиксированы резкие изменения в районе 2600 BP и 300 BP. А. Л. Александровский и Е. И. Александровская (Институт географии РАН, Москва) привели данные по изменению окружающей среды и миграции культур в центре Русской равнины на основе данных анализа палеочлв. В докладе А. Поротова (МГУ) с коллегами рассмотрен вопрос о палеогеографии, региональных особенностях климатических ритмов и их воздействии на изменение природной среды и этнокультурной динамики в северо-восточном Причерноморье в эпоху бронзы – раннего железа. А. Гайгалас (Вильнюс, Литва) рассмотрел изменения окружающей среды в переходный период от бронзового к железному веку и их связь с миграцией культур в истории Восточной Европы.

Реконструкция окружающей среды прошлого на основе данных геохимического анализа различных отложений была представлена в докладе М. А. Кульковой (ИИМК РАН, Санкт-Петербург). Исследования по реконструкции окружающей среды прошлого на основе палинологических данных отражены в докладах Л. Кальниной (Рига, Латвия) и В. Диржен (Петропавловск-Камчатский, Россия). Связь археологических культур Польши с климатическими изменениями в голоцене была продемонстрирована в докладе А. Пазур (Силезский Университет, Польша). П. М. Долуханов (Университет Ньюкаста, Великобритания) представил развернутую картину связи изменений окружающей среды, миграции культур и истории раннего земледелия в голоцене Евразии.

Интересны и данные, полученные и представленные Н. Буровой по исследованию костных останков лошадей из курганов Аржан и Аржан-2. Показана морфологическая изменчивость и ее возможная связь с изменением ландшафта.

В обсуждениях докладов участвовали Х. Юнгнер (Хельсинки, Финляндия), Х. Рамсей (Оксфорд, Великобритания), а также ученые из ИИМК РАН, Эрмитажа, ВСЕГЕИ, Санкт-Петербургского университета. Всего на заседаниях присутствовало до 80 человек. Произошел свободный и продуктивный обмен мнениями, завязались новые научные контакты, которые так важны в современных условиях.

В течение конференции участники могли ознакомиться с экспозициями Эрмитажа, радиоуглеродной лабораторией ИИМК РАН и археологическими отделами ИИМК РАН. Была организована специальная экскурсия в аналитический центр ВСЕГЕИ с демонстрацией приборов новейшего поколения для изотопных исследований.

На итоговом заседании было принято решение представить основные материалы в виде статей для публикации в серии «NATO Science Series». Для это-

го было необходимо представить статьи до конца февраля 2004 г., что и было сделано большинством участников конференции. В результате уже к сентябрю 2004 г., то есть менее, чем через год после конференции, был издан сборник: «Impact of the Environment on Human Migration in Eurasia». NATO Science Series. IV. Earth and Environmental Sciences – Vol. 42. Edited by E. Marian Scott, Andrey Yu. Alekseev and Ganna Zaitseva. Kluwer Academic Publishers (Dordrecht/Boston/London), 2004. Сборник включает три раздела, соответствующие секциям конференции, и 24 авторские главы. Общий объем книги – 334 страницы.

Как сама конференция, так и ее конкретные результаты, представленные в виде опубликованных тезисов докладов и сборника материалов, свидетельствуют о несомненном успехе научного симпозиума, впервые объединившего в рамках одного международного проекта NATO историков и археологов со специалистами других научных дисциплин.

Г. И. Зайцева

Россия, Санкт-Петербург.

*Институт истории материальной культуры РАН,
Лаборатория археологических технологий.*

А. Ю. Алексеев

Россия, Санкт-Петербург.

*Государственный Эрмитаж,
Отдел археологии Восточной Европы и Сибири.*

«КУКУТЕНЬ – 120 ЛЕТ ИССЛЕДОВАНИЙ. ВРЕМЯ ПОДВОДИТЬ ИТОГИ» КОЛЛОКВИУМ И ПРАЗДНИК ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ АРХЕОЛОГИИ

Международный коллоквиум «Кукутень – 120 лет исследований. Время подводить итоги» (Cucuteni. 120 de cercetari. Timpul bilantului) прошел между 21-24 октября 2004 г. в г. Пятра-Нямц (Румыния). Главным организатором форума, в котором приняли участие более 60 археологов из Австрии, Болгарии, Великобритании, Испании, Молдовы, России, Румынии, США, Турции, Украины, Франции – Международный центр исследований культуры Кукутень. Местом проведения не случайно был избран Музей истории и археологии в г. Пятра-Нямц. Это один из старейших музеев в Румынии, обладающий крупнейшей и интереснейшей коллекцией древностей культуры Кукутень. Музей проводит серьезные научные исследования, здесь выходит много археологических изданий. Параллельно коллоквиуму проходила также международная конференция «Пре- и праисторическая археология добы-

чи соли», собравшая не менее представительный коллектив ученых, занимающихся столь популярной ныне в мире соляной темой.

Организатором форума – «Международный центр исследований культуры Кукутень» (INTERNATIONAL RESEARCH CENTER OF CUCUTENI CULTURE – IRCCC) – научная и просветительская организация, которая была основана в 1995 году¹. Цель ее деятельности – интенсификация научных исследований культуры Кукутень, прежде всего путем привлечения ведущих специалистов различных стран. Центр организует и проводит фундаментальные научные исследования, в том числе междисциплинарные, работает над созданием большой библиографической базы, организует международные научные конференции, издает литературу, проводит выставки, посвященные изучению культуры Кукутень, распространяет инфор-

¹ International Research Center of Cucuteni Culture – Presentation. – <http://www.ncamt.ro/cmj/fistoric/piatra-ncamt/>

мацию о результатах исследований в средствах массовой информации.

На colloквиум было заявлено в общей сложности 57 научных докладов. Поэтому трехдневная программа оказалась довольно напряженной, тем более, что в то же время необходимо было ознакомиться не только с интереснейшей экспозицией музея, но и с специальной выставкой частной коллекции древностей культуры Кукутень. Эта коллекция принадлежит Эмили и Ромео Думитреску (президент фонда «Кукутень в третьем тысячелетии»). Коллекция насчитывает более ста артефактов, которые были получены в том числе и в ходе археологических исследований, проведенных профессиональными археологами на средства владельцев (Cultura Cucuteni 2004). Приобретя землю, на которой расположены археологические памятники, др. Р. Думитреску не только занимается организацией их охраны, но и создает условия для их всестороннего научного изучения. Упомянутые выше меценаты финансируют также научные исследования известного телля Подурь-Дялул-Гиндару, создание музея этих раскопок, а также издание научной литературы. Colloквиум в Пятра-Неамц проходил при поддержке фонда.

С содержанием докладов можно ознакомиться благодаря опубликованным тезисам (Cucuteni... 2004), запланирован также полное издание материалов colloквиума². Тематика докладов имела довольно широкий спектр – от истории исследований культуры Кукутень в целом или ее отдельных памятников, неолитических культур – до результатов изучения отдельных поселений, комплексов, артефактов, древних производств. Значительное внимание уделено локальным вариантам Кукутень-Триполья, проблеме взаимосвязей древних культур.

В первый же день состоялась презентация первого полного издания материалов раскопок эпонимного памятника – поселения Кукутень. В качестве приложения к 740-страничному фолианту издан также и CD-диск с версией печатного издания, в котором помещены цветные иллюстрации, в том числе фотографии керамики и пластики.

Важным и весьма поучительным мероприятием стало посещение самого поселения Кукутень 24 октября. Здесь был проведен день экспериментальной археологии, подготовленный при поддержке фонда «Кукутень в III тысячелетии». Торжественная часть

включала присвоение академику М. Петреску-Дымбовице, личный вклад которого в изучение культуры Кукутень особо значителен, звания почетного жителя села Кукутень.

Затем Р. Думитреску, выступивший организатором обширной демонстрационной программы научных археологических экспериментов, продемонстрировал полномасштабные реконструкции жилых и хозяйственных построек культуры Кукутень, а также древние производства – гончарное, кремне- и камнеобработку, приготовление пищи, варку соли. Следует отметить, что на этом научном полигоне в 2003 г. был снят научно-популярный фильм «Внуки Адама».

Апогеем экспериментальной программы стало сожжение двух реконструированных построек. Моделировались процессы гибели строений и археологизации их остатков. Следует отметить продуманность и организацию эксперимента на всех стадиях его проведения. Пожар фиксировался на видео, проводились замеры температуры горения. Увиденное стало предметом интересной дискуссии между специалистами из разных стран. Некоторые из них проводили в свое время подобные эксперименты, и обмен впечатлениями оказалась весьма интенсивным и плодотворным. Однако после того, как догорели последние головни, эксперимент, считают его авторы, еще не закончен. Будут вестись многолетние наблюдения за разрушениями остатков построек. Одну из них весной планируют снести, чтобы на ее месте построить новую и опять сжечь. Это действие будет повторено пять раз. Цель опыта – воссоздание процесса образования телля, в котором было бы не менее пяти горизонтов (как на известном памятнике Подурь-Дялул-Гиндару). Полученные в результате многолетних опытов остатки планируют в будущем исследовать путем проведения раскопок.

Отчеты относительно всех этапов эксперимента планируют опубликовать, кроме того все присутствовавшие были приглашены посетить полигон в следующие годы. В настоящее время это крупнейшее натурное моделирование процессов строительства и археологизации объектов культуры Кукутень-Триполья. Включение в программу colloквиума не только научных докладов, но и экскурсий, эксперимента имеют важное значение для развития научных контактов и международных исследований по проблемам культуры Кукутень.

М. Ю. Видейко

Украина. Киев. Институт археологии НАНУ

Cultura Cucuteni 2004 – Cultura Cucuteni. Magia Ceramicii. Bucuresti, 2004.

Cucuteni 2004 – Cucuteni. 120 de cercetari. Timpul bilantului. Museul de Istorie si Arheologie Piatra-Neamt, 21–24 octombrie, 2004. Piatra-Neamt, 2004.

² В одном из томов периодического издания музейного комплекса в Пятра-Неамц – Memoria Antiquitatis.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ДРЕВНИЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ ЕВРОПЫ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ГИПОТЕЗЫ» (Украина, г. Збараж, 16–19 августа 2004 г.)

Международная научная конференция под таким названием состоялась 16–19 августа 2004 года в г. Збараже Тернопольской области (Украина). Это уже вторая за последние три года конференция, проведенная в этом городе¹. Инициаторами этих мероприятий является Н. Н. Скакун, начальник Энеолитической экспедиции ИИМК РАН, ведущей раскопки в збаражском районе и директор Государственного збаражского историко-архитектурного заповедника А. В. Маципура. В организации конференции приняли участие также Государственный комитет по строительству и архитектуре Украины, Лаборатория Прансторическая Европа UMR 7041, Дом Археологии им. Г. Жинувес (Франция). В Збараж приехали археологи из пяти европейских стран – Болгарии, Молдовы, России, Украины, Франции.

Конференция была посвящена 80-летию юбилею выдающейся исследовательницы трипольской культуры Е. К. Черныш. Из 24 заявленных докладов 14 были зачитаны во время заседаний, проходивших в старинном замке XVII века, расположенном в центре г. Збаража, в котором дирекция заповедника создала прекрасные условия для успешной работы. Открывая первое заседание, Н. Н. Скакун рассказала о большом значении работ Е. К. Черныш для изучения энеолитического периода древней истории Европы и пожелала юбиляру здоровья и благополучия. Н. Н. Скакун зачитала также доклады Г. Ф. Коробковой и Т. А. Поповой о научном пути Е. К. Черныш и важности ее исследований для трипольведения.

Доклады участников конференции были посвящены широкому кругу вопросов – от информации об отдельных исследованных памятниках и категорий артефактов до проблем этнокультурных процессов в отдельных регионах распространения трипольской культуры, а также за ее пределами. Тезисы всех заявленных докладов были опубликованы (Древни земледоци... 2004).

Доклад В. А. Дергачева касался проблемы неолитизации Северо-Понтийской зоны Балкан в контексте изменения уровня Черного моря. Ныне тема «Черноморского потоп» чрезвычайно популярна, однако редко можно услышать столь обстоятельное и аргументированное мнение специалиста, который вот уже несколько десятилетий занимается археологией эпохи энеолита-бронзового века в данном регионе. Док-

ладчик отметил прямую связь между культурной ситуацией и периодической сменой уровней Черного моря на протяжении нескольких тысяч лет, в том числе масштабную миграцию носителей культуры новоданиловского типа в энеолите и ямной культуры – в раннем бронзовом веке. По мнению В. А. Дергачева, данные тенденции проявились достаточно четко и могут быть связаны именно с наступлением моря на сушу.

С большим докладом о формировании восточно-трипольской культуры выступила Е. В. Цвек. В качестве основы для ее формирования она рассматривает памятники борисовского типа, подразделяющиеся на четыре территориальных группы. Последующие ступени развития характеризуются, по ее мнению, усилением инноваций во всех сферах, которые и привели к формированию в междуречье Южного Буга и Днепра восточно-трипольского ареала культуры, отличного от западного ее ареала.

Доклад Н. Б. Бурдо касался магических символов и сакральных артефактов трипольской культуры. По ее мнению, в антропоморфной пластике можно выделить не менее восьми женских образов. Была отмечена особая роль образа Луны в символике орнамента Триполья-Кукутень, а также его особая связь с женскими образами.

М. Ю. Видейко выступил с докладом о вооружении и военном деле у племен трипольской культуры (Видейко 2004: 478–507). Он пришел к выводу о том, что распространенные представления об исключительно мирном характере древнего земледельческого населения не соответствуют данным археологических исследований. Триполье-Кукутень представляла собой общность с высоким уровнем развития производства самых совершенных образцов специализированного вооружения, в том числе металлического, что дает основания судить о становлении института войны как одной из отраслей экономики, причем конфликты могли иметь место преимущественно в среде трипольского населения.

Доклад Б. С. Жураковского был основан на материалах полевых исследований автора и посвящен влиянию природной среды на особенности производящего хозяйства населения, оставившего памятники трипольской культуры в лесостепной зоне. Автор обратил внимание на определенные изменения в хозяй-

¹ Первая конференция состоялась в 2001 г. (Видейко 2002а; 2002б; 2002с; 2002д).

стве на протяжении длительного периода существования Триполья, которые могли быть связаны с изменениями в окружающей среде.

В нескольких докладах было отражено изучение отдельных памятников или находок на них. Так, И. Т. Кочкин изложил основные результаты исследований трипольского горизонта на многослойном поселении Одави-2 на Днестре. По его мнению, этот памятник следует отнести к залежидской группе трипольской культуры.

Уникальному поздне трипольскому погребению, исследованному у с. Ново-Татаровка (Молдова), и проблеме погребального обряда у населения, оставившего памятники культуры Городнешть-Хородиштя, был посвящен доклад О. В. Лариной (Ларина 2003: 57–80).

В. И. Олейник рассказал о результатах археологического исследования поздне трипольских памятников касперовского типа у с. Лисичники и Голиграды в нижнем течении р. Серет.

Описанию комплекса миниатюрных сосудов, происходящих из жилищ на поселении Незвица, раскопанных в свое время Е. К. Черныш и хранящихся ныне в Государственном Эрмитаже, был посвящен совместный доклад Н. В. Риндюк и Е. Г. Старковой (Россия).

Исследования на трипольском поселении Збручанское были отражены в докладе М. П. Сохацкого и А. В. Дулара. По их мнению, именно это поселение, принадлежащее к шипинцевской группе, могло стать исходным пунктом в миграции трипольского населения из Поднестровья в Среднее Побужье и на Волынь.

Характеристике керамических материалов из поселения Бодаки был посвящен доклад Т. М. Ткачука. По его мнению, Бодаки принадлежат к первой фазе шипинцевской группы, но в керамическом комплексе заметны также компоненты, свойственные мершовской фазе раковецкой группы, важное место занимают импорты культур Малица и люблинско-волынской расписной керамики. Эти обстоятельства позволяют рассматривать памятник как важный источник для исследований динамики связей различных энеолитических культур на Волыни.

Уже традиционно для Збаражской конференции несколько докладов касались проблем кремнеобработки в Триполье и других культурах как в Украине, так и за ее пределами. Совместный доклад Н. Н. Скакун (Россия), А. Самзун (Франция) и Б. Матевой (Болгария) раскрыл важную проблему развития новых технологий в трипольской кремнеобработке на материалах поселения Бодаки. По их общему мнению, одним из наиболее серьезных технологических достижений этого периода наряду с усовершенствованием техники раскалывания стало изобретение и широкое распространение для обработки изделий техники струйчатой ретуши, в том числе с применением металлических (медных) инструментов. Прогресс в кремнеобработке, по мнению докладчиков, стал основой для дальнейшего развития отрасли и распространения готовых изделий, а впоследствии и технологии их создания за пределы трипольской культуры.

Доклад Б. Матевой (Болгария) был посвящен изделиям из кремня, найденным при раскопках телля Чешмеукал в северо-восточной Болгарии. Изучение этих находок дало возможность не только восстановить процесс создания орудий труда, но и определить их назначение. Это дало возможность установить, что обитатели поселения занимались земледелием, а также изготавливали инструменты и изделия из дерева, кости, кожи.

А. А. Бритюк подробно информировал о новых связанных с добычей кремня памятниках, открытых и исследованных в бассейне Сеперского Донца. Речь шла о специализированных кремнедобывающих мастерских, продукция которых поступала на близлежащие поселения.

Хорошей традицией научного форума в Збараже стало посещение местных музеев и археологических достопримечательностей и, в первую очередь, памятников трипольской культуры, которыми так богата Тернопольская область. На сей раз участники конференции совершили интересную экскурсию в Борщевский областной краеведческий музей, а также его филиал, расположенный в известнейшем памятнике археологии – пещере Вертеба. В музее все ознакомились с экспозицией и материалами археологических исследований, проводившихся в последние годы экспедицией музея под руководством М. П. Сохацкого.

Затем все направилось к селу Билице-Золотое, где на плато расположен уникальный комплекс – поселение и карстовая пещера с материалами трех этапов трипольской культуры (Сохацкий 2004: 83–85), исследования в которой были начаты польскими археологами еще в 70-е годы XIX века. Уже тогда Вертеба стала весьма известным и популярным объектом паломничества археологов и любителей древностей со всей Европы, автографы которых сохранились на стенах пещеры в одном из ходов.

После Второй мировой войны труднодоступная пещера Вертеба была заброшена, но благодаря усилиям сотрудников Борщевского музея стала вновь доступной для посещения.

В 90-е годы минувшего века пещера была взята под охрану государства и в ней под руководством М. П. Сохацкого были возобновлены археологические исследования. В нескольких местах подземного лабиринта, общая длина которого составляет более 8 км, выявлены не исследованные ранее участки культурного слоя. Сотрудники музея расчистили ряд ходов, создали подземную диораму, подготовили к экспонированию участки раскопок и некоторые найденные объекты. Общая длина подземного маршрута достигла около 500 метров. Посещение пещеры Вертеба произвело огромное впечатление на всех участников конференции. Затем их вниманию был предложен еще один уникальный объект – культовый комплекс у с. Монастырек над р. Серет.

Проведение второй международной конференции в Збараже показывает важный пример взаимовыгодной традиции проведения международных тематических региональных научных форумов, посвященных

культурам епохи неоліта і знеоліта. Такі зустрічі не тільки сприяють контактам учених із різних

країн, але і прогресу в розв'язанні проблем археології і древньої історії.

Видейко 2002а – *Видейко М. Ю.* Міжнародна конференція в Збаражі // Археологічні відкриття в Україні 2001 року. Київ, 2002.

Видейко 2002б – *Видейко М. Ю.* Міжнародна конференція «Трипольський мир і його сусіди» (Збараж, 20–23 серпня 2001 р.) // АВ. № 10. СПб., 2002. С. 347–350.

Видейко 2004 – *Видейко М. Ю.* Озброєння та військова справа у племен трипольської культури // Енциклопедія трипольської цивілізації. Т. 1. Кн. 1. Київ, 2004. С. 478–507.

Древні землероби... 2004 – Древні землероби Європи: нові відкриття та гіпотези. Тези доповідей міжнародної науково-практичної конференції. М. Збараж, 16–19 серпня 2004 року. Збараж, 2004.

Ларина 2003 – *Ларина О.* Позднетрипольское погребение гордишевского типа на Днестре // *Interferente cultural-chronologic in spatiul Nord-Pontic*. Chisinau, 2003. P. 57–80.

Сохацький 2004 – Сохацький М. П. Вертеба // Енциклопедія трипольської цивілізації. Т. 2. Київ, 2004. С. 83–85.

М. Ю. Видейко

Україна. Київ. Інститут археології НАНУ.

ФОНД «БИБЛИОТЕКА МРАМОРНОГО ДВОРЦА» В НАУЧНОМ АРХИВЕ ИИМК РАН

Г. В. ДЛУЖНЕВСКАЯ¹

В научном архиве Института истории материальной культуры РАН, являющемся наследником ряда учреждений – Императорской археологической комиссии, Российской (с 1926 г. – Государственной) Академии истории материальной культуры, Института истории материальной культуры АН СССР, ЮИИИИ археологии АН СССР, к началу XXI века отложилось более одного миллиона единиц хранения (негативов, позитивов и кинофильмов). Первые фотодокументы датируются 1840-ми гг. (два талботипа, запечатлевшие Оксфорд в Великобритании), последние – 2003 г. (материалы археологических экспедиций Института). Архив хранит документы по многим областям знаний, в том числе несколько уникальных коллекций – фотографии из библиотек Зимнего и Мраморного дворцов, дворца-музея Шуваловых. Данные о материалах из дворца-музея Шуваловых и библиотеки Зимнего дворца ранее были опубликованы (Длужневская 1998: 382–384; Длужневская 1995: 298–302; Лазаревская 1999: 83–88). В малотиражных сборниках были изданы краткие статьи и обзор фонда библиотеки Мраморного дворца (Длужневская 1999: 286–308; Длужневская 2003а: 407–437; Длужневская 2003б: 86–98), но в последние годы появились новые интересные данные об этих фотодокументах, о чем и предполагается рассказать в данной работе.

Обширная и весьма разнообразная коллекция более шестидесяти лет хранилась в библиотеке Мраморного дворца, в котором с 1919 по 1937 год размещалось научное учреждение – РАИМК–ГАИМК–ИИМК АН СССР. В фотоархив собраны фотодокументы, принадлежавшее великим князьям генерал-адмиралу Константину Николаевичу и его сыну, августейшему президенту Академии наук Константину Константиновичу, поступило в 1924–1932 гг. В формировании собрания принимали участие, хотя быть может и не специально, великие княгини Александра Иосифовна, супруга Константина Николаевича, и Елизавета Мавриковна, супруга Константина Константиновича. Почти 4800 фотографий датируются 1850-ми – 1920-ми годами. Они включены в сброшюрованные альбомы или это отдельные фотоснимки памятников архитектуры, живописи и скульптуры западноевропейских стран (Германия, Италия, Сербия и др.), Азии и Африки (Китай, Алжир, Египет); памятников архи-

тектуры русских городов (Москва, Петербург, Павловск, Троице-Сергиева Лавра и др.); железнодорожных и прочих мостов; ландшафтных и этнологических снимков Восточной и Западной Сибири; фото картин Эрмитажа и музеев Западной Европы.

Для работы с собранием потребовалось уточнить биографические данные «фондообразователей» – государственных деятелей, великих князей генерал-адмирала Константина Николаевича и августейшего президента Академии наук Константина Константиновича, владельцев Мраморного, Павловского и Стрельнинского дворцов. Это позволило понять, как формировалась коллекция, когда в библиотеку Мраморного дворца поступили те или иные альбомы, в ряде случаев установить или же уточнить датировку фотодокументов.

Константин Николаевич – великий князь, второй сын императора Николая I (Павловича), родился 9 сентября 1827 г., † 13 января 1892 г. Августейший отец с детства предназначил сына для службы во флоте: в четырехлетнем возрасте великий князь был назначен генерал-адмиралом флота и шефом гвардейского экипажа. Одновременно началось восхождение по лестнице морских чинов: мичман (1834), лейтенант (1843), капитан (1844), капитан 1 ранга (1846), контр-адмирал (1848), вице-адмирал (1853), адмирал (1855).

Первое плавание из Кронштадта в Данциг и обратно на бриге «Улисс» К. Н. совершил в 1835 г., затем были ежегодные морские походы на кораблях Балтийского флота под флагом контр-адмирала, затем вице-адмирала графа Ф. П. Литке (1835–1838, 1840–1843). В 1844 г. сам Константин Николаевич был назначен командиром брига «Улисс»; в 1847–1848 гг. он командовал фрегатом «Паллада». 30 августа 1848 г. К. Н. назначен в свиту Его Императорского Величества и шефом Морского кадетского корпуса, в 1849 г. – присутствовать в Государственном Совете и Адмиралтейств-Совете. В том же году состоялся сухопутный поход в Венгрию, где он принял участие в нескольких сражениях; в 1850 г. – плавание по Черному и Балтийскому морям. В этот же год он возглавил

¹ Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Научный архив.

Комитет для пересмотра и дополнения Общего свода Морских Уставов и стал членом Государственного Совета и Совета военно-учебных заведений. В 1854–1855 гг., в период Восточной (Крымской) войны К. Н. принимал участие в защите Кронштадта от нападения англо-французского флота. С 1855 года по званию генерал-адмирала он на правах министра управлял флотом и Морским Министерством, а в следующем году вошел в состав Кавказского комитета. В 1858–1859 гг. К. Н. совершил плавание в Марсель, Палермо, Мессину, Неаполь, Пирей, Палестину, Константинополь, Портсмут. В путешествие К. Н. пригласил «фотографа», в роли которого выступил служивший по морскому ведомству граф Гаврила Рюмин (Gabriel de Rumine). В 1844 г. он брал уроки фотографии у дагеротиписта Винсента Шевалье, ученика Дагера. По поручению Константина Николаевича Рюмин продолжил съемки с целью запечатлеть самые выдающиеся памятники архитектуры, виденные ими во время путешествия.

В январе 1860 г. К. Н. возглавил Адмиралтейств-Совет. В 1862 г. император Александр II назначил его Наместником в Царстве Польском, с подчинением на правах главнокомандующего, расположенных в Польше войск. Великий князь занимал эту должность до октября 1863 г. В январе 1865 г. он возглавил Государственный Совет.

В феврале 1880 г. по случаю 25-летия со дня вступления в управление флотом и морским ведомством Константин Николаевич получил высочайший рескрипт: «Был назначен незабвенным воспитателем Нашим на служение флоту, Ваше Императорское Высочество так сроднился с ним, что все Ваши представления к усовершенствованию отечественного флота отличались не одним исполнением долга службы, но и глубокою любовью к семье моряков, в которую Вы вступили в детское возрасте. В основе всей Вашей деятельности лежали три цели: возможно большее развитие плавания наших судов в дальних морях и океанах, как лучшей школы для образования личного состава команд; сокращение и упрощение, в пределах возможного, береговой администрации, и развитие технических заведений, что поставит Отечество наше в деле сооружения судов в независимое положение от иностранных верфей и заводов. Все эти задачи при Вашей деятельности, настойчивости и обширности Ваших технических познаний разрешены Вами...».

Через полтора года, 13 июля 1881 г. вел. кн. К. Н. уволен от управления флотом и Морским ведомством, от должности председателя Государственного Совета с оставлением в звании генерал-адмирала и генерал-адъютанта, а также во всех прочих должностях и званиях. Кроме того, он был всемогущественно пожалован портретами императоров Николая I и Александра II, украшенных алмазами, знаком отличия беспорочной службы за XL лет.

Помимо вышеупомянутых званий великий князь Константин Николаевич состоял: почетным членом Императорской Академии наук; Санкт-Петербургского, Дерптского и Казанского университетов; Одесского Общества истории и древности, Императорской

Медикохирургической академии, Лондонского Географического общества; председателем Императорского Русского географического общества, Русского археологического общества, Альтенбургского Общества естествоиспытателей, Русского Музыкального общества; почетным председателем Императорского Санкт-Петербургского яхт-клуба; почетным членом Английского и Нидерландского яхт-клубов; почетным гражданином города Перта, в Шотландии.

Период, в течение которого К. Н. руководил Российским флотом, ознаменован крупными прогрессивными преобразованиями: отечественный флот из деревянного парусного превратился в броненосный, паровой; на смену гладкоствольной артиллерии пришла нарезная, на вооружении появились торпеды и мины. Эскадры винтовых судов вышли в океан и начали осваивать недавно обретенные дальневосточные базы. Не менее существенными были и социальные перемены на флоте: отменены телесные наказания, возрос уровень образования нижних чинов, улучшены условия их быта, сократилась смертность личного состава.

Великий князь был не только крупным организатором отечественного флота, настоящим моряком, искренним патриотом своей Родины, но и видным политическим деятелем России, председателем Государственного Совета, ближайшим сподвижником императора Александра II по проведению всех либеральных реформ 1860-х годов. В 1861 г. он получил Золотую медаль «За труды по освобождению крестьян». В собственноручной описи материалов фотографа Н. Г. Матвеева напротив номера негатива с видом кабинета великого князя Константина Николаевича в Мраморном дворце отмечено — «здесь было подписано освобождение крестьян в 1861 г.». Скорее всего, эта помета была сделана со слов Константина Константиновича, пригласившего фотографа для съемок интерьеров Мраморного дворца в связи с приближавшимся празднованием 300-летия Дома Романовых (рис. 1).

К. Н. состоял в дружеской переписке с В. А. Жуковским, бывшим воспитателем старшего брата Александра (с 1855 г. — император Александр II).

Журнал «Морской сборник» в те времена стал одним из лучших журналов России. В нем активно сотрудничали крупнейшие русские ученые и литераторы: В. И. Даль, Э. Х. Ленц, Н. И. Пирогов, В. Я. Струве и др. По предложению генерал-адмирала И. А. Гончаров совершил кругосветное плавание на фрегате «Паллада», А. В. Григорович — на «Ретивзеве» отправился в плавание вокруг Европы. Уделяя особое внимание изучению населения России, занятию «мореходством, рыбным промыслом и судоходством на реках и озерах», Морское министерство организовало работу большой группы писателей в разных уголках России: А. Ф. Писемский поехал на Каспий, Н. А. Островский работал в верховьях Волги, Г. П. Данилевский — в Малороссии. Обращаясь к литераторам, великий князь писал: «Морское начальство, не желая стеснять талант, вполне представляет вам излагать ваши путешествия и результаты исследований в той

Рис. 1. Мраморный дворец. Кабинет Константина Николаевича. Фото Н. Г. Матвеева, 1900-е гг.

Fig. 1. The Marble Palace. Konstantin Nikolayevich's study-room. Photograph credit: N. G. Matveyev, 1900s.

форме и тех размерах, которые вам покажутся наиболее удобными» (Коршунов 1999: 31).

С 1848 г. Константин Николаевич был женат на великой княгине Александре Иосифовне, дочери герцога Саксен-Альтенбургского (Энциклопедический словарь, т. XVI, 1895: 74; Общий морской список, ч. IX, 1897: 1–21).

Константин Николаевич и Александра Иосифовна имели 4 сына и 2 дочери: Николай (1850–1918), Константин (1858–1915), Дмитрий (1860–1919), Вячеслав (1863–1879); Ольга (1851–1926), супруга короля Греции Георга I, «королева эллинов»; Вера (1854–1912), супруга Вильгельма Евгения, герцога Вюртембергского.

Константин Константинович – великий князь, второй сын великого князя Константина Николаевича и великой княгини Александры Иосифовны, родился 10 августа 1858 г., † 15 июня 1915 г. 19 августа 1858 г. высочайшим приказом был назначен шефом 15 Гренадерского Тифлисского имени Его Высочества полка, «состоять Л. Гв. в Измайловском полку, в Гвардейском Экипаже, Л. Гв. в Конном полку, Гвардейской

пешей артиллерии» и стал кавалером четырех орденов: Андрея Первозванного, Александра Невского, Белого Орла и Анны I ст.

26 сентября 1858 г. колокольным звоном и 301 выстрелом столичный Петербург возвестил о крещении великого князя Константина Константиновича, восприемниками которого были император Александр II и вдовствовавшая императрица Александра Федоровна. Младенцем, во время длительного путешествия родителей в 1858 г., он оставался на попечении няни В. П. Михайловой; затем до совершеннолетия находился под присмотром А. И. Зеленого, капитана I ранга, с января 1879 г. – вице-адмирала.

Домашнее обучение началось в пятилетнем возрасте под непосредственным наблюдением Августейших родителей, старавшихся передать сыну, достаточно рано проявившему творческие способности, те духовные богатства, которыми владели они сами. Курс составляли практическое чистописанье, русский язык, математика, география, Закон Божий; теорией музыки Константин занимался с Г. А. Ларошем, рисованием – с художником С. В. Никитиным. В числе преподавателей были историки К. Н. Бестужев-Рюмин, С. М. Соловьев, О. И. Шиховский, известный петербургский виолончелист И. И. Зейферт, пианист

Р. Кюндигер. Учебные занятия, посещение художественных выставок, театров, концертов, чтение были непререкаемыми и ежедневными. Учеба была целеустремленной и напряженной. Традиционно великие князья вели дневники: первые записи были сделаны Константином в 1874 г.

В 1874 году в семье К. Н. и Александры Иосифовны произошла драматическая история, в результате которой великий князь Николай, похитивший бриллианты из оклада иконы, подаренной Александре Иосифовне Николаем I, был объявлен душевнобольным, лишен прав первоурода (права первоуродства перешли к Константину) и сослан. Местами его ссылки были имение Елизаветино близ Петербурга, имение *Ореанда* в Крыму, Умань, село Тыврово Подольской губернии, Оренбург, Самара и, наконец, с лета 1881 г. – Ташкент, где он провел 37 лет.

Как в свое время Николай I предопределил Константину служить во флоте, так и генерал-адмирал Константин Николаевич назначил своему сыну Константину нести морскую службу. Начиная с одиннадцати лет, Константин практически ежегодно выходил летом в море: в Учебной эскадре Морского училища на фрегатах «Громобой» (1870 и 1871, Балтийское море) и «Пересвет» (1872, Финский залив), корветах «Гуляк» (1873) и «Жемчуг» (1874). Первое дальнее плавание было совершено им в 1875 г. на фрегате «Светлана» (Копенгаген, Плимут, Брест, Кадис, Гибралтар, Неаполь, Пирей, Венеция). В конце лета К. К. побывал в гостях у сестры Ольги, «королевы эллинов» (в Афинах и на о. Корфу). В Венеции К. К. списался с корабля и возвращался в Россию через Вену, Варшаву, Псков...

Морскую службу Константин старался соединять с интеллектуальными занятиями: в Копенгагене он посетил музей скульптора Б. Торвальдсена; собор в Севилье и музей испанского художника Б. Мурилы, произвели на юношу глубокое впечатление; в Алькаzare он впервые увидел бой быков; «дом Пилата» – «ужасно красивый, во вкусе мавров» (Кузьмина 1995: 15). В Неаполе из-за тумана «очень, неясно видели Везувий». 31 июля 1875 г. – Помпей, раскопки Геркуланума: «Рыли и при нас, я увлекся и принялся сам отряпать лопатой мелкие камни и песок и отгнать фреску, изображающую вазы и урны» (Кузьмина 1995: 16). В Ватикане – библиотека, Зал скульптур («Тут я увидел в действительности все, что знал так хорошо по рисованию... Я видел Аполлона Бельведерского, Лаокоона»); в Риме: термы Каракаллы, пантеон Агриппы, «из которого сделали церковь *S. Maria Rotonda*», катакомбы Св. Калиста. В Венеции: площадь св. Марка, королевский дворец с «множеством красивых комнат с великолепными плафонами». Особенно понравилась «Успение», «Положение во гроб» и «Введение во храм» Тициана, «Чудо Святого Марка» Тинторетто, «Вознесение Богородицы» Веронезе (Кузьмина 1995: 19–20).

По-видимому, именно из этого плавания Константин Константинович привез альбомы фотографий с видами Помпей (F 129, Q 132)², Афин (F 130, Q 212), а также альбомов с видами Копенгагена (F 92), Ватикана, Рима и других городов Италии (O. 49, O. 53, F 38, F 43 и др.).

По пути в Санкт-Петербург столичная Вена: «город с первого взгляда напоминающий Париж», знаменитые венский театр и консерватория (концерт произведений И. Штрауса). Наконец, Варшава, Псков и Санкт-Петербург...

1876–1877 гг. – весной 1876 г. по настоянию врачей великий князь Константин, задержавшись ненадолго в Париже, путешествует по Италии; лето проводит в Петербурге, Павловске, Стрельне. С 1876 г. основной летней резиденцией К. К. становится Павловский дворец, хотя он регулярно бывает и в Стрельнинском дворце, особо любимом Александрой Иосифовной. Кабинет Константина в Большом Павловском дворце находился на первом этаже, под Греческим залом, примыкая к одному из кабинетов Павла I, позже называвшемуся из-за украшавших его gobelенов «*яворовой*».

В сентябре 1876 г. Константин возвратился к морской службе: на пароходе «Цесаревна», затем на «Великом князе Константине» через Одессу, Буюк-Дере, Константинополь и оттуда на австрийском судне «*Аполлон*» он прибыл в Смирну. Плавание на фрегате «Светлана» длилось с 11 сентября 1876 по 23 июня 1877 г. Фрегат под командованием великого князя Алексея Александровича совершил большой зарубежный поход, во время которого моряки посетили Неаполь и остров Мальту; 1 января 1877 г. «Светлана» встала на рейде в Норфолке. В течение двух месяцев они находились в плавании у берегов Северной Америки. Великие князья Алексей Александрович и Константин Константинович побывали в Нью-Йорке и Вашингтоне, на обеде у Президента США, данном в их честь. 25 апреля 1877 г. на судах русской эскадры объявили о войне с Турцией. Через два месяца фрегат «Светлана» пришел в Кронштадт, и в начале июля весь экипаж был направлен на Дунай.

Константин Константинович обратился к отцу с просьбой отпустить его в действующую армию под началом Ф. В. Дубасова в составе экипажа фрегата «Светлана». Генерал-адмирал К. Н. ответил сыну телеграммой «... Храни тебя Господь. Посылаем тебе наше родительское благословение и молимся за тебя. Помни, какая кровь у тебя течет в жилах». Еще в 1797 г. императором Павлом I был введен законодательный акт о правах и обязанностях лиц, принадлежащих к императорской фамилии (Учреждения об императорской фамилии). Согласно этому закону принадлежность к царской фамилии следовало воспринимать как должность, и великие князья должны были служить царю и Отечеству.

В деле под турецкой крепостью Сидистрия в начале октября 1877 г. августейший мичман Константин отличился, сумев спустить брандер (специальное

² Здесь и далее F, Q, O, W и номера – шифры альбомов в Фотоархиве научного архива ИИМК РАН.

небольшое судно, нагруженное горящим материалом) и поджечь турецкий пароход, за что был награжден орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени. Донося об этом деле начальнику морских команд на Дунае, великому князю Александру Александровичу, Ф. В. Дубасов докладывал: «Оценивая поведение каждого из офицеров, большинство которых было в первый раз под неприятельским огнем, я считаю долгом прежде всего упомянуть о Его Императорском Высочестве Великом Князе Константине Константиновиче, хладнокровие и распорядительность которого, несомненно, гораздо выше его лет и опытности. Выполненное им поручение лучше всего, впрочем, говорит само за себя» (Сергиевский 1915: 12). Не исключено, что во время этого похода в собрании появился альбом с видами местностей по Дунаю – виды городов – дунайских портов – от германских до румынских, если плыть вниз по течению (Q 193, 16 отл., фото 1873 г.).

После падения Плевны по высочайшему повелению вместе с великим князем Сергеем Александровичем Константин сопровождал императора Александра II. Они вернулись в Петербург 10 декабря 1877 г.

1878 г. – летом с братом Дмитрием и кузенами Сергеем и Павлом Александровичами в сопровождении К. П. Победоносцева и членов императорской свиты молодые люди совершили на пароходе путешествие по Северо-Западу России: Ладожское и Онежское озера, Марининская система; Псков, Новгород, Волхов, Грузино, Шлиссельбург, остров Валаам, Петрозаводск. 26 ноября, достигнув совершеннолетнего возраста определенными законами для членов российского Императорского Дома, Константин принес воинскую присягу.

1879 г. – в мае генерал-адмирал К. Н. с детьми Ольгой и Константином отправился в Крым. Сопровождал августейшего родителя, К. К. принял участие в плавании вдоль восточного и северного берегов Черного моря на попозке (особого типа броненосце береговой обороны) «Вице-Адмирал Попов». Они посетили также Ялту, Севастополь, Батуми и другие порты. В Ореанде Константин Константинович написал свое первое стихотворение.

Генерал-адмиралу Константину Николаевичу был преподнесен альбом, включающий фотографии г. Николаева. Некогда он имел колониальную обложку вишневого цвета с тисненой надписью «Альбом г. Николаева посвящая Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Николаевичу» (Q 225). На снимках, выполненных фотографом Случановским, запечатлены виды Адмиралтейского собора; дворца, в котором останавливались высочайшие особы во время их пребывания в Николаеве, Спасского рейда, памятника адмиралу Грейгу, коммерческой пристани Поповой балки, обсерватории и гауптвахты. Нет только одного снимка имевшего аннотацию – «Приезд вел. кн. Константина Николаевича на Спасский рейд», тисненой в июне 1938 г.

1880 г. – В течение масляной недели в Петербурге состоялась выставка картин художника В. В. Верещагина, на которой в числе первых посетителей по-

бывал великий князь Константин Константинович. Выставка проходила на Фонтанке, в доме Безобразова. Константин Константинович, как известно, не принял живописи художника, но проявлял постоянный интерес к творчеству В. В. Верещагина. Еще дважды он был на выставках художника – в 1896 г. и посмертной – в 1904 г.

Довольно любопытна история с ныне хорошо известной картиной А. И. Куинджи «Ночь на Днепре». К. К. узнал об этом, еще не завершеном полотне от И. С. Тургенева, так ярко описавшего произведение, что великому князю «захотелось непременно самому сличить рассказ с оригиналом». 13 марта К. К. посетил мастерскую художника, которая находилась на Малом проспекте Васильевского острова, 16, кв. 4, «под самой крышей и, вероятно, обращена из фотографии». Куинджи, ранее не знакомый с Константином Константиновичем, смотрел на него с некоторым удивлением, тем более что, верно, не ожидал найти любителя искусства под морским мундиром». Потрясенный живописью, великий князь вскоре купил картину, и она отправилась с хозяином в кругосветное, почти двухлетнее плавание на полуброненосном фрегате «Герцог Эдинбургский». Фрегат посетил Гибралтар, Алжир, Италию, Грецию. На обратном пути из Архипелага фрегат зашел на Мальту, в Триест и Александрию. В Пирее фрегат часто посещала греческая королевская семья, Константин также гостил у «королевы эллинов» – своей родной сестры Ольги, с которой он был особенно близок.

1881 г. – летом кузены Константин Константинович, Сергей и Павел Александрович совершили паломничество в Иерусалим; в августе Константин посетил Афон (рис. 2).

Константин Константинович прибыл на Афон из Афин и с 15 по 18 августа успел посетить монастырь святого Пантелеимона, Старый Русси, Карею, Протат, Свято-Андреевский скит, Иверский монастырь, Свято-Ильинский скит, скит Ксилургу, Ватопед и Зограф. Программа поездки, по-видимому, была определена самим великим князем. 15 августа он был приглашен в фотографию монастыря святого Пантелеимона, где «благоволил сняться один и группой». Фотоснимок, на котором запечатлены великий князь, члены его свиты, игумен о. Архимандрит Макарий и духовник о. иеромонах Иероним, сохранился в Афонском архиве и недавно опубликован (Монастыри и Скиты Святой Горы Афон... 2003: 8). Изданные фотографии от уничтожения в 1930-е гг., скорее всего, были спасены заведующей фотоархивом Т. М. Девель. Тогда списывали все, что мало-мальски могло напомнить об императорской фамилии, а на обложке альбома наклеен лист с дарственной надписью «Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Константиновичу в память посещения Его Обители Великомученика Пантелеимона что на Афоне. 1881 г. Августа 18 д.» с трогательными цветочками по углам. Т. М. Девель заклеила посвящение листом серой бумаги и проставила номер альбома, и только лет двадцать назад мы узнали, кому был подарен этот уникальный альбом.

Рис. 2. Русский монастырь Св. великомученика и целителя Пантелеймона на Афоне. Фотография монахов русского Пантелеимоновского монастыря на св. Афонской горе, 1870 г. Дар К. К. 18 августа 1881 г.

Fig. 2. Russian monastery of the Great Martyr and Healer St. Panteleimon on the Athos. A photograph taken by monks of the Russian Panteleimon Monastery on the sacred Mount Athos, 1870. Presented to K. K. on August 18, 1881.

18 августа 1881 года великий князь Константин Константинович пишет в своем дневнике: «Афон. Обитель св[ятого] Великому[ченика] Пантелеймона. Прощался со старцем; он благословил меня и поклонился до земли. Мне припомнился земной поклон старца Зосимы (у Достоевского) перед будущим страданием Дмитрия Карамазова. И мне, быть может, предстоят великие страдания» [Кузьмина 1995: 45]. В скупой дневниковой записи не сказано, что именно в этот день афонские монахи преподнесли ему альбом фотографий с видами обителей на горе Афон (F 88).

1882 г. – в самом начале года в Египте великий князь тяжело заболел воспалением легких; пришлось списаться на берег и лечиться сначала на Сицилии, а потом у сестры в Афинах. Через Австрию и Германию он возвратился в Россию, но осенью врачи посоветовали снова отправиться в Италию. Путешествие совершалось вместе с отцом, к этому времени совершенно отошедшим от государственных дел. Здесь произошло объяснение и выяснилось, что отец не одобряет поэтических занятий сына. Это суждение К. Н. подтвердил фактом из своей биографии: в юности он

написал стихотворение, но августейший родитель Николай I, узнав об этом, сказал: «Mon fils – mort plus tôt que poète» («Пусть мой сын будет лучше мертвым, чем поэтом»). Во Флоренции великий князь знакомился с достопримечательностями этой сокровищницы мирового искусства (галерея Питти, палаццо Веккьо, собор Санта-Мария дель Фьоре, капелла Медичи, музей Сан-Марко). В Риме великие князья посетили торжественную вечерню в соборе Санта Мариа Маджоре, а также мастерскую художника Г. И. Семирадского.

В 1883 г. великий князь К. К. ездил в Альтенбург; столицу Саксен-Альтенбургского герцогства, и встретился с троюродной сестрой принцессой Елисаветой, ставшей 15 апреля 1884 г. его женой – великой княгиней Елизаветой Маврикиевной (рис. 3). Позже супруги бывали в Альтенбурге неоднократно и привозили в Петербург фотографии дворца родителей Елизаветы Маврикиевны, его интерьеров, видов города и др. (O. 57, 45 отп.; F 91, 36 отп.; Q 142, 10 отп.).

1885 г. – весну Константин провел за границей: Венеция, Афины, Мейнинген, Альтенбург и Дрезден. 1 июня он прибыл в Петербург, а спустя несколько

Рис. 3. Мраморный дворец. Мраморный зал во время работы Красного Креста в 1904–1905 гг. Крайняя слева – Елизавета Маврикиевна.

Fig. 3. The Marble Palace. The Marble Hall during the activities of the Red Cross in 1904–1905. The leftmost is Yelizaveta Mavrikievna.

дней – в Красное Село, где квартировал Измайловский полк.

1886 г. – издан первый сборник стихотворений великого князя Константина Константиновича, писавшего под инициалами «К. Р.». На обороте паспарту некоторых фотографий в фотоархиве красным карандашом крупно и, видимо, собственноручно проставлены эти инициалы.

1887 г. – в мае К. К. побывал в Оптиной пустыни. Фотограф Гольдберг из Калуги поднес ему альбом с видами города Козельска, Оптиной-Введенской Макарьевой пустыни и других мест Козельского уезда, датированный маем 1887 г. (Q 164).

Осенью он отправился на лечение за границу: Берлин, Альтенбург, Штутгарт, Барселона, Сарагосса, Леон, Мадрид, Гренада; на обратном пути был в Париже. В конце года ему присвоено звание почетного члена Императорской Академии наук.

1889 г. – в феврале принял звание почетного попечителя Высших женских педагогических курсов при Санкт-Петербургских женских гимназиях.

3 мая 1889 г. вышел Высочайший указ Правительствующему сенату: «Его Императорскому Высочеству Государю Великому Князю Константину Константиновичу Всемилостивейше повелеваем быть президентом Императорской Академии наук».

На этом посту великий князь Константин Константинович оставался в течение двадцати шести лет, был одиннадцатым и последним высочайше назначенным Президентом Академии наук.

В день десятилетия со дня назначения великого князя Президентом Академии, старейший член ее, академик Веселовский закончил приветственную речь, обращенную к великому князю, следующими словами: «Пробегая мыслью более, чем полуторавекую летопись нашей Академии, мы не найдем в ней ни одного периода ее существования, который можно было бы поставить на ряду с этим десятилетием по важности всего сделанного для открытия русской науки новых путей и для поднятия ее значения... Ваше Высочество возлюбили науку, а поэтому и преданных ей служителей; вот ключ к уразумению всего того, что совершилось в нашей среде в последние десять лет...» (Сергиевский 1915: 15–16).

Остановимся только на тех областях деятельности Президента АН, которые нашли отражение в его фотособрании. С именем Константина Константиновича связана организация и поддержка научных экспедиций. Только за первые десять лет его президентства состоялось 12 крупных экспедиций. В 1893 г. проведена экспедиция по градусному измерению на островах Шпицбергена. Более пятидесяти сним-

ков были, по-видимому, преподнесены Президенту и хранились в Мраморном дворце. В 1939 году их передали в Арктический музей.

В 1898 году академиком Н. П. Кондаковым была проведена экспедиция на Афон. Книга «Памятники христианского искусства на Афоне» издана в Петербурге в 1902 г. Труд посвящен «Его Императорскому Высочеству, Августейшему Президенту Императорской Академии Наук Великому Князю Константину Константиновичу». Издание составляет результат кратковременного, как пишет Н. П. Кондаков, осмотра восемнадцати монастырей и одного скита, главным образом, со стороны их ризниц, икон и вообще церковной утвари. «Научная важность этой археологической задачи объясняется положением византийских древностей и их отношением к древностям многих стран Европы, воспринявших искусство и культуру Византии» (Кондаков 1902: 1). В фотоархиве ИИМК РАН – 222 фотографии: общие виды монастырей, храмов, церковной утвари. Снимки были сделаны известным русским фотографом И. Ф. Барщевским. Исходя из интересов Н. П. Кондакова, требовались, скорее, интерьерная и предметная съемка – росписи, иконостасы, иконы, отдельно оклады образов, Евангелия, церковная утварь (кресты, священные сосуды). Иногда членов экспедиции не допускали в ризницы, а выносили вещи для показа. В Лаврской ризнице Н. П. Кондаков был в присутствии трех выборных старцев, и на это в летописях Лавры указаны как на единственный будто бы случай (Кондаков 1902: 15). Материалы Афонской экспедиции (Q 832–834) поступили в фотоархив в ноябре 1924 года и отнесены к фонду № 1: Императорская Археологическая комиссия.

В 1900 г. Президенту удалось добиться финансирования Македонской ученой историко-этнографической экспедиции. В ее состав были включены профессор славянских наречий П. А. Лавров, приват-доцент русской истории П. Н. Милоков, архитектор, преподаватель Академии Художеств П. П. Покрышкин и художник-фотограф Д. А. Крайнев с помощником. Задачами экспедиции, которую академик Н. П. Кондаков назвал «путешествием с научной целью», были изучение, описание и фотофиксация памятников византийской культуры. Результаты экспедиции отражены в книге Н. П. Кондакова «Македония. Археологическое путешествие» (Кондаков 1909) и огромном количестве фотоснимков (Q 262–269, 544 ед.). Снимки делали и Д. А. Крайнев, и П. П. Покрышкин, и П. Н. Милоков. Как и книга о поездке на Афон, «Македония» посвящена великому князю Константину Константиновичу, проявившему большой интерес к делам экспедиции. В июне-сентябре 1900 г. Кондаков четыре раза присылал письма-отчеты Августейшему Президенту (Соболев 1993: 53). В фотоархив ГАИМК материалы поступили в ноябре 1924 г. и отложились в фонде Императорской Археологической комиссии.

В тот же год состоялась поездка профессора Б. В. Станкевича в Закаспийский край и на Гамир для производства магнитных наблюдений. Сохра-

нили фотографии участников экспедиции, виды горных хребтов, ледников, рек и т. д. (Q 213).

Сам великий князь Константин в 1900 г., как Главный начальник военно-учебных заведений, посетил подведомственные заведения в Москве, Киеве, Варшаве, Одессе, Елизаветграде, Вильне, Пскове, Воронеже, Орле, Полоцке, Чугуеве.

Вероятно, К. К. побывал и в Полтаве, где до этого был в 1895 г. на церемонии открытия памятника воинам, павшим в 1709 г. Оба раза он получил в дар альбомы фотографий с видами города, памятников и храмов (Q 223, Q 196).

В России в 1900-е гг. насчитывалось 29 кадетских корпусов. Новое место службы К. К. в Санкт-Петербурге – «Главное управление военно-учебными заведениями» размещалось на Кадетской линии, 3–5.

Вскоре после назначения и с целью повышения престижа кадетских корпусов Константин Константинович зачислил своих сыновей: Олега – в Полоцкий, Игоря – в Петровский-Полтавский, Константин – в Нижегородский корпус. Извещая об этом директора Нижегородского корпуса генерал-майора А. Ю. Даме, он выразил надежду, что Константин с честью будет носить мундир Нижегородского кадетского корпуса и всегда будет достойным его. Несмотря на то, что Константин обучался в Петербурге, он считался «аракчеевцем», с 1907 г. занимал почетную должность знаменщика корпуса. В 1904 и 1908 г. он был в Нижнем Новгороде, жил вместе с кадетами, какое-то время учился вместе с ними, спал в общем dortуаре, участвовал в общих играх и развлечениях. Закончив обучение в корпусе в 1908 г., он и далее не порывал с ним связи (Гусев 2001: 38).

Главный Начальник великий князь К. К. постоянно инспектировал кадетские корпуса. Например, Нижегородский корпус он посетил в 1900 г., затем 15 марта 1901 г. (в связи с возвращением корпусу знамени), в июле 1902 г., в марте 1904 г. и в октябре 1906 г. Довольно случайно в фотоархиве обнаружены фотографии и сформирован альбом, посвященный Нижегородскому корпусу (O. 3497). На паспарту не было никаких помет, а оригинальные отпечатки были заклеены другими. Судя по всему, это было сделано в 1930-е гг. То ли с целью спасения старых фотографий, то ли из-за отсутствия паспарту для наклеек новых фото?

Назначение великого князя Главным Начальником военно-учебных заведений приветствовалось и обществом, и печатью, и вызвало искреннее удовлетворение. Н. Н. Сергиевский цитирует один из отзывов, появившихся в периодической печати: «Знакомство с заведениями доставляло ему (великому князю Константину Константиновичу – Г. Д.) большое удовольствие. Он сердечно любит детей, и их отзывчивость на его ласки, их доверчивость и откровенность приводили его в восторгание. Особенность производимых Великим Князем смотров военно-учебных заведений состоит в полном отсутствии рутинного, деланного формализма. Он не смотрел заведение, как это понимается с точки зрения производящих и обслуживающих смотр начальников, а посещал их и проводил в них

время с воспитанниками и всем составом служащих. Отъезжая из заведения, Его Высочество мог быть всегда уверен, что видел не одни казовые концы, а знал заведение во всех подробностях внутренней жизни. Во все разнообразные моменты жизни заведений обращение Его высочества дышало такой приветливостью, он был так доступен и прост и вместе с тем так участлив к делу и к людям, что дни его пребывания были в истинном смысле светлыми праздничными днями заведений. Тут не могло быть и помин о тревоге и суете; напротив, по выражению, которое было у всех на устах, это было «одно очарование» (Сергиевский 1915: 13). Деятельность великого князя на этом посту продолжалась в течение десяти лет.

1905 г. – состоялась инспекторская поездка в Оренбург, Перовск, Челкар, Ташкент. В Ташкенте великий князь был с 16 по 28 октября и, вероятно, встретился с братом Николаем, который преподнес ему два альбома фотографий: археологические находки Ташкентского музея (О. 47) и работы по орошению Голодной степи (Q 144; фото С. Лидского, 1896–1897 гг.), ведшиеся Николаем с 1881 г. на собственные средства, когда под псевдонимом Н. К. Искандер он поселился в Ташкенте, и, выращивая хлопок в «Имени Золотая Орда», положил начало массовому производству хлопка в Средней Азии (Иконников-Галицкий 2004: 24–25).

По-видимому, тогда же в библиотеке Мраморного дворца появился альбом снимков молитвенных домов Оренбургской епархии: виды домов, звонниц, священнослужителей, прихожан (О. 52).

1906 г. – в мае – инспекторский смотр в Варшаве по случаю первого выпуска кадетского корпуса; 12–14 октября – поездка в Нижегородский кадетский корпус.

В это посещение «Аракчеви» (так сокращенно называли Нижегородский гвардии Аракчевский кадетский корпус – Г. Д.) он выступил перед кадетами: «... Тяжелое время, которое переживает наша Родина, налагает на вас, носящих военный мундир, обязанность воспитывать и поддерживать в себе дух повиновения начальствующим лицам и работать с двойным, тройным усердием. Слава Богу, наши военно-учебные заведения остались чужды всяких забастовок, имевших место в других школах... Наша последняя война показала, что нам, чтобы быть на высоте своего призвания, надо многому еще учиться. И вот вы, будущие офицеры, должны особенно проникнуться твердым убеждением, что вам теперь необходимо учиться, учиться и учиться...» (Гусев 2001: 38).

В 1907 г. начали создавать музей корпуса, что особо приветствовалось великим князем. Музей был открыт 15 марта 1909 г. – в день 75-летнего юбилея учебного заведения. С целью расширения кругозора учащихся их знакомили с историей и культурой России, проводили длительные экскурсии. Большие группы кадетов во главе с директором побывали в 1909 г. в Полтаве и Киеве, в 1910 г. – в Златоусте, Челябинске, Кыштыме, Екатеринбурге, Перми, а в мае-июне 1912 г., к столетию Бородинского сражения – на Бородинском поле (Гусев 2001: 41). В библиотеке

Мраморного дворца сохранился альбом любительских фотографий, сделанных кадетами в 1900-е гг., во время их путешествия по Волге на пароходе «Ontario» от Ярославля до Саратова (Q 187). Альбом гравюр, выполненных А. Романовским в 1900 г., с видами Ярославля и Толгского монастыря близ Ярославля был подарен Константиному Константиновичу учениками Ярославской мужской гимназии (Q 170).

В 1909 г. – инспекторская поездка в Омск, Хабаровск, Владивосток, летом 1910 г. – поездка в Полоцк. С 11 декабря К. К. повелено присутствовать в Правительствующем Сенате.

Во время пребывания в Полоцке Константиному Константиновичу был вручен альбом «В память торжественного перенесения св. мощей преп. Ефросиньи из Киево-Печерской лавры в Полоцкий Спасо-Ефросиньевский женский монастырь» (Q 185, 28 отп. Фото Ник. Миронова, до 1910 г.): виды монастыря, храмов, их интерьеров, вокзала Риги-Орловской железной дороги, памятника 1812 г.

Подготовка к 200-летию юбилею М. В. Ломоносова началась заранее. Предполагалось создание исследовательского Ломоносовского института, стабилизировало положение академических лабораторий, расширилась деятельность обсерваторий. На основе первого российского музея – Кунсткамеры – были созданы Зоологический, Биологический Минералогический и Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кузьмина 2004: 21). Полностью осуществить данный проект не удалось, но в библиотеке Мраморного дворца отложились ряд снимков фотографа Лейцингера из Архангельска: общий вид училища им. М. В. Ломоносова в Архангельске, групповой снимок учителей, попечителей, представителей местных властей и учащихся на фоне нового здания училища и, наконец, старое здание училища, построенное на месте дома отца М. В. Ломоносова (Q 272). Снимки сделаны в апреле-мае 1911 г. В том же альбоме находятся фотографии видов территории и здания обсерватории при Императорском университете в Новороссийске, зала с приборами и физического кабинета (фото В. Czechowsky, Odessa), а 12 отпечатков фотографий Пулковской обсерватории в 1939 г. были переданы в Пулковскую обсерваторию. Правда, неизвестно сохранились ли они в настоящее время.

Великий князь К. К. в 1911 г. совершил поездку в Турцию, затем на лечение в Вильдунген. В конце 1912 г. по пути в Египет он остановился в Венеции и Неаполе. В Египте он был в Александрии и Каире. Семь недель провел в Хелуане среди Ливийской пустыни, в Нижнем Египте, затем переехал в Ассуан, в Верхний Египет и, наверное, привез с собой несколько фотографий египетских храмов (Q 486).

18 февраля 1913 г. в Салониках был убит король Греции Георг I, и Константин срочно выехал к Ольге, «в Афины, погруженные в глубокий траур».

23 марта 1914 г. Константин Константинович посетил Русский археологический институт в Константинополе. Из «Отчета о деятельности Археологического института в Константинополе в 1914 г.:

выслушав доклад директора института Ф. И. Успенского и учитывая изменения политической карты Балканского полуострова, Августейший Президент Императорской Академии наук обратил внимание на особую важность изучения археологии христианских памятников, издавая вошедших в Сербскую державу. Ввиду того, что эти памятники (монастыри и церкви XIII–XIV вв.) имеют далеко еще не выясненную связь, как с византийским искусством, так и с русскими памятниками XIV–XV вв. и нуждаются в тщательном изучении и издании. Августейший Президент предложил директору института представить по этому предмету записку. Составленная Ф. И. Успенским «Записка о необходимости финансирования научных экспедиций Русского археологического института в Константинополе», уже 11 апреля была подана Президентом АН императору Николаю II (Басаргина 1999: 214–215).

Летом он был на лечении в Наугейме, а Елизавета Мавриковна с младшими детьми в Бад-Либенштейне, у своей матери. В связи с началом войны, они незамедлительно возвратились в Россию: до Вержбола ехали на автомобилях, затем до Ковно, где стоял поезд императрицы Марии Федоровны – на поезде, составленном из паровоза и одного вагона (Кузьмина 1995: 182–183). Великокняжеская чета проводила на войну всех своих взрослых сыновей – Иоанна, Гавриила, Игоря, Олега, Константина. Олег, получив тяжелое ранение, скончался 29 сентября и был похоронен в Осташеве.

29 ноября 1914 г. состоялось Общее собрание АН, на котором был обсужден доклад А. А. Шахматова об охране памятников, «находящихся в районе военных действий», и принято решение командировать уполномоченных Академии наук на оба фронта: Западный и Кавказский. Президент принял срочные меры по изысканию денежных средств на эти мероприятия. На Западный фронт с целью эвакуации наиболее ценных памятников из Львова был отправлен профессор Дерптского университета Е. Ф. Шмурло. С аналогичной миссией на Кавказский фронт был командирован академик Ф. И. Успенский. Летом 1916 г. на Кавказский фронт была командирована еще одна группа ученых, в которую вошли академик Н. Я. Марр и старший хранитель Кавказского музея С. В. Тер-Аветисян [Соболев 1993: 58–59]. С. В. Тер-Аветисян проехал по азиатской Турции сотни километров, зафиксировал историко-культурные памятники разных городов (цитадели, храмы, караван-сарай и т. д.). Этот ценнейший материал отложился в фотоархиве в фонде Н. Я. Марра, но своим происхождением он обязан Августейшему Президенту.

Великий князь Константин Константинович, августейший поэт, августейший президент Академии наук скончался 2-го (15-го по новому стилю) июня 1915 года в Павловске.

Великий князь Константин Константинович всю жизнь был военным; служил в флоте, с 1884 г. до конца своих дней – в армии: в чине полковника командовал Лейб-гвардии Преображенским полком, генерал-майор в свите императора (1894); Главный

начальник военно-учебных заведений «с отчислением от должности командира Л. Гв. Преображенского полка с оставлением в свите, в списках полка и прочих должностях и званиях» (1900), генерал-лейтенант (1901), генерал-адъютант (1902), генерал от инфантерии (1907), генерал-инспектор Военно-учебных заведений (1910). Всемилостивейше пожалован знаком отличия за беспорочную службу за 40 лет службы в офицерском чине (21 января 1915 г.).

Помимо вышеупомянутых званий великий князь Константин Константинович состоял членом различных обществ, был их покровителем и/или почетным членом (перечислим только основные): действительный член Императорского Общества поощрения художников, действительный член (1880), вице-председатель, (1897) Императорского Русского музыкального общества; председатель Русского археологического общества, Комиссии (при АН) по градусному измерению на островах Шпицбергена, межведомственной комиссии для выработки мер к постройке новых зданий АН; почетный член Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, Минералогического, Географического общества, Общества любителей российской словесности при Московском университете, Русского исторического общества, Русского астрономического общества, почетный член Московских археологического общества и Археологического института, Императорского Одесского общества истории и древностей, Орловского историко-археологического общества, Парижского общества истории и дипломатии; почетный член Русского Археологического института в Константинополе; почетный член состоявшего под его покровительством Уральского Общества любителей естествознания; почетный член Владимирской, Витебской и Тульской ученых архивных комиссий, покровитель Рязанской и Саратовской ученых архивных комиссий; почетный член Императорского Санкт-Петербургского, Казанского и Московского университетов, университета святого Владимира в Киеве, Академии художеств; почетный попечитель Педагогических курсов при Санкт-Петербургских женских гимназиях; почетный член Попечительного комитета курсов учебно-воспитательных занятий по сельскому хозяйству и природоведению в Мраморном дворце, Общества вспомоществования учащихся в Женском Педагогическом институте, Православного Палестинского общества, Российского общества Красного Креста, церковного братства во имя Святытеля Николая и преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой, почетный член Комитета по устройству Музея изящных искусств имени Императора Александра III, Московского публичного и Румянцевского музеев; с Высочайшего соизволения в 1911 г. великому князю было присвоено звание почетного гражданина г. Белграда. Любопытно, что некоторые должности и участие в обществах перешли к Константину Константиновичу как бы «по наследству» от отца.

Первый сборник стихотворений августейшего поэта Константина Константиновича, писавшего под инициалами «К. Р.», был издан в 1886 г., но в продажу

поступило лишь второе издание (СПб., 1889—78 стихотворений 1879—1885 гг.), одновременно с «Новыми стихотворениями К. Р., 1886—1888» (СПб., 1889—54 произведения).

С 15 апреля 1884 г. он был женат на великой княгине Елизавете Маврикиевне, принцессе Саксен-Альтенбургской (1865—1927). От брака родились: Их Высочества, князья императорской крови Иоани (1886—1918), Гавриил (1887—1955), Константин (1890—1918), Олег (1892—1914), Игорь (1894—1918) и княжна Татьяна (1890—1970), Георгий (1903—1938), Наталья (род. и умерла в 1905 г.) и Вера (1906—2001) [Энциклопедический словарь, т. XVI, 1895: 73—74; Соболев 1993; Кузьмина 1995; Павлова, Матвеев 1996; Герасимов 1997; Лурье 1998].

Весьма подробный перечень путешествий и поездок Константина Константиновича, как и упоминания о дворцах семьи и участии в различных обществах, был необходим, как сказано выше, для анализа фотографического собрания библиотеки Мраморного дворца: коллекции великих князей Константина Николаевича и Константина Константиновича.

Вероятно, до середины 1870-х гг. фотографии собирались генерал-адмиралом Константином Николаевичем; начиная с 1874 г., они могли быть приобретены, получены в дар и генерал-адмиралом, и Константином Константиновичем. Оба любили искусство фотографии и высоко ценили его.

В одном из альбомов видов Гмундена (О. 51) на титульной странице имеются латинские буквы «А Ы». Вероятно альбом был подарен Александре Иосифовне, также как и другой, включающий 12 фотографий Александровской общины в Петербурге (Q 206), поскольку Александровская община Красного Креста состояла под покровительством великой княгини (Кузьмина 1995: 63), а попечительницей была императрица Мария Федоровна. Общину открыли 13 апреля 1882 г., тогда как церковь во имя святого Александра Невского освятили только в 1886 г. (арх. Павловского городского правления Д. Д. Зайцев). Не позднее 1886 г. должны быть датированы и снимки альбома: общие виды зданий общины и хирургической больницы, виды интерьеров столовой, приемной, амбулатории, аптеки, палат, операционной и церкви [Длужневская 2003в]. Специально для Александры Иосифовны фотограф-любитель Н. Бывайлов делает альбом фотоснимков «Мраморный дворец ее императорского высочества великой княгини Александры Иосифовны». В 1892 г. умер Константин Николаевич, и дворец перешел во владение Александры Иосифовны, что и зафиксировано надписью на альбоме с видами дворцовых интерьеров (Q 153).

Через два года, в 1894 г. в библиотеке Мраморного дворца появился альбом снимков комнат великой княгини Екатерины Михайловны, последней владелицы Михайловского дворца, где вскоре был устроен Императорский Русский музей имени Императора Александра III. Известный фотограф В. Класен работал во дворце сразу же после кончины Екатерины Михайловны: в спальне на постели лежит большой венок из живых цветов.

На альбоме Q 279, включающем 200 фототипий со снимков, сделанных на Всероссийской художественно-промышленной выставке в Нижнем Новгороде в 1896 году, имеется серебряный пензель «ЕМ», то есть этот экземпляр альбома сделан специально для Елизаветы Маврикиевны. Он включает 100 видов огромного «ярмарочного города» на Стрелке Нижнего Новгорода: общие виды, виды улиц, отдельные павильоны, специально построенной на выставке железной дороги и др., а также 100 видов интерьеров многочисленных отделов и павильонов. Второй альбом (Q 197), представлявший «Отдел кустарей» на этой выставке, передан в 1977 г. в Музей этнографии (кустарные производства Нижегородской губ.).

Определение великому князю Константину Николаевичу, помимо упомянутых выше, были подарены сохранившиеся в коллекции фотографические виды Петербурга — Цепной мост через Фонтанку (1853 г., фото И. Бианки), храмы, театры, Нарвские триумфальные ворота (1856—1857 гг., фото Е. Юарда), серия крупноформатных отпечатков императорских и великокняжеских дворцов Петербурга, явно сделанных по заказу кого-то из императорской фамилии (1870-е гг.). 25 ноября 1873 г. датированы две фотографии открытия памятника Екатерине II на площади перед Александринским театром (W 3).

В 1860-е гг. братья Биссон делают двухкадровую панораму Парижа — вид на остров Сите с крыши Лувра, и, вероятно, они же фотографируют здания Лувра, площадь Согласия и др. (W 5). Эти великолепного качества отпечатки размером примерно 50 × 70 см также оказываются в Мраморном дворце.

Вероятно осенью 1861 г. в библиотеке Мраморного дворца появляется тринадцатикадровая панорама Санкт-Петербурга, сделанная с башни Адмиралтейства [Санкт-Петербург. 1861 год. 1993]. Известный фотограф, предположительно морской офицер, поднялся на башню Адмиралтейства и сделал круговую панораму города. В фотоархиве — оригиналы фотографий без негативов, которые по технологическим причинам еще не могли сохраняться. Единственный (?) экземпляр панорамы был преподнесен генерал-адмиралу и, возможно, украшал стены одного из его дворцов. Тщательный просмотр более 700 фотографий интерьеров Мраморного, Стрельнинского и Павловского дворцов не позволил установить, где именно она висела для обозрения. Вряд ли это удастся когда-нибудь узнать, также как и имя ее автора.

28 фотоснимков, сделанных артиллерии подпоручиком А. С. Муренко в 1858 г., во время посольства полковника Н. П. Игнатьева (Девель 1994: 259—271), были помещены в папку с тисненой золотом надписью «От Оренбурга через Хиву до Бухары. Светопись артиллерии подпоручика Муренко» (Q 211). По окончании экспедиции альбом был преподнесен генерал-адмиралу Константину Николаевичу. Отмечу, что эти фотографии в полном смысле слова являются «светописью»: снимался прозрачный контур изображения, который затем ретушировался, или, точнее, «прорисовывался». Наряду со «светописными» изображени-

ями имеются и полноценные фотографии в технике сепии (коричневые).

Миссия была отправлена правительством императора Александра II из-за опасности создания против России коалиции среднеазиатских государств. С моря ее сопровождали суда Аральской флотилии под командованием капитана 1-го ранга А. И. Бутакова. Значительный отряд (более 250 человек) выступил в Хиву и Бухару в мае 1858 г. Задачи миссии заключались в изучении водных и сухопутных коммуникаций, прежде всего р. Амударьи как основной транспортной артерии региона, и установлении торговых сношений с Хивой и Бухарой.

Н. П. Игнатьев писал великому князю Константину Николаевичу 23 июня 1858 г. с бивака у Айбургского залива Аральского моря: «... 15 мая вверенная мне миссия выступила из Оренбурга и прибыла 1 июня на р. Эмбу, 6-го на р. Чеган, к подножью Уст-Юрта, и поднялся 8-го на эту плоскую возвышенность. Пройдя пески Кызыл-Чекан и окранию Барсуков, прибыли мы, наконец, 12-го к Чернышевскому заливу. В продолжение всего этого месячного странствия только собрание сведений о Киргизской степи, о положении туркмен и о настоящем состоянии Хивинского ханства ... служили развлечением степной нашей жизни. Завидев в море пароход «Перовский» 14 июня утром, употребил я все возможные меры, чтобы обратить на себя внимание, но местность западного берега Аральского моря такого свойства, что в течение 4-х дней усилия наши и моряков были тщетны. Бутаков ... застал нас на рассвете 18 июня у урочища Касарма... Нагрузил на пароход часть вещей подарочных, я до предложению начальника флотилии сел на пароход, отправив миссию по берегу. Таким образом проплыл я верст 30 вдоль берега и соединился к каравану на ночь.

Собранные дорогой сведения о Хивинском ханстве заставили меня изменить путь следования миссии и идти не на Куна-Ургенч, а на Кунград. Этот путь ... выгоднее первого в настоящее время в политическом отношении, вследствие войны хивинцев с туркменами, дает мне возможность непосредственно содействовать плаванию и изучению р. Аму — главной цели экспедиции, а в научном отношении по своей новизне представляет несравненно больше интереса, нежели вполне уже изученный путь на Куна-Ургенч» (РГАВМФ: ф. 410, оп. 2, л. 1528: л. 6–11).

А. И. Бутакову была поставлена задача войти в Амударью и подойти к г. Кунграду. Только 29 июня пароход «Перовский» под командой капитана 1-го ранга Бутакова и баржа лейтенанта Ковалевского вышли в Амударью. А. И. Калинин, автор статьи «О некоторых аспектах среднеазиатской политики России в 40–80-х годах XIX в.» подчеркивает, что на рапорте А. И. Бутакова о действиях Аральской флотилии в 1858 г. рукой императора Александра II сделана карандашная помета: «Слава Богу, что удалось ему войти» (Калинин 2000: 51).

Хивинский хан не пустил суда вверх по р. Амударье выше г. Кунграда и впредь не разрешил свободное плавание русских судов по Амударье, также как

отказался заключить торговый договор с Россией. В Хиве миссии Игнатьева удалось добиться только освобождения русских пленников.

В шифрованной записке от 16 октября, направленной из Бухары директору Азиатского департамента МИД Е. П. Ковалевскому, глава миссии Н. П. Игнатьев сообщал: «Все переговоры пришли к успешному окончанию. Эмир вернул всех пленных русских и даже их детей и семейства. Я возвратил эмиру тех, которые обратились в магометанство, не помня своего происхождения, обремененных большим семейством и не изъявив желаний возвратиться в Россию. Беру с собой 11 человек пленников, в том числе 8, служивших в ханской пехоте» (РГАВМФ: ф. 410, оп. 2, л. 1528: 221–223).

Из Хивы миссия выступила в Бухару, где был заключен выгодный для России торговый договор. Из Бухары через Кызыл-Кумы миссия проследовала в форг № 1 на р. Сырдарье. Поход был завершен в ноябре 1858 г.

В данной миссии принимал участие ориенталист П. И. Лерх (1828–1884). Вместо заболевшего и отправленного из Хивы в Петербург астронома О. В. Струве, с августа астрономические наблюдения и глазмерную съемку выполнял лейтенант А. Ф. Можайский, а артиллерии подпоручик А. С. Муренко занимался фотографической съемкой.

В альбом F 85 помещены крупноформатные фотографии видов разрушенного Севастополя и отдельных зданий города после Крымской войны 1853–1856 гг. Великолепного качества фотографии не имеют указаний на автора съемки. Известно, что в 1855 г. англичанин Роджер Фентон сделал со специально оснащенного портативной фотолабораторией фургона документальные фотографии Крымской войны. Кроме него события войны отображали англичанин Робертсон, французы Лангуа, Мездин, Диран-Браже и Лассимон, румын Сатмари, но кто из них делал эти снимки? Возможно именно Д. Робертсон, поскольку специально отмечено, что он снимал панорамы Севастополя (Бажак 2003: 77).

Замечательные снимки сделаны фотографами Кавказского Военнофотографического Отдела (F 37, 39 отп. и 5 карт) в 1860-е гг. — виды мостов и ущелий в Дагестане, Ахалцихской крепости, шестикадровый панорамный вид аула Гуниб и др. Этнографические типы: тушинцы, пшавцы, джарские татарки, тушинские и хевсурские женщины, персияне. Карты: топографическая Азиатской Турции; административного деления Кавказского края в 1868 г., изд. картограф. отд. РГО; Кавказских гор с южной стороны Главного хребта и с восточной стороны по меридиану западного берега Каспийского моря; план г. Тифлиса с окрестностями, 1867 г. В 1938 г. снят снимок «Шах персидск. Наср-Эд-Дин (снят в Тегеране в 1863 г.)». Ощущается «военная» направленность фотографий, являющихся, по сути, ценнейшими историко-культурными документами.

Виды Константинополя (Q 209, 18 отп.) исполнены в 1870-х гг. Складывается впечатление, что снимки делались специально «для русских»: помимо

Рис. 4. Исаакьевский собор зимой. Фотография Буассона и Эггер, до/или 1909 г.

Fig. 4. The Isaac Cathedral in winter. Photograph credit: Boisson and Egger, 1909 or slightly before.

видов Босфора, крепости Румелихисары и дворца Долма-Бахче на его берегах сфотографированы европейская часть города со зданием русского посольства, посольская дача в Буюк-Дере, русская Николаевская больница и церковь возле нее. На одном из снимков красной краской написано имя фотографа «G. Berggren». Альбом вполне мог быть преподнесен Константину Константиновичу в 1876 г. во время его плавания на «Великом князе Константине».

В 1879 г. в Петербурге издан фотоальбом-папка «Типы и виды Западной Сибири» с фотографиями Л. К. Полторацкой, сопровождавшей Семипалатинского генерал-губернатора В. А. Полторацкого в его поездке в Западную Сибирь и на Алтай в 1876 г. (Q 171). Снимки представляли виды горы Белухи, Берельского ледника и рек Берели, Катунь и Бухтармы, пограничных казачьих постов, Аблайкет-палат (развалин буддийского монастыря и ханской резиденции в XVII в.), Рахмановского озера с теплыми ключами, вид русской части г. Семипалатинска, главной мечети города. Типы местного населения, этнографические сюжеты; раскрашенные фотографии невесты и семьи султана; типы сибирских казаков, урянзаев (тувинцев). За этот альбом автор получила серебря-

ную медаль РГО. Альбом с сопровождающими его аннотациями, изданными отдельной брошюрой, определенно был поднесен Константину Николаевичу, как председателю Императорского Русского географического общества.

В «Крымский альбом» (F 77) помещены фотографии видов дворца, церкви, парка и побережья в Ореанде; виды Байдар, фонтанов в Гурзуфе, старого дворца в Ливадии; в Алушке – Воронцовский дворец и виды парка; общий вид Бахчисарая и Бахчисарайский дворец; Балаклава, Инкерман (пещеры и церковь над скалой), мечеть в Евпатории, виды Ялты. Списаны: вид корабля в доке и групповой снимок, по-видимому, имевший отношение к великокняжеской семье. Всего 58 крупноформатных снимков, предположительно 1880-х гг.

Во втором альбоме по Крыму (Q 141, 29 отп.) собраны фотографии, представляющие процесс постройки церкви Покрова Пресвятой Богородицы (проект академика архитектуры Авдеева) в имении К. Н. в Ореанде. Снимки отражают главные моменты этого события и датированы 2 мая – 7 сентября 1885 г. Храм был построен в течение одного лета и освящен 1 октября. Ряд фотографий сделан фотографом Орловым

Рис. 5. Мраморный дворец. Кабинет Константина Константиновича. Фото 1910-х гг.

Fig. 5. The Marble Palace. Konstantin Konstantinovich's study-room. Photo of the 1910s.

из Ялты сразу же по завершении работ в 1885 г. Фотограф Отто Ренар из Ялты посетил Ореанду через два года. Надписи под фотографиями сделаны собственноручно Константином Николаевичем.

Отмечу еще один альбом F 75a: виды Петербурга. Подношение фотографов Boisson и Eggler по случаю серебряной свадьбы Константина Константиновича и Елизаветы Маврикиевны (15 апреля 1909 г.). Эти высокохудожественные снимки были сделаны до 1909 г., только зимние виды Исаакиевского собора могли быть выполнены в юбилейном для великокняжеской четы году (рис. 4). Летние снимки предыдущих лет: вид на Биржу, памятник Петру I, Адмиралтейская набережная, Нева, Фонтанка, Нева за Николаевским мостом и др. (рис. 5).

Началом нашего столетия датируются снимки альбома (Q 278), представляющего виды Стрельнинского дворца (рис. 6), по большей части интерьеры,

но имеются и виды террас, и виды построек в парке. Любопытно отметить, что в это время интерьеры украшались не только живописными полотнами, но и фотографиями (рис. 7). К сожалению, фотографии были недостаточно использованы при реставрации дворца к 300-летию юбилею Петербурга и превращении его в Дворец Конгрессов.

На настоящий момент фонд включает 260 негативов и 4531 отпечаток, поступавших в фотоархив ГАИМК в 1924–1925 и 1927–1932 гг. Сколько же снимков в действительности хранилось в библиотеке Мраморного дворца доподлинно установить, по-видимому, не удастся. Работа по научной атрибуции фотографий из Мраморного дворца продолжается. Помощь в этом оказывают и сотрудники различных организаций, и посетители архива, понимающие значимость данных материалов в сохранении историко-культурного наследия России.

Рис. 6. Константиновский дворец в Стрельне. Вид южного фасада. Фото 1900-х гг.

Fig. 6. The Konstantinovskiy Palace in Strel'na. View of the southern façade. Photo of the 1900s.

Рис. 7. Константиновский дворец в Стрельне. Интерьер одной из комнат. На топигтре портрет К. Н. Фото 1900-х гг.

Fig. 7. The Konstantinovsky Palace in Strelina. The interior of a room. On the reading-desk a portrait of K. N. is seen. Photo of the 1900s.

- Археологическая хроника 1916 – Археологическая хроника // Известия ИАК. Приб. к вып. 63-му. Пгр., 1916.
- Бажак 2003 – *Бажак К.* История фотографии. Возникновение и эволюция. М., 2003.
- Великий князь Гавриил Константинович 1993 – *Великий князь Гавриил Константинович.* В Мраморном дворце. СПб., 1993.
- Герасимов 1997 – *Герасимов В. Б.* Большой дворец в Стрельне – без четверти три столетия. СПб., 1997.
- Гусев 2001 – *Гусев М. Ю.* Из истории Нижегородского графа Арачевцева кадетского корпуса // *Новый Часовой.* Русский военно-исторический журнал. № 11–12. СПб., 2001. С. 36–43.
- Девель 1994 – *Девель Т. М.* Альбом фотографий миссии полковника Н. П. Игнатъева в Хиву и Бухару 1858 года // *Страны и народы Востока* (география, этнография, история, культура). Вып. XXVIII. СПб., 1994. С. 259–271.
- Длужневская 1995 – *Длужневская Г. В.* Из истории формирования фонда фотоархива Института истории материальной культуры РАН // *АВ.* № 3. СПб., 1995. С. 298–302.
- Длужневская 1998 – *Длужневская Г. В.* Фотографии из Собственной библиотеки Императора Николая II в собрании фотоархива ИИМК РАН // *АВ.* № 5. СПб., 1998. С. 382–384.
- Длужневская 1999 – *Длужневская Г. В.* Фотографии из Мраморного дворца: собрание великих князей генерал-адмирала Константина Николаевича и августейшего президента Константина Константиновича // *Петербургская Академия наук в истории Академии мира. К 275-летию Академии наук.* Материалы Международной конференции. Том II. СПб., 1999. С. 286–308.
- Длужневская 2003а – *Длужневская Г. В.* Собрание фотодокументов великих князей Константина Николаевича и Константина Константиновича // *Проблемы истории России.* Выпуск пятый. На перекрестках эпох и традиций. Сборник научных трудов. Екатеринбург, 2003. С. 407–437.
- Длужневская 2003б – *Длужневская Г. В.* Фонд 45. Библиотека Мраморного дворца. Материалы фотоархива Института истории материальной культуры РАН // *Восточный архив.* № 10. 2003. С. 86–98.
- Длужневская 2003в – *Длужневская Г. В.* Утраченные храмы Петербурга. СПб., 2003.
- Иконников-Галицкий 2004 – *Иконников-Галицкий А. А.* Без права на имя // *Всемирный Следопыт.* № 8, 2004. С. 6–25.
- Калинин 1999 – *Калинин А. И.* Российские моряки в Средней Азии в XIX веке // *Российскому государственному архиву военно-морского флота 275 лет.* Исторические чтения. Тезисы докладов. Дом Ученых. 26–27 января 1999 г. СПб., 1999. С. 7–8.
- Калинин 2000 – *Калинин А. И.* О некоторых аспектах среднеазиатской политики России в 40–80-х годах XIX века // *Восточный Архив.* № 4–5. 2000. С. 49–54.
- Каталог 1912 – *Каталог фотографических снимков с предметов старины, архитектуры, утвари и прочего, снятые фотографом Императорской академии художеств, Императорского московского археологического общества И. Ф. Баршевским.* Москва, 1912 г.
- Кондаков 1902 – *Кондаков Н. П.* Памятники христианского искусства на Афоне. СПб., 1902.
- Кондаков 1909 – *Кондаков Н. П.* Македония. Археологическое путешествие. СПб., 1909.
- Коршунов 1999 – *Коршунов Ю. Л.* Августейшие моряки. СПб., 1999. С. 25–39, 55–65.
- К. Р. 1915 – *К. Р.* Избранные лирические стихотворения. С биографией и портретом Августейшего Автора. Издание 3-ье. Издание Н. Н. Сергиевского (с соизволения Автора). Петроград, 1915.
- Кузьмина 1995 – *Кузьмина Л. И.* Августейший поэт К. Р. Стихи разных лет. Личность. Творчество. СПб., 1995.
- Кузьмина 2004 – *Кузьмина Л. И.* Августейший поэт КР СПб., 2004.
- Лазаревская 1999 – *Лазаревская Н. А.* Художественные коллекции двора Шуваловых на Фонтанке, 21. К постановке проблемы изучения (по материалам фотоархива ИИМК РАН) // *Петербургские чтения.* 98, 99. СПб., 1999. С. 83–88.
- Лобашкова 2000 – *Лобашкова Т. А.* Из истории формирования личного фонда великого князя Константина Константиновича // *Отечественные архивы.* № 3. 2000. С. 18–26.
- Лукашевский 1992 – *Лукашевский Е.* Поэтическая муза великого князя // *СПб. панорама.* № 2, 1992.
- Лурье 1998 – *Лурье Ф. М.* Российская и мировая история в таблицах. СПб., 1998.
- Моисеева 1998 – *Моисеева Н. Д.* История дома Романовых в XIX веке (по фондам фотоархива ИИМК РАН) // *АВ.* № 5. СПб., 1998. С. 385–390.
- Монастыри и Скиты Святой Горы Афон 2003 – *Монастыри и Скиты Святой Горы Афон в 2003 году* // *Материалы фотоархива великого князя Константина Константиновича Романова.* (Автор-составитель Вздорнов Г. И.). М., 2003.
- Морозов 1986 – *Морозов С.* Творческая фотография. М., 1986.
- Общий морской список 1897 – *Общий морской список, ч. IX.* Царствование Николая I. СПб., 1897. С. 1–21.
- Павлова, Матвеев 1996 – *Павлова С. В., Матвеев Б. М.* Мраморный дворец. СПб., 1996.
- Санкт-Петербург. 1861 год. 1993 – *Санкт-Петербург. 1861 год // Комментарий Г. В. Длужневской.* СПб., 1993.
- Соболев 1993 – *Соболев В. С.* Августейший президент. Великий князь Константин Константинович во главе Императорской Академии наук. 1889–1915 годы. СПб., 1993.
- Энциклопедический словарь 1895 – *Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона, т. XVI.* СПб., 1895. С. 73–74.

Архивные материалы

- РГАВМФ. Ф. 417, оп. 1, л. 4303. Л. 166–167 об.
- РГАВМФ. Ф. 410, оп. 2, л. 1528. Л. 6–11, 221–223.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АРХИТЕКТОРА К. К. РОМАНОВА В ОБЛАСТИ ИЗУЧЕНИЯ И ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ МОНУМЕНТАЛЬНОГО ЗОДЧЕСТВА ПО ДОКУМЕНТАМ ИЗ СОБРАНИЯ НАУЧНОГО АРХИВА ИИМК РАН

М. В. МЕДВЕДЕВА¹

Константин Константинович Романов – архитектор, исследователь древнерусского зодчества (рис. 1). Его жизнь со студенческих лет была тесно связана с археологическими учреждениями, сначала как члена Императорской Археологической Комиссии, затем как сотрудника Государственной Академии истории материальной культуры. Основные архитектурно-археологические работы К. К. Романова были посвящены изучению Георгиевского собора в Юрьеве-Польском, а также памятников Псковской земли: Изборской крепостной стены, Гремячей башни, церкви и гражданских зданий в Пскове и округе. Комплексные искусствоведческие экспедиции по Северным областям России под его руководством собрали уникальные материалы по этнографии и деревянной архитектуре Севера, не сохранившейся до нашего времени. Неоценим его вклад в дело охраны памятников искусства и старины, как до революции, так и в 1920–1930-е гг. К. К. Романов оставил огромное количество рукописных и фотографических документов, связанных со своей научной деятельностью.

Фотографические материалы исследователя согласно записи в книге фондов были приняты в фотоархив ИИМК РАН 22 сентября 1949 г. Все оригинальные отпечатки и негативы (в том числе и стеклянные) поступили одновременно и образовали отдельный личный фонд архитектора (2667 ед. хр.). Большую часть коллекции составляют снимки, произведенные непосредственно с памятников монументального зодчества в процессе архитектурно-археологических и реставрационных работ; и лишь незначительная часть является репродукциями с изданий или фотографий, сделанными по заказу К. К. Романова для лекций и докладов по истории архитектуры. Фотодокументы относятся к концу XIX – первой четверти XX вв. В собрании наиболее полно представлены фотофиксация древнерусских памятников Пскова и округи, а также фотографии из этнографических экспедиций по северным регионам России. Материалы исследований Георгиевского собора в Юрьеве-Польском в личном фонде К. К. Романова незначительны и являются дополнением к основной коллекции, хранящейся в фонде Археологической Комиссии.

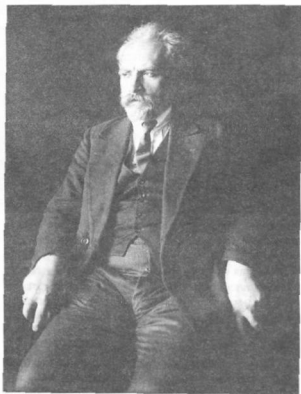

Рис. 1. Архитектор К. К. Романов. 1920-е гг.

Fig. 1. Architect K. K. Romanov. 1920s.

В рукописном отделе Научного архива ИИМК РАН документы, связанные с именем К. К. Романова, составляют также отдельный личный фонд, где хранится 1437 дел. В фонде представлены отчеты многочисленных поездок и полевых работ, документы по деятельности ученого в ИАК-РАИМК-ГАИМК и других учреждениях, по преподаванию в различных учебных заведениях, кропотливо собранные Константином Константиновичем материалы по истории древнерусского искусства и архитектуры, по охране памятников в России и Западной Европе, личные письма, дневники. По рукописным и фотографическим

¹ Россия. 191186. Санкт-Петербург: Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Научный архив, фотоархив.

данным из Научного архива ИИМК РАН можно довольно полно восстановить биографию К. К. Романова и охарактеризовать его научно-исследовательскую и преподавательскую деятельность.

В многочисленных анкетах, листах кадров, автобиографиях, написанных и заполненных К. К. Романовым в различных государственных учреждениях, особенно в советский период, он всегда очень кратко писал о себе: «Родился 28 сентября 1882 г. в б. Петербурге. Сын врача. Получил первоначальное образование дома». Что стоит за этими строками становится понятно только из записей личного характера на нескольких тетрадных листах, сохранившихся в рукописном архиве ИИМК РАН. Видно, они сделаны К. К. Романовым после революции не для официальных источников. Большое влияние на мое будущее оказали мой отец и моя мать, — писал К. К. Романов (НА ИИМК РАН, РА: ф. 29, д. 884, л. 1). Его родители были высоко эрудированные разносторонние люди, благодаря их стараниям он получил прекрасное домашнее образование. Отец закончил курс медицинско-хирургической Академии, после чего «служил врачом и имел небольшую практику». Несмотря на то, что он умер в 1894 г., когда сыну еще не исполнилось 12 лет, он успел много дать ему в «понимании естественно-исторических процессов, постольку, поскольку это можно было дать мальчику 5–11-летнего возраста». Именно от отца Константин Константинович «получил и первое понимание эволюционного процесса, и узнал впервые имя Дарвина». Он же научил его основам рисования и черчения, начал обучение языкам: латинскому, французскому и немецкому (НА ИИМК РАН, РА: ф. 29, д. 884, л. 1). После смерти отца финансовое положение Романовых резко ухудшилось. До этого семья жила за счет средств, полученных от его врачебной практики, они могли позволить себе содержать домашнюю прислугу, мать Константина Константиновича не работала и занималась домом и семьей. После смерти отца ей назначили маленькую пенсию, поэтому, чтобы как-то прожить, им пришлось уехать из столицы и поселиться под Павловском, «занимаясь трудом и возделывая огород», к чему и К. К. Романов был приучен с раннего возраста. По воспоминаниям Константина Константиновича его мать получила гуманитарное образование за границей. Несмотря на тяжелые обстоятельства, она продолжила дальнейшее обучение мальчика: ознакомила его с началами философии и истории, в частности с натурфилософией, философскими идеями Канта и философией позитивистов (НА ИИМК РАН, РА: ф. 29, д. 884, л. 1). При таком домашнем воспитании К. К. Романову не составило труда в 1901 г. сдать экстерном экзамены в Царскосельской гимназии.

Он с особой теплотой вспоминал еще двух людей из своего детства, «оставивших след на всю его жизнь»: старуху-кухарку, умершую, когда ему было 4 года, но «успешную пристроить его к русским сказкам», и крестьянскую девушку, которая приехала со станции Струги Белые «искать службу в город» и поселилась у сестры — няньки Романова. Она умер-

ла от туберкулеза, но смогла за год с небольшим ознакомить пятилетнего мальчика со многими русскими народными сказками и песнями. К. К. Романов спустя много лет писал: «След ее я ощущаю до сего времени» (НА ИИМК РАН, РА: ф. 29, д. 884, л. 2).

В 1902 г. Константин Константинович поступил на архитектурное отделение Высшего художественного Училища Академии Художеств, которое окончил в 1909 г. со званием художника-архитектора. Параллельно он слушал лекции в Археологическом институте — в 1904–1905 гг. (1 год 6 месяцев). Уже в студенческие годы у К. К. Романова проявился интерес к изучению древнего зодчества. В 1904 г. он «то собственному почину» изучал древние постройки Тихвинского монастыря. К. К. Романов привлекался П. П. Покрышкиным к совместному исследованию древних зданий ФерAPONTOVA монастыря в 1905 г. и Тихвинского монастыря в 1907 г., производившихся по поручению Императорской Археологической Комиссии. Материалы этих работ были опубликованы в Известиях Археологической Комиссии (Покрышкин, Романов 1908: 107–155; Романов 1909: 141–162; 1910: 93–122).

В течение трех полевых сезонов в 1907–1909 гг. по приглашению Б. В. Фармаковского К. К. Романов участвовал в раскопках Ольвии, где осуществлял чертежные работы. В 1908 г. Комитет по изучению Средней и Восточной Азии поручил ему производство обмеров мечети Рух-Абад и медресе Улуг-Бека в Самарканде.

Сразу по окончании учебы в Академии Художеств в 1909 г. К. К. Романов приступил к самостоятельным работам в области изучения древнерусского зодчества, которые выполнял по поручению различных научных учреждений. Основными из них являются многолетнее исследование Георгиевского собора в Юрьеве-Польском (1909–1915 гг., 1925–1926 гг., 1929 г.); также исследования памятников Лсковской земли: Изборской крепостной стены (1910–1911 гг.), Гремячей башни во Пскове (1913 г.), церкви и гражданских зданий во Пскове и округе (1927–1930 гг.).

Впервые в Георгиевском Соборе в г. Юрьеве-Польском К. К. Романов провел разведочные обследования в 1909 г., и уже в 1910 г. начал систематические работы на памятнике по поручению Императорской Археологической Комиссии. В фотоархиве ИИМК РАН в фонде Императорской Археологической Комиссии хранится серия снимков (1005 ед. хр.), на которых К. К. Романов детально зафиксировал памятник во время исследований 1909–1910 гг. (Девель 1950: 292). Его заслуги по изучению Георгиевского Собора были высоко оценены. В 1910 г. молодой архитектор был утвержден Министерством Императорского Двора в звании члена-корреспондента ИАК, а в 1911 г. получил серебряную медаль РАО по представлению академика Я. И. Смирнова за публикацию «Георгиевский Собор в г. Юрьеве-Польском (краткий отчет о разведке)» (Романов 1910: 70–93; Научный архив ИИМК РАН, РА: ф. 2, оп. 3, д. 569, л. 30). К. К. Романов продолжал работы в г. Юрьеве-Польском в 1925–1926 и 1929 гг.

Рис. 2. Псков. К. К. Романов в группе участников работ в церкви Николаи Каменоградского. 1921 г.

Fig. 2. Pskov. K. K. Romanov among participants of the works in the church of Nicholas Kamenogradsky. 1921.

В 1910 г. К. К. Романов был избран в действительные члены Русского Археологического Общества и в том же году по поручению общества производил архитектурное изучение развалин эллинистического храма в Баш-Гарни Эриванской губ. (Романов 1934: 635–654), где в то же время вел раскопки академик Н. Я. Марр. В архиве представлены фотографии, где отражены эти исследования (97 ед. хр.), негативов к ним не сохранилось.

В 1908–1914 гг. Константин Константинович состоял представителем ИАК в Комитете по ремонту и реставрации храма Василия Блаженного в Москве и в Комиссии при Обществе защиты и сохранения памятников искусства России по реставрации Ферапонтова-Белозерского монастыря. В то же время он исполнял ряд поручений ИАК по осмотрам древних зданий и икон, а также по надзору за производимым в них ремонтом. В конце 1911 г. К. К. Романов стал членом Комитета Попечительства о русской иконописи и редактором ряда научных изданий, в 1912 г. был избран секретарем Русского Отделения РАО и членом-сотрудником Императорского Общества Любителей Древней Письменности.

Большая часть командировок архитектора была посвящена преимущественно изучению древнерусского искусства и зодчества. Крупнейший блок

рукописных и фотодокументов составляют материалы его работ по исследованию памятников Псковской земли. В 1910–1913 гг. К. К. Романов руководил архитектурным обследованием Изборской крепости Псковской губ. по поручению Императорского Русского Военно-Исторического Общества, куда он был избран действительным членом еще в 1909 г. (НА ИИМК РАН, РА: ф. 29, д. 884, л. 21 об.). По поручению того же Общества в 1913 г. он занимался изучением Гремячей башни в Пскове. В течение 1911–1917 гг. К. К. Романов по поручению ИАК наблюдал за состоянием Псковской крепостной стены. После революции в 1920-е – начале 1930-х гг. он руководил рядом архитектурно-археологических экспедиций Академии истории материальной культуры, исследовавших памятники церковного и гражданского зодчества и древнерусской живописи г. Пскова и округи (рис. 2). Во время этих работ, кроме общего руководства, К. К. Романов описал несколько выдающихся памятников искусства, неизвестных ранее (например, в Мелетове – здание 1461 г. с росписью 1465 г., в Виделебьи – здание XVI в. (НА ИИМК РАН, РА: ф. 2, оп. 3, д. 569, л. 31). Он являлся товарищем председателя и членом Общества друзей Пушкинского заповедника со времени его основания и в 1934–1936 гг. принимал участие в реставрационных рабо-

Рис. 3. К. К. Романов в одной из этнографических поездок. 1910-е гг.

Fig. 3. K. K. Romanov during one of his ethnographic trips. 1910s.

тах в Пушкинском музее-заповеднике (Длужневская 2000: 48–55).

Однако интересы К. К. Романова не ограничивались только изысканиями в области истории древнерусских памятников. Много сил и времени он посвящал работе в Этнографическом Отделе Русского Музея и этнографическим экспедициям (рис. 3). В 1919 г. Константин Константинович писал в Комисариат труда: «своей основной деятельностью я считаю должность хранителя Этнографического Отдела Русского Музея, причем я заведу в отделе районом Северной и Средней России, куда входят задачи изучения и научной обработки этнографического материала на территории Европейской России, занятой великорусскими и финскими племенами. Деятельность эта требует особой специализации и заключается в руководстве и непосредственном изучении этнографических материалов, сравнительного изучения этих материалов, как в музее, так и на местах во время специальных командировок, в музейной обработке собранных на местах предметов, их классификации, хранения и подготовке к выставке для публичного обозрения» (НА ИИМК РАН, РА: ф. 29, д. 884, л. 11–11 об.). Он был зачислен в Этнографический отдел Русского Музея в 1911 г., в этом же году по поручению Музея совершил первую большую поездку в Вологодскую губ., для изучения северо-русских жилых деревянных построек и сбора этнографических коллекций. Во время этой поездки была подробно обмерена и сфотографирована церковь Св. Дмитрия Солунского Верхнеуфтюжского прихода Сольвыче-

годского уезда. Вторая поездка по поручению Отдела была совершена тоже в 1911 г. в Псковскую губ. для этнографических сборов (НА ИИМК РАН, РА: ф. 29, д. 884, л. 21 об.). В следующем 1912 г. К. К. Романов стал хранителем Этнографического Отдела по части русской этнографии, а летом вместе с фотографом музея В. М. Машечкиным ездил в Олонекскую и Ярославскую губ. для изучения деревянной архитектуры и сбора этнографических материалов. Главная цель экспедиции состояла в поиске традиционного дома-комплекса, который мог бы послужить образцом для изготовления модели для экспозиции музея. Таким домом стала усадьба крестьянина П. Петунова в Великой Губе (Мильчик 1999: 10).

В 1913 г. Русский Музей послал К. К. Романова на десятидневную стажировку в Швецию для «сравнительного изучения материалов этнографического характера преимущественно в Nordiska Museet и в Scansen» (НА ИИМК РАН, РА: ф. 2, оп. 3, д. 569, л. 30). Он проработал в Музее до 1921 г., стоял у истоков формирования отдела русской этнографии и внес огромный вклад в изучение Русского Севера.

Во второй половине 1920-х гг. К. К. Романов продолжил изучение крестьянского быта Северных районов России. Под его руководством были осуществлены три большие комплексные искусствоведческие экспедиции, организованные Главнаукой через секцию крестьянского искусства Государственного Института Истории Искусства: в 1926 г. – в Заонежье, в 1927 г. – в бассейне р. Пинеги, в 1928 г. – в бассейне р. Мезени. Экспедиции ставили перед собой задачи

комплексного изучения всего уклада жизни крестьян, а поэтому в их состав входили специалисты по фольклору, народному театру, музыке, тканям, вышивкам, этнографии и т.д. Экспедиция 1926 г. всего за один месяц обследовала 72 селения, обмерила 5 крестьянских усадеб, 4 шатровые церкви, около 80 архитектурных деталей, было зарисовано более 20 предметов утвари, сделано примерно 2000 фольклорных записей, 112 мелодий записано на фонограф и снято около 250 фотографий (Милюк 1999: 10), часть которых хранится в фотоархиве ИИМК РАН, в личном фонде ученого.

Изучение древнерусского зодчества у К. К. Романова всегда было неотделимо от решения вопросов охраны памятников. В «Обзоре деятельности отдела монументальных памятников Российской Государственной Археологической Комиссии за 1907–1917 гг.», составленном П. П. Покрышкиным, указывается, что с 1905 г. «молодой архитектор» К. К. Романов постоянно присутствует на специальных реставрационных заседаниях с участием представителей Императорской Археологической Комиссии, Академии Художеств, Св. Синода, Министерства Внутренних Дел, где обсуждались вопросы реставрации (НА ИИМК РАН, РА: ф. 21, д. 11, л. 4). С 1890 г. любые «поновления» и ремонт древних монументальных зданий могли производиться только после рассмотрения в этих заседаниях и под наблюдением специалистов из ИАК или Академии Художеств. К. К. Романов неоднократно исполнял поручения Императорской Археологической Комиссии по осмотру древних зданий и надзору за производившимися ремонтными работами.

С 1910 г. К. К. Романов участвовал в работе Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины. В уставе, утвержденном в 1910 г. (НА ИИМК РАН, РА: ф. 29, д. 804, л. 7–17), главной целью Общества провозглашалась защита памятников искусства и старины, имеющих художественное, бытовое и историческое значение, от разрушения и «искажения», для чего предполагался их «заботливый ремонт и восстановительная реставрация».

В состав Общества в разное время входили А. Н. Бенуа, В. А. Верещагин, С. К. Маковский, А. В. Щусев, Н. К. Рерих и другие деятели культуры и искусства. К. К. Романов был принят в члены Общества в 1916 г. (НА ИИМК РАН, РА: ф. 29, д. 804, л. 48), но его до этого постоянно приглашали на заседания, которые регулярно устраивались Обществом. На собраниях делались доклады об архитектуре, фресковой живописи, обсуждались проблемы охраны русской старины, законопроекты об охране памятников, вносимые в Думу. В 1913 г. Обществом был объявлен конкурс, в котором принимал участие и К. К. Романов, на составление лучшего краткого и популярного учебника русского искусства, который использовался бы как приложение к учебнику истории в низших и средних учебных заведениях.

К. К. Романов планомерно собирал сведения, касающиеся охраны памятников и ее истории, как в России, так и за рубежом. Его деятельность, как научно-исследовательская, так и преподавательская, была

тесно связана с этим вопросом. В делах рукописного архива хранятся данные и библиография, кропотливо собранные из разных источников, достаточно полно освещающие историю охраны памятников и состояние вопроса на период до революции с комментариями самого К. К. Романова и его предложениями, каким образом ее можно усовершенствовать. Особенно его волновали вопросы охраны церковных древностей, и он наиболее подробно разрабатывал эту тему.

Первые реальные государственные меры по охране памятников он относил к 1822 г. и к 1826 г. В 1822 г. было обнародовано положение Комитета Министров «О содержании памятников в Крыму», а именно «развалин классической эпохи и средневековья». В 1826 г. Министерство Внутренних Дел постановило собрать по всем губерниям сведения об «остатках древних замков, крепостей и других зданий древности, и чтобы строжайше было запрещено разрушать» (НА ИИМК РАН, РА: ф. 29, д. 701, л. 7). Но все эти распоряжения К. К. Романов называл частичными, потому что они не касались памятников церковных.

Лишь в 1842 г. Николай I «строго повелев» во всех древних памятниках «ни к каким обновлениям не приступать без высочайшего разрешения». Результатом этого стали указы Синода 1842 и 1843 гг. Согласно им, во-первых, требовалось обязательное «предоставление на рассмотрение Синода предложений об обновлении памятников древности с представлением чертежей», во-вторых, указывалось, чтобы без разрешения Синода в «древних церквях не дозволялось ни малейшего исправления, возобновления и изменения живописи и других предметов древнего времени, и чтобы вообще древний, как наружный, так и внутренний, вид церквей сохраняем так тщательно, а всякие поправки запрещены без ведома высшей духовной власти» (НА ИИМК РАН, РА: ф. 29, д. 701, л. 8).

И, наконец, в 1890 г. охрана церковных памятников была передана в ведение Археологической Комиссии и Академии Художеств, что вошло и в Строительный Устав. Но и после этих мер положение охраны памятников оставалось удручающим.

По данным К. К. Романова, «ведомство православной церкви весьма, судя по практике, тяготившись зависимостью от Археологической Комиссии и Академии Художеств в делах ремонта и исправления древних церквей и всегда старалось, с одной стороны, доказать и провести в жизнь мнение, что церковные памятники есть личная собственность церкви и потому не должны зависеть от кого-либо, т.к. это нарушает право владения, а с другой стороны старалось убедить в необходимости постоянного надзора устройством своих церковно-археологических Обществ и Комитетов» (НА ИИМК РАН, РА: ф. 29, д. 701, л. 12).

Описывая огромное значение памятников церковных древностей, находящихся в России, их культурно-историческую ценность, К. К. Романов с сожалением указывал на полную неудовлетворительность охраны памятников и на то, что «процесс гибели памятников неуклонно продолжался».

Он выделял несколько причин, по его мнению, усугубляющих положение: «неумелый уход за памятниками, часто небрежное к ним отношение», и особенно отмечал незаконное расхищение памятников, находящихся в православных церквях, монастырях и церковных хранилищах, особенно участвующих с развитием коллекционерства (НА ИИМК РАН, РА: ф. 29, д. 701, л. 20).

Улучшение состояния охраны церковных древностей К. К. Романов видел в поднятии общего культурного уровня тех, у кого они находились (особенно духовенства) и в «пробуждении интереса к древностям и к истории путем ознакомления населения с их значением». Но эти наиболее действенные меры требовали для осуществления длительного времени, а между тем охрана памятников, как писал исследователь, «необходима немедленно, и требует поэтому вмешательства государственной власти наряду с деятельной поддержкой местных общественных сил» (НА ИИМК РАН, РА: ф. 29, д. 701, л. 21).

К. К. Романов подробно рассмотрел общие положения по охране церковного имущества, изданные Св. Синодом, ряд указов, направленных на улучшение сохранения церковных древностей. Указом 1853 г. предусматривалось создание специальных комиссий по епархиям из лиц, «известных своими познаниями и из способных наставников семинарий для составления описей монастырского и церковного имущества с включением всех предметов, которые хотя и не принадлежат к числу богослужебных, но, тем не менее, имеют важное значение в историческом и археологическом отношении» (НА ИИМК РАН, РА: ф. 29, д. 701, л. 23). К сожалению, осуществление этих мер на практике часто носило формальный характер. При составлении описей не оказывалось сведущих лиц среди духовенства, способных оценить художественное значение древностей, поэтому описи недостаточно точно определяли содержание церквей, монастырей и хранилищ, внесенными оказывались предметы довольно случайные, большей частью по признаку их материальной стоимости или служебного назначения. «Лиц же сведущих, для командирования на места Св. Синод в своем распоряжении имел мало, а со стороны не приглашал». Исключение в этом отношении было сделано лишь в церквях Грузии, где описи были произведены при участии академика Н. П. Кондакова, что и сохранило большое количество «первоклассных» памятников, остановив их расхищение (НА ИИМК РАН, РА: ф. 29, д. 701, л. 32).

Часто описи, составленные духовенством, были не полными, и много интересных предметов, имеющих художественное значение, оказалось в них не внесенными. Предметы же, не попавшие в описи, удалялись из церковных ризниц и хранилищ, так как ценности им уже не придавалось, попадали под колокольни, в сараи и на чердаки, где они часто «лежали в пыли и грязи, в помещениях без стекол в окнах, среди голубиных гнезд, в сырых подвалах вместе с хозяйственными предметами» (НА ИИМК РАН, РА: ф. 29, д. 701, л. 33, 66). Но даже те предметы, которые попадали в описи, нуждались в специальном обращении, что-

бы обеспечить их сохранность. Попытки духовенства привести церковную утварь в надлежащий порядок часто заканчивались тем, что древние серебряные сосуды золотились, «реставрировались» иконы, запиная их вновь, или «портя их промазкой минеральным маслом, промывкой водой, обтиранием тряпкой осыпавшегося красного слоя» (НА ИИМК РАН, РА: ф. 29, д. 701, л. 33, 34).

В то же время сильно возрос интерес к древностям, и началось скупка предметов из церкви профессиональными скупщиками для частных коллекций, причем продавались предметы, не внесенные в описи, исключаемые из них, а иногда и находящиеся в описи. К. К. Романов подчеркивал, что подобные случаи наносили большой вред науке, так как «не вполне законный» способ приобретения заставлял скупщиков тщательно скрывать происхождение предмета, а продавцов – настоятелей церквей или старост – на том же основании умалчивать о факте продажи (НА ИИМК РАН, РА: ф. 29, д. 701, л. 37).

Наряду с критикой, К. К. Романов указывал и на то, что некоторые хранилища (например, ризница Тихвинского Успенского монастыря) затопились, о попавших в них предметах, но такие исключения были редки. В целом, оценивая реформы церкви, касающиеся охраны древностей, находящихся в церквях, монастырях, ризницах и хранилищах, Романов признавал их частичными и однобокими и считал, что они были направлены лишь на то, чтобы упорядочить составление описей и обязать лиц, приставленных к этому, хранить имущество «в полной сохранности». Но при этом он считал, что винить в этом «местных людей» нельзя, так как духовенство на местах в большей части просто было не подготовлено к оценке древностей, а потому правила сохранения древностей, формально составившиеся, и исполнялись часто чисто формально: важна была наличность предметов, значившихся в описи и внешний блестящий вид предметов, пригодных к употреблению в церкви (НА ИИМК РАН, РА: ф. 29, д. 701, л. 34–35).

Он полагал, что применение издаваемых Синодом правил на практике неосуществимо «при отсутствии среди большинства духовенства не только знания и любви, но и простого учения к древностям» (НА ИИМК РАН, РА: ф. 29, д. 701, л. 30).

«Угрожающее положение» древних памятников заставляло обратиться на сложившуюся ситуацию внимание тех учреждений, которые изначально были призваны охранять древности, но не имели прямых прав на охрану церковной старины. По мнению К. К. Романова, только положения от 31 октября 1890 г. о рассмотрении вопросов реставрации и ремонта древних монументальных зданий на совместных заседаниях Императорской Археологической Комиссией, Академией Художеств и представителями Синода давали действительное право Комиссии останавливать «порчу и искажение» церковных сооружений и их внутреннего вида. Это право было закреплено и статьями Строительного Устава от 1900 г., где по статье 95 «не дозволялось нигде, ни под каким предлогом, в древних церквях ни малейшего исправления, возоб-

новления или изменения живописи и других предметов давнего времени, а всегда должно быть испрашиваемо на то разрешение Святейшего Синода по предварительному сношению с Императорским археологическим или историческим обществами» (НА ИИМК РАН, РА: ф. 29, д. 701, л. 40).

С одной стороны, мнение К. К. Романова об отношении церкви к проблемам охраны памятников может показаться несколько односторонним и слишком идеалистичным. Хотя, с другой стороны, именно он имел право настолько радикально рассуждать о современном ему состоянии вопроса сохранения церковных древностей, так как эти проблемы затрагивали сферу его научно-исследовательских интересов, и в процессе работ ему, видимо, не раз приходилось с ними сталкиваться напрямую.

Именно поэтому сразу после революции исследователь писал, что видит единственно верный путь по исправлению положения охраны церковных древностей: «установить в законодательном порядке, что памятники церковной старины, принадлежащие церквям, ризницам и монастырям, церковным хранилищам, должны быть признаны общегосударственной собственностью и подлежать особо внимательному к ним отношению» (НА ИИМК РАН, РА: ф. 29, д. 701, л. 108). При этом он упоминал, что Московское Археологическое Общество уже в 1908 г. ходатайствовало об объявлении неотчуждаемой государственной собственностью всех предметов, находящихся в церквях, монастырях, ризницах и древних хранилищах Российской империи. Совет министров отклонил это предложение, так как это значило отобрать у церкви «издревле и на законном основании приобретенное имущество» (НА ИИМК РАН, РА: ф. 29, д. 701, л. 48). Вопрос об ограничении права собственности церкви на древние предметы (иконы) еще раз поднимался в Комитете попечительства о русской иконе, но к практическим результатам не привел (НА ИИМК РАН, РА: ф. 29, д. 701, л. 49).

Каким же К. К. Романов видел дальнейшее развитие изучения и охраны церковных древностей после такой реформы? Он предлагал провести первым делом полную регистрацию всех древностей специалистами. При этом исследователь считал, что памятники необходимо оставлять на местах, чтобы не разделять исторически сложившиеся комплексы, при условии обеспечения полного и правильного хранения (НА ИИМК РАН, РА: ф. 29, д. 701, л. 78).

Для руководства делом охраны памятников церковной старины К. К. Романов предусматривал организацию особого централизованного Управления, которое бы планомерно изучение памятников церковной древности и их регистрацию в тесном единении с местными органами охраны. Управление должно было состоять из специалистов в области художественного или научного изучения церковных древностей. На местах особо назначались бы областные инспектора для наблюдения за памятниками и для связи с центральным учреждением. В распоряжении центрального органа и областных инспекторов должны были бы находиться «собственные технические

силы» для ремонта памятников, технического наблюдения за ними и фотографирования (НА ИИМК РАН, РА: ф. 29, д. 701, л. 101–102).

Для систематического изучения и подготовки специалистов Константин Константинович предлагал создать Археологический институт, но уже не учебный, а научно-исследовательский с отделениями по России, которые одновременно могли бы способствовать специальной подготовке лиц, уже получивших общее историко-археологическое образование (НА ИИМК РАН, РА: ф. 29, д. 701, л. 96).

В то же время К. К. Романов признавал невозможность быстро сформировать подобную структуру, поэтому он считал необходимым в переходный период доверить охрану памятников прежде всего тем учреждениям, которые уже имели определенный опыт в этом отношении. По мнению ученого, больше всего для этих целей подходили Археологическая Комиссия, Московское Археологическое Общество и Комитет попечительства о русской иконописи (НА ИИМК РАН, РА: ф. 29, д. 701, л. 106).

С 1918 г. К. К. Романов являлся членом Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины при Наркомпросе, которая состояла при Всероссийском Музейном Отделе. В 1922 г. она была преобразована со значительным уменьшением штата (со 140 человек до 13) и полным сокращением технических отделов в Реставрационные мастерские, которые возглавил К. К. Романов. По причине малочисленности штатов и недостатка материалов, отсутствия постоянных ассигнований (К. К. Романов постоянно сетовал, что средства на полевые исследования поступают только осенью или в конце года, а не тогда, когда они реально необходимы) организация не справлялась с большим объемом работ. Коллегия, затем Мастерские всегда работали в теснейшей связи с Академией истории материальной культуры, Русским Музеем, Эрмитажем. В Петрограде и пригородах была произведена полная регистрация памятников церковной и гражданской архитектуры с распределением их на категории по степени художественно-исторического значения. Во многих из них были сделаны подробные обследования состояния и необходимые ремонт и реставрация (НА ИИМК РАН, РА: ф. 29, д. 111, л. 7).

Совместно с Академией истории материальной культуры мастерские производили работы в Новгороде. В церкви Спаса Нередицы в 1918–1921 гг. занимались удалением цементной штукатурки, так как она негативно влияла на состояние уникальных фресок. Цемент использовал П. П. Покрышкин во время реставрации церкви Спаса Нередицы в 1903–1904 гг., и так как это был новый материал, то он не знал его вредных свойств. На место удаленной штукатурки была сделана новая известковая. Одновременно пытались установить другие причины порчи фресковой росписи, производились наблюдения за влажностью и температурой. Кроме того, велись работы по спасению от разрушения древней зонионы Софийского собора в Новгороде и по ремонту ряда других памятников.

В Пскове были восстановлены покрытия на Собо́ре Снетогорского монастыря и на нескольких церквях Пско́ва, отреставрирована кровля над Солодженкой, выдающимся гражданским сооружением. «В Новгороде и Пскове, помимо указанных работ, было обращено большое внимание на памятники древней живописи на дереве. В Новгороде произведен подробный осмотр и временное закрепление на 300 приблизительно ико́нах, наиболее выдающихся в художественно-историческом отношении. Во Пскове обследовано и частью закреплено около 150 ико́н». Реставрация велась специалистами-мастерами и собственной мастерской Отдела Музеев, переданной затем в ведение Русского Музея, при постоянном участии Русского Музея (НА ИИМК РАН, РА: ф. 29, д. 111, л. 9–10).

Кроме того, были осуществлены крупные работы по подробному научному и техническому изучению, а затем и произведен ремонт в Кирилло-Белозерском монастыре с его массой древних гражданских сооружений и крепостной оградой и в Ферапонтов-Белозерском монастыре.

Но, несмотря на все перечисленные исследования, состояние охраны памятников к середине 1920-х гг. К. К. Романов признавал катастрофическим. Он писал и писал многочисленные докладные записки в различные административные организации, делал доклады на музейных конференциях в 1921 г. в Москве и в 1923 г. в Ленинграде, где призывал обратить внимание на угрожающее положение культурно-исторических памятников Петрограда, Новгорода, Пско́ва и других городов.

Например, в церкви Спаса Нередицы близ Новгорода, несмотря на упоминавшиеся крупные работы, продолжала разрушаться живопись. К. К. Романов писал: «главная причина порчи — сырость из-за отсутствия должного ухода за памятником и его протравливания: сторожа на месте нет; ключи находятся в Новгороде, за 3 версты, и здание вновь отсыревает. Фрески покрываются плесенью; штукатурка с росписью отстает. Около 1/3 всей поверхности фресок вместе со штукатуркой отстало от стены».

В угрожающем положении находится также звонница Софийского собора. Западная стенка ее постоянно отходит, грозя обрушиться.

В Пскове постепенно разрушается знаменитая крепостная стена, выложенная из плиты и обходящая весь город. Стены Пско́ва по их историческому значению можно сравнивать лишь с Московскими укреплениями, но Псковские сохранили лучше свой древний состав. Также осыпаются и гибнут стены пригородов: Острова и Гдова, и города Порхова.

В соборе Мирожского монастыря каждый год вода весной стоит на полу лужами, а иногда попадает и при разливах реки Великой. Собор покрыт цементной штукатуркой и имеет цементные откосы, что мешает дышать стенам, задерживает в них влагу и содействует разрушению» (НА ИИМК РАН, РА: ф. 29, д. 66, л. 8–10).

И хотя церковь уже больше не претягивала производимым работам, а церковное имущество ста-

ло собственностью государства, как и планировал К. К. Романов, положение охраны древностей только ухудшилось. Представители новой власти не спешили заниматься охраной и изучением *дамьятников* церковного зодчества. Многие храмы остались совсем без наблюдения и лишились какого бы то ни было элементарного ухода, что приводило к их разрушению и разграблению. Активно в этом процессе принимало участие и само государство. В рукописном архиве сохранилось дело с материалами об участии К. К. Романова в комиссии по изытанию церковных ценностей (НА ИИМК РАН, РА: ф. 29, д. 847). Сначала кажется странным, какую роль в этой комиссии мог играть исследователь, к тому времени занимавшийся уже больше 10 лет изучением древнерусской архитектуры и всегда радевший за сохранение памятников старины. Но по мере ознакомления с документами становится понятно, почему К. К. Романов в течение 1922 г. даже являлся председателем Особой Комиссии по изытанию церковных ценностей: это был единственный способ предотвратить бесконтрольное изыятие предметов искусства из храмов.

2 января 1922 г. был издан декрет о ликвидации церковного имущества и опубликован в Известиях ВЦИК от 6 января 1922 г. Декретом предусматривалась охрана предметов, ценных в художественно-историческом отношении и права Отдела по делам Музеев на охрану памятников. Вслед за этим в начале февраля 1922 г. Отделом по делам Музеев была организована Особая Комиссия для пересмотра всех церквей Петрограда с целью отнесения их к различным категориям по признакам необходимости охраны и для выделения церквей, особо ценных в историческом и художественном отношении. Председателем Комиссии был назначен член Отдела по делам Музеев, член Академии истории материальной культуры архитектор К. К. Романов (НА ИИМК РАН, РА: 1922. ф. 29, д. 847, л. 78).

Согласно инструкции изъятые предметы поступали в Комитет помощи голодающим и затем продавались, а на вырученные деньги покупались продовольствие, семена для голодающих. Термин изыятие в последующих инструкциях часто заменялся словом ликвидация, что более адекватно характеризует этот процесс. Ликвидации должны были подвергнуться древности, не имеющие художественно-исторического значения. Изытанию подлежали также предметы, датированные позднее 1835 г., и только высокохудожественные вещи более позднего времени в виде исключения могли быть сохранены. Несмотря на распоружение по ограничению даты, К. К. Романов и члены Особой Комиссии старались сохранить от изыятия предметы искусства, относящиеся к более позднему периоду. По инструкциям считалось недопустимым нарушение целостности церковных ценностей и интерьеров (например, выемка драгоценных камней или снятие окладов с ико́н). Древние храмы должны были бы сохранить ансамбль целиком — без выемки ико́ноставов, кно́тов, паникадил и других предметов внутреннего убранства, изыятие которых признавалось недопустимым даже в музейный фонд

или в Эрмитаж. Согласно дополнительному соглашению Отдела Музеев с Комиссией помощи голодающим работа по изъятию церковных ценностей должна была производиться на строгих основаниях инструкций только после предварительной экспертизы всех церковных памятников специалистами Музейного Отдела. Для церквей, рассмотренных на заседаниях Особой Комиссии и принятых на охрану, изначально предписывалось изымать вещи только в присутствии экспертов, которые должны были сначала выделить предметы древности, имеющие музейное значение, и разделить их на две категории: оставляемые на местах в церквях и вывозимые в Эрмитаж средствами Отдела. Только после оценки экспертов Комиссия по изъятию церковных ценностей в помощь голодающим могла начинать свою работу. Но большинство этих распоряжений, инструкций и соглашений осталось лишь декларированными на бумаге.

На заседаниях Особой комиссии обсуждались дела о памятниках церковной архитектуры с целью поставить их на охрану, распределив по трем группам по степени художественно-исторического значения. Церкви, принятые под охрану Отделом Музеев как памятники высокого художественного значения, подлежали охране в целостном виде, и вывозка из них предметов, необходимых для сохранения их историко-художественного ансамбля или предметов музейного значения, не допускалась. Поэтому К. К. Романов и другие члены Комиссии пытались в течение 1922 г. рассмотреть как можно больше дел, так как, если церковь не стояла на охране, то она полностью лишалась всякой защиты от изъятий предметов внутреннего убранства. Причем, Комиссии помощи голодающим было указано в первую очередь приступить к работе, то есть к изъятию церковных ценностей, в самых богатых храмах, монастырях, синагогах, часовнях без ожидания составления описей специалистами. Только после этого изъятые вещи могли быть показаны экспертам из Отдела музеев для проверки на наличие среди них предметов музейного значения (НА ИИМК РАН, РА: 1922. ф. 29, л. 847, л. 36). Можно представить сколько бесценных памятников старины таким образом бесследно пропало для истории и искусства, так как Комиссия помощи голодающим на местах состояли из представителей местных исполкомов, финотделов, которые вряд ли обладали образованием, достаточным, чтобы оценить в нужной мере художественно-историческое значение изымаемых предметов, а скорее всего, их это даже и не интересовало. Вероятно, они просто отбирали самые дорогие предметы по количеству золота, серебра и драгоценных камней.

К. К. Романов видел единственное средство спасти храмы от полного разорения в рассмотрении как можно быстрее и как можно большего количества дел на заседаниях Особой Комиссии для постановки памятников на охрану и музейный учет. Такой подход хотя бы формально делал обязательным участие экспертов от Музейного Отдела при работе на местах Комиссии по изъятию церковных ценностей в помощь голодающим. Но со временем права Отдела Музеев

были ограничены, изначальные инструкции о порядке изъятия церковных ценностей практически перестали выполняться. Местные власти все меньше считались с рекомендациями Отдела. Указания экспертов признавались не полностью, предметы удалялись очень часто вопреки их мнению, причем, предметы, ценные в музейном отношении, увозились в хранилища Комитета помощи голодающим без должных упаковочных материалов.

Очень красноречиво свидетельствует о происшедшем тогда отрывок из письма К. К. Романова, написанного, вероятно, осенью 1922 г., в Академию истории материальной культуры с просьбой высказать «авторитетное мнение о недопустимости разгрома ценностей России». Он писал: «Работа по изъятию церковных ценностей должна была производиться по предварительной экспертизе всех церковных памятников экспертами Музейного Отдела с условием не производить изъятия без присутствия экспертов Отдела из церквей, принятых на охрану, и с разделением предметов, признанных музейными, на предметы, оставляемые на местах в церквях, и на вывозимые в Эрмитаж средствами Отдела...»

К сожалению, на практике встретились нарушения этого соглашения уже в самом начале работ; изъятия были производимы в отсутствие экспертов и при изъятиях страдали весьма ценные памятники, например, оклады икон Св. Сампсония на Выборгской стороне, XVIII в., были сняты с места вопреки указанию экспертов и отправлены в хранилище Помгола...» (НА ИИМК РАН, РА: 1922. ф. 29, л. 847, л. 79–79об.).

«Наконец, последнее время в церквях, принятых под охрану, как памятниках выдающегося художественного или исторического значения, представители Помгола стали удалять все без исключения ценные предметы, наравне с церквями под охрану не принятыми, допуская в отдельных случаях лишь выкуп приходами музейно-ценных предметов.

Сняты оклады выдающейся работы с икон иконостасов целого ряда церквей XVIII – начала XIX вв. Причем, в Троицком соборе сьемка производилась испещ, оклады порваны и помята. По имеющимся сведениям на очереди стоит изъятие всего серебра из Казанского собора, не исключая его облаченного серебром иконостаса...»

Нет необходимости доказывать, что удаление окладов с икон иконостаса, современных иконостасу, есть нарушение первоначального художественного ансамбля, но и в тех случаях, когда производится сьемка нового оклада с ценного памятника, необходима большая осторожность, чтобы не повредить икону, к которой он прикреплен. Нельзя лишать церкви, признающие ценными в целом, той утвари, которая современна его основанию. Таким образом, способ изъятия церковных ценностей приводит к окончательной гибели ценного ансамбля ряда первоклассных церковных памятников» (НА ИИМК РАН, РА: 1922. ф. 29, л. 847, л. 80–80 об.).

Научная деятельность К. К. Романова с самого начала была неразрывно связана с преподавательской, которую он начал практически сразу по окончании

архитектурного отделения Высшего Художественного Училища Академии Художеств. Многочисленные документы рукописного архива ярко свидетельствуют о том, что он мог прочесть превосходную лекцию почти на любую тему, связанную с архитектурой. С 1911 г. К. К. Романов стал читать общие курсы по истории искусства и специальные курсы по истории зодчества в Археологическом Институте и в 1912 г. в Центральном училище Технического рисования имени барона Штиглица (НА ИИМК РАН, РА: ф. 29, д. 788, л. 32 об.), где в 1917 г. был избран директором, но Училище упразднили в 1918 г. (НА ИИМК РАН, РА: ф. 2, оп. 2, д. 273, л. 3).

В 1914–1915 гг. Константин Константинович преподавал историю русской архитектуры на курсах Высших архитектурных знаний Е.Ф. Багаевой (НА ИИМК РАН, РА: ф. 29, д. 884, л. 22 об.).

В 1914 г. в Высшем Художественном Училище Академии Художеств образовалась кафедра русского искусства, в состав которой сразу же вошел К. К. Романов. Он был переизбран вновь в 1918 г., но к работе не приступил, так как вслед за избранием состоялась реорганизация Училища в свободные мастерские с уничтожением всех курсов по истории искусства (НА ИИМК РАН, РА: ф. 29, оп. 3, д. 569, л. 39).

В 1918 г. К. К. Романов стал профессором Ленинградского археологического института, занимал в нем в течение 3 лет должность декана. После слияния Археологического института с Ленинградским университетом ученый состоял в университете в должности профессора русской материальной культуры и искусства, причем вел специальные семинары по истории зодчества. Константин Константинович прекратил преподавание в Университете в 1928 г. «за сокращением штата».

С 1923 по 1929 гг. К. К. Романов являлся членом Института Истории Искусства, где вел занятия по истории русского искусства, крестьянского искусства, истории зодчества и заведовал отделом изобразительных искусств на курсах, а также секцией крестьянского искусства при Социологическом Комитете Института и секцией византийского и русского искусства института. В трудовом списке К. К. Романова записано: «1929 г. – прекратил заведывание секциями ГИИИ за их уничтожением» (НА ИИМК РАН, РА: ф. 2, оп. 2, д. 273, л. 4).

Со второй половины 1930-х гг. К. К. Романов занимался практически только преподавательской деятельностью. Он работал в Ленинградском институте инженеров водного транспорта, Ленинградском институте инженеров железнодорожного транспорта,

институте инженеров коммунального хозяйства, инженерно-строительном институте. В ЛНИИЖТе К. К. Романов состоял при кафедре архитектуры, где читал лекции по истории архитектуры, по основам проектирования. Там же ему предложили пройти 25-дневные курсы в Москве «повышения политической квалификации, ознакомления с экономикой страны, чтобы быть более политически подготовленным и насытить лекции политически заостренным материалом» (НА ИИМК РАН, РА: ф. 29, д. 788, л. 17).

В 1930-е годы в науке уже весомо ощущалось идеологическое давление. Это просматривается и в материалах К. К. Романова. В его трудовом списке существует запись от 17 сентября 1930 г.: «Объявляется общественное порицание за участие совместно с белоэмигрантами в пражском сборнике *Seminarium Condakovianum* в статьях, явно враждебных советской науке, открыто показавших антисоветские и антинаучные настроения, несовместимые с положением советских ученых» (НА ИИМК РАН, РА: ф. 2, д. 273, л. 5). Статья Константина Константиновича, опубликованная в сборнике, посвященном памяти Н. П. Кондакова, выпущенном в Праге в 1928 г., называлась «К вопросу о технике рельефов Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском».

Во второй половине 1930-х гг. К. К. Романова неоднократно привлекали к так называемой общественной работе и к работе в избирательных кампаниях. И ученый с огромным творческим потенциалом и опытом, вместо того, чтобы работать над обобщающими исследованиями по своей основной теме, вынужден был рассказывать домохозяйкам об истории строительства социалистического Ленинграда или читать лекции в ОСАВИАХИМе по проблемам строительства предприятий военно-химической промышленности и готовить курс по служебному собаководству. Правда, это также свидетельствует и том, что К. К. Романову не составляло особого труда простым и ясным языком донести до слушателя любую информацию.

К. К. Романов скончался во время блокады в 1942 г. (Мильчик 1999: 146). К сожалению, многие его работы так и остались незавершенными, его деятельность так и не оценили по достоинству. Хотя в 1934–1935 гг., сразу после того, как восстановили ученые звания², ГАИМК планировал предоставление К. К. Романова в квалификационную комиссию Наркомпроса на утверждение в ученой степени доктора археологии без защиты диссертации, но документов, свидетельствующих, что он ее получил, хотя и всецело этого заслуживал, обнаружить не удалось.

Девель 1950 – Девель Т. М. Обзорные коллекции собранной фототеки Института истории материальной культуры // СА. Т. XII. М., 1950. С. 289–327.

Дружневская 2000 – Дружневская Г. В. Пушкиногорье в материалах фототеки ИИМК РАН // Далекое прошлое Пушкиногорья. Вып. 5. СПб., 2000. С. 48–55.

Из научного наследия... 2002 – Из научного наследия: Записка о присуждении ученых степеней С. А. Желбелова (публикация и примечания И. В. Тушкиной) // Очерки истории отечественной археологии. Вып. III. М. 2002. С. 142–195. Мильчик 1999 – Мильчик М. И. Заоньезье на старых фотографиях. СПб. 1999.

² После революции в 1918 г. старая система аттестации научных кадров была упразднена, отменены ученые звания и степени, которые были возрождены постановлением в 1934 г. (Из научного наследия... 2002: 143).

- Покрышкин, Романов 1908 – *Покрышкин П. П., Романов К. К. Древние здания в Ферапонтовом монастыре Новгородской губернии* // ИАК. Вып. XXVIII. СПб. 1908. С. 107–155.
- Романов 1909 – *Романов К. К. Остатки каменных стен XVII в. в Тихвинском Богородице-Успенском монастыре Новгородской губернии* // ИАК. Вып. XXXII. СПб. 1909. С. 141–162.

- Романов 1910 – *Романов К. К. Звонница Тихвинского Богородице-Успенского монастыря Новгородской губернии* // ИАК. Вып. XXXVI. СПб. 1910. С. 93–122.
- Романов 1910 – *Романов К. К. Георгиевский Собор в г. Юрьеве-Польском (краткий отчет о разведке)* // ИАК. Вып. XXXVI. СПб. 1910. С. 70–93.
- Романов 1934 – *Романов К. К. Развалины храма римского типа в Баш-Гарни* // Известия ГАИМК. Вып. 100. Л., 1934. С. 635–654.

Архивные материалы

Фотоархив ИИМК РАН:

НА ИИМК РАН, ФА. Ф. 30, колл. 1379 – Биографические данные о К. К. Романове.

Рукописный архив ИИМК РАН:

НА ИИМК РАН, РА. Ф. 2, оп. 3, д. 569 – Личное дело К. К. Романова.

НА ИИМК РАН, РА. Ф. 2, оп. 5, д. 273 – Трудовой список.

НА ИИМК РАН, РА. Ф. 29, д. 66 – Черновики докладных записок об охране памятников искусства.

НА ИИМК РАН, РА. Ф. 29, д. 111 – Охрана монументальных памятников (доклад на Петроградской Губернской Музейной конференции).

НА ИИМК РАН, РА. Ф. 29, д. 701 – К. Романов. Охрана памятников.

НА ИИМК РАН, РА. Ф. 29, д. 788 – Материалы о преподавательской деятельности в Ленинградском Институте железнодорожного транспорта.

НА ИИМК РАН, РА. Ф. 29, д. 804 – Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины. 1910–1916 гг.

НА ИИМК РАН, РА. 1922 г. Ф. 29, д. 847 – Материалы об участии К. К. Романова по изъятию церковных ценностей.

НА ИИМК РАН, РА. Ф. 29, д. 877 – Материалы о деятельности К. К. Романова в Отделе по охране памятников Управления по делам искусств при Ленинградском Областном исполкоме С. Н. Х. РСФСР. Со списками памятников Ленинградской области, состоящих под государственной охраной.

НА ИИМК РАН, РА. Ф. 29, д. 884 – Жизнеописание и анкеты.

ГЛЕБ АНАТОЛЬЕВИЧ БОНЧ-ОСМОЛОВСКИЙ: ПО СТРАНИЦАМ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

Н. И. ПЛАТОНОВА¹

Памяти Надежды Викторовны Тагеевой

Весь облик, весь жизненный путь Г. А. Бонч-Осмоловского, казалось, были сотканы из противоречий. Потомок старинного дворянского рода – он всегда выглядел разночинцем до мозга костей. Великий эрудит, мастер точных логических построений – оказывался совершенным слепцом в политике. Любимец женщин – потерял сокрушительное фиаско в любви. Полнейший бесребренник – обладал недюжинной практической сметкой. Подвижник, мученик науки XX в. – был самым неусыпным жизнелюбом, умевшим, как мальчишка, радоваться каждой мелочи.

Этнографы считают его этнографом, археологи – археологом, антропологи – антропологом. И это вполне оправдано. В каждой из этих наук Г. А. Бонч-Осмоловский проявил себя как крупный специалист. А в 1935–1936 гг. он показал себя профессионалом и в геологии. Но все-таки по-настоящему выдающиеся открытия были сделаны им в областях палеоантропологии и первобытной археологии. И, наверное, будет правильно называть его, в первую очередь, специалистом-палеолитоведом.

Путь, которым шел в науке Глеб Анатольевич, пролегал в стороне от торных дорог. Глубину его прозрений в полной мере смогли оценить только наши

современники – ученые рубежа XX–XXI вв. Многие идеи Г. А. Бонч-Осмоловского нашли себе реальное воплощение лишь после смерти ученого. В этой связи в археологической литературе уже прозвучали слова: «феномен преждевременного открытия» (Васильев 1994; Платонова 1995).

Так, например, отказ от характеристики памятников по отдельным ярким находкам и ориентации на *весь инвентарь*, с точными количественными подсчетами, в дальнейшем стали главным принципом методики, разработанной Ф. Бордом. Однако классические исследования Борда были произведены в среднем лет на 20–30 позднее основных разработок Г. А. Бонч-Осмоловского по крымскому палеолиту (Бонч-Осмоловский 1928; Бонч-Осмоловский 1940; Bordes 1961).

Мысль русского ученого о необходимости изучать и воссоздавать древние технологические процессы в динамике стала основополагающей для археологии палеолита 2 половины XX в. Произведённое им изучение нарезок – следов утилизации на палеолитических костях (Бонч-Осмоловский 1931) – на полвека предвосхитило развитие новой дисциплины – археозологии (или тафономии), начавшееся приблизительно

¹ Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая набережная, 18. Институт истории материальной культуры. Отдел славяно-финской археологии.

но в 1980-х. Помимо того, Глеба Анатольевича можно считать и одним из родоначальников изучения палеоэкологии (сразу отметим: в 1920–30-х гг., когда создавались его труды, самого термина «экология» ещё не было в обиходе!). Однако уже тогда Г. А. Бончу-Осмоловский отмечал роль демографического фактора развития древних обществ, сделал интересную попытку реконструировать характер взаимодействия человека и природы и выявить причины перехода к производящему хозяйству на исходе эпохи палеолита (Бончу-Осмоловский 1932). Серьезный поиск в этом направлении возобновился в мировой науке лишь спустя четверть века после смерти Г. А. Бончу-Осмоловского – в рамках англо-американской («новой археологии») 1960-х (Binford 1968; см. также: Васильев 2001–2002: 51–54).

К величайшему сожалению, при жизни ученого всё это не находило себе настоящего отклика, ибо шло вразрез с господствующей тенденцией социологического подхода к памятникам. Впрочем, не будем упрощать. Недоброжелателей было много, и их тоже нельзя однозначно «классифицировать социологически». Глеб Анатольевич нередко оказывался в полном смысле слова «своим среди чужих, чужим среди своих». Он вызывал у окружающих широкий спектр чувств – от безоглядного поклонения до полного непонимания и самой чёрной ненависти.

Высокая актуальность научного наследия Г. А. Бончу-Осмоловского в контексте современной науки заставляет внимательно отнестись к вопросу о том, где в настоящий момент находится его неопубликованные материалы? Следует сразу оговорить: большая часть этих материалов была передана на ответственное хранение еще в 1950–1970-х гг. Трудями вдовы Глеба Анатольевича Надежды Викторовны Тагеевой², его рукописи были частично изданы (Бончу-Осмоловский 1954), а частично разобраны, систематизированы и переданы в несколько научных архивов. Археологические материалы, по большей части, оказались в архиве ИИМК РАН. Антропологические – в Антропологическом отделе МАЭ РАН. Этнографические – в архиве Российского этнографического музея.

«...Из всех собранных им (Г. А. Бончу-Осмоловским – Н. П.) материалов и задуманных и проработанных трудов ему удалось довести до конца только исследование Киик-Коба – писала Надежда Викторовна Е. А. Веклиовой в феврале 1977 г. – По другим объектам, как Вы знаете, им собран огромный материал... Я хочу сейчас Вам напомнить о судьбе части архивных материалов Г. А.

Когда мы уезжали из Ленинграда в ноябре 1941 г. в эвакуацию, Г. А. сдал на хранение в ИИМК чемодан со своими научными материалами. Вернувшись в Ленинград в начале 1946 г., я получила их от О. И. Бич. Дневники раскопок я, еще живая в Ленинграде, то есть до 1950 г., сдала в Археологический отдел МАЭ, которым тогда заведовал С. Н. Замятин. Часть материалов я сдала в 1958 г. в Москве в Институт археологии АН³. Часть материалов я передала в мае 1964 г. в МАЭ в Ленинграде и просила ознакомиться с ними Вас, как занимающуюся палеолитом Крыма. Опись этих материалов в письме ко мне директора МАЭ Л. Потапова у меня имеется, но где теперь эти материалы? Затем в 1970 г. некоторые материалы я передала через Вас в архив Института археологии (ЛОИА АН СССР – Н. П.).

Остальные материалы Г. А., хранившиеся у меня, я обработала и в 1973 и 1975 гг. сдала в архив Института археологии в Ленинграде. Еще ранее часть материалов по антропологии была сдана мною в Антропологический отдел МАЭ. Как было бы хорошо, если бы к 90-летию Г. А. (1980 г.) вышла Ваша работа с подробным освещением его неопубликованных материалов...»⁴ (цит. по черновику Н. В. Тагеевой, хранящемуся в семейном архиве).

Уточняя эти сведения, можно отметить, что в ИИМК РАН, в конечном счете, попали следующие полевые материалы Крымской экспедиции:

1924 г. – дневники раскопок в гротах Киик-коба, Кызыл-коба;

1925 г. – дневник раскопок в гроте Киик-коба;

1926 г. – дневники раскопок в гротах Киик-коба и Сюрень I; разведок в Бахчисарайском, Севастопольском и Байдарском районах; список предметов из грота Сюрень II, переданных в Центральный музей Тавриды;

1927 г. – дневник разведок в Кучук-Сюрень, Пыхчи, Ени-Сала и др. районах; полевые чертежи раскопок в гротах Сюрень I и Фатма-коба;

1928 г. – дневники разведок в долине р. Бодрак; раскопок в гроте Сюрень I;

1929 г. – дневник раскопок в гроте Шайтан-коба; полевые чертежи раскопок в гротах Шайтан-коба, Шан-коба;

1933 г. – дневники раскопок в гротах Аджик-коба, Шайтан-коба; полевые чертежи раскопок в гроте Шайтан-коба;

1924–28 гг. – списки определений фауны из раскопок крымских памятников.

Вся эта документация ныне выделена из личного фонда Г. А. Бончу-Осмоловского в РА ИИМК РАН

² Тагеева Надежда Викторовна (1904–1994) – вторая жена Г. А. Бончу-Осмоловского (1939–1943). Геохимик, доктор геолого-минералогических наук. Родилась в семье известного инженера, начальника всех российских портов Черного моря В. Л. Тагеева. Среднюю школу окончила в Феодосии. В дальнейшем окончила географический факультет ЛГУ (1922–1929 гг.). В 1929–38 гг. работала в Ленинграде, в Геохимическом (с 1932 г. – Нефтяном) институте. В ноябре 1941 г. эвакуирована в Казань вместе с Г. А. Бончу-Осмоловским. С 1945 г. – докторант, в 1949–1963 гг. – научный сотрудник Радиевого института в Москве. Скончалась в Санкт-Петербурге.

³ В семейном архиве сохранился список полевой документации Г. А. Бончу-Осмоловского, имеющий карандашную пометку Надежды Викторовны «Передано в Институт археологии в Москве, 1958 г.». Однако в дальнейшем все указанные в списке материалы были переданы из Москвы в Ленинград, в архив ЛОИА (ныне: ИИМК РАН).

⁴ К сожалению, надежды вдовы Г. А. Бончу-Осмоловского на монографическую публикацию его археологических материалов не оправдались. Самыми серьезными работами Е. А. Веклиовой, написанными на их основе, остались: (Веклиова 1957; 1971).

и хранится в фондах 2 (ГАИМК) и 35 (ИИМК АН СССР).

Упомянутое выше письмо зам. директора ИЭ АН СССР проф. Л.П. Потапова к Н.В. Тагеевой датировано 2 июня 1964 г. В нем перечислены материалы, переданные вдовой Г.А. Бонч-Осмоловского в археологический отдел МАЭ:

1924 г. – планы и разрезы гротов Сюрень I и II;

1926 г. – папка с материалами по мезолитической стоянке Кукрек; дневники раскопок в гротах Сюрень I и II;

1928 г. – дневник раскопок в гроте Сюрень I;

1929 г. – дневник раскопок в гроте Сюрень I;

1933 г. – план и разрез грота Аджи-коба; дневник раскопок Крымской экспедиции ГИИ.

Кроме того, в археологический отдел МАЭ были переданы папки: 1) с материалами по Крымским пещерам и стоянкам (Карлы-кай – каменные ящики; Кызыл-коба – рисунки керамики и орудий; Сюрень I и II – рисунки орудий; Кукрек – 3 орудия орудий); 2) с материалами по гротам Кош-коба и Шан-коба (список орудий и черновые наброски отчетного характера); 3) с черновиками книги «Грот Киик-коба».³

Передача в МАЭ антропологических материалов состоялась несколько раньше – 30 апреля – 3 мая 1957 г. Судя по описи, сохранившейся в семейном архиве, Н. В. Тагеева передала в антропологический отдел 29 папок. Каждая из них содержала: 1) оригиналы рукописи Г. А. Бонч-Осмоловского; а – таблицы измерений костей неандертальца (погребенный в гроте Киик-коба, раскопки 1924 г.), б – конспекты описания техники измерений и описание костей; 2) рукописные копии и материалы, подготовленные Н. В. Тагеевой; а – копии таблиц измерений костей; б – описание техники измерений костей, составленное по конспектам Г. А. Бонч-Осмоловского; в – описание костей.

Передача материалов в Государственный Музей этнографии народов СССР (ныне: Российский этнографический музей, Санкт-Петербург) была совершена в три этапа. В семейном архиве сохранились три справки о сдаче коллекций. Из первой из них следует, что 30 июня 1972 г. от Надежды Викторовны было принято 7 папок, содержащих: а) оригиналы и машинописные копии полевых записей Г. А. Бонч-Осмоловского по этнографии крымских татар (1919 г.); б) планы, рисунки, негативы и фотографии, сделанные в ходе тех же этнографических поездок 1919 г.; в) оригиналы и машинописные копии докладов по этнографии крымских татар (1919–1925 гг.) (+ газетные вырезки); г) таблицы антропологических измерений крымских татар; д) разное: рукописи статей, записные книжки, отдельные этнографические записи (в том числе записи белорусских народных песен и частушек Минской губ.), черновики сценариев (1924 г.) и пр.

Вторая справка датирована 20 сентября 1972 г. Ею удостоверяется, что Тагеевой-Бонч-Осмоловской Н. В. были переданы в музей 5 папок с материалами, содержащими: а) оригиналы и копии полевых записей Г. А. Бонч-Осмоловского по этнографии осетин и хевсур (1909–1913 гг.); б) путевые заметки, дневники, тексты статей и докладов на те же темы (оригиналы и машинописные копии); в) этнографические зарисовки осетин и хевсур, негативы, фотографии, диапозитивы.

На основании третьей справки, выданной 15 июня 1973 г., мы можем удостовериться, что в архив ГМЭ оказались переданы: а) папка с материалами по работе Г. А. Бонч-Осмоловского в Крымхрисе (Крымском Комитете по делам музеев и охране памятников истории и старины) (1919–1921 гг.); б) папка с материалами о его педагогической деятельности (1925–1932 гг.); в) машинописный очерк Н. В. Тагеевой «Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский как этнограф-музеевед», с приложением 42 илл.

Дальнейшая обработка этих материалов затянулась на многие годы. Не помогло и то, что все они были систематизированы еще до передачи в музей. Безусловно, причиной послужило отсутствие в архиве ГМЭ достаточного количества лаборантов специально для такой работы. Обработка фондов легла целиком на плечи научных сотрудников музея, и без того загруженных текущей работой. В марте 1976 г. сотрудник ГМЭ Э. Г. Торчинская, занимавшаяся приемкой фонда Г. А. Бонч-Осмоловского, писала Надежде Викторовне в Москву:

«...примерно, месяц тому назад, в связи с осложнениями по линии строительства экспозиции «Азербайджанцы» (отсутствие оборудования и т. д.), у меня появился просвет, и я срочно занялась архивом. Не было бы счастья, да несчастье помогло. По мере работы, я все более и более убеждаюсь, что проделанная Вами работа достойна не только уважения, но и восхищения. По сути дела, Вы сделали доступными все записки Г. А., потому что прочесть их смог бы не каждый.

Но, несмотря на то, что материал прекрасно подготовлен, приходится, выполняя требования нашего заведующего архивом, все размещать по специально для этого дела предназначенным папкам и конвертам, подшивать, прошивать, пронумеровывать листы. [...] Все это заняло довольно много времени...» (цит. по автографу, хранящемуся в семейном архиве).

Точно такая же ситуация сложилась и с археологическим архивом Глеба Анатольевича, переданным его вдовой в ЛОИА АН СССР в начале 1970-х. Судя по письмам и пометкам Надежды Викторовны, имеющимся у нас в распоряжении, передача материалов в Ленинград велась ею постепенно, в основном через сотрудницу ЛОИА Е. А. Вежлякову. В настоящий момент личный фонд Г. А. Бонч-Осмоловского в ИИМК

³ К сожалению, судьба рукописных материалов Г. А. Бонч-Осмоловского, переданных в археологический отдел МАЭ, сейчас не ясна. В настоящий момент не удалось найти их следов в архиве МАЭ РАН. Нет их и в археологическом отделе музея (сведения получены от Г. Н. Хлопачева). Сравнение двух списков позволяет предположить, что, по крайней мере, часть дневников в дальнейшем оказалась в РА ИИМК. Остается надеяться, что остальные материалы тоже когда-нибудь «выплывут» при разборе бумаг кого-то из специалистов, работавших с ними впоследствии.

РАН (№ 71 по описи фондов), насчитывает 69 дел. Но его обработка не доведена до конца до сих пор. Основу фонда составляют рукописи, конспекты публичных выступлений, статей, тезисов, докладных записок, черновики научных работ и т.п., а также переписка с зарубежными и отечественными учеными. Как и в случае с этнографическими материалами, трудно читаемые, неразборчивые рукописи Глеба Анатольевича, как правило, сопровождаются машинописными копиями, сделанными Надеждой Викторовной. Многие письма зарубежных коллег к Г. А. Бонч-Осмоловскому переведены ею на русский язык. Эти переводы включены в сделанную ею подборку материалов к биографии ученого (Тареева Н. В. «Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский как археолог-доисторик»), которая также хранится в фонде.

Следует отметить особо: большая часть собственно биографических материалов, характеризующих жизненный путь ученого, находится ныне в семейном архиве автора настоящей статьи. Одной из его составляющих стали документы, оставшиеся у Н. В. Тареевой после завершения ею дела передачи в архив рукописного наследия мужа. Они были переданы его сыну Глебу Анатольевичу Андрею в начале 1980-х гг. Вторая, не менее важная часть – это материалы личного архива Ольги Георгиевны Бонч-Осмоловской (урожд. Морозовой)⁶. Здесь сохранилась довольно обширная переписка Глеба Анатольевича с родными (в том числе не менее 36 его писем из Воркутинских лагерей 1934–1936 гг.), а также самые разнообразные документы – удостоверения, справки, заявления, наброски, рукописи, фотографии, газетные вырезки и т. д. Большой и самостоятельный интерес представляют собой личные дневники Ольги Георгиевны, которые она вела всю жизнь.

Все дневниковые тетради сохранились для потомков. К сожалению, записи 1920-х годов оказались уничтоженными (до февраля 1929 г. включительно). Отсутствуют тетради 1932–1934 гг. и некоторые другие. Но и того, что дошло до нас, достаточно, чтобы понять: Ольга Георгиевна недаром называла раздумья о жизни «потребностью и правом человека, наряду с правом жить». Интимное и сугубо личное постоянно соседствует в ее дневниках с попытками осмыслить и описать события, происходящие в масштабе всей страны. Эти записи, сделанные по горячим следам событий, представляют собой уникальный документ эпохи – яркий и достоверный (хотя и бесконечно пристрастный!).

Особое место занимает в семейном архиве целый комплекс неопубликованных записок и мемуаров членов семьи Бонч-Осмоловских и их друзей. В числе их обширная рукопись (вернее, машинописная копия) воспоминаний Анатолия Осиповича Бонч-Ос-

моловского (отца ученого) о своей революционной деятельности. К этим воспоминаниям примыкают записки Ивана Анатольевича (старшего брата Глеба), а также рукопись неопубликованной книги Ольги Георгиевны «Одна судьба. Часть 2» (1920–1950-е годы)⁷ и неоконченные записки «О времени и о себе», принадлежащие перу Андрея Глебовича Бонч-Осмоловского⁸ (в них описан период 1930–40-х гг.). Большой интерес представляет также глава воспоминаний П. О. Сомова, первого мужа Ольги Георгиевны, с описанием его бегства с Врангелем из Севастополя. Рукопись этой главы (авторское название: «Эвакуация») была прислана в Ленинград Ольге Георгиевне в начале 1960-х гг. Ныне она опубликована (Платонова 2003).

Помимо воспоминаний такого рода, где в центре внимания, конечно, находятся фигуры самих мемуаристов, в семейном архиве имеется целая серия записок и очерков, посвященных事业上 Г. А. Бонч-Осмоловскому. Здесь следует упомянуть: а) набросок выступления Ольги Георгиевны в ЛОИА, на заседании памяти Глеба Анатольевича, с описанием их первого знакомства и впечатлений от совместной поездки во Францию в 1926 г.; б) очерк Андрея Глебовича «Последние годы жизни этнографа, палеонтолога и антрополога Г. А. Бонч-Осмоловского. 1936–1943 гг.»; в) воспоминания Георгия Павловича Сомова, пасанка Г. А. Бонч-Осмоловского, о своем отчестве (присланы Андрею Глебовичу в ноябре 1990 г.); г) очерк историка и литературоведа Н. П. Анциферова, содержащий воспоминания об Эрмитажном кружке и дружбе с Глебом Анатольевичем (написан, вероятно, по просьбе Н. В. Тареевой); д) краткий очерк А. Ф. Бонч-Осмоловского (дальнего родственника), содержащий отдельные любопытные детали к биографии Г. А.; е) письмо С. Н. Бибинова к Ольге Георгиевне с воспоминаниями об экспедициях Г. А. Бонч-Осмоловского от 24.02.1971; ж) очерк Н. В. Тареевой «Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский на Воркуте» (машинопись).

Помимо этих рукописных материалов, в семейном архиве хранятся записи устных рассказов В. И. Осмоловской-Формозовой (племянницы Глеба Анатольевича) и С. Н. Бибинова, сделанные автором этих строк. Сюда примыкают и материалы о нем, собранные мною в архиве ФСБ (по «делу Серебрякова» 1924 г. и «делу Российской национальной партии» 1933–1934 гг.). Частично эти материалы опубликованы (Платонова 2002).

Жизнь и научная деятельность Г. А. Бонч-Осмоловского, безусловно, являются темой монографического исследования. Такое исследование – дело будущего. Но три документа, выдержки из которых публикуются ниже, позволяют, на мой взгляд, дос-

⁶ Бонч-Осмоловская Ольга Георгиевна (1895–1975) – первая жена Г. А. Бонч-Осмоловского (1921–1939). Художник и педагог. В 1920-х гг. сотрудничала с Детгизом. На рубеже 1920–1930-х гг. работала в области монументальной живописи. Исполняла росписи музейных залов (экспозиции этнографического отдела Русского музея, Музей революции, Четвертичной выставки АН СССР и пр.). После 1934 г. начала преподавать в художественных студиях и школах Ленинграда. Талантливый писатель-мемуарист.

⁷ Первая часть этой книги опубликована: (Морозова 1964; Морозова 1976).

⁸ Бонч-Осмоловский Андрей Глебович (1929–2001) – сын Г. А. и О. Г. Бонч-Осмоловских. Физик-теоретик, доктор физико-математических наук. В 1962–1993 гг. работал в Дубне, в Объединенном институте ядерных исследований (ОИЯИ).

товерно обрисовать картину, в каких условиях выпало жить и работать Г. А. Бонч-Осмоловскому, как происходило его становление как ученого и общественного деятеля. Каждый из этих документов, в какой-то степени, дополняет и корректирует информацию, содержащуюся в двух остальных. По характеру публикуемых материалов, они могут представлять интерес как для специалистов, так и для широкого круга читателей.

1. Из выступления О. Г. Бонч-Осмоловской на заседании в честь 80-летия со дня рождения Г. А. Бонч-Осмоловского в ЛОИА АН СССР (февраль 1971 г.):

Меня просили поделиться своими воспоминаниями о Глебе Анатольевиче, потому что его жизнь шла рядом с моею в течение многих лет. Мне трудно говорить о нем, потому что последующие события наслонили на эти воспоминания, и память устала. Тем не менее, я не смогла отказаться от выступления из соображений дружбы, уважения и долга перед его памятью.

Мы встретились зимой 1918 г. на пароходике, шедшем из Ялты в Севастополь в штормовую погоду. На пароходе нас было две женщины и группа молодых людей самого различного вида, занимавших стол в кают-компании. Среди них были демобилизованные солдаты царской армии, может быть, бежавшие с фронта – может быть, участники гражданской войны, которая уже началась в Крыму, или же просто бродившие в поисках своего места в бурном потоке событий.

Один из севших за стол, бледный, наголо бритый, с широкой озорной улыбкой, обратился к нам с просьбой дать нож, чтобы разрезать хлеб. Ножа у нас не оказалось, но знакомство состоялось. Глеб Анатольевич потащил меня на палубу и под ветром и мокрым снегом стал горячо, с необычайным оживлением рассказывать о Петербурге-Петрограде, о довоенных годах своей жизни, о своем увлечении этнографией и путешествиях по Кавказу, о том, что он не успел закончить университет, был мобилизован⁸. [...] Он был отравлен газом, контузен и получил на войне туберкулез. В Крыму он лечился. [...] Было видно, что он истосковался по душевному разговору, но дружбе, радовался встрече с человеком близко-крута.

Спустя два месяца Глеб Анатольевич появился в Ялте. Живя в санатории, он, как видно, лечился не слишком усердно, свободно разгуливал по городу в необыкновенном своем костюме, состоявшем из старой бекеши, мятой шляпы, косоворотки, вышитой петахуми. Его появление вызвало любопытство и переполох среди обывателей города и беженцев с севера. И те, и другие были напуганы Октябрьским переворотом и гражданской войной [...]. Жили притаившись. Ждали. Человек, ворвавшийся в это болото,

принес с собой как бы ветер революции, острое политическое чутье, убежденность и веру в победу нового строя.

Он дразнил напуганное население Ялты своими речами, дерзкой улыбкой и спорами, в которых побеждал неизменно. Поражала его биография: он оказался сыном крупных белорусских помещиков-ародовольцев⁹, превративших свое имение Блонь в революционное гнездо. Все средства от имени шли на революцию, в имени скрывались политические беженцы, там была организована типография и печатались революционные листовки... Глеб Анатольевич был младший сын в семье, недоучившийся студент, путешественник, этнограф и солдат. [...] Вокруг него образовался молодежный, главным образом, девичий, кружок. Мы все много смеялись, рисовали карикатуры на нашего вождя и спорили. Он тоже смеялся, но его беспощадная логика сокрушала наши незрелые умы. Он опровергал наши косные политические взгляды, хотя взглядов-то у нас еще не могло быть. [...] Однако он не всегда смеялся, не всегда балагурил. Бывало, он внезапно преображался, лицо выражало ум, волю, более того – одержимость мыслью. Наша общая приятельница-художница говорила о нем ворчливо: «Глеб – фанатик и, хотя иден своей пока не нашел, но ради доказательства в споре готов сунуть голову в горящую печь.»

После установления в Крыму советской власти Глеб Анатольевич заведовал комитетом по делам музеев и назывался Завкрымохрисом. Впоследствии, получив дополнительные полномочия, стал Уполномоченным – звание, перевести которое я затрудняюсь¹⁰. Затем была организована комиссия из 5 или 6 человек – археолог проф. Н. Л. Эрнст, фотограф Бунаков, художник – я. Возглавлял комиссию Глеб Анатольевич. [...] Комиссия обследовала дворцы южного берега, брошенные владельцами, проверяла имущество в Гаспре и Алушке, отбирало все, имевшее музейную ценность, все, что было спрятано в подвалах. Оставшаяся дворянская челядь всеми доступными средствами пыталась вести борьбу с нами. Главным оружием она считала винные подвалы дворцов с редкими царскими винами. Комиссия охотно заглядывала в подвалы, но вина не помешали ей отобрать музейные ценности, опечатать кладовые и, кроме того, провести митинги с населением.

В 1922 г. Глеб Анатольевич с семьей переехал в Ленинград. Это время борьбы за существование, тяжелое в материальном и моральном отношении. Нужно было заканчивать университет, совмещая учебу со службой в этнографическом отделе Русского музея. Нужно было завоевывать свое место в научном мире, в сложившемся коллективе ученых. И здесь повторилась история с недоверчивым и враждебным отношением к человеку, чья биография, чей склад ума и судьба резко отличались своим своеобразием.

⁸ В действительности, Г. А. Бонч-Осмоловский в 1915 г. пошел на фронт добровольцем (вольноопределяющимся). Был демобилизован в феврале 1917 г. по болезни.

⁹ На деле, родители Глеба Анатольевича Осипович и Варвара Ивановна Бонч-Осмоловские были народниками, не признававшими террористических методов борьбы с правительством. К партии «Народная воля» они не принадлежали никогда.

¹⁰ Уполномоченный Чрезвычайной Комиссии по экспорту при Совете Труда и Обороне (прим. ред.).

Отношения складывались нелегко. Здесь не место и не время углубляться в *причины такого отношения*. Упрощая вопрос, можно лишь сказать, что сложившийся в своих традициях и *взглядах коллектив не мог* легко принять иронию, смелость суждений, твердую убежденность и целостность в *политических и научных* взглядах, манеру дерзко балагурить и настойчиво требовать (настырно надежд). Раздражало новаторство, оно постоянно подвергалось сомнениям в *дальнейших исследованиях в Крыму*.

Родственники, друзья и тем более, сотрудницы учреждений, где работал Глеб Анатолевич, считали его разбросанным человеком за его попеременные углубления то в этнографию, то в антропологию и, наконец, в палеолит. Между тем, его увлечения были закономерны [...]. С 1923 г. Глеб Анатолевич занялся упорным и настоятельными поисками палеолита на Крымской яйле. Он был убежден, на основании забытых раскопок 1880-х годов [К. С.] Мережковского, что человеческие стоянки четвертичного периода имеются в Крыму. За короткий срок было обследовано более 100 пещер, но безрезультатно... Глеб Анатолевич однако не отчаивался, это было не в его характере. Он продолжал поиск с уверенностью. В 1924 г. раскопки дали, наконец, желанный результат. В гроте Киникоба, на северном склоне Короби-яйлы, были обнаружены кремневые орудия и остатки двух скелетов неандертальцев. Это было важнейшее открытие. [...].

Мне приходилось видеть, как производились раскопки, наблюдать увлеченность и молодой задор учеников Глеба Анатолевича, его добрую требовательность, строгую методичность и ритм работы, неизменно доброе, жизнерадостное настроение. Глеб Анатолевич для всех этих ребят был старшим и добрым товарищем, настоящим воспитателем мужества, воли и терпения. Последнее было совершенно необходимо, так как условия работы и средства на нее, с боем добытые Глебом Анатолевичем, были ничтожные. Условий попросту не было. Это были очень бедные и полуголодные экспедиции, где рабочим платили не деньгами, а кусочками ситца, который выдавался для этих целей. Не могу не вспомнить добрым словом верных помощников Глеба Анатолевича – Серёжу Бибикова и Симу Трусова, чья роль верного помощника и опоры в течение долгих лет неоспорима. Сима Трусова, очень скромная и красивая девушка, вынесла на своих плечах безропотно наибольшие трудности и нагрузки в общей работе, а впоследствии – в обработке материалов. [...].

Глеб Анатолевич стал добывать командировки во Францию для сравнения материала и подтверждения своих гипотез. В 1926 г. он получил визу. Маршрут путешествия – Константинополь, Афины, Марсель, Дордонь, Париж, Монако, затем Мюнхен, Тюбинген, Нюрнберг. Летом мы выехали из Одессы на пароходе. В Афинах пришлось провести 10 дней в ожидании французского парохода. Провинция Дордонь, местечко Les Euzies. Оттуда мы объездили на велосипедах все пещеры, все стоянки доисторического человека на скалистых обрывах. С нами ездил чешский археолог, фамилию которого не помню.

Тогда эти пещеры были частными музеями владельцев участка. За посещение платили по 1 франку. Нас вела, согнувшись или ползком, сторожиха и, освещая оспавшей свечой мокрые стены с изображениями животных и наскальными рисунками, шептала заученно и монотонно [...], не позволяя остановиться, вела дальше.

По дороге в Париж мы остановились в старинном городке Перигё. Мы заблудились в сумерках в переулках улиц. навстречу спустился с горы высокий пожилой француз типа Ромена Роллана. Мы – к нему: как нам пройти на вокзал? Он с любопытством осматривал нас и, видимо, удивляясь произношению, спросил: кто мы и откуда? Мы предложили ему угадать. Он добросовестно перечислил все страны Европы, забыв о Советском Союзе и, когда мы ему об этом сказали, воскликнул, смеясь: «Как, в стране Советов, оказывается, есть такие славные ребята?» – и дружески похлопал моего спутника по спине.

Я уехала дальше. Глеб Анатолевич остался, чтобы повидать археолога Анри Мартэна. После сложного разговора на русско-французском языке и обмена всякими любезностями при расставании, Мартэн подарил Глебу Анатолевичу свою недавно вышедшую книгу. Глеб Анатолевич сказал: «Мерси». Хозяин взглянул на него с удивлением и заметил: «Книга стоит 30 франков».

В Париже Глеб Анатолевич виделся с [А.] Брейлем, [М.] Бузем и несколько позже с [Д.] Пейрони. Я присутствовала при встречах с аббатом Брейлем. Толстый пожилой аббат размахивал крыльями своей черной сутаны. Это был жизнерадостный и галантный человек. Он конфузил и смешил меня, расхваливая рисунки кремней. Сам он – великолепный рисовальщик, мастер в деле выявления сути обработки кремня. Он умел подчеркнуть искомое и пренебречь случайными деталями.

Глеб Анатолевич говорил по-французски с бедоресским акцентом, не считаясь с иноземным синтаксисом. Я смеялась. Брейль не мог удержаться от добродушного смеха. Глеб Анатолевич смеялся тоже, но иногда сердился, что ему мешают высказываться. Эти встречи были исполнены дружелюбия, доверия и взаимного интереса. На прощание Брейль подарил Глебу Анатолевичу 2 тома роскошного издания своих трудов с рисунками животных из Альтамирской пещеры. Эти книги выручили нашу семью в годину бедствий. [...].

В 1933 году в результате необоснованного обвинения Глеб Анатолевич был выброшен из жизни на 3 года. По возвращении в Ленинград, он поселился в Ордежке. [...] Здоровье Глеба Анатолевича было сильно подорвано. Условия работы, как это можно себе представить, были трудные, потому что приходилось обходиться без библиотек, без лаборатории, без необходимых встреч с учеными. Но волевой и мучитель, страстная преданность делу помогли ему преодолеть трудности. Всю его деятельность последних лет нужно считать беспримерным научным подвигом. [...] В конце этого периода Глеб Анатолевич был [...] восстановлен в правах, получил докторскую степень.

В конце 1941 г. [Глеб Анатольевич] был эвакуирован в Казань. Он уезжал из своей бывшей квартиры вместе с женой Н. В. Тагеевой. Мы уложили его спать на столе в столовой, где еще *лежало топило*. У Глеба Анатольевича поднялась температура, он был ослаблен голодом и болезнью. Мы боялись за него. Как перенесет он трудности дороги?.. Процалились с тяжелым предчувствием, что не увидимся больше.

О последних годах его жизни в Казани я не буду говорить подробно, потому что мои воспоминания о встречах с ним кончаются с его отъездом. [...] В осажденный Ленинград прорывались письма от него и нашего сына, из них я узнавала о трудных бытовых условиях и непомерной нагрузке последних его лет. [...] Глеб Анатольевич был великий жизнелюб. Во имя жизни и науки он боролся с физической слабостью. Он хотел жить и работать. К нему, наконец, пришло признание, он был в расцвете своего таланта, во всеоружии опыта и знаний, на высоком творческом подъеме.

...И тогда у него внезапно остановилось сердце.

2. Из дневников О. Г. Бонч-Осмоловской 1929–1930 гг.

1 марта 1929 года.

Снова мы погибам всем домом. Глеб киснет, валется через день, почти не работает. Я бранюсь, но стоить ему выйти из дому на службу – я готова бежать за ним и плачу от жалости. Влакомленные перья, серо-жёлтое лицо, обтянутые кости и нос, как шило. [...]

Эту ночь изволил батька¹². Вот старик на удивление. Занятный, но беспокойный герой. Он и теперь в свои 75 лет выглядит если не моложе Глеба, то во всяком случае, авантажнее. [...] Глеб называется его бунтарём – батьку своего. А я вот что о нём думаю. Бунтарь-то он бунтарь, но несознательный – от избытка сил и здоровья, от темперамента. Помещик и революционер, организатор, нарушитель устоев – всё это в нём стихийно, не от ума, не от воли, не от убеждения – от той буйной стихии, что сделала Казанову и ему подобных авантюристами, героями разного рода, смотря по времени и обстоятельствам. [...]

Так как он глух и слеп к чужой жизни, то ему ничего не стоит принять беспокойство, он не замечает того, что может быть в тягость. Так, по беспокойству своей природы, он не может высклест в санатории и то и дело приезжает к нам из Детского села. Глеб лежит, мы все в хлопотах, и, тем не менее, он остаётся ночевать, обедать и обещает приехать погостить подольше, когда санаторский срок кончится. Больше Глеб перетаскивает в свою комнату тяжёлый диван, кипит чай ночью, когда батька возвращается с прогулки, а, так как беспокойный старик шебаршит всю ночь и, по деревенской привычке, поднимается с петухами, то Глеб не спит и встаёт страшнее смерти. [...]

14 марта 1929 года.

Вчера Андрейке два месяца.

Батька уехал. Я разглядела его как-то в солнечный день. Андрейка выл, я заткнула его соской, рисовала орудия Глебу и слушала, засыпая от усталости, сказку для детей, которую сочинил старик и читал мне. Под косматыми седыми бровями – глаза, голубые и блестящие до жути, и совсем молодая улыбка. Он точно и не совсем человек, он – Паш, языческая чудилка, с непомерной силой и жадной жизни. В нём не развит ни ум, ни вкус, ни чувства. Он весь в хаосе, и вся его жизнь, волевая и бунтарская прошла под лозунгом: «чего моя нога хочет».

Помещик, швыряющий деньги на революцию, революционер – от стремления действовать и воевать, а в домашней жизни – эгоист и скряга-кулак, крижистый мужик. Он никого, думается мне, не любил и ни о ком не думал. Так, иногда из sentimentalности проливал, как говорит Глеб, крокодиловы слёзы. Плечом вышибал дверь, гнул подковы, но любил и пустить слезу. И вот в своём последнем бунте влгуд обмяк (слова Глеба) и любит свою последнюю девочку по-человечески.

Ничего, занятный старик, мне понравился. [...]

21 марта 1929 года.

Паша¹³ приходит с базара, если не заплаканная, то потому только, что злость пересиливает. Стоит часами в очередях – на хлеб, на сахар, на керосин, на масло, на соль.

[...] Глеб продолжает отмахиваться от бабьих воплей. Он удивляется стоянию в очередях и общему настроению, но склонен всё это объяснять интеллигентской или бабьей распушенностью. Его кремни заслонили для него живую жизнь, а газеты поддерживают в нём бодрый и довольный тон. [...]

23 апреля 1929 года.

Толпы нищих голодных крестьян из Псковской губернии осаждают город, стучатся в двери. Люди становятся на колени и плачут. В деревне вымерли старики и дети. Многие рассказывают. Об этом газете не пишут. Вероятно – мелочь, по сравнению с задачами социалистического строительства. [...] Ну, что ж, гнусностям и глупостям нет конца, нет конца лишениям, голоду, разрухе всех видов. Во имя чего? Во имя «строящихся гигантов», каких-то мифических заводов, эксплуатация которых рассчитана на времена снастильного будущего. А пока разоряют всё, что можно, чистят «бывших» людей, воюют с кулаками, воюют с антисемитами, преследуют интеллигентов и всех, кто не рабочий. Выкачивают деньги даже у детей в школах «на тяжёлую индустриализацию». Дают цензурой до того, что ни одного живого и свободного от тенденции и агитки слова не просачивается больше ни в литературу, ни в театр, ни в газету. Сам воздух полон уныния, недоверия, злобы. Все по-

¹² ...батька... – Бонч-Осмоловский Анатолий Осипович (1857–1930) – отец Г. А. Бонч-Осмоловского. Видный деятель революционного движения – народник, член партии «Серый передел», позднее эсер, неоднократно арестовывался и ссылался. Умер в Москве.

¹³ Паша... – Контратьява Прасковья Петровна (1895–1948) – крестьянка с. Вруда С.-Петербургской губернии. С 1912 года жила в качестве «домоправительницы» в доме проф. Г. Ф. Морозова, отца О. Г. Бонч-Осмоловской. Стала, фактически, членом семьи, неоднократно упоминается в воспоминаниях А. Г. Бонч-Осмоловского («баба»). В книге «Одна судьба» описана под именем «Дуняша» (Морозова 1976).

дозревают друг друга, дети шпионят на учителей, студенты – на профессоров, рабочие – на инженеров. А бедные женщины стоят в очередях с тупостью животных, приученных к постоянному страданию.

Глеб продолжает увальнять и по-прежнему бьёт меня, дядю, всех – рассуждениями о цехах, которые мы не понимаем. Мы – жалкие нытики. [...]

4 мая 1929 года

[...] Паша в этом году торжествует особенно. Война с религией обострила её религиозное чувство, она сияет, как мученица за правду, наша Параскева-великомученица. И вот, несмотря на усталость (еле душа в теле), побежала в церковь плакать и молиться своему богу, попираемому и потому особенно милому. На днях же был советский праздник – 1 мая [...]. Толпы расфранчённых мешан и только – так для меня. Для Глеба же восторг и упоение. Посмотри, как научились одеваться! Рабочий в жёлтых ботинках, серой шляпе и галстучке бабочкой – да ведь это же трогательно!

Ну вот. У меня же, у меня одной нет праздника, нет бога. Я не молюсь богу, я не верю в социализм, а, если и допускаю его, то без всякого энтузиазма. И диктатура рабочего класса, переживаемая сейчас, для меня так же отвратительна, как и всякая другая диктатура. [...]

10 июня 1929 года.

[...] Анциферов сидит. Уже давно. Татьяна Николаевна умирает¹⁴. Дети больны. Старуха мать совсем выжила из ума. Сначала поехал Фаф¹⁵, отвёз им денег. Потом был Глеб. История этой семьи ужасна. Большой трагедии нельзя придумать. Только наша советская жизнь умудряется сочинять истории, по варшавской жестокости ни с чем на свете не сравнимые. Что знают все эти печатающиеся ужасы голодающих в Польше рабочих? У нас у самых так много голодающих крестьян, умирающих на улице семей. Мы пишем о капиталистических ужасах, проливая крокодиловы слёзы. О своих говорить не принято. Всё это – мелочи, по сравнению с «небывалым строительством социализма». Да, да, и всё же все эти ужасы – чужие и наши – ничто по сравнению с историей одной такой семьи. Здесь идёт речь не только о голоде, болезни и смерти, а о целой системе страданий, нравственных пыток ~ о глубочайшей трагедии лучших русских людей, повинных в том, что они слишком хорошие люди. Они имели несчастье родиться, жить в другом веке и впитать в себя со всей своей цельностью идеи этого века. Идеалистическое мировоззрение, религиозность, мистическое и героическое отношение к жизни,

к любви, к страданиям. История их семьи – как бы символ трагической судьбы всей интеллигенции.

Николаю Павловичу предьявлено обвинение в контрреволюционном сообществе. Человек этот не способен на политическую борьбу. Он честно и просто [...] работал на пользу Эссэри, не друг советской власти, но и не враг её вовсе, приемлющий со спокойной мудростью и с христианским смиренiem чужую новую жизнь. Вот за это христианское смирение, за голубые идеалистические глаза, за ненавистную сущность вымирающего класса он объявлен врагом. Для того, чтоб его уничтожить (он – как символ, подобный ему много), создано искусственное обвинение, и без суда, без доказательств он высылается теперь (второй раз!) на пять лет в Соловки. Семья остаётся одно – умереть поскорее.

Пока добрые друзья – Фаф, Глеб и другие – обязаны поддерживать их до смерти (ибо смерть Т. Н. неизбежна!). [...]

Фаф говорит: «Это биологическое выживание класса». И даже Глеб ничего не может возразить. [...] 30 августа 1929 года.

Жизнь на каждом шагу опрокидывает глебовские оптимистические построения. Он говорит очень убеждённо и убедительно, но я привыкла не уважать его логику, так как своими глазами убеждалась, что он неправ в корне, в оптимизме, который у него предпосылкой всему. И общее положение, политическое и экономическое, и личные дела – всюду он терпит поражения. Они не сломят его духа – это хорошо. Но они укрепляют меня в моём пессимизме.

Глеб выброшен из университета¹⁶, теперь у него отнимается комната. В своей борьбе он проигрывает непрестанно. А нынешняя жизнь есть непрерывная борьба. Нельзя дремать ни минуты. И ни на какую серьёзную работу не остаётся ни сил, ни времени.

Мои дела были бы не плохи, мне предлагают работу, но я вместо этого бегаю в ЖАКТ, ругаюсь, подаю заявления, хлопочу о дровах, регистрирую какие-то книжки для получения продуктов, возжусь с Андреем, пока Паша стоит в очередях, и мучаюсь вечной тревогой за будущее.

И – не сплю.

А Глеб в письмах ругает меня за мрачность и меланхолию.

Ему придётся туго по приезде, но он не хочет об этом думать. И жалко мне его, и досадно.

Февраль 1930 года.

Загадка. В каком производстве лошадь нельзя заводить трактором?

¹⁴ Анциферов Николай Павлович (1889–1958) – ближайший друг Г. А. Бонч-Осмоловского (со студенческих лет). Известный петербургский краевед и историк, основоположник нового направления в научном краеведении. Талантливый педагог и писатель-мемуарист. Был репрессирован трижды – в 1924, 1929 и 1937 гг.; Анциферова (бродяг. Оберкучев) Татьяна Николаевна (1890–1929) – жена Н. П. Анциферова (1914–1929). Историк, соавтор своего мужа в ряде его ранних работ. Анциферов сидит... Татьяна Николаевна умирает... – эти события описаны в: (Анциферов 1989: 117–165).

¹⁵ ...Фаф... – Фельдштурм Федор Артурович (1889–1933) – ближайший друг и коллега Г. А. Бонч-Осмоловского (со студенческих лет). Этнограф, путешественник, научный сотрудник этнографического отдела Русского музея. Неоднократно сотрудничал с ним в экспедициях. Репрессирован в 1933 г. по делу «Российской национальной партии». В тюрьме покончил с собой.

¹⁶ Глеб выброшен из университета... – в 1929 г. произошел разгром этнографического отделения географического факультета ЛГУ, где, в частности, преподавал Г. А. Бонч-Осмоловский. Отделение было вскоре реформировано, ислетий ряд преподавателей уволен. После этого почти год тянулось разбирательство клетнического «дела Бонч-Осмоловского», состязавшегося из нескольких млечных доносов. В конечном счете, оно было прекращено, в силу благотворительной позиции, занятой руководством Государственной академии истории материальной культуры (см. ниже).

Ответ. В колбасном!

[Анекдоты]:

Большевики решили, что нужно уходить. Всё плохо, и ничего не выходит. Но уйти самим невозможно. Нужно добиться, чтобы их прогнали. Как вызвать бунт? – Стали давать хлеба по 50 граммов на человека... Молчат... Объявили ликвидацию жён... Мужья привязали жён к кроватям. Другие просто рады. Словом, приспособились... Молчат... Наконец, объявили всеобщую порку на Исаакиевской площади. Собрался народ. И вдруг – шум! Обрадовались большевики. Спрашивают: «Что за шум и почему? – Секция научных работников требует порки вне очереди!»

Пятидневка. Это когда четыре дня я всех ишу, а пятый день меня все ишут.

Или:

Пятидневка – это один день выходной, четыре – безвыходных!

9 февраля 1930 года.

Вот и прошёл год под знаком неудачи, поражений, вернее всего – в томительном ожидании, что на днях (на этих днях!) всё должно разрешиться в благополучную сторону. С тех пор, как вышли Глеба из университета (с весны), он получает только 80 рублей, а проживаем мы 350. Выручают книги отца, но жить этой милостыней тяжело, а ещё тяжелее сознание бессилия. Вот уже сколько лет Глеб не может стать на ноги на своей научной дороге. Обо мне же и говорить нечего!

Долгие годы Глеба затирала Руденко¹⁷ и другие в академической среде за левизну его взглядов, за откровенные высказывания, за самостоятельность научной мысли. Пришло другое время. Вместе с чистой академической зубров полетел и он. Не пригодился и здесь ему левые взгляды, не поддержали студенты.

На командные посты вылезли просто мерзавцы, карьеристы, «липовые марксисты». В чистке, шпионстве, сборе сплетен – во всей новой системе перестройки пригодились именно те, у кого нет убеждений и кто ничем не брезгает. И этим людям, в целях личной карьеры, такой вот Глеб особенно опасен. Вот и началась война. Было задушено много людей – никто не попробовал защищаться. Глеб ринулся и за себя, и за других, и в начале зимы ещё был нафос, вера в успех честной войны, вера в добрых коммунистов, до коих он, наконец, дошёл и всё рассказал. Теперь же настала прощайка, провал в обломовщину. Он всё ждёт и все по инерции бегает по людям, но настроение упало, и этот ответ его: «На днях всё должно разрешиться!» – звучит похоронно. Он не работает совсем и не отдыхает никогда, он истрёпан, вид, равнодушен. Меня бьют все. И они, и он. Я не могу

говорить с ним спокойно. [...] Можно было бы с самого начала действовать иначе. Быть может, если меньше с самого начала верить в добрых коммунистов и в торжество всякой правды.

Ах, если бы записать это дело из месяца в месяц, изо дня в день! Это не уместилось бы в одной тетради, но стоило бы это сделать, подкрепив всеми документами (клевветническими – от врагов, подкрепляющими – от старых партийцев и товарищей по подпольной работе, письмами и разоблачениями). Стоило бы сделать это хотя бы для истории нашего подлого времени! Вот время – где бумажка и бумажная волокита заменяет жизнь и дело, где для того, чтобы попасть в Академию наук, нужно доказать своё участие в подпольной работе во славу революции и ещё всякое [...].

А фактически так: Глеб служит, не получая денег, вот уже третий год, и им создана Четвертичная галерея, где обрабатывается его материал. И крупные академики считают его своим, и коммунисты, сидящие наверху верхов – объявили его реабилитированным от вражеских нападков – а дело не двигается, потому что не хватает одной бумажки. Потому что требуется что-то пересмотреть, потому что одному важнейшему коммунисту некогда оформить своё отношение к делу – и так без конца. Заседание окончательное (окончательные заседания было не менее шести за эту зиму) откладывается с 8-ого на 18-ое, с 18-ого на 28-ое – и опять на 8-ое следующего месяца.

[...] Я очень хорошо знаю [С. Н.] Замятнина. Он – молодой приятель Глеба, узкий археолог, милый человек (был и очень красив, а теперь обрюзг). [...] С тех пор, как Глеб в беде, никто из «друзей» его не навещает. Надо сказать, что осенью Глеб выволок этого Замятнина из подобной беды. Ну, а люди редко прощают благодеяния.

27 февраля 1930 года.

[Черновик письма к Е. Г. Эккерт¹⁸]:

«Милая Лелька, жизнь мне надоела, но ничего не напишешь, надо тянуть. Сейчас у нас чрезвычайно весело – приехал отец Глеба из санатория в Д[етском] Селе. Не сидит беспокоейному старичку. На другой день свалился с гастритом, причина – грубая наша пища. Вот уже неделя – он болен. [...].

Глеб уходит в 10, возвращается в 12 ночи. Заседания, совещания, общественная нагрузка (о научной работе и думать не приходится). Стал от страшнее чорта, да и я не лучше. У меня целые дни – работа в музее, которую приходится совмещать с дежурством у Ан[атолия] Ос[иповича]. За обедом – единственный час отдыха – гвалт мальчишек – Игорь¹⁹, Горик²⁰, Андрей. [...].

Какие-то гроши я должна получать в музее, но пока их нет. Недавно меня огорошили огромным пред-

¹⁷ Руденко Сергей Иванович (1885–1969) – крупнейший русский археолог, антрополог и этнограф. В 1920-х гг. – непосредственный начальник Г. А. Бонч-Осмоловского в этнографическом отделе Русского музея и на географическом факультете Ленинградского университета. Резко расходился с ним в политических взглядах. В июле 1930 г. репрессирован по Академическому делу.

¹⁸ Морозова-Экерт Елена Георгиевна (Леля) (1903–1990) – младшая сестра О. Г. Бонч-Осмоловской. Художник-анималист, иллюстратор детских книг, скульптор, мастер офорта. Член Союза художников СССР.

¹⁹ Игорь... – Игорь Сергеевич Бонч-Осмоловский, племянник Глеба Давыдовича. В начале 1930-х гг. жил в его семье.

²⁰ Горик... – Самов Георгий Павлович (род. в 1917 г.) – сын О. Г. Бонч-Осмоловской от первого брака. Впоследствии – известный эпидемиолог, профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик РАМН, директор Владивостокского НИИ эпидемиологии и микробиологии (НИИЭМ).

ложем расписать Украинский зал Русского музея²¹. Всего 16 панно в 5 метров каждое и 20 орнаментальных поменьше. Затем эта кажется мне авантюрой, страшно и приступить. Боюсь, что возьмусь, а потом надуют с деньгами – проклятые наши интеллигенты привыкли, что на них ездят, и любят принуждать к тому же других ради идеи!

А главное – уж очень ответственно, сама понимаю! Если бы ты была тут – не боялась бы. Одной страшно. Просто физических сил не хватит. Однако не отказываюсь, составляю смету и пишу эскизы. Придется, если дело наладится, работать всё лето. Всё равно ведь – поехать куда либо не придется, а без солнца и отдыха – подыхать. Подыхать же лучше всего в работе, без лишних мыслей!..»

Грыземся с Глебом, стала злая, как крымская овчарка. Все мне противно, и он тоже, со всеми своими неудачами.

Недавно невольно подслушала в музее разговор, и стало мне ясно, что и там не сумел он завоевать уважения и симпатий. Считают его жуликом за бойкий его оптимизм. Не верят, что он верит, думают – карьерист. Не верят, что ему туго приходится, думают – врёт. И приписывают лени неуправляемость в музейной работе.

[...] Ни его сильная воля, ни административные таланты, ни научная талантливость, ни общественные инстинкты, ни правдивое «марксистское» направление мыслей – ничто и нигде не нашло признания. Или – всюду он поверхностен, быть может? И властвовать может только в тесной кучке подобранных ребят – на раскопках? Видь даже в Университете, где он так много отдавал сил молодежи – его оплевывали. И эти мерзкие плевки скомпрометировали его ложуже других нападений.

7 марта 1930 года.

Глебушка, доброе, прекрасное животное! Мудрость в нём человечья и звериная, проста! Без жалобы, без упрека тащит на себе крест и ещё улыбается. И всегда ласковое слово батьке – днём и ночью. И вот вчера напомнил мне, как ужасивал за моими – мамой и Лидой – во время тифа²². Всё бросил, все свои дела. Днём и ночью выхаживал их от смерти, а были они ему чужие (формально). Это он сказал мне вчера в упрек за отношение к его отцу. Что ж, верно! Верно, что я эгоцентрично и жадное к радости существо. [...] Но всё это не важно. Важно, что он хороший! [...].

8 марта 1930 года.

Глеб вернулся. Я спросила:

– Ну как?

– Да ничего хорошего. Дело передано в Секцию научных работников.

Я отвернулась к стене носом и не могла говорить весь вечер. И Глеб на меня разозлился.

Дело Глеба очевидно и давно уже стало безнадежным. Какие-то неуловимые враждебные силы орудуют. И бороться особенно трудно, потому что все сочувствуют, все возмущаются, бумаги, реабилитирующие его, налицо, а дело передается из Локального бюро в местком, из месткома – в секцию, и нет конца [...]. Никакие категорические обещания руководителей всех этих учреждений [...] ничего, ничего не могут изменить. Так делаются дела в нашей прекрасной стране. Так живут и работают честные работники.

[...] А тут пришёл Горик и сказал:

– Мама, у нас сегодня такое безобразие, такая гадость была в школе!

Делали письменный опрос в классе – проверку политической надежности. Ребятам раздали притчи: I – «Был в школе учитель. Он верил в бога и ходил в церковь. Как следовало поступить с ним, когда об этом узнали?»

Горик ответил:

– Если учитель был хороший и никому своей веры не навязывал, то пусть верит, выгонять его не надо.

Другие же писали иначе.

Вот всё пока. Больше об этом и писать трудно...

16 марта 1930 года.

Борис Георгиевич²³ и Глеб.

Глеб рассказывает с восторгом:

– Знаете, какая комиссия собирается по моему делу? [Н. Я.] Марр, [Ф. В.] Кипарисов²⁴, [И. А.] Орбели и т. д.

Борис Георгиевич ухмыляется и бросает на ходу:

– Ну, если ваше дело выйдет, Глеб Анатольевич,

то у Ефимки останется одно утешение – то, что его раздала *большой* автомобиль.

Мы опять дружим с Б[орисом] Г[еоргиевичем].

Снова связало нас общее дело. Видимся мельком, так завален работой. Он радуется моим эскизам, а я тому, что кого-нибудь радую. [...] Пока мне хорошо, и работаете легко, потому что никто не ругает.

А Жука своего старого я очень люблю.

18 марта 1930 года.

Пришёл Игорь, всклокоченный, и – ко мне.

²¹ ...огорозили... предложением расписать Украинский зал Русского музея... – эта роспись была выполнена О. Г. Бонч-Осмоловской полностью. Примечательно, что в дальнейшем украинская экспозиция являлась одним из главных пунктов обвинения против сотрудников музея, арестованных в 1933–1934 гг. по делу Российской национальной партии. Основанием для обвинения стал показ якобы одной патриархальной, крестьянской Украины и целенаправленный уход от языка классовой борьбы.

²² ...ужасивал за... мамой и Лидой во время тифа... – в 1920 г. мать и сестра О. Г. Бонч-Осмоловской заболели в Симферополе сыпным тифом. Сама она тогда скиталась по стране, после неудачной попытки эмигрировать с первым мужем в Бессарабию. Опорой семьи стал Г. А. Бонч-Осмоловский, который и выхаживал обеих женщин от болезни (Морозова 1976: 179).

²³ Кривоноцкий Борис Георгиевич (1886–1937) – этнограф, ученик Ф. К. Волкова, друг юности Г. А. Бонч-Осмоловского. В отрываемый период – научный сотрудник этнографического отдела Русского музея, заведующий украинским отделением. В 1932 г. репрессирован, затем, после кратковременного освобождения, репрессирован повторно, по «делу Российской национальной партии». Погиб в лагерях.

²⁴ Кипарисов Фёдор Васильевич (1896–1936) – советский партийный и профсоюзный деятель, крупный администратор. По образованию филолог-классик, ученик С. А. Жебелова. В 1905–1907 гг. – член РСДРП(б), в 1920 г. восстановил свое членство в партии. С 1928 г. – заместитель председателя и фактический руководитель ГАИМК. Одновременно являлся председателем комитета по планированию археологических работ в секторе науки Наркомпроса. В 1936 г. расстрелян.

– Вот, тетя Оля, какая у нас история в классе!..

Один бузилла предлагал классу устроить вечер в школе, как обычно бывало. Но дело почему-то не вышло – не захотели. Тогда он говорит:

– Ну, ладно, обойдёмся и без вас!

Дело совпало с днём его рождения. Он позвал своих товарищей, нескольких девчонок и одного комсомольца. На вечер не было ни одного спиртного *напитка, ни танцев, игр* и в детские игры. И вот сегодня возникло дело. После двух уроков устроили собрание. Выступал активист-комсомолец с громовой речью, на основании доноса того комсомольца, что был на вечер. Было постановлено: *частные вечера – вещь недопустимая. Нельзя приглашать к себе по своему выбору. Нельзя праздновать ни имени, ни дня рождения, ибо это буржуазный и религиозный предрасудок.* На вечер творилось безобразие, так как играли в «мигалки» (девчонки перемигиваются с мальчишками).

Постановили: исключить виновника с курсов, но волчьего билета пока не дали, так как он выразил «раскаяние». Все участники вечера согласились раскаться, кроме одной девчонки, которая воздержалась. По этому поводу обвинитель произнёс речь на тему: «Время попутчиков миновало! Можно быть за нас, против нас. С последними боремся, воздерживающихся выбрасываем вон!»

[...] История Игоря – одна из 1001 сказок, творимых ежедневно легенд о человеческой глупости и глупости. Такова [я] история Глеба. Из-за подлости одного карьериста, паршивой комсомолки, из-за дурашливой студенческой заметки, двух-трёх глупейших сплетен (1-ая – в Университете на занятиях лежал на диване, 2-ая – в экспедиции была сотрудница, имевшая икону), из-за этой неслыханной дряни [он] вот уже полгода бьётся за реабилитацию себя, за утверждение в Академии наук. И сейчас комиссия в составе *Марра и других генералов от науки и коммунизма* копаётся днями в грязи этих доносов, выясняя его общественную физиономию.

Чортова свистопляска, бред, позорнейший в мире – всё наша общественность и вся наша ДИАЛЕКТИКА!

С тех пор, как Глеб потерял свой самоуверенный и насмешливый тон (вы – жалкие интеллигенты... и т. д.), с тех пор, как сам он – жалкий затравленный интеллигент, я не злюсь на него за его взгляды. Пусть утешается! Жить так тяжело (и ему!), и всякое утешение – радость. Пусть верит с неистребимым своим (отвратительным) русским идеализмом (тож интеллигентским) в пролетарский рай и в то, что не все дураки, и все у нас идёт прекрасно, кроме некоторых ошибок, «искривлений» и «перегибов». Пусть так! Но вот, если это дело провалится, это будет означать крах научной карьеры и навсегда. Потому что даже *наивный Глеб понимает, что не случайное мелкое препятствие вырвет его из жизни, что здесь дело в системе и принципах – их же не перескочишь!*

– Тогда, – сказал Глеб, – я устрою скандал и буду ориентироваться на границу!

Добавил:

– Конечно, не изменю своих убеждений и сочувствия советской власти.

23 марта 1930 года.

[...] У Глеба конфиденциальные сведения: его показания произвели исключительно хорошее впечатление на комиссию – убеждённостью в правоте, спокойствием, выдержкой. Те же – по словам Орбели – сволочи. Мнение комиссии ясно, но официальный *приговор ещё не известен. Дело почему-то тянут.*

3 декабря 1930 года.

[...] Они пишут в своих газетах: есть три категории интеллигенции. Низшая – техники, сельские учителя и пр. Средняя – «середнячок» – это все мы, грешные. И верхушка – буржуазная интеллигенция. Первые – целиком с ними. Середнячок – тоже, почти, но без активности. Верхушка – *вся против.* Это среда, которая родит вредителей. Увы, они ошибаются или же врут, демагогии ради. Интеллигенция в массе – *вся против них, и низшая ещё злее верхушки.* Такие, как Глеб – *белые вороны.* Их бы сажать в клетку и кормить по 1 категории. [...]

3. Из записок А. Г. Боич-Осмоловского «О времени и о себе»

...29 ноября 1933 года за отцом пришли. Кажется, я помню ночную суету, стук и топот каких-то чужих людей в прихожей. Паша со мной на руках вышла из своей комнаты провожать Глеба Анатолевича. Жизнь переломилась. [...]²³

Я помню поездку с мамой на свидание к отцу в тюрьму, вернее, в ДПЗ на ул. Воинова. В памяти осталась поездка на трамвае, промелькнувшее большое здание со львами перед входом, *далсе всё очень мрачно.* Нас ввели в полутёмную комнату с простым столом и стульями, над которым слабо горела лампочка. Рядом стоял солдат с ружьем. После некоторого ожидания был введен отец под конвоем в тюремной одежде. *Я был очень мал, но мне запомнилось его очень бледное, какое-то растерянное лицо.*

О чем они недолго беседовали с матерью, я не помню, зато в детской памяти хорошо сохранился вопрос отца солдату: «Можно?..» После кивка солдата он передал мне *колодец с журавлем, сделанный им в тюрьме для меня из спичек.*

Бледность отца и измученный вид вообще объясняется, как я теперь понимаю, следствием, допросами, психологическим и моральным прессингом. Обвинение было в принадлежности к «троцкистско-фашистской организации». Абсурдность его была вне пределов мощного логического разума отца. По некоторым сведениям, Г. А. пытался *покончить с собой, но был «откачан» в больнице.* В начале 1934 г. следствие было закончено (отец подписал протоколы следствия), он был приговорен к трем годам ссылки в лагерь на Воркуте.

²³ Г. А. Боич-Осмоловский был арестован 29.11.1933 по «делу Российской Национальной партии» и приговорен к 3 годам лагерей (Воркута). Освобожден досрочно 25.02.1936.

[...] Так пролетели два с половиной года, я стал слышать разговоры о скором возвращении отца из лагеря. Все эти годы от него приходили письма с подробными описаниями жизни на Воркуте (Ухт-печлаг), успехах в деятельности геолога на ниве угледобычи. В связи с этим (сверхударные зачеты), отцу сократили срок на полгода. Во второй половине 1936 года он был освобожден и начал свой многомесячный труднейший путь возвращения в Ленинград (путь туда, хотя и крайне тяжелый, был все-таки более или менее организован и занял меньше времени). Так или иначе, он доехал назад, примерно, в конце лета 1936 года. Его возвращение и встреча с ним — одно из ярчайших воспоминаний моей жизни.

Однажды я был в гостях у Экертон — как всегда, значительную часть дня. Вдруг прибегает баба²⁶, с таинственным видом забирает меня и тащит домой, отмахиваясь от всех моих вопросов и пребывая в сильно возбужденном состоянии, что не укрылось и от меня. Я страшно заволновался, предчувствуя что-то. Мы прошли по Большому проспекту от 1-й до 8-й линии быстро, на все мои настойчивые расспросы баба как-то довка или отмалчивалась, или переводила разговор на другое [...].

При входе в квартиру я обомлел: дверь в коридор была открыта, а около телефона (в дух старинный большой аппарат красного дерева с блестящими бронзовыми звонками висел на стенке посредине коридора) стоял высокий человек и говорил в трубку. Секунда растерянности — и я узнал отца. С диким криком: «Ба-а!» я бросился к нему и повис на его руках. Удивительно, что я его сразу узнал, так как из лагеря он вернулся с довольно большой темной, с проседью, бородой. В тот же день я был принаражен, и мы отправились на 7-ю линию сфотографироваться с ним. Этот исторический снимок сохранился.

После короткого пребывания дома, объяснений с матерью и контактов с родичами и коллегами по работе, еще оставшимися на свободе, Г. А. должен был уехать. Пропуску в Ленинграде ему запретили, проживание в больших городах бывшим узникам лагерей не разрешалось (пожарение в гражданских правах — пресловутый 101-й км!). [...] Отец подыскивал [...] близкое к Ленинграду местожительство, чтобы можно было хотя бы иногда ездить туда, пользоваться библиотеками и научными материалами, хранящимися в городе. Такое место было найдено [...] в 130 км от города в Ордеже, на хуторе в двух с половиной километрах от станции.

[...] Нам отвели одну из двух светлых горниц дома, при ней была еще маленькая полутемная комната — «спредбанник», в которой я спал. Три окна комнаты выходили на участок, засаженный яблонями, кустами. За забором метрах в 100–150 виднелась опушка леса с орешником и молодыми елками.

В горнице стояла кровать отца, рабочий стол с полками для книг, сработанными Пал Пальчем — нашим хозяином. В том же «красном» углу висели иконы (тетя Даша была очень религиозной) с лампадкой и рушником. Был еще обеденный стол, шкаф и стулья, лавка у бокового окна. Сюда же выходила печка, которую топили хозяева в соседней горнице.

На кухне, у огромной русской печи священнойействовала тетя Даша, крепкая, сильная русская женщина невысокого роста и круглым, удивительно милым крестьянским русским лицом. Она кормила, одевала, обстирывала весь дом, обихаживала корову и другую скотину, вела летом полевые работы. Словом, она делала всё то, что надо было делать в деревне, в русском доме с достатком, который был обусловлен только громадным трудом всей семьи и только.

Глава дома Павел Павлович Павлов был строен, не по-русски черняв и горбонос (смахивал на цыгана). Он вернулся с фронта I мировой войны (был солдатом), выбрал себе место для жизни, расчистил с женой участок в лесу для дома, огорода, поля, выкопал пруд, поставил добротный дом, баню и пр. Делать он умел всё, даже развел замечательный плодовый сад. П. П. живо всем интересовался, страсть любил говорить «за подтирку». С отцом они быстро нашли общий язык, вели нескончаемые разговоры, обычно на кухне.

Тетя Даша обихаживала нас с отцом. Ее щи, топленое молоко, шанежки и пироги по праздникам навсегда остались в моей памяти. Как я понимаю, мне крупно повезло в жизни: я с детства познал природу в любое время года и настоящую русскую крестьянскую жизнь в период, когда она еще была не до конца заделана и разрушена большевиками.

Как проходила наша жизнь на хуторе?

Отец работал, как одержимый, над обобщением своих материалов из раскопок пещеры Кинк-Коба в Крыму, стремясь навестить отнятые у него годы. Он прекрасно понимал огромную научную значимость своих находок костей неандертальца. Его целью было написать монографию (или серию монографий) о палеолите Крыма и о своей версии происхождения человека. Ему удалось заключить договор на написание этой серии в Москве, в издательстве Академии наук. И вот работа закипела. Огромная трудность состояла в том, что все материалы, в том числе и костные остатки, находились в Ленинграде — так же, как и нужные книги и журналы в библиотеках. Но въезд и пребывание в городе были ему запрещены. Значит, надо было ездить тайком для производства сложных остеометрических работ, просмотра и обработки литературы и пр. Самым трудным были ночевки. Ночевать в нашей квартире он не мог — она была коммунальной. Да и дворник знал его в лицо. Приходили на помощь друзья — в частности, большую роль сыграли А. Н. Генко²⁷ и его жена Л. Б. Панк.

²⁶ Баба — П. П. Кондратьева

²⁷ Генко Анатолий Несторович (1896–1941) — ближайший друг Г. А. Бонч-Осмоловского. Кавказовед широкого профиля — лингвист, историк, этнограф. Перед Великой Отечественной войной — профессор ЛГУ, заведующий кабинетом Кавказа в Институте востоковедения и в Институте этнографии АН СССР. Дважды был репрессирован. Умер в Ленинграде, в больничном изоляторе, находясь под следствием.

На проспекте Огородникова, где у них была довольно большая квартира, отцу всегда предоставлялся уют и защита. Основная же работа шла в Оредеже, там Глеб Анатольевич, собственно, и написал первый, а затем второй том «Палеолита Крыма». С утра отец занимался со мной, гулял, летом собирал грибы, до которых он был большой охотник и знаток. Летом купались в Борщеве в Антоновском озере, зимой ходили на лыжах. После обеда часовой сон – а после этого он садился за стол и работал практически до поздней ночи. Ложились спать он около двух часов ночи, зато спал до девяти-десяти утра.

Для сравнительных данных Г. А. требовалось провести измерения на костях кисти и стопы современного человека. Где их взять? Он сумел это сделать: где-то (очевидно, в море) достал кисть (и стопу?) мертвого, привез на хутор и стал вываривать кости в лесу, на костре. Дело было долгое, и каким-то образом в деревне и на окрестных хуторах селяне узнали о «поганом» занятии отца. Это вызвало страшные подозрения, пошли слухи о вороже и чародействе. На хутор явилась разгневанная делегация, их встретила тетя Даша. Она решительно встала на защиту постыжца и его ученых занятий (хотя сама и ругала его!). Дело кончилось миром. Однако ночью оставленный в лесу котелок был опрокинут, кости исчезли. Слух о том, что их съели коровы (?), не улучшил настроение местных. В конце концов все эти трудности были преодолены, а все нужные кости измерены самодельными измерительными приборами (с большой точностью, как оказалось впоследствии!).

На хуторе был написан первый том «Палеолита Крыма» и начат второй. Отцу оказали помощь президент АН СССР В. Н. Комаров, геолог академик И. М. Губкин²⁸ и другие видные ученые. В результате первый том вышел из печати в 1940 г., а второй – в 1941 г.²⁹ Он был написан до конца уже в д. Щербинке на окраине ст. Оредеж, где отец жил после разорения хутора Павловых.

[...] Одним из замечательных воспоминаний этой поры были чтения вслух, которые иногда устраивал батя для нас, ребят, зимними вечерами на хуторе. В комнате горит керосиновая лампа на стуле около кровати, на кровати мы вдвоем или втроем, замерев от восторга или ужаса, слушаем чтение «Таинственного острова» или про капитана Немо. [...] Иногда по вечерам мы, ребята, забирались на лежанку русской печи в кухне, где лежали овчинные полушубки и всякое тряпье. Там было тепло, уютно, и можно было возиться. Так протекала эта замечательная хуторская жизнь в течение двух лет, но судьба вмешалась и разрушила её. Впрочем, судьба в данном случае имела вполне конкретное обличье – большевистская государственная машина с её тугом, жестоким насилием и равнодушием к судьбе народа, конкретных людей.

Как известно, еще раньше было предписано коллективизировать поголовно крестьянские хозяй-

ства и ликвидировать хуторские и вообще индивидуальные хозяйства. Эта «волна» идиотизма докатилась до лесных оредежских краев ко второй половине 1938 года. Однажды на хуторе появились безликие мужики, типичные для тех лет проводники на местах страшной воли государства, вернее, воли вояжа и его партии.

После коротких бесед с П. П. Павловым («Что тут долго разговаривать!..»), они удалились, пообещав скоро вернуться. И всё – жизнь десятка людей в мгновение ока переломилась... Были потеряны самостоятельность, земля, хозяйство, налаженный быт, основная скотина. Дом разрешалось разобрать и перевезти в дер. Борщеве в полутора километрах от хутора. [...]. Мы не поехали с Павловыми в Борщеве, отец предпочел переселиться на окраину ст. Оредеж, в дер. Щербинку.

К этому времени относится знакомство с моей будущей маточей Надеждой Викторовной Тагеевой (тетей Надей). Однажды еще на хуторе я болтался на ветвях дикой яблони, росшей у самого дома рядом с большой кучей камней с поля, вдруг снизу ласковый голос позвал: «Андрейка!». Я глянул вниз и увидел смуглую красивую женщину с большими черными глазами, в шляпе и ярком желтом платье, которая очень тепло и внимательно глядела на меня. Почти сразу появился и отец, познакоmintивший меня с тетей Надей. Она была геохимиком, одно время слушала лекции Глеба Анатольевича в Ленинграде. Теперь она предложила отцу свою помощь и поддержку в работе и в жизни. Не знаю точно, как они встретились после его возвращения из лагерей? Много лет спустя Надежда Викторовна как-то обмолвилась: «Он нашел меня в Ленинграде...». К тому времени отец и мать мои разошлись окончательно.

[...] В Щербинке тетя Надя уже часто гостила у нас, очень помогала в быту, полностью освободив отца от домашних хлопот и забот обо мне, чтобы он мог полностью сосредоточиться на окончании и подготовке к печати двух первых томов «Палеолита Крыма». В дальнейшем, получив возможность снова жить в Ленинграде, отец переселился на Б. Дмитровский пер., где в квартире в старом доме жила она со своим дедом. Ко времени жизни в Щербинке относится и первое знакомство мое с характером тети Нади. С невероятным упорством и последовательностью она поставила себе целью приучить меня к чистке зубов ежедневно и, несмотря на мою лень и нежелание, быстро добилась результата. Да так, что потребность чистить зубы стала автоматической на всю жизнь! Это была удивительная женщина.

В этот период мне отчего-то постоянно начали снижаться страшные сны. По ночам я нередко боялся засыпать от страха увидеть новый кошмар. В дело вмешалась моя баба. Тайком от отца она отвела меня в деревенскую церковь, где священник меня окрестил. С того самого дня кошмары прекратились начис-

²⁸ Губкин Иван Михайлович (1871–1939) – крупнейший советский геолог; создатель отечественной нефтяной геологии, академик.

²⁹ С 1932 г. – председатель Четвертичной комиссии АН СССР.

²⁹ см.: (Бонч-Осмоловский 1940; 1941).

то. Таким образом, идея *бабы об изгнании из меня «бесов»* осуществилась с полным успехом!

[...]. Летом 1941 г. я *кончил пятый класс ленинградской школы*, был типичным «хорошистом» и, конечно, *обратался в Ордеже*. И вот жарким летним днем 22 июня батя пришел со станции возбужденный и сообщил мне, что *началась война* и что *ему нужно срочно уехать в Ленинград*. К этому времени у него уже вышла из печати первая монография, была снята судимость, и ограничений на въезд в город не стало.

[...]. По приезде в Ленинград я узнал, что *меня и моих двоюродных сестер Ганну и Рику отправляют с детьми художников Ленинграда (членов Худфонда) в эвакуацию в Ярославскую область*. На квартире у Эккертов шло горячее обсуждение всех новых проблем, связанных с войной. Завучем с детьми Худфонда уезжала Ольга Антоновна Артамонова, жена профессора-археолога М. И. Артамонова и близкая приятельница моих отца и матери. Как я теперь понимаю, на эвакуацию нас, детей, настоял Глеб Анатольевич. Он *очень дальновидно оценил обстановку* и предсказал большую опасность для тех, кто оставался в Ленинграде. Думаю, это спасло нам жизнь, в блокаду мы все скорее всего погибли бы!

[...] Эшелон выгрузился на маленькой сибирской железнодорожной станции Заводоуковская, откуда на подводах-санях под дохами нас увезли в Емурту — огромное сибирское село с двумя каменными церквями и зданиями школ, стоявшими на пологой возвышенности, около которой виднелась небольшая речка. В полутора-двух километрах кругом виднелись *таежные леса*, откуда выходили и по ночам завывали голодные волки. Мы жили в здании школы и вели *полуголодное существование*. [...].

Я очень тосковал по маме, батю и бабе, письма *получал крайне редко*. Единственным близким человеком, кроме сестер Ганны и Рики (по они ведь девочки!), была О. А. Артамонова, маленькая, энергичная, умная женщина, внимание и ласку которой я ценил и ждал с душевным трепетом.

И вот в начале 1943 года ко мне прорвался (иначе *не изовешь*) из Казани мой батя, проделав долгий, трудный и даже опасный путь в самые тяжелые военные дни. [...] К страшной зависти ребят, я был оформлен на отбытие, взят отцом из общежития, и после некоторого ожидания попутной подводы мы отбыли с нехитрым моим баульчиком сначала в райцентр Угорово, а затем попутной машиной на железнодорожную станцию Заводоуковскую.

Началась памятная поездка из Сибири в Казань в самый разгар войны (начиналась битва на Волге). *У отца была командировка от Академии наук* и много всяких писем-обращений известных ученых с просьбой о содействии отцу в этой поездке.

Посадка на поезд в Заводоуковске была очень сложной, только умелый разговор отца с проводником («Я — профессор, в долгу не останусь!...») позволил нам *войти в вагон*, пробившись через толпу озвешивших людей. На остановках я бегал с котелком за книжком, рискуя остаться, видел огромные толпы людей на станциях, сутками проводящие время в ожи-

дании хоть какого-нибудь поезда — никаких билетов, конечно же, не было. Так мы доехали, наконец, до Свердловска, где батя посетил академическую контору и заручился помощью в отправке в Казань.

В конце концов мы добрались до Казани, где на ул. Карла Маркса, д. 72 жили в снятой квартире дядя и брат Надежды Викторовны с семьей. Нам троем в этой квартире была отдана маленькая (около 6 кв. м) комната за ванной, которая напоминала спичечный коробок, поставленный на торец. Места в комнате было только на двоих (кровать, стол для занятий отца, ниша в стене с полками и крохотный столик в ногах кровати), так что батя сам построил второй этаж с постелью и малым столиком для меня. Забирался я туда, влезая на стол отца, и потом, выжимаясь на поперечной толстой несущей доске, перекидывался на податы.

Отец числился в штате Института истории материальной культуры АН СССР (ИИМК), эвакуированного в Елабугу. Работал он (будучи прикомандирован) — в Физиологическом институте им. И. П. Павлова, который располагался рядом на ул. Карла Маркса в здании Химико-технологического института. Кроме того, он читал лекции по археологии в Казанском университете. [...].

Еще у нас был *огород от Академии наук на станции «Обсерватория»* — близко от Казани на север в дачной местности. Батя *всё свободное от официальной работы время отдавал* окончанию третьей части своего *монументального труда «Палеолит Крыма»* — Стопа ископаемого человека». Обычно он сидел за столом и писал, почти не отрываясь, как будто боясь не успеть, с середины дня (с 3–4 часов) до 1–2 ночи. Стол был завален бумагами с бесчисленными цифровыми таблицами, муляжами костей, специальными измерительными инструментами, кистями с самосадом; я бегал на рынок покупать ему это зелье. Но курить он, как правило, выходил в кухню или ванную комнату.

Я помню батю в это время *очень худым* (он весил 59–60 кг при росте 174–175 см), очень часто болеющим простудами и кашляющим. Но *бодрость духа* и оптимизм во всем (в быту, в оценке военного положения, в науке, в работе) были у него *беспредельными* и удивительными. Правда, были три обстоятельства, которые его *постоянно очень беспокоили: судьба близких людей*, особенно в блокадном Ленинграде, состояние своего здоровья и проблемы воспитания меня — трудного подростка.

Старший брат отца Иван жил в Москве, в той — Родион — пропал в Казахстане, получив перед войной второй лагерный срок. Впрочем, никаких документов о его аресте в 1938 г. в архивах НКВД не сохранилось, так что Р. А. до сих пор не реабилитирован по этому второму делу — за отсутствием оно. Уже после войны нам рассказывали, что целую толпу арестованных несколько месяцев продержали в яме — настоящей тюрьмы в городе Чимкенте не было. К этой яме приходили их родственники (среди них и жена Родиона Мария Сергеевна) и сбрасывали туда еду и одежду. Потом, осенью 1938 г., заключенных ута-

ли в неизвестном направлении — куда-то в пустыню. С тех пор о Р. А. не было ни слуху, ни духу. Так кончил жизнь этот замечательный человек, по рассказам знавших его людей, абсолютно не способный кривить душой — прямой, честный и бескомпромиссный. Но обо всем этом я узнал много позже.

Моя мать, Горик и сестра отца Рена (Ирина Анатольевна Боич-Осмоловская) с дочерью Кирией оставались в Ленинграде в ужасных условиях блокады и голода. Скоро пришло известие о смерти Ирины Анатольевны — батя тяжело его пережил. Я никогда его не видел таким: он лег на пол, отвернулся к стене и замолчал на сутки.

Постепенно у него усиливались остаточные явления полученного на фронте 1 мировой войны и отнюдь не вычлененного на Воркуте туберкулеза: за полтора года в Казани он болел воспалением легких пять раз.

Несмотря на всё это, в работе он размахнулся очень широко. Помимо своего главного труда и подготовки лекций в университете, он начал, быть может, гениальные исследования связи антропогенеза с эмбриональным развитием современного человека, с физиологией и патологией его высшей нервной системы.

Это было связано, конечно, с его пребыванием в Физиологическом Павловском институте у Л. А. Орбели. В то время там работала и помогала Глебу Анатольевичу близкая приятельница его (а также моей матери), профессор-невропатолог Нина Александровна Крышова. К ним присоединился доцент И. В. Пригольников, так же невропатолог. Они начали обследовать раненых солдат в госпиталях Казани, при этом Г. А. разработал тест по определению подвижности большого пальца кисти; было показано, что этот тест может свидетельствовать о нарушениях в работе мозга, и он стал применяться в клинической практике. Г. А. пытался связать это и другие данные со своей концепцией антропогенеза, идеи были очень интересные, но работы эти оборвались, собственно, в самом начале. После смерти Г. А. никто не смог их продолжить.

Были сделаны доклады, в частности, в институте у Орбели. Сообщение отца об этой работе вызвало огромный интерес, Орбели даже поставил вопрос о присуждении отцу степени доктора биологических наук. Но в это время пришло извещение ВАК об утверждении его в степени доктора исторических наук, и дело как-то заглохло.

[...] Летом 1943 г. я уехал с Надеждой Викторовной в экспедицию по геохимическому обследованию нефтяных промыслов Башкирии, около г. Бугуруслана. Пробыв там полтора-два месяца, я вернулся в Казань к отцу к началу занятий в восьмом классе. Встреча с батей была радостной. В это время Г. А. получил так называемый литер («Б»), как доктор наук и профессор. С литанием и вообще материально стало легче, батя похвастался мне значительным количеством яиц, полученных по литеру, и призвал к изготовлению го-голь-моголей.

Он был в очередной раз болен, с лета у него тянулась вялая пневмония, он покашливал и был слаб. Однако картошка на огороде требовала уборки, мы

стали туда ездить (транспорт предоставляла огородникам Академия наук). Отец скрупулезно сортировал картофель в мешки, на каждом был указан сорт и в какой последовательности и что с ним делать в будущем (я думаю, что он предчувствовал свой скорый конец и стремился обеспечить нас с Надеждой Викторовной советами на будущее).

[...] У отца шла интенсивная переписка с известным антропологом В. В. Бунаком, бывшим в то время в Москве. Г. А. и Бунак обменивались новостями научной жизни, своими научными планами. Бунак приглашал отца переехать на работу в Москву, в Институт антропологии при МГУ. Г. А. уже совсем собрался поехать в Москву на переговоры, но не успел.

Настал печальный день 1 ноября 1943 года. Еще накануне батя был очень слаб, в основном лежал в постели. Рано утром этого дня я проснулся из-за какого-то негромкого разговора [...]. Как я понял, отец плохо себя почувствовал и сел в постели, попросил дать ему кофе. Ему захотелось света, попросил отдернуть штору. Надежда Викторовна велела мне спуститься. «Пусть он занимается...» — эти последние слова отца по моему адресу врезались в мою память навсегда. Я быстро соскочил вниз, на письменный стол и, не глядя на батю и Надежду Викторовну, отдернул штору. Тем не менее, угловым зрением я увидел следившего в постели отца, лицо его мелькнуло как неестественно бледное, какое-то белое. Я взлетел наверх и, сидя за столиком для занятых, замер, напряженно ловя каждый звук внизу. Батя поцел кофю, сказал, что ему полегчало, просил не ходить за врачом (врач жил в квартире напротив по лестничной площадке второго этажа этого дома).

Где-то в девять — начале десятого утра вдруг внизу раздался страшный крик, сменившийся тут же хрипом. Я дико закричал: «Батя!» и свалился вниз. На кровати лежал отец, раскинув руки и запрокинув голову с открытым ртом, и страшно хрипел. Надежда Викторовна вылетела из комнаты, через минуту появился врач, велел поместить ноги отца в таз с горячей водой, сделал укол камфары. Через несколько минут хрип стал слабеть, всё было кончено. Глеб Анатольевич скончался от «паралича сердца», не придя в сознание. Надежда Викторовна немедленно отправила меня к Нине Александровне Крышовой, где я провел три дня, не ходил в школу, был окружен лаской и вниманием, ждал, когда меня позвут домой.

Все эти три дня и две ночи Надежда Викторовна провела одна, никого не пуская в комнату, наедине с телом отца.

Когда в день похорон (видимо, 3 ноября) я пришел домой, батя в строгом темном костюме лежал в открытом гробу, весь ухоженный, в красивой рубашке и лучшем галстуке, аккуратно подстриженный и чисто выбритый.

Машину дал Физиологический институт, похороны состоялись на Арском кладбище Казани, на лютеранской площадке вблизи от стены старой кирпичной часовни. В тот год ноябрь в Казани был очень холодным (-12°) и снежным. Вокруг могилы собрались приехавшие люди — сотрудники Физиологического

института, студенты университета, знакомые и друзья, произносили прощальные речи.

Я смотрел на худое лицо бати, стараясь его запомнить. Холодный ветерок шевелил прядку еще не поседевших темно-русых волос надо лбом, выражение лица было спокойным и умиротворенным.

Позже на могиле был установлен простой памятник с крестом, и она была обнесена невысокой металллической оградой. [...]

Я практически не плакал ни дома, ни на кладбище; однако, когда после похорон мы вернулись в нашу маленькую комнатенку, и я увидел приколотую к стен-

ной полке записку, написанную рукой бати (граньце мы её не заметили) с подробной росписью очередности действий с картофелем, собранным на огороде, я не выдержал и рыдался. Я понял, что батя ожидал свою кончину (очевидно, чувствовал нарастающую слабость и перебор сердца, хотя он никогда на сердце не жаловался) и, забоясь о нас, всё предусмотрел и приговил. Надежда Викторовна – эта железная женщина, с необыкновенным характером, даже тут сдержалась. Но я не знаю, что было тогда, в те дни и ночи, когда она прощалась с батей. Дальнейшее показало, что она многое тогда передумала и много дала клятв ему³⁰. [...]

- Анциферов 1989 – Анциферов Н. П. Из воспоминаний // Звезда. № 4. 1989. С. 117–165.
- Бонч-Осмоловский 1928 – Бонч-Осмоловский Г. А. К вопросу об эволюции древнепалеолитических индустрий // Человек. № 2/4. 1928. С. 147–186.
- Бонч-Осмоловский 1931 – Бонч-Осмоловский Г. А. О нарезках на палеолитических костях // СГАНМК. № 8. 1931. С. 25–27.
- Бонч-Осмоловский 1932 – Бонч-Осмоловский Г. А. О комплексном изучении четвертичного периода // СГАНМК. № 3–4. 1932. С. 44–49.
- Бонч-Осмоловский 1940 – Бонч-Осмоловский Г. А. Грот Кник-Коба. Палеолит Крыма. Вып. 1. М., Л., 1940.
- Бонч-Осмоловский 1941 – Бонч-Осмоловский Г. А. Кисть ископаемого человека из грота Кник-Коба. Палеолит Крыма. Вып. II. М., Л., 1941. 172 с.
- Бонч-Осмоловский 1954 – Бонч-Осмоловский Г. А. Скелет стопы и голени ископаемого человека из грота Кник-Коба (фрагмент и дополнение В. В. Бунака). Палеолит Крыма. Вып. III. М., Л., 1954. 398 с.
- Васильев 1994 – Васильев С. А. Г. А. Бонч-Осмоловский и современное палеолитоведение // РА. № 2. 1994. С. 202–207.
- Васильев 2001–2002 – Васильев С. А. Изучение палеолита в России: прошлое, настоящее и перспективы на будущее // В начале бы камень... Stratum plus. № 1. СПб., 2001–2002. С. 9–170.

Векилова 1957 – Векилова Е. А. Стоянка Сюрень 1 и ее место среди палеолитических местонахождений Крыма и ближайших территорий // МИА. № 59. 1957. С. 235–323.

Векилова 1971 – Векилова Е. А. Каменный век Крыма. Некоторые итоги и проблемы // МИА. № 173. 1971. С. 117–161.

Морозова 1964 – Морозова О. Г. Одна судьба // Новый мир. № 9. 1964. С. 86–150.

Морозова 1976 – Морозова О. Г. Одна судьба. Л., 1976.

Платонова 1995 – Платонова Н. И. Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский. Эпизоды творческой биографии // Санкт-Петербург и отечественная археология. СПб., 1995. С. 121–144.

Платонова 2002 – Платонова Н. И. К истории одного открытия в археологии (Г. А. Бонч-Осмоловский и «Дело Серебрякова». 1924 г.) // Культурное наследие Российского государства. Вып. III. СПб., 2002. С. 120–129.

Платонова 2003 – Платонова Н. И. 2003. Записки белого офицера // Культурное наследие Российского государства. Вып. IV. СПб., 2002. С. 588–596.

Binford 1968 – Binford L. R. Post-Pleistocene adaptations // New perspectives in archaeology. Chicago, 1968. P. 313–341.

Bordes 1961 – Bordes F. Typologie du paléolithique ancien et moyen. Publications de l'Institut de Préhistoire de l'Université de Bordeaux. Mem. I. Bordeaux, 1961.

О РУССКИХ КНЯЗЬЯХ И ЦАРЯХ (ПО МАТЕРИАЛАМ НАУЧНОГО АРХИВА ИИМК РАН)

Н. Д. МОИСЕЕВА¹

Продолжая публикацию «История Дома Романовых в XIX веке» (Моисеева 1998: 385–390), автор обратился к материалам фотоархива, связанным с периодом становления Российского государства.

Данный перечень состоит из разных по значению и важности своего места в истории архивных мате-

риалов, но все вместе они добавляют что-то свое в общую картину.

Автору показалось правомочным включить в данный перечень виды Успенского собора в Московском Кремле, построенного при Иоанне III, неоднократно горевшего и разоренного, но восстановленного,

³⁰ Еще при жизни мужа Н. В. Тагеева дала ему слово завершить за него издание его научных трудов, если с ним что-то случится. Она сдержала свое обещание: разобрала, перепечатавала и подготовила к публикации целую грудку его неразборчивых черновилов – материалов к третьему тому серии «Палеолит Крыма». Не будь ее, издание книги под редакцией В. В. Бунака (Бонч-Осмоловский 1954 г.) оказалось бы невозможным. В дальнейшем она проделала огромную работу, приведя в идеальный порядок весь научный архив Г. А. Бонч-Осмоловского и сделав его, в конечном счете, доступным специалистам.

¹ Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Научный архив.

собора, в котором производилось венчание на царство всех государей со времен Иоанна IV. Также включены материалы, связанные с недолгой жизнью царевича Дмитрия, так и не успевшего стать русским царем.

Среди различных портретов, предметов княжеского и царского обихода, особое место занимают «предания старины глубокой», сохраненные в памяти народа: как например, церковь «построенная» Борисом Годуновым. Интересна история с «дворцом Марины Мнишек» в г. Пскове. Основываясь на легенде, в 1858 г. в «Указателе достопамятностей города Пскова» было напечатано, что в этом доме три дня жила Марина

Мнишек. Известно, что Марина Мнишек никогда не была в Пскове, хотя Лжедмитрий I по брачному договору, заключенному 25 мая 1604 года, обязался передать ей Псков и Великий Новгород, но в памяти потомков сохранилось, а на открытках увековечено: «Развалины дворца Марины Мнишек».

Курсывом набраны номера негативов (I, II, III, IV) и отпечатков (альбомы с шифрами O или Q и номера страниц), инвентарные номера по опискам (коллекции или инв. №№ — номера внутри коллекций), количество негативов, отпечатков или открыток. Названы авторы и время съемки, фонд, в котором отложились фотодокументы.

- O. 60/1-20, инв. 59749. Отп. — 20. Альбом «Изображения русских святых с X по XVIII век», среди святых изображения князей с отмеченными днями их памяти: кн. Ольга, кн. Андрей Боголюбский, кн. Александр Невский, царевич Дмитрий и пр. Сп. 1880-х гг. Фонд Мраморного дворца.
- F. 50/55-64, инв. 99319-99328. Отп. — 19. Изображения русских князей и царей, выполненные худ. П. Жуковским для мозаик памятника Александру II в Московском Кремле, 1896 г., Рим. (Портреты: № 1 Святая Владимир; № 2 Ярослав Мудрый; № 3 Владимир Мономах; № 4 Мстислав Великий; № 5 Юрий Долгорукий; № 6 Св. Андрей Боголюбский; № 7 Всеволод Большое Гнездо; № 8 Св. Александр Невский; № 9 Иван Калита; № 10 Симеон Гордый; № 11 Дмитрий Донской; № 12 Василий Дмитриевич; № 13 Василий Темный; № 14 Иоанн III; № 15 Василий III; № 16 Иоанн IV Грозный; № 17 Феодор Иоаннович; № 18 Борис Годунов; № 19 Василий Шуйский.), Сп. 1890-х гг. Фонд Н. В. Султанова.
- O. 472/1059, 1060, колл. 190/1350. Отп. — 2. Дворец князя Олега и собор. Рязань. Открытка изд. Конрагентства А. С. Суворина и К., Фототипия Шерер, Набольд и К., Москва, 1913 г. Фонд ИАК.
- Киевская княгиня Ольга (ок. 945–954 гг.).**
O. 595/19, колл. 190/7717. Отп. — I. Погост Выбута (Выбута). «Место родины Благоверной княгини Ольги. На берегу р. Великой, в 12 верстах от Пскова, вверх по реке на левом берегу ее, церковь Выбутовская, у моря пророка Илии, каменная по архитектуре XV или XVI веков.», в Сп. К. Кампрада, 1871 г. Фонд ИАК.
- O. 310/63, колл. 160/386. Отп. — I. «Псков. Погост Выбута родина Ольги Российской». Открытка издания фотографа М. И. Герасимова, Псков. Сп. 1900-х гг. Фонд ГАИМК.
- IV 87, колл. 17/95. Нег. — I. Часовня подле камня св. Ольги. Погост Выбута (Выбута), Псковской губ. Сп. 1900-е гг. Фонд КПХИ.
- Q. 236/7-21, инв. А-3850 — 3864. Отп. — 15. Постройка церкви в память кн. Ольги в с. Выбута (Выбута), Псковской губ. Проект архитектора М. Перятыковского, строитель инженер путей сообщения Н. И. Смирнов. Сп. О. Парли, 1890-х гг. Фонд Мраморного дворца.
- O. 595/5, колл. 190/7703. Отп. — I. Крест св. благоверной княгини Ольги Российской. Псков. «Поставленный первоначально благ. Кн. Ольгою на месте Пскова, сгорел в 1509 году. По образцу его был построен в 1623 г. новый из дубового дерева, вышиною 5 аршин вместе с тумбой. Находится в Троицком соборе.», в Сп. К. Кампрада, 1871 г. Фонд ИАК.
- O. 595/7, колл. 190/7705. Отп. — I. Паромо-Успенская церковь и Ольгинская часовня в г. Пскове. «На Завеличьи против Троицкого собора. Церковь построена в 1444 г., а развалины часовни, по преданию, находятся на том месте, откуда кн. Ольга видела на противоположном берегу, где теперь Троицкий собор, три солнечных луча.», в Сп. К. Кампрада, 1871 г. Фонд ИАК.
- O. 469/31, колл. 190/12055. Отп. — I. Часовня во имя св. Ольги «на месте воздвижения оу креста», Псков. Сп. О. Парли, 1900-е гг. Фонд ИАК.
- O. 310/64, 65, колл. 160/387, 388. Отп. — 2. Часовня св. Ольги Российской. Открытка издания фотографа М. И. Герасимова, Псков. Сп. 1900-х гг. Фонд ГАИМК.
- O. 312/41, 42, колл. 160/536, 537. Отп. — 2. Часовня св. Ольги на берегу Великой против собора св. Троицы. Открытки № 6386, 6396 по каталогу открытых писем Общины св. Евгении. Сп. «И. М. 3.», 21 авг. 1917 г. Фонд ГАИМК.
- Q. 790/24, III 6125, инв. 39424. Нег. — I, отп. — I. Часовня св. Ольги. Псков. Сп. Н. Г. Матвеева, 1900-е гг. Фонд И. Г. Матвеева.
- O. 287/13, колл. 20/413. Отп. — I. Гробница Ярослава Мудрого (русский князь ок. 1010 по 1054 гг.). Киев. Сп. 1910-х гг. Фонд КПХИ.
- O. 477/35, колл. 190/588. Отп. — I. Шлем князя Ярослава Всеволодовича, (время княжения с 1238 по 1246 гг.). Москва, Оружейная палата. Сп. И. Ф. Баршевского, 1890-х гг. Фонд ИАК.
- Великий князь Иоанн III Васильевич (время правления с 1462 по 1505 гг.).**
O. 477/45, 46, колл. 190/578, 579. Отп. — 2. Трон из слоновой кости царя Иоанна III. Москва, Оружейная палата. Сп. И. Ф. Баршевского, 1890-х гг. Фонд ИАК.
- O. 478/4, колл. 190/598. Отп. — I. Серебряный кубок Иоанна Васильевича III. Москва, Оружейная палата. Сп. И. Ф. Баршевского, 1890-х гг. Фонд ИАК.
- Царь Иоанн IV Грозный (время правления с 1534 по 1584 гг.; с 1547 г. — царь).**
O. 486/32, колл. 190/1017. Отп. — I. Келья в Успенском женском монастыре, где «по преданию» жил царь г. Александров, Владимирская губ. Сп. И. Ф. Баршевского, 1880-х гг. Фонд ИАК.
- O. 595/27, колл. 190/7725. Отп. — I. Вещи царя Ивана Васильевича Грозного, хранившиеся в Псково-Петерском монастыре: кошелек для денег; золотая цепь, вылка, нож и костяная ложка в серебряной оправе, порохонича, серебряная чаша, седло, серебряный ковш и жестяная охотничья труба. Фот. К. Н. Кампрада, 1870-е гг. Фонд ИАК.
- O. 477/37-39, колл. 190/570-572. Отп. — 3. Кресло и его детали, присланное царю Персидским Шахом, Москва, Оружейная палата. Сп. И. Ф. Баршевского, 1890-х гг. Фонд ИАК.
- O. 479/35, 36, колл. 190/685, 686. Отп. — 2. Садовое асфальтированный «устроенный царем Иоанном Грозным» Москва, Патриаршая ризница. Сп. И. Ф. Баршевского, 1890-х гг. Фонд ИАК.
- O. 479/49, колл. 190/699. Отп. — I. Панагия, дар царя. Москва, Патриаршая ризница. Сп. И. Ф. Баршевского, 1890-х гг. Фонд ИАК.
- O. 490/23, 38, 51, колл. 190/1195, 1210, 1225. Отп. — 3. Фелонь, золотой крест и mitra — дары царя в Кирилло-Белозерский монастырь. Сп. И. Ф. Баршевского, 1890-х гг. Фонд ИАК.
- O. 603/11, колл. 190/3510. Отп. — I. Митра зеленого бархата, по преданию — времени царя Иоанна Грозного. Спасо-Преображенский мужской монастырь, Старая Русса. Сп. В. Машукова, 1901 г. Фонд ИАК.
- Q. 427/49, инв. 314. Отп. — I. — Серебряные чаши царей Иоанна IV и Алексея Михайловича из соборной ризницы г. Смоленска. Сп. И. Ф. Чистякова, 1896 г. Фонд ИАК.

- О. 588/48, II 29381, инв. 8292. Отл. — 1. Гробница иноккини Дарии, в миру царицы Анны Колтовских, 4-ой жены Иоанна Грозного. Введенский собор Введенского женского монастыря, г. Тихвин. Сн. И. Ф. Чистякова, 1908 г. Фонд ИАК.
- Q. 344/27, колл. 20/1920. Отл. — 1. Скульптура М. Антокольского «Иоанн Грозный», 1871 г. Бронза, Русеский музей. На фото (163 x 224 мм) отлук «Копии воспеваются». Сн. 1900-х гг. Фонд КПХИ.
- Q. 850/55, колл. 3209/55. Отл. — 1. Та же скульптура М. Антокольского «Иоанн Грозный», но по другому оформлен постамент. На фото (140 x 219 мм) отлук «Копии воспеваются». Сн. 1900-х гг. Фонд ИИМК АН СССР.
- III 1669, колл. 17/1336. Нег. — 1. Другой вариант скульптуры М. Антокольского «Иоанн Грозный». Бронза. На постаменте музейный этикетка: «Иоанн Грозный. Антокольский М. М.». Сн. 1900-х гг. Фонд КПХИ.
- О. 472/1056, колл. 190/13298. Откр. — 1. «Ивара. Церковь в Иване — Городе (воздвигнут По повелению Иоанна Грозного в один сутки)». Открытка № 49—16 по каталогу открыток писем Общины св. Евгения. Сн. П. Радецкого, 09 янв. 1913 г. Фонд ИАК.
- Q. 167/10, инв. 58893. Отл. — 1. Космодамианская церковь «постройки царя Иоанна IV Грозного», г. Муром. Сн. Н. Сажина, 1900-х гг. Фонд Мраморного дворца.
- О. 711/15-20, колл. 190/14393-14398. Отл. — 6. Предпологаемые темницы времён Иоанна Грозного (вход в подземелье, тайник, открытый ход к реке Тверце). Из раскопок в г. Торжке набережной реки Тверцы. Сн. П. Ф. Добрынина, 1914 г. Фонд ИАК.

Царь Федор Иоаннович (время правления с 1584 по 1598 гг.).
О. 465/1318, колл. 190/11309. Отл. — 1. Пелена зеленого бархата, прислана царем Федором Иоанновичем в 1594 г. Ризница Молотовской церкви, Новгород. Сн. М. П. Мошкова, 1916 г. Фонд ИАК.

О. 480/1, колл. 190/717. Отл. — 1. Золотое кадило, вклад в Архангельский собор (Москва) царицы Ирины Федоровны, жены царя Федора Иоанновича. Сн. И. Ф. Барцевского, 1890-х гг. Фонд ИАК.

Q. 160/11, Q. 236/25, инв. 58640, А-3870. Отл. — 2. Чудотворная икона преп. Сергия, «устроена из деревянной раки преп. Сергия, разбитой по повелению царя Федора Иоанновича 1585 года. Сия икона во время свирепствующей болезни холеры в 1848 году была обнесима по селениям в уездах Московской губернии, и везде при появлении ея болезнь немедленно прекращалась. Жители Сергиевского Посада с того времени положили на всегда каждый год принимать ону в свои дома». Церковь Варвары и Анастасии, Троице-Сергиева лавра. Сн. 1900-х гг. Фонд Мраморного дворца.

Q. 160/9, инв. 58638. Отл. — 1. Икона Вилении Божией Матери над южной дверью алтаря Троицкого собора, из доски от деревянной раки преп. Сергия. «Устроена повелением царя Федора Иоанновича 1588 года». Сн. 1900-х гг. Фонд Мраморного дворца.

Царевич Димитрий (р. 1582 — ум. 15. V. 1591 гг.).

О. 563/9, колл. 190/12518. Отл. — 1. Образ царевича Димитрия «писаный более 400 лет тому назад на холсте», погост Осьмино, церковь Св. Георгия, Гловский у. Сн. 1890-х гг. Фонд ИАК.

Q. 475/40, колл. 222/169. Отл. — 1. Икона, изображающая царевича Димитрия, «снятая с древяного образа». Сн. А. Русяева, 1890-х гг. Фонд РАО.

О. 611/19, колл. 190/3907. Отл. — 1. Нателный крестик царевича Димитрия. Укреплён на блюде, на котором читается надпись: «Крест сей по преданию был на теле св. страстоприимца Благочерного царевича Димитрия (Царя) Иоанновича Князя Угличского, когда злодеи Битговский и (неразборчиво) зарезан. Мать Царевича Царица Мария Федоровна Нюгая сняла крест с сына, хранила его у себя и после пострижения своего 20 ноября 1591г. передала крест в (неразборчиво) женского монастыря в память своего пострижения и жительства в монастыре. Так крест сей и сохраняется в обители». Углич, Ярославская губ. 1902 г. Фонд ИАК.

О. 502/4, 6, колл. 190/1698, 1699. Отл. — 2. Золотая доска с кровью и орешками царевича Димитрия, надгробный и нателный кресты из церкви св. царевича Димитрия на крови, Углич, Ярославская губ. Сн. И. Ф. Барцевского, 1890-х гг. Фонд ИАК.

О. 502/3, колл. 190/1697. Отл. — 1. Церковь во имя св. царевича Димитрия на крови, вид с южной стороны. Углич, Ярославская губ. Сн. И. Ф. Барцевского, 1890-х гг. Фонд ИАК.

О. 502/1, 2, колл. 190/1695, 1696. Отл. — 2. Дворец царевича Димитрия, внешний вид после реставрации. Углич, Ярославская губ. Сн. И. Ф. Барцевского, до 1891 г. Фонд ИАК.

О. 706/27-46, колл. 190/11712 — 11731. Отл. — 20. Дворец царевича Димитрия во время реставрации: внешние и внутренние виды, росписи стен I этажа, повествование об убийстве царевича. Углич, Ярославская губ. Сн. И. Ф. Барцевского, апрель 1891 г. Фонд ИАК (рис. 1).

О. 706/5, колл. 190/11690. Отл. — 1. Дворец царевича Димитрия, внешний вид после реставрации. Углич, Ярославская губ. Сн. И. Ф. Барцевского, после 1891 г. Фонд ИАК (рис. 2).

Q. 475/29, колл. 222/158. Отл. — 1. Дворец царевича Димитрия, внешний вид после реставрации. Углич, Ярославская губ. Сн. А. Русяева, после 1891 г. Фонд РАО.

О. 611/9, колл. 190/3896. Отл. — 1. Дворец царевича Димитрия, внешний вид после реставрации. Углич, Ярославская губ. Сн. В. Машукова, 1902 г. Фонд ИАК.

Царь Борис Годунов (время правления с 1598 по 1605 гг.).

О. 477/47,48, колл. 190/580, 581. Отл. — 2. Трон и его детали, присланный царю Борису Годунову персидским шахом Аббасом в 1604 г. Москва, Оружейная палата. Сн. И. Ф. Барцевского, 1890-х гг. Фонд ИАК.

О. 477/34, колл. 190/567. Отл. — 1. Штыль двуглавый орел в карете Бориса Годунова. Москва, Оружейная палата. Сн. И. Ф. Барцевского, 1890-х гг. Фонд ИАК.

Q. 160/22, инв. 58651. Отл. — 1. Вклад «Боярина и Коношуа Бориса Феодоровича Годунова» в Троице-Сергиеву лавру: два золотых блюда с драгоценными камнями, 1597 г. Сн. 1900-х гг. Фонд Мраморного дворца.

О. 482/51, колл. 190/872. Отл. — 1. Вклад болярина Бориса Годунова в Успенский собор (Москва): золотой крест с жемчужом, драгоценными камнями и цветной эмалью. Сн. И. Ф. Барцевского, 1890-х гг. Фонд ИАК.

О. 637/23, колл. 190/4177. Отл. — 1. Остатки церкви, построенной Борисом Годуновым, дер. Папозеро, Архангельск. губ., Кемского уезда. Сн. В. А. Плотинова, 1906 г. Фонд ИАК.

Царевич Федор Борисович Годунов (время правления — 1605 г.).
II 7162, инв. 92320. Нег. — 1. Барельеф на стене павильона в виде ордена: наверху крещенье военной атрибутикой, под ним овалный медальон с портретом, внизу надпись: «ЦАРЬ ФЕОДОРЪ БОРИСОВИЧЪ ГОДУНОВЪ ЦАРСТВЪ. СЪ 1604 6 НЕД. ЖИТЬ 19 ЛЪ.», именные «Тайцы», Петроградская губ. Сн. 1920-х гг. Музейный фонд (рис. 3).

Лжедмитрий I, царствовал под именем Димитрия Иоанновича (время правления с 1605 по 1606 гг.).

О. 361/24, колл. 190/9606. Отл. — 1. Древняя «акадолическая икона на полотно — благословение Марини Мишкек». Молченский — Печерский монастырь, Путяль, Курская губ. Сн. Я. Фесика, 1900-х гг. Фонд ИАК.

О. 361/25, колл. 190/9607, 9608. Отл. — 2. «По преданию» тронное кресло Лжедмитрия I и резной деревянный Спаситель из комнаты Лжедмитрия I, принадлежавший самозванцу». На кресле в рамке портрет Лжедмитрия. Молченский — Печерский монастырь, Путяль, Курская губ. Сн. Я. Фесика, 1900-х гг. Фонд ИАК.

О. 361/26, колл. 190/9609. Отл. — 1. Среди древней церковной утвари — деревянная дарохранительница времени Лжедмитрия. Молченский — Печерский монастырь, Путяль, Курская губ. Сн. Я. Фесика, 1900-х гг. Фонд ИАК.

О. 33/32, инв. 55875. Отл. — 1. Дом Коробова (кон. XVII в.) так называемые «Палаты Марини Мишкек». Калуга. Сн. 1900-х гг. Фонд ГАИМК.

О. 472/1024, колл. 190/13266. Откр. — 1. Калуга. Исторический музей (дом Марини Мишкек). Открытки изд. Контрагент-

Рис. 1. Дворец царевича Димитрия во время реставрации: росписи южной стены II этажа. Углич, Ярославская губ. Сн. И. Ф. Баршевского, апрель 1891 г. Фонд ИАК (0. 706/45, колл. 190/11727).

Fig. 1. Tsarevitch Dimityr's palace in the course of restoration works: paintings on the southern wall of the 1st floor. Uglich, Yaroslavl Province. Photograph credit: I. F. Barshevskiy, April 1891. Collection of IAK (0. 706/45, collection 190/11727).

ства А. С. Суворина и К., Фототипия Шерер, Набоковы и К., Москва. Сн. 1900-х гг. Фонд ИАК.

Q. 310/43, колл. 160/366. Откр. – I. Псков. Развалины дворца Марины Миншек. Вид изнутри. Открытка издания фотографа М. И. Герасимова, Псков. Сн. 1900-х гг. Фонд ГАИМК.

Q. 316/29-32, II 29814, 29818, 29819, 30111, илл. 9116, 9120, 9121, 9401. Нег. – 4, отп. – 4. Руины дома «Марины Миншек» близ Поганкиных палат, Псков. Сн. П. П. Покрышкина, 1908 г. Фонд ИАК.

Царь Василий Шуйский (время правления с 1606 по 1610 гг.). II 7161, илл. 92319. Нег. – I. Барельеф на стене павильона в виде ордена: наверху скрещенье военной атрибутики, под ним овальный медальон с портретом, внизу надпись: «ЦАРЬ ВАСИЛІЙ ІОАННОВИЧЪ ШУЙСКИ. ЦАР. СЪ 1606 15 ЛЕ. ЖИТЬ 55 ЛЕТЪ», именье «Тайцы», Петроградская губ. Сн. 1920-х гг. Музейный фонд.

Разное.

Q. 21/89, илл. 99694. Отп. – I. Старинный герб Руси, барельеф. Сн. 1890-х гг. Фонд Н. В. Султанова.

Q. 33/3, 0. 514/39, 40, 42, 49, 0. 515/5, 7, 50, 0. 516/6, колл. 190/2291, 2292, 2294, 2301, 2312, 2354, 2357, 2368. Отп. – I. Государственная символика в Московском Кремле. Сн. И. Ф. Баршевского, 1880-х гг. Фонд ИАК.

Q. 512. 23, колл. 190/2165. Отп. – I. Государственная символика на подвесчике XVII в. из музея Белой Палаты, Ростов Великий. Сн. И. Ф. Баршевского, 1880-х гг. Фонд ИАК.

Q. 490/50, колл. 190/1222. Отп. – I. Русский герб, рисованный напылью на холсте, Кирилло-Белозерский монастырь. Сн. И. Ф. Баршевского, 1890-х гг. Фонд ИАК.

Q. 477/33, 0. 512/4, 6, колл. 190/566, 2146, 2148. Отп. – 3. Изображение двуглавого орла на конце полотенца (мережка), на конце простыни (вышивка), деталь «щитаго» полотенца. Сн. И. Ф. Баршевского, 1880-х гг. Фонд ИАК.

Q. 482/52, 53, колл. 190/873, 874. Отп. – 2. Каменный сосуд для мира, украшенный золотом с цветной эмалью, употребляемый для миропомазания Государей при коронации. Москва, Успенский собор. Сн. И. Ф. Баршевского, 1880-х гг. Фонд ИАК.

Q. 331/48, колл. 20/651. Отп. – 1. Сосуды для миропомазания. Москва, Кремль, Оружейная палата. Сн. 1890-х гг. Фонд КПХИ.

Q. 331/49, 50, колл. 20/652, 653. Отп. – 2. Атрибуты государственной власти: держава, малая корона, скипетр и государственная печать. Москва, Кремль, Оружейная палата. Сн. 1890-х гг. Фонд КПХИ.

Q. 2228/2, илл. 79683. Отп. – 1. Колымажская башня (парские золотые ворота), акварель. Москва, Кремль. Сн. А. А. Иванова-Терентьева, 1900-х гг. Фонд В. П. Малиновского.

Q. 731/31, III 13209, колл. 1379/1482. Нег. – 1, отп. – 1. Успенский собор, гравюра XVII в. Москва, Кремль. Сн. 1910-х гг. Фонд К. К. Романова.

Q. 207/6, 7, илл. 55722/53, 54. Отп. 2. Внешний вид с юго-запада, внутренний вид с тронном Владимира Мономаха («древнее» царское место). Успенский собор, Кремль, Москва. Сн. В. Аванзо, 1890-х гг. Фонд Мраморного дворца.

Q. 515/16, 17, колл. 190/2323, 2324. Отп. – 2. Внутренний вид с тронном Владимира Мономаха («древнее» парское место). Успенский собор, Кремль, Москва. Сн. И. Ф. Баршевского, 1880-х гг. Фонд ИАК.

Рис. 2. Дворец царевича Дмитрия, внешний вид после реставрации. Углич, Ярославская губ. Ст. И. Ф. Баршевского, после 1891 г. Фонд ИАК (0. 706/5, колл. 190/11690).

Fig. 2. Tsarevich Dimitry's palace, the view after the restoration. Uglich, Yaroslavl Province. Photograph credit: I. F. Barshevskiy, after 1891. Collection of IAK (0. 706/5, collection 190/11690).

Рис. 3. Барельефы на стене павильона в имении «Тайтцы», Петроградская губ. Сн. 1920-х гг. Музейный фонд (II 7162, инв. 92320).

Fig. 3. Bas-reliefs on a wall of a pavilion in the estate of «Taytsy», Petrograd Province. Photo of 1920s. Museum collection (II 7162, Inv. 92320).

O. 482/42, 43, O. 515/22, coll. 190/863, 864, 2329. Отп. – 3. Трон Владимира Мономаха («древнее» царское место). Успенский собор, Кремль, Москва. Сн. И. Ф. Барщевского, 1890-х гг. Фонд ИАК.

I 8182, inv. 42744. Нег. – 1. Шатер над троном Владимира Мономаха («древнее» царское место). Успенский собор, Кремль, Москва. Сн. В. М. Машечкина (пересъемка с фото И. Ф. Барщевского № 2029), 1910-х гг. Фонд В. М. Машечкина.

O. 1808/24, O. 2228/16-18, inv. 61310, 79696-79698. Отп. – 4. Успенский собор, Кремль, Москва. Трон Владимира Мономаха («древнее» царское место), детали. Сн. А. А. Иванова-Терентьева, 1900-х гг. Фонд В. П. Малиновского.

Q. 815/30-36, coll. 1475/2851-2857. Отп. – 7. Успенский собор, Кремль, Москва. Трон Владимира Мономаха («древнее» царское место), детали. ГИМ. Сн. Н. П. Сычева, 1907 г. Фонд Н. П. Сычева.

O. 515/21, coll. 190/2328. Отп. – 1. Успенский собор, Кремль, Москва. Царское место («более нового устройства»), общий вид. Сн. И. Ф. Барщевского, 1890-х гг. Фонд ИАК.

O. 339/1229, coll. 190/12952. Откр. – 1. «Св. София. Царское место (1571 г.). Издание Новгородского Общества Любителей Древности. Фото-тинто-гравюра Т-ва «Образование». Новгород. Сн. 1910-х гг. Фонд ИАК.

O. 488/15-19, coll. 190/1095-1099. Отп. – 5. Софийский собор, Новгород. Царское моленное место XVI в. Общий вид и детали. Сн. И. Ф. Барщевского, 1900-х гг. Фонд ИАК.

II 37 '6/1351. Нег. – 1. Софийский собор, Новгород. ельное место XVI в. Общий вид. Сн. 1920-х гг.

F. 40/2-5, inv. 57804-57807. Отп. – 4. Теремной дворец в Московском Кремле, интерьеры (трапезная, соборная или гостиная, престольная, каменный чердак или «теремок»). Сн. 1890-х гг. Фонд Мраморного двorca.

O. 516/8-13, 16-18, coll. 190/2370-2375, 2378-2380. Отп. – 9. Теремной дворец в Московском Кремле, интерьеры (столовая палата, гостиная, кабинет, опочивальня, моленная). Сн. И. Ф. Барщевского, 1890-х гг. Фонд ИАК.

F. 41/34, 36, 37, inv. 57797, 57799, 57800. Отп. – 3. Парадные царские экипажи. Придворно-конюшенный музей. СПб. Сн. 1850-х гг. Фонд Мраморного двorca.

Q. 445/78, coll. 153/2069. Отп. – 1. «Книжеская» шапка XVI-XVII вв., отреставрирована в XIX в., «малинового бархата, расшита золотом – изображения святых. От мехового околыша – остаток кожи». Ризница Софийского собора, Новгород. Сн. 1900-х гг. Фонд А. А. Спицина.

O. 488/39, coll. 190/1119. Отп. – 1. Та же шапка: «Древняя деревянная шапка, обложенная атласом, книжеская». Ризница Софийского собора, Новгород. Сн. И. Ф. Барщевского, 1900-х гг. Фонд ИАК.

O. 477/1,2, coll. 190/535, 536. Отп. – 2. Царское парадное седло. Москва, Кремль, Оружейная палата. Сн. И. Ф. Барщевского, 1890-х гг. Фонд ИАК.

O. 478/44-47, coll. 190/638-641. Отп. – 4. Различные саадаки и колчанцы с государственной символикой (кожаные с шитием, серебряные с эмалью и драгоценными камнями). Москва, Кремль, Оружейная палата. Сн. И. Ф. Барщевского, 1890-х гг. Фонд ИАК.

O. 478/24, 26, 28, coll. 190/618, 620, 622. Отп. – 3. Серебряные цепи, свецты, посуда (ворнок, разольник) с государственной символикой. Москва, Кремль, Оружейная палата. Сн. И. Ф. Барщевского, 1890-х гг. Фонд ИАК.

Q. 157/1-18, инв. 58512-58529. Отп. – 18. Памятник 1000-летию России, Новгород. Общий вид до открытия и детали. Альбом художественной фотографической мастерской академика Заурвейда. Сн. 1862 г. Коллекция К. Р. Фонд Мраморного дворца.

III 4786-4789, инв. 38068 - 38071. Нег. – 4. Макет памятника 1000-летию России, Новгород. Вид с разных сторон. Сн. Н. Г. Матвеева, 1900-х гг. Фонд Н. Г. Матвеева.

II 20936, III 6133, инв. 39432, 39730. Нег. – 2. Памятник 1000-летию России, Новгород. Общий вид. Сн. Н. Г. Матвеева, 1900-х гг. Фонд Н. Г. Матвеева.

0. 748/59, колл. 158/129. Отп. – 1. Памятник 1000-летию России, Новгород. Группа на фоне памятника. Сн. до 1917 г. Фонд А. А. Спичина.

III 2520, инв. 50749. Нег. – 1. Памятник 1000-летию России, Новгород. Общий вид. Сн. 1910-х гг. Фонд Мраморного дворца.

Моисеева 1998 – *Моисеева Н. Д.* История дома Романовых в XIX веке по фондам фотоархива Института истории материальной культуры РАН // АВ. № 5. СПб., 1998. С. 385–390.

ПЕРСОНАЛИИ

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. Ф. ГАЙДУКЕВИЧА

Рис. 1. В. Ф. Гайдукевич.

Fig. 1. V. F. Gajdukevič

Научное наследие Виктора Францевича Гайдукевича значит в истории отечественной античной археологии очень многое. Представители теперь, увы, уже уходящего поколения ученых, которые когда-то работали под его руководством, вспоминают, что в Боспорской экспедиции ЛОИА АН СССР была сложена шуточная поэма, авторство которой приписывается С. И. Капошиной, посвященная истории Боспора. В ней, в частности, были такие строки:

*«Цари Боспора не без славы
Крепили мощь своей державы.»*

Понимать их следовало не только как дань памяти древним правителям, Левкону или Перисаду, но и как намек на дела современников, то есть руководителей крупных археологических экспедиций. Первым в их ряду, так сказать, «царем царей» для очень многих, безусловно, был В. Ф. Гайдукевич (рис. 1).

Удивительно, но до сих пор никто не сделал попытки создать научную биографию этого выдающегося ученого. В советское время это было как-то не принято, а сейчас писать о судьбе человека, который не подвергался репрессиям, и, казалось бы, был вполне «обласкан властями», стало почти не корректным. Попробуем, однако, преодолеть предрассудки нашего времени и соблюсти объективность в изложении имеющихся фактов биографии этого человека. Работа базируется на материалах Рукописного архива Института истории материальной культуры РАН, – автобиографиях, характеристиках, личных листках по учету кадров, приказах о создании экспедиций, командировках и т. д. Надо признать, что, несмотря на многочисленность таких документов, полного представления о жизненном пути В. Ф. Гайдукевича они не дают. Это относится не только к его личной жизни, которая почти не интересовала советскую бюрократию (взаимоотношения в семье, круг знакомств, художественные пристрастия, особенности характера и т. д.)¹, но и к некоторым, на мой взгляд, существенным моментам служебной деятельности ученого. Однако перейдем к изложению наиболее важных фактов биографии мэтра советской античной археологии².

Виктор Францевич родился 12 ноября 1904 г., так что в 2004-м году научная общественность отмечает 100-летие со дня его рождения. По национальности В. Ф. Гайдукевич был поляком, хотя знание польского языка указывал в многочисленных заполненных им анкетах совсем не часто. Его отец Франц Иосифович Гайдукевич происходил из бывшей Виленской губернии, а мать Мария Ивановна Гайдукевич (Сапоровская) – из бывшей Ковенской губернии. Как видим, корни ученого уходят в Польшу и Литву. В Санкт-Петербург отец переехал в конце XIX в., трудился врачом; в советское время – в Выборгской районной поликлинике г. Ленинграда. Мать ученого была домохозяйкой. Недвижимости и особых сбережений семья не имела, проживая на средства, которые зарабатывал отец.

Местом своего рождения В. Ф. Гайдукевич чаще всего называл Ленинград. Часто, но не всегда, указывалось, что это был г. Троки Ковенской губ., то есть современный литовский г. Тракай (НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 5, л. 60, л. 6, 12), и есть веские основания полагать, что родился он именно там. Вполне возможно, что Мария Ивановна родила сына не по месту жительства, а на своей родине, среди родственников. Афишировать этот факт в советское время со-

¹ Выражаю мою глубочайшую признательность за консультации В. И. Денисовой, Ю. П. Каланшику, Н. З. Кунинной.

² В опубликованных некрологах не все факты жизни ученого изложены правильно (Капошина 1967; Капошина, Яковсон 1967; Kastanjan 1967; см. также Гайдукевич (некролог) 1969).

всем не следовало, поскольку «заграничные родственники» тогда рассматривались как фактор, портящий анкету (как известно, Литва вошла в состав СССР в 1940 г., а Виктор Францевич всегда писал, что родственники за границей не имеет). Нет сомнения, однако, что вся его жизнь была связана с Ленинградом, где он проживал на Мичуринской ул. в доме № 9 (одно время она носила название 2-я улица Деревенской Бедноты).

Окончив школу в 1923 г., В. Ф. Гайдукевич сразу поступил в Ленинградский государственный университет на Археологическое отделение Факультета общественных наук (НА ИИМК РАН, РА: ф. 2, оп. 3, д. 137, л. 21). В имеющихся документах, однако, опять содержится некоторые расхождения, — в графе об образовании исследователь всегда указывает, что закончил Факультет языковедения и материальной культуры (сокращенно — Ямфак), где прошел исторический цикл с уклоном в историю материальной культуры (см. НА ИИМК РАН, РА: ф. 2, оп. 3, д. 137, л. 23). Нет сомнения, что отмеченное несходство следует связывать с общей неустойчивостью системы образования того времени в стране, частыми ее переменами, переименованиями институтов и их структурных подразделений (см. Тихонов 2004: 227). Одновременно с учебой 19-летний молодой человек начал добывать средства к существованию, работая в экскурсионно-лекторской Базе Ленинградского Губполитпросвета. Он водил экскурсии по Эрмитажу, Шереметьевскому и Аничкову дворам, а также по другим памятникам города (НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 5, д. 60, л. 25).

Летом 1926 г. во время студенческой практики В. Ф. Гайдукевич познакомился с археологическими памятниками Боспора Киммерийского, в 1926–27 гг. он принял участие в своих первых археологических экспедициях в Херсонесе и Керчи. Можно обратить внимание на то обстоятельство, что в 1924 г. в его студенческие годы, проходила чистка ВУЗов от чуждых советской власти элементов, но для Виктора Францевича она не имела негативных последствий (НА ИИМК РАН, РА: ф. 2, оп. 3, д. 137, л. 23). Беспартийный студент (кстати, он так никогда и не вступил в Коммунистическую партию) продолжил свое обучение в университете.

В 1928 г. после окончания Университета В. Ф. Гайдукевич был приглашен на работу в Керченский археологический музей, где стал трудиться в должности научного сотрудника 1 разряда и хранителя музея. В автобиографии 1947 г. он написал о том времени:

«Тогда мне представлялась весьма заманчивая работа в этом старейшем археологическом музее, расположенном к тому же в интереснейшем для археолога-античника районе. С 1928 по 1930 гг. я энергично работал в Керченском музее, активно участвовал в его перестройке и его научных предприятиях» (НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 5, д. 60, л. 65).

В 1930 г. В. Ф. Гайдукевич был зачислен в аспирантуру Ленинградского историко-лингвистического института (ЛИЛИ) по Кафедре материальной культуры античного мира (НА ИИМК РАН, РА: ф. 2, оп. 3, д. 137, л. 23). В Институте он представил свою первую научную работу «К вопросу об истории феодального Херсонеса (Мнимая базилика Леонтия)»³. В ней, в частности, были привлечены данные его раскопок 1928 г. Здесь необходимо сделать еще одну оговорку. Дело в том, что молодой археолог в 1930 г. был зачислен в аспирантуру ЛГУ, но ввиду того, что археологическая специализация тогда была переведена в ЛИЛИ, аспирантуру он прошел именно в Ленинградском историко-лингвистическом институте. В этом отношении логично становится справка, поступившая из ЛГУ в ИИМК АН СССР в 1950 г. (НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 5, д. 60, л. 101):

«В. Ф. Гайдукевич был зачислен в аспирантуру ЛГУ с 1. 01. 1930 при условии сдачи испытаний по марксистской методологии. Никаких документальных данных об окончании аспирантуры В. Ф. Гайдукевичем нами не обнаружено.

Зав. архивом ЛГУ В. Гербач».

Естественно, такие документальные данные имеются об окончании аспирантуры Историко-лингвистического института (НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 5, д. 60, л. 1). Руководителем аспирантуры В. Ф. Гайдукевича был О. Ф. Вальдгауэр. Окончив аспирантуру в 1932 г., молодой исследователь античной культуры был принят научным сотрудником 1 разряда в ГАИМК, его работа протекала в Институте истории древнего мира (ИИДМ) и в Институте истории рабовладельческого общества (НИРО), соотношение которых между собой сейчас не представляется вполне понятным.

Вскоре начали выходить первые крупные работы Виктора Францевича (Гайдукевич 1934а; 1934б). Успешно развивались полевые исследования, важным этапом которых стало начало систематических археологических раскопок на городище Мирмекий в 1934 г. Тогда были определены важнейшие веки в развитии одного из так называемых малых боспорских городов с момента основания до гибели (Гайдукевич, Леви, Прушевская 1941). Результаты исследований были столь впечатляющими, что в научной литературе закрепились мнение, что именно тогда была создана Боспорская экспедиция во главе с В. Ф. Гайдукевичем (Капошина 1967: 213; Капошина, Якобсон 1967: 299; Виноградов 1987: 172; Kastanaĵan 1967: 255). Сам он, как правило, писал, что возглавил экспедицию именно в 1934 г., но официальные бумаги упорно называют иную дату — 1935 г. В подтверждение последней точки зрения следует привести распоряжение № 88 по ГАИМК от 1 сентября 1935 г. (НА ИИМК РАН, РА: ф. 2, оп. 3, д. 137, л. 27; ф. 2, 1935, л. 164, л. 58):

³ В. Ф. Гайдукевич еще долго не прекращал изыскания по теме, связанной с мнимой базиликой Лаврентия-Леонтия. Работа, подвешдая итог изучения, была опубликована в 1953 г. (Гайдукевич 1953).

«В виду отъезда в Ленинград для участия в Иранском конгрессе начальника Керченской экспедиции О. О. Крюгера, и. о. начальника на месте работ на время отсутствия О. О. Крюгера назначить начальника участка В. Ф. Гайдукевича».

Как видим, даже летом 1935 г. В. Ф. Гайдукевич еще не был начальником экспедиции, да и называлась она не *Боспорской*, а *Керченской*. Все эти детали, конечно, совсем не могут умалять заслуг исследователя в организации изучения городов Боспора Киммерийского, составивших целую эпоху в истории отечественной античной археологии. Однако в целях соблюдения исторической истины в отношении создания Боспорской экспедиции необходимо подчеркнуть, что в год зачисления В. Ф. Гайдукевича в состав ГАИМК таковой еще не существовало, античные экспедиции тогда работали в Тамани, Херсонесе и Ольвии (НА ИИМК РАН, РА: ф. 2, 1932, л. 87, лл. 45, 51). Экспедиция в Керчь была создана в следующем 1933 г., это была объединенная экспедиция ГАИМК и Московского музея изобразительных искусств, во главе ее встал действительный член Академии О. О. Крюгер⁴. Виктор Францевич сразу был привлечен к работам в Керчи, ему было поручено вымезаживание древних городищ, а также участие в раскопках Тиритакса (НА ИИМК РАН, РА: ф. 2, 1933, л. 129, л. 4). В 1934 г. единая Керченская экспедиция продолжила работу, первоначально планировалось, что во главе ее опять будет О. О. Крюгер, помощником начальника станет Т. Н. Книпович, а начальниками отрядов – Ю. Ю. Марти, П. Н. Шульц, М. М. Кобылина и В. Ф. Гайдукевич (НА ИИМК РАН, РА: ф. 2, 1934, л. 199, л. 20). По каким-то причинам О. О. Крюгер не смог выехать в Керчь, новый открытый лист был выдан на имя Л. М. Славина⁵, который и провел работы Керченской экспедиции этого года (НА ИИМК РАН, РА: ф. 2, 1934, л. 199, л. 41).

В 1935 г. начальником экспедиции опять был назначен О. О. Крюгер, а начальниками отрядов – В. Ф. Гайдукевич, Ю. Ю. Марти и Л. М. Славин (НА ИИМК РАН, РА: ф. 2, 1935, л. 144, л. 112). На сей раз в раскопках принимали участие все названные специалисты, но когда, как уже говорилось, О. О. Крюгер в сентябре уехал из Керчи в Ленинград для участия в Иранском конгрессе, администрация Академии поспешала передать руководство экспедицией Л. М. Славину «внецелесообразной», возможно, по той причине, что ему поручалось исследование Ольвии. Против кандидатуры В. Ф. Гайдукевича возражений

не имелось (НА ИИМК РАН, РА: ф. 2, 1935, л. 50). Официальное название – Боспорская – экспедиция получила лишь в 1938 г. (см. Научный архив ИИМК РАН, РА: ф. 312, оп. 1, д. 9, л. 1), тогда она по-прежнему оставалась объединенной и состояла из трех отрядов: Миремийского, работами которого руководил сам В. Ф. Гайдукевич, Тиритакского, нач. отряда – Ю. Ю. Марти и Фанагорийского – нач. отряда В. Д. Блаватский. Суммируя приведенные архивные данные, необходимо подчеркнуть, что Виктор Францевич стал третьим начальником Боспорской (Керченской) экспедиции после О. О. Крюгера и Л. М. Славина, но его вклад в развитие археологических исследований на Боспоре этим фактом, разумеется, ничуть не умаляется.

Надо признать, что экспедицию 1935 г. В. Ф. Гайдукевич возглавил в очень трудный момент. Значительная часть финансирования раскопок тогда поступала или, правильнее сказать, должна была поступать из новостроечных средств, – по договорам на исследование Тиритакса деньги перечислял Камыш-Бурунский железорудный комбинат, а на Миремийский – Керченский завод им. Войкова. Не трудно догадаться, что деньги от них почти не поступали, Виктор Францевич даже писал о «безнадежности положения экспедиции» (НА ИИМК РАН, РА: ф. 2, 1935, л. 164, л. 75), но он все-таки сумел выбить из партнеров причитающиеся археологам средства и успешно завершить работы на всех объектах. Так началась эпоха В. Ф. Гайдукевича в боспорской археологии!

Сам Виктор Францевич отмечал, что с 1926 по 1940 г. не было ни единого летнего сезона, в котором бы он не участвовал в археологических изысканиях. Среди экспедиций он называл: «1926 г. – Херсонес, 1927 г. – Херсонес, 1928 г. – Китей и Херсонес, 1929 г. – Китей и Керчь, 1930 г. – Керчь и Кыз-Аул, 1931 г. – Керчь и Фанагория, 1932 г. – Камыш-Бурун (Тиритакса), в 1938 г. еще и Тамань, в 1939–40 гг. – Тиритакса и разведки на Керченском полуострове. С 1935 по 1940 г. ежегодно руководил работой одной из крупнейших археологических экспедиций – Боспорской» (НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 5, д. 60, л. 61).

Вскоре после начала работы в ГАИМКе будущему класснику пришлось испытать суровость нрава заместителя председателя Академии С. Н. Быковского. В апреле 1933 г. тот издал распоряжение об отстранении В. Ф. Гайдукевича от занимаемой должности (НА ИИМК РАН, РА: ф. 2, оп. 3, д. 137, л. 37), никакие причины такого серьезного решения при этом не ука-

⁴ Крюгер Отто Оскарович (1897–1967 гг.) – выдающийся советский папиролог и эпиграфист. В 1918 г. закончил Историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, среди его учителей были С. А. Жебелев, М. И. Ростовцев, Б. В. Фармаковский. В ГАИМКе работал с 1920 г., в 1932 г. вступил в члены ВКП(б). В. В. Струве назвал О. О. Крюгера одним из крупнейших специалистов в области папирологии и истории эллинизма (НА ИИМК РАН, РА: ф. 2, оп. 3, л. 330, л. 33). В 1933–35 гг. возглавлял Керченскую экспедицию ГАИМК, но полевой археологией, судя по всему, особо не интересовался. С сентября 1936 г. после отставки Ф. В. Кипарисова стал и. о. председателя Академии, но через год в октябре 1937 г. отстранен от должности и вскоре арестован. К научной деятельности смог вернуться только в 1957 г. – о нем см. Крюгер (некролог) 1967: 170–171.

⁵ Славин Лазарь Моисеевич (1906–1971) – видный советский археолог. В 1928 г. закончил Ленинградский университет, среди его учителей были Б. В. Фармаковский, О. Ф. Вальгауэр, С. А. Жебелев. В 1936 г. возглавил археологические работы в Ольвии, в 1938 г. перешел из Ленинграда в Киев, где был создан Институт истории материальной культуры. После его разгрома и создания Института археологии АН УССР, стал заместителем, а затем и директором Института (1939–1945 гг.). Был избран членом-корреспондентом Украинской Академии Наук (см. Крапивина 1996; Крапивина 1997).

зывались. Ясно, однако, что причина заключалась в том, что научный сотрудник какое-то время не появлялся на работе, поскольку болел. Когда были представлены соответствующие документы, распоряжение было отменено. Об этом инциденте можно было бы и не писать, посчитав его своего рода курьезом, но дело в том, что в судьбе ученого будет еще один приказ об отстранении от работы, о чем будет сказано ниже.

В сентябре 1933 г. ГАИМК был переведен из категории головных учреждений в ударные. Не будем удивляться такому странному делению, вспомним, что и в наши дни некоторые научные и учебные учреждения считаются национальным достоянием, а другие – нет. В связи с этим оклад научного сотрудника I разряда был увеличен на 5 руб., составив 125 руб. в месяц. Еще один документ, отражающий ту эпоху, – расписка об отсутствии оружия, которую В. Ф. Гайдукевич написал 13 декабря 1933 г. (НА ИИМК РАН, РА: ф. 2, оп. 3, д. 137, л. 35). Любопытно, что этот документ подшит в дело среди более поздних⁶, и этого может быть, что на нем преднамеренно поставлена неверная дата. Вспомним, что 1 декабря 1934 г. в Смольном был убит лидер ленинградских коммунистов С. М. Киров, и, может быть, именно тогда у некоторых категорий ленинградских жителей были собраны соответствующие расписки.

Роковой в судьбах интеллигенции нашей страны 1937 г. для В. Ф. Гайдукевича, как будто, прошел без серьезных последствий. Во всяком случае, ни он сам, ни его родственники никогда не были подвергнуты репрессиям или лишены избирательных прав (см. Научный архив ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 5, д. 60, лл. 8, 14). Однако лес рубили, щепки летели и иногда они больно били даже тех, кто в лесоповале не участвовал. В судьбе В. Ф. Гайдукевича имеется одно важное обстоятельство, относящееся как раз к этому времени. В 1937 г. ГАИМК, как известно, был ликвидирован, и его структуры переведены в АН СССР; ГАИМК стал ИИМК им. Н. Я. Марра. Виктор Францевич во всех анкетах писал, что работал в академических структурах непрерывно с 1932 г., но это утверждение требует весьма серьезных оговорок.

В ноябре 1937 г. был издан приказ № 83 по ИИМКу, подписанный академиком И. А. Орбели. Он гласил, что согласно постановлению Президиума АН СССР от работы в Институте освобожден ряд сотрудников, в том числе и В. Ф. Гайдукевич, «за невозможностью использования в дальнейшем на работе в Институте» (НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 5, д. 60, л. 3). Нетрудно понять, что приказ, мягко говоря, вызвал огромное недоумение, ибо в нем утверждалось, что одного из виднейших советских археологов нельзя использовать по специальности. В связи с этим вскоре последовало разъяснение: В. Ф. Гайдукевич освобожден от занимаемой должности ввиду неутверждения Президиумом при переводе ГАИМК в систему АН СССР (НА ИИМК РАН, РА: ф. 2, оп. 3, д. 137, л. 1). Лишь 22 июля 1938 г. И. А. Орбели подписал приказ

о том, что В. Ф. Гайдукевич допускается к работе вверде до утверждения Президиумом АН СССР на должности старшего научного сотрудника (НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 5, д. 60, л. 9).

Почти на месяц раньше этого приказа, 28 июня 1938 г., решением Ученого совета ЛГУ В. Ф. Гайдукевичу была присвоена ученая степень кандидата исторических наук без защиты диссертации (НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 5, д. 60, лл. 4–5). Здесь на Историческом факультете он начал читать курс античной археологии, а также спецкурсы «Археология античных колоний», «Северное Причерноморье в античную эпоху», «Материальная культура Боспора». Надо признать, что Университет сыграл в судьбе ученого самую положительную роль. Многие очевидцы отмечают, что Виктор Францевич был добрым, понимающим и любящим студентов преподавателем. Ему прощались частые опоздания на занятия, но и он прощал своим подопечным многие их проступки. Вряд ли следует особо подчеркивать, что некоторые из учеников В. Ф. Гайдукевича стали маститыми учеными.

Были и другие положительные перемены, – В. Ф. Гайдукевич женился на Валентине Ивановне Даниловой, и в 1937 г. у них родился сын Владислав.

Сектором Древнего Причерноморья в то время руководил академик С. А. Жебелев. В. Ф. Гайдукевич стал ученым секретарем Сектора, а с 1939 г. – фактически заместителем заведующего (НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 5, д. 60, л. 42). Вряд ли нужно много говорить о том, что он признавал Сергея Александровича замечательным руководителем и наиболее авторитетным специалистом в области изучения греческих колоний Северного Причерноморья. Виктор Францевич призывал молодое поколение историков и археологов самым серьезным образом учиться у С. А. Жебелева (см. Гайдукевич 1941: 7–12). Сам В. Ф. Гайдукевич воспринял от С. А. Жебелева многие научные концепции, к примеру, он до конца защищал идею о восстании Саммака как о проявлении классовой борьбы в античном мире (см. Гайдукевич 1968а; 1968б). Постепенно даже сформировался подход к изучению классических древностей региона, который стал именоваться «линией Жебелева-Гайдукевича». С официальных трибун ленинградских археологов-антиковедов еще долго призывали следовать именно этой линии, хранить ей верность.

К началу 40-х гг. научная деятельность Виктора Францевича развивалась вполне успешно, перспективы археологических исследований на Боспоре казались безграничными. Его характеристика, относящаяся к декабрю 1940 г. (НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 5, д. 60, л. 15), в частности, гласит:

«Тов. Гайдукевич является видным специалистом по истории античного мира. Его перу принадлежит ряд важных научных работ по античным колониям Северного Причерноморья. Под руководством В. Ф. Гайдукевича ежегодно проводятся археологи-

⁶ Документ, лежащий перед этой распиской, датирован 12 декабря 1934 г., а после нее – распоряжение по ГАИМК об отпусках от 2 января 1935 г. Все это дает основания считать, что расписка была составлена 13 декабря, но не 1933, а 1934 г.

ческие экспедиции на Керченском п-ове, результаты которых явились ценным вкладом в советскую науку. За время пребывания в Институте тов. Гайдукевич показал себя способным, энергичным и добросовестным научным работником

Директор Института М. И. Артамонов
Ученый секретарь С. М. Бибииков.

4 февраля 1941 г. Виктор Францевич был принят в состав Ученого Совета ИИМК..., а дальше гранула Великая Отечественная война. Как многие ленинградцы, он работал на строительстве оборонительных сооружений под Новгородом, Гатчиной, на Пороховых, состоял в команде ПВО при Институте. Из блокированного города по постановлению правительства В. Ф. Гайдукевич вместе с женой и сыном был эвакуирован на самолете 19 декабря 1941 г. Сначала их направили в Казань, а затем – в Ташкент, где была создана Ташкентская группа ИИМК АН СССР. Здесь впервые в своей жизни Виктор Францевич был назначен вр. и. о. заведующего Сектором Северного Причерноморья (НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 5, д. 60, л. 31). Но о древностях Северного Причерноморья в то время можно было лишь вспоминать, с 1942 г. он работал по теме «Агррикултура Средней Азии в древности», а кроме того был назначен начальником археологической экспедиции в районе строительства Фархадской ГЭС, там в 1943–44 гг. были проведены раскопки могильника и замка.

Война завершилась, и уже с 18 мая 1945 г. В. Ф. Гайдукевич вместе с другими учеными (А. Г. Якубовским, Т. Н. Книпович, Е. И. Леви, А. Н. Карасевым, Г. А. Пугаченковой и др.) считается возвратившимся из эвакуации и приступившим к исполнению своих обязанностей в Ленинграде (НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 5, д. 60, л. 44). Вскоре, 10 июня, указом Президиума Верховного Совета СССР за выдающиеся заслуги в развитии науки и техники в связи с 220-летием АН СССР он был награжден орденом «Знак Почета». Ему также была вручена медаль «За доблестный и самоотверженный труд в период Великой Отечественной войны»; вторым орденом «Знак Почета» Виктор Францевич был награжден в 1954 г. за выслугу лет и безупречную работу.

В мае 1946 г. от обязанностей заведующего Сектором Древнего Причерноморья был освобожден профессор С. И. Ковалев. Произошло это по его просьбе, к тому же необходимо было покончить со сложившейся парадоксальной ситуацией, поскольку уважаемый историк даже не состоял в штате ИИМК. И. о. заведующего Сектором был назначен В. Ф. Гайдукевич (в 1951 г. Сектор был преобразован в Группу античной археологии), и с этого времени можно уверенно считать, что именно Виктор Францевич возложил всю работу Института по изучению истории материальной культуры античной эпохи.

Здесь, однако, приходится сделать еще одну оговорку, которая, впрочем, совсем не меняет смысла выше сказанного. Нетрудно понять, что столь большие успехи человека, совсем недавно переступившего 40-летний рубеж, кое-кого в администрации Инсти-

тута стали раздражать. В Секторе Древнего Причерноморья тогда трудились заслуженные доктора наук (Т. Н. Книпович, М. И. Максимова), перераспределение управленческих полномочий в их пользу кому-то, вероятно, представлялось более отвечающим задачам развития науки. В результате приказом от 16 апреля 1947 г. заведующей Сектором была назначена М. И. Максимова, а В. Ф. Гайдукевич стал ее заместителем. На действительности подразделения эта перемена фактически никак не отразилась, руководство М. И. Максимовой было чисто номинальным. Для подтверждения этого можно привести всего один пример: в 1947 г. в Секторе прошло около 20 заседаний, но лишь на трех из них председательствовала Мария Ивановна (см. НА ИИМК РАН, РА: ф. 312, оп. 1, д. 268). Это были те заседания, на которых обсуждались главы будущей книги В. Ф. Гайдукевича «Боспорское царство». Такая странная ситуация продолжалась целых четыре года, лишь в феврале 1951 г. М. И. Максимова была освобождена от заведования «согласно личного заявления по состоянию здоровья», с этого времени В. Ф. Гайдукевич стал главой Сектора не только *de facto*, но и *de jure*.

Летом 1946 г. в Керчь выехала первая послевоенная Боспорская экспедиция, в ее составе: В. Ф. Гайдукевич – нач. экспедиции, Т. Н. Книпович – нач. отряда, М. А. Наливкина, Е. Г. Кастанаян (рис. 2), М. М. Кубланов, В. П. Шилов, А. П. Иванов и другие – научные сотрудники (НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 5, д. 60, л. 59). Один отряд возобновил раскопки Мирмекия, а другой провел десятый сезон археологических исследований на городище Тиритак. На следующий год были успешно начаты раскопки Илура, об обстоятельствах этого начинания рассказал М. М. Кубланов (см. Кубланов 1998: 109–111).

В 1947 г. Виктор Францевич закончил свое фундаментальное исследование «Боспорское царство», в 1949 г. оно было опубликовано, и, надо признать, что эта книга до сих пор полностью сохранила научное значение (расширенный ее вариант издан в Германии после смерти автора – Gajdukevič 1972). Можно обратить внимание, что сам В. Ф. Гайдукевич признавал названную монографию наиболее важной в ряду своих исследований, и действительно такой работой мог бы заслуженно гордиться любой ученый!

На 17 декабря 1949 г. приказом по ЛО ИИМК была назначена защита докторской диссертации В. Ф. Гайдукевичем на тему «Боспорское царство». Оппонентами ему были назначены: академик В. В. Струве и доктор исторических наук В. Д. Блаватский, С. И. Ковалев, Т. Н. Книпович (НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 5, д. 60, л. 97). Защита обещала стать очень ярким событием в научной жизни Института, но по каким-то причинам она тогда не состоялась, 17 декабря не было проведено даже заседание Ученого совета. Следующее его заседание было назначено на 24 декабря 1949 г., оно было посвящено 70-летию товарища Сталина, с докладом выступил А. П. Окладников (НА ИИМК РАН, РА: ф. 312, оп. 1, д. 296, л. 17). Защита же произошла лишь через два с половиной месяца 1 марта 1950 г., ВАК утвердил решение Ученого

Рис. 2. В. Ф. Гайдукевич и Е. Г. Кастанаян.

Fig. 2. V. F. Gajdukevič and E. G. Kastanajan.

Совета ИИМК 21 октября 1950 г. (НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 5, д. 60, л. 112). Через три года, 28 ноября 1953 г., В. Ф. Гайдукевич получил ученую степень профессора ЛГУ по Кафедре археологии (НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 5, д. 60, л. 176), где продолжал читать лекции до последних дней своей жизни.

После получения всех этих степеней и званий В. Ф. Гайдукевич вошел в ряд коллег археологических изданий, часто исполнял обязанности заведующего ЛО ИИМК. Несомненно, его авторитет как руководителя был очень высок. Не удивительно, что в истории советских античных экспедиций В. Ф. Гайдукевич сыграл еще одну роль – стал во главе международной Советско-Польской экспедиции.

Международные археологические проекты в современной России не редкость, но в Советском Союзе они были чем-то исключительным, почти фантастическим. Правда, сейчас, как и тогда, такие предприятия никак не связаны с государственной политикой, а отражают личную инициативу исследователей, сопряженную со счастливым стечением обстоятельств. Инициатива проведения совместных раскопок, естественно, исходила от польской стороны, хотя официально всегда подчеркивалась, так сказать, коллективность этого проекта, созданного Национальным музеем в Варшаве и Государственным Эрмитажем при участии ИИМК АН СССР и Ленинградского Гос. Университета (Гайдукевич 1959: 1). Для

исследований было выбрано городище Мирмекий, с советской стороны ими руководил В. Ф. Гайдукевич, с польской – проф. К. Михаловский.

Созданная таким образом Советско-Польская Боспорская экспедиция провела два раскопных сезона на Мирмекии в 1956 и 1957 гг. Польская сторона поддерживала работы на городище в финансовом отношении и направила группу научных сотрудников: в 1956 г. на Мирмекий приехали восемь специалистов из Польши, то есть достаточно значительный коллектив. Проведенные тогда исследования оказались вполне успешными, польские археологи планировали продолжение совместных раскопок в течение ряда ближайших лет. Это настроение, как будто, находило понимание у руководства ЛО ИИМК, в Отчете о деятельности Института за 1956 г. было сказано:

«Совместные работы с зарубежными учеными успешно содействуют обмену опытом археологических работ между обоими государствами, что плодотворно отражается на установлении международных культурных связей» (НА ИИМК РАН, РА: ф. 312, 1956, д. 404, л. 35).

Одним из результатов завязавшегося сотрудничества стала первая зарубежная поездка Виктора Францевича. В апреле 1957 г. он отправился в Польшу (Польшую Народную Республику, как она тогда называлась), посетил Варшаву, Краков, Гданьск и дру-

гие города. В Варшаве в Национальном музее была устроена выставка материалов из раскопок Мирмекия, В. Ф. Гайдукевич выступил с докладом о результатах работы экспедиции (см. НА ИИМК РАН, РА: ф. 312, оп. 1, д. 428, л. 43).

Второй сезон раскопок прошел не менее успешно, в декабре 1957 г. В. Ф. Гайдукевич за это был отмечен в приказе по Институту и даже получил хорошую премию в 1200 рублей (НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 5, д. 60, л. 213). В июне 1958 г. состоялась вторая поездка Виктора Францевича в Польшу, олята была устроена выставка и прочитан соответствующий доклад. *Казалось бы, ничто не мешает столь плодотворно развивающемуся научному сотрудничеству.*

Однако это было совсем не так, успехи В. Ф. Гайдукевича, как можно предполагать, стали не нравиться каким-то весьма влиятельным лицам. Симптомы такого настроения в сфере руководства ИИМК проявились очень скоро. По неизвестным нам обстоятельствам в июле 1958 г. В. Ф. Гайдукевич не смог приехать в Москву для организационной подготовки Советско-Польской экспедиции, за что ему было поставлено на вид в специальном распоряжении по Институту (НА ИИМК РАН, РА: ф. 35, оп. 5, д. 60, л. 217). Дальше — больше... Польская команда в 1958 г. приехала в Крым, но работать на археологических раскопках в Керчи уже не имела никакой возможности, поскольку там разразилась настоящая антишпионская истерия. В такой жуткой обстановке иностранцам надо было думать не о раскопках, а о том, как возвратиться домой, и, в общем, на этом советско-польское сотрудничество на археологической ниве Боспора Киммерийского, к огромному нашему сожалению, закончилось.

Показательно, что в отчете о деятельности Института за 1958 г. об этих печальных обстоятельствах не было сказано ни единого слова. Его составители обошлись общими словами о том, что Советско-Польская экспедиция проводила исследования с июля по октябрь, что ее работы плодотворно отражаются на развитии научно-исследовательских работ Керченского музея (НА ИИМК РАН, РА: ф. 312, 1958, д. 435, лл. 17, 68). Столь же показательно, что в декабре 1958 г. Ленинград посетил видный польский ученый, профессор К. Маевский, заведовавший тогда Античным сектором польского Института истории материальной культуры. Он выступил на заседании Группы античной археологии ЛО ИИМК и, естественно, выразил

пожелание наладить еще более тесные контакты между советскими и польскими археологами (НА ИИМК РАН, РА: ф. 312, 1958, д. 444, л. 137). Но все эти заключения уже не имели никаких позитивных последствий.

Что касается зарубежных поездок В. Ф. Гайдукевича, то в апреле 1960 г. он в составе группы советских ученых посетил Грецию, где лично осмотрел памятники великой древней цивилизации, изучению которой посвящал всю жизнь.

В мае 1963 г. на заседании Ленинградской секции Ученого совета Института археологии АН СССР В. Ф. Гайдукевич был переизбран на должность старшего научного сотрудника, заведующего Группой античной археологии. Авторитет его был непререкаем, соперников в ближайшем окружении просто не могло быть. Однако последние годы жизни Виктора Францевича прошли в очень сложной обстановке, когда на семейные неурядицы накладывались склоки, раздоры внутри Боспорской экспедиции и внутри Группы античной археологии. Подросшие ученики не находили общего языка между собой по многим, слишком многим вопросам.

Здоровье мэтра советской античной археологии в такой обстановке быстро ухудшалось, стало давить сердце; в 1962 г. случился инфаркт, после которого ученый уже не смог полностью поправиться. Несмотря на это, В. Ф. Гайдукевич не прекращал напряженно трудиться, продолжал руководить полевыми работами Боспорской экспедиции, чтение лекций в Ленинградском университете. В 1966 г. он, как обычно, выехал в экспедицию, которая оказалась для него последней. Виктор Францевич тогда по-прежнему руководил исследованиями Мирмекия. Там и случилось несчастье, 6 октября в результате сердечного приступа он скончался. Тело ученого было доставлено самолетом из Керчи в Ленинград 12 октября, на следующий день В. Ф. Гайдукевич был похоронен на 10-м участке Серафимовского кладбища Санкт-Петербурга в могиле своих родителей Марии Ивановны (умерла в 1928 г.) и Франца Иосифовича (умер в 1940 г.).

Так закончился жизненный путь виднейшего советского ученого, без научного наследия которого невозможно представить историю отечественной археологии, в особенности петербургской (ленинградской) школы антиковедения. Конечно, не его вина, что преемники не сумели распорядиться этим наследием должным образом.

Виноградов 1987 – Виноградов, Ю. А. В. Ф. Гайдукевич и исследования Мирмекия // Гайдукевич В. Ф. Античные города Боспора. Мирмекий. Л., 1987. С. 172–177.
 Гайдукевич 1934а – Гайдукевич В. Ф. Античные керамические обжигательные печи (По раскопкам в Керчи и Фанагории в 1929–1931 гг.). Известия ГАИМК 80. М.–Л., 1934.
 Гайдукевич 1934б – Гайдукевич В. Ф. Строительные керамические материалы Боспора. Боспорские черепицы // Известия ГАИМК. Вып. 104. М.–Л., 1934.
 Гайдукевич 1941 – Гайдукевич В. Ф. Академик Сергей Александрович Жебелев как исследователь Северного Причерноморья // СА. № VII, 1941. С. 7–12.

Гайдукевич 1949 – Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. Л.–М., 1949.
 Гайдукевич 1953 – Гайдукевич В. Ф. Мнимая базилика Лаврентия-Леонтия // МИА. № 34, 1953. С. 299–315.
 Гайдукевич 1959 – Гайдукевич В. Ф. Мирмекий. Советские раскопки в 1956 г. Варшава, 1959.
 Гайдукевич 1968а – Гайдукевич В. Ф. О скифском востании на Боспоре в южне II в. до н. э. // Античное общество. М., 1968. С. 7–22.
 Гайдукевич 1968б – Гайдукевич В. Ф. К дискуссии о востании Савмаха // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968. С. 81–95.

- Гайдукевич, Леви, Прушевская 1941 – *Гайдукевич В. Ф., Леви Е. И., Прушевская Е. О.* Раскопки Северной и Западной частей Мирмекия в 1934 г. // МИА. № 4. 1941. С. 110–148.
- Гайдукевич (некролог) 1969 – Виктор Францевич Гайдукевич // КСИА. Вып. 116. М., 1969. С. 3–6.
- Капошина 1967 – *Капошина С. И.* Виктор Францевич Гайдукевич // ВДИ. № 1. 1967. С. 213–214.
- Капошина, Якобсон 1967 – *Капошина С. И., Якобсон А. Л.* Виктор Францевич Гайдукевич // СА. № 2. 1967. С. 299–300.
- Крапивина 1996 – *Крапивина В. В.* Л. М. Славин как исследователь античного города Ольвия // Мир Ольвии. К 90-летию профессора Л. М. Славина. Киев, 1996. С. 31–34.
- Крапивина 1997 – *Kranisina V. V.* Л. М. Славин і дослідження античного міста Ольвія // Археологія. № 4. Київ, 1997. С. 8–15.

Архивные материалы

- НА ИИМК РАН, РА. Ф. 2, оп. 3, д. 137 – Личное дело В. Ф. Гайдукевича.
- НА ИИМК РАН, РА. Ф. 2, оп. 3, д. 330 – Личное дело О. О. Крюгера.
- НА ИИМК РАН, РА. Ф. 2, 1932, д. 87 – Об экспедиционной работе Античного сектора ГАИМК на 1932 г.
- НА ИИМК РАН, РА. Ф. 2, 1933, д. 129 – Об организации раскопок в Керчи.
- НА ИИМК РАН, РА. Ф. 2, 1934, д. 199 – О Керченской экспедиции.
- НА ИИМК РАН, РА. Ф. 2, 1935, д. 144 – Об организации раскопок Керченской экспедиции.
- НА ИИМК РАН, РА. Ф. 2, 1935, д. 164 – Об организации и проведении Керченской экспедиции на новостройке.
- НА ИИМК РАН, РА. Ф. 35, оп. 5, д. 60 – Личное дело В. Ф. Гайдукевича.

- Кубланов 1998 – *Кубланов М. М.* Отрывки воспоминаний // Боспорское царство как историко-культурный феномен. Материалы конференции. СПб., 1998. С. 107–112.
- Крюгер (некролог) 1967 – *Отто Оскарович Крюгер (1893–1967)* // ВДИ. № 3. 1967. С. 170–171.
- Тихонов 2004 – *Тихонов И. Л.* Специальность или специализация: кафедра или отделение? (Из истории археологического образования в Санкт-Петербургском университете) // Мавродинские чтения. СПб., 2004. С. 226–228.
- Gajdukevič 1972 – *Gajdukevič V. F.* Das Bosporanische Reich. Berlin, 1972.
- Kastanajan 1967 – *Kastanajan E. G.* Wspomnienie o Wiktorze F. Gajdukiewiczu (1904–1966) // Archeologia. № 18. Wrocław – Warszawa – Kraków, 1967. S. 255–257.

- НА ИИМК РАН, РА. Ф. 312, оп. 1, д. 9 – Планы и список археологических экспедиций ИИМК на 1938 г.
- НА ИИМК РАН, РА. Ф. 312, оп. 1, д. 268 – Протоколы заседаний Сектора Древнего Причерноморья за 1947 г.
- НА ИИМК РАН, РА. Ф. 312, оп. 1, д. 296 – Отчет о научно-исследовательской работе ЛО ИИМК за 1949 г.
- НА ИИМК РАН, РА. Ф. 312, оп. 1, д. 404 – Отчет о научно-исследовательской работе ЛО ИИМК за 1956 г.
- НА ИИМК РАН, РА. Ф. 312, оп. 1, д. 416 – Протоколы заседаний Сектора античной археологии ЛО ИИМК за 1956 г.
- НА ИИМК РАН, РА. Ф. 312, оп. 1, д. 428 – Протоколы заседаний Группы античной археологии ЛО ИИМК за 1957 г.
- НА ИИМК РАН, РА. Ф. 312, оп. 1, д. 435 – Отчет о научно-исследовательской работе ЛО ИИМК за 1958 г.
- НА ИИМК РАН, РА. Ф. 312, оп. 1, д. 441 – Протоколы заседаний Группы античной археологии ЛО ИИМК за 1958 г.

Ю. А. Виноградов

ПАМЯТИ Р. М. ДЖАНПОЛАДЯН

Рипсимэ Микаэловна прожила долгую, трудную и счастливую жизнь. В родительском доме и в семье, созданной вместе с Б. Б. Пиотровским, царил атмосфера любви, заботы и взаимопонимания. Рипсимэ Микаэловна – удивительно цельный и доброжелательный человек. К ней тянулись люди разных поколений, которые ее любили и уважали. В ее гостеприимный дом они приходили со своими радостями и бедами и получали поддержку и заряд бодрости. Будучи верным другом, она никогда не поддавалась унынию, как бы ей самой не было тяжело, всегда оставалась внимательной и доброжелательной. Она любила людей, их жизнь ее интересовала и волновала.

Р. М. Джанполадян родилась 26 августа 1918 г. на пути к Еревану из охваченного геноцидом района, откуда бежали ее родители. Она выросла в Ереване, городе, который любила и с которым была связана всю жизнь. Мы никогда не забудем, с какой гордостью и радостью она «дарила» нам Армению в июне 1975 г., показывая город, архитектурные памятники, природу Армении, ее музеи и археологические раскопки. Она познакомила нас со своими друзьями – людьми высокой культуры. Мы вместе с ней прожили несколько дней на базе Двинской экспедиции и то, что мы были ее гостями, открывало нам все сердца. Рипсимэ Микаэловна была человеком двух культур – армянской и русской, которые гармонично сочетались.

Р. М. Джанполадян начала свою научную деятельность как историк-арменист и, прежде всего, эпиграфист. Ее кандидатская диссертация, защищенная в 1948 г., была посвящена знаменитому монастырю Нор-Гетик, основанному в конце XII в. Мхитаром

Гошем – ученым и писателем, который составил первый армянский светский судебник и написал сборник басен. Она изучила и опубликовала надписи монастыря, сопоставив их с другими письменными источниками. Рипсимэ Микаэловна сохраняла интерес к эпиграфике и в дальнейшем. Так, в 1977 г. ею совместно с С. А. Авакяном были изданы надписи Иджеванского района, а в 1984 она сделала доклад о надписях на хачкарах (крестных камнях) как историческом источнике на Бартольдовских чтениях. Армянские надписи, найденные в Среднем Поволжье, и на сабле, обнаруженной в Северном Приуралье, послужили темами отдельных исследований, показавших ранее не известное направление торговых и культурных связей средневековой Армении. Этой же тематике посвящена статья «О двух тканях из Ани и Болгар». В ней Рипсимэ Микаэловна показала схожесть обеих тканей и высказала мнение, что они изготовлены в Армении. В эпиграфике Рипсимэ Микаэловна достигла вершин мастерства, в чем ей помогало знание языка и палеографии, умение профессионально фотографировать и хорошо рисовать. Но она была не только эпиграфистом, читавшим не легкие и лаконичные тексты, но и историком. Она находила скрытые цитаты из надписей в средневековых хрониках, открывала сведения о строителях, о терминах для общественных зданий, о ремесле и торговле. По данным письменных источников написана одна из ее статей, в которой рассматриваются сведения об Индии в армянских текстах V–VII вв.

В сентябре 1940 г. по окончании исторического факультета Ереванского Университета Рипсимэ Ми-

казловна поступила на работу в Государственный Исторический Музей Армении, где работала до 1946 г. Уже тогда проявился ее интерес к археологии. С 1951 г. в течение длительного времени она ежегодно принимала участие в работах Двинской экспедиции. Ее работы по Двину связаны с двумя темами – сосудами сфероконической формы и стеклом. Загадочные сфероконусы привлекали внимание нескольких поколений исследователей, которые выдвинули целый ряд гипотез об их назначении. Рипсимэ Микаэловна пришла к выводу, что в Армении в связи с развитием стеклоделия сфероконусы из стекла постепенно вытесняли глиняные из быта населения, причем со временем они стали использоваться «для хранения таких особо вредных веществ как ртуть и ртутные соединения». Книга Р. М. Джанполадян о сфероконусах является одной из наиболее значительных по этой теме.

Коллекция средневекового стекла из Двина (IX–XIII вв.), хранящаяся в фондах Государственного Исторического Музея Армении, – самая крупная из собранных во время археологических раскопок одного города. Она была полностью опубликована Рипсимэ Микаэловной, посвятившей этой работе долгие годы. Оказалось, что в Двине, наряду с продукцией местных мастерских, встречается художественное стекло, привезенное из Византии, Ирана, Ирака и сиро-египетского региона. В результате две ее монографии по стеклу Двина сформировали маленькую энциклопедию по всему восточному стеклоделию. Одним из благодарных читателей работ Рипсимэ Микаэловны по двинскому стеклу был автор классических трудов по восточному стеклоделию К. Ламм, с которым она вступила в переписку. В процессе работы над двинской коллекцией Рипсимэ Микаэловна стала экспертом по восточному стеклу, опубликовавшим также работы по стеклу из Кармир-Блура, Старой Ладоги и Новогрудка. Ее важным открытием стало обнаружение византийского художественного стекла в археологическом материале из Армении и Древней Руси.

В статье «Лабораторная посуда армянского алхимика» Рипсимэ Микаэловна рассмотрела способы применения в алхимической лаборатории IX–XII вв.

разных видов сосудов, объясняя их функции с помощью текстов и рисунков армянских рукописей XVI–XVII вв.

Р. М. Джанполадян выступала в качестве эксперта по всем вопросам, связанным с городами, городской культурой, ремеслами и торговлей средневековой Армении и опубликовала ряд работ по этим темам. В 1964 г. Рипсимэ Микаэловна начала работать научным сотрудником Ленинградского Отделения Института Археологии АН СССР. Надо сказать, что, хотя с 1946 г. – со времени ее приезда в Ленинград к Б. Б. Пиотровскому – по 1964 г. она не была штатным сотрудником какого-либо учреждения, однако ее научная работа была тесно связана с проблематикой Института. Ее участие в научной и общественной жизни сектора Средней Азии и Кавказа всегда было заинтересованным и активным. С ее мнением считались. Она выступала с докладами на всесоюзных и международных конференциях.

Рипсимэ Микаэловна умела сочетать нелегкие заботы о муже и детях с активным и плодотворным научным трудом. Перед выходом на пенсию в 1989 г. Рипсимэ Микаэловна принимала активное участие в работе 15 Международного конгресса по стеклу, проходившего в Ленинграде. Ею были сделаны два доклада: «Древнее стекло Армении» и «Торговые связи в древности на основании изучения стеклянных изделий». Вклад Р. М. Джанполадян в изучение средневекового стекла Востока можно сравнить с вкладом К. Ламма. Как и работы К. Ламма, труды Р. М. Джанполадян никогда не устареют. Книга, написанная вместе с А. А. Калантаряном, «Торговые связи средневековой Армении в VI–XIII вв. (по данным стеклоделия)» опубликована в 1988 г. В последние годы жизни Рипсимэ Микаэловна энергично готовила к публикации научное и литературное наследие Б. Б. Пиотровского.

Друзья и коллеги всегда будут помнить обаятельную, веселую, элегантную и остроумную Рипсимэ Микаэловна, а ученые во всем мире будут обращаться к ее работам.

Б. И. Мариаш
В. И. Распопова

Список научных трудов Р. М. Джанполадян

1943

Смбат Хосров – шум Баграгуни. Ереван, изд. Арм. Фил. АН СССР, 1943, 40 с. На рус. и арм. яз. Парал. издание.

Хосров Шум, сын Манвела – Смбат Баграгуни – Известия Арм. Фил. АН СССР, серия 1, 1943, № 2, с. 49–54. На арм. яз.

1948

Статьи по истории древнего мира в «Известиях Академии наук Армянской ССР», 1944–1947 гг. – ВДИ, 1948, № 1, с. 98–102.

Мхитар Гош и монастырь Нор-Гетик – ТГИМ Арм., т. 1, 1948, с. 97–166 с 7 илл. На арм. яз.

1950

Сфероконические сосуды из двинских раскопок. – ТГИМ Арм., т. 3, 1950, с. 147–167 с илл. На арм. яз. Резюме на рус. яз.

1955

Стекланный сосуд из Двина – КСИИМК, вып. 60, 1955, с. 120–124 с 3 илл.

Упоминание строителей в армянских средневековых надписях (Нор-Гетик, Агарци) – ЭВ, 10, 1955, с. 61–64.

1956

Виноделие в Урарту – Виноделие и виноградарство в СССР, 1956, № 1 (совместно с Б. Б. Пиотровским).

1958

Сфероконические сосуды из Двина и Ани – СА, 1958, № 1, с. 201–213 с илл.

1959

Стеклоплавильный сосуд из раскопок Двина – ТГИАРм. 1959, т. 5, с. 149–158 с илл. На арм. яз. Резюме на рус. яз.

1960

«История Армении» Киракоса Гандзакского в надписи Нор-Гетика – В кн.: Исследования по истории культуры народов Востока. Сб. в честь акад. И. А. Орбели. М.–Л., 1960 с. 61–63.

1961

Два стеклянных сосуда из Новогрудка – ВВ, 1961, т. 19, с. 166–171 с илл.; 1 л. Илл.

1963

Отряхивая пыль веков – Гидутзон св техника («Наука и техника»), 1963, № 3, с. 11–18 с илл. На арм. яз. (совместно с Б. Б. Пиотровским).

1964

О трех образцах стекла из Кармир-Блур – СА, 1964, № 1, с. 307–312 с илл.

Стеклоплавильные сосуды из раскопок Двина – ИФЖ, 1964, № 4, с. 186–194 с илл. На арм. яз.

1965

Лабораторная посуда армянского алхимика – СА, 1965, № 2, с. 210–216 с илл.

Стеклоплавильные изделия из раскопок Двина (IX–XIII вв.) – Материалы сессии, посвящ. итогам археол. и этногр. исследований 1964 в СССР. Тезисы докладов. Баку, 1965, с. 149–150.

1966

Собрание стеклянных предметов из Двина – ИФЖ, 1966, № 1, с. 261–264 с илл. На арм. яз.

По поводу статьи Б. А. Шелковникова «Русское стекло домонгольского времени, расплавленное эмалью» – СА, 1966, № 1, с. 312–315 (совместно с Ф. Д. Гуревич и М. В. Малевской).

1967

Новые материалы по истории византийского стеклodelия – ВВ, 1967, т. 27, с. 248–257 с илл. (Находки виз. ст. изделий на территории др. Руси и Кавказа).

Стеклоплавильная чаша из Старой Ладоги – СГЭ, 1967, вып. 28, с. 49–50 с илл. Рез. на англ. яз.

1968

Восточное стекло в Древней Руси. Л., «Наука», 1968, 28 с.; 9 л. Илл. (АН СССР. ИА). Лит.: 15 назв. На рус. и англ. яз. (совместно с Ф. Д. Гуревич и М. В. Малевской).

Резное стекло из Двина – СА, 1968, № 1, с. 268–274 с илл.

К 60-летию Анатолия Леопольдовича Якобсона – СА, 1968, № 1, с. 118–120 с портр. (совместно с М. А. Тихановой).

1969

Новые данные о стеклodelии Двина – КСИА, 1969, вып. 120, с. 28–31 с илл.

Средневековые армянские надписи – ЭВ, 1969, вып. 19, с. 64–72 с илл.

Стеклоплавильные браслеты из Двина – ВОНАН АрмССР, 1969, № 1, с. 94–100. На арм. яз.

1970

Неожиданная находка на Урале – Наука и Жизнь, 1970, № 10, с. 15–17 с илл. (совместно с А. Н. Кирпичниковым).

1971

О связях средневековых городов Армении Двина и Ани с Волжскими Болгарами. (XIII в.) – ТД СПИПАИ 1970. Археол. Секция. Доп. Вып. Тбилиси, 1971, с. 44–45.

Армянские древности Болгар – Истор. – фил. Журнал АН Арм. ССР, 1971, № 2 (53), с. 191–200 с илл.

1972

О двух тканях из Ани и Болгар – КСИА, 1972, вып. 132, с. 46–52 с илл.

Средневековая сабля с армянской надписью, найденная в Приполярном Урале. – ЭВ, 1972, вып. 21, с. 23–29 с илл. (совместно с А. Н. Кирпичниковым).

Некоторые вопросы организации торговли средневековой Армении – Обмен и торговля в древних обществах. ТД симпозиума. Л., 1972, с. 29–30.

80-летие К. В. Тревер – ВИ, 1972, № 1, с. 150–152 (совместно с В. Г. Лукониним).

Археологические памятники Армении, 1–5 (Рец.) – СА, 1972, № 3, с. 274–275.

1973

Армянские лапидарные надписи Поволжья – Вестн. Матеналарана. 1973. т. 11, с. 211–222, илл. На арм. яз. Рез. рус. – фр.

Mittelfalterlicher Säbel mit einer armenischen Inschrift, gefunden im Subpolaren Ural – Gladius, 10, 1972 (1973), S. 13–23, ill. (совместно с А. Н. Кирпичниковым).

1974

Средневековое стекло Двина IX–XIII вв. / АН АрмССР, ИАЭ – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1974. – 78 с., 45 л. Илл. – (Археол. памятники Армении: Т. 7. Средневековые памятники; Вып. 2). – На арм., рус. и англ. яз. Библиогр.: с. 74–76.

Город и жилище средневековой Армении – Реконструкция древних обществ. отношения по археол. материалам жилищ и поселений: КТДЛ, 1974, с. 44–46.

Некоторые вопросы организации торговли в средневековой Армении – КСИА, 1974, вып. 138, с. 87–92.

1976

Организация ремесла в Ани X–XIII вв. – БарГЧ, 1976, с. 42–43.

Стеклоплавильные сосуды из раскопок Двина. – АО, 1975 (1976), с. 508–509 (совместно с А. А. Калантаряном).

1977

Иджеванский район / АН АрмССР, ИАЭ – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1977. – 332 с., илл. – (Свод арм. надписей; Вып. 6). – На арм., яз. (совместно с С. А. Авакяном).

Византийское стекло из раскопок Ани – КСИА, 1977, вып. 150, с. 85–89, илл.

О некоторых терминах для общественных зданий в надписях Ани – ИФЖ, 1977, № 4, с. 175–182.

О трех типах городов средневековой Армении – Древние города: МВК. Л., 1977, с. 62–64.

1979

Ремесло в Ани X–XIII вв. // Товар-денеж. отношения на Ближ. и Сред. Востоке в эпоху средневековья. М., 1979, с. 100–106.

1981

Сочетание традиций в городской культуре средневековой Армении // Преемственность и инновации в развитии древ. культур. Л., 1981, с. 93–95.

1982

О ремеслах в Двине: (IX–XIV вв.) // ВОНАН АрмССР, 1982, № 3, с. 63–71. – Арм. Рез. рус.

Сфероконические сосуды из Двина и Ани / АН АрмССР, ИАЭ – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1982. – 48 с., 20 л. илл. –

(Археол. памятники Армении: Т. 12. Средневековые памятники; Вып. 4). – Рез. арм., англ.

1984

Армянские источники V–VII вв. об Индии // Древ. Культуры Сред. Азии и Индии. Л., 1984, с. 141–146. – Библиогр.: с. 146.

Надписи на хачкарах (крестных камнях) как исторический источник // БартЧ. 1984, с. 38–39.

Армянские надписи на Волге // ЭВ. 1984. № 22, с. 73–79; ил.

1988

Джанполадян Р. М., Калантарян А. А. Торговые связи средневековой Армении в VI–XIII вв. (по данным стеклоделия). Ереван, 1988.

Craftsmanship in medieval Dvin – Boston, 1988, с. 47–54. – Extr.: Armenian Review, 1988, vol 41, No 1.

1989

Древнее стекло Армении // Proc. 15. Intern. Congr. on glass: Archaeometry. Л., 1989, с. 33–39; ил. Рез. англ.

Торговые связи в древности на основании изучения стеклянных изделий // Proc. 15. Intern. Congr. on glass: Archaeometry. Л., 1989, с. 84–86. Рез. англ.

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ИВАНОВИЧА ТИМОФЕЕВА

Невозможно даже было представить, что мне придется разбирать личный архив своего одноклассника, друга и коллеги. Печальная и скорбная работа. Просматривая листки, заполненные знакомым почерком, папки, набитые машинописными страницами с многочисленными правками, дополнениями, пометками, понимаешь, сколько сделано этим одаренным, исключительно трудолюбивым человеком, сколько не закончено великолепных аналитических работ с детальной проработкой фактов и системы доказательств... Не успел. Трагедия случилась на самом верхнем витке творческой активности – и это горестно осознавать и пережить.

Владимир Иванович родился 14 июня 1947 г. в г. Мурманске в семье служащих. Учение и спорт давались ему легко, а, учитывая врожденное трудолюбие, он значительно опережал своих сверстников. Стал чемпионом Мурманска по шахмат.

Блестяще закончив в 1965 г. среднюю школу № 2 в г. Мурманске, он сразу поступил на дневное отделение исторического факультета престижного ЛГУ, на кафедру археологии. Учился с большим удовольствием и очень успешно. Сразу же, раз и навсегда выбрав себе исследовательское поле деятельности – каменный век, конкретнее, неолит, изучению которого он оставался верен до конца своей жизни.

Мне посчастливилось участвовать в студенческих экспедициях вместе с Владимиром Ивановичем на Дону, Волге. Во время полевой практики он работал методично, порой до фанатизма педантично, забывая

о времени и еде. Тщательность и невероятная работоспособность и в дальнейшем оставались основной чертой Владимира Ивановича Тимофеева.

Успешно обучаясь в Университете, он уже на 3 курсе стал задумываться о профессиональной дальнейшей деятельности. Когда в 1968 г. появилась редкая возможность поступить на работу в ЛОИА АН СССР (ныне ИИМК РАН), он переходит на вечернее отделение и совмещает учебу с обязанностями старшего лаборанта. Владимир Иванович принимал участие в поездках по осмотру неолитических памятников вместе с П. М. Долухановым, который именно в эти годы предпринял грандиозную акцию по сбору материалов для датирования археологических объектов едва ли не всего СССР. В. И. Тимофеев в этих экспедициях не был сторонним наблюдателем и блестяще использовал открывшиеся возможности, возвращаясь из поездок не только с массой впечатлений, но и огромными папками записей, рисунков. Он предельно добросовестно относился к порученной работе. При направлении на исследовательскую тему в Азиатский район он быстро освоил материал и подготовил публикацию (совместно с У. Исламовым, правда, изданную только в 1984 г.) монографии «Культуры каменного века Центральной Ферганы». Изучению региона способствовали и командировки во Вьетнам, Индию. Владимир Иванович профессионально разбирался в проблемах каменного века многих регионов Российской Евразии, но излюбленными регионами были Прибалтика, Калининградская область,

Северо-Запад России, а хронологическим периодом — эпоха неолита. В этой области, выбранной еще в студенческое время, ему не было равных по охвату проблематики и фактических материалов.

Закономерным, конечно промежуточным, итогом данных исследований стала кандидатская работа В. И. Тимофеева «Неолитические памятники Калининградской области и их место в неолите Прибалтики», защищенная им в 1980 г.

Заслуженно успешно развивалась и служебная научная карьера В. И. Тимофеева в ЛОИА АН СССР-ИИМК РАН: от старшего лаборанта в 1968 г. до старшего научного сотрудника в 1986, долгое время исполнявшего обязанности зав. неолитической группы, а позже и зав. Отделом палеолита. Были многочисленные командировки, конференции, конгрессы, симпозиумы, экспедиции, как у нас, так и за рубежом. И всегда В. И. Тимофеев выступал как великолепный специалист, блестяще разбирающийся во многих проблемах археологии каменного века. Мне неоднократно приходилось наблюдать творческую активность Владимира Ивановича в совместных экспедициях (Кольский п-ов, Волга, Калининградская, Ленинградская обл. и т. д.), в командировках, обычной жизни. Я всегда поражался его способности работать в любых условиях и в любое время, невзирая на внешние раздражители. Обладая блестящими способностями и великолепной памятью, Владимир Иванович мог свободно оперировать материалами и текстами, приводя их в аналитическое «равновесие». Вся эта огромная интеллектуальная работа отражена в более чем 100 серьезных публикациях В. И. Тимофеева, посвященных широкому спектру проблем неолита. Сравнительно удачно складывалась и его семейная жизнь: выросли и стали серьезными специалистами (правда в далеких от археологии областях) сын и дочь и даже подарили ему внучку и внука. Так что успел стать и дедом.

Заслуженное признание Владимира Ивановича как крупнейшего исследователя неолитической эпохи должно было вот-вот завершиться его докторским диссертационным исследованием. На заседаниях отдела и на ученых советах не раз обсуждались целые разделы этой работы, и всегда они заслуживали

самой высокой оценки и пожеланий достижения конечного результата. Однако нужно было знать Владимира Ивановича с его педантичными проверками, перепроверками, уточнениями деталей, смыслов, всех гипотез и мнений оппонентов и исследователей. Кроме того, взяв на себя тяжелейшую ношу руководителя проекта «Неолитизация Евразии», он все более отдалял день защиты. Эта работа была, конечно, необходима для науки, для осмысления процессов, продолживших практически одновременно на огромных территориях. Но здесь нужны были, пока что единственно возможные «широкие мазки» из исторической картины. Поэтому многое осталось незавершенным, а многочисленные планы, наброски лишь намечают дальнейшие исследования и проблемы. Совсем не так обстоит дело с его любимым Балтийским регионом. Здесь проработка проблем настолько основательна, что требуется лишь «собрание воедино» и подготовка законченного издания. Не надо себя обманывать — археология неолита вряд ли получит, по крайней мере, в ближайшее время, достойного преемника, специалиста такого уровня. Эта утрата невосполнима. Поэтому публикация наследия В. И. Тимофеева, продолжение его работ необходимо, как признание его заслуг перед наукой и для нас самих, для более успешного продвижения вперед, к пониманию основных исторических закономерностей, к чему всегда он стремился.

Будем же честны в помыслах и реальной деятельности и тогда память о Владимире Ивановиче Тимофееве, как человеке и ученом будет нетленна и долговечна.

Р. С. Владимир Иванович погребен на городском кладбище г. Мурманска, на своей родине. Круг замкнулся. Первый археолог, выросший на Кольской земле, ныне покоится в ней. Нелепо и трагично прервалась жизнь талантливого исследователя и честнейшего человека. Невосполнима утрата для науки и его друзей, но у участников ежегодной Кольской археологической экспедиции ИИМК РАН существует печальная возможность посетить место упокоения Владимира Ивановича Тимофеева. Нашу добрую память он заслужил всей своей жизнью.

В. Я. Шумкин

ХРОНИКА

ИИМК РАН в 2003 г.

В 2003 г. ИИМК РАН завершил пятилетние научно-исследовательские темы по семи основным направлениям, утвержденным Отделением истории РАН в декабре 1999 г. Этим направлениям соответствовала работа четырех отделов, двух лабораторий и одной группы Института. Все подразделения осуществляли разработки по 26 «Основным заданиям научно-исследовательских работ ИИМК РАН», утвержденным Бюро Отделения истории РАН в декабре 2002 г. Результаты исследований по выполненным плановым темам докладывались на заседаниях подразделений, а наиболее крупные работы были обсуждены на заседаниях Ученого совета ИИМК РАН. Основные итоги исследований отражены в многочисленных публикациях (около 300), в том числе в 17 монографиях, 5 сборниках статей, 1 сборнике материалов научной конференции и ежегоднике ИИМК РАН «Археологические вести» № 10.

В 2003 г. в Институте были организованы полевые исследования 17 экспедиций и 11 отдельных отрядов в различных регионах России и странах СНГ. Кроме того, сотрудники Института принимали участие в работах совместных и международных экспедиций в Сибири, на Украине и в Средней Азии.

Основу деятельности ИИМК РАН в 2003 г. составляло базовое бюджетное финансирование, наряду с которым исследования велись по 24 различным грантам, в том числе РФНФ (9), РФФИ (6), INTAS (1), Санкт-Петербургского научного центра РАН (8).

В 2003 г. выиграли конкурсе 6 проектов сотрудников Института по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии» и 1 проект по Программе фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «История, языки и литература славянских народов в мировом социокультурном контексте».

Кроме этого, в рамках Федеральных целевых программ «Интеграция науки и высшего образования России на 2001–2005 годы» и «Культура России (2001–2005 гг.)» в ИИМК РАН проведены работы по проекту полевых исследований археологических памятников в Псковской области и по четырем проектам охранных археологических исследований в Сибири, на Северном Кавказе и в Ленинградской области.

ИИМК РАН в 2003 г. организовал и провел две международных конференции. Наряду с этим сотрудники Института приняли самое активное участие в организации в Санкт-Петербурге осенью 2003 г. 9-й ежегодной сессии Европейской Археологической Ассоциации.

ИИМК РАН продолжает развивать интенсивные научные контакты с зарубежными коллегами. В Институте проходили стажировку и работали с археологическими коллекциями исследователи из Англии, Дании, Финляндии, Швеции и стран СНГ. Сотрудники Института выступили с более чем 100 докладами на международных симпозиумах, конференциях и совещаниях, как в России, так и в странах СНГ и дальнего зарубежья.

В 2003 г. В. А. Трифонов удостоился Приза «Европейское археологическое наследие» Европейской Археологической Ассоциации за «выдающийся вклад в восстановление, обеспечение сохранности и презентацию публике уникальной группы древних мегалитических гробниц в воссоздаваемом культурном ландшафте долины Жанз на Западном Кавказе». Впервые российский ученый-археолог получил этот престижный приз за руководство Западно-Кавказской экспедицией ИИМК РАН, которая, начиная с 1995 г. не только проводила изучение дольменов в долине р. Жанз (Краснодарский край), но провела колоссальную работу по их восстановлению.

Основные научные направления.

I. В рамках общей темы «История первобытного общества и арханских общественных отношений» исследования проводил Отдел археологии палеолита ИИМК РАН по 19-ти конкретным научным темам, которые, как и в предшествующие годы, поднимали широкую проблематику археологии палеолита, мезолита и неолита. В территориальном плане изыскания охватывали Восточную Европу от Кавказа до Колыского полуострова, а также северо-восток Азиатского материка.

Важнейшим результатом работы Отдела в 2003 г. явилось завершение многолетних плановых тем, выразившееся в создании крупных монографических трудов. В первую очередь, следует отметить подготовленное проф. З. А. Абрамовой фундаментальное сочинение «Животное и человек в искусстве палеолита». Трудно назвать аналог труда по древнейшему искусству подобного охвата и научного уровня не только в отечественной, но и в мировой археологии. Кроме того, З. А. Абрамовой подготовлен к изданию в журнале «Stratum Plus» полный каталог изображений мамонта в палеолитическом искусстве.

Важное место в работе Отдела занимают исследования всемирно известных Костенковских позднепалеолитических стоянок на Дону (Воронежская обл.). В 2003 г. здесь работали две экспедиции и отряд ИИМК РАН, в которых принимали участие археологи и специалисты в области естественных наук

из США. Костёнковская экспедиция ИИМК РАН (нач. – А. А. Сеницын) продолжила исследования самого древнего слоя поселения Костёнки 14 (Маркина гора). Новые датировки, полученные на этом памятнике, заставляют пересматривать в сторону удешевления наши представления о начале верхнего палеолита в Восточной Европе до времени более 40 000 лет тому назад. Костёновско-Боршевская экспедиция ИИМК РАН (нач. – М. В. Аникович) проводила работы на стоянках Костёнки 11 и Костёнки 12 (Волковская стоянка), где изучались вновь открытые древние слои. Боршевский отряд (нач. – С. Н. Лисицын) продолжил изучение стоянки Боршево 5, недавно обнаруженного памятника, который даёт новые данные для изучения конца палеолита – начала мезолита в Русской равнине.

Не меньшее место в научных разработках Отдела занимает изучение палеолита Кавказа и юга Русской равнины. В 2003 г. сотрудниками Отдела в составе Российско-армянской экспедиции, после длительного перерыва возобновлено изучение палеолита Закавказья в Армении (проф. В. П. Любин, Е. В. Беляева). На Северном Кавказе Центрально-Кавказским палеолитическим отрядом проведены разведки в Пятигорье, изучено ашельское местонахождение Кинжал, обнаружена серия палеолитических пунктов в Ингушетии. На Дону продолжались полевые работы Северо-Донского палеолитического отряда (нач. – А. Е. Матюхин).

Активно велось изучение верхнепалеолитических памятников центра Русской равнины. Юдиновский отряд (нач. – Г. В. Григорьева) провёл совместно с МАЭ РАН раскопки стоянки Юдиново. Г. П. Григорьев в кооперации с Институтом и Музеем антропологии МГУ руководил работами на Авдеевской стоянке.

Особое место в исследовании палеолита на юге России занимает работа Кубанской палеолитической экспедиции ИИМК РАН (нач. – В. Е. Щелынский). Кубанский отряд этой экспедиции, при участии и финансировании Краснодарского краевого комитета по охране памятников истории и культуры продолжил раскопки одного из крупнейших памятников среднего палеолита – Ильской стоянки (Краснодарский край). Таманский отряд экспедиции произвёл небольшие, разведочные, но очень важные работы на недавно открытом древнепалеолитическом памятнике Богатыри (Краснодарский край). Проведённые исследования неопровержимо доказали, что каменные изделия и кости животных таманского фаунистического комплекса (датируемого 120000–80000 лет тому назад) залегают вместе, в одном слое. Если подтвердится первоначальная датировка стоянки, то она станет опорным памятником для изучения культуры человека нижнего палеолита в Восточной Европе.

В 2003 г. трудами Карельской экспедиции ИИМК РАН (нач. – В. И. Тимофеев) были открыты новые стратифицированные памятники эпох мезолита (Неолита и раннего железа на Карельском перешейке (Ленинградская область).

Кольская экспедиция ИИМК РАН (нач. – В. Я. Шумкин) продолжила исследования известного Оленеос-

тровского могильника на Баренцевом море (Кольский п-ов), где выявлены новые погребения с прекрасной сохранностью скелетных остатков (включая носовые кости), дерева и кожи. Эти материалы открывают самые благоприятные перспективы для дальнейшего изучения могильника, включая его радиоуглеродное датирование и палеоантропологические изыскания.

В 2003 г., в рамках международного проекта «Жохов 2000» (нач. – В. В. Питуйко) на Новосибирских островах (о-в Жохова, о-в Новая Сибирь и о-в Фадеевский) были проведены работы комплексной экспедиции ИИМК РАН, при участии археологов и специалистов смежных отраслей из различных научных центров России, США и Канады (Арктический и Антарктический НИИ, Музей Арктики и Антарктики, ГИН РАН, географический факультет МГУ, Усть-Ленский гос. заповедник, Смитсоновский Институт, США). В результате этих исследований получены новые уникальные данные по одному из самых северных мезолитических поселений – Жоховской стоянке (8500 лет тому назад). Участники экспедиции в нижнем течении р. Яны (Республика Саха-Якутия) продолжили исследование нового верхнепалеолитического памятника – Янской стоянки. По предварительным данным её возраст насчитывает 27000 лет – это самый северный в Евразии позднепалеолитический памятник, с культурным слоем, в котором хорошо сохранились не только каменные изделия, но также поделки из органических материалов и фауна.

В 2003 г. 4 проекта из Отдела археологии палеолита ИИМК РАН выиграли конкурс по программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии», все проекты рассчитаны на три года:

1. «Кавказ в ранней пренстории Евразии: ближневосточно-кавказский путь и этапы расселения, генезис и вариативность культурных традиций в палеоэкологическом контексте», руководитель – проф. В. П. Любин

2. «Переход к верхнему палеолиту в Евразии и становление человека современного физического типа: глобальные и региональные аспекты процесса», руководитель – М. В. Аникович

3. «Поздний палеолит Северной Евразии: палеоэкология и структура поселений», руководитель – зав. Отделом, С. А. Васильев

4. «Неолитизация Евразии: этапы и региональные модели», руководитель – В. И. Тимофеев

II. В рамках общей темы «Раннеземледельческие общества и городские цивилизации Востока – взаимодействия со степными обществами Евразии» исследования проводит Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа. Значительным достижением работы Отдела можно считать завершение 12 многолетних тем научных исследований, некоторые из них нашли отражение в вышедших в 2003 г. монографиях:

1. Монография В. А. Семенова «Могильники скифского времени Сулуг-Хем и Хайракан (Республика Тыва)» (СПб., 2003) является полной публикацией уникальных материалов, проливающих новый свет на проблемы финального этапа существования

скифских культур в Центральной Азии (III–I вв. до н. э.). В книге также представлены два приложения – С. В. Хаврина «Спектральный анализ металлических изделий из могильников скифского времени Тувы» и М. Е. Килуновской «Петроглифы на горе Хербис, которая посвящена интереснейшему сводлению наскальных рисунков скифского и туно-сарматского времени, находящегося в непосредственной близости от могильника Сузлуг-Хем».

2. Монография В. С. Бочарова и В. А. Дергачева «Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы» (Кишинев, 2002). Обобщающее исследование, посвященное изучению металлообработки на обширных пространствах Восточной Европы. В работе анализируются 1400 находок серпов в Уральском, Волго-Уральском, Северо-Кавказском, Прикарпатско-Трансильванском и Дунайском регионах. Обобщение всего этого материала позволило существенно уточнить хронологию различных комплексов Восточной Европы и реконструировать культурные связи древних племен, населявших в позднем бронзовом веке степные и лесостепные районы Европы. Монография представляет собой важнейший вклад в изучение культурогенеза в эпоху поздней бронзы.

3. Г. А. Максименков «Материалы по ранней истории тагарской культуры» (СПб., 2003). К изданию книга подготовлена Э. Б. Вадецкой. Монография посвящена погребальному обряду, материальной культуре, демографии и социальной организации общества, населявшего бассейн Среднего Енисея в скифское время, на раннем этапе сложения тагарской культуры. Материалом для комплексного исследования послужили три полностью раскопанных могильника на левом берегу Енисея – Гришкин Лог I, Черновая I и Новая Черная I.

4. Монография А. В. Давыдовой и С. С. Миняева «Комплекс памятников у села Дурены» (СПб., 2003), в основе монографии – публикация материалов уникального комплекса археологических памятников у села Дурены (Бурятия), где представлены культурные слои от эпохи бронзы до периода средневековья. Дана общая характеристика памятников, детально рассматриваются особенности культурного слоя, жилищ и хозяйственных сооружений. Отдельная глава посвящена характеристике находок в слое и жилищах, при этом особое внимание уделено керамическому комплексу, анализ которого позволяет сделать ряд принципиально новых для центральноазиатской археологии заключений.

5. Коллективная монография В. А. Семенова, М. Е. Килуновской, С. В. Краснисиной, А. В. Субботина «Изображения на плитках тагарских курганов (Шарыповский район Красноярского края)» (СПб., 2003) посвящена уникальным памятникам древнего искусства VIII–II вв. до н. э. Выявленные на плитках рисунки с одной стороны являются частью наследия скифского мира, для которого было характерно искусство звериного стиля, с другой – здесь представлен целый пласт тамообразных знаков, которые могут являться знаками собственности тех или иных тагарских родов. Книга богато иллюстрирована и содержит при-

ложение – выдержки из книги Я. Аппельгрена-Кивало, в которой опубликованы первые исследования тагарских курганов в данном регионе, проводившиеся в начале XIX в. финской экспедицией Южана Асеплина.

В 2003 г., как и в предыдущие годы, сотрудники Отдела вели активную экспедиционную деятельность. Забайкальская экспедиция ИИМК РАН (нач. – С. С. Миняев) продолжила раскопки могильника Царам (Бурятия) – уникального царского кургана Гунской эпохи. В ходе работ 2003 г. была произведена расчистка перекрытия третьей погребальной камеры, при этом была найдена, тщательно расчищена и зафиксирована погребальная колесница – уникальная находка.

Западнокавказская экспедиция ИИМК РАН (нач. – В. А. Трифионов) продолжила раскопки, реконструкцию и музеефикацию уникального дольменного комплекса эпохи бронзы на р. Жано (Краснодарский кр.).

Тувинская экспедиция ИИМК РАН (нач. – В. А. Семенов) проводила работы в Республике Тыва – раскопки пещеры на р. Куйлуг-Хем, исследование зоны затопления Саяно-Шушенской ГЭС, обследование памятников наскального искусства Шолде-Тей и Йиме, археологическое обследование Сангиленского нагорья. Основным результатом работ, проводимых в пещере на р. Куйлуг-Хем, явилось открытие стратифицированной колонки от неолита (верхнеенисейская культура) до верхнего палеолита. Вскрыто пять культурных слоев. Мощност напластований около 2 м. Пещерная стоянка исследуется в Туву впервые, это уникальный хорошо стратифицированный памятник каменного века в этом регионе Центральной Азии.

Бейский отряд ИИМК РАН (нач. – М. Н. Пшеницына), возобновил работу в республике Хакассия, проведя разведочные работы на площадке строительства второй очереди Саяногорского алюминиевого завода.

Северо-Кавказская экспедиция ИИМК РАН (нач. – М. Б. Рысин) по договору с Министерством культуры РФ провела мониторинг памятников истории и культуры на территории Карачаево-Черкесской Республики. Всего осмотрено 113 памятников, в том числе 38 памятников истории и архитектуры, состоящих на федеральном учете и 75 вновь выявленных памятников археологии.

III. В рамках общей темы «Античный мир и древние народы Восточной Европы» исследование проводил Отдел истории античной культуры ИИМК РАН. Значительным результатом стало в 2003 г. завершение работ по подготовке к изданию второго тома по материалам раскопок на поселении Панское I – «Некрополь».

Другим событием стал выход в свет монографии В. А. Горончаровского «Между Империей и варварами: военное дело Боспора римского времени». Данная книга представляет собой первое всестороннее исследование военного дела и военно-политической истории Боспорского царства в тот период, когда оно на триста лет попало в сферу влияния Римской империи и единственное из всех античных государств При-

черноморья сохранило хотя бы относительную независимость. Подробно рассмотрены организация, снаряжение и тактика боспорской армии, специфика которой нашла свое отражение в графических реконструкциях высшего вида и вооружения боспорских воинов. Издание рассчитано на самый широкий круг читателей, интересующихся военным делом народов, живших в древности на территории Северного Причерноморья.

Важным показателем работы Отдела стало расширение полевой деятельности. В 2003 г. в составе Боспорской экспедиции ИИМК РАН работало 4 отряда. Семibrатний отряд (нач. – В. А. Горончаровский), после почти пятидесятилетнего перерыва, возобновил изучение Семibrатнего городища (Лабрита), расположенного в 28 км к северо-востоку от г. Анапа. В настоящее время площадь раскопа I в южной части городища составляет 175 кв. м. Из находок, сделанных при снятии пахотного слоя можно отметить протому женского божества III–II вв. до н. э. и шестнадцать монет, одна из которых является самой поздней из обнаруженных на городище. На этом участке удалось обнаружить строительные остатки первой половины III в. до н. э., связанные со священным участком при храме.

Бугазский отряд (нач. – Ю. А. Виноградов), продолжил охранно-спасательные раскопки на крупном античном поселении Артюшенко I (Бугазское). Раскопки проводились на двух участках (II и IV). На участке II были открыты три небольшие позднеархаические ямы, а также доследованны сложный по устройству строительный комплекс, который можно датировать второй половиной III в. до н. э. Сделанные находки позволяют подкрепить ранее высказанное предположение, что на поселении в эллинистическое время функционировал производственный комплекс, связанный с обработкой железной руды (ее обогащением) и получением железа. Участок IV был заложен в отчетном сезоне в балке, разделяющей поселение на восточную и западную части. Осмотр обрыва берега моря в этом месте позволял предполагать, что здесь удастся открыть сбросы упомянутого выше производственного комплекса. На участке были обнаружены керамические материалы, относящиеся к различным этапам истории поселения от времени архаики до римской эпохи.

Таманский отряд (нач. – С. В. Кашаев), продолжил спасательные раскопки на поселении Артюшенко-2, которые были сосредоточены на месте некрополя, обнаруженного в 2002 г. В прошедшем сезоне на краю берегового обрыва были обнаружены и раскопаны два женских захоронения и еще два захоронения найдены полностью разрушенными среди осыпавшихся с обрыва пластов земли. Инвентарь из погребений можно датировать первой четвертью V в. до н. э. Продолжены раскопки на поселении Выше-стеблевская-11, на раскопе 3, получен весьма интересный археологический материал.

Порфмийский отряд (нач. – М. Ю. Вахтина), после длительного перерыва продолжил раскопки одного из так называемых малых городов Боспора –

городища Порфмий. Небольшие работы 2003 г. носили предварительный характер

IV. В рамках общей темы «Древнерусская городская культура — балтийские взаимодействия и процессы этнокультурной трансформации в Восточной Европе» проводил исследование Отдел славяно-финской археологии ИИМК РАН.

В 2003 г. на базе Отдела и под руководством зав. Отдела, проф. А. Н. Кирпичникова был осуществлен значительный комплекс научно-организационных мероприятий, связанных с празднованием 1250-летия Старой Ладоги, являвшейся в первые века русской истории ключевым городом-портом на великих трансконтинентальных евразийских торговых путях: Балто-Волжском и Балто-Днепровском. В Старой Ладоге была проведена международная научно-практическая конференция «Ладога и истоки российской государственности и культуры (к 1250-летию Старой Ладоги)» с участием 60 ученых, музейных работников, учителей истории. В докладах конференции нашли многостороннее освещение вопросы истории и международных связей Ладоги и других древнерусских городов. Издан сборник материалов. Сотрудники Отдела приняли активное участие в создании выставки в Государственном Эрмитаже, посвященной юбилею Старой Ладоги. Опубликован каталог выставки «Старая Ладога. Древняя столица Руси».

Большая часть обобщающих статей по различным областям материальной культуры древней Ладоги в сборнике «Культурное наследие Российского государства. Выпуск IV» (отв. редактор – проф. А. Н. Кирпичников) принадлежит сотрудникам ИИМК РАН. Вместе с тем в сборнике опубликованы статьи историков, политиков, экономистов, деятелей культуры и церкви. Открывает сборник статья Президента Российской Федерации В. В. Путина. К юбилею Старой Ладоги была переиздана монография проф. А. Н. Кирпичникова, В. Д. Сарабянова «Старая Ладога – древняя столица Руси», и вышла популярная книга А. Н. Кирпичникова и Л. А. Губчевской «Старая Ладога – история и достопримечательности». Юбилею Старой Ладоги был посвящен художественный альбом Е. А. Рябинина «У истоков Северной Руси. Новые открытия». В нем наряду с фотографиями Старой Ладоги и крестовой иррегулярности приведены наиболее интересные и в значительной степени неопубликованные материалы исследований Старой Ладоги и на городище Любша. Во всех этих печатных работах осязается многосторонняя историческая роль древней Ладоги.

Сотрудниками Отдела славяно-финской археологии были завершены многолетние научные темы, которые нашли свое отражение в изданных монографиях.

1. А. А. Пескова, Г. Ф. Корзухина «Древнерусские энколпионы: нагрудные кресты-реликварии XI–XIII вв.». Издание состоит из двух частей и представляет собой самый полный свод материалов и исследований, касающихся изучения древнерусских нагрудных крестов-реликварий XI–XIII вв. как созданных на Руси, так и привезенных на Русь и ставших час-

тью ее духовного и культурного наследия. В первой части книги публикуется исследование крупнейшего специалиста в области изучения средневекового прикладного искусства Г. Ф. Корзухиной (1906–1974) «Памятники домонгольского медного литья». Эта работа, написанная Г. Ф. Корзухиной в 1949 году, представляет собой монографическое исследование огромного пласта древнерусских культовых древностей – крестов-энколпионов, выполненное на основе изучения 400 предметов и в основном учитывающее почти все известные типы древнерусских энколпионов. Работа содержит самую полную и пока единственную в отечественной историографии систему классификации этой категории древностей, аргументированные датировки и цельную картину развития данной отрасли художественного ремесла в древней Руси.

Вторую часть книги, подготовленную А. А. Песковой, составляет «Каталог крестов-энколпионов древней Руси», насчитывающий свыше 1600 предметов. Основой его являются крупнейшие собрания музеев Москвы, Санкт-Петербурга, Киева, а также материалы из более, чем 50 музеев России и ближнего зарубежья, кроме того, учтены изделия из частных коллекций. Значительная их часть впервые вводится в научный оборот. География находок не ограничивается территорией древнерусского государства, а охватывает и сопредельные земли. Собранные материалы организованы в основном согласно классификации Г. Ф. Корзухиной, но сопровождаются новыми оценками отдельных типов энколпионов. Добавлены разделы, посвященные византийским крестам-реликвариям, обнаруженным на территории Древней Руси, а также неизвестным ранее типам энколпионов, рассматриваются спорные вопросы абсолютной и относительной хронологии древнерусских энколпионов, намечаются новые пути их решения.

2. Н. В. Хвоцинская «Финны на западе Новгородской земли». Монография посвящена изучению крупнейшего могильника на восточном побережье Чудского озера у дер. Залахтовье, относящегося ко второй половине I тыс. – первым векам II тыс. н. э. На базе всестороннего анализа и систематизации материалов, в большей части полученных автором во время раскопок 1970–1980-х годов, рассмотрены материальная культура, хронология и этнический состав группы населения, оставившей этот погребальный памятник. Особое внимание уделено изучению места залахтовского могильника среди древностей северо-запада Новгородской земли и Эстонии. Оцениваются общие закономерности развития материальной культуры и вклад финно-угорского и славянского населения в формирование древнерусской культуры.

3. А. Е. Мусин «Христианизация Новгородской земли в IX–XI вв. Погребальный обряд и христианские древности». Книга посвящена изучению христианизации Древней Руси, начальному этапу становления древнерусской церковной организации и христианской культуры по данным археологии. Впервые обобщены и проанализированы все археологические данные о распространении христианства на Руси

в контексте памятников сопредельных территорий – Византии, Западной и Северной Европы, дана попытка синхронизации и сопоставления археологических и письменных источников. Книга вносит существенный вклад в изучение истории и культуры Древней Руси и в развитие методов комплексного источниковедения в современной историографии.

4. О. В. Овсянников, проф. М. Э. Ясински «Пустозерск. Русский город в Арктике». Монография посвящена Пустозерску – старинному северному городу, отмеченному в 1999 г. свое 500-летие. Основное внимание в монографии уделено археологии и истории Пустозерска, города с драматической судьбой, города, который среди пещорской тундры около двух столетий был своеобразным «перекрестком» – мостом, связывавшим отдаленные северные регионы Российского государства, а по сути – соединяющим Северную Атлантику с крайним северо-востоком Восточной Европы и Северной Сибири. В связи с этим, источниковедческая база исследования включает в себя различные виды источников – основу ее составляют археологические коллекции, полученные авторами во время раскопок древнего Пустозерска, памятников в его окрестностях в 1987–1995 гг. (О. В. Овсянников) и русских промышленных станций на архипелаге Шпицберген в 1981–1995 гг. (М. Э. Ясински). В монографии использованы письменные документы XVI–XVIII вв., часть которых обнаружена авторами и публикуется впервые, а также материалы раскопок Мангазеи – русского города XVII в. в Западно-Сибирском Заполярье. Авторы показывают тесную экономическую связь этих двух русских заполярных центров и схожесть их исторических судеб.

В 2003 г. полевые исследования Отдела традиционной проводились в основном на Северо-Западе РФ и в Ленинградской области. Староладожская экспедиция ИИМК РАН (нач. – проф. А. Н. Кирпичников) в Старой Ладоге, на Земляном городище продолжила работы на раскопе, заложенном в предыдущие годы. Исследовались слои IX–X вв., связанные с характеристикой евразийской торговли и международных связей древней Ладоги.

Новгородская областная экспедиция ИИМК РАН (нач. – чл.-корр. РАН, проф. Е. Н. Носов) планомерно занимается изучением не только Юрикова городища, являющегося одним из ключевых памятников для понимания историко-культурных процессов ранних этапов истории Руси, но и памятников в его округе, отражающих динамику освоения этих земель. Изучены уникальные оборонительные конструкции IX в., состоящие из деревянных клетей. Сделана сенсационная находка – первая на этом поселении берестяная грамота начала XII в., с упоминанием князя.

Псковская областная экспедиция ИИМК РАН (нач. – проф. С. В. Белецкий) продолжила многолетние исследования исторических памятников в Пушкиногорском заповеднике. Работы производятся по проекту «Историческое прошлое Пушкинского уголка» ФПЦ «Интеграция высшего образования и фундаментальной науки», совместно с Санкт-Петербургским госуниверситетом культуры и искусства.

Санкт-Петербургская археологическая экспедиция ИИМК РАН (нач. – П. Е. Сорокин) успешно осуществляет обследование сохранившихся памятников архитектуры Санкт-Петербурга, раскопки и изучение утраченных объектов, а именно Троицкой церкви, Екатерингофского дворца и др. Эти работы нашли свое своевременное отражение в сборнике статей «Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Выпуск 1».

В Отделе в 2003 г. проводилась работа по проекту «Северная Русь и народы Балтики» (руководитель – чл.-корр. РАН, проф. Е. Н. Носов), по Программе фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН («История, языки и литература славянских народов в мировом социокультурном контексте»).

В рамках общей темы «Микро- и макроязыки древних трудов и изучение древних производств» исследования проводила Экспериментально-трасологическая лаборатория ИИМК РАН. В 2003 г. была закончена работа по крупной научно-исследовательской теме Лаборатории «Технология, трасология оружий труда и функциональные особенности первобытных производств (эпохи палеолита – бронзы)».

Большим событием в научной деятельности Лаборатории стали организация и проведение секции «Трасология» в рамках симпозиума Европейской Археологической Ассоциации (ЕАА), проходившей в начале сентября в Санкт-Петербурге, на базе государственного университета. Доклады сотрудников Лаборатории основывались на новых методических разработках и применении комплексного подхода к изучению разновременных и разнокультурных материалов. Многие результаты исследований сотрудников Лаборатории вошли в виде статей в сборник «Петербургская трасологическая школа и изучение древних культур Евразии», изданный в честь юбилея проф. Г. Ф. Коробковой

В 2003 г. шла работа по проекту «Экология, жизнеобеспечение и хозяйственные комплексы населения Евразии в эпохи палеолита – бронзы. Функционально-технологический подход» в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии».

VI. Сотрудники Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН успешно выполняют работы по двум главным направлениям: радиоуглеродный и спектральный анализы археологических источников. Лаборатория производила анализы для археологов и реставраторов из многих регионов России.

В 2003 г. радиоуглеродная группа под руководством Г. И. Зайцевой успешно продолжала работы по теме «Хронология памятника скифского времени Аржан-2 в Туве». Основное внимание было уделено установлению времени сооружения кургана Аржан-2. По датированию древесных колец из перекрытия и срубов внутренней части погребальной камеры царского захоронения, их дальнейшей корреляции с калибровочной кривой с применением методов математической статистики сооружение могилы № 5 может быть отнесено к 650–620 гг. до н. э. Радиоуглеродные

даты, полученные по остаткам одежды и зерен, найденных в этом погребении, в целом соответствуют этим выводам и не расходятся с данными археологии. Радиоуглеродные даты из материалов других погребений скифского времени памятника Аржан-2, которых в настоящее время насчитывается более 16, также свидетельствуют о принадлежности его к раннескифскому периоду.

Эмиссионно-спектральный анализ археологических материалов, главным образом стекла и сплавов на основе меди, является одним из приоритетных направлений деятельности Лаборатории. В 2003 г. было выполнено несколько сот определений от отечественных и зарубежных организаций, в частности ИА РАН, ГИМ, МГУ, Музея истории города Москвы.

В ноябре 2003 г. ИИМК РАН совместно с Государственным Эрмитажем организовал и провел международную конференцию «Влияние окружающей среды на миграцию культур Евразии», при поддержке гранта NATO, ARW 979859. В конференции участвовало более 60 человек, в том числе ученые из Англии, Бельгии, Нидерландов, Германии, Швейцарии, Финляндии, Польши, Украины, Казахстана, Латвии и Литвы. Основное внимание было уделено хронологии и взаимодействию скифских культур Евразии, а также проблемам изменения окружающей среды в переходный период от позднебронзового к раннежелезному веку.

VII. Группа археологического мониторинга ИИМК РАН в 2003 г. проводила работы по двум основным направлениям. Первое – создание Автоматической информационной системы (АИС) «Археораф», которая базируется на обработке и использовании электронных цифровых карт по различным регионам Российской Федерации. Обработаны уже электронные карты Ленинградской области, Карачаево-Черкесской республики, Шарыповского района Красноярского края. В настоящее время ведется интенсивная работа по отладке информационных блоков и внедрению третьего информационного блока, касающегося ввода в базу данных графической информации.

Второе направление – это организация и проведение археологических спасательных работ на объектах строительства в Северо-Западном регионе. В Ленинградской, Новгородской и Мурманской областях было проведено около 15 разведочных и спасательных раскопочных экспедиций. Наряду с этим сотрудники группы занимались организацией и проведением полевых работ по мониторингу памятников истории и культуры по программам Министерства культуры и субъектов Федерации в Ленинградской области, на Северном Кавказе, в Хакасии и Туве.

VIII. Сотрудники Научного архива ИИМК РАН, помимо большого объема чисто архивной деятельности по организации хранения, каталогизации и сохранению уникальных фондов рукописного и фото архивов, занимаются и научно-исследовательской работой, связанной с изучением и публикацией архивных материалов. В 2003 г. велась работа по проекту «Великий шелковый путь в фотографиях русских

путешественников» в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии».

Весной 2003 г. материалы Фотоархива ИИМК РАН стали главными экспонатами на московской выставке «Санкт-Петербург и его окрестности в фотографиях XIX века», организованной Правительством Москвы, Музеем «Московский дом фотографии».

Фотографии Фотоархива ИИМК РАН заняли значительное место на выставке, посвященной 1250-летнему юбилею Старой Ладogi, развернутой летом 2003 г. в Государственном Эрмитаже.

Материалы Научного архива ИИМК РАН легли в основу монографии Г. В. Длужневской «Утраченные храмы Петербурга». Книга рассказывает о 3 монастырях, 7 соборах и 76 церквях, разрушенных или переставших функционировать после 1917 г. В издании представлены фотографии 1860–1930 гг.

Сотрудники ИИМК РАН в 2003 г. вели активную педагогическую и популяризаторскую деятельность. Помимо многочисленных лекций, выступлений в прессе, на радио и телевидении, группа сотрудников Института уже много лет преподает на истори-

ческом и философском факультетах Санкт-Петербургского госуниверситета, в Санкт-Петербургском университете культуры и искусства, в Институте живописи, скульптуры и архитектуры им. Репина (Академии художеств), в Академической гимназии и других учебных заведениях города.

Ученые советы ИИМК РАН.

Ученый совет ИИМК РАН (19 членов совета) в 2003 г. провел 8 заседаний, на которых наряду с организационными вопросами, были заслушаны 6 научных докладов ведущих сотрудников Института, среди которых доклад В. Я. Шумкина «Наскальное творчество Северной Европы (охотничья традиция)», В. С. Бочкарева «Процессы культурогенеза в начальную пору эпохи поздней бронзы на юге Восточной Европы», Г. Н. Поплевко «Комплексный анализ каменных индустрий (по материалам неолитического поселения Константиновское)», А. А. Песковой «Древнерусские энколпионы в русле византийской традиции». Диссертационный совет ИИМК РАН провел защиты 1 докторской и 2 кандидатских диссертаций. В аспирантуре ИИМК РАН проходили подготовку 8 соискателей ученых степеней, 22 стажера и 1 аспирант.

*Ученый секретарь ИИМК РАН,
к. и. н. С. А. Кулаков*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВ – Археологические вестн. СПб.
 АДУ – Археологічні дослідження в Україні. Київ.
 АИУ – Археологические исследования на Украине. Киев.
 АКА УрГУ – Архив кабинета археологии Уральского государственного университета им. А. М. Горького. Екатеринбург.
 АО – Археологические открытия. М.
 АП УРСР – Археологічні пам'ятки УРСР. Київ.
 АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.
 ВАА – Вопросы археологии Адыг. Майкоп.
 ВВ – Византийский вестник. М.
 ВДИ – Вестник древней истории. М.
 ВИ – Вопросы истории. М.
 ВССА – Вопросы скифо-сарматской археологии.
 ЗНТШ – Записки Наукового Товариства ім. Т. Шевченка
 ЗОРСА – Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. СПб.
 ИАК – Известия Археологической комиссии. СПб.
 ИА НАНУ – Институт археологии Национальной Академии наук Украины. Киев.
 ИАНТССР – Известия Академии наук Туркменской ССР. Ашхабад.
 ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры
 ИМКУз – История материальной культуры Узбекистана. Ташкент.
 КСИА АН УССР – Краткие сообщения Института археологии АН УССР. Киев.
 КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
 КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. М.; Л.
 МАСП – Материалы по археологии Северного Причерноморья
 МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
 РАИМК – Российская академия истории материальной культуры
 РГАВМФ – Российский государственный архив Военно-Морского флота
 СА – Советская археология. М.
 САИ – Археология СССР. Свод археологических источников. М.; Л.
 СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа. Л.
 СМАА – Сборник материалов по археологии Адыг. Майкоп.
 Труды Комиссии ПИЧП – Труды Комиссии по изучению четвертичного периода. М.; Л.
 ГИМ – Государственный исторический музей. М.
 ГИН – Геологический институт АН СССР. М.
 ТХАЭЭ – Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М.
 ЮТАКЭ – Южнотуркменская археологическая комплексная экспедиция. Ашхабад.
 ИИ НАНБ – Институт истории Национальной Академии наук Беларуси. Минск.
 AA – Archäologischer Anzeiger.
 ANS – The American Numismatic Society
 AW – Antike Welt.
 BAR – British Archaeological Reports.
 CIRB – Corpus Inscriptionum Regni Bosphorani
 JRS – Journal of Roman Studies
 IGSK – Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien
 ILLRP – Degraffi, A. 1957. Inscriptiones Latinae Liberae Rei Publicae. Firenze
 LIMC – Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae
 RW – Rocznik Wołycki (Równe)
 SA – Studia Archeologica (Львів)
 SEG – Supplementum Epigraphicum Graecum